

10.
4.

36

802-11
283

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

ИЗДАНИЕ П. Р. ФУРМАНА

II.

Сынъ Отечества выходитъ каждый мѣсяцъ 1-го числа

Подписка принимается:

- 1) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.
- 2) У Издателя Петра Романовича Фурманна, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, за Анчаорымъ мостомъ, въ домѣ Логинова.
- 3) У книгопродавца Вензеля Петровича Полюкова,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ Гостинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ подъ № 17-мъ, гдѣ помѣщается и Контора.
 За годовое изданіе *Сына Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ съ картинками моды и другими приложениями ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургѣ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

В. П. ПОЛЯКОВА

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА,

ПОСВЯЩЕННАЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ГОРОДСКОЕ

ИЛИ

СРЕДНЕЕ СОСТОЯНІЕ

РУССКАГО НАРОДА,

ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ

ОТЪ НАЧАЛА РУСИ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОСТАВЛЕНО

А. О. ПЛОШНСКИМЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ ПОЛКУ.

С.-Петербургъ. 1852 г. Цѣна 2 р. и съ пересылкою.

802-11
283

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.
1852.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1 Марта 1852 года.

Ценсоръ Н. Елагинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Высочайшіе Рескрипты (стр. 1). Высочайшіе указы (2). Правительственныя распоряженія: по Вѣдомству Св. Синода (4); по Придворному вѣдомству (4); по Военному Министерству (5); по II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцелярїи (7); по Министерствамъ: Финан- совъ (7), Юстиціи (8), Народнаго Просвѣщенія (10), Государ- ственныхъ Имуществъ (11), Внутреннихъ Дѣлъ (12); по Вѣ- домству Почтоваго Департамента (17); по Вѣдомству Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій (17). Опредѣленія и на- значенія (19). Увольненія отъ службы (19). Пожалованія орденами (20).	1—20
Извѣстія съ Кавказа.	21—29
Новости ученаго міра. (30). Краткія руководства по сель- скому хозяйству (35).	30—40
Разныя извѣстія. Монументъ Императору Александру I-му въ Евпаторїи (40). Пожертвованіе (41). Отпускъ товаровъ съ пристаней Вологодской губерніи къ Архангельскому порту въ 1851 году (41). О состояніи торговли Тавриза въ 1850 году (43). Пароходство по Курѣ (45). Примѣчательный гро- мовой ударъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ (48). Другой современный ударъ грома, сопровождавшійся смертельнымъ пораже-	

ніемъ (49). Значительныя пожары (49). Землетрясеніе (51). Тыква необыкновенной величины (51). Вѣсти съ Кавказа Божій-Промыслъ. 40—53

Некрологъ. 53—70

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Франція (71). Англія (92). Германія (99). Данія (100). Бельгія (101). Швейцарія (102). Испанія (103). Италія (105). Греція (106). Валахія (107). Африка (107). Америка (112). Азія (112). 71—114

Новости ученаго міра. Присутствіе іода въ воздухѣ, водѣ, дождѣ и снѣгѣ (114). Необъяснимое дрожаніе звѣздъ (115). Путешествіе въ Сибирь (116). Ученая экспедиція въ Африку (117). Подводная дорога (117). Новые академики (117). Голландскій словарь (117). Премія за поэмѣ (117). 114—117

Железныя дороги и пароходство. —118

Разныя извѣстія. Людовикъ-Наполеонъ какъ писатель (118). Тьеръ и испанскій критикъ (119). Лейтенантъ Пимъ (120). С. Дж. Франклинъ (121). Памятникъ Метастазію (121). Статуя актрисы Рашели (121). Докторъ Овенъ (122). Авторъ «Лѣснаго Бродяги» (122). Землетрясеніе въ Бордо (122). Весна зимою (122). Народонаселеніе Парижа (123). Церкви въ Великобританіи (123). Золото въ Австріи (123). Важная телеграфическая депеша (124) 118—124

Некрологъ. —124

РУССНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕНЩИКЪ. Историческая драма, въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. В. КУКОЛЬНИКА. 1—104

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Миссъ Мери. Романъ. Соч. ЕВГЕНІЯ СЮ. 1—90

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПЕРСІЯ. Ширацъ и Персидскій-заливъ. (Изъ путевыхъ записокъ) 1—33

МОРСКІЯ СИЛЫ ШВЕЦІИ ВЪ 1850 ГОДУ. (Изъ путевыхъ записокъ по Швеціи и Норвегін). А. Гренъ. 34—43

КАКЪ ДОБЫВАТЬ ТОРФЪ, И КАКЪ УСТРОИТЬ ПЕЧЬ для топки сырымъ торфомъ. По способу почетнаго гражданина *Зубникова* 44—50

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

13. Описаніе новаго Императорскаго дворца въ Кремлѣ Московскомъ, сост. А. Вельтманомъ. Москва.	20. Физика для популярнаго чтенія, написанная В. Астраковимъ. С.-Пб. 1851 г.
14. Краткія поученія магистра богословскихъ наукъ, іеромонаха Стефана Матвѣева. Москва.	21. Хронологическій сводъ, составленный А. Бильченковымъ. Одесса.
15. Первая седмица Св. Великаго-Поста. <i>Евламнія, епископа вологодскаго и устюгскаго.</i> Москва.	22. Описаніе привилегированной сушильни, изобрѣтенной Шванебахомъ. С.-Пб. 1851 г.
16. Общая судебно-медицинская и полицейская химія, изданная Александромъ Нелюбинымъ.	23. Картофель, въ земледѣльческомъ, хозяйственномъ и мануфактурномъ отношеніи. Москва.
17. Физическая географія. Сост. Э. Ленцъ. С.-Пб. 1851 г.	24. Законы о сохраненіи и продолженіи человѣческой жизни, предложенные знаменитымъ англійскимъ врачомъ Самуиломъ Ламертомъ. Москва.
18. Указатель замѣчательныхъ открытій по физическимъ и естественнымъ наукамъ. Сост. М. Хотинскимъ. С.-Пб. 1851 г.	25. Жезлъ правоты. Соч. Аванасія Анаевского. С.-Пб.
19. Общепользная физика, составленная Н. Писаревскимъ. С.-Пб. 1852 г.	

СМѢСЬ.

Поездка въ Псковъ и Никандрову-пустынь. Въ 1849 году. Александръ Солнцева. 1—16

IV

Невольничій корабль. Изъ путевыхъ записокъ Русскаго
Моряка. *Канибаксъ*—....ъ. 17—27

Привѣтствія у разныхъ народовъ и въ разные вре-
мена. 27—35

Мысль и улыбка. 36—50

Моды. 51—52

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІА.

ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ:

1) данный на имя *Генералъ-Лейтенанта Черткова.*

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Чертковъ! Въ похвальномъ стремленіи къ пользѣ благороднаго юношества, предназначеннаго на доблестное поприще военной дѣятельности, вы ознаменовали себя новымъ значительнымъ пожертвованіемъ, къ упроченію благосостоянія Михайловскаго-Воронежскаго Кадетскаго Корпуса.

Цѣня одушевляющія васъ высокія чувства благотворительности и пріемля съ особенною признательностію вѣщшее доказательство пламеннаго усердія вашего къ благу общественному, Мнѣ весьма пріятно повторить вамъ выраженіе постояннаго Моего къ вамъ благоволенія, въ изъявленіе коего Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемую при семь, украшенную брилліантами табакерку съ Моимъ портретомъ. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

Въ С.-Петербургѣ, января 23-го дня, 1852 года.

К. П.

2) данный на имя Члена Государственного Совѣта, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя Павла Павловича Гагарина.

Князь Павелъ Павловичъ! Долговременная служебная опытность ваша побудила Меня назначить васъ Предсѣдателемъ особаго Комитета, учрежденнаго Мною для изысканія средствъ къ сокращенію переписки по гражданскому вѣдомству. Разсмотрѣвъ нынѣ предложенія сего Комитета, Государственнымъ Совѣтомъ одобренныя, Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что важное порученіе, на васъ возложенное, вы исполнили въ срокъ, Мною назначенный, съ тѣмъ примѣрнымъ усердіемъ, коимъ отличалось всегда служеніе ваше, и что мѣры, Комитетомъ изысканныя, послужатъ къ прямому и несомнѣнному достиженію указанной Мною цѣли. За это новое доказательство ревностныхъ и постоянныхъ трудовъ вашихъ къ пользамъ службы, изъявляю вамъ Мою искреннюю признательность, поручая вамъ объявить Мое особенное благоволеніе и всѣмъ Членамъ Комитета, занимавшимся подъ вашимъ предсѣдательствомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

С.-Петербургъ, января 25-го дня 1852 г.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н И К О Л А Й».

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ.

Правительствующему Сенату:

1) Ноября 23-го 1851 г. «Въ постоянномъ попеченіи о благосостояніи подданныхъ нашихъ, въ томъ числѣ и еврейска-

го исповѣданія, желая обратить ихъ къ правильнымъ занятіямъ по части торговли, ремеслъ и мануфактурной и земледѣльческой промышленности, Мы признали за благо издать въ послѣднее время многія узаконенія для достиженія изъясненной цѣли. Съ тою же цѣлью, по повелѣнію Нашему, мѣстныя начальства губерній, въ которыхъ постоянное жительство Евреямъ дозволено, повѣстили въ 1846 году, особымъ объявленіемъ, всѣхъ Евреевъ, чтобы они не откладывали далѣе вступленія своего въ указанные имъ сословія, предваривъ ихъ, что въ случаѣ безуспѣшности сей мѣры, Правительство само уже произведетъ имъ разборъ, при чемъ, отдѣливъ Евреевъ, неимѣющихъ производительнаго труда, подвергнетъ ихъ, какъ тягостныхъ для общества, разнымъ ограниченіямъ. Принимая во вниманіе, что съ того времени протекло болѣе пяти лѣтъ, и всякій кто желалъ, могъ безъ малѣйшаго стѣсненія избрать себѣ одно изъ упомянутыхъ сословій, Мы признали нужнымъ предположенную въ 1846 году, относительно окончательнаго разбора еврейскаго населенія, мѣру привести въ дѣйствіе къ 1-му іюля будущаго 1852 г. Вслѣдствіе сего, утвердивъ разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ и при семъ препровождаемыя временныя на означенный предметъ правила * повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать къ исполненію оныхъ надлежащія распоряженія.»

2) Февраля 17-го 1852 г. «Въ 17-й день сего мѣсяца Любезная Дочь Наша, Великая Княгиня Марія Николаевна, благополучно разрѣшилась отъ бремени Сыномъ, который по обрядамъ Православной Церкви Нашей нареченъ Георгіемъ.

Воздавъ благодареніе Всевышнему Промыслу за сіе счастливое Императорскаго Дома Нашего приращеніе, Мы признали за благо, въ новое изъясненіе родительской нѣжности къ Любезнѣйшей Дочери Нашей, Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ и къ Супругу Ея, пожаловать сему Внуку Нашему титулъ Императорскаго Высочества.

Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія, дабы сей новорожденный Внукъ Нашъ былъ во всѣхъ, гдѣ приличествуетъ, случаяхъ именуемъ Его Императорскимъ Высочествомъ».

* Правила эти напечатаны въ № 1-мъ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей 1852 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

По вѣдомству Св. Синода.

Существующая въ Керенскѣ, Пензенской Епархіи, Тихвинская Богородицкая женская община переименована въ женскій Тихвинскій монастырь.

По Придворному вѣдомству.

Государь Императоръ, въ 16-й день декабря 1851 года, изволилъ Высочайше повелѣть, для сокращенія расходовъ по Императорской Академіи Художествъ:

А. Упразднить слѣдующія штатныя должности.

1) Ректора скульптуры.

2) Инспектора классовъ.

Обязанность его поручить Полиціймейстеру Академіи, въ помощь которому, сверхъ состоящаго уже при немъ Помощника по полицейской части, оставить Помощника Инспектора.

3) Профессора 2-й степени по части ваенія фигуръ и орнаментовъ.

4) Смотрителя за рисовальными классами.

5) Одного изъ трехъ Надзирателей въ классахъ

и 6) Архиваріуса.

Б) Впредь въ званіе Заслуженныхъ Ректоровъ и Заслуженныхъ Профессоровъ возводить не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія и безъ увеличенія содержанія.

В. Отмѣнить на будущее время.

1) Назначеніе упоминаемыхъ въ штатѣ 4-го марта 1840 года столовыхъ денегъ Ректорамъ и Конференцъ-Секретарю.

2) Назначеніе прибавки жалованья профессорамъ, за чтеніе болѣе двухъ курсовъ въ годъ.

и 3) Первое примѣчаніе къ штату 4-го марта 1840 года, изложивъ оное слѣдующимъ образомъ:

Если изъ суммъ, положенныхъ по сему штату, будутъ отъ нѣкоторыхъ статей остатки, то замѣнять ими недостатки по другимъ статьямъ.

По Военному Министерству.

Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго по Военному Министерству вопроса: должно-ли всѣхъ вообще офицеровъ, за нерадѣніе къ службѣ и уклоненіе отъ оной, предавать военному суду, или представлять ихъ только къ увольненію отъ службы, безъ преданія суду, — согласно заключенію Генераль-Аудиторіата, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Штабъ и оберъ-офицеровъ, которые не аттестуются за нерадѣніе о своихъ должностяхъ, или за уклоненіе отъ службы, если это происходитъ не отъ неспособности, или не отъ дѣйствительно-разстроеннаго здоровья, — какъ обнаруживающихъ худую нравственность и нарушающихъ тѣмъ святость долга присяги и чести, по точному смыслу Свода Военныхъ Постановленій, 2-й части 1-й книги статьи 1351-й пункта 3-го, не представлять къ увольненію отъ службы, а предавать военному суду, предоставивъ однакожъ начальству предварительно назначать имъ срокъ для исправленія, подобно тому, какъ таковой срокъ назначается офицерамъ, по дурному поведенію неаттестующимся, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе этого срока не представлять ихъ ни въ отпуски, ни въ отставку, и не дѣлать имъ особыхъ порученій; и буде по истеченіи сего срока, они не исправятся, въ такомъ случаѣ представлять уже о преданіи ихъ суду, для поступленія по законамъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, Его Императорское Величество, согласно всеподданнѣйшему докладу Генераль-Аудиторіата, признавая, что постановляемые въ военныхъ судахъ приговоры объ офицерахъ, изобличенныхъ въ худой нравственности и предосудительныхъ поступкахъ, по коимъ они, на основаніи 464-й статьи части V книги 1-й Св. Воен. Постановл., назначаются къ исключенію изъ службы, съ запре-

щеніемъ пребыванія въ столицахъ, увеличиваютъ только классъ развратныхъ и праздношатающихся людей, которые, болѣе и болѣе влагаясь въ пороки, бываютъ въ тягость Правительству, между-тѣмъ, какъ лишивъ ихъ возможности слѣдовать дурнымъ своимъ страстямъ, можно еще возвратитъ на путь доброй нравственности и сдѣлать ихъ полезными себѣ и обществу, — Высочайше повелѣтъ соизволилъ: всѣхъ таковыхъ офицеровъ приговаривать впредь къ разжалованію въ рядовые до отличной выслуги, поступая такимъ-же образомъ и съ тѣми штабъ и оберъ-офицерами, которые по суду изобличены будутъ въ нерадѣніи о своей должности и уклоненіи отъ службы.

Сообразно сему, сдѣлать измѣненія и дополненія въ нижеслѣдующихъ статьяхъ Свода Военныхъ Постановленій:

3-й пунктъ 1351 статьи 1-й кн. 2-й части Св. Воен. Постан. дополнить, а 3-й пунктъ 1352 статьи той-же книги и части измѣнить, изложивъ оныя въ слѣдующемъ видѣ:

Статья 1351. Не могутъ быть увольняемы отъ службы:

Пунктъ 3-й. «Штабъ и оберъ-офицеры, неаттестующіеся по формулярнымъ спискамъ вообще за нетрезвое, дурное, развратное поведеніе и худую нравственность, или за нерадѣніе о своихъ должностяхъ и предосудительное уклоненіе отъ службы, хотя-бы и были ранены. — Всѣ таковыя лица, если за всѣми принятыми мѣрами они не исправились, по точномъ въ томъ удостовѣреніи ближайшаго ихъ начальства, предаются военному суду, по распоряженію Главнокомандующаго Арміею, Командировъ Отдѣльныхъ Корпусовъ и равныхъ имъ начальниковъ. За тѣмъ неправильная аттестация остается на отвѣтственности самихъ Командировъ полковъ и прочихъ имъ равныхъ лицъ, подписка-же свидѣтельствъ о дурномъ поведеніи отъ общества штабъ и оберъ-офицеровъ воспрещается».

Статья 1352. Независимо отъ собственнаго желанія, предоставляется начальству представлять къ увольненію отъ службы:

Пунктъ 3-й «Штабъ и оберъ-офицеровъ неспособныхъ къ отправленію своихъ должностей, или часто рапортующихъ больными, если это происходитъ не отъ уклоненія отъ службы, а отъ дѣйствительно-разстроеннаго здоровья.»

464 статью 1-й книги V части Свода Военныхъ Постановленій замѣнить другою статьею и дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: «Офицеры и унтеръ-офицеры изъ дворянъ, или пользующіеся особыми правами состоянія, преданные суду за пьянство, предосудительные поступки, развратное поведеніе и вообще за худую нравственность, по приговору военного суда напisyваются въ рядовые, впредь до отличной выслуги.

Примѣчаніе. «Къ предосудительнымъ поступкамъ и худой нравственности относятся также нерадѣніе о своихъ должностяхъ и уклоненіе отъ службы.»

По II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ 1399 статьѣ Устав. о Служ. по опред. отъ Правит. (Св. Зак. Т. III), въ которой исчисляется, что должно быть показываемо въ выдаваемыхъ при увольненіи отъ службы чиновникамъ аттестатахъ, пунктъ 2-й замѣненъ слѣдующимъ: 2) Выговоры и всякаго рода замѣчанія и денежные взысканія, опредѣленные уголовными судилищами, тѣмъ самымъ лицамъ, кои суду преданы были, а равно бытность чиновника подъ судомъ и тогда, когда онъ по суду оправданъ и признанъ невиннымъ, съ объясненіемъ сего въ самомъ аттестатѣ.

По Министерству Финансовъ.

Данное Высочайше-утвержденнымъ положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, 22-го января 1846 года, дозволеніе торгующему при С.-Петербургскомъ портѣ купечеству, на шесть лѣтъ, продавать и покупать деревянное масло, привозимое къ С.-Петербургскому порту, съ бракомъ и безъ брака, по обоюдному согласію продавца и покупателя, продолжено, на прежнемъ основаніи, вновь на шесть лѣтъ, т. е. съ 1852 по 1858-й годъ.

По Министерству Юстиціи.

Въ дополненіе статьи 82-й Положенія о исправ. арест. рот. гражд. вѣд. (прил. къ ст. 871 Уст. о содер. подъ страж. Св. Зак. Т. XIV по прод. VI) постановлено: Преступники, отбывшіе въ арестантскихъ ротахъ гражданского вѣдомства присужденное имъ время, въ случаѣ непринятія ихъ обществами или помѣщиками на прежнія мѣста жительства, должны быть отправляемы для водворенія въ отдаленныя губерніи, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, на томъ же основаніи, какъ сіе постановлено о людяхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь на житье, въ слѣдствіе приговоровъ обществъ или по желанію помѣщиковъ, которымъ они принадлежали. Расходы на отправленіе сихъ людей, вмѣстѣ съ семействами ихъ, въ упомянутыя губерніи, должны быть, на общемъ основаніи, производимы изъ казны, съ возвратомъ въ оную употребленныхъ на то издержекъ изъ земскихъ сборовъ. Порядокъ, принятый въ отношеніи содержанія людей, пересылаемыхъ въ Сибирь на житье, до отправленія ихъ въ мѣсто назначенія и препровожденія ихъ туда, распространяется и на освобождаемыхъ изъ ротъ арестантовъ, которыхъ общества или помѣщики ихъ не пожелаютъ принять на прежнія мѣста жительства.

— Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Устава о ссыльныхъ (Св. Зак. Т. XIV) постановлено: 1) за преступленія, подвергающія виновнаго, по Уложенію о наказаніяхъ, потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, съ отдачею на время въ исправительныя арестанскія роты гражданского вѣдомства, — поселенцы наказываются 30 ударами плетью чрезъ палача, съ обращеніемъ въ каторжную работу на заводахъ, на время отъ двухъ по пяти лѣтъ. 2) За преступленія, подвергающія виновнаго, по тому-же Уложенію, потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, съ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, — поселенцы наказываются 30 ударами плетью чрезъ палача, и переселяются въ отдаленныя, болѣе или менѣе, мѣста Сибири, по усмотрѣнію.

— Постановлены слѣдующія правила относительно рыбо-

ловства на восточномъ берегу Каспійскаго-моря: 1) Предоставить поселенцамъ Мангышлакского-полуострова исключительное право производить ловъ рыбы и бой тюленей въ Тюкь-Караганскомъ-заливѣ и въ ближайшихъ къ оному морскихъ водахъ, на пространствѣ, которое Астраханская Экспедиція рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ предполагала отдать для рыболовства компаніи, т. е. отъ Тюкь-Караганскаго мыса къ сѣверу на 10 и къ западу на 15 верстѣ, всего на 150 квадрат. верстахъ, безъ всякаго платежа въ казну акциза и таможенныхъ пошлинъ за провозимые ими къ каспійскимъ портамъ рыбу ихъ улова и добытые ими рыбные товары. 2) Срокъ сего права назначить тотъ-же самый, на который, по Высочайше утвержденному, 7-го мая 1847 г., предположенію Оренбургскаго Военнаго Губернатора, дарована упомянутымъ поселенцамъ льгота въ платежѣ податей и повинностей, именно 10-лѣтній. 3) Остальное затѣмъ пространство восточнаго берега Каспійскаго-моря, южнѣе Тюкь-Караганскаго-залива, до р. Атрека, оставить свободнымъ, какъ для сихъ поселенцевъ, такъ и для прочихъ русскихъ промышленниковъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе производили тамъ рыболовство по билетамъ означенной Экспедиціи, и чтобы, какъ они, такъ и первые, въ мѣстахъ, занимаемыхъ промыслами самихъ Туркменъ, производили ловъ рыбы не иначе, какъ съ согласія и дозволенія мѣстныхъ владѣльцевъ, не заводя ссоръ съ береговыми жителями. 4) Въ поощреніе рыболовства южнѣе Тюкь-Караганскаго-залива, за право производства тамъ онаго не взымать никакихъ сборовъ; таможенную-же пошлину съ привозимыхъ вольнопромышленниками съ того берега рыбныхъ товаровъ убавить вполовину противъ установленной съ привозимой къ нашимъ каспійскимъ портамъ прочей иностранной рыбы. 5) Для устраненія злоупотребленій и подлоговъ къ избѣжанію платежа сей пошлины, обязать мангышлакскихъ поселенцевъ, кои объявятъ желаніе производить ловъ рыбы у туркменскихъ береговъ, брать свидѣтельства отъ Коменданта Ново-Петровскаго-укрѣпленія, что они дѣйствительно изъ поселенцевъ полуострова Мангышлака, и что товаръ добытъ ими самими, а отъ тамошняго Солянаго Пристава, что товаръ сей посолень солью изъ озеръ, на Мангышлакѣ находящихся; а затѣмъ прочимъ рыбопромышленникамъ, при отправленіи на промыслъ къ югу отъ Тюкь-Караганскаго-залива, вмѣнить въ обязанность предъявлять получен-

ные ими изъ Астраханской Экспедиціи билеты Коменданту Ново-Петровскаго-укрѣпленія, а на обратномъ пути брать отъ него свидѣтельство въ томъ, что возвращаются отъ туркменскихъ береговъ, лежащихъ южнѣе Мангышлак-скаго-полуострова. 6) Астраханской Таможнѣ пропускать рыбные товары, принадлежащіе сказаннымъ поселенцамъ, беспошлинно, а доставляемые другими промышленниками—со взысканіемъ половины опредѣленной пошлины, тогда только, когда они будутъ имѣть вышеустановленные свидѣтельства. 7) Астраханскую Экспедицію рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, согласно Высочайше-утвержденному, 1-го ноября 1846 г., мнѣнію Государственнаго Совѣта, которымъ предоставлено оной имѣть въ своемъ завѣдываніи промыслы при берегахъ туркменскихъ и персидскихъ собственно въ отношеніи выдачи промышленникамъ билетовъ и повѣрки оныхъ, оставить при сихъ только обязанностяхъ и въ отношеніи рыбныхъ промысловъ при восточномъ берегу Каспійскаго-моря; свидѣтельство-же судовъ, какъ при отплытіи ихъ изъ Астрахани къ тому берегу, такъ и при возвращеніи оттуда, дабы не было на нихъ предметовъ, запрещенныхъ къ вывозу за-границу или къ привозу изъ-за оной, производить таможенному вѣдомству по правиламъ, въ Таможенномъ Уставѣ указаннымъ. 8) Острова Кулалы, Святой и Подгорной оставить въ числѣ участковъ вольнаго эмбенскаго промысла, дозволивъ мангышлакскимъ поселенцамъ пользоваться съ острова Кулалы нужнымъ имъ для топлива камышемъ, но съ тѣмъ, чтобы они не дѣлали помѣшательства въ боѣ тамъ тюленей эмбенскимъ промышленникамъ; самимъ-же производить боѣ, если того пожелаютъ, не иначе, какъ по билетамъ Астраханской Экспедиціи, которые, по сообщеніямъ Коменданта Ново-Петровскаго-укрѣпленія, должны высылаемы быть Экспедиціею для желающихъ заниматься симъ промысломъ бесплатно.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Въ Сумскомъ приходскомъ училищѣ повелѣно имѣть особаго Почетнаго Блюстителя, преимущественно изъ купческаго сословія, съ обязанностями и правами, присвоенными это-

му званію Высочайше-утвержденнымъ, 1-го ноября 1839 г. положеніемъ о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, и съ предоставленіемъ начальнику Харьковской губерніи утвержденія въ семъ званіи лицъ, избранныхъ училищнымъ начальствомъ съ согласія городского общества.

— Высочайше повелѣно завѣщанные Титулярнымъ Совѣтникомъ Василевскимъ *тысячу руб. сер.*, на воспитаніе въ Пансіонѣ 1-й Харьковской Гимназіи одного пансіонера изъ бѣдныхъ дѣтей личныхъ дворянъ или канцелярскихъ чиновниковъ города Харькова, принять, и пансіонера, во-время бытности его въ означенномъ пансіонѣ, именовать пансіонеромъ Василевскаго. Дальнѣйшее же распоряженіе къ приведенію сего, согласно волѣ завѣщателя, въ исполненіе, предоставить Министерству Народнаго Просвѣщенія.

— По случаю предположеннаго съ 1852 года сокращенія штатовъ и расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, положенныя по штату Императорской Академіи Наукъ: должность Лекаря упразднена съ 1-го января 1852 года, съ возложеніемъ его обязанностей на врачей Департамента Народнаго Просвѣщенія, а должности Бухгалтера и Контролера соединены въ одномъ лицѣ.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Высочайше утверждены предположеніе г. Министра Государственныхъ Имуществъ, о переселеніи крестьянъ-старожилловъ изъ Восточной Сибири въ Камчатку, и проектъ правилъ по сему предмету.*

— Государь Императоръ, въ 21-й день января сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: выдачу установленныхъ статьею 119 Постановленій о сельск. хоз. (Св. Зак. Т. XII, по IV Прод.) для помѣщиковъ и для Членовъ-Корреспондентовъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ медалей распространить, на тѣхъ-же основаніяхъ, за отличія по сельскому хозяйству, на лицъ всѣхъ вообще неподатныхъ сословій.

* Проектъ этотъ напечатанъ въ № 13 С.-Пб. Сен. Вѣд.

По Министерству Внутренних Дѣлъ.

Въ Канцеляріи Начальниковъ Оренбургской и Самарской губерній прибавлено по третьему Старшему Помощнику Правителя Канцеляріи, съ производствомъ каждому изъ нихъ жалованья по 200 руб. и квартирныхъ по 143 руб. въ годъ, изъ Государственнаго Казначейства.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: существующую въ г. Ромнахъ Ильинскую ярмарку перевести въ г. Полтаву съ 20 чис. іюля сего 1852 г.

— Прекращенъ отпускъ изъ Государственнаго Казначейства 57 т. рублей серебромъ въ пособіе на содержаніе С.-Петербургской Городской Полиціи, и сокращены вполнину производимые изъ казны-же здѣшней, Кронштадтской и Московской Городскимъ Думамъ, въ замѣнъ таможенныхъ доходовъ, 133,747 руб. 5 коп.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: впредь до того времени, пока учреждена будетъ постоянная лечебница для чиновниковъ, продолжить отпускъ изъ здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія по пяти тысячъ пяти сотъ семидесяти четыре руб. шестидесяти четыре коп. сер. въ годъ на содержаніе при Обуховской больницѣ пятидесяти шести кроватей, для безденежнаго пользованія присылаемыхъ отъ присутственныхъ мѣстъ собственно тѣхъ приказныхъ служителей и нижнихъ канцелярскихъ чиновниковъ, коимъ, за неимѣніемъ по штатамъ особыхъ лекарей, по точному содержанію закона, изложеннаго въ 918 ст. Т. XIII Св. Учр. о Общ. Приз., изд. 1842 г., предоставлено право пользоваться на счетъ суммъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

Упразднены слѣдующія должности по Министерству:

а) Вице-Директоровъ въ Департаментахъ: Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій и Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій.

б) Одного изъ 2-хъ Младшихъ Совѣтниковъ въ семь послѣднемъ Департаментѣ.

в) Члена Общаго Присутствія Хозяйственнаго Департамента.

г) 4-хъ Врачей при Департаментахъ: Полиціи Испол-

нительной, Хозяйственномъ, Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій и Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій.

д) 40 Младшихъ Помощниковъ Столоначальниковъ и 18-ти Журналистовъ по Отдѣленіямъ, въ Департаментахъ: Общихъ Дѣлъ, Полиціи Исполнительной, Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій, Медицинскомъ и Хозяйственномъ, съ оставленіемъ въ семь послѣднемъ Департаментѣ 5-ти Младшихъ Помощниковъ и 2-хъ Журналистовъ, коимъ содержаніе производится изъ городскихъ суммъ, и съ назначеніемъ въ Медицинскій Департаментъ Общаго Журналиста съ Помощникомъ.

е) Экзекутора и Смотрителя дома Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій, канцелярскаго при немъ чиновника и такого же при Казначей, соединивъ должности Казначей, Экзекутора и Смотрителя въ одномъ лицѣ, съ прибавкою Помощника.

— Упразднено состоявшее въ Воронежѣ Заведеніе для сбора лекарственныхъ растений, на содержаніе коего отпускалось изъ Государственнаго Казначейства, по штату 17-го іюня 1836 года, 637 р. 55 к.

— Высочайше повелѣно: 1) Устроенную въ г. Вильно новую улицу, соединившую Георгіевскую-площадь съ Кафедральною, именовать Георгіевскимъ-проспектомъ.

2) Предоставить Виленскому Военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому Генераль-Губернатору право производить и утверждать окончательно оцѣнку незначительныхъ частныхъ имуществъ, стоимость которыхъ не будетъ превышать 3 т. руб. сер., и которыя нужно приобрѣтать для устройства г. Вильно.

— Относительно платежа Приказами Общественнаго Призрѣнія процентовъ на частныя вклады, распространена на Приказы Общественнаго Призрѣнія сила 268 ст. Учрежденій и Уставовъ Кредитныхъ (Св. Зак. Т. XI), съ тѣмъ, чтобы Приказы руководствовались симъ правиломъ и въ отношеніи тѣхъ капиталовъ, которые внесены въ оныя до настоящаго времени.

— При подвѣдомственномъ Совѣту Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Домѣ Воспитанія Бѣдныхъ Дѣтей въ С.-Петербургѣ разрѣшено имѣть шесть Почетныхъ Блюстителей на предположенныхъ Совѣтомъ Человѣколюбиваго Общества основаніяхъ, но съ тѣмъ, чтобы трехлѣтнее служеніе въ томъ званіи лицъ купческаго сословія не было зачитаемо имъ въ очередную городскую службу, чтобы по-

ступленіе въ Блюстители не препятствовало городскому обществу избирать ихъ въ другія городскія должности на общемъ основаніи, и чтобы Почетные Блюстители не имѣли права на ношеніе мундира Человѣколюбиваго Общества, такъ какъ право это можетъ быть исключительно предоставлено только тѣмъ лицамъ купческаго званія, кои занимаютъ должности или по выборамъ, или такія, въ которыхъ служба замѣняетъ службу по выборамъ.

— Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о призрѣніи дѣтей въ Виленскомъ Воспитательномъ Домѣ, подъ названіемъ Исусъ-Младенецъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Первое. Чтобы въ Виленскомъ Попечительномъ Совѣтѣ всегда присутствовалъ членъ изъ мѣстнаго православнаго духовенства, по назначенію Епархіальнаго Преосвященнаго.

Второе. Чтобы Попечитель, Смотритель и Учитель Воспитательнаго Дома Исусъ-Младенецъ были непременно православнаго исповѣданія.

Третье. Чтобы въ училище сего заведенія помѣщаются были дѣти какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданія, соразмѣрно количеству призрѣваемыхъ въ ономъ дѣтей того и другаго исповѣданія.

Четвертое. На устройство въ заведеніи православной церкви отпустить пятьсотъ рублей изъ Виленскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

— По всеподданнѣйшему докладу г. Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Государь Императоръ, въ 15-й день августа 1851 года, Высочайше соизволилъ повелѣть: для возможнаго распространенія общепользныхъ свѣдѣній о мѣрахъ при появленіи эпидемическихъ болѣзней и скотскихъ падежей, напечатать въ достаточномъ числѣ экземпляровъ относящіяся до общественнаго здравія статьи Устава Медиц. Пол. Т. XII, Св. Зак., и разослать оныя начальникамъ губерній, въ видѣ особыхъ наставленій, для безмездной раздачи кому слѣдуетъ.

Въ тоже время Его Императорскому Величеству благоудно было соизволить на учрежденіе особыхъ въ губерніяхъ Комитетовъ, изъ мѣстныхъ начальниковъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, для принятія непосредственныхъ мѣръ къ охраненію народнаго здравія, предоставивъ г. Управлявшему Министерствомъ войти по сему предмету въ предварительныя сношенія съ подлежащими вѣдомствами.

Правила учрежденія и дѣйствій Комитетовъ Общественнаго Здравія.

Въ видахъ охраненія народнаго здравія, для благовременнаго устраненія всего того, что угрожаетъ здравію, и принятія единообразныхъ мѣръ къ пресѣченію болѣзней эпидемическихъ, учреждаются въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Комитеты Общественнаго здравія—Губернскіе и Уѣздные.

Комитеты Общественнаго Здравія состояются изъ мѣстныхъ начальниковъ по каждому управленію, а именно: Губернскіе—изъ Губернскаго и Уѣзднаго Предводителей Дворянства, Управляющихъ Палатою Государственныхъ Имуществъ и Удѣльною Конторою, Инспектора Врачебной Управы, старшаго Ветеринарнаго Врача, Полиціймейстера или Городничаго, Городскаго Головы и Духовнаго лица по назначенію Консисторіи; Уѣздные—изъ Уѣзднаго Предводителя Дворянства, Исправника, Городничаго, Уѣздныхъ Начальниковъ вѣдомствъ Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, Уѣзднаго или Городоваго Врача, Городскаго Головы и старшаго въ городѣ духовнаго лица. Кромѣ поименованныхъ здѣсь лицъ, могутъ быть приглашаемы къ участию въ занятіяхъ Комитетовъ и другія лица, могущія быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ, какъ-то: мѣстные владѣльцы, духовные разныхъ исповѣданій, врачи, арендаторы, управляющіе имѣніями, и прочіе.

Комитеты состоятъ подъ предсѣдательствомъ: Губернскіе—Начальника Губерніи, Уѣздные—Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, а гдѣ ихъ нѣтъ—старшаго изъ начальниковъ Земской или Городской Полиціи.

Двоякая цѣль учрежденія Комитетовъ, предотвращеніе и пресѣченіе болѣзней, достигается: а) распространеніемъ въ народѣ здравыхъ понятій о способахъ предохраненія отъ болѣзней, какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ. На сей конецъ Комитеты принимаютъ мѣры, чтобы наставленіямъ по сему предмету, какъ нынѣ уже существующимъ, такъ и имѣющимъ быть изданными впредь, по распоряженію и одобренію высшаго Начальства, даваема была всевозможная гласность посредствомъ печатанія ихъ, въ видѣ отдѣльныхъ прибавленій, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, безплатной раздачи всѣмъ желающимъ, и особенно духовен-

ству, для распространенія между прихожанами. Кромѣ-того, чтобы заключающіяся въ таковыхъ наставленіяхъ правила могли усвоиться народу и принести, въ свое время, надлежащую пользу, необходимо со стороны ближайшихъ къ народу начальниковъ, по каждому управленію, непосредственное добросовѣстное наблюденіе за этимъ общепользнымъ дѣломъ: вразумленіе народа насчетъ предметовъ общественнаго здравія должно быть поставлено имъ въ непремѣнную обязанность. б) При появленіи эпидемическихъ болѣзней, Комитетъ, получивъ свѣдѣніе о томъ чрезъ кого-либо изъ своихъ членовъ и не дожидаясь донесенія полиціи, немедленно распоряжается приведеніемъ въ точную извѣстность свойства болѣзни, и затѣмъ къ недопущенію ея до дальнѣйшаго распространенія и къ ея прекращенію. Въ распоряженіяхъ сихъ Комитетъ руководствуется: по мѣрамъ врачебно-полицейскимъ—существующими постановленіями, примѣненными къ мѣстнымъ способамъ; по мѣрамъ чисто-врачебнымъ, т. е. относящимся непосредственно къ леченію больныхъ—указаніями членовъ-врачей. Въ приведеніи мѣръ, указываемыхъ Комитетомъ, въ дѣйствіе должны принимать участіе, кромѣ Городскихъ и Земскихъ Полицій, и отдѣльныя управленія, по мѣрѣ состоящихъ въ ихъ распоряженіи способовъ.

Комитеты Общественнаго Здравія, Губернскій и Уѣздный, состоятъ во взаимныхъ между собою сношеніяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго достиженія предназначенной, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, одинаковой цѣли. Уѣздные Комитеты, о получаемыхъ ими свѣдѣніяхъ касательно появленія болѣзней въ народѣ или на скотѣ, немедленно доносятъ Губернскому Комитету и сообщаютъ сосѣднимъ Уѣзднымъ Комитетамъ. Предложенія Губернскаго Комитета о мѣрахъ, которыя признаются имъ нужными для охраненія или возстановленія общественнаго здравія, Комитеты Уѣздные принимаютъ къ безпрекословному исполненію.

Губернскіе Комитеты, дѣйствуя на основаніи существующихъ постановленій, испрашиваютъ, чрезъ Предсѣдателей своихъ, разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по Медицинскому Департаменту), въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда, по особеннымъ обстоятельствамъ, представилась-бы необходимость въ мѣрахъ, превышающихъ власть мѣстнаго начальства.

Комитеты, какъ Губернскіе, такъ и Уѣздные, собираются и имѣютъ засѣданія, по приглашенію предсѣдательствующихъ,

въ случаѣ дѣйствительной надобности въ совѣщаніяхъ для принятія общихъ и единообразныхъ мѣръ, согласно съ назначеніемъ Комитетовъ. Для избѣжанія излишней переписки, письмоводство Комитетовъ, кромѣ взаимныхъ сношеній ихъ между собою, ограничивается составленіемъ протокола о каждомъ засѣданіи; подписывая протоколъ, члены Комитетовъ принимаютъ на себя обязанность привести положенія онаго въ исполненіе, каждый по своей части.

Обязанность Письмоводителя возлагается: въ Губернскихъ Комитетахъ—на Правителя дѣлъ Комиссіи народнаго продовольствія, въ Комитетахъ Уѣздныхъ—на Секретаря Дворянской Опеки, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—на Секретаря Земскаго Суда.

По вѣдомству Почтоваго Департамента.

Господинъ Главноначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ, имѣя въ виду, что многіе уѣзжаютъ изъ С.-Петербурга по желѣзной дорогѣ до Чудова, а оттуда слѣдуютъ по шоссе до Новгорода, равнымъ образомъ изъ городовъ, на шоссе лежащихъ, ѣдутъ до Москвы съ тѣмъ, чтобы слѣдовать далѣе въ экипажахъ, испрашивалъ у Государя Императора Высочайшаго соизволенія, чтобы, для доставленія таковымъ лицамъ удобствъ къ дальнѣйшему отправленію ихъ въ почтовыхъ экипажахъ, не требовать отъ нихъ полицейскихъ на выѣздъ засвидѣтельствowanій, и Его Величество, въ 13-й день сего января, Высочайше повелѣть соизволилъ: «исполнить».

Затѣмъ желающіе ѣхать въ почтовыхъ экипажахъ на означенномъ трактѣ должны представлять только виды свои или паспорта.

— Прекращены приѣмъ и выдача всякаго рода корреспонденцій на Шелководской станціи (Ставропольской губерніи), а въ замѣнъ сего открыто Почтовое Отдѣленіе въ Хасавъ-Юртѣ (той-же губерніи), съ положеннымъ для сего рода учрежденій штатомъ.

По вѣдомству Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Высочайше повелѣно въ гг. Смоленскѣ и Могилевѣ, въ кварталахъ, покрытыхъ на представляемыхъ планахъ розо-

вою краскою подъ № 1-мъ, гдѣ всѣ дома должны быть каменные, не позволять болѣе строить деревянныхъ зданій; а по улицамъ, показаннымъ тою же краскою на планѣ г. Смоленска подъ № 2-мъ и 3 и г. Могилева подъ № 2-мъ, не позволяя также возводить домовъ деревянныхъ, допустить, по желанію обывателей, постройку при оныхъ службъ деревянныхъ.

— Въ Приказѣ г. Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, отъ 23-го ноября 1851 года, за № 223, напечатано:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ:

1) Соорудить желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга къ Варшавѣ.

2) Дорогу эту именовать: «С.-Петербурго-Варшавская Желѣзная Дорога».

3) Работы начать съ 1852 года, приступивъ къ онымъ, какъ отъ С.-Петербурга, такъ и отъ Варшавы.

Управленіе работами этого пути поручаю товарищу Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями Инженеръ-Генераль-Маіору Герстфельду.

Все управленіе работами раздѣляется на восемь отдѣленій: *Первое Отдѣленіе*, отъ С.-Петербурга до Луги, 127½ верстѣ. *Второе Отдѣленіе*, отъ Луги до Пскова, 128½ вер. *Третье Отдѣленіе*, отъ Пскова чрезъ Островъ до Рѣжицы, 154 версты. *Четвертое Отдѣленіе*, отъ Рѣжицы до Динабурга, 82 версты. *Пятое Отдѣленіе*, отъ Динабурга до Вильны, 146 верстѣ. *Шестое Отдѣленіе*, отъ Вильны до Гродно, 136 верстѣ. *Седьмое Отдѣленіе*, отъ Гродно до Бѣлостока, 71½ версты. *Осьмое Отдѣленіе*, отъ Бѣлостока до Варшавы, 163¼ версты.

Начальниками Отдѣленій всѣхъ работъ желѣзной дороги назначаются: Перваго, Инженеръ-Подполковникъ Алексѣевскій; втораго, Инженеръ-Подполковникъ Гофмейстеръ; седьмаго, Инженеръ-Подполковникъ Граве 1е-; восьмаго, Инженеръ-Подполковникъ Мейнгардтъ.

Строителями мостовъ: Въ Динабургѣ, чрезъ рѣку Западную-Двину, Инженеръ-Подполковникъ Журавскій. Въ Вильнѣ, чрезъ рѣку Вилію, Инженеръ-Подполковникъ Крутиковъ.

Въ управленіе работами С.-Петербурго-Варшавской Желѣзной Дороги: Инженеръ-Поручики: Павловскій 2-й, Петерсъ и Шпилевъ; Инженеръ-Подпоручики: Ливанскій и Ридель; Инженеръ-Прапорщикъ Левстремъ.»

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И НАЗНАЧЕНІЯ.

Января 15.—Директоръ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ *Лексъ*, назначенъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.—16-го. Членъ Адмиралтействъ-Совѣта, Вице-Адмиралъ *Фонъ-Платеръ*—Главнымъ Командиромъ Кронштатскаго Порта и Кронштатскимъ Военнымъ Губернаторомъ, съ оставленіемъ и въ прежней должности.—12-го. Главный Медицинскій Чиновникъ Одесскаго Карантина, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Врачко*—Инспекторомъ того Карантина.—Февраля 3-го. Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Чиновникомъ Особыхъ Порученій V класса, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Киндерева*, причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.—6-го. Причисленный къ Министерству Финансовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Трубачевъ* назначенъ Предсѣдателемъ Могилевской Казенной Палаты.

УВОЛЬНЕНІЯ:

Отъ службы.

Января 8-го. (за штатомъ) Вице-Директоръ Департамента Военныхъ Отчетовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Верещагинъ*.—15-го. (за болѣзнію) Командиръ 2-й Бригады 3-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генераль-Маіоръ *Баркъ-Петровскій*, съ мундиромъ и съ пенсіономъ полного жалованья.—26-го. (по прошенію) состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Пашковскій*, съ мундиромъ.—Членъ Консультации при Министерствѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Нефедьевъ*.—29-го. (по болѣзни) Попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа и Членъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Семеновъ*.—Февраля 6-го. (по прошенію) Членъ Ученаго Комитета Министер-

ства Финансовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Переславскій*.—Предсѣдатель Могилевской Казенной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Мессингъ*. (За болѣзнію) Членъ Адмиралтействъ-Совѣта, Вице-Адмиралъ *Сумма*, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

ПОЖАЛОВАНИЕ ОРДЕНАМИ.

Св. Анны 1-й степени.

Января 1-го. Статсъ-Секретарь, Управляющій дѣлами Комитета Министровъ и Кавказскаго Комитета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Бутковъ*.—Предсѣдатель Полеваго Аудиторіата Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Маіоръ *Брусилосъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Декабря 25-го. Окружной Генераль 8-го Округа Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, Генераль-Маіоръ *Кондзеровскій*.—28-го. Военный Губернаторъ города Дербента и Управляющій Дербентскою губерніею, Генераль-Маіоръ *Минквицъ*. — 31-го. Почетный Членъ Совѣта Полтавскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, по учебной части, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Артемовскій-Гулакъ*. — Января 1-го. Помощникъ Статсъ-Секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Шигаевъ*.—Помощникъ Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Тарновскій*.—8-го. Полевой Генераль-Аудиторъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Кобенинъ*. — 22-го. Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Левшинъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

10 декабря отрядъ, собранный въ м. Чечнѣ, произвелъ вполне удачную атаку непріятельскихъ заваловъ, при входѣ въ долину р. Гехи, гдѣ Чеченцы потерпѣли сильное поражение и понесли весьма большой уронъ; съ нашей стороны, по числу убитыхъ и раненныхъ потеря маловажная, но она невознагражима, потому-что въ этомъ дѣлѣ мы лишились храбраго Генераль-Маіора Слѣпцова, сраженнаго пулею въ грудь.

Съ прискорбіемъ извѣщая о томъ войска ввѣреннаго мнѣ Корпуса, я остаюсь вполне увѣреннымъ, что всѣ знали его подвиги и всѣ раздѣляютъ чувство горести, возбуждаемой утратою этого доблестнаго Генерала, но въ особенности Сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сдѣлался грозой непріятеля, постепенно изгнаннаго изъ М. Чечни, и въ рядахъ котораго онъ палъ на полѣ чести.

— Возведеніе новаго форта на р. Бѣлой сильно поколебало всѣ прилежащія непокорныя племена, которыя убѣдились, что мы имѣемъ возможность наказывать ихъ во всякое время года, и что они поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ насъ, даже относительно средствъ къ существованію своему, и потому должны искать спасенія своего въ миролюбивыхъ съ нами сношеніяхъ. Чтобы поддержать это расположеніе умовъ и доказать имъ, что эти опасенія ненапрасны, въ исходѣ ноября произведены были движенія въ земли непокорныхъ горцевъ одновременно съ двухъ сторонъ: Черноморіи и Праваго Фланга Кавказской Линіи.

Отрядъ, сосредоточенный при укр. *Бьлорьчинскомъ*, въ составѣ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 18 сотенъ кавалеріи и 14 орудій, выступилъ подъ командою Генераль-Маіора Евдокимова, 22 ноября, вверхъ по р. Бѣлой, мимо Курджинскаго и по Майкопскому ущелью, къ Абадзехамъ, и чрезъ верховья рѣкъ Уль и Фарсъ (гдѣ расположены Егерукаевскіе и Махашевскіе аулы) возвратился, 28 числа, на линію въ ст. Лабинскую.

Во-время этого похода племена эти и были въ сборѣ, но

не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ отряда, выслали старшинъ своихъ на-встрѣчу войскамъ нашимъ и увѣряли въ совершенной готовности своей къ покорности и явно отреклись отъ Магометъ-Амина, который долженъ былъ укрыться въ отдаленные лѣса, съ опасностью для собственной жизни. Для приведенія этого дѣла къ желаемому концу каждому обществу данъ необходимый срокъ.

Въ то же время появленіе войскъ нашихъ за Кубанью, со стороны *Черноморской Кордонной Линіи*, окончательно преклонило колебавшихся Хамышейцевъ къ покорности. Не видя, съ окончаніемъ назначеннаго срока, исполненія данныхъ Хамышейцами обѣщаній, Генераль-Лейтенантъ Рашпиль собралъ при Мостовомъ Алексѣевскомъ укрѣпленіи отрядъ въ составѣ 9-ти ротъ пѣхоты, 2 $\frac{1}{2}$ сотень кавалеріи, при 8 орудіяхъ, и 26 ноября двинулся въ земли упомянутаго народа. Въ-теченіе 5-ти дней, въ присутствіи отряда нашего, принесть присягу на вѣрнопопданство Государю Императору весь Хамышейскій народъ, въ числѣ 16-ти ауловъ.

За столь успѣшныя дѣйствія къ утверженію нашего вліянія за Кубанью, и притомъ безъ всякой потери въ людяхъ, объявляю мою совершенную признательность Генераль-Лейтенанту Заводовскому, Генераль-Лейтенанту Рашпилю и Генераль-Маіору Евдокимову, а равно благодарю всѣхъ гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ обоихъ означенныхъ отрядахъ находившихся. (*Изъ Корп. Прик.*)

— Его Сіятельство Князь Намѣстникъ Кавказскій изволилъ отдать слѣдующіе приказы по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

1. Декабря 24-го. Командующій войсками въ кр. Воздвиженской произвелъ удачный набѣгъ для истребленія аула Гуйтонъ-Кортъ, на р. Джалкѣ, въ Большой Чечнѣ, расположеннаго въ весьма крѣпкомъ мѣстѣ.

Выступивъ въ ночь на 4 декабря изъ кр. Воздвиженской съ 3 $\frac{1}{2}$ баталіонами имени моего полка, 3-ми сотнями казаковъ, при 6 орудіяхъ, и искусно скрывъ свое движеніе отъ непріятели, Генераль-Маіоръ Баронъ Меллеръ-Закомельскій подошелъ на разсвѣтѣ къ аулу, овладѣніе которымъ было поручено командиру имени моего полка.

Флигель-Адъютантъ Полковникъ Князь Воронцовъ, неимѣя возможности, по свойству мѣстности, подвезти къ самому аулу два бывшія съ нимъ орудія, оставилъ ихъ подъ прикрытіемъ одного баталіона въ резервѣ, а съ другимъ бата-

ліономъ быстро пробѣжалъ отдѣлявшій его отъ аула лѣсъ, и не отвѣчая на непріятельскій огонь, ударилъ въ штыки. Испуганные горцы бѣжали, рѣшившіеся же защищаться были перебиты; всѣ запасы ихъ и сакли преданы огню; сверхъ того захвачено значительное количество скота. Трудное отступленіе, подъ сильнымъ огнемъ непріятели, съ ожесточеніемъ кидавшагося въ шашки, было совершено съ хладнокровіемъ и въ порядкѣ. Потеря наша заключается въ 2-хъ убитыхъ рядовыхъ и раненыхъ 1 офицера и 15 нижнихъ чинахъ.

Объявляя объ этомъ успѣшномъ поискѣ по вѣренными мнѣ войскамъ, изъявляю мою признательность Генераль-Маіору Барону Меллеру-Закомельскому и благодарю Флигель-Адъютанта Полковника Князя Воронцова; Подполковниковъ: Тацына, Ляшенко и Янова; Маіоровъ: Оглобжію, Карпова и Штабъ-Капитановъ: Полторацкаго и Вельяминова; а равно всѣхъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ этомъ поискѣ.

2. Декабря 31. Чеченцы, вытѣсненные изъ плоскости Мал. Чечни, частью переселились къ намъ, частью удалились въ Черныя-горы, гдѣ и поселились въ лѣсистыхъ и труднодоступныхъ ущельяхъ. Чтобы привести къ вѣрности сихъ послѣднихъ, вырубить просѣки, которыя бы открывали намъ свободный доступъ въ эти ущелья, и очистить мѣсто для вновь предполагаемаго укрѣпленія и для сообщеній его, сосредоточенъ былъ въ укр. Ачхоевскомъ, 30-го прошлаго ноября, отрядъ подъ командой покойнаго Генераль-Маіора Слѣпцова, въ составѣ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, и 11-ти сотень кавалеріи, при 10 орудіяхъ.

3-го декабря войска расположились на р. Гехѣ, у бывшаго аула Чермакой, и приступили къ рубкѣ лѣса, производившейся успѣшно, несмотря на попытки непріятели, собиравшагося иногда въ большомъ количествѣ, чтобы препятствовать работамъ.

8-го декабря было получено свѣдѣніе, что непріятель намѣренъ привезти изъ Рошни горное орудіе и что скопище, около 2 т., подъ предводительствомъ наибовъ Алхана и Хапцова, расположено въ лѣсу на правомъ берегу р. Гехи. Позиція, занимаемая непріятеlemъ, составляла рядъ непрерывныхъ заваловъ изъ толстыхъ сваленныхъ деревьевъ, обнимая около 5-ти верстъ въ окружности; находившіеся въ центрѣ этой позиціи 16-ть хуторовъ—были обнесены также

завалами и соединены между собою барикадами; вся опушка лѣса вокругъ заваловъ представляла такую же непрерывную ограду. Въ этой труднодоступной позиціи, Генераль-Маіоръ Слѣпцовъ, съ обычной своей рѣшимостію, вознамѣрился атаковать непріятели.

Онъ раздѣлилъ войска на три колонны: *первая* (при которой находились всѣ охотники) подъ командою Войсковаго Старшины Предиминова, направлена была скрытно лѣсомъ, и обойдя въ тылъ завалы, должна была кинуться въ шашки на сборище Наибовъ; *центральная*, предводимая лично Генераломъ Слѣпцовымъ, атаковала ретраншементы съ фронта; *третья* колонна, подъ начальствомъ Полковника Карева, отправлена была на рубку лѣса ранѣе другихъ, съ тѣмъ, чтобы обратить на себя все вниманіе Чеченцевъ, и по первому выстрѣлу непріятельскаго орудія прекратить работы и быстро слѣдовать въ обходъ заваловъ справа.

10-го декабря колонны двинулись въ этомъ порядкѣ на приступъ укрѣпленія. Ни крѣпость позиціи, ни смертоносный огонь многочисленнаго непріятели, съ ожесточеніемъ защищавшагося, не остановили храбрыхъ войскъ, воодушевленныхъ примѣромъ своего начальника. Стремительнымъ и дружнымъ ударомъ въ шашки непріятели былъ выбитъ изъ всѣхъ заваловъ и бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ испыталъ окончательное пораженіе — разсѣялся въ безпорядкѣ.

Блистательно окончивъ это дѣло, отрядъ къ вечеру возвратился въ лагерь, слабо преслѣдуемый незначительными партіями.

Въ этотъ день мы потеряли, кромѣ доблестнаго Генерала Слѣпцова, убитыми нижнихъ чиновъ 6, ранеными Оберъ-Офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 41. Непріятели понесъ огромную потерю, оставивъ на мѣстѣ около 150 тѣлъ; болѣе 100 человекъ пропавшихъ безъ вѣсти розыскиваются родными; всѣ ближніе Наобы Алхана погибли на завалахъ; сверхъ того отбито у него множество оружія, въ томъ числѣ болѣе 150 винтовокъ.

Въ слѣдующіе дни, съ 12 по 19 число, продолжалась рубка лѣса по правому берегу р. Гехи, а 19-го числа отрядъ, начальство надъ коимъ поручено было Генераль-Маіору Барону Вревскому, перешелъ на новую позицію на р. Валерикъ, откуда началъ и довершилъ новую просѣку, соединяющую Гехинское и Шалашинское ушелья. Хотя Шамиль прислалъ жителямъ пороху и пуль, обѣщалъ прислать по-

мощь, строго приказывая имъ препятствовать всѣми силами нашимъ работамъ, но онѣ исполнены были нами безъ выстрѣла. Чеченны, оглушенные и утраченные ударомъ, нанесеннымъ имъ 10 числа, хоронили убитыхъ, розыскивали безъ вѣсти пропавшихъ, но не думали сопротивляться нашимъ войскамъ, ни во-время рубки, ни при рекогносцировкахъ, которыя произведены были по разнымъ направленіямъ, и это болѣе всего доказываетъ важность и полный успѣхъ послѣдняго подвига Генерала Слѣпцова.

23-го числа, войска отряда, исполнивъ успѣшно возложенное на него порученіе, были распущены на зимнія квартиры.

Объявляя по войскамъ ввѣреннаго мнѣ Корпуса объ этомъ новомъ подвигѣ въ Чечнѣ, считаю пріятнымъ долгомъ благодарить отличившихся въ дѣлѣ 10-го числа: Полковника Карева, Подполковниковъ Лукашевскаго и Шостака; Маіоровъ Шатилова, Меркулова и Казбека; Войсковыхъ Старшинъ Предиминова и Томашевскаго; Ротмистра Варенцова, Капитановъ Барона Сталя, Циммермана, Турчановскаго, Князя Шаликова, Баженова и Ксархаки; Есауловъ Князя Эристова и Клименко; Штабсъ-Ротмистра Князя Маршани; Штабсъ-Капитановъ Мартыновскаго и Черепанова; Поручиковъ Ростковскаго, Мена и Госташева; Сотниковъ Неймана и Долгова; Подпоручиковъ Полтарацкаго и Ушинскаго и Хорунжаго Дятлова; а равно всѣхъ Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, въ означенномъ дѣлѣ находившихся. Изъявляю мою совершенную признательность Генераль-Маіору Барону Вревскому, который, принявъ начальство надъ отрядомъ, благоразумными и дѣятельными распоряженіями столь много содѣйствовалъ къ успѣшному окончанію этой экспедиціи.

— Для побужденія Черченейцевъ къ принесенію покорности, Генераль-Лейтенантъ Рашпиль собралъ 11 прошлаго декабря отрядъ въ составѣ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 3½ сотень кавалеріи, 8 орудій и ½ сотни милиціи изъ недавно покорившихся Хамышейцевъ, вызвавшихся добровольно принять участіе въ экспедиціи, желая доказать тѣмъ свою преданность Правительству.

Переправясь за Кубань, отрядъ ночью 13 декабря двинулся на р. Псекупсъ, къ аулу Вочепши, и пройдя потомъ по долинамъ Пчашъ и Мате, возвратился 19 числа на Кубань, принявъ присягу на вѣрнопопданство Государю Императору отъ всего Черченейскаго народа въ числѣ 28 ауловъ.

Полезное дѣло это совершилось безъ всякой съ нашей

стороны потери. Только одинъ аулъ Псегубъ обнаружилъ враждебное расположеніе, надѣясь на свое крѣпкое мѣстоположеніе и сосѣдство съ Абадзехами, но дорого заплатилъ за эту попытку: войска наши быстро двинулись на приступъ, заняли аулъ и, въ наказаніе разбѣжавшихся жителей, предали огню сакли ихъ съ огромными запасами хлѣба и сѣна. При отступленіи отряда, собравшаяся непріятельская партія покушалась безпокоить движеніе войскъ, но смѣлая атака Полковника Султанъ-Сагатъ-Гирея обратила эту толпу въ бѣгство, съ потерю 6 тѣлъ, оставленныхъ въ нашихъ рукахъ и болѣе 20 человекъ убитыхъ и раненныхъ.

(Изъ Корн. Прик.)

— Начальникъ Черноморской Береговой линіи, для наступательныхъ дѣйствій въ земли непокорныхъ Натухайцевъ, сосредоточилъ, 12-го прошлаго декабря, у форта Раевского отрядъ въ составѣ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 1½ сотни кавалеріи, при 10 орудіяхъ, и на другой день выступивъ на сѣверную покатость Кавказскаго хребта, въ теченіе 5-ти дней прошелъ по верховьямъ ущелій Бакинскаго, Худако, Псебенса, Гечепсина, Зеймеса, и чрезъ долину Адагума, 17-го числа возвратился въ Новороссійскъ.

Войска наши, преодолевая трудности пути, постоянно опрокидывая и поражая сильныя скопища горцевъ, истребили до 1500 саклей, со всѣми запасами непріязненныхъ жителей, оставивъ неприкосновенными аулы, известные мирнымъ къ намъ расположеніемъ.

Потеря съ нашей стороны состоитъ въ 1 убитомъ рядовомъ и раненыхъ Оберъ-Офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 14. Непріятельской потери въ точности неизвѣстно; но безъ сомнѣнія, она должна быть весьма значительна; особенно же губительно для него истребленіе множества жилищъ и огромныхъ запасовъ хозяйственныхъ.

— 5-го января, Чеченскій отрядъ, сосредоточенный наканунѣ въ кр. Воздвиженской, переправился на правый берегъ Аргуна и расположился лагеремъ близъ бывшаго аула Бани-Юртъ, въ составѣ 11-ти баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, 6½ сотенъ казаковъ и ½ сотни милиціи, при 24-хъ орудіяхъ.

Шамиль заблаговременно принялъ всевозможныя мѣры, чтобы воспрепятствовать движенію нашихъ войскъ, двинулъ

значительныя толпы непокорныхъ Чеченцевъ и Тавлинцевъ, съ 6-ю орудіями, въ Большую-Чечню, и самъ долженъ былъ туда прибыть 6-го числа, чтобы воодушевить сборища своимъ присутствіемъ.

Сообразивъ всѣ эти большія приготовленія непріятеля съ весьма вѣрными и подробными свѣдѣніями, собранными о мѣстности Большой-Чечни, Генераль-Маіоръ Князь Барятинскій рѣшился предупредить Шамиля и начать дѣйствія тѣмъ, чтобы всею массою ввѣреннаго ему Чеченскаго отряда, только-что собраннаго, бодрого, жаждавшаго боя, углубиться въ самую средину Большой-Чечни, разбить скопища, уничтожить заготовленные непріятелемъ средства для своего продовольствія, и послѣ того уже приступить къ рубкѣ предположенныхъ просѣкъ.

6-го числа, оставивъ въ лагерѣ, подъ начальствомъ Полковника Карева, три баталіона, при 8-ми орудіяхъ, съ остальными войсками двинулся онъ, въ 4 часа утра, чрезъ Шалинскую просѣку прямо къ Автуру.

У разореннаго аула Шали, непріятельскіе передовые посты открыли наше движеніе и разнесли тревогу; толпы Шамиля начали скопляться въ виду войскъ нашихъ, предполагая, какъ впоследствии узнали отъ лазутчиковъ, что отрядъ въ тотъ день дойдетъ только до р. Бассъ. Но войска шли безостановочно, хотя, по вновь выпавшему глубокому снѣгу, слѣдованіе было затруднительно, и къ 11-ти часамъ утра вся кавалерія, три баталіона Егерскаго имени моего полка съ 8-ю орудіями, сосредоточились на лѣвомъ берегу Хулхулу, противъ хутора Ахмета, въ виду Автура.

Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Князь Воронцовъ, съ баталіонами ввѣреннаго ему полка, пошелъ на штурмъ Автура. Несмотря на крутой, почти неприступный берегъ Хулхулу, на которомъ расположенъ извѣстный по богатству и населенію, болѣе 900 дворовъ, аулъ, войска наши заняли его немедленно. Толпы непріятеля, въ немъ бывшія, сбитыя рѣшительною атакою, потерявъ убитыхъ и раненыхъ, разбѣжались. Солдатамъ досталась богатая добыча.

Оставивъ въ Автурѣ Полковника Князя Воронцова, съ 4-мя баталіонами и съ батарейными орудіями, съ прочими войсками Князь Барятинскій двинулся на Гельгиденъ.

Въ 3 часа по-полудни аулъ этотъ былъ окруженъ Гене-

ралъ-Маіоромъ Крюковскимъ съ кавалеріею, взятъ Полковникомъ барономъ Николаи съ двумя баталіонами Егерскаго Князя Чернышева полка и двумя Тенгинскаго Пѣхотнаго, и сожженъ.

Войска отъ Гельдигена возвратились на ночлегъ въ Автуръ, истребивъ вокругъ себя по дорогѣ аулы, хутора и запасы сѣна.

Ночью лазутчики дали знать, что всѣ непріятельскія толпы окончательно противъ насъ сосредоточились. Горцы заняли лѣсъ, лежащій на прямой дорогѣ отъ Автура къ Шали, укрѣпили батареями и завалами высоты Черныхъ-Горъ, прилегающія близко къ дорогѣ, наканунѣ войсками пройденной чрезъ хуторъ Муртузали, въ предположеніи дать на этомъ пунктѣ рѣшительный бой. Шамиль прибылъ туда же съ мюридами, съ намѣреніемъ лично предводительствовать всѣми толпами.

7-го числа, со свѣтомъ, войска, оставивъ уничтоженный Автуръ, переправились на лѣвый берегъ Хулхулу и расположились передъ входомъ въ ущелье этой рѣки, по коему идетъ дорога въ Ведень.

Имѣя намѣреніе отвлечь непріятельскія силы, сосредоточенныя на сообщеніи отряда, и сдѣлать рекогносцировку этого ущелья, важнаго по причинѣ мѣстопробыванія въ ономъ Шамя, Князь Барятинскій, оставивъ главные силы на позиціи, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Крюковскаго, двинулъ Полковника Князя Воронцова, съ тремя баталіонами, съ частью конницы и легкими орудіями, вверхъ по лѣвому берегу Хулхулу, по дорогѣ въ Ведень. Непріятель немедленно замѣтилъ это движеніе и быстро потянулся всѣми конными и пѣшими толпами по высотамъ Черныхъ-Горъ, чтобъ преградить дорогу въ это укрѣпленное убѣжище Шамя. Вскорѣ завязался жаркій огонь при непрерывномъ движеніи впередъ войскъ нашихъ, и непріятель открылъ пальбу изъ орудій. Войска, углубившись верстъ на пять въ ущелье, распространивъ тревогу до самаго Веденя и приведя этимъ Чеченцевъ въ совершенное заблужденіе, возвратились къ общей позиціи и немедленно двинулись дорогою, указанною проводникомъ Батою, отъ Автура чрезъ лѣсъ, мимо Сади-Юртъ, на Беной-Юртъ, къ Шали, оставя такимъ-образомъ влѣвъ укрѣпленную фланговую непріятельскую позицію у хутора Муртузали.

Въ то время, когда войска наши подвигались къ Веденю,

въ долину Мизика раздавались пушечные выстрѣлы колонны Полковника Бакланова, который двинулся туда, по предварительному распоряженію, со стороны Кумыкской плоскости, для развлеченія непріятельскихъ силъ.

Противъ лѣваго фланга нашей боевой колонны, въ лѣсу находились хутора Андійскіе, которые сильно заняты были толпами горцевъ, успѣвшими прибыть тогда, когда направленіе войскъ нашихъ ясно обозначилось. Полковникъ Князь Воронцовъ, командовавшій лѣвою цѣпью двинулся въ атаку хуторовъ съ двумя баталіонами ввѣреннаго ему полка. Непріятель, несмотря на упорное сопротивление, былъ выбитъ изъ аула. Напрасно Шамиль, присутствуя здѣсь лично, съ лучшими наибами и мюридами, усиливался возстановить бой, сражался какъ простой мюридъ, самъ стрѣлялъ изъ ружья и нѣсколько разъ бросался въ шашки. Наши колонны каждый разъ опрокидывали сборище штыками и, наконецъ, нанесли ему совершенное пораженіе. Съ этого времени вокругъ отряда выстрѣлы умолкали и непріятель исчезъ изъ виду.

Истребивши всѣ аулы и огромные запасы кукурузы и сѣна, бывшіе на пути слѣдованія и въ окрестностяхъ, войска прибыли на Басъ, а оттуда къ вечеру въ лагерь на Аргунъ.

Отрядъ въ-продолженіе 6-го и 7-го чиселъ, предавъ пламени два главные аула Большой-Чечни и разбивъ непріятельскія скопища, подъ личнымъ начальствомъ Шамя, имѣлъ потерю 1-го убитаго и 24-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Такой ничтожный уронъ, въ сравненіи съ важностью послѣдствій надобно отнести къ смѣлымъ, быстрымъ и хорошо рассчитаннымъ распоряженіямъ Генералъ-Маіора Князя Барятинскаго, и отвагѣ войскъ, которыя не давали нигдѣ Чеченцамъ и Тавлинцамъ опомниться.

Непріятель, сверхъ разоренія, причиненнаго истребленіемъ домовъ, запасовъ и имущества, потерпѣлъ большой уронъ убитыми и ранеными. Но самая главная его потеря—это упадокъ его духа и вліянія Шамя, который былъ не въ силахъ спасти своихъ лучшихъ подвластныхъ отъ совершеннаго почти разоренія.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Въ субботу, 12-го января, было общее собраніе членовъ и корреспондентовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ домѣ онаго, на Обуховскомъ-проспектѣ.

Въ началѣ засѣданія прочитаны журналы о предъидущемъ собраніи Общества и о дѣйствіяхъ Совѣта за декабрь минувшаго года. Между прочими распоряженіями Совѣта, доведено, до свѣдѣнія Собранія: а) о составленной на 1852 годъ сметѣ расходовъ по Обществу, которая Собраніемъ и одобрена, и б) о сообщенномъ Департаменту Военныхъ Поселеній отзывѣ, касательно доставленныхъ имъ въ Общество образцовъ сырцового шелка, добытаго въ 1851 году на плантаціяхъ въ кавалерійскихъ округахъ военнаго поселенія. Означенный шелкъ, по разсмотрѣніи онаго, оказался отлично смотаннымъ съ коконовъ и могущимъ, по строженіи въ двѣ нити (на такъ-называемой машинѣ карась), быть употребленнымъ на лучшій органзинъ (основу), и трамъ (утокъ), для тканей тонкихъ шелковыхъ матерій.

Потомъ прочитаны:

1) Отношеніе г. Товарища Военнаго Министра, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія о назначеніи при И. В. Э. Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента онаго, изъ депутатовъ отъ Министерствъ: Военнаго, Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ, Комиссіи для производства дополнительныхъ опытовъ надъ принадлежащимъ г. майору Великопольскому способомъ обдѣлки прядильныхъ растений.

2) Записка Вице-Президента, Князя В. В. Долгорукова, о произведенныхъ въ домѣ Общества опытахъ надъ тонкою сырымъ торфомъ во вновь устроенныхъ большой хлѣбопекарной и крестьянской печахъ. Въ запискѣ сей доведено до свѣдѣнія Собранія: а) что устроенная въ домѣ Общества большая артельная печь, по произведеннымъ неоднократнымъ опытамъ печенія въ ней хлѣбовъ, при тонкѣ сыромъ торфомъ, оказалась вполне удовлетворительною, почему и изготовлены рисунокъ, модель и описаніе сей печи; б) что, по сношенію Его Сіятельства съ начальствомъ Департамента Военныхъ Поселеній, устроена будетъ въ казармѣ гарнизоннаго баталіона другая хлѣбопекарная печь съ вновь предложенными усовершенствованіями, и произведе-

ны будутъ опыты надъ печеніемъ въ ней хлѣбовъ при топкѣ сырымъ торфомъ, дабы сдѣлать сдѣлать заключеніе, которая изъ двухъ означенныхъ печей заслуживаетъ предпочтеніе, и в) что, независимо отъ сего, въ видахъ примѣненія топки сырымъ торфомъ къ домашнимъ городскимъ и крестьянскимъ хозяйствамъ, по распоряженію Г. Вице-Президента, устроены какъ въ собственномъ домѣ Его Сіятельства, такъ и въ домѣ Общества, небольшія усовершенствованныя печи, которыя, послѣ испытаній, оказались весьма удобными и удовлетворительными и для простонароднаго употребленія. Вслѣдъ за симъ Собраніе выслушало особое описаніе такой печи, въ которомъ кратко изложено способъ добыванія торфа, устройства торфяной печи и производства самой топки; причѣмъ представленъ былъ на разсмотрѣніе присутствовавшихъ рисунокъ печи. Описаніе сіе съ рисункомъ будутъ напечатаны въ «Трудахъ» Общества.

3) Составленное г. Членомъ Общества, профессоромъ Ботаники И. О. Шиховскимъ, описаніе новаго американскаго растенія улюко (*Ullucus Lozano*), могущаго замѣнить картофель. Изъ сообщенныхъ г. Шиховскимъ свѣдѣній видно, что клубни сего растенія были присланы изъ Лимы г. Консуломъ Ледосомъ къ французскому Министру Земледѣлія, въ январѣ 1848 года. Улюко, подобно картофелю, производитъ клубни круглые, желтые, похожіе на ту разновидность картофеля, которая называется кордильерскою; самые стебли и листья растенія могутъ быть употребляемы въ пищу, вмѣсто шпината. Опытъ разведенія улюко сдѣланъ былъ и у насъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Ботаническомъ Саду, гдѣ въ 1850 году вырощено растеніе, давшее клубни величиною не менѣе лѣснаго и не болѣе грецкаго орѣха. Извѣстные садоводы, братья Вагнеры, въ Ригѣ, свидѣтельствуютъ также о способности улюко къ размноженію, наподобіе картофеля. Желаящіе получить клубни упомянутаго растенія (по 1 р. за 6 штукъ), могутъ обращаться къ означеннымъ садовникамъ въ Ригу; но для избѣжанія морозовъ, клубни будутъ высылаемы не ранѣе половины марта; садить же ихъ въ грунтъ должно въ апрѣлѣ; впрочемъ гг. Вагнеры обѣщаютъ прилагать къ посылкѣ съ клубнями и печатную записку о своихъ опытахъ разведенія улюко.

При семъ представлено было г. Шиховскимъ нѣсколько экземпляровъ литографированнаго рисунка улюко, которые и розданы присутствовавшимъ. Описаніе растенія и рисунокъ она-

го будутъ помѣщены въ февральской книжкѣ «Трудовъ» Общества.

4) Списокъ поступившихъ съ августа прошедшаго года книгъ въ даръ для бібліотеки Общества, въ томъ числѣ 4 отъ ученыхъ и хозяйственныхъ обществъ, 8 отъ казенныхъ мѣстъ и 28 отъ частныхъ лицъ.

5) Увѣдомленіе г. Корреспондента Общества, кандидата Д. А. Реутовича, преподающаго въ училищѣ Общества сельское хозяйство, о предпринятой имъ въ прошедшемъ году, при пособіи изъ суммъ Общества, агрономической поѣздкѣ, для изученія состоянія хозяйства въ Ост-зейскомъ краѣ, западныхъ губерніяхъ, Царствѣ Польскомъ и Южной Россіи. Въ представленномъ Г. Вице-Президенту отчетѣ о сей поѣздкѣ, г. Реутовичъ, изъявляя глубочайшую признательность Обществу за доставленіе ему возможности совершить означенное путешествіе, обѣщаетъ представить результаты своихъ путевыхъ наблюденій по предметамъ, которые онъ старался изучить, въ особенности съ тою цѣлію, чтобы пріобрѣтенными имъ практическими свѣдѣніями воспользоваться для преподаванія сельскаго хозяйства въ училищѣ Общества. Для прочтенія въ настоящемъ засѣданіи приготовлена была г. Реутовичемъ статья о салганной промышленности въ Украинѣ и Новороссійскомъ краѣ; а именно: о покупкѣ и откармливаніи скота на убой и салотопленіи въ заведеніяхъ, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ салгановъ; но по обширности сей статьи, недостатокъ времени воспрепятствовалъ прочитанію оную въ засѣданіи.

На разсмотрѣніе гг. членовъ были представлены:

1) Отъ Г. Вице-Президента: три образца прессированныхъ овощей, именно: капусты, моркови, капусты и рѣпы, и наконецъ моркови, рѣпы и пастернака, приготовленныхъ за два года передъ симъ, г. членомъ Общества, академикомъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Нелюбинымъ. Образцы сіи найдены отличнаго качества и неуступающими добротою приготовляемымъ въ Парижѣ Массономъ.

2) Доставленные г. членомъ Общества Бергштрессеромъ, изъ Астрахани, образцы медицинскихъ солей, добываемыхъ тамъ на заводѣ Коллежскаго Ассессора Оссе. Въ представленіи по сему предмету, г. Бергштрессеръ изъясняетъ, что между множествомъ соляныхъ озеръ, содержащихъ лучшую поваренную самосадочную соль, въ Астраханской губерніи находятся озера съ горькою солью. Тамошнему вольному аптекарю Ос-

се Высочайше даровано право безъ акциза добывать изъ озеръ, неразработываемыхъ Астраханскимъ Солянымъ Правленіемъ, горькую соль, для приготовленія разныхъ медицинскихъ солей, которыя до сего времени почти исключительно получаютъ изъ-за границы. Приготавливаемые на заводѣ г. Оссе медицинскія соли добротою своею не уступаютъ иностраннымъ. Положено: образцы присланныхъ г. Бергштрессеромъ солей передать на разсмотрѣніе г. члену А. П. Нелюбину. При семъ прочитана составленная г. Нелюбинымъ записка о качественномъ и количественномъ изслѣдованіи астраханской и пермской соли.

Означенная записка будетъ напечатана въ «Трудахъ» Общества.

3) Снимокъ съ тыквы, выращенной въ 1851 году у корреспондента Общества, садовника Альвардта въ С.-Петербургѣ, на Каменноостровскомъ-проспектѣ; тыква сія, замѣчательная по своей величинѣ, имѣла въсу 4 п. 1 ф.

Избраны, по подлежащей болотировкѣ: а) въ Члены: съ обязанностію вносить установленную плату: Графъ А. А. Апраксинъ, Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Коллежскіе Совѣтники М. С. Богомолецъ и И. И. Коноваловъ, Ротмистръ Н. Н. Челищевъ, Подполковникъ А. Д. Сивковъ, Коллежскій Секретарь К. Н. Бурнашевъ, Дворянинъ Ф. К. Бердъ и купецъ 2-й гильдіи В. Н. Латкинъ; безъ обязанности платы: Профессоръ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Статскій Совѣтникъ Н. Н. Зининъ, Инженеръ-Подполковники П. И. Палибинъ и А. К. Красовскій, Адъюнкты-Профессоръ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Коллежскій Ассессоръ Е. В. Пеликанъ, Экстраординарный Профессоръ Казанскаго Университета М. Я. Китары, Адъюнкты-Профессоръ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института Я. П. Жерухинъ, и б) корреспонденты: Баронъ А. Сердобинъ и 6-го класса К. Е. фонъ-Майдель.

Въ заключеніе розданы присутствовавшимъ пожертвованные г. Членомъ Общества В. П. Бурнашевымъ экземпляры изданной имъ книги: «Руководство къ устройству мельницъ».

— Въ пятницу, 8-го февраля, въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ происходилъ торжественный годичный актъ, въ присутствіи Высокопреосвященнаго Митрополита Никанора, Преосвященнаго Григорія, Архіепископа Казанскаго, Министра Народнаго Просвѣщенія, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, Товарища его, Тайнаго Совѣтника А. С. Норова,

Попечителя Санктпетербургскаго Округа, Тайнаго Совѣтника М. Н. Мусина-Пушкина, членовъ ученаго сословія Университета и другихъ почетныхъ посѣтителей, свѣтскихъ и духовныхъ, равно-какъ ученыхъ и литераторовъ. Актъ открытъ былъ, въ началѣ втораго часа пополудни, пѣніемъ стиха «Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра». Послѣ сего Ректоръ Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. А. Плетневъ, прочиталъ «Отчетъ о состояніи Университета и объ ученой дѣятельности его членовъ за истекшій годъ», а Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ С. С. Куторга «Объясненіе къ своей геогностической картѣ С. Петербургской губерніи.» Рѣчь профессора прослушана была всѣми съ особеннымъ удовольствіемъ и вниманіемъ, внушаемымъ его глубокими познаніями и многолѣтними, трудолюбивыми изысканіями и поѣздками по этой губерніи, для достиженія предназначенной цѣли—составить самостоятельную, вѣрную геогностическую карту. Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ П. Д. Калмыковъ, прочиталъ отчетъ о диссертацияхъ, удостоенныхъ въ 1851 академическомъ году медалей и почетныхъ отзывовъ, и объявилъ новыя на наступающій годъ. На заданныя въ прошедшемъ году темы представлены были диссертации только по Юридическому Факультету (пять), и по разряду Восточной Словесности Историко-Филологическаго Факультета (двѣ). За рѣшеніе задачи по кафедрѣ Персидской Словесности «Написать обзоръ царствованія Махмуда Газневійскаго изъ дома Сябуктегина въ Персіи», студенты IV-го курса Историко-Филологическаго Факультета, разряда Восточной Словесности, удостоены: золотой медали Сергѣй Бездѣвный, а серебряной Алексѣй Любониковъ. За отвѣты на задачу по кафедрѣ Общевароднаго Правовѣдѣнія: «Изложить начала дипломатіи, которыя признавались и наблюдались въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ Императора Петра Великаго, относительно права посольства и заключенія государственныхъ договоровъ», удостоены студенты IV-го курса Юридическаго Факультета, разряда Юридическихъ Наукъ: Александръ Квачевскій, первой золотой медали, и Александръ Сахаровъ, второй золотой медали. Диссертации же студентовъ того же факультета и разряда IV-го курса Константина Ралецкаго, и III-го курса Адольфа фонъ-Гюббенета удостоены почетныхъ отзывовъ. На 18⁵²/₅₃ академическій годъ назначены отъ Университета слѣдующія задачи: Отъ Историко-Филологическаго Факультета по кафедрѣ Русской Словесности: «Разсмотрѣть и сравнить глав-

ныя комедіи Сумарокова, фонъ-Визина, Княжнина и Князя Шаховскаго, въ отношеніи къ содержанію, формѣ и языку, а въ заключеніе представить общій взглядъ, на какую степень эта отрасль словесности была возведена у насъ означенными писателями». По кафедрѣ Арабской Словесности: «Представить подробное историческое обозрѣніе халифатства Эль-Мамуна по исторіи Абульфеды, причемъ обратить особенное вниманіе на ходъ и успѣхи образованія Арабовъ въ правленіе этого халифа». Отъ Физико-Математическаго Факультета, по кафедрѣ Астрономіи: «Разобрать критически наблюденія, совершенныя въ Россіи и въ другихъ странахъ надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16го/₂₈ іюля 1851 года, и вывести вѣроятнѣйшія заключенія, какъ о степени точности употребительныхъ нынѣ лунныхъ таблицъ, такъ и о географическихъ долготахъ мѣстъ наблюденій». Отъ Юридическаго Факультета: «Изложить исторію россійскихъ законовъ о общихъ правахъ и обязанностяхъ гражданской службы по опредѣленію отъ Правительства, о принятіи въ службу и объ опредѣленіи къ должностямъ, съ собраннаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича по 1850 годъ включительно». Актъ былъ заключенъ гимномъ «Боже, Царя храни».

КРАТКІЯ РУКОВОДСТВА ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ. Постоянно стремясь къ тому, чтобы преподаваніе основныхъ правилъ сельскаго хозяйства на учебныхъ фермахъ Министерства сколько возможно ближе соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ разныхъ полосъ Имперіи, значительно между собою отличающихся почвою, климатомъ и другими существенными для хозяйства условіями, и имѣя въ виду почти совершенный недостатокъ удовлетворительныхъ въ этомъ отношеніи печатныхъ сочиненій, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ составить: краткое руководство къ сельскому хозяйству, примѣненное къ одной изъ мѣстностей, въ которыхъ учреждены учебныя фермы*, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

* Учебныя фермы Министерства Государственныхъ Имуществъ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

- 1) Близъ Вологды.
- 2) Въ м. Горкахъ (Могилевской губерніи).
- 3) Близъ Липецка (въ Тамбовской губерніи).
- 4) Близъ Казани.
- 5) Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи.

1. Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, согласно приложенной при семъ программѣ, и переписано четкимъ почеркомъ.

2. Въ изложеніи его должно имѣть въ виду два существенныхъ условія: краткость и ясность; поэтому необходимо избѣгать разсужденій и отступленій, а также длинныхъ фразъ и періодовъ. Сочиненіе сіе должно состоять изъ афоризмовъ практическихъ, но изложенныхъ однакоже такимъ-образомъ, чтобы учащійся могъ дать себѣ отчетъ, почему предпочитается тотъ или другой пріемъ. Ни разговорная, ни въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ форма изложенія, не должна быть допускаема.

3. За сочиненія, которыя будутъ Комитетомъ найдены вполне удовлетворительными, назначается первостепенная награда—золотая медаль въ 150 червонцевъ.

Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ сей программы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины, въ 50 червонцевъ.

Наконецъ сочиненія, несоотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя по чему-либо примѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ.

Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть печатаемы Министерствомъ на его счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора, который притомъ не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній; но если авторъ пожелаетъ выставить на заглавномъ листѣ, что онъ за представленное имъ сочиненіе удостоенъ медали или похвального отзыва, то въ такомъ случаѣ обязанъ въ началѣ книги помѣстить вполне обнародованное объ оной опредѣленіе Комитета.

4. Сочиненія печатныя, или представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ-либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ-образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, представленныя съ подобною же цѣлю куда-либо кромѣ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

5. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1-го декабря 1853 года.

6) Близъ Карькова.

7) Въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи.

и 8) Саратовской губерніи, въ Мариинской колоніи.

Каждая рукопись имѣетъ быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей: имя, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, не удостоенныя наградъ, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но не иначе, какъ по объявленіи избраннаго имъ девиза.

Если, по истеченіи года со времени обнародованія въ Журналѣ Министерства отчета по сему конкурсу, авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета, а самая рукопись передается въ бібліотеку Комитета, для храненія.

Программа краткаго руководства къ сельскому хозяйству.

Введеніе. Здѣсь должны быть изложены вкратцѣ тѣ понятія изъ физики и естествознанія вообще, которыя необходимы для объясненія основныхъ началъ сельскаго хозяйства, какъ-то: о раздѣленіи естественныхъ произведеній на три царства; о воздухѣ, водѣ, теплѣ, свѣтѣ и вліяніи ихъ на растенія и животныхъ; объясненіе главныхъ явленій, въ воздухѣ происходящихъ (туманъ, роса, дождь, молнія, громъ и проч.).

Сельское Хозяйство.

А. Полеводство.

I. Общія положенія. Краткое объясненіе мѣстности того края, для котораго назначается руководство.

Разныя почвы; что такое обработка почвы и для чего она нужна. Главныя земледѣльческія орудія и ихъ употребленіе. Удобрительныя вещества, ихъ приготовленіе и употребленіе. Сорныя травы и ихъ истребленіе. Порядокъ обсемененія полей; добываніе сѣмянъ и ихъ вырожденіе. Уходъ за полевыми растеніями во-время ихъ роста (полоть, окучиваніе и пр.), жатва, кошеніе, и вообще уборка растеній. Молотьба, очищеніе и сохраненіе зерна и прочихъ произведеній. Раздѣленіе полей на участки и порядокъ ихъ обработки (паровое, озимое, яровое поле, временные луга, выгоны, залежи, перелогі). Обыкновенныя уроки при производствѣ полевыхъ работъ.

II. Частныя правила о разведеніи каждаго хозяйственнаго

растенія. Зерновыя хлѣбныя растенія. Пшеница озимая и яровая (почва для нея пригодная, удобреніе, обработка, время и способы посѣва; количество потребныхъ сѣмянъ на 1 казенную десятину, уборка). Рожь озимая и яровая. Ячмень, овесъ, просо, гречиха, горохъ. Средніе урожаи хлѣбѣвъ зерномъ и соломой съ 1 казенной десятины.

Кормовыя растенія. Клеверъ, кормовой горошекъ, полевая торица, тимфеева-трава, люцерна. Средніе урожаи сѣмянъ и сѣна.

Корнеплодныя растенія. Картофель, свекловица, полевая рѣпа. Средніе урожаи.

Прядильныя растенія. Ленъ, конопля. Средніе урожаи сѣмянъ и волокна.

Масличныя растенія. Лѣтняя сурѣпица, рыжикъ, мадія. Показаніе средняго урожая сѣмянъ и получаемого изъ нихъ количества масла.

Сѣвообороты. Главныя условія, которыя слѣдуетъ принимать въ соображеніе при опредѣленіи сѣвооборота. Сѣвообороты съ посѣвомъ однихъ зерновыхъ хлѣбныхъ растеній. Главныя полевые сѣвообороты, главные выгонные сѣвообороты.

В. Луговое хозяйство.

Важность естественныхъ луговъ для хозяйства. Обыкновенные недостатки луговъ. Способы улучшенія луговъ. Удобреніе луговъ. Общія понятія о наводненіи и орошеніи луговъ. Попеченіе о хорошо устроенныхъ лугахъ. Пользованіе лугами для пастбы скота. Уборка сѣна и его сохраненіе. Показаніе среднихъ урожаевъ и объясненіе признаковъ доброкачественности сѣна.

С. Огородничество.

Общія правила. Мѣсто, которое слѣдуетъ выбирать для огорода, и первоначальное приготовленіе почвы. Орудія, употребляемыя въ огородахъ. Устройство парниковъ и разсадниковъ. Удобреніе и обработка огородовъ. Добываніе огородныхъ сѣмянъ. Порядокъ посѣва. Попеченіе о всходахъ. Пересадка расте-

ній. Уходъ за огородными растеніями во-время роста. Уборка и сохраненіе овощей.

Частныя правила. Способы воздѣлыванія каждаго изъ огородныхъ растеній.

Капустныя овощи. Качанная капуста, бруколь. Брюква.

Корневыя овощи. Свекла. Морковь. Петрушка. Хрѣнь. Рѣпа и рѣпка.

Лукъ разнаго рода. Чеснокъ.

Стручковыя растенія. Горохъ. Обыкновенные бобы. Турецкіе бобы (фасоли).

Огуречныя растенія. Обыкновенные огурцы. Тыква.

Травныя и прочія овощныя растенія. Щавель. Тминъ. Кукуруза. Макъ. Подсолнечникъ. Хмѣль.

Раздѣленіе огорода на участки и порядокъ засѣванія этихъ участковъ.

Д. Садоводство.

Какія садовыя растенія полезно разводить всякому поселянину, (фруктовыя деревья и ягодные кустарники). Приготовленіе мѣста для сада. Питомники и порядокъ ихъ устройства. Улучшеніе дичковъ. Пересадка облагороженныхъ деревьевъ. Попеченіе о взрослыхъ деревьяхъ. Главныя болѣзни фруктовыхъ деревьевъ и мѣры предохраненія отъ нихъ. Уборка и сохраненіе плодовъ. Разведеніе ягодныхъ кустарниковъ.

Е. Скотоводство.

Цѣль, съ которою содержится въ хозяйствѣ различный домашній скоть. О разныхъ породахъ скота. Способы усовершенствованія скота посредствомъ случки. Способы улучшенія посредствомъ соотвѣтственнаго содержанія. Рабочая лошадь и ея добрыя качества. Случка лошадей. Содержаніе жеребой кобылы. Воспитаніе жеребятъ. Содержаніе взрослой лошади *. Крупный рогатый скоть и разныя его породы. Случка рогатаго скота. Содержаніе стельныхъ коровъ. Воспитаніе телятъ. Содержаніе взрослогаго скота. Пользованіе рогатаго скота, какъ молочнаго,

* Опредѣленіе лѣтъ разнаго скота слѣдуетъ излагать въ наукѣ скотоводствѣ.

такъ и рабочаго. Откармливаніе скота. Разныя породы овецъ, съ показаніемъ, которыя изъ нихъ преимущественно выгодны для поселянъ. Случка и содержаніе случныхъ овецъ. Воспитаніе ягнятъ. Содержаніе взрослыхъ овецъ. Мойка и стрижка овецъ, и прочіе приемы ухода за овцами.

Разныя породы свиней и выгоды отъ оныхъ. Случка и содержаніе супоросныхъ свиней. Воспитаніе поросятъ; содержаніе взрослыхъ свиней и ихъ откармливаніе.

Г. Пчеловодство.

Польза, извлекаемая изъ пчель, и объясненіе рода ихъ жизни. Способъ содержанія пчель (домашнія и бортевыя пчелы). Устройство пасѣки и омшаника. Сборъ меда и воска.

Г. Понятіе о вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ животныхъ и насѣкомыхъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МОНУМЕНТЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I-МУ ВЪ ЕВПАТОРІИ. Съ Высочайшаго разрѣшенія, Караимамъ дозволено воздвигнуть въ евпаторійской караимской синагогѣ монументъ въ память посѣщенія ея Императоромъ Александромъ I-мъ, въ бытность Его Величества въ Евпаторію въ 1825 году. Монументъ, по Высочайше-утвержденному, 2-го декабря 1850 года, рисунку, будетъ состоять изъ мраморной колонны въ двѣ сажени вышины; на верху колонны двуглавый орелъ, украшенный Императорскою короною. Надпись на одной сторонѣ колонны: «Императору Александру I, въ ознаменованіе посѣщенія синагоги, ноября 1-го дня 1825 года. Отъ Евпаторійскихъ Караимовъ». Затѣмъ слѣдуетъ время сооруженія монумента. Съ другой стороны колонны, переводъ этой надписи по-караимски. По этому случаю, Караимы отправляли, въ сентябрѣ, въ синагогѣ своей благодарственное молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи, и поми-

новеніе о почившихъ въ Бозѣ: Императрицѣ Екатеринѣ II, и Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ. Въ 1849 году нѣкоторымъ частнымъ лицамъ было дозволено построить, на собственный ихъ счетъ, деревянный мостъ чрезъ р. Куру въ Тифлисѣ, съ предоставленіемъ имъ права пользоваться въ теченіе 25 лѣтъ сборомъ съ проезжающихъ и проходящихъ чрезъ этотъ мостъ. Нынѣ тифлисскій гражданинъ Иванъ Мнацакановъ, движимый чувствами благотворительности, купилъ сей мостъ у строителей за 25 т. р. сер. и пожертвовалъ его въ собственность г. Тифлиса, съ тѣмъ, чтобы за проѣздъ и переходъ чрезъ этотъ мостъ не было производимо никакого сбора.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему о семъ докладу, Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть: *Мнацаканову*, за усердіе его, объявить Высочайшее Его Величества благоволеніе.

ОТПУСКЪ ТОВАРОВЪ СЪ ПРИСТАНЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ АРХАНГЕЛЬСКОМУ ПОРТУ ВЪ 1851 ГОДУ. Изъ пристаней Устьсысольскаго уѣзда: *Ношувльской, Койгородской и Вочевской*, первая—главнѣйшая во всей Вологодской губерніи—отличается количествомъ сплавляемыхъ грузовъ. Въ минувшемъ году отправлено съ этой пристани къ архангельскому порту 85 барокъ, кои понесли грузу на 1,482,703 руб., болѣе противъ 1850 года на 140,286 руб. Главное участіе въ торговлѣ съ этой пристани принимаетъ иногородное купечество, коему въ минувшемъ году принадлежало капиталовъ: вятскимъ купцамъ на 333,895 руб., архангельскимъ на 193,956 руб., орловскимъ на 179,088 руб., слободскимъ на 166,980 руб.; весьма значительны также обороты купцовъ здѣшней губерніи: никольскаго купца Ильи Грибанова на 29,107 руб. 50 коп., Грибанова и архангельскихъ Фонтенейса и Коми. на 90,545 руб. и верховажскаго купца Пестерева на 12,216 руб. Предметами отпуска были: мукá ржаная и крупчатая, зерновой хлѣбъ, льняное сѣмя, ленъ, крупы, овесъ и проч. Закупка товаровъ производилась въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Казанской, Симбирской и Оренбургской.

Съ *Койгородской* пристани отправлено грузу на 128,583 руб. Предметы отпуска съ этой пристани были тѣ же, какіе съ *Ношувльской* пристани.

Отпускъ товаровъ съ *Вочевской* пристани простирался на 11,070 руб.

Изъ общей сложности товаровъ, отправленныхъ съ пристаней *Ношувльской* и *Койгородской*, застраховано въ минувшемъ

году: въ архангельской Морской и Рѣчной Страховой Компаніи на 387,507 руб. 42 коп. и въ С.-Петербургской Компаніи «Надежда» на 193,753 руб. 71 коп. Страховыхъ премій получено: первую 3,582 руб. 45 коп. и послѣднюю 1,791 руб. 23 коп.

Изъ г. Устьсысольска отправлено къ Архангельску разныхъ товаровъ на 27,633 руб. 32 коп., въ томъ числѣ муки ржаной (15,588 п.) на 11,926 руб.; ржи на 5,550 р. и сѣмяна льнянаго на 6,220 р. Товары сіи принадлежали устьсысольскимъ купцамъ Новоселову, Фролову и купчихѣ Торокановской, изъ коихъ одинъ Новоселовъ отправилъ на 20,916 руб.

Съ Подосиновской пристани, находящейся на р. Югѣ, въ Никольскомъ уѣздѣ, отпущено въ минувшемъ году къ Архангельску 28 барокъ, 11 полубарокъ и 5 каюковъ, съ грузомъ на 492,469 руб. 25 коп. * Главнѣйшій по отпуску товаръ былъ слѣдующій: льняное сѣмя (30,020 четв.) на 214,541 руб., овесъ (47,392 четв.) на 103,525 руб. 50 коп., мука ржаная (143,150 п.) на 59,885 руб. 50 коп., ленъ (21,163 пуд.) на 40,065 руб. 50 коп., пакля (20,426 пуд.) на 36,049 руб.

По Устюгскому уѣзду, со включеніемъ Быковской пристани на р. Югѣ и г. Лальска, отпускъ товаровъ простирался на сумму 292,747 руб.; съ одной Быковской пристани отпущено грузу на 151,453 руб. Участниками въ торговлѣ съ этой пристани были: орловскіе купцы, коимъ принадлежало товаровъ на 125,813 руб., лальскимъ купцамъ Сумкину и Ощепкову на 89,509 руб., никольскому купцу Грибанову на 51,000 руб., архангельскому купцу Бранту на 9,420 руб., вятскому купцу Микулину на 9,000 руб. и верховажскому купцу Ваганову на 7,220 руб. Главными предметами отпуска были: сѣмя льняное (16,663 четв.) на 116,729 руб., мука ржаная (92,950 пуд.) на 38,049 руб., ленъ (20,276 пуд.) на 87,498 руб. и овесъ (18,685 четв.) на 29,130 руб.

Торговля г. Устюга преимущественно направлена въ г. Архангельскъ и частью въ Вологду, для С.-Петербурга. Въ первый изъ сихъ городовъ отправлено съ Устюгской пристани товаровъ на 517,493 руб., въ томъ числѣ льну (74,454 пуд.) на 304,310 руб., овса (17,468 четв.) на 33,713 руб., сѣмени льнянаго (4,745 пуд.) на 37,990 руб., пакли льняной (11,557 пуд.) на 22,430 руб., кудельной (8,165 пуд.) на 16,508 руб. и муки ржаной (32,819 пуд.) на 14,747 руб.

Въ Вологду отпущено на 64,110 руб. Обдѣланная щетина

* Изъ числа сихъ судовъ никольскому купцу Грибанову принадлежало 6 барокъ, 8 полубарокъ и 2 каюка.

(1,858 пуд. на 55,721 руб.) и масло коровье (800 пуд. на 4,000 руб.) были главными предметами отпуска.

По Вельскому уѣзду отпускъ товаровъ простирался на сумму 168,856 руб. 50 коп., въ томъ числѣ льну (24,220 пуд.) на 85,690 руб., пеку (30,870 пуд.) на 14,357 руб. 50 коп., смолы (8,400 боч.) на 13,400 руб. и пакли (7,100 пуд.) на 12,105 руб.

О СОСТОЯНІИ ТОРГОВЛИ ТАВРИЗА ВЪ 1850 ГОДУ. По привозу товаровъ въ этотъ главный торговый городъ сѣверной Персіи оказалась въ 1850 года благоприятная перемѣна въ количествѣ русскихъ произведеній: ихъ доставлено слишкомъ на 300 тыс. руб. сер. Эта сумма превышаетъ болѣе нежели вдвое привозъ не только 1849, но и всѣхъ предъидущихъ годовъ за двѣнадцатилѣтній періодъ. Главными статьями привоза были: желѣзо (на 40,933 руб.), буйволовыя кожи (на 31,318 р.), шафранъ бакинскій (на 24,712 р.), серебряные позументы и нитки (на 23,475 руб.), хрустальные вещи (на 20,855 р.), фаянсовая и фарфоровая посуда (на 17,489 р.), самовары и чайники мѣдные (на 17,558 р.), каламенка (на 17,119 р.), подносы (на 16,035 р.), сундуки (на 15,812 р.) и проч. Изъ этихъ товаровъ не всѣ проданы съ барышемъ, особенно торговля шафраномъ оказалась убыточной. Чрезвычайно обильный урожай его въ Бакинскомъ уѣздѣ былъ поводомъ, что этого продукта доставлено сюда вдесятеро болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, отчего и цѣны упали почти пятидесятью процентами. Онъ продавался отъ 220 до 247 р. асс. за пудъ; такая цѣна, говорятъ, ниже той, какую платили за него на мѣстѣ, въ Баку.

Торговля европейскими мануфактурными товарами опять возбуждала жалобы на дурной ихъ сбытъ, по слѣдующимъ причинамъ. Успокоеніе Хоросана, куда по случаю продолжавшихся тамъ безпорядковъ, нѣсколько лѣтъ уже не отправляли товаровъ, подало мысль, будто въ настоящее время тамъ существуетъ чрезвычайная потребность въ англійскихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ. Въ слѣдствіе того, константинопольскіе негодіанты сдѣлали огромные и самые сѣшныя заказы въ Манчестерѣ. Но непосредственнымъ результатомъ этой спекуляціи было возвышеніе цѣнъ на самыхъ фабрикахъ, и затѣмъ, по доставкѣ товаровъ въ Константинополь, неизбежное пониженіе ихъ цѣны, по случаю привоза ихъ въ огромномъ количествѣ. Въ послѣдствіи оказалось, что и требованіе на мануфактурные товары въ Хоросанѣ вовсе не такъ велико, какъ полагали. Товары стали оставаться на рукахъ константинопольскихъ него-

ціантовъ. А какъ у нихъ и безъ того были въ наличности большіе запасы, то они, желая освободиться отъ этого новаго привоза товаровъ, изготовленныхъ при томъ въ персидскомъ вкусѣ и негодныхъ для Европы, не могли найти другаго средства, какъ продать ихъ въ кредитъ Персіянамъ. Эта приманка произвела обычное дѣйствіе. Персидскіе торговцы, воспользовавшись продажей этихъ товаровъ въ кредитъ, навезли ихъ въ Персію; но здѣсь они должны были потомъ продавать также въ убытокъ, отъ несоразмѣрности привоза съ дѣйствительною потребностью, и тѣмъ уронили цѣны. Сроки на англійскіе ма-нуфактурные товары были отъ 3-хъ до 22-хъ мѣсяцевъ, съ учетомъ по одному проценту въ мѣсяць. Если сдѣлать вычетъ процентовъ за все время, то цѣны ситцамъ за наличныя деньги оказываются отъ 1 р. 65 к. до 4 руб. 53 к. сер. за кусокъ. Доброта этихъ тканей и красокъ на нихъ выходитъ годъ отъ года хуже. Одинъ только французскій ситецъ еще довольно хорошъ. Онъ продавался до 26 коп. сер. за русскій аршинъ. Убытки, понесенные на англійскихъ ситцахъ, простираются, по показанію главнаго здѣсь торговаго дома Ралли и комп., до 20%. Впрочемъ, нѣкоторыя англійскія издѣлія избавились отъ общаго пониженія цѣнъ, именно: суровые миткали и сукна. Незначительность запасовъ миткаля въ Константинополѣ, и внезапная дороговизна хлопчатой бумаги въ Англии доставили имъ здѣсь легкій и выгодный сбытъ. Они продавались отъ 2 руб. 28 к. до 5 р. 14 к. сер. за кусокъ, причемъ барышъ доходилъ до 20%. Цѣны ихъ поддерживались и потому еще, что весь запасъ миткаля находился въ рукахъ европейскихъ торговцевъ, которые, не нуждаясь въ деньгахъ, не имѣли надобности спѣшить распродажей, какъ это случается обыкновенно съ Персіянами, которые набираютъ товары въ долгъ.

Цѣны за сукна возвысились также отъ 15 до 20 процентовъ, въ-слѣдствіе весьма незначительнаго привоза ихъ изъ Лейпцига, всего только на 45,000 р.; между-тѣмъ какъ въ 1849 г. привезено ихъ оттуда почти на 200,000 руб. сер. Доброта сукна была весьма низкая и продавалось оно отъ 1 р. до 50 к. до 3 р. 40 к. сер. за аршинъ.

Транзитомъ чрезъ Редутъ-Кале доставлено европейскихъ товаровъ въ Тавризъ на 80,471 руб. сер., въ томъ числѣ одного сахара на 79,600 руб. Отправлявшіе товары этимъ путемъ жаловались, по прежнему, на дурное состояніе дороги и дороговизну провоза. Не отвергая перваго неудобства, вельзя не замѣтить, что жалобы въ другомъ отношеніи неоснователь-

ны, ибо сравнивая среднія цѣны провоза чрезъ Редутъ-Кале и чрезъ Требизондъ, оказывается, напротивъ того, что послѣдній путь обходился дороже: чрезъ Требизондъ не менѣе 1 руб. 75 коп., а чрезъ Редутъ-Кале только 1 руб. 10 коп. сер. съ пуда.

Весь привозъ товаровъ въ Тавризъ въ 1850 г. простирался на 5,664,874 руб. сер., противъ 1849 г. болѣе на 464,000 р.; въ томъ числѣ привезено:

	Въ 1849 г.	Въ 1850 г.
Изъ Россіи	на 93,968	304,305 руб.
Лейпцига	» { 704,348	{ 126,912
Англии	» {	{ 580,436
Константинополя	» 4,402,167	4,653,221
Итого на 5,200,483		5,664,874 руб.

Товаровъ отпущено изъ Тавриза на 3,819,317 р., а именно: въ Турцію на 1,890,400 р. и въ Россію на 1,928,917 р., въ томъ числѣ шелку на 612,381 р., шелковыхъ матерій (канауса и термаламы) на 261,534 руб., шалей керманскихъ на 134,271 р., платковъ шелковыхъ на 37,157 р. и пр. Шелкъ покупался въ Ряштѣ отъ 28 р. 74 к. до 89 р. 80 к. сер. за пудъ. Въ Константинополь вывезено шелку менѣе прошлогодняго количества и качествомъ онъ былъ ниже того, который отправленъ въ Россію, почему и купленъ дешевле. Цѣны на него въ Ряштѣ были отъ 75 р. 43 к. до 78 р. 85 к. за пудъ. За-то вывозъ въ Константинополь другаго продукта, именно кальяннаго табаку, былъ очень великъ: въ 1850 г. отправлено его туда на 329,750 руб., а въ 1849 г. едва только на 61,000 р. Табакъ продается въ Тавризѣ на весьма долгіе сроки, до 35 мѣсяцевъ, а если вычетъ проценты за время, то онъ обойдется среднимъ числомъ исфаганскій и ездскій 2 р. 60 к., а ширазскій 4 р. 75 к. за пудъ. На чернильные орѣшки въ 1850 г. былъ неурожай и вывозъ ихъ уменьшился; цѣны были: синимъ отъ 6 р. 14 к. до 6 р. 28 к., а бѣлымъ отъ 4 р. 70 к. до 4 р. 85 к. за пудъ, за наличныя деньги.

ПАРОХОДСТВО ПО КУРЪ. Первая мысль употребить для пользы торговли раздольныя воды Куры принадлежитъ геніальному преобразователю Россіи Петру Великому, обозрѣвавшему и изучавшему свою Имперію

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды.

Когда побѣдоносныя русскія войска, послѣ побѣдъ надъ Шведами, перешагнули къ берегамъ Каспійскаго моря, Высочайшимъ указомъ повелѣно было: «прислать на Куру пять тысячъ Мордвы», для построения города при устьѣ рѣки и производства торговли съ единовѣрными намъ Грузинами. Эта священная для насъ мысль до сего времени была неисполненною; Кура оставалась въ своемъ дикомъ первобытномъ состояніи. Въ 1846 году по приказанію Князя Намѣстника Кавказскаго опредѣленъ придѣлъ судоходства по р. Курѣ; для чего былъ посланъ капитанъ лейтенантъ Зеленый, на желѣзномъ пароходѣ «Волга»*.

Въ прошломъ же 1850 году, по назначенію Князя Намѣстника, отправился на Куру Путей Сообщенія полковникъ Санковскій, для новой провѣрки глубины рѣки и сравненія ея съ измѣренною въ 1846 году, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по картѣ г. Капитанъ-Лейтенанта Зеленаго, глубина означена несоразмѣрно малою, противъ его шканечнаго журнала. Въ то же время сдѣлана съемка и невелировка мѣстности, по направленію каналовъ, на спрямленіе теченія Куры предположенныхъ; въ томъ же году Князь Михаилъ Семеновичъ поручилъ дѣствительному статскому совѣтнику барону Мейндорфу произвести пробныя работы для вытаскиванія карчей, запружающихъ фарватеръ рѣки. Для сей цѣли были построены въ Тифлисѣ двѣ плоскодонныя барки, каждая длиною около 60 футовъ. Изъ нихъ предполагалось составить такъ-называемый американскій «снагъ-ботъ», на которомъ должна была помѣститься машина въ 40 л. силъ, для приведенія въ движеніе горизонтальнаго вала съ наложенными на него нѣсколькими шлагами, желѣзными цѣпями съ дрегами, назначенными для вытаскиванія карчей. Такъ-какъ предположеніе это не состоялось, потому-что выписывать машину изъ сибирскихъ заводовъ, съ доставкою на Куру, обошлось бы весьма дорого, то «снагъ-ботъ» былъ вооруженъ слѣдующимъ образомъ: на каждой баркѣ по двѣ стрѣлы упирались въ діаметральную плоскость, проходящую чрезъ центръ тяжести. Эти стрѣлы поддерживали небольшой деревянный валъ, на которомъ основаны были двое полу-гиней; лопаля ихъ, идя къ двумъ вертикальнымъ брашнякамъ, устроеннымъ спереди и сзади стрѣлъ,

* О результатахъ его изслѣдованій я упоминалъ въ статьѣ своей: *Плаванье на Кирджимъ по р. Курѣ*, помѣщенной въ 56 № «Кавказа» 1851 года.

приподнимали карчъ изъ воды, и отпиленные его куски свозили на берегъ.

Встрѣтившіеся на Курѣ карчи, изумительные по своей величинѣ, занесенные пломъ и мокнувшіе въ водѣ болѣе 40 лѣтъ, оказались длиною въ 14 сажень, толщиною у комеля въ 4 сажени, и вѣсомъ около 2,500 пуд. Тѣмъ не менѣе вытаскиваніе ихъ, по означенному способу, было медленною и неудобною работою, а потому употребленъ простой морской способъ вытаскиванія карчей съ берега посредствомъ полу-гиней, вспомогательныхъ талей и шпилей, что послѣ пробнаго испытанія оказалось болѣе полезнымъ, необременительнымъ и выгоднымъ противъ прежняго способомъ. Продолжая эту работу 25-ю человекими рабочихъ Татаръ, въ три мѣсяца пробная очистка фарватера Куры производима была отъ деревни Мингочаура внизъ по теченію, до деревни Карадеина, на протяженіи 100 италіанскихъ миль, гдѣ разобраны главныя гнѣзда карчей, запружающихъ фарватеръ рѣки въ поворотахъ. Чтобы потревожить карчъ, образовавшій вокругъ себя наносный илистый островъ, придумали употребить средство подводнаго взрыва; два ящика, въ 4 фунта пороха каждый, герметически закупоренные, привязывали на днѣ къ карчу, и посредствомъ гальванической баттарей производили взрывъ, чѣмъ иногда удавалось сдвинуть съ мѣста столѣтній «плантерсъ» или «сукъ», послѣ чего, выдернуть его изъ пла и подтащить къ берегу было несравненно сподручнѣе. Такъ-какъ въ полномодіе берега Куры, переполненные водою отъ мая по сентябрь, при быстромъ теченіи покрываютъ карчи, то возобновленіе слѣдующихъ работъ очистки фарватера рѣки продолжаться будетъ съ октября мѣсяца средствами болѣе серьезными, а мѣсто работъ находится будетъ между деревнями Карадеина и Зарлоба.

Цѣль учрежденія пароходства по Курѣ есть—соединеніе цѣпи пароходнаго сообщенія отъ Нижняго-Новгорода по рѣкѣ Волгѣ, и пакет-ботнаго сообщенія по Каспійскому морю съ пароходомъ по Курѣ, плавающимъ до мингочаурской переправы, что въ 60 верстахъ отъ г. Елизаветполя, и 266 верстъ отъ Тифлиса. Буксированіе на двухъ баржахъ провіанта, доставленнаго къ устью рѣки изъ Астрахани, а при обратномъ слѣдованіи по теченію, коммерческихъ товаровъ, отправляемыхъ по Волгѣ въ Москву, какъ-то: лезгинской шерсти, марены, индиго, шелку, хлопчатой бумага, табаку, рису, фруктовъ и прочихъ произведеній края, обладающаго обильной раститель-

ностью. Обративъ вниманіе на богатство растительнаго царства Грузіи, на эти цѣнные предметы торговли, Князь Намѣстникъ, чрезъ пароходство по Курѣ, доставить легкую возможность сбыта этихъ продуктовъ, результатомъ чего будетъ обогащеніе Закавказскаго края.

С. ЛЕЙТЕНАНТЪ.

(Изъ *Кав. Вѣстн.*)

ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ГРОМОВОЙ УДАРЪ ВЪ НОЯБРѢ МѢСЯЦѢ. Курской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Путивлѣ, 9-го ноября, въ половинѣ 4-го часа пополудни, изъ тучи, нашедшей съ сѣверо-восточной стороны, послѣдовалъ сильный громовой ударъ въ соборную церковь Рождества Богородицы, которымъ, въ осмерикѣ этой церкви, между алтарнымъ куполомъ, въ самомъ карнизѣ, пробило каменную стѣну снаружи въ длину и ширину—на поларшина, глубиною—на два кирпича, а насквозь стѣны—косвенной скважиной въ полтора вершка; въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько ниже, стѣна выбита квадратомъ на аршинѣ. Судя по этимъ поврежденіямъ, громовой ударъ разразился снаружи въ двухъ направленіяхъ. Въ первомъ, сквозь пробитую скважину, прошелъ онъ внутрь храма, сшибъ съ подножія утвержденный большимъ желѣзнымъ костью крестъ, находившійся на верху иконостаса, и ниже креста вышибъ изъ мѣста икону. При этомъ позолота во многихъ мѣстахъ иконостаса, на колоннахъ, царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ, также на мѣстныхъ и прочихъ иконахъ, была опалена; въ тумбахъ нижняго иконостаснаго яруса оторвана вызолоченная рѣзьба и отброшена въ сторону; подъ одной иконой пелену и одежду опалило, самая же икона, съ другою, возлѣ стоявшею, опрокинуты; въ подсвѣчникѣ, передъ этими иконами, развинчены верхняя трубка и подножные шары, съ поврежденіемъ; противъ намѣстной иконы повреждены на полу двѣ доски, и сорвана съ мѣста, утвержденная желѣзомъ, деревянная рѣшетка. Далѣе проложенъ былъ молніею, по полу, тонкій слѣдъ въ двухъ направленіяхъ: одинъ—подъ деревянную гробницу, въ которой хранится плащаница: здѣсь разбито 8 большихъ стеколъ, но самая плащаница и гробница остались неповрежденными; только въ кіотѣ ближней иконы оторванъ уголъ карниза и сдвинута рѣзьба; другой—прошелъ чрезъ всю церковь, въ скважину раствора западныхъ дверей, окованныхъ желѣзомъ, и затѣмъ, по направленію направо, въ придѣльную вер-

хнюю теплую церковь, гдѣ отправлялось тогда вечернее служеніе. Въ этой церкви сначала вспыхнуло необыкновенное освѣщеніе, потомъ стало темно, какъ-будто отъ дыма: горѣвшія лампы и свѣчи погасли; въ иконѣ, стоящей надъ царскими вратами, разбито стекло, а другая, близъ висѣвшая, упала на полъ, также съ разбитіемъ стекла. Равно и въ другихъ иконахъ, на стѣнахъ висѣвшихъ, разбиты стекла; сверхъ-того отбитъ уголъ въ иконостасной тумбѣ близъ царскихъ вратъ, а надъ вратами оторванъ мозаикъ, сорвано паникадило, висѣвшее надъ мѣстною иконою, и поломанное, вмѣстѣ съ поставленною свѣчею, повержено на полъ; стоявшіе въ то время у окна, на лѣвомъ клиросѣ, монахъ и послушникъ, почувствовали легкое оглушеніе, но, по осмотру городского врача, оказались внѣ опасности. Второе направленіе громоваго удара, какъ объяснено выше, выбивъ, квадратомъ на аршинѣ, снаружи стѣну, прошло по наружной южной сторонѣ, съ выбитіемъ въ углу кирпичей, на церковную трапезную желѣзную крышу, которую мѣстами сорвало. Затѣмъ, пройдя подъ этою крышею и, при выходѣ своемъ, пробивъ сверху нѣсколько рядовъ кирпичей, ударъ разразился, по-видимому, около дверей нижней церкви, съ сѣверной стороны, на землѣ. Всего, въ обѣихъ церквяхъ, разбито 205 стеколъ; вообще же убытокъ, причиненный громовымъ ударомъ, исчисленъ на 1,000 руб. сер.

ДРУГОЙ СОВРЕМЕННЫЙ УДАРЪ ГРОМА, СОПРОВОЖДАВШІЙСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМЪ ПОРАЖЕНІЕМЪ. Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, наканунѣ описаннаго выше случая, то-есть 8-го ноября, Подольской губерніи въ Проскуровскомъ уѣздѣ, крестьянинъ села Зеленаго, Федоръ Шидловскій, отъ роду 50-ти лѣтъ, убитъ молніею напо-лѣ, во-время пастьбы скота.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЖАРЫ въ послѣдніе 4 мѣсяца прошлаго года: 23-го сентября. Восемь случаевъ. Во-первыхъ—Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда, въ селѣ Волосковцахъ, у казаковъ и помѣщичьихъ крестьянъ сгорѣло 35 домовъ со всѣми хозяйственными постройками и имуществомъ, на 10,000 руб. сер.; при этомъ погибли въ пламени: казачка—60 лѣтъ и сынъ казака—5 лѣтъ. Во-вторыхъ—Могилевской губерніи Мстиславскаго уѣзда, въ околицѣ Пастарнакахъ, сгорѣло, отъ выкинутія изъ трубы пламени, 10 дворянскихъ домовъ со всѣми на-дворными строеніями и имуществомъ; отчего понесено убытка на 8,000 руб. сер. Въ-третьихъ—Ковенской губерніи и Ковен-

скаго же уѣзда, въ помѣщичьемъ мѣстечкѣ Лабуновѣ, сгорѣли: корчма, амбаръ съ имуществомъ и два сарая; убытку показано на 4,000 руб. сер. Въ-четвертыхъ — той же губерніи Россіенскаго уѣзда, въ маіоратскомъ мѣстечкѣ Таурогенѣ, сгорѣли: пивоварня Еврейки Янкеловичевой, сарай прусскаго подданнаго Ланге, жилой домъ съ сараемъ и движимостью Осипа Януша, жилой домъ съ имуществомъ, амбаръ, сарай и гумно Еврея Лосося; убытокъ отъ этого пожара простирается до 4,721 руб. сер. Въ-пятыхъ — Калужской губерніи Малоярославецкаго уѣзда, въ сельцѣ Татарскомъ, помѣщицы Шакаловской, сгорѣлъ господскій домъ съ имуществомъ; убытка понесено на 4,000 руб. сер. Въ-шестыхъ — Вольнской губерніи Луцкаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Колкахъ, сгорѣло 25 крестьянскихъ и 75 еврейскихъ домовъ, всего на 4,387 руб. сер. Въ-седьмыхъ — Пензенской губерніи Нижнеломовскаго уѣзда, въ государственной деревнѣ Новомъ-Шуструѣ, сгорѣло 50 крестьянскихъ домовъ, и одинъ, принадлежавшій солдаткѣ. Въ-восьмыхъ — Владимірской губерніи Шуйскаго уѣзда, въ деревнѣ Запрудьѣ, сгорѣлъ 31 крестьянскій домъ.

— 24-го октября. Два случая. Одинъ — въ Могилевской губерніи, близъ губернскаго города, въ 5 часовъ по-полудни, загорѣлась крыша зданія Пипенбергскаго Института благородныхъ дѣвицъ, и хотя пожаръ дѣйствіемъ прибывшей изъ Могилева пожарной команды прекращенъ, однакожъ находившійся на институтскомъ домѣ мезонинъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ имуществомъ институтскихъ дамъ; убытку отъ этого пожара, по показанію начальницы института, понесено болѣе чѣмъ на 10,000 руб. сер. Другой — Пермской губерніи Верхотурскаго уѣзда, въ богословскомъ казенномъ заводѣ: сгорѣли до основанія мукомольная и лѣсопильная мельницы, стоившія казнѣ 7,427 руб. 99 $\frac{1}{2}$ коп. сер.

— 3—4 ноября. Псковской губерніи Великолуцкаго уѣзда, въ сельцѣ Левковѣ, у помѣщика Якимова, сгорѣли двухъ-этажный домъ и флигель, съ имуществомъ и деньгами 600 руб. сер., всего на 15,000 руб. сер.

— 7—8 ноября. Два случая. Одинъ — въ Рязани: сгорѣлъ домъ городского общества, въ которомъ помѣщались сиротскій и словесный суды, магистратъ, дума и приходское училище; причемъ въ присутственныхъ мѣстахъ погибла въ пламени большая часть дѣлъ и бумагъ. Другой — Нижегородской губерніи

Арзамасскаго уѣзда, въ деревнѣ Коринной: сгорѣло 16 крестьянскихъ домовъ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ. 15-го декабря прошлаго года, въ половинѣ перваго часа пополудни, было ощущаемо въ г. Елабугѣ землетрясеніе, продолжавшееся около 3-хъ секундъ; ударъ его ощущателемъ былъ въ каменныхъ домахъ на Набережной и Покровской улицахъ, равно и въ Спасскомъ соборѣ, но въ-особенности въ деревянныхъ домахъ чувствуемъ онъ былъ сильнѣе. Поврежденій никакихъ не оказалось.

ТЫКВА НЕОБЫКНОВЕННОЙ ВЕЛИЧИНЫ. Въ г. Каширѣ, Московской губерніи, на огородѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ, въ прошломъ году выросла тыква, вѣсившая 5 пуд. 32 ф.; окружность ея по главной боковой вышуклости 3 арш. 11 $\frac{1}{2}$ вер.; окружность по длинѣ, черезъ головку отъ хвоста, 3 арш. 13 верш. Наружный цвѣтъ ея палевый, внутри оранжевый. При всемъ томъ это чудо отличалось превосходнымъ вкусомъ.

ВѢСТИ СЪ КАВКАЗА. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ память генераль-маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій казачій полкъ и постоянно водившаго его къ побѣдѣ, — станицу Сунженскую, въ коей расположена штабъ-квартира сего полка, именовать впредь Слѣпцовскою.

БОЖІЙ-ПРОМЫСЛЪ. 6-го декабря прошлаго года, на Божьемъ промыслѣ совершилось одно изъ событій, которыя не умираютъ въ памяти народа. Еще съ 1850 года здѣшніе откупщики, гг. Мирамаковъ и Аршакуни, задумали оставить неприкосновеннымъ, для памяти Закавказцевъ, катеръ, на которомъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ переправиться чрезъ Куру въ Мингичауръ, въ незабвенный годъ посѣщенія Имъ Закавказскаго края. (Катеръ этотъ нарочно былъ построенъ откупщиками для этого случая, и доставленъ къ Мингичауру съ Божьяго-промысла сухимъ путемъ). Но чтобы осуществить эту мысль, надобно было нарочно построить зданіе, въ которомъ бы прилично было вмѣстить катеръ. Г. Аршакуни такъ и сдѣлалъ. Зданіе приведено къ окончанію къ 6-му декабря. Въ этотъ-то торжественный день предположено было возстановить катеръ, за которымъ въ Мингичауръ заблаговременно были посланы люди и сдѣланы всѣ приготовления. Къ этому торжеству были приглашены нѣсколько чиновниковъ полицейскаго и таможеннаго вѣдомствъ, и нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ жителей м. Сальянъ. Но къ величайшему сожалѣнію, утромъ въ 6 часовъ получено извѣстіе, что

катеръ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, находился еще въ дорогѣ, и могъ прибыть на Божій-промыслъ не ранѣе 8 или 9 числа. Сколь ни огорчительно было для г. Аршакуни это обстоятельство, но онъ однакоже не рѣшился нарушить радости, съ которою ожидали этого торжественнаго дня, и предложилъ по-крайней-мѣрѣ освятить зданіе, въ которомъ должно вмѣститься дорогому для памяти Закавказцевъ катеру.

Послѣ литургіи и молебствія, священникъ въ полномъ облаченіи, сопровождаемый хоругвями и всѣмъ народонаселеніемъ Божьяго-промысла, отправился ко вновь-построенному зданію. Здѣсь отслуженъ былъ съ водоосвященіемъ молебенъ о здравіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, и возглашено многолѣтіе всему Августѣйшему Императорскому Дому, сопровождаемое непрерывными выстрѣлами изъ четырехъ промысловыхъ фальконетовъ.

Затѣмъ гости приглашены были г. Аршакуни къ обѣду; на площади разставлены столы для простаго народа и людей изъ разныхъ воинскихъ командъ, прибывшихъ изъ ближайшихъ мѣстъ, для настоящаго случая, на Божій-промыслъ; а противу освященнаго зданія по срединѣ рѣки поставлено было большое мореходное судно, иллюминированное флагами и обставленное по бортамъ фальконетами, взятыми съ другихъ судовъ. При провозглашеніи тостовъ за здравіе Государя Императора, Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго Императорскаго Дома, съ судна загремѣли выстрѣлы, сопровождаемые громогласнымъ «ура!» всего народа. Оживленные торжественностію праздника, добрые русскіе мужички не жалѣли голоса на изъясненіе своей радости. Общее и единодушное веселье царствовало между русскими и туземцами; въ-особенности для послѣднихъ торжество это поразительно было тѣмъ, что они имѣли слабое понятіе о подобныхъ праздникахъ, и съ радостію разспрашивали о значеніи настоящаго.

Съ наступленіемъ сумерекъ, весь Божій-промыслъ вспыхнулъ огнями; судно по всѣмъ снастямъ и реямъ освѣтилось разноцвѣтными китайскими фонариками, а на противоположномъ берегу Куры занимали смолянныя бочки, разставленныя въ недалекомъ одна отъ другой разстояніи, и въ то же время заблистали вензеля Его Императорскаго Величества Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; на площади сожженъ былъ фейерверкъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздавалась задумчивая русская пѣсня. Ночь,

при истеченіи послѣдней четверти луны, была мрачная и тихая, и освѣщеніе пылавшихъ высоко бочекъ, набережной и судна, вонзающагося своими высокими мачтами въ сумрачный сводъ небесъ, ярко отражалось въ гладкомъ стеклѣ Куры, и представляло картину истинно-очаровательную. По берегамъ толпился съ криками удовольствія разноплеменный, но подъ вліяніемъ одного радостнаго чувства, народъ, а близь дома откупщиковъ, въ прекрасномъ павильонѣ, раздавался шумный говоръ ликующихъ гостей, угощаемыхъ радушнымъ хозяиномъ.

Пріятно было смотрѣть на добраго хозяина, у котораго нѣсколько разъ наворачивались на глазахъ слезы: такъ онъ былъ радъ осуществленію, хотя не вполне, своей прекрасной мысли. При прощаніи съ гостями, онъ неоднократно изъявилъ сожалѣніе, что бѣдныя ватажныя средства не дозволили ему сдѣлать минувшаго праздника еще торжественнѣе.

Такъ заключился нашъ прекрасный ватажный праздникъ. Катеръ изъ Мингичаура прибылъ на Божій-промыслъ 9-го числа, и съ церемоніею поставленъ въ предназначенное для него мѣсто.

М. РЕЗАНОВЪ.

(Изъ Кавк. Вѣст.)

НЕКРОЛОГЪ.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго года неумолимая смерть похитила три славныя имени—адмирала Беллинсгаузена, генерала-отъ-инфантеріи Котляревскаго и генералъ-маіора Слѣпцова. Вотъ какъ извѣстили наши газеты (Сѣверная Пчела, Русскій Инвалидъ и Кавказъ) объ этихъ горестныхъ утратахъ.

(Изъ письма въ редакцію Сѣв. Пчелы). Кронштадтъ грустно встрѣчалъ новый 1852 годъ. Молва о болѣзни любимаго начальника города, адмирала Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, во всѣхъ возбуждала опасенія. И при святочныхъ увеселеніяхъ, въ дружескихъ и семейныхъ собраніяхъ, разговоръ заботливо обращался къ его болѣзни. 13-го Января, въ

полночь, по всему городу разнеслась печальная вѣсть о кончинѣ маститаго адмирала, послѣдовавшей въ одиннадцать часовъ вечера на 74-мъ году его жизни. Поутру весь Кронштадтъ казался въ глубокомъ траурѣ, и на домъ, занимаемый покойнымъ, смотрѣли какъ на мрачную могилу.

Гробъ съ тѣломъ покойнаго, окруженный лавровыми деревьями, орденскими знаками и морскими флагами, осѣнявшими во главѣ сего гроба образъ Спасителя, по 19-е число находился въ залѣ дома. Всякій имѣлъ утѣшеніе здѣсь проститься съ усопшимъ. И кто отсюда вышелъ, не проливъ на гробъ его горячей слезы! Мы испытали въ слишкомъ двѣнадцатилѣтнее его управленіе кронштадтскимъ портомъ его прямодушіе, кротость его и благородство! Кто не испустилъ здѣсь глубокаго вздоха, живо представивъ себѣ пятьдесятъ четыре года доблестнаго служенія его Государю и отечеству, и то кругосвѣтное до 71-го градуса къ южному полюсу путешествіе, котораго счастливое совершеніе зависѣло только отъ его благоразумной предусмотрительности и совершеннаго знанія морской службы? Кто не чувствовалъ въ сердцѣ тяжелой скорби, видя у гроба старцевъ-сослуживцевъ, молившихся на колѣняхъ объ упокоеніи души умершаго, невзирая на различіе вѣроисповѣданія? Кто не плакалъ тутъ вмѣстѣ съ добрымъ семействомъ покойнаго, пораженнымъ скорбію о незагладимой своей потерѣ?

18-го числа, въ семь часовъ вечера, генералы и офицеры перенесли на рукахъ тѣло усопшаго въ лютеранскую церковь. Весь Кронштадтъ тронулся на печальную процессію: едва было можно шагъ за шагомъ двигаться по улицѣ до самой церкви. Движеніе печальной толпы, свѣтъ факеловъ, гулъ скромнаго говора, прерываемаго прискорбными вздохами, придавали всему какое-то грустно-таинственное величіе.

19-го числа совершенно и погребеніе адмирала, по обряду лютеранской церкви. Въ двѣнадцать часовъ уже была полна народа облекшаяся въ трауръ церковь. Тутъ присутствовали весь генералитетъ морской изъ С.-Петербурга и Кронштадта, сослуживцы и друзья покойнаго. Пасторъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой, послѣ утѣшительныхъ истинъ христіанскихъ, коснулся и служебной жизни умершаго.

Послѣ окончательной молитвы, любящее семейство простилось съ своимъ другомъ-благодѣтелемъ до будущаго свиданія тамъ—за гробомъ. Морскіе офицеры понесли флаги и ордена, въ сопровожденіи марша, а генералы подняли гробъ, кото-

рый и былъ несенъ на рукахъ преданнѣйшими изъ морскихъ офицеровъ до самой могилы. Всѣ сословія города принимали живѣйшее участіе въ этой погребальной церемоніи своего уважаемаго начальника; весь городъ былъ въ движеніи, несмотря на сильную стужу. Въ три часа, при отданіи ружейною и пушечною пальбою послѣдней земной почести знаменитому адмиралу, опустили гробъ въ могилу. Сожалѣніе о потерѣ добрѣйшаго начальника и благороднѣйшаго человѣка было всеобщее. Всякій въ душѣ говорилъ: «миръ праху твоему, достойный мужъ! Добрая душа твоя во благихъ подворится!»

А. ОХОТИНЪ.

Урочище Бѣлый-Ключъ.—21-го декабря 1851 г. въ штаб-квартирѣ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, урочищѣ Бѣлый-Ключъ, былъ торжественный церковный парадъ, отъ всѣхъ отдѣльныхъ частей, для слушанія св. литургіи и панихиды за упокой души усопшаго славнаго генерала-отъ-инфантеріи Петра Степановича Котляревскаго. Парадъ былъ съ георгиевскими знаменами 1-го и 2-го баталіоновъ, пожалованными за взятіе штурмомъ крѣпости Ахалкалаки, съ 7-го на 8-е число декабря 1811 года, подъ начальствомъ самого покойнаго генерала Котляревскаго (бывшаго въ то время полковникомъ).

Передъ началомъ парада, всѣмъ нижнимъ чинамъ прочтенъ былъ слѣдующій приказъ по полку:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ объявляя по вѣренному миѣ полку горестное извѣстіе о кончинѣ Генерала-отъ-Инфантеріи Петра Степановича Котляревскаго, бывшаго шефа Грузинскаго Гренадерскаго Полка, мы, съ соизволенія Его Сіятельства Г. Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, приступимъ къ выполненію послѣдней, лежащей на насъ священной христіанской обязанности: завтрашняго дня отслужимъ панихиду за упокой души доблестнаго мужа, который, командуя симъ полкомъ, всегда раздѣлялъ съ своими подчиненными все труды и опасности, сопряженные съ военною службой, и не одинъ разъ проливалъ кровь свою наравнѣ съ добрыми солдатами храбраго Гренадерскаго Полка, для исполненія воли Государя Императора. Достославное служеніе его, ознаменованное постоянно блестящими побѣдами, прогремѣвшими по всему Закавказью, Персіи и Турціи, возвысило славу нашего полка; а геройскіе подвиги на поляхъ *Асландуза* и на стѣ-

нахъ *Ленкорани*, должны навсегда остаться въ памяти кавказскихъ воиновъ и занять въ исторіи ихъ одно изъ блистательныхъ мѣстъ.

«Не распространяясь описаніемъ всѣхъ его дѣяній, ибо исторія кавказской войны, въ свое время, воздастъ ему достойнымъ образомъ, я не могу однако не припомнить всѣмъ моимъ сослуживцамъ нѣсколько драгоцѣнныхъ для насъ словъ, произнесенныхъ имъ предъ сраженіемъ асландузскимъ, гдѣ отрядъ его, состоя не болѣе какъ изъ 2,000 человекъ, имѣлъ противъ себя 20,000 непріятеля, подъ предводительствомъ наслѣднаго Принца Персія, *Аббасъ-Мирзы*:

«Не слушать отбою, отступленія не будетъ!»

«Слова эти выражаютъ весь предприимчивый и мужественный духъ этого знаменитаго кавказскаго героя, всегда готоваго на всякое самопожертвованіе во славу и честь русскаго оружія. Онъ сказалъ—и совершилъ великое дѣло: отбою не было, и Персіяне были разбиты.

«Помолимся же, братья-гренадеры, за упокой души славнаго Генерала Петра Степановича Котляревскаго! Молитва храбрыхъ и добрыхъ воиновъ—доступна до Бога; будемъ просить Его усердно, чтобы Онъ помогъ намъ идти по достойнымъ слѣдамъ со славою отслужившаго знаменитаго воина, съ упованіемъ на Бога, для службы Государю и Отечеству».

Усердно и съ истинно-христіанскимъ умиленіемъ молились всѣ чины за упокой души героя, память котораго свято чтится въ полку, имъ прославленномъ, въ полку, который когда-то раздѣлялъ его труды и геройскіе подвиги, и привыкъ гордиться именемъ своего шефа.

По окончаніи панихиды, Его Сіятельство г. Командиръ полка, князь Орбеліанъ, произнесъ къ нижнимъ чинамъ краткую, но прекрасную рѣчь, въ которой, выразивъ скорбь о усопшемъ, изъявилъ надежду, что каждый солдатъ, чувствуя значительность потери, захочетъ почтить память славнаго покойника добрымъ дѣломъ и храбростью, достойною доблестныхъ примѣровъ своего бывшаго начальника.

Общій единодушный возгласъ былъ отвѣтомъ на рѣчь, понятную каждому и согласующуюся съ общимъ настроеніемъ чувствъ.

Въ 1810 году, 14-го ноября, полковникъ Петръ Степановичъ Котляревскій назначенъ былъ шефомъ нашего (бывшаго въ то время Кавказскаго, а потомъ Грузинскаго Гренадерскаго) полка, и до сихъ поръ еще хранятся у насъ, какъ святыня, его

приказы, доказывающіе геройскій духъ, рѣшительность, всегдашнее присутствіе духа и безусловную преданность Царю и Отечеству.

Сколько изумительныхъ подвиговъ совершилъ генералъ Котляревскій въ краткій періодъ своей военной дѣятельности! Сколько блестящихъ примѣровъ самоотверженія и преданности! Какъ умѣлъ онъ внушить нѣжную любовь къ себѣ всѣмъ подчиненнымъ, и страхъ и ужасъ врагамъ! Молодой герой въ 35-ть лѣтъ былъ уже извѣстенъ и любимъ всѣми соотечественниками, и Пушкинъ, съ непритворнымъ удивленіемъ къ его подвигамъ, воскликнулъ:

«О, Котляревскій—бичъ Кавказа!»

Кому не извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, какая кроткая, добродѣтельная душа обитала въ его геройскомъ тѣлѣ? Какъ умѣлъ онъ входить въ нужды своихъ подчиненныхъ, облегчать страданія, поощрять неопытную молодость, награждать истинныя заслуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ, держать въ повиновеніи—самыхъ непокорныхъ! Одного слова добродѣтельнаго генерала было достаточно, чтобы ободрить унавшихъ духомъ воиновъ, заставить биться сердца ихъ геройскимъ чувствомъ, и съ полнымъ довѣріемъ къ вождю своему, весело и радостно идти за нимъ въ неровной бои съ значительными силами непріятеля, и всегда одерживать блистательную побѣду.

Всѣ, знавшіе лично покойнаго генерала, не могутъ безъ особеннаго теплаго чувства вспомнить его доброту, кротость и истинно-отеческую заботливость о своихъ подчиненныхъ.

Обремененный болѣзнями въ-слѣдствіе сильныхъ ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ, герой рано долженъ былъ оставить боевую жизнь и удалиться на покой, въ кругъ семьи своей, благоговѣвшей предъ нимъ, какъ предъ добродѣтельнымъ человекомъ и героемъ, прославившимъ оружіе своего Отечества.

Въ 1813 году, генералъ-лейтенантъ Петръ Степановичъ Котляревскій, снѣдаемый недугами, уѣхалъ съ Кавказа на родину, гдѣ и жилъ до конца своей жизни, дѣлая добро всѣмъ окружающимъ его, и пріобрѣтая любовь, удивленіе и уваженіе всѣхъ, кто имѣлъ случай узнать его добрую, младенчески прекрасную душу.

М. ЛЕВИНЦОВЪ.

Письмо изъ ст. Сунженской. 10-го декабря 1851 года Гехинскій отрядъ подъ предводительствомъ генераль-маіора Слѣпцова имѣлъ жаркое и блистательное съвѣщаніе съ непріателемъ дѣло на правомъ берегу р. Гехи.

Еще 7-го декабря, часа въ три по-полудни, непріатель вывезъ одно орудіе на опушку лѣса, на правомъ берегу Гехи, и сдѣлалъ изъ него нѣсколько выстрѣловъ по лагерю отряда, расположеннаго въ гехинскомъ ущельѣ. Канонада изъ нашихъ орудій заставила Чеченцевъ сейчасъ увезти назадъ свою пушку. Начальника отряда не было въ то время въ лагерѣ; онъ ѣздилъ въ укр. Урусъ-Мартанъ. Возвратясь оттуда на другой день, онъ узналъ чрезъ лазутчиковъ, что непріатель намѣренъ снова сдѣлать попытку стрѣлять по лагерю, и что въ томъ мѣстѣ, куда Чеченцы вывозятъ свое орудіе, устроены ими огромные завалы. Въ-слѣдствіе того сдѣланы были генераломъ Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріателя изъ заваловъ, и если можно, захватить орудіе: одна колонна изъ спѣшенныхъ казачьихъ охотниковъ и 2-го Тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правому берегу рѣки, и по первому выстрѣлу изъ непріательскаго орудія, броситься на путь отступленія Чеченцевъ, и штурмовать тамъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ генерала, изъ баталіона пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія впереди прямо летѣть на завалы и орудіе. Наконецъ 3-ей колоннѣ, бѣльшей прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нурикоевской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріателя съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колоннѣ генерала. 9-е число прошло въ ожиданіяхъ, которыя на этотъ разъ не сбылись: непріатель не привезъ орудія. 10-го, лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день многочисленное скопище непріательское непременно явится, и Чеченцы будутъ стрѣлять изъ своего орудія по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10, войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ 1-мъ часу генераль приказалъ колоннѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ, и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи. Наконецъ, въ началѣ 3-го часа, раздакъ выстрѣлъ изъ непріательскаго орудія. Генераль вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей: *на-конь! на-конь!* и поѣхалъ по пра-

вому берегу рѣки, сперва рысью, потомъ пустился скакать. Я находился при немъ. Двѣ сотни поспѣли за нами на полномъ карьерѣ. Мы проскакали версты полторы и были уже на одной высотѣ съ колонной, находившейся на лѣвомъ берегу. Кавалерія ея стала переходить въ это время рѣку; генераль, скакавшій впереди, сказалъ: *Господа, кричите «ура!» кричите «ура!»* Мы вынули шашки, продолжали нестись во весь духъ и влетѣли на поляну, устѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріатель и привѣтствовалъ насъ градомъ пуль. Но приведенный въ замѣшательство появленіемъ кавалеріи, которой онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ея ударомъ, услыхавъ слѣва «ура» охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили пѣшихъ Чеченцевъ: много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія, вся въ разсыпномъ строѣ, скакала впереди, перепрыгивая чрезъ срубленные и наваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское ура. Пронесшись далѣе, кавалерія остановилась наконецъ предъ огромными завалами, чрезъ которые трудно и пѣшему перейти. Бѣгущій непріатель прикрывался ими, и открылъ сильный огонь. Подоспѣла пѣхота.

Въ самомъ пылу боя, достойный предводитель отряда, доблестный генераль Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ—палъ смертью героя.

Когда кавалерія остановилась предъ завалами (по свидѣтельству всѣхъ, которымъ знакома здѣшняя война, рѣдкими по величинѣ и длинѣ своей, онъ послалъ меня съ приказаніемъ пѣхотѣ идти, какъ-можно, скорѣе. Чрезъ 10 минутъ приведенъ былъ баталіонъ Навагинцевъ (первая пѣхота, попавшаяся мнѣ на-встрѣчу). Густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь и подошла къ завалу, который тянулся длиною линіей, залегла за нимъ. Непріатель быстро отступалъ, лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими Чеченцами. Генераль стоялъ правѣе навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ эскортомъ. При немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (всѣ были разосланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ бѣломъ конѣ (на которомъ онъ скакалъ на шалинскій окопъ, былъ въ шалажинскомъ дѣлѣ и въ Нуркахъ, гдѣ его ранили); издали легко можно было различить его по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ Навагинцамъ: *Впередъ, ребята, чрезъ завалы!* Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто

повернул коня направо, сказал своимъ конвойнымъ казакамъ: *Возьмите меня!* ухватился за гриву и сталъ валиться съ лошади. Въ это время я подскакалъ къ нему. Издали еще я кричалъ: «—Прикажете ли, Ваше Превосходительство, пѣхотѣ идти чрезъ завалы?» и удивлялся, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Подѣхавъ ближе, я увидалъ, что его снимаютъ съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ, и молчалъ. Никто не звалъ, куда онъ раненъ; крови не было видно. Его положили на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: *Команду послъ меня принимаетъ полковникъ Каревъ. Гдѣ баронъ Сталь?* (отрядный квартирмейстеръ.) Приѣхалъ баронъ Сталь. Онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю, и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, разстегнулъ черкеску, бешметъ; тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану, не оцупалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ. Я отвелъ его въ сторону, и спросилъ шопотомъ: — Чтò, какова рана? — «Смертельна, отвѣчалъ онъ: бесполезно даже искать пулю.» Его понесли далѣе. Отъ солдатъ и казаковъ скрыли смерть любимого ими начальника. Генералъ Слѣпцовъ испустилъ духъ въ то время, какъ его переносили черезъ рѣку, слѣдовательно, еще на полѣ сраженія. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдняго его издыханія, и помнитъ всѣ слова, имъ произнесенныя. Онъ спросилъ: — *Взята ли пушка?* Ему отвѣчали: «Нѣтъ, но зато много побито Чеченцевъ.» Онъ сказалъ: — *Ну, и то хорошо; слава Богу.* Мысль о его войскахъ, о вѣренномъ ему отрядѣ, не оставляла его до послѣдней минуты; онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ: *Соединились ли съ колонной охотниковъ? Не велика ли потеря у насъ?* Сталъ молиться: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* Онъ былъ глубоко религіозенъ, и умиралъ съ твердою вѣрою въ вѣчную жизнь. Онъ не страдалъ: агонія его не была мучительна. Ни одного крика и стога не вырвалось изъ его устъ. Жилъ онъ съ полчаса послѣ роковаго удара, и тихо заснулъ; никто не примѣтилъ, какъ могучій духъ вождя улетѣлъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій. Трупъ его былъ принесенъ казаками въ лагерь, и глаза закрыты тамъ преданными ему людьми.

— Всѣ жалѣютъ о немъ—отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Скорбь общая и нелицемѣрная.

Между-тѣмъ, палъ онъ завидною смертию, на своемъ посту, исполняя свой долгъ. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (33-хъ лѣтъ), совершивъ уже блистательную карьеру, составивъ себѣ имя, громкое въ кавказскихъ войскахъ, грозное для Чеченцевъ, имѣя ничѣмъ не запятанную репутацію, умеръ смертью вождя, среди побѣды и триумфа. Сдѣлалъ довольно для своей славы. Былъ гордость, честь и надежда кавказской арміи. На поляхъ Чечни никогда не было столь отважнаго витязя. Память его будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать.

Онъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лицо его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые короткіе усы, бакенбарды, обходившіе кругомъ лица, и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягкое и ласковое, но которые въ минуту одушевленія и гнѣва сверкали какъ угли, составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ фizioномій, которыя нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя одинъ разъ. Я какъ-будто теперь гляжу на него, какъ онъ сидитъ, бывало, задумавшись, около палатки, въ своей высокой генеральской шапкѣ, желтой черкескѣ и короткой шубѣ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; серебро сѣдинъ стало пробиваться въ нихъ (онъ началъ сѣдѣть послѣ шалажинскаго дѣла). Онъ быстро ходилъ, движенія и жесты его были рѣзки; говорилъ скоро; когда былъ въ волненіи, то немного заикался. Голосъ его былъ пріятенъ, имѣлъ особенный тонъ; въ минуты же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ: вспыхивалъ какъ порохъ, имѣлъ самую вулканическую, огненную натуру. Какъ благородный металлъ, онъ скоро раскалялся и столь же скоро хладѣлъ. Когда чтò-либо исполнялось противъ его приказаній и этимъ нарушались его распоряженія, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно. Но этотъ взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ иногда (если былъ не правъ), снѣшилъ извиняться предъ тѣмъ, на кого излился его гнѣвъ. Были примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ. Никто изъ тѣхъ, которые подвергались его справедливому гнѣву, не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Преобладающее военное качество въ немъ была отвага безоглядная. Онъ былъ храбръ, какъ рыцари въ романахъ, какъ паладины среднихъ вѣковъ. Не было преграды, которая бы его остановила; опасности, которой бы онъ устрашился; предпрія-

тія военнаго, которое бы счелъ неисполнимымъ. Это былъ Бардъ кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека. Но что бы я ни сказалъ здѣсь, какъ бы ни хвалилъ его, все это будетъ мало, и дастъ лишь слабое понятіе о томъ, сколь онъ былъ благороденъ и неустрашимъ.

Память о немъ всегда сохранится на Сунжѣ, среди населенія, имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ Русскому скипетру, отнимая ее у враговъ шагъ за шагомъ, наводя на нихъ ужасъ своими смѣлыми набѣгами и повторяя ударъ за ударомъ. Имя его, воспѣтое въ казачьихъ пѣсняхъ, не будетъ забыто потомствомъ; онъ сдѣлается любимымъ героемъ сказаній и легендъ этого края. Дѣти нынѣшнихъ казаковъ будутъ пѣть боевую пѣснь Сунженскаго полка:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ,
Съ Сунжей * налетаетъ.

Онъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосоль. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Онъ истратилъ все свое состояніе на Сунженскій полкъ. Общій голосъ далъ ему прозваніе, свидѣтельствуя о томъ, какъ всѣ вѣрили въ его безкорыстіе его называли: «безсребренникъ». Въ кошелькѣ его, послѣ смерти, нашли одинъ гривенникъ. Онъ выражался просто, не стараясь отыскать и придумывать фразъ, говорить красно и высокопарно. Въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова, былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ. Искусственнаго въ немъ ничего не было; ложь и притворство были ему незнакомы и недоступны.

Сунженскій полкъ и Сунженская-линія созданы имъ въ осуществленіе предначертаній Главнокомандующаго. Генералъ Слѣпцовъ былъ вѣрный и точный исполнитель воли Князя Намѣстника. Всѣ станицы на Сунжѣ построены имъ. Въ первые годы устройства Сунженской-линіи, тревоги на ней были безпрестанныя; Чеченцы часто дѣлали набѣги, и Слѣпцовъ съ своими казаками не зналъ покоя. Бывало, раздастся пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій появленіе непріятельской партіи; на линіи тревога, казаки поспѣшно вооружаются, садятся на ко-

* Сунжа — Сунженскій полкъ, Сунженскіе казаки.

ней и скачутъ изъ станицъ на сборный пунктъ. Слѣпцовъ ведетъ ихъ отбивать скотъ, отогнанный непріателемъ, преслѣдовать Чеченцевъ, или отрѣзать имъ путь отступленія и истребить. Послѣ удачнаго дѣла, летучій отрядъ возвращается на линію. Пѣсни гремятъ въ рядахъ казаковъ; они ѣдутъ, неся трофеи, отбитое оружіе, значки; ведутъ немногихъ плѣнныхъ, а за ними кони, бранные товарищи, везутъ перекинутыя черезъ сѣдла тѣла побитыхъ казаковъ. Вѣсть о дѣлѣ прилетаетъ въ станицу: рассказываютъ, кто убитъ, кто раненъ. Толпа собирается для встрѣчи у воротъ. При восклицаніяхъ ея, побѣдитель въѣзжаетъ въ станицу. Но радость торжества нарушается печальною сценой. Съ воплемъ бросаются на-встрѣчу вождю жены и дѣти убитыхъ. Онъ кидаетъ имъ деньги, даетъ семьѣ убитаго казака 100 р., 150 р. сер., обезпечиваетъ ихъ будущность. Столь благороднымъ образомъ прожилъ онъ все свое состояніе. Вотъ отчего любили его такъ казаки, отчего скорбятъ они нынѣ, и горячія слезы текутъ по изрубленнымъ лицамъ.

У него были свои странности. На-примѣръ, онъ, воинъ столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ на Кавказѣ, гдѣ такъ много неустрашимыхъ людей — боялся, и какъ еще боялся! — различныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ до ребячества, до смѣшнаго, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушьяго крика. Когда онъ увидитъ, бывало, гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ. Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать, и говаривалъ: *тамъ пауки есть!* Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ въ-особенности имѣлъ онъ страшное отвращеніе. При мнѣ разъ, въ укр. Ачхоѣ, онъ увидалъ сверчка въ комнатѣ, сейчасъ поблѣднѣлъ и закричалъ: «Ларька, Ларька, лови сверчка, возьми его, не убивай и неси вонъ изъ укрѣпленія!» Онъ сталъ спокоенъ тогда только, когда сверчокъ былъ пойманъ и вынесенъ.

Съ непокорными Чеченцами велъ открытую, рыцарскую войну, но любилъ народъ и много заботился объ устройствѣ благосостоянія тѣхъ, которые переселялись къ намъ, и съ плѣнными не былъ жестокъ. Хотя онъ не отличался особенною физическою крѣпостью, но энергія души его все превозмогала; онъ былъ неутомимъ, способенъ переносить всѣ труды и лишения, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ пылу боя себя не щадилъ

нисколько и никогда, не видѣлъ опасности, не замѣчалъ пуль, летавшихъ кругомъ его. Онъ зналъ, что дни его сочтены, что онъ обреченъ мечу Азраила, пугался лишь мысли о смерти на постели отъ болѣзни, имѣлъ всегда жаркое желаніе умереть на полѣ ратномъ, выбралъ могилу себѣ въ Сунженской станицѣ, подлѣ убитаго племянника своего, и былъ каждую минуту готовъ на смерть. — Найдите такое самоотверженіе въ человѣкѣ молодомъ (33-хъ лѣтъ), красивомъ, здоровомъ, на котораго природа щедро разсыпала всѣ свои дары.

Встрѣча праха его на Сунжѣ исполнена была мрачной торжественности. 11-го декабря повезли его изъ лагеря; въ послѣдній разъ шли за вождемъ своимъ всѣ Сунженскіе казаки, подъ начальствомъ войсковаго старшины, Предимирова, которому покойный генералъ, очень любившій его, хотѣлъ передать командованіе надъ полкомъ. За тѣломъ ѣхали казачьи офицеры Клименко и Нейманъ, самые близкіе и преданные ему люди. Не доходя 4 версты до Ачхоя, встрѣтилъ его воинскій начальникъ этого укрѣпленія, подполковникъ Мезенцовъ, одинъ изъ лучшихъ друзей покойнаго. Получивъ въ ночь скорбную вѣсть, онъ послалъ въ ст. Сунженскую заказать тамъ гробъ, устроилъ печальную колесницу, и съ ротою пѣхоты вышелъ отдать послѣднюю честь останкамъ начальника своего и друга. Тѣло почевало въ Ачхоѣ. Утромъ, на другой день, печальное шествіе тронулось далѣе. Изъ первой на пути станицы (Ассинской) весь народъ вышелъ за 5 верстъ; старики, дѣти, женщины съ грудными младенцами, больные и хворые, — все устремилось, всѣ пошли на-встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился обо всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ и погибъ за нихъ. Еще большее стеченіе ожидало его передъ станицей Сунженской. Вѣсть роковая разнеслась еще наканунѣ по Сунжѣ, и отсюда, изъ всѣхъ станицъ, старые и малые пошли въ ст. Сунженскую, взглянуть послѣдній разъ на столь дорогое и знакомое имъ лицо. Даже слѣпыхъ взяли съ собою. Цѣлый народъ, населяющій этотъ край, ожидалъ въ безмолвіи, прерываемомъ лишь стономъ и рыданіями, приближенія праха своего вождя. Съ появленіемъ печальной колесницы, вопли и плачь усилились. Все кинулось къ гробу, все бросилось смотрѣть на бездушное лицо; матери говорили маленькимъ дѣтямъ своимъ: «смотрите, вонъ кто былъ отцемъ и защитникомъ нашимъ»; клали грудныхъ младенцевъ на гробъ; отсюда слышны были восклицанія: «лучше бы у меня отецъ былъ убитъ, или

сынъ, или братъ»; тотъ говорилъ: «онъ меня изъ плѣна выкупилъ»; другой: «онъ семью нашу поддержалъ послѣ смерти отца, погибшаго въ бою». Каждаго изъ нихъ лично зналъ Слѣпцовъ, вѣдалъ всѣ ихъ пужды, дѣлилъ съ ними горе и радость. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они, знакомые съ бранною тревогой и привыкшіе въ бояхъ смотрѣть въ лицо смерти, не могли свыкнуться съ мыслию о его потерѣ, думали, не оживетъ ли онъ, не очнется ли отъ своего тяжелаго сна и встанетъ, и раздастся его призывный кликъ: «на-конь! за мной!» и вся Сунжа пойдетъ снова за нимъ бить Татаръ, и жечь ихъ аулы.... Колесница вѣхала на площадь станицы. Тамъ, передъ домомъ генерала, стояли домашніе его, и впереди ихъ, управлявшій всѣмъ хозяйствомъ у него, Яковъ Михайловичъ, 80-ти лѣтній старикъ, служившій еще дѣду Слѣпцова, бывшій у него дядькой, одинъ изъ тѣхъ старинныхъ слугъ, порода которыхъ нынѣ почти перевелась на Русь. Съ нѣмою горестью смотрѣлъ онъ на бездушное тѣло того, кого онъ носилъ на рукахъ и лелѣялъ. Въ одинъ день съ генераломъ былъ убитъ любимецъ его, урядникъ Мишневъ, кавалеръ трехъ Георгіевъ. Узнавъ о смерти Мишнева, семья его въ одинъ голосъ сказала: «ну, слава Богу, что хоть въ одинъ день съ генераломъ онъ убитъ. Мы о своемъ не жалѣемъ; онъ не былъ жилецъ на этомъ свѣтѣ; не сегодня, такъ завтра его бы убили; но намъ генерала жаль.» Вѣрнаго казака похоронили у ногъ его начальника. Три дня стояло тѣло Слѣпцова въ Сунженской; день и ночь народъ тѣснился въ церкви у его гроба, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ его охладѣвшія руки. Казаки говорили: «Если бы могъ онъ воскреснуть хоть на мгновеніе, онъ увидѣлъ бы тогда, какъ его любили!» Такая скорбь, такая любовь суть высшая и лучшая ему награда. Три дня оплакивалъ его народъ. Одинъ старый казакъ сказалъ: «никогда Сунжа такъ не разливалась, какъ теперь!» Столько слезъ пролито на берегахъ ея! 14-го декабря были похороны; всѣмъ распоряжался Предимировъ. Печальный кортежъ пошелъ изъ церкви на кладбище. Генералъ лежалъ въ гробу съ открытымъ лицомъ; онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Сунженскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣтъ парадный генеральскій мундиръ: «пусть положатъ его въ сырую землю въ нашей одеждѣ», говорили они. Ликъ падшаго вождя былъ безстрастенъ и спокоенъ, какъ потухшій вулканъ. Онъ ничего не измѣнился, и казался погруженнымъ въ глубокой сонъ. За колесницей несли полковое зна-

мя, и вели благо коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки подходили къ коню, и говорили ему въ своей наивной горести: «Ты не добрый и не хорошій конь; на тебѣ убитъ отецъ нашъ, на тебѣ же онъ былъ раненъ; ты не берегъ его въ бою; еслибы онъ былъ на гнѣдомъ конѣ, то вѣрно бы остался живъ: тотъ честный и добрый конь, и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя ни разу не ранили». Наконецъ пропѣли послѣднюю вѣчную память убитому на брани боярину Николаю, и положили его въ могилу, и засыпали ее, и ничего не осталось изъ него на землѣ, кромѣ громкой славы его, которая не умретъ, пока будетъ жить казачій народъ на Сунжѣ.

Въ Слѣпцовѣ было что-то магическое, волшебное: такъ онъ умѣлъ очаровывать, привязывать къ себѣ, возбуждать фанатическую преданность.

Вечеромъ, когда все въ отрядѣ отдыхаютъ и сидятъ у костровъ, о немъ идетъ неумолкающая бесѣда. Когда заходитъ разговоръ о падшемъ (а объ немъ говорятъ безпрестанно), то у всехъ на лицахъ появляется грустная улыбка. Казаки и Татары (милиціонеры) поютъ пѣсни и славятъ добродѣтели покойнаго, его отвагу, его безстрашіе, его щедрость, его великодушіе.

Дѣло 10-го декабря было удачно. Но все остановила смерть генерала; еслибы онъ не былъ убитъ, то нанесъ бы Чеченцамъ еще бѣльшее пораженіе, и преслѣдовалъ бы ихъ до Ропни. Особенно отличились пѣшіе казачьи охотники подъ предводительствомъ храбраго Предмирова, и Тенгинскіе охотники съ маіоромъ Меркуловымъ: они взяли завалы и ауль. 1-й Эриванскій и 2-й Навагинскій баталіоны вошли въ лѣсъ за кавалеріей; 1-й Навагинскій баталіонъ остался на мѣстѣ, составляя правый флангъ. Эриванцы съ маіоромъ Шатиловымъ пошли впередъ, вошли въ связь съ охотниками, и поддержали ихъ. Потомъ началось общее отступленіе. Непрiятель не преслѣдовалъ: онъ бѣжалъ, какъ-бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага.

А. ЦИММЕРМАНЪ.

(Газ. Кавказъ.)

(Русск. Инв.) Слѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ еще нѣкоторые свѣдѣнія о падшемъ со славою генералѣ Слѣпцовѣ,—

свѣдѣнія, въ которыхъ ярко отражается характеръ этого офицера, замѣчательнаго не только по воинскимъ доблестямъ, но и по душевнымъ и нравственнымъ его качествамъ.

Вскорѣ по назначеніи Слѣпцова (тогда въ чинѣ маіора) командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, онъ отдалъ 3-го августа 1845 года слѣдующій приказъ по полку:

«Высочайшимъ приказомъ въ 19-й день января 1845 года назначенъ я командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя заботиться о благосостояніи вашемъ, и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе Государя и правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ—противъ хищниковъ. Милостью Царя вамъ даны вспомошествованія и преимущества. Чувствуйте благодѣянія Монарха и попеченіе начальниковъ.

Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ, и вы превзойдете старыхъ одностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду Царя и начальниковъ.

Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удалство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы! берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля; вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничество. Они сильны тогда только, когда нападаютъ на слабого, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени Русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ.

Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удалству, повиновенію къ старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣть успѣхъ въ хозяйствѣ, и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ все способы къ тому, и вы сами ее уже оцѣнили.

Нѣтъ врага кресту нашему; мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ—оружіемъ утвердиться здѣсь на новыхъ мѣстахъ поселеній, и мы обязаны исполнить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно, неутомимо.

Кто не признаетъ истины въ словахъ моихъ, тотъ врагъ за-

копу Божию, прагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія.

Считаю обязанностію по званію моему, и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши; всякой обиженный и неудовлетворенный кѣмъ-бы то ни было, и въ чемъ-бы то ни было, можетъ придти ко мнѣ во всякое время съ жалобой, лишь бы она была законна и справедлива. Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно спрашивать претензій, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвараю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самыя строгія, и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Всѣ бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ правительства или другія вспомошествованія, поставляю правиломъ обнаруживать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я это уже дѣлалъ доселѣ.

Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнаружены мною вамъ къ всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы довольствіе сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуется сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присягѣ и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою.»

Слова приказа: «считаю обязанностію по званію моему и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; «вы это узнаете послѣ», оправданы были генераломъ Слѣпцовымъ на дѣлѣ, и запечатлѣны его прекрасною смертью. Здѣсь далъ онъ послѣднее доказательство въ томъ, какъ умѣетъ русскій человекъ держать свое слово. Слѣпцовъ умеръ, какъ всегда желалъ умереть. Зная, что ему суждено пасть на полѣ сраженія, онъ нѣсколько разъ, въ бесѣдѣ съ своими приближенными, выражалъ желаніе: смертельную рану получить въ грудь, ибо такая рана не сопряжена съ большимъ страданіемъ, и оставляетъ въ полной памяти умирающаго. Послѣ смерти Слѣпцова, въ бумагахъ его нашли духовное завѣщаніе, написанное имъ два года тому назадъ, передъ галашевской экспедиціей. Въ немъ генералъ прощался съ своими родными и близкими ему людьми; въ трогательныхъ выраженіяхъ, съ христіанскимъ смиреніемъ просилъ великодушно прощенія у тѣхъ, передъ которыми согрѣшилъ онъ словомъ или дѣломъ, отказывалъ свою шапку

племяннику, сыну старшаго брата, назначалъ 25 рублей серебромъ тѣмъ казакамъ, которые вынесутъ тѣло его изъ боя, просилъ не забывать его. Присутствовавшіе при чтеніи завѣщанія сподвижники генерала, суровые, въ бояхъ закаленные люди, были тронуты, и слезы, давно имъ незнакомыя, омочили ихъ рѣсницы. Но чувство скорби, возбужденное въ нихъ этой утратой, смѣнилось чувствомъ гордости при воспоминаніи о томъ, съ какимъ достоинствомъ неустрашимый вождь ихъ встрѣтилъ смерть, давно уже его ожидавшую.

А. Ц.

Въ январѣ скончались въ С.-Петербургѣ:

18-го. Отставной Генералъ-Лейтенантъ Иванъ Захаровичъ Ершовъ 1-й.

28-го. Дочь Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Елизавета Андреевна Штернъ.

29-го. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Юдинъ.

31-го. Супруга Статскаго Совѣтника Екатерина Васильевна Киселева.

Въ февралѣ: 4-го. Статскій Совѣтникъ Федоръ Федоровичъ Лефлеръ.—Управлявшій I-мъ отдѣленіемъ особой канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Ивановичъ Миллеръ.

10-го. Супруга Генералъ-Маіора Елена Францовна Коростовцева, урожденная Делавронъ.

15-го. Супруга Генералъ-Адъютанта, графиня Александра Петровна Ржевуская.

Въ исходѣ минувшаго года скончался въ Вильнѣ Феликсъ Рымкевичъ, Статскій Совѣтникъ, заслуженный профессоръ б. виленскаго университета и медико-хирургической академіи.—Старшій лекарь госпиталя Савичъ, Директоръ виленскихъ дѣтскихъ пріютовъ и тюремнаго комитета, 52 л. отъ роду. Изъ его ученыхъ трудовъ, напечатанныхъ въ разныя времена, замѣчательнѣйшіе суть слѣдующіе: «Краткій очеркъ медицинской науки, Броуна»; «Объ употребленіи стетоскопа», «О болѣзняхъ пиявицъ»; «Извѣстіе о холерѣ», и т. д.

24-го декабря пр. г. скончался въ одессѣ, послѣ тяжелой болѣзни и въ слѣдствіе апоплексическаго удара, Одесскій комендантъ, Генералъ-Маіоръ Викентій Антоновичъ Розенфельдъ. Одесскимъ комендантомъ онъ былъ съ 1837 года.

25-го января скончался тамъ-же отставной Дѣйствительный

Статскій Совѣтникъ Иванъ Наумовичъ *Подолинскій*.

27-го декабря пр. г. скончалась въ Уфѣ Дѣйствительная Статская Совѣтница Варвара Алексѣевна *Македонская*. Уфимское общество потеряло въ ней одну изъ любимѣйшихъ и добрейшихъ женщинъ.

Въ Москвѣ скончались: въ январѣ: 29-го. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ камергеръ Павелъ Алексѣевичъ *Ржевскій*.

30-го. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Петровичъ *Батуричъ*.

Февраля 9-го. Отставной Генераль-Маіоръ Петръ Яковлевичъ *Ганичевъ*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

Вмѣсто общаго очерка настоящаго положенія Франціи, сообщаемъ любопытную статью, появившуюся въ нантской газетѣ L'Union Bretonne:

«Общество наше, сказано въ этой статьѣ: достигло такой степени нравственнаго разврата и матеріальнаго возмущенія, что наблюдательные умы спрашиваютъ другъ друга: не настала ли часть его упадка, не близко ли оно къ гибели? Среднее сословіе (la bourgeoisie) долго сомнѣвалось въ опасности зла, указываемаго умными и благонамѣренными газетами, но наконецъ увидѣло всю отвратительность этой извы, увидѣло и больше, нежели было въ самомъ-дѣлѣ, и перейдя отъ излишней доврчивости къ крайнему ужасу, готово было пожертвовать всѣмъ для своего спасенія. Съ громкими криками требовало оно, чтобъ его спасли отъ расслабляющаго невѣрія, отъ разрушительнаго духа возмущенія, наконецъ отъ правилъ демагоговъ, какъ отъ крайняго упадка человѣческаго ума и сердца. Среднее сословіе, по завѣтамъ вѣчнаго правосудія, наказано было тѣмъ-же, чѣмъ провинилось. Кто ободрялъ безчестныхъ и безсовѣстныхъ журналистовъ и сочинителей брошюръ, недостойныхъ романистовъ, заговорщиковъ, баррикадниковъ, жаждущихъ развалинъ и раздувавшихъ вездѣ пожары и убійства? Виновны ли одни эти истинные злодѣи, разсвѣяшіе сперва повсюду невѣріе, презрѣніе и ненависть ко всему священному, и наконецъ покусившіеся на

насилъства и злодѣянiя? Не логически ли они поступали въ своихъ дѣйствiяхъ, не постепенно ли они переходили со ступени на ступень, при рукоплесканiяхъ порядочныхъ людей?

«Просимъ взглянуть на прошедшее и тщательно испытать свою совѣсть. Кто послѣ этого найдетъ себя довольно чистымъ, чтобъ бросить первый камень въ тѣхъ, которые заслужили столько проклятiй, но могутъ представить съ своей стороны извиненiя?»

«Кто-же въ томъ виноватъ? Всѣ! Среднее сословіе болѣе всѣхъ, своимъ невѣріемъ, своимъ мнимымъ либерализмомъ, наконецъ, своими дурными примѣрами. Немногіе изъ насъ свободны отъ упрековъ совѣсти въ этомъ отношенiи. Если хотимъ теперь возстановить общество, вспомнимъ о прошедшемъ, чтобъ оно намъ служило урокомъ въ будущемъ. Прекращенiе общественныхъ безпорядковъ укрощаетъ ихъ, но не изсушаетъ источника зла. Мы должны стараться объ истощенiи этого источника, истребляя въ насъ самихъ проступки и пороки, питавшіе его донынѣ.»

Самый важный вопросъ, занимавшій въ прошломъ мѣсяцъ Францію, былъ, безспорно, вопросъ о декретахъ секвестраціи имущества Орлеанской фамиліи. Этихъ декретовъ было два: въ первомъ предписывается продажа недвижимаго и движимаго имущества всѣхъ членовъ Орлеанской фамиліи, въ-теченіе года. Вторымъ постановляется взять въ казну недвижимыя и движимыя имущества, подаренныя Королемъ Людовикомъ-Филиппомъ, 7-го января 1830, своимъ дѣтямъ. Эти имущества, составляющія капиталъ въ 79,246,972 фр., дающій чистаго дохода 2,377,409 фр. 18 сантим., будутъ проданы; сорокъ мил. пойдутъ на уплату долговъ Людовика-Филиппа и на вдовье содержаніе Герцогини Орлеанской; десять милліоновъ франковъ на общества взаимнаго пособія, учрежденныя закономъ 15-го іюля 1850 г.; десять милліоновъ на улучшеніе жилищъ работниковъ въ большихъ мануфактурныхъ городахъ; десять милліоновъ на учрежденіе кредитныхъ кассъ въ департаментахъ; пять милліоновъ на учрежденіе кассъ для вспоможенія бѣднымъ и престарѣлымъ священникамъ. Остальное пойдеть на пенсіоны кавалерамъ всѣхъ степеней Почетнаго Легіона; сверхъ-того учредится военная медаль съ пенсіономъ въ сто франковъ въ годъ, для унтеръ-офицеровъ и солдатъ; дочери и сироты получившихъ сію медаль будутъ

воспитапы въ казенномъ заведеніи; Савернскій замокъ будетъ устроенъ для помѣщенія въ немъ вдовъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. Въ уваженіе сего, Президентъ отказывается отъ всѣхъ требованій за конфискаціи, произнесенныя въ 1814 и 1815 г., противъ фамиліи Бонапарте.

Декреты эти произвели неприятное впечатлѣніе въ публикѣ. Общественное мнѣніе не одобряетъ этихъ мѣръ. И въ нѣкоторыхъ рабочихъ сословіяхъ, которыя въ первый день какъ-бы одобряли ихъ, произошла быстрая реакція. Декреты 23-го января, безспорно, могутъ назваться большою политическою ошибкой Президента Республики, неся уже на себѣ печати умѣренности, спокойствiя и правосудiя, которыя такъ пріятно встрѣчать въ дѣйствiяхъ власти. Нельзя оспаривать пользы назначенія, даннаго конфискованному имуществу Орлеанскаго дома. Пенсіонная касса, вспомогательный капиталъ, ссудная казна на движимыя имѣнія, все это должно произвести самые благоприятные результаты для рабочихъ сословій, и давно уже желали основанія во Франціи подобныхъ заведеній. Но все это могло быть сдѣлано безъ конфискаціи имущества, законно принадлежащаго фамиліи, которой заслуги Франція не должна забывать. Государственное имущество довольно богато во Франціи, чтобъ удѣлить нѣсколько милліоновъ на основаніе заведеній, поименованныхъ въ декретѣ 23-го числа. Чтобы понять важность этого вопроса, должно только вникнуть въ него основательно. Въ первомъ декретѣ видимъ мы, что Принцамъ Орлеанскимъ данъ годичный срокъ на продажу своего имущества, а именно: 1) Герцогу Омальскому, какъ главному наслѣднику Принца де-Конде; 2) Принцу Жуанвильскому и Герцогу Монпансіерскому, наслѣдникамъ тетки своей, Принцессы Аделаиды Орлеанской. Завѣщанныя ею тринадцать милліоновъ, а именно: десять Герцогу Немурскому, два Графу Парижскому и одинъ брату его, Герцогу Шартрскому, уплачены наличными деньгами; слѣдственно, должно быть продано только недвижимое имѣніе, наслѣдованное отъ Принца де-Конде и отъ Принцессы Аделаиды. Декретъ отънимаетъ его во сто милліоновъ, и оно принадлежитъ теперь тремъ Принцамъ. Прочіе же, а именно: Герцогъ Немурскій, Принцесса Клементина (Герцогиня Саксенъ-Кобургская), трое дѣтей Короля Бельгійскаго, представители своей матери,

Принцессы Люизы; сынъ Принца Виртембергскаго, представитель своей матери, Принцессы Маріи, и два сына Герцогини Орлеанской, представители отца своего, не участвуютъ въ наслѣдствѣ Принца де-Конде и Принцессы Аделаиды. И какъ всѣ имущества, данныя Людовикомъ-Филиппомъ при восшествіи на престолъ своимъ дѣтямъ, взяты теперь въ казну, то и оказывается, что, кромѣ Принца Жуанвильскаго и Герцоговъ Омальскаго и Монпансіерскаго, всѣ прочіе члены Орлеанскаго дома лишаются всего своего имущества. Въ высшемъ сословіи неодобреніе декретовъ было выражено довольно многочисленными просьбами объ увольненіи въ отставку отъ службы. Первые подали тому примѣръ члены Совѣщательной Коммисіи, Монталамберъ, Меродъ, Мортемаръ и де-Мутье. Они напечатали въ брюссельскомъ журналѣ слѣдующее письмо:

«Г. министр! Послѣ декретовъ, обнародованныхъ сегодня поутру, обязанъ я исполнить свой долгъ, и прошу васъ представить Президенту Республики просьбу мою объ увольненіи меня отъ званія члена Совѣщательной Коммисіи, учрежденной 2-го декабря. Хотя ни одно дѣйствіе правительства не было предложено на совѣщаніе сей коммисіи, но въ общественномъ мнѣніи члены ея участвуютъ въ политикѣ правительства, которой мнѣ невозможно принять на себя. Надѣюсь на ваше прамодушіе, г. министр, а въ случаѣ нужды и на благородныя чувства самого Принца Людовика-Наполеона, что просьба моя будетъ обнародована тамъ же, гдѣ я былъ назначенъ членомъ Коммисіи, то-есть въ Монитеръ. Примите и пр. Монталамберъ.»

Несмотря на надежду г. Монталамбера, письмо это не было напечатано въ Монитеръ.

Кромѣ того, по поводу декретовъ, подали въ отставку, между прочими, гг. Пепенъ, Леконтъ, Огюстенъ Жирò и бывшій министръ Жирò, Галлезъ-Клапаредъ и др. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Людовика-Наполеона, бывшій вице-президентъ Республики, Буле де-ла-Мертъ, также недоволенъ этими декретами. Г. Дюпенъ-старшій, зачерствѣвшій въ Собраніи, вдругъ почувствовалъ пробужденіе прежней привязанности къ Орлеанскому дому, и подалъ въ отставку отъ званія генераль-прокурора Кассационнаго Суда. Онъ написалъ Президенту письмо слѣдующаго содержанія:

«Принцъ-Президентъ! Искренно сожалею, что прежде обнародованія декрета, который я сегодня прочелъ въ Монитеръ, вамъ не было угодно выслушать меня съ тою благоклонностью, которую вы часто мнѣ оказывали. Я постарался бы доказать вамъ, не только въ отношеніи къ частнымъ выгодамъ дѣтей покойнаго Короля, (большую частью малолѣтнихъ), котораго я одинъ изъ душеприкащиковъ, но и въ отношеніи къ пользѣ собственнаго вашего правительства, что лица, внушившія вамъ эту мѣру, не знаютъ ни событій, ни законовъ справедливости.

«Во-первыхъ, оцѣнка имущества Орлеанскаго дома слишкомъ преувеличена (по-крайней-мѣрѣ вдвое).

«Во-вторыхъ, въ отношеніи къ праву, мѣра эта нарушаетъ въ самой сущности права собственности. Это право признано было торжественнымъ рѣшеніемъ закона 2-го мая 1832 года (статьи 22-я и 23-я) для лица самого Короля, а для дѣтей его утверждено было дѣйствіями послѣ февральской революціи, а именно декретами Учредительнаго Собранія, 23-го октября 1848 года, и Законодательнаго, 4-го февраля 1850. Сей послѣдній былъ обнародованъ вашимъ правительствомъ, которое дозволило произвести заемъ отъ двадцати милліоновъ франковъ подъ залогъ этого имущества, за подписаніемъ министра финансовъ.

«Слѣдственно, общественное право, завѣщаніе, приличныя сему случаю законы, контракты, все признало за Орлеанскимъ домомъ имущество, отнятое у него въ декретъ 22-го числа однимъ почеркомъ пера и самовластно; не были пощажены ни святость гробницъ, ни могильныя склепы въ Дрѣ *.

«Еслибъ Уложеніе 15-го января вступило уже въ силу и дѣйствіе, можно было бы обратиться къ Сенату въ силу 26-й статьи, дозволяющей ему «противиться изданію законовъ, нарушающихъ неприкосновенныя права собственности.»

«Бъ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ могу обратиться только къ вамъ, Принцъ, взывая къ вашимъ благороднымъ чувствамъ, которыхъ вы, вѣрно, еще разъ спроситесь и послушаетесь.

«Но если эти строгія мѣры не отмѣнятся, совѣсть возлагаетъ на меня новый долгъ. Будучи двадцать-второй годъ

* Deux, мѣсто погребенія особъ Орлеанской фамиліи.

генераль-прокуроромъ Кассационнаго Суда и главнымъ представителемъ сего верховнаго судилища, которому поручено отъ правительства неусыпно напоминать объ уваженіи къ законамъ, и требовать прекращенія дѣйствій, нарушающихъ права и совершаемыхъ самовластно, могу ли я впередъ исполнять свою обязанность, когда въ законодательство будутъ введены дѣйствія, несообразныя съ основными правилами?

«И такъ я долженъ просить объ увольненіи. Но при этомъ прошу васъ, Принцъ, не принимать побудительныхъ моихъ причинъ въ другую сторону. Рѣшимость моя вовсе чужда политики.

«Бывъ президентомъ послѣдняго Собранія, я всегда уклонялся отъ партій и гибельныхъ междоусобій, стараясь поддержать, сколько было въ моихъ силахъ, законныя и нравственныя правила, на которыхъ основанъ порядокъ благоустроенныхъ обществъ.

»Послѣ переворота 2-го декабря, противъ котораго я долженъ былъ протестовать, ожидалъ я рѣшенія націи, къ которой вы обратились, и послѣ торжественнаго ея рѣшенія, я искренно присоединился къ могущественной власти, вамъ врученной, почитая ее лучшимъ ручательствомъ въ сохраненіи или возстановленіи правилъ, на которыя возстали бѣшеные демагоги. И въ званіи служащаго лица, содѣйствовалъ я вамъ съ усердіемъ.

«Но теперь, въ отношеніи къ гражданскому и частному праву, по врожденному чувству справедливости, по всѣмъ христіанскимъ понятіямъ о правдѣ и неправдѣ, которыя я болѣе пятидесяти лѣтъ питаю въ сердцѣ, какъ законовѣдецъ и судья, обязанъ я сложить съ себя званіе генераль-прокурора. Удостойте, Принцъ, принять выраженіе почтительнѣйшихъ моихъ чувствъ. *Дюпенъ.*»

Затѣмъ г. Дюпенъ внесъ свое имя въ списокъ адвокатовъ Апелляціоннаго Суда и готовится защищать дѣло членовъ Орлеанской фамиліи въ процессъ, который душеприкащики Короля Людовика-Филиппа заводятъ съ правительствомъ по поводу декретовъ 23-го января. Генераль-прокуроромъ Кассационнаго Суда назначенъ, на мѣсто г-на Дюпена, г. Делангль.

Одинъ изъ администраторовъ имуществъ Орлеанскаго дома, бывшій депутатъ, принадлежавшій къ парламентской коалиціи, участвовавшій 2-го декабря въ собраніи, происхо-

длившемъ въ конторѣ мера 10-го округа и освобожденный по великодушію Президента, именно Бошэ, былъ взятъ подъ стражу въ то самое время, какъ онъ раздавалъ возмутительныя прокламаціи.

Съ нѣкотораго времени полиція захватила уже множество тюковъ съ тысячами подобныхъ прокламацій; ей извѣстно было, что онѣ печатаются въ Лондонѣ, привозятся тайнымъ образомъ въ Парижъ и рассылаются въ провинціи и департаменты, гдѣ ихъ осмѣливались адресовать ко многимъ членамъ судебнаго сословія, духовенства, къ адвокатамъ, военнымъ и многимъ высшимъ административнымъ чиновникамъ.

Вообще полагали, что этимъ занимаются низшіе агенты, и никому не приходило въ голову, чтобы одинъ изъ администраторовъ имуществъ Орлеанскаго дома унизился до подобной пропаганды. Но теперь не существуетъ болѣе никакого сомнѣнія, что г. Бошэ былъ въ этомъ дѣлѣ и главнымъ виновникомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнителемъ. Бдительность правительства уничтожила эти козни. Бошэ содержится въ тюрьмѣ.

Словомъ, дѣйствіе послѣднихъ декретовъ не обратитъ въ пользу Президента общественнаго мнѣнія въ салонахъ, которое такъ сильно его огорчаетъ.

14-го февраля уже продавался съ аукціона виртембергскій-павильонъ въ Нельи, принадлежавшій Орлеанской фамиліи. Павильонъ, съ принадлежащею къ нему землею, проданъ за 120,000 фр. Эта продажа производилась отъ имени Принцевъ Орлеанскаго дома, и правительство нисколько не препятствовало ей.

Декреты имѣли вліяніе и на министерство. Оно не могло остаться въ прежнемъ составѣ, потому-что въ немъ образовались двѣ партіи: умѣренная и другая, требовавшая рѣшительныхъ мѣръ. Гг. де-Морни, Руэ и Фульдъ, представлявшіе собою умѣренную партію, вышли въ отставку, а на мѣсто ихъ поступили гг. Персинь, Абатуччи и Бино. Такимъ-образомъ составъ новаго министерства слѣдующій:

Абатуччи, министръ юстиціи; Персинь, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и коммерціи; Бино, финансовъ; Сентъ-Арно, военный; Дюко, морской; Тюрго, иностранныхъ дѣлъ; Фортуль, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; Лефевръ-Дюрюфле, публичныхъ работъ; Мона, полиціи; Казабіанка, государственный министръ. Въ то же

время учреждено новое министерство полиціи, управленіе которымъ ввѣрено г-ну де-Мона, и возстановленъ, подъ именемъ Государственнаго Министерства, статсъ-секретариатъ, существовавшій во времена имперіи. Министромъ-статсъ-секретаремъ назначенъ г. Казабіанка, который уже и контрасигнировалъ обнародованные декреты.

Вотъ нѣкоторыя подробности о новыхъ министрахъ. Г. Казабіанка 24-го февраля 1848 г. былъ адвокатомъ въ Бастіи (на островѣ Корсикѣ); тогда онъ почелъ бы себя весьма счастливымъ, еслибъ его назначили президентомъ суда. Онъ былъ избранъ въ депутаты Учредительнаго, а потомъ Законодательнаго Собранія, и сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими значительными трудами въ комиссіяхъ и даже на кафедрѣ по разнымъ юридическимъ вопросамъ, не блистая впрочемъ никогда краснорѣчіемъ. Онъ Корсиканецъ и произноситъ французскія слова очень дурно. Притомъ онъ говоритъ медленно и мѣрно. Холодная и обработанная его рѣчь не очень привлекаетъ слушателей. Онъ былъ съ самаго начала искреннимъ приверженцемъ Людовика-Наполеона, и этому обязанъ, что постепенно былъ министромъ финансовъ и коммерціи въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, съ 4-го ноября по 2-е декабря.

Г. Персинъ сдѣлался извѣстенъ своею рѣшимостью, участвуя въ предпріятіяхъ Принца Людовика-Наполеона. Эта преданность и довѣренность къ имени и будущности Принца никогда потомъ не измѣнялись. Г. Персинъ былъ въ Парижѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ 24-го февраля 1848 года. Видя неожиданное ниспроверженіе королевской власти и удаленіе королевской фамиліи, сумасбродство и сатурналии временнаго правленія, опасности и безпокойства Франціи при анархическихъ волненіяхъ, онъ съ полною откровенностью говорилъ тогда: «Всѣ работаютъ здѣсь для насъ». Съ 10-го декабря объ постоянно доказывалъ превосходство политическихъ учрежденій имперіи, и утверждалъ, что всѣ къ нимъ возвратятся. Ему отъ роду не съ большимъ сорокъ лѣтъ. Онъ человекъ отличный и умный, холоденъ и умѣетъ владѣть собою. Онъ одинъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе на Людовика-Наполеона, и ему суждено играть значительную роль въ правленіи Людовика-Наполеона. Г. Персинъ невысокъ ростомъ, худощавъ и съ перваго взгляда очень молодежавъ. Ему, по наружности, лѣтъ тридцать шесть, или тридцать восемь.

Онъ смуглъ лицомъ, и черные глаза его очень выразительны. Живая физіономія его выражаетъ умъ и рѣшительность. Онъ говоритъ свободно, съ силою и жаромъ, и не задумывается въ выборѣ словъ. Все, что говоритъ онъ, происходитъ отъ убѣжденія. Во всемъ видна политика, идущая прямо къ цѣли, и незаботящаяся о препятствіяхъ. Прибавьте къ тому самое учтивое и ласковое обращеніе, и вы будете имѣть вѣрное понятіе о человекѣ, ближайшемъ къ Президенту, имѣющемъ надъ нимъ рѣшительное вліяніе, если можно имѣть вліяніе надъ этою упорною и непоколебимою волею съ которой-либо стороны.

Новый министръ юстиціи, г. Абатуччи, депутатомъ уже двадцать два года. Онъ всегда былъ въ оппозиціи, и занималъ мѣсто подлѣ Одилона Барро, своего лучшаго друга. Ему теперь отъ роду шестьдесятъ-первый годъ. Онъ былъ пятнадцать лѣтъ президентомъ Королевскаго Суда въ Орлеанѣ, и славился редакціею судебныхъ приговоровъ. Онъ по наружности человекъ не блистательный, никогда не говорилъ съ кафедры, но имѣлъ вліяніе на политическія партіи. Впрочемъ онъ приятель въ обращеніи и всеми уважаемъ.

Г. Мона уже извѣстенъ. Въ званіи префекта полиціи онъ оказалъ много дѣятельности и ума.

Префектомъ полиціи въ Парижѣ назначенъ г. Піетри. Января 26-го обнародованъ органическій законъ для Государственнаго Совѣта. По смыслу этого закона, Государственный Совѣтъ долженъ состоять изъ 40—50 ординарныхъ членовъ, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій, изъ членовъ экстраординарныхъ, которыхъ число не можетъ превышать двадцати, изъ членовъ, невходящихъ въ составъ отдѣленій (не болѣе 15-ти), изъ сорока рекетмейстеровъ, раздѣленныхъ поровну на два разряда, и сорока аудиторовъ, тоже раздѣленныхъ на два разряда, по 20 ти въ каждомъ. Декретомъ, изданнымъ въ одно время съ органическимъ закономъ, уже назначено сорокъ ординарныхъ совѣтниковъ, сорокъ рекетмейстеровъ, шестнадцать аудиторовъ перваго разряда и пятнадцать аудиторовъ втораго разряда. Государственный Совѣтъ, въ своемъ теперешнемъ составѣ, заключаетъ въ себѣ девять бывшихъ министровъ, десять членовъ распущеннаго Національнаго Собранія, десять бывшихъ членовъ прежняго Государственнаго Совѣ-

та, одного бывшего рекетмейстера, одного генерала, одного флотского офицера, одного бывшего префекта полиции, и проч. Въ советъ председательствуетъ Президентъ Республики. Вице-президентомъ назначенъ г. Барошъ, съ жалованьемъ по 80,000 фр. Президенты отдѣлений получаютъ по 35,000, совѣтники по 25,000, рекетмейстеры 1-го разряда по 10,000, рекетмейстеры 2-го разряда по 6,000 аудиторы 1-го по 2,000, генераль-секретарь 15,000 фр., аудиторы 2-го разряда не получаютъ никакого жалованья.

Другимъ декретомъ наименованы: президентомъ Сената Геронимомъ Бонапарте, а вице-президентами: Гг. Мейнаръ, Друэнъ де-Люизъ, Тролмонъ и генераль Бараге д'Иллие, главнымъ референдаріемъ г. Опу, и секретаремъ г. Лакросъ.

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности объ известнѣйшихъ изъ новыхъ сенаторовъ.

Графъ Аргу былъ префектомъ во-время реставраціи. Въ первый разъ назначенъ былъ министромъ въ ноябрь 1830 г., въ кабинетъ г. Лафитта. Ему тогда дали портфель морского министерства. Потомъ, при министерствѣ 11-го октября 1832 г. онъ постепенно получалъ портфель внутреннихъ дѣлъ и коммерціи, а въ-послѣдствіи былъ главнымъ директоромъ (губернаторомъ) Банка. Въ 1848 г. оказалъ онъ большія услуги общественному кредиту, сдѣлавъ посредствомъ Банка пособіе временному правленію. Графъ Аргу, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, ладилъ со всѣми правительствами.

Генераль Ашаръ командовалъ въ Лионѣ при возстаніи 1832 г. оказалъ тамъ много мужества, и съ-тѣхъ-поръ почитался одною изъ главныхъ опоръ Людовика-Филиппа.

Генераль Баръ отличился въ Алжиріи, и былъ тамъ временнымъ генераль-губернаторомъ.

Генераль Бараге д'Иллие, сынъ одного изъ знаменитыхъ генераловъ временъ имперіи, командовавшаго корпусомъ старой гвардіи, заслужилъ чины свои въ Алжиріи. Былъ главнымъ начальникомъ Константинской провинціи, онъ отличался умомъ и строгостью.

Маркизь Бельбефъ, знаменитый законовѣдецъ, бывшій въ большой силѣ во-время реставраціи.

Бертие, князь Ваграмскій, сынъ знаменитаго начальника штаба Императора Наполеона.

Князь Бово, сынъ одного изъ камергеровъ Императора Наполеона, человекъ богатый, никогда не занимавшій публичныхъ должностей.

Г. Бомонъ, бывшій депутатъ оппозиціонной стороны, подъ начальствомъ Одилона Барро. Съ 1848 былъ онъ усерднымъ приверженцемъ порядка и личнымъ другомъ Президента, котораго зналъ въ Гамбъ, имѣя вблизи свое помѣстье.

Эли де-Бомонъ, начальникъ горныхъ инженеровъ, известный геологъ.

Графъ де-Бретель, бывшій чиновникъ посольства и наследственный перъ, происходящій отъ одной изъ знатнѣйшихъ семей Франціи.

Г. Буле, бывшій вице-президентъ Республики. Герцогъ Виченцскій, сынъ Коленкура, известнаго генерала и дипломата.

Виельяръ, бывшій учитель Людовика-Наполеона, къ которому привязанъ искренно. Долго былъ въ Палатѣ оппозиціоннымъ депутатомъ.

Готіе, вице-директоръ Французскаго Банка. Маркизь де-ла-Гранжъ, жирондскій депутатъ, въ особенности занимался изученіемъ земледѣлія.

Адмираль Гюгонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ морскихъ ветерановъ, рѣшительный и хладнокровный въ битвахъ.

Генераль Гюссонъ, воинъ имперіи, отличался въ Собраніи своими воспоминаніями и безусловною приверженностью къ этой славной эпохѣ.

Г. Друэнъ-де-Люизъ былъ директоромъ консульскаго отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, при г. Гизо. За мнѣнія, поданныя имъ въ Палатѣ въ пользу оппозиціи, онъ лишился этого мѣста, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе публики; былъ два раза министромъ, и съ 10-го декабря посланникомъ въ Лондонъ.

Г. Дюма, знаменитый химикъ, бывшій министромъ Людовика-Наполеона.

Баронъ Шарль Дюпенъ, братъ бывшаго президента Законодательнаго Собранія, былъ въ прошедшемъ году президентомъ французской комиссіи на всемирной выставкѣ. Издавъ большое число статистическихъ книгъ и брошюръ

для нравственнаго и матеріальнаго образованія рабочаго сословія.

Графъ Эрнстъ Жирарденъ, сынъ Станислава Жирардена, бывшаго префекта, старшаго сына владѣльца Эрменонвилля, у котораго жилъ Ж.-Ж. Руссо. При Людовикъ-Филиппъ былъ въ рядахъ оппозиціи въ палатѣ депутатовъ, а со времени февральской революціи членомъ большинства, и подавалъ голосъ въ пользу порядка.

Де-Камбасересъ, племянникъ Камбасереса, архиканцлера имперіи.

Графъ Кастелманъ былъ полковникомъ уже при Императорѣ. Его мать занимала важное званіе при дворѣ Императрицы. Онъ командовалъ 24-го февраля въ Руанѣ.

Франсуа Клари, младшій изъ сенаторовъ, зять князя Ваграмскаго, родственникъ фамиліи Бонапарте.

Графъ Комонъ-ла-Форсъ: большое имя и богатство.

Баронъ Крузель, одинъ изъ ученыхъ юрисконсультовъ Кассационнаго Суда.

Графъ Кюриаль, сынъ дивизионнаго генерала времени имперіи; не занималъ никакихъ должностей.

Генералъ Лавустинь, храбрый офицеръ времени имперіи, полковникъ съ 1814 года, не служилъ во время реставраціи, и произведенъ въ генералы при Людовикъ-Филиппъ.

Генералъ Лагиттъ, храбрый воинъ, извѣстенъ въ Европѣ своими пріятными дипломатическими формами и ловкостью во-время бытности своей министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Лакроссъ, сынъ адмирала времени имперіи, служилъ самъ офицеромъ съ 1812 до 1814, и покрытъ ранами. Долго былъ депутатомъ лѣвой стороны; отличный дѣлецъ.

Графъ Ларибуассіеръ, сынъ инженернаго генерала, умершаго вскорѣ послѣ кампаніи 1812 г. Сперва былъ депутатомъ, потомъ перомъ и полковникомъ 5-го легіона парижской національной гвардіи. Жена его, умершая за три недѣли предъ симъ, завѣщала городу Парижу восемь милліоновъ франк.

Леверриѣ, знаменитый астрономъ.

Лебёфъ, богатый банкиръ и фабрикантъ, бывшій депутатъ.

Лезе-де-Марнезія, бывшій префектомъ въ нѣсколькихъ департаментахъ при Людовикъ-Филиппъ.

Ле-Марруа, сынъ генералъ-адъютанта Императора, былъ депутатомъ Ламанскаго департамента съ 1831 по 1839,

не имѣя никакой опредѣленной политики. Онъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ во Франціи по наслѣдству отъ матери своей, дочери гентскаго банкира, Бонсомера.

Графъ Лемерсиѣ, сынъ сенатора. Долго былъ министерскимъ депутатомъ и полковникомъ 2-го легіона парижской національной гвардіи при Людовикъ-Филиппъ; оплошалъ 24-го февраля 1848 въ оборонѣ Палаты Депутатовъ, при вторженіи въ нее черни. Дворецъ Бурбонскій лежалъ въ чертъ его легіона.

Мишерель, фабрикантъ, президентъ комитета *народнаго труда*.

Принцъ Люсьенъ Мюратъ, второй сынъ Мюрата, бывшаго Короля неаполитанскаго. Старшій сынъ, Ашиль Мюратъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому въ Америкѣ.

Ней, старшій сынъ маршала. Служилъ сначала офицеромъ въ Швеціи, и во французскую службу принятъ въ 1830 г. Онъ чиномъ полковникъ, но мало занимался военною службою. Онъ женился на дочери г. Лафитта, игравшаго важную роль во французской политикѣ. Этотъ бракъ былъ очень несчастливъ.

Маркизь д'Одифре былъ 23-хъ лѣтъ первымъ секретаремъ и директоромъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ; содѣйствовалъ усовершенствованію счетной части во Франціи. Въ 1829 г. былъ президентомъ Счетной Палаты, при Людовикъ-Филиппъ членомъ Палаты Перовъ, и въ ней всегда докладывалъ о бюджетѣ. Онъ издалъ замѣчательныя сочиненія о финансахъ и общественномъ кредитѣ.

Генералъ Опу почитался легитимистомъ, когда былъ избранъ въ Законодательное Собраніе. Теперь онъ предастъ Президенту.

Генералъ Орнано, одинъ изъ послѣднихъ дивизионныхъ генераловъ времени имперіи, родственникъ фамиліи Бонапарте.

Герцогъ Падуанскій (Арриги), Корсиканецъ и родственникъ Императора. Въ молодыя лѣта былъ дивизионнымъ генераломъ имперіи.

Генералъ Пеле, отличный воинъ и уважаемый историкъ, описавшій нѣсколько кампаній времени имперіи.

Адмиралъ Персеваль-Дешенъ уважаемъ во флотѣ. Съ удивительною храбростью и твердостью характера соединяетъ любезность и образованность.

Герцогъ Пиаченцскій, бывшій генераломъ при Императо-

ръ, сынъ Лебрена, переводчика Тасса, который сдѣлался потомъ третьимъ консуломъ послѣ 18-го брюмера и архиказначеемъ при имперіи.

Графъ Порталисъ, сынъ знаменитаго министра духовныхъ дѣлъ при имперіи, одного изъ главныхъ редакторовъ гражданскихъ законовъ и одного изъ лучшихъ ораторовъ той эпохи. Нынѣшній графъ былъ, въ 1828 г., при министерствѣ Мартиньяка, министромъ юстиціи и министромъ иностранныхъ дѣлъ. При сдачѣ портфеля, получилъ онъ упраздненное мѣсто перваго Президента Касаціоннаго Суда. Его весьма уважаютъ какъ законовѣдца, но онъ не твердъ характеромъ и ненадеженъ въ политикѣ.

Генераль Преваль, изъ временъ имперіи, отличный кабинетный дѣлецъ. Участвовалъ въ теченіе тридцати лѣтъ во всѣхъ преобразованіяхъ въ Военномъ Министерствѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Палатѣ Перовъ.

Генераль Рено де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, сынъ знаменитаго сановника при дворѣ Императора. Самъ онъ отличный воинъ и умный человекъ.

Пуансо, знаменитый геометръ.

Г. Сапей былъ долгое время старшимъ лѣтами депутатомъ въ Палатѣ. Онъ былъ очень друженъ съ Юсифомъ Бонапарте, Королемъ испанскимъ, и остался преданнымъ фамиліи Бонапарте.

Генераль Сенъ-Симонъ, бывший губернаторомъ французскихъ владѣній въ Индіи.

Генераль Леруа де-Сентъ-Арно, нынѣшній военный министръ.

Графъ Симеонъ, внукъ члена Государственнаго Совѣта, даннаго Императоромъ въ помощь брату своему, Королю голландскому, Людовику (отцу Президента), для управленія этою страной въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ. При реставраціи былъ онъ также министромъ. Нынѣшній графъ Симеонъ былъ министерскимъ депутатомъ и членомъ Государственнаго Совѣта при Людовикѣ-Филиппѣ. Онъ женатъ на дочери одного изъ богатѣйшихъ парижскихъ банкировъ.

Амедей Тайе, богатый парижскій капиталистъ, зять извѣстнаго генерала Бертрана.

Тибодо, одинъ изъ немногихъ членовъ Конвента 1792 года, пережившихъ всю революцію. При Императорѣ былъ онъ членомъ Государственнаго Совѣта и префектомъ въ Мар-

семи. Онъ сочинилъ хорошую исторію Консульства и Имперіи.

Тролонъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ законовѣдцевъ Франціи, долго былъ совѣтникомъ провинціального суда, и сдѣлался извѣстенъ хорошими юридическими сочиненіями. Вскорѣ послѣ 10-го декабря 1848, назначенъ былъ первымъ президентомъ парижскаго Апелляціоннаго Суда. Въ Елисейскомъ дворцѣ его очень любятъ и уважаютъ.

Фукіе-д'Аруэль, богатый фабрикантъ Энского департамента.

Ашилъ Фульдъ, бывший министромъ финансовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ парижскихъ банкировъ.

Генераль Шраммъ, сынъ сенатора, былъ 24-хъ лѣтъ пожалованъ генераломъ, во-времена имперіи, за отличные подвиги.

Считаемъ излишнимъ прибавлять, что во всемъ составѣ Сената преобладаетъ духъ временъ имперіи. Во всемъ спискѣ замѣтно отсутствіе именъ высшаго стариннаго дворянства и всѣхъ тѣхъ, которые составили себѣ имя со времени введенія во Франціи представительнаго правленія, какъ изъ ораторовъ, такъ и изъ должностныхъ лицъ. Изъ первыхъ находимъ только двѣ фамиліи, имѣвшія нѣкоторую военную извѣстность, давъ Франціи нѣсколько маршаловъ или придворныхъ особъ, а именно: гг. Бово и Комонъ-Лафорсъ. Ни одинъ изъ нихъ не оказалъ самъ никакихъ услугъ. Изъ числа лицъ, составляющихъ Сенатъ, замѣтнѣе всѣхъ военные генералы, сановники по судебной части и ученые. Замѣчательно, что изъ одного отдѣленія Института, академіи наукъ, назначено пять сенаторовъ. Въ академіи французской, академіи художествъ, литературы и нравственныхъ наукъ не взято ни одного. Въ новомъ Сенатѣ всего больше генераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не блиставшіе на полѣ сраженія, обязаны своимъ назначеніемъ воспоминанію о временахъ имперіи. Другіе, какъ новые перы, безъ заслугъ и личныхъ достоинствъ, избраны за имена свои, принадлежащія къ великой эпохѣ Наполеона, и получили право потомственнаго сенаторства, а именно: герцоги Ваграмскій, Виченцскій, Клари, Кюриаль. Замѣчательно, что въ Сенатѣ не назначено ни одного изъ родственниковъ Президента, носящихъ фамилію Бонапарте, а помѣщены Принцъ Люсіентъ Мюрать (сынъ сестры Императора) и г. Крали, племянникъ супруги Юсифа Бонапарте, бывшего Короля Испанскаго.

Между-тѣмъ, въ ожиданіи выборовъ для вновь образуемаго Законодательнаго Собранія, прежній министръ внутреннихъ дѣлъ, г. де-Морни, адресовалъ къ префектамъ циркуляръ. Этотъ циркуляръ обратилъ на себя особенное вниманіе публики, сообщая ей напередъ одно изъ главныхъ постановленій закона о выборахъ, который долженъ быть обнародованъ незадолго до открытія баллотировки, а именно: несовмѣстимость должности чиновника съ званіемъ депутата. Притомъ, г. де-Морни не скрывалъ въ своемъ циркулярѣ, что выборы должны быть производимы на совершенно-новыхъ основаніяхъ. Общій смыслъ этого документа тотъ, что, въ наступающихъ выборахъ политика должна занимать лишь второстепенное мѣсто, и что избиратели обязаны отдавать преимущество практическимъ людямъ предъ людьми политическими. Правительство требуетъ, чтобы префекты указали ему на достойныхъ кандидатовъ, которыхъ оно станетъ поддерживать рѣшительно и открыто: система эта совершенно новая.

Февраля 3-го, обнародовано положеніе о выборахъ. Въ каждомъ департаментѣ будетъ по одному депутату на 35-т. избирателей. Тамъ, гдѣ излишекъ противу 35 т. будетъ составлять болѣе 25 т., будетъ избираемъ еще одинъ депутатъ. Избиратели должны собираться въ главномъ городѣ или селеніи своей общины. Каждый округъ избираетъ одного депутата. Избиратели будутъ вносимы въ списки, несмотря на различіе платимыхъ ими податей, лишь бы имъ исполнился 21 годъ, и они постоянно 6 мѣсяцевъ прожили въ какомъ-нибудь мѣстѣ, а также небыли лишены гражданскихъ правъ въ слѣдствіе судебныхъ приговоровъ. Всѣхъ членовъ будетъ 262. Алжирія и колоніи не заключаются въ этомъ числѣ. Выборы будутъ произведены всѣмъ міромъ, прямо (т. е. прямо въ члены, а не въ кандидаты, изъ которыхъ потомъ выбираютъ членовъ) и секретно. Депутаты не могутъ быть призываемы къ отвѣту за голоса свои въ засѣданіяхъ, и не могутъ быть арестованы за долги въ-теченіе шести недѣль до открытія засѣданій, и въ такое же про-долженіе времени по закрытіи ихъ. Избиратели, достигшіе двадцати пяти лѣтъ, могутъ быть избираемы, несмотря на сумму платимыхъ ими податей и мѣсто жительства. Всякое должностное лицо, получающее жалованье отъ казны, почитается уволеннымъ отъ занимаемаго имъ мѣста, лишь только избрано въ депутаты. Всякій депутатъ почи-

тается также уволеннымъ отъ сего званія, лишь только вступить въ службу на жалованье. Не могутъ быть избираемы до истеченія шестимѣсячнаго срока по увольненіи отъ должностей своихъ: первые президенты, генералъ-прокуроры, президенты гражданскихъ судовъ, прокуроры, главнокомандующій парижскою національною гвардіею, префектъ полиціи, префекты и подпрефекты, архіепископы, епископы и главные викаріи, генералы, командующіе военными дивизіями и полудивизіями, и морскіе префекты. Всякій подлогъ и нарушеніе сего закона будутъ строго наказываемы. Законодательное сословіе соберется въ концѣ февраля.

По случаю выборовъ, легитимисты хотятъ заставить выбрать не главныхъ своихъ представителей, а лица второстепенныя, чтобы, устранивъ, по-видимому, отъ выборовъ, знать все, что происходитъ въ Собраніи. Достоверно впрочемъ, что кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, всѣ значительные люди этой партіи нисколько неодобряютъ декретовъ конфискаціи Орлеанскаго имущества. Въ доказательство этого неодобренія, гг. Берри и Ватимениль, согласившись съ Одилономъ Барро и Дюфоромъ, присоединились къ юридическому совѣту Орлеанскаго дома.

Февраля 18-го вышелъ новый декретъ о книгопечатаніи. Сообщаемъ выписку:

«Нужно предварительное дозволеніе правительства для изданія всякой газеты или періодическаго журнала, въ которомъ говорится о предметахъ политики или экономіи.

«Подобное же дозволеніе нужно при всякой перемѣнѣ издателей, редакторовъ или управляющихъ изданіемъ газеты.

«Газеты, нынѣ существующія, не имѣютъ надобности въ предварительномъ дозволеніи.

«Политическіе и экономическіе журналы, издаваемые въ чужихъ краяхъ, не иначе могутъ быть допускаемы во Францію, какъ съ особеннаго разрѣшенія правительства.

«Сумма залога ежедневныхъ газетъ увеличена съ 24,000 фр. на 50,000 въ департаментахъ: Сенскомъ, Сенскомъ-и-Уазскомъ, Сенскомъ-и-Марнскомъ и Ронскомъ; въ сей чер-ты она опредѣляется въ 25,000 фр. въ городахъ, имѣющихъ до 50 000 жителей и болѣе, а въ городахъ меньшей населенности 15,000 фран.

«Нынѣ существующимъ газетамъ дается два мѣсяца срока для дополненія суммы залога.

«По закону 16-го іюля 1851 года, которымъ тисненіе руководствуется нынѣ, газеты платили по 5-ти сант. за приложеніе штемпеля, но освобождались отъ почтовой платы въ 4 стан., которою были обложены до сего закона, потому-что штемпель служилъ имъ правомъ на пересылку. Сверхъ-того издатель удерживалъ по одному сантиму, когда газета разносилась на счетъ его внутри города или до акцизныхъ заставъ.

«Нынѣшнимъ декретомъ возстановлена почтовая плата по 4 стан., а штемпельная плата въ 5 и 4 стан. возвышена до 6-ти сант.; словомъ возстановлены правила, существовавшія при іюльскомъ правительствѣ (Людовика-Филиппа).

«Дополнительный штемпель въ 1 сант. за фельетонные романы отмененъ.

«Книги политическаго и экономическаго содержанія, менѣе десяти печатныхъ листовъ, подвергнуты будутъ штемпельной платѣ по 5-ти сант. Если же въ нихъ менѣе трехъ листовъ, онѣ подвергаются нынѣшнимъ узаконеніямъ.

«Новыя узаконенія о штемпельной платѣ начнутся съ 1-го марта текущаго года.

«До-сихъ-поръ, органической декретъ служить только возобновленіемъ прежнихъ узаконеній. Но въ послѣдней и важнѣйшей его части упоминается о нарушеніяхъ и проступкахъ, о которыхъ не было рѣчи въ прежнихъ законахъ.

«Такимъ-образомъ нарушеніе 42-й статьи новаго Уложенія, касательно обнародованія отчетовъ о засѣданіяхъ Законодательной Палаты, наказывается пеней отъ 1000 до 5000 фр.

«Обнародованіе ложныхъ извѣстій, вымышленныхъ документовъ, искаженныхъ или ложно приписанныхъ третьему лицу, наказывается пеней отъ 50-ти до 1000 фр.

«Если объявленіе сдѣлано съ злонамѣренностью, или если оно можетъ нарушить общественное спокойствіе, виновный подвергается мѣсячному тюремному заключенію и пенѣ отъ 500 до 1000 ефр. Высшая степень наказанія назначается, если извѣстіе и благонамѣренно и нарушаетъ общественное спокойствіе.

«Запрещено отдавать отчетъ о засѣданіяхъ Сената иначе, какъ перепечатывая статьи официальной газеты. Воспрещено также обнародовать процессы за нарушеніе законовъ тисненія.

«Судебныя объявленія будутъ печататься только въ той газетѣ (или тѣхъ газетахъ), гдѣ предписано будетъ префектомъ. По нынѣшнимъ законамъ, это назначеніе принадлежитъ судебнымъ мѣстамъ.

«Нарушеніе законовъ тисненія будетъ судимо исправительною полиціею.

«Ни какое доказательство свидетелей не принимается въ подтвержденіе оскорбительныхъ статей.

«Но важнѣйшая новость декрета состоитъ въ правѣ временнаго прекращенія и совершеннаго запрещенія газетъ:

1) «Судебный приговоръ за преступленіе, совершенное посредствомъ тисненія, и два приговора за нарушеніе законовъ тисненія въ-продолженіе двухъ лѣтъ, неминуемо влекутъ за собою запрещеніе газеты.

2) «Сверхъ того, даже по одному приговору за нарушеніе законовъ тисненія, правительство можетъ, въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ послѣ сего приговора, прекратить изданіе газеты на-время или совершенно запретить ее.

3) «Сверхъ того, газета можетъ быть прекращена простымъ рѣшеніемъ министра, хотя бы и не было никакого судебного приговора, но послѣ двухъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

4) «Наконецъ газета, подвергшаяся временному прекращенію по судебному или административному приговору, можетъ всегда быть запрещена правительствомъ. Даже, не подвергшись временному прекращенію, можетъ она быть запрещена совершенно въ видѣ мѣры всеобщей безопасности. Но въ послѣднихъ двухъ случаяхъ запрещеніе иначе можетъ послѣдовать, какъ по особому декрету Президента Республики, напечатанному въ «Bulletin des Lois».

Почти всѣ французскіе журналы сильно возстали противъ этого положенія.

Января 24-го, Президентъ далъ блистательный балъ въ Тюльерійскомъ-дворцѣ. Всего любопытнѣе списокъ лицъ, которыхъ на немъ не было; въ числѣ ихъ называютъ Гг. де-Морни, Руе, де-Монталамбера и Буле де-ла-Мертъ. Изъ уволенныхъ министровъ явился одинъ, Фульдъ. Число приглашенныхъ простиралось до 4,500 человекъ. Всѣ представители иностранныхъ державъ явились на этотъ праздникъ, не исключая даже г-на Ривса, посла Соединенныхъ Штатовъ, котораго не видали при официальном приѣмѣ, бывшемъ въ Элизѣ 31-го декабря. Принцъ-Президентъ былъ въ гене-

ралъ-лейтенантскомъ мундирѣ, съ звѣздою Почетнаго Легіона. Декреты 23-го января имѣли вліяніе и на этотъ праздникъ: многіе изъ приглашенныхъ не явились на него. Президентъ не танцевалъ. Балъ бытъ открытъ маркизою Дугласъ съ княземъ Понятовскимъ. Въ 12 часовъ по-полночи, Президентъ подалъ руку супругъ Принца Люсьена Мюрата и отправился въ большую галерею, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Изъ членовъ фамиліи Бонапарте, на балъ замѣчены Людовикъ-Люсьенъ, двоюродный братъ Президента, князь Канино и маршалъ Жеромъ; ни сына маршала, Наполеона, ни Пьера Бонапарте не было. Послѣ бала, Людовикъ-Наполеонъ въ первый разъ ночевалъ въ Тюльерійскомъ-дворцѣ.

Пьеръ Бонапарте, все еще сохраняющій нѣкоторое неудовольствіе на Президента, обручился съ дочерью архитектора Базелюша, приданое которой очень небольшое.

Въ заключеніе сообщаемъ нѣкоторыя частныя распоряженія и происшествія.

Обнародованъ декретъ, которымъ отмѣнены все политическіе годовые праздники, и объявлено, что годовщина 15-го августа будетъ одна признаваема впредь національнымъ праздникомъ. Извѣстно, что 15-го августа, празднуется годовщина рожденія Императора Наполеона. Другимъ декретомъ учреждается особый музей, въ которомъ должны храниться все вещи, дознанно принадлежавшія разнымъ Государямъ, которые царствовали во Франціи.

Императорскій орелъ возстановленъ не только на знаменахъ, но и на киверахъ, портепяхъ и пуговицахъ войскъ. Теперь, въ Парижѣ быють каждый вечеръ зорю, какъ было во времена имперіи.

Въ парижскихъ судебныхъ мѣстахъ произошелъ небольшой переворотъ. Черныя галстуки адвокатовъ исчезли, усырбиты, разноцвѣтное нижнее платье запрещено. Во-время имперіи и реставраціи адвокаты не иначе являлись въ судѣ, какъ въ официальномъ костюмѣ, т. е. въ черной мантии, въ бѣломъ галстукѣ и черномъ нижнемъ платьѣ. Невоенные тогда еще не носили усовъ. Впрочемъ бѣлый галстукъ въ этомъ костюмѣ необходимъ, потому-что длинныя концы его предписаны уставомъ. Что же касается до нижняго платья, оно тоже должно согласоваться съ черною мантиею. Говорятъ, что измѣненія произошли съ революціею 1830 года, и что тогдашній генераль-прокуроръ Кассационнаго Суда,

г. Дюпенъ, написалъ свой портретъ въ полномъ костюмѣ и съ чернымъ галстухомъ. Свѣтлое нижнее платье понемногу вошло въ обыкновеніе, несмотря на то, что старинные адвокаты сильно возставали противу этого. Первый Президентъ Тролонъ сообщилъ теперь старшинъ адвокатовъ о возстановленіи стариннаго судебного костюма. Судьи получили также предписаніе сообразоваться съ тѣми-же правилами. Теперь превращеніе случилось какъ отъ прикосновенія волшебнаго жезла, и во всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ судьи и адвокаты являються въ строго-официальной формѣ.

Правительство предписало наблюдать, въ отношеніи къ трактирнымъ и другимъ заведеніямъ, слѣдующія правила: 1) Въ каждой общинѣ имѣеть быть не болѣе одного трактира на число жителей отъ пяти сотъ до тысячи душъ. 2) Число нынѣ существующихъ должно постепенно быть убавляемо до узаконеннаго количества. 3) Слѣдуетъ закрыть заведенія, въ которыхъ поддѣлываютъ напитки, или завѣдомо продаютъ поддѣланные, обманываютъ казну въ платежъ податей, содѣйствуютъ запрещеннымъ играмъ, пьянству и разврату. 4) Чиновники управленія должны впредь обращать вниманіе не только на сборы податей, но и на происходящее внутри трактировъ въ отношеніи къ здоровью и нравственности жителей.

О происхожденіи отмѣненнаго декрета объ уничтоженіи дворянскихъ титуловъ напечатанъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, при владычествѣ во Франціи временнаго правленія, членъ его, бывший стенографъ (скорописецъ), Флоконъ, предложилъ своимъ товарищамъ уничтожить дворянскіе титулы. Одни въ отвѣтъ смѣялись, другіе протестовали. Г. Ламартинъ замѣтилъ между-прочимъ, что вопросъ этотъ касается лично до него, и просилъ чтобы Республика не рубила ни головъ, ни титуловъ. Флоконъ, видя, что никто не одобряетъ его неудачнаго декрета, оставилъ проектъ на столѣ Совѣта. Его взяли ошибкою и отослали въ редакцію Монитера, которая и напечатала его. На другой день крайне не сердились на эту глупую ошибку, но дѣлать было нечего: занялись другими, важнѣйшими дѣлами. Вотъ какъ были уничтожены титулы дворянства! Декретъ Флокона былъ потомъ помѣщенъ въ Уложеніе.

Бывшіе члены Законодательнаго Собранія, Маркъ Дюфресь и Гренно, приговоренные къ ссылкѣ въ Кайенну, по-

лучили облегченіе своей участи: они изгнаны навсегда изъ Франціи.

Г-жа Жоржъ-Зандъ имѣла аудіенцію какъ у г. Персиньи, такъ и у Людовика-Наполеона. Она безпрепятственно можетъ продолжать литературныя свои занятія. Министръ общалъ ей отмѣнить запрещеніе представленія драматическихъ сочиненій ея на здѣшнихъ театрахъ.

Разсказывали, что бывшій представитель, Карно, изгнанный изъ Франціи, былъ высланъ и изъ Бельгіи; это оказалось несправедливымъ: Карно добровольно согласился выѣхать изъ Бельгіи. При обнародованіи списка изгнанниковъ, въ которомъ онъ однакоже не былъ наименованъ, но находились многіе изъ бывшихъ товарищей его, Карно написалъ письмо къ Королю Прусскому, и упомянулъ, что высланный изъ Франціи въ 1815 году, отецъ его нашелъ гостепріимное убѣжище въ Пруссіи. Старинный другъ генерала Карно и товарищъ его по институту, баронъ Александръ Гумбольдтъ, немедленно представилъ это письмо Королю, и Его Величество въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изъявилъ соизволеніе на его просьбу. Многіе французскіе политическіе изгнанники, жившіе уже двѣ недѣли въ Брюсселѣ безъ вѣдома полиціи, добровольно выѣхали изъ Бельгіи, и отправились въ Англію, Голландію и Германію.

А н г л и я.

Странное положеніе Англіи въ настоящую пору вѣрно обрисовано въ одной статьѣ газеты Times:

«Не помнимъ, пишутъ въ Times: чтобъ когда-либо говорили о войнѣ и мирѣ въ столь странныхъ обстоятельствахъ. Никто въ Англіи не говоритъ, что скоро начнется война, потому-что никто не вѣритъ ея возможности. Никто не разсуждаетъ и объ условіяхъ мира, потому-что никто ихъ намъ не предлагаетъ, а мы безпрестанно мучимся, за давая себѣ вопросъ: не намѣрена ли въ-расплохъ напасть на насъ держава, съ которою мы долго были въ дружественныхъ сношеніяхъ, еще продолжающихся, и которой матеріальныя выгоды такъ тѣсно соединены съ нашими? Достаточно ли будутъ наши средства къ защитѣ, чтобъ устоять противу этого предполагаемаго нападенія?»

«Уже не въ первый разъ возникаетъ вопросъ о войнѣ между Англіею и Франціею. За четыре года предъ симъ, правилъ Франціею Монархъ, имѣвшій всѣ средства къ этой войнѣ. Онъ былъ окруженъ сыновьями, олицетворявшими, такъ сказать, въ себѣ военный духъ французской націи. Одинъ изъ нихъ, у котораго это качество переходило за предѣлы, подвергалъ опасности свою жизнь во всякомъ бою, и составлялъ уже замѣчательный планъ компаніи противу коварнаго Альбіона. Легко было найти предлоги и причины къ ссорѣ, и хотя Людовикъ-Филиппъ былъ окруженъ ответственными государственными людьми, которые могли оттого потерять все, или поддержать себя, война не разъ готова была вспыхнуть; но ея не было, и Людовикъ-Филиппъ прибылъ изгнанникомъ на берега Англіи. Принцъ Жуанвильскій пріобрѣлъ здѣсь сочувствіе тѣхъ, противу которыхъ хотѣлъ воевать. Перейдемъ къ другой картинѣ. Февральская революція ниспровергла тронъ Франціи. На мѣсть его возникло кровавое привидѣніе Республики. Всѣ предвидятъ войны, вторженія, перевороты, столкновенія; миръ кажется невозможнымъ съ той минуты, какъ временное правленіе заняло ратушу, Парижъ раздѣлился на части, и революціонная формула появилась на знаменахъ Франціи. И однако же миръ нарушенъ не былъ. Теперь власть перешла въ руки африканскихъ генераловъ, получившихъ чины свои въ войнѣ съ дикарями. Страсть ихъ къ нанесенію удара Англіи сдѣлалась пословицею,—и все однакоже войны нѣтъ.

«Обративъ вниманіе на берега Рейна, мы видимъ, что большія революціонныя войны истребили яблоко раздора, существовавшее прежде того, Германскую Имперію. По перенесеніи границъ Пруссіи на лѣвый берегъ Рейна, соперницею Франціи сдѣлалась Германія, а не Австрія. Когда 1848 г. измѣнилъ-было это положеніе, когда между Австріею и Пруссіею возникъ споръ объ императорской коронѣ, триста тысячъ войска стояли въ Саксоніи другъ противъ друга, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ. При каждомъ восходѣ солнца ожидали пушечныхъ выстрѣловъ, — и все же миръ былъ сохраненъ. За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, эти событія охватили бы пламенемъ всю Европу. Слѣдственно, должно полагать, что идеи о войнѣ въ свѣтъ теперь совсемъ другія, что мнѣнія по этому вопросу совершенно измѣнились. Спрашиваемъ себя: болѣе ли опасности представляется отъ нынѣшняго порядка дѣлъ во Франціи, нежели при прежнихъ

правленіяхъ? Не думаемъ, не потому, чтобъ мы имѣли къ Людовику-Наполеону болѣе довѣренности, нежели къ его предшественникамъ, а потому, что война съ Англіею столь же противна его выгодамъ, какъ и всякая другая.

«Англійская политика могла оскорбить нашихъ союзниковъ. Она могла возстановить противу насъ нѣкоторые кабинеты. Государственный переворотъ Людовика-Наполеона, можетъ-быть, понравился нѣкоторымъ правительствамъ, но отъ этого недовѣрчивость, питаемая всеми кабинетами противу Франціи, остается неизмѣннымъ основаніемъ ихъ политики. Мудрено рѣшить, не сильнѣе ли въ этой недовѣрчивости воспоминанія о временахъ имперіи, нежели и самой революціи. Уничтоживъ парламентскую систему, и требуя безусловнаго повиновенія гражданъ, Людовикъ-Наполеонъ примирился съ европейскими кабинетами. Но случись одно нападеніе съ его стороны, и вся Европа на него обрушится. Если же Президентъ находитъ очень видныя выгоды въ сохраненіи мира, если онъ не можетъ ласкаться тѣснѣйшею дружбою съ великими державами противу своихъ предъстниковъ, на какихъ же началахъ управленія искать опасностей войны?»

«Со времени Наполеона никто такъ не властвовалъ во Франціи, какъ Людовикъ-Наполеонъ. Но Наполеонъ царствовалъ посредствомъ завоеваній и для нихъ; Президентъ властвуетъ посредствомъ арміи. Щедрость его, совершенно наполеоновская, доказываетъ, что онъ намѣренъ царствовать какъ Императоръ. Говорятъ, что война съ Англіею противна выгодамъ французской націи. Но на долго ли эти выгоды остановятъ военные планы? Мы знаемъ все, что можно сказать о кротости и послушаніи торговаго сословія во Франціи. Но не возстановилъ ли Президентъ противу себя именно этого сословія болѣе всѣхъ прочихъ, распусканіемъ національной гвардіи и угрозою закрыть коммерческія палаты? Всѣ сочувствія, вся щедрость Людовика-Наполеона обращаются единственно на армію и на рабочее сословіе. Первая считаетъ войну препровожденіемъ времени, второе смотритъ на нее равнодушно. Послѣдствія войны, конечно, повредятъ и ремесленнику, но онъ объ этомъ не думаетъ. Слѣдственно, съ одной стороны армія, а съ другой демократы не представляютъ никакого ручательства въ сохраненіи мира. И потому мы зададимъ себѣ слѣдующій вопросъ: перемѣны, произведенныя Президентомъ, или были согласны

съ общественнымъ мнѣніемъ французской націи, или нѣтъ? Если не были, то общее мнѣніе, которое не могло противупоставить ему никакой преграды, не въ силахъ будетъ оказать сопротивленіе и въ другомъ случаѣ, слѣдственно, и не можетъ имѣть на него вліянія. Если же, напротивъ того, мнѣніе было за Президента, то можно сказать, что нація, имѣвшая столь мало здравого смысла въ выборѣ себѣ рода правленія, не обнаружитъ онаго болѣе и въ вопросѣ о войнѣ. Слѣдственно, общественное мнѣніе во Франціи или безсильно или безразсудно. Другаго рѣшенія нѣтъ этой дилеммы. Нельзя возразить, чтобъ французская нація стала протестовать противъ войны съ Англіею, когда эта нація не въ силахъ этого сдѣлать, не составляя ни арміи, ни массы, могущихъ возжечь войну.»

Несмотря на эти мирныя, благоразумныя размышленія, толки о возможности и вѣроятности войны не прекращаются. Явилась даже брошюра, содержащая въ себѣ планъ вторженія въ Англію. Эта брошюра написана, впрочемъ, въ *чисто-ученомъ* отношеніи, барономъ Эмилемъ Морисомъ де-Селлономъ, бывшимъ инженеромъ французской службы. Въ ней изложены всѣ средства въ защитѣ Англіи, но въ заключеніе сказано, что высадка 150,000 Французовъ, съ обозами и аммуниціею, тремя корпусами, въ Плимуть, Бристоль и Реъ (Rye) не только возможна, но и удобоисполнима безъ чрезвычайной опасности, и что нынѣшняя англійская армія очень мало имѣетъ надежды воспрепятствовать взятію Портсмута съ сухаго пути, и самаго Лондона; а потому, для безопасности Англіи, капитанъ Морисъ почитаетъ необходимымъ сооруженіе фортовъ на южномъ берегу, усиленіе войска и произведеніе другихъ вооруженій. Эта брошюра переведена на англійскій языкъ капитаномъ Аддисономъ. Но ни въ одной газетѣ, въ которыхъ ссылаются на книгу Мориса, не выставлено предположенія, служившаго источникомъ сочиненію. Въ *Times* и *Morning-Post* объясняютъ это подробнѣе. Изъ различныхъ указаній предостерегательной брошюры оказывается именно, что для перевоза 150,000 человекъ нуженъ не только весь военный флотъ Франціи, но и много частныхъ судовъ, а именно 291 пароходъ и 368 купеческихъ транспортовъ. Военныя суда, находящіяся въ Тулонѣ, должны обойти кругомъ въ Шербургъ, и часть французской арміи должна пройти сто семьдесятъ англійскихъ миль до того пункта, гдѣ ей слѣдуетъ

садиться на суда. Несмотря на то, сочинитель предполагает, что Французы могут атаковать въ-расплохъ Англию, имьющую, по словамъ Morning-Post, шестьдесятъ линейныхъ кораблей, пятьдесятъ фрегатовъ, сто корветовъ, сто военныхъ парходовъ и пятьсотъ канонирскихъ лодокъ. Въ Times замѣчаютъ, что «въ случаѣ войны», непріятель, конечно, постарается перенести дѣйствія въ Англию. Французскій флотъ можетъ потерпѣть въ Каналѣ сильное поражение, однакоже успѣетъ высадить на наши берега достаточныя силы. Словомъ, должно стараться о принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ противу вторженія, и противупоставить ему всѣ преграды: только тогда завсевательные замыслы обратятся совершенно въ дымъ.

Между-тѣмъ 3-го февраля Парламентъ открытъ съ обыкновенною торжественностію.

Королева прочитала слѣдующую рѣчь:

«Милорды и господа!

«Наступило время, въ которое, по обычаю, могу пользоваться вашимъ мнѣніемъ и пособіемъ для изготвленія и принятія мѣръ, потребныхъ для блага отечества. Со всѣми иностранными державами состою я, по-прежнему, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Запутанныя дѣла Герцогствъ Гольштейнскаго и Шлезвигскаго не преставали обращать на себя мое вниманіе. Имѣю все право надѣяться, что трактатъ, заключенный за два года предъ симъ въ Берлинѣ между Германіею и Даніею, вскорѣ будетъ совершенно выполненъ.—Сожалѣю о продолженіи войны, которая, къ-несчастію, возникла слишкомъ за годъ предъ симъ на восточныхъ предѣлахъ Мыса Доброй-Надежды. Вамъ предложены будутъ документы, въ которыхъ содержатся полныя свѣдѣнія о ходѣ сей войны, и о мѣрахъ, принятыхъ къ ея окончанію.—Видя, съ искреннимъ удовольствіемъ, что въ бѣльшей части Ирландіи господствуетъ спокойствіе, съ крайнимъ сожалѣніемъ должна я объявить вамъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ графствъ Армагскаго, Монаганскаго и Лотутскаго совершены были важныя преступленія. Приняты законныя мѣры для открытія виновныхъ, и для прекращенія преступленій и насильствъ, вредныхъ самымъ важнымъ выгодамъ страны. Я не престану обращать на сей важный

предметъ все мое вниманіе.—Господа члены Ниж. Пал.! Я повелѣла предложить вамъ смету расходовъ текущаго года. Полагаюсь со всею довѣренностію на усердіе и праводушіе ваше, для надлежащаго удовлетворенія требованій государственной службы. О тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ произошло увеличеніе въ бюджетѣ нынѣшняго года въ сравненіи съ прошлогоднимъ, даны вамъ будутъ объясненія, которыя, какъ надѣюсь, убѣдятъ васъ, что эти увеличенія согласны съ твердымъ сохраненіемъ политики мирной и съ законами благоразумной бережливости.—Милорды и господа! Исправленія въ различныхъ отрасляхъ судопроизводства были и нынѣ предметомъ моего непрерывнаго вниманія, и съ этою цѣлію повелѣла я изготвить билли, основанныя на донесеніяхъ, представленныхъ мнѣ комиссіями, на которыя возложено изслѣдовать ходъ судебныхъ и спорныхъ дѣлъ въ верховныхъ судилищахъ. Ничто столько не содѣйствуетъ благоденствію и довольству страны, какъ скорое и непристрастное отправленіе судебныхъ дѣлъ, и я убѣдительно прошу васъ обращать на сіи мѣры неослабное ваше вниманіе.—Актъ 1848 года, которымъ остановлено дѣйствіе предшествовавшаго закона, даровавшаго представительныя установленія Новой-Зеландіи, оканчивается въ будущемъ году. Съ удовольствіемъ думаю, что нѣтъ никакой надобности къ возобновленію его. Между-тѣмъ слѣдуетъ вамъ обратить вниманіе на форму сихъ установленій, и я надѣюсь, что по новымъ, полученнымъ съ того времени свѣдѣніямъ, вамъ можно будетъ рѣшить вопросъ въ пользу сей важной колоніи.—Чувствую большое удовольствіе, увѣдомляя васъ, что значительныя пониженія налоговъ, произведенныя въ послѣдніе годы, не причинили равномѣрнаго имъ уменьшенія государственныхъ доходовъ. Доходовъ истекшаго года вполне достаточно было для покрытія расходовъ, а пониженіе налоговъ значительно содѣйствовало къ облегченію и благоденствію моихъ подданныхъ.—Признаю съ чувствомъ благодаренія къ Богу Всемогущему, что спокойствіе, порядокъ и усердное повиновеніе законамъ вообще господствуютъ въ странѣ нашей.—Кажется мнѣ, наступило время для спокойнаго разсмотрѣнія, не полезно ли будетъ ввести въ актъ о выборахъ въ Нижнюю Палату, утвержденный въ предшествоующее царствованіе, нѣкоторыя измѣненія, могущія содѣйствовать къ большому

развитію правилъ, на которыхъ основанъ сей законъ.—Питаю полную увѣренность, что вы, въ изслѣдованіяхъ сего рода, будете твердо придерживаться законовъ, которыми равномерно обезпечены преимущества короны, принадлежности обѣихъ Палатъ Парламента и права націи.»

Королева была встрѣчена при открытіи Парламента съ выраженіями искренняго восторга, но тронная рѣчь подвергла министровъ сильнымъ замѣчаніямъ. Толковали, что напрасно не распространились о дѣлахъ вышнихъ, когда вся Англія находится въ тревожномъ опасеніи будущаго. И еще находятъ слишкомъ смѣлымъ увѣреніе въ цвѣтущемъ состояніи финансовъ, между-тѣмъ, какъ извѣстно, что безъ помощи оспариваемаго налога съ доходовъ, оказалась бы недоимка отъ 2-хъ до 3-хъ мил. ф. ст. Оппозиція собираетъ все свои силы, чтобы напасть на министерство.

По возвращеніи членовъ Ниж. Пал. въ мѣсто ея засѣданій, произошли объясненія короткія, но весьма значительныя. Лордъ Дж. Россель объявилъ, что онъ предложилъ объ увольненіи лорда Пальмерстона, потому-что этотъ министръ выразилъ французскому послу все свое удовольствіе по случаю совершившагося во Франціи переворота, и поступилъ, въ этомъ случаѣ, не спросясь съ высшею властью. Л. Дж. Россель полагаетъ впрочемъ, что Людовикъ-Наполеонъ рѣшился на переворотъ 2-го декабря, только имѣя въ виду благо Франціи и порицаетъ неприязненность англійскихъ газетъ. Л. Пальмерстонъ признался, что говорилъ въ-самомъ-дѣлѣ съ французскимъ посломъ объ этомъ предметѣ, но что этотъ разговоръ былъ отнюдь не официальный. Затѣмъ былъ утвержденъ проектъ адреса Королевы. Февраля 10-го лордъ Дж. Россель предложилъ Палатѣ свой билль о реформѣ. Существенное содержаніе этого билля слѣдующее: пониженіе избирательнаго ценза до половины; представительство разныхъ мѣстъ остается безъ переменъ, то-есть все мѣста, пользовавшіяся избирательнымъ правомъ до сего времени, будутъ пользоваться имъ и впредь; предложена тайная балотировка; срокъ для засѣданій Парламента сокращенъ.

Извѣстно, что при прочтеніи какого-нибудь билля въ первый разъ пренія не бываетъ. Для вторичнаго прочтенія билля о реформѣ назначено 27-е февраля. Л. Дж. Россель также предложилъ Палатѣ билль о пресѣченіи злоупотребленій при выборахъ: этотъ билль долженъ быть вто-

рично прочтенъ въ тотъ же день, который избранъ для вторичнаго прочтенія билля о парламентской реформѣ. Потомъ л. Дж. Россель объявилъ, что онъ предложитъ Палатѣ билль, относящійся къ милиціи, и потребуетъ, чтобы Собраніе тотчасъ же приступило къ обсужденію этого билля. Г. Энсти предложилъ главѣ кабинета вопросъ объ изгнаніи изъ Венгрии, по распоряженію князя Шварценберга, многихъ шотландскихъ миссіонеровъ англиканскаго вѣроисповѣданія; л. Дж. Россель отвѣчалъ, что старые законы Венгрии и австрійское Уложеніе 1848 г., обезпечивающіе религіозную свободу, не имѣютъ нынѣ силы, но что однакожь, австрійское правительство должно вознаграждать людей, имъ изгнанныхъ, за матеріальныя потери, и что л. Гранвилъ уже писалъ объ этомъ къ британскому посланнику при вѣскомъ дворѣ. Г. Лабушеръ представилъ Палатѣ билль о приведеніи въ дѣйствіе договора о литературной собственности, заключеннаго съ Франціею. Въ концѣ засѣданія, Палата приняла во вниманіе два проекта законовъ, содержащіе въ себѣ начала, на которыхъ должна быть основана парламентская реформа въ Ирландіи и Шотландіи.

Г Е Р М А Н І Я .

Замѣчательнѣйшею новостію въ германскихъ дѣлахъ можно назвать начавшееся выступленіе австрійскихъ и прусскихъ войскъ изъ Герцогствъ.

Австрійская пѣхота отправлена въ Австрію по желѣзной дорогѣ, тогда-какъ все прочія части войскъ гольштейнскаго корпуса отправятся обратно, пѣшкомъ и на лошадяхъ, черезъ Ганноверъ. 18-го февраля, утромъ, въ Альтону уже прибылъ изъ Рендсбурга, по желѣзной дорогѣ, 1-й батальонъ 8-го прусскаго пѣхотнаго полка, который и отправленъ оттуда, послѣ полудня, далѣе къ Виттентбергу.

Когда австрійскія войска совершенно оставятъ Рендсбургъ, тогда гарнизонъ этой крѣпости будетъ составленъ изъ гольштейнскихъ и лауенбургскихъ войскъ. Февраля 18-го, въ полдень, управленіе Гольштейнскимъ Герцогствомъ сдано государственному министру, графу Ревентлову-Криминию. Баронъ Плессенъ будетъ управлять гражданскими дѣлами,

до дальнѣйшихъ распоряженій. Что касается до графа Ревентлова-Криминиля, то онъ, въ качествѣ министра Герцогствъ Гольштейнскаго и Лауэнбургскаго, утвердить свое постоянное пребываніе въ Копенгагенѣ.

Дальше продолжаютъ пренія готскаго Сейма о проектахъ новаго Уложенія и соединенія двухъ Герцогствъ. Левая сторона не принимала никакого участія въ этомъ преніи. Министръ фонъ-Зеебахъ объявилъ Собранію, что отрицательное предложеніе правительства можетъ повлечь за собою пагубныя послѣдствія для обоихъ Герцогствъ, потому-что, въ такомъ случаѣ, вмѣшательство Германскаго Сейма будетъ неизбѣжнымъ.

— Баденская Вторая Палата, послѣ продолжительныхъ преній, приняла, 47 голосами противъ 13 голосовъ, проектъ закона о продленіи осаднаго положенія въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ.

Знаменитый Вартбургскій-замокъ, близъ Эйзенаха, будетъ возобновленъ, и работы начнутся будущею весною. Онъ будетъ возобновленъ въ томъ видѣ, какъ существовалъ съ XIII вѣка до XVII. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна назначила, съ своей стороны, на сей предметъ по 12,000 талеровъ въ годъ.

Изъ Вѣны пишутъ, что Ихъ Императорскія Высочества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Августѣйшая Супруга Его проживутъ въ Венеціи до начала марта, а потомъ отправятся въ Неаполь и Сицилію на Россійскомъ пароходѣ «Владиміръ.»

Вслѣдствіе соглашенія всѣхъ державъ Таможенскаго Союза, г. Мантейфель и бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ подписали, 18-го февраля, между Пруссіею и прочими державами Таможеннаго Союза съ одной стороны, и Бельгіею съ другой, дополнительную конвенцію къ коммерческому трактату 12-го сентября 1844 г.

Д а н і я .

Е. В. Король принялъ просьбу объ отставкѣ: отъ первенствующаго министра А. В. Мольтке, отъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Тиллиша, отъ военнаго министра генерала Фленсборга, отъ морскаго министра фонъ-Докума и

отъ министра шлезвигскихъ дѣлъ фонъ-Барденфлета. Въ тотъ-же день, Е. В. назначилъ: временнаго министра иностранныхъ дѣлъ Блуме—временнымъ первенствующимъ министромъ для Королевства Датскаго; временнаго министра публичнаго обученія Банга—временнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для Королевства Датскаго; генерала фонъ-Ганзена—военнымъ министромъ; министра финансовъ графа Шпоннека—министромъ финансовъ, а капитана Стенъ-Билле—морскимъ министромъ для всей Монархіи. Графъ Карлъ Мольтке назначенъ министромъ для Герцогства Шлезвигскаго, а графъ Ревентловъ-Криминиль министромъ для Герцогствъ Гольштейнскаго и Лауэнбургскаго. Оба министра прочли въ Палатахъ проектъ новой организаціи Датской Монархіи, утвержденный Е. В. Королемъ.

Б е л ь г і я .

Декреты Людовика-Наполеона произвели въ Бельгіи самое сильное впечатлѣніе. Объ большія партіи, на которыя раздѣляется Бельгія, если не совершенно одобрили, то и не осуждали, въ отношеніи къ возстановленію порядка и мира, государственнаго переворота 2-го декабря. Въ томъ числѣ былъ и Король, не знающій никакого различія партій. При тѣсныхъ отношеніяхъ своихъ къ Орлеанскому дому, онъ жертвовалъ многими своими чувствами и желаніями въ пользу общественнаго порядка. Но, не взирая на его равнодушіе къ выгодамъ матеріальнымъ, жестокіе декреты Людовика-Наполеона не могли не нарушить его всегдашняго равнодушія. Нѣсколько лѣтъ снося терпѣливо происки революціонной партіи, почувствовалъ онъ теперь, что пора принять противъ нее сильныя мѣры. Шагъ этотъ теперь сдѣланъ, и безвозвратно. Король объявилъ всему министерству, что оно должно согласиться на возстановленіе генерала Шазаля въ званіи начальника первой военной дивизіи, или выйти въ отставку. Министры уступили, и генераль вступилъ опять въ Брюссель въ отправленіе должности, ввѣренной ему Королемъ. Чтобы чистатели могли понять всю важность этого шага, должно напомнить, что Шазаль, въ званіи военнаго министра, противился распущенію арміи, котораго требовала революціон-

ная партія; онъ гласно объявилъ, что пора кончить комедию, распустивъ бельгійскую національную гвардію, и подалъ въ отставку, чтобъ не дожидаться той минуты, когда комиссія писарей рѣшится распустить армию. Король возвращаетъ его теперь на прежнее мѣсто. Разумѣется, что всѣ члены кабинета, подписавъ сіе повелѣніе, подали въ отставку, потому-что партія, возведшая ихъ, стала бы ихъ преслѣдовать. Но Король знаетъ, что это за люди. Спросить, можетъ-быть: неужели Король опасается войны? Теперь онъ ея не опасается, но хочетъ быть готовъ на всякій случай, и желаетъ въ этомъ случаѣ представить всѣмъ державамъ, которымъ важно сохраненіе бельгійскаго нейтралитета, гораздо лучшія ручательства противъ тѣхъ, которыя могутъ дать правленіе революціонной партіи. Слѣдственно, новая мѣра Короля имѣетъ двоякую цель: изготovitъ на всякій внѣшній и внутренній случай.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Ожидаютъ, что въ Бернскомъ кантонѣ скоро должны произойти весьма важныя событія. Назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ, послѣ выборовъ, которые были произведены во всей Швейцаріи для Національнаго Совѣта и на которыхъ бернскіе радикалы одержали полную побѣду, мы сообщали, что эта партія, ободренная своимъ успѣхомъ, хотѣла воспользоваться постановленіемъ, въ силу котораго правительство кантона можетъ быть смѣнено по требованію 8,000 избирателей. Какъ правительство Бернскаго кантона консервативное, то радикалы надѣялись низвергнуть его, основываясь на результатѣ выборовъ. Съ этою цѣлью было нѣсколько собраній; но они не повели ни къ какому результату, потому-что мнѣнія раздѣлились. Двое предводителей радикаловъ Бернскаго-кантона, Штемпли и Штокморъ, не могли согласиться между собою, и потому предложеніе созвать избирателей для рѣшенія вопроса о правительствѣ кантона не было принято. Теперь, это предложеніе возобновлено, и его поддерживаютъ въ этотъ разъ всѣ отѣнки радикальной партіи, между которыми возстановилось согласіе. Какъ результатъ союзныхъ выборовъ доказалъ,

что въ Бернскомъ кантонѣ радикалы имѣютъ на своей сторонѣ большинство, то и не сомнѣваются въ успѣхѣ этого предложенія. Если такое ожиданіе сбудется, то нынѣшнее консервативное правительство, которое управляетъ дѣлами въ-продолженіе двухъ лѣтъ и, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, должно было бы оставить кормило правленія не ранѣе, какъ черезъ два года, будетъ принуждено удалиться немедленно и уступить мѣсто радикальному правительству, во главѣ котораго долженъ стоять Штемпли. Понятно, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, при требованіяхъ, съ какими великія европейскія державы не перестаютъ адресоваться къ Швейцаріи по вопросу объ эмигрантахъ, такой переворотъ въ Бернскомъ кантонѣ, хотя мирный и законный, не можетъ не имѣть очень важныхъ послѣдствій. Въ Женевскомъ кантонѣ тоже происходитъ борьба, но уже между самими радикалами, потому-что либералы и консерваторы, благодаря утонченности нынѣшней избирательной системы, удалены изъ Большаго Совѣта. Но, отъ этого, между членами Большаго Совѣта господствуетъ не больше согласія: ультра-радикалы ведутъ ожесточенную войну съ умѣренными радикалами, поддерживаемыми Джемса Фази, главу исполнительной власти. До-сихъ-поръ, одна-кожъ, умѣренные радикалы, повидимому, берутъ верхъ надъ своими противниками.

Между-тѣмъ французское правительство сильно и повелительно требуетъ принятія нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности для разоренія демократическаго гнѣзда, распространяющагося до границъ Франціи. Нота, представленная французскимъ посланникомъ и подкрѣпленная словесными его объясненіями, сильно взволновала совѣтъ Союза. Г. Фурреръ растерялся, г. Дрюэй сказался больнымъ, а г. Кернъ уѣхалъ. Старались отвратить грозу и требовали, чтобъ генералъ Дюфуръ, личный другъ Президента, представилъ ему все это дѣло въ благопріятномъ видѣ. Но генералъ понялъ, что онъ будетъ въ затруднительномъ положеніи, и что ему, какъ члену охранительной партіи, неловко будетъ защищать въ Парижѣ демократовъ. И такъ онъ уклонился отъ чести этого посольства.

Испанія.

Общее вниманіе обращено на ужасное происшествіе, слу-

чившееся въ Испаніи, и повергнувшее мадритскихъ жителей въ глубокое уныніе.

Февраля 2-го слѣдено покушеніе на жизнь Е. В. Королевы.

День былъ былъ прекрасный, какъ въ іюль или въ августъ. Безчисленная толпа народа тѣснилась около дворца и по улицамъ, гдѣ должна была проѣзжать Королева, до Аточской церкви, въ которой Ея Величество приносила въ этотъ день благодареніе Всевышнему за благополучное разрѣшеніе отъ бремени. По всей дорогѣ стояли войска. У оконъ и на балконахъ, торжественно изукрашенныхъ, стояли разряженные дамы.

Въ одиннадцать часовъ Королева, сопровождаемая Королемъ и всею фамиліею, отправилась въ дворцовую церковь, для слушанія обѣдни. За нею несли новорожденную Принцессу.

Послѣ обѣдни, въ три четверти перваго, Ея Величество возвратилась изъ церкви въ свои покои, откуда намѣревалась отправиться въ Аточскую церковь.

Едва вступила Королева въ дворцовую галерею, какъ вдругъ монахъ францисканскаго ордена, находящійся при церкви Св. Миллана, вышедъ, въ грязной и разодранной одеждѣ, изъ толпы, сталъ предъ Королевою на колѣни, и лѣвою рукою подаль ей бумагу.

Е. В. наклонилась, чтобъ его выслушать и принять бумагу. Вдругъ онъ вскочилъ, выхватилъ изъ-за пазухи кинжалъ и ранилъ Е. В. въ руку, выше кисти, и въ правый бокъ, ниже осьмага ребра. Къ-счастью, въ самую ту минуту Королева обратилась въ лѣвую сторону. Несшая за нею новорожденную Принцессу, маркиза де-Поваръ, упала въ обморокъ. Одинъ поручикъ лейбъ-гвардіи взялъ младенца на руки. Королева вскорѣ опомнилась, и пошла, опираясь на руку графа Балазоте.

Злодѣй хотѣлъ нанести еще ударъ, но герцогъ де-Тамамесъ схватилъ его за горло, и его обезоружили.

Королева, почувствовавъ ударъ, вскричала и бросилась къ дочери своей, восклицая: *Mi hija! mi niña!* (дочь моя, дитя мое!)

Народъ хотѣлъ умертвить злодѣя на мѣстѣ. Гвардейцы съ трудомъ спасли его и отвели въ тюрьму.

Королева, воротясь въ свои комнаты, упала въ обморокъ, и очнувшись сказала:

— Не убивайте его изъ-за меня!

Церемонія, долженствовавшая происходить въ Аточской церкви, была отменена. Дипломатическій корпусъ и высшіе государственные сановники, ожидавшіе Королевы въ упомянутой церкви, тотчасъ же явились во дворецъ для принесенія Е. В. поздравленія съ избѣжаніемъ опасности. Весь Мадридъ обнаружилъ тѣ же чувства противу гнуснаго злодѣянія, небывалаго въ льтописяхъ Испаніи.

Совѣтъ Министровъ имѣлъ во дворцѣ засѣданіе для обсужденія этого дѣла. Большая часть войскъ, расположенныхъ по улицамъ, получили приказаніе стать вокругъ дворца. Изъ Пуерта дель-Соль были привезены пушки. Жители Мадрита бродили по улицамъ въ печали и молчаніи. Гнусное злодѣйство превратило народное празднество въ горестъ и негодованіе.

Судебное слѣдствіе показало, что убійца дѣйствительно священникъ, по имени Мартинъ Мерино. Ему 63 года отъ роду; онъ высокъ ростомъ, худощавъ, смугль лицомъ; волосы у него съ пресѣдью. Во все время суда онъ показывалъ равнодушіе закоренѣлаго злодѣя. Его приговорили къ смерти, и приговоръ исполненъ 7-го февраля.

Королева получила легкую рану и находится въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Заботливость королевской фамиліи и всеобщія выраженія преданности успокоили ее и утѣшили отъ тягостнаго впечатлѣнія сего событія.

И т а л і я.

Сардинія. Между сардинскимъ правительствомъ и австрійскими начальствами Ломбардо-Венеціанскаго Королевства произошелъ споръ по поводу парходовъ, которые ходятъ по озеру Маджіоре. Сардинское правительство не хотѣло позволить австрійскимъ парходамъ, вооруженнымъ пушками, останавливаться у піемонтскаго берега. Въ возмездіе за это, фельдмаршалъ графъ Радецкій запретилъ сардинскимъ парходамъ, перевозящимъ товары и пассажировъ, приближаться въ ломбардскому берегу. Сардинское правительство готовится принять мѣры для отвращенія такого затрудненія.

Р и м ъ. Кажется, предстоитъ близкое рѣшеніе вопроса, отъ котораго зависитъ выступленіе французскихъ войскъ изъ Рима. Дѣло идетъ о сформированіи папской арміи въ 20,000 человекъ. Австрія въ особенности содѣйствуетъ этому намѣренію. Будутъ составлены два иностранные легіона по 5,000 человекъ, два римскіе полка, каждый въ 7,000; полкъ папскихъ драгуновъ, 5,000 жандармовъ, 1,500 пѣшихъ егерей и двѣ артиллерійскія бригады.

Въ Римѣ совершенно новое убійство. Инспекторъ полиціи, г. Табло, человекъ умный и дѣятельный, пораженъ былъ кинжаломъ на Боргезской-площади. Рана опасна. Ударъ нанесенъ сзади, въ ту минуту, какъ онъ разговаривалъ съ однимъ пріятелемъ. Благопріятствуемый темнотою, убійца успѣлъ скрыться въ переулкахъ.

Н е а п о л ь. 14-го января Герцогиня Омальская разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Воспріемникомъ новорожденного отъ купели былъ Король Фердинандъ.

Т о с к а н а. Со времени парижскихъ происшествій 2-го декабря, въ Италіи и въ особенности въ Тосканѣ господствуетъ столь глубокое спокойствіе, такъ, что идетъ рѣчь о предстоящемъ снятіи осаднаго положенія съ Ливорно. Дѣло троихъ Англичанъ, осужденныхъ австрійскимъ Военнымъ Совѣтомъ, не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій, которыхъ опасались. Новый британскій министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ законность суда и поручилъ осужденныхъ милосердію Великаго Герцога. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Герцогъ помилуесть ихъ; они оставятъ Тоскану, и дѣло будетъ кончено.

Г р е ц і я .

«Афинскій наблюдатель» въ номеръ отъ 7-го февраля, объявляетъ о перемѣнѣ, происшедшей въ греческомъ министерствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Мелетопуло, министръ юстиціи Даміано и министръ публичнаго обученія Парбогли вышли изъ кабинета, и замѣнены г-дами Даношуло, Провилегіо и Ставро-Влахо. Новые министры приведены къ присягѣ 5-го февраля, и немедленно вступили въ отправленіе своей должности.

Греческій языкъ объявленъ официальнымъ на всѣхъ Ионійскихъ-островахъ. До-сихъ-поръ правительство и всѣ мѣстныя власти писали по-италіянски, и только иногда прилагали переводы на ново-греческомъ языкѣ. Отнынѣ всѣ бумаги будутъ писаны на семъ послѣднемъ.

В а л а х і я .

Изъ Букареста пишутъ, что (6) 18-го декабря, въ день тезоименитства Его Величества Императора Всероссійскаго, въ тамошнемъ соборѣ было совершено торжественное молебствіе, послѣ чего высшіе сановники приносили поздравленія русскому генеральному консулу, г-ну Халчанскому. Вечеромъ былъ балъ у его свѣтлости валлахскаго господаря.—(9) 21-го ч. совершено было, съ большою торжественностью, бракосочетаніе дочери господаря, княжны Елены Стирбей съ графомъ Леономъ фонъ-Латишь-Меннихъ.

А ф р и к а .

Египетъ. Въ послѣдней книгѣ «Сына Отечества» мы извѣстили читателей объ отъѣздѣ Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго изъ Александріи въ Каиръ.

Выѣхавъ изъ Александріи 5-го января, Его Императорское Высочество проѣхалъ по каналу на небольшомъ пароходѣ, въ шесть часовъ, а по Нилу на пароходѣ Аббасъ-Паши «Фейрузъ» въ двадцать-четыре часа, и прибылъ въ Булакъ (предмѣстье Каира) 6-го января, въ часъ по-полудни, въ день Рождества Христова, по старому стилю. Здѣсь пріемъ былъ еще блѣстательнѣе, нежели въ Александріи. Всѣ министры и знатнѣйшіе сановники, предводимые товарищемъ намѣстника Гассанъ-Папшею, ожидали Его Высочество на берегу, въ парадныхъ мундирахъ. Всѣ войска, находящіяся въ Каирѣ, были собраны, и для удобнѣйшаго расположенія ихъ, срублено нѣсколько большихъ деревьевъ.

Лишь только пароходъ подошелъ къ берегу, управляющій департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, Стефанъ-Бей, явился къ Его Высочеству, и по выходѣ его на берегъ представлялъ ему всѣхъ сановниковъ, министровъ и пашей. Послѣ сего Герцогъ сѣлъ въ парадную карету, запряженную шестью бѣлыми лошадьми, и мимо линіи войска, отдававшего честь съ преклоненіемъ знаменъ, при музыкѣ на трубахъ, посреди многочисленной толпы европейцевъ и туземцевъ, стекшихся со всѣхъ сторонъ, шагомъ побѣхалъ съ Эскебихской-площади по длиннымъ и извилистымъ улицамъ города. Впереди ѣхали верхомъ всѣ пашы, въ парадныхъ мундирахъ, и эскадронъ конницы изъ лейбъ-гвардіи Аббасъ-Паши. Это продолжалось болѣе часа. Остановясь сперва у російскаго генеральнаго консула въ Александріи, Его Высочество удостоилъ потомъ занять комнаты, приготовленныя ему намѣстникомъ въ Гельміехскомъ дворцѣ, въ срединѣ города, отданномъ въ его распоряженіе. При входѣ Герцога во дворецъ, произведены были двадцать одинъ выстрѣлъ съ цитадели.

Когда всѣ удалились, Аббасъ-Паша, живущій въ отдаленномъ дворцѣ за городомъ, прислалъ къ Его Высочеству своего драгомана, съ донесеніемъ, что онъ не смѣлъ безпокоить его въ этотъ день своимъ присутствіемъ, по причинѣ усталости отъ дороги, и просить дозволенія явиться завтра.

Намѣстникъ явился къ Его Высочеству на другой день, въ назначенный часъ, безъ свиты, и на слѣдующій день принималъ визитъ Герцога въ Абсишскомъ своемъ дворцѣ, причемъ были только диванъ-эффенди и министръ иностранныхъ дѣлъ, для переводовъ.

При этихъ свиданіяхъ Аббасъ-Паша былъ веселъ, любезенъ и предупредителенъ; посадилъ Герцога на самое почетное мѣсто, и сказалъ, что хотѣлъ представить Его Высочеству своего сына, но по нездоровью его отложилъ это до возвращенія Герцога изъ Верхняго Египта. Узнавъ, что Его Высочество охотникъ до лошадей, онъ сказалъ, что поручить сыну своему показать ему своихъ лошадей, которыя теперь на подножномъ кормѣ, близъ Каира. Это особенный знакъ расположенія со стороны Аббасъ-Паши: онъ еще никому не показывалъ своихъ лошадей, боясь, чтобъ ихъ не сглазили.

Уваженіе и услужливость Аббасъ-Паши къ Герцогу без-

предѣльны. Онъ предоставилъ въ его распоряженіе свои кареты, верховыхъ лошадей и людей. Все, о чемъ онъ можетъ догадаться, чтобъ угодить Его Высочеству, тотчасъ же исполняется: узнавъ, что Герцогъ раза два спрашивалъ о пилавѣ, тотчасъ же послалъ къ нему своего повара для изготовленія этого восточнаго блюда. Послѣ сихъ визитовъ Его Высочество принималъ агентовъ и консуловъ, находящихся въ Каирѣ, греческаго патріарха, католическаго епископа, русскихъ путешественниковъ и негодіантовъ. Его Высочество осматривалъ пирамиды. При семъ случаѣ также устроены были всѣ возможные удобства. Великолѣпный завтракъ приготовленъ былъ тамъ, по особому приказанію намѣстника.

Въ новый годъ (по старому стилю) Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, по обѣщанію своему, данному здѣшнему патріарху, былъ въ каирской греческой церкви, а какъ это случилось извѣстнымъ заранѣе, то и стеклось въ церкви и на пути несметное множество народа. Всѣ жаждали видѣть Особу Августѣйшей Фамиліи Императора Всероссійскаго и близкаго родственника покровителю и защитнику православной Церкви. Въ обширной оградѣ не было ни одного пустаго мѣста. Всѣ перила внутри и около церкви были сняты, и люди взлезали на плечи другъ къ другу, чтобъ видѣть высокаго посетителя. Ряды дѣтей въ бѣлой одеждѣ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, разставлены были по дорогѣ и на церковномъ дворѣ. У дверей церкви Его Высочество встрѣченъ былъ патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ въ богатыхъ ризахъ. Послѣ молебствія Его Высочество, посетивъ патріарха, удостоилъ принять участіе въ приготовленномъ завтракѣ.—На другой день Его Высочество предпринялъ путешествіе въ Верхній Египетъ на пароходъ Аббасъ-Паши «Фейрузъ» съ обыкновенною своею свитою, неаполитанскимъ живописцемъ, взятымъ въ Палермъ, однимъ набивателемъ птичьихъ чучель изъ Каира, и драгоманомъ російскаго консульства въ Александріи, г. Лавизономъ. При Герцогѣ находится Селимъ-Бей, бывшій кавалерійскій полковникъ, назначенный состоять при Особѣ Его Высочества въ званіи михмандаря, со времени пріѣзда его въ Александрію. Онъ очень хорошо говоритъ по-французски. Съ нѣкотораго времени стоитъ погода прекрасная, и надобно надѣяться, что повѣдка бу-

детъ удачна во всѣхъ отношеніяхъ. Она будетъ продолжаться около трехъ недѣль.

Мысь Доброй Надежды. Непріятельскія дѣйствія съ Кафрами начались назадъ тому двѣнадцать или тринадцать мѣсяцевъ. С. Гарри Смитъ тотчасъ же оставилъ городъ Капъ и отправился въ Кингъ-Вилліамсъ-Тоунъ, гдѣ онъ учредилъ центръ своихъ дѣйствій. Онъ занялся сперва усиленіемъ цѣпи отдѣльныхъ фортовъ, пролегающей между англійскими владѣніями и обширными землями Кафровъ. При семъ случаѣ была пролита первая кровь, потому-что Кафры оказали упорное сопротивленіе. Однакожъ форты держались хорошо. Потомъ Гарри Смитъ предпринялъ нападеніе на самый лагерь, учрежденный въ Аматоласкихъ-горахъ предводителемъ дикихъ, Сандильею. Предпріятіе удалось, но результатъ его далеко не соответствовалъ общимъ ожиданіямъ, и вмѣсто-того, чтобы войти въ мирные переговоры или удалиться на ту сторону Кея, Кафры оставили свой лагерь, обошли войска Гарри Смита, прорвали, безъ большаго труда, цѣпь фортовъ, перешли черезъ Рыбную-Рѣку (Fish-River) и вступили во владѣнія самихъ британскихъ колонистовъ. Тамъ они учредили новый лагерь, на крѣпкой и выгодной для нихъ позиціи, начали отгонять у колонистовъ стада, и нанесли чувствительныя потери посланнымъ противъ нихъ отрядамъ. Несмотря на то, с. Гарри Смитъ продолжалъ оставаться въ Кингъ-Вилліамсъ-Тоунъ, хотя непріятель находился у него уже не спереди, а сзади. Послѣ-того, два прекрасные полка были отдѣлены отъ главнаго корпуса и посланы въ необработанный округъ, Совереннити, который обитаемъ совершенно-неизвѣстными дикарями и который едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ для колоніи Мыса Доброй-Надежды. Эта диверсія произведена вслѣдствіе предположенія, что дикари, живущіе въ Совереннити, помогаютъ непріятелю. По послѣднимъ извѣстіямъ, отъ двухъ до трехъ тысячъ человекъ лучшаго войска будутъ отправлены противъ другаго кафрскаго старшины, Крели, занимающаго берега Кея, на восточныхъ границахъ Кафраріи, тогда-какъ, однакожъ, Кафры продолжаютъ угрожать Грагамсъ-Тоуну, лежащему въ англійскихъ владѣніяхъ. Въ-продолженіе аматоласской экспедиціи, которая была ошибкою, и между-тѣмъ, какъ с. Гарри Смитъ ждалъ подкрѣпленій, Кафры ежедневно усиливались, и война превратилась въ кро-

вопролитныя схватки между Кафрами и Англичанами, не на непріятельской землѣ, а на самой британской территоріи, причемъ всѣ выгоды были на сторонѣ непріятеля. Кафры живутъ теперь на счетъ Англичанъ: никогда дѣла ихъ не были въ лучшемъ положеніи. Поэтому, новый главнокомандующій долженъ будетъ прежде всего очистить британскую землю отъ завоевавшихъ ее дикарей; потомъ Крели и Совереннити могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, а граница будетъ приведена въ оборонительное состояніе ея естественными защитниками, самими колонистами.

Наконецъ, послѣднія извѣстія немного благопріятнѣе прежнихъ. Отъ времени до времени схватки, убитые, раненые, кража скота, большія приготовленія, рекогносцировки, незначительные или невыгодные результаты. Была предпринята экспедиція противъ главнаго пункта земли Кафровъ, владѣній старшины Крели, который, несмотря на свою нейтральность, помогалъ мятежнымъ племенамъ всѣми средствами. Эта экспедиція перешла черезъ Кей двумя отдѣленіями, изъ которыхъ одно, подъ начальствомъ генерала Соммерсета, управляющаго военными дѣйствіями, состояло изъ 2,000 человекъ пѣхоты и 1,000 человекъ кавалеріи. Капитанъ Тильденъ, съ 1,000 человекъ, тоже успѣлъ, послѣ незначительнаго сраженія, отнять у Кафровъ 2,000 быковъ, ими похищенныхъ. Потомъ генералъ Семмерсетъ выслалъ 2,000 человекъ для дальнѣйшей рекогносцировки, о результатѣ которой до отправленія почты не было получено, однакожъ, никакого извѣстія. 1-го декабря, подполковникъ Эйръ, тоже съ 1,000 человекъ, выступилъ изъ Кингъ-Вилліамсъ-Тоуна, противъ главнаго селенія Крели. При перенравѣ черезъ Кей, Кафры напали на него, и онъ лишился 4 человекъ; потерю Кафровъ въ этомъ дѣлѣ опредѣляютъ въ 49 человекъ. Главная сила непріятеля все-еще стоитъ въ Ватерклофъ и при Рыбной-Рѣкѣ. С. Гарри Смитъ по-прежнему остается въ Кингъ-Вилліамсъ-Тоунъ, гдѣ онъ находится уже въ-продолженіе 10 мѣсяцевъ.

Алжирія. Извѣстіе о новомъ возстаніи Кабиловъ оказалось несомнѣннымъ. Алжирскіе журналы дѣйствительно скрываютъ часть истины; движеніе гораздо важнѣе, нежели какимъ они представляютъ его. При отправленіи послѣднихъ извѣстій, Бужія была осаждена Арабами. Нѣтъ сомнѣнія, что будетъ предпринята новая экспедиція противъ Кабиловъ.

А М Е Р И К А.

Калифорнія. Здѣсь, въ южной части, провозглашенъ военный законъ. Все жители, способные носить оружіе, должны были собраться и приготовиться къ ожидаемому нападенію со стороны Индѣйцевъ. Вездѣ распространилась тревога, къ-несчастью, не безъ основанія. Индѣйскія племена Туларовъ, береговъ Калифорніи, южныхъ частей Сьерры-Невады, заключили союзъ съ свирѣпыми племенами Ріо-Колорадо и Ріо-Гилы, чтобъ истребить бѣлое населеніе Южной-Калифорніи или, по-крайней-мѣрѣ, возобновить грабежи, которымъ Анахи безнаказанно предаются въ самой Мексикѣ.

Буеность-Айресъ. Розасъ находится въ отчаянномъ положеніи. Тѣснимый съ одной стороны силами Уркизы, у котораго 20,000 человекъ войска и отъ 30 до 40 орудій, а съ другой бразильскою арміею и парагуаскими войсками, число которыхъ простирается до 10,000 человекъ, буеность-айресскій диктаторъ видитъ свою армію, вслѣдствіе побѣговъ, уменьшающеюся ежедневно. Уркиза готовился перейти черезъ Парану и явиться со всеми своими силами въ области Санта-Фэ.

Гватимала. Здѣшнее Собраніе приняло актъ, измѣняющій способъ избранія Президента. По смыслу этого акта, Президентъ будетъ избираемъ впредь уже не всемъ народомъ, а Палатою Представителей, архіепископомъ, членами судовъ и членами Государственнаго Совѣта. Онъ избирается на четыре года и можетъ быть избранъ вновь.

А з і я.

Персія. Его Величество персидскій Шахъ, въ послѣднихъ числахъ мѣсяца Сафара (ноября), изволилъ посѣтить домъ министра Садра А'зама Мирзы Ага-хана. Во-время торжественнаго шествія, отъ ледника Ханъ-Марди до воротъ дома министра, кущи и старшины стояли по обѣимъ сторонамъ дороги съ кашмирскими шальями въ рукахъ, и, при

появленіи высокаго посѣтителя, они совершили обрядъ жертвоприношенія и разбили чаши, сдѣланныя изъ леденца. Во-время проѣзда Его Величества мимо домовъ нѣкоторыхъ сановниковъ, каждый изъ нихъ доказалъ свою радость при видѣ Шаха и преданность ему исполненіемъ слѣдующаго обряда: Мирза Мамедъ-Ханъ саркешикчи-баши принесъ въ жертву шесть барановъ, представилъ въ подарокъ одну кашмирскую шаль во сто червонцевъ * и разбилъ чашу, вылитую изъ леденца. То же самое сдѣлали: Мирза Фазлулла, братъ министра, Мамедъ-Юсуфъ-Ханъ, племянникъ министра, и Мирза Фетулла, другой племянникъ министра. Когда Его Величество вступилъ на дворъ министра, гдѣ все разстояніе отъ воротъ до внутреннихъ покоевъ, на протяженіи 400 шаговъ, покрыто было драгоценными золотистыми парчами, 20 барановъ принесены были въ жертву; предъ вступленіемъ Его Величества на порогъ залы министра, Мирза Мамедъ-Садикъ-Мустафа и Мирза Фетъ-Алиханъ, подчиненные хозяина, исполнили тотъ же самый обрядъ, который исполненъ былъ другими сановниками во-время поѣзда Шаха. Затѣмъ министръ самъ приступилъ къ исполненію того же обряда, съ тою только разницею, что прибавилъ къ числу червонцевъ еще 1,200, и подносилъ сладости на 19 подносахъ, ограничиваясь жертвою только двухъ барановъ. На балконахъ, углахъ двора и комнатъ, гдѣ только позволяли приличіе и этикетъ, поставлены были подносы со сладостями и фруктами, и вазы съ различными цвѣтами. Министръ, предъ входомъ Его Величества во внутреннюю комнату, еще представилъ въ подарокъ кашмирскую шаль, 300 червонцевъ, разбилъ чашу леденца и принесъ въ жертву шесть барановъ; во-время же присутствія Его Величества въ этой комнатѣ, сынъ министра, Мирза Кезимъ-Ханъ поднесъ въ подарокъ рукопись извѣстнаго каллиграфа Миръ-Имада, одинъ экземпляръ поэмы Гафиза и біографію знаменитыхъ поэтовъ персидскихъ, переписанную агою Мамедъ-Аліемъ Ширазскимъ. Послѣ-того Его Величество изволилъ возвратиться во дворецъ и на обратномъ пути Джафаръ Кули-Ханъ, Аббасъ Кули-Ханъ, Мирза Мамедъ-Шафи и Мирза Рахимъ предъ своими домами исполнили обрядъ жертвоприношенія и представили подарки по-

* Цѣнность каждаго червонца 1½ руб. сер.

мѣръ того, что позволяло приличіе, и удостоились лице-зрѣнія своего Монарха.

Китай. Одинъ нѣмецкій врачъ, состоящій въ британской службѣ и живущій на Гонгконгѣ, пишетъ къ одному изъ своихъ друзей въ Германіи, что мнимая революція въ Китаѣ не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго и что войска инсургентовъ не иное что, какъ огромная шайка грабителей, которые, набивъ себѣ карманы, разойдутся по домамъ. «То, что дѣлаетъ эта шайка въ большомъ размѣрѣ, присовокупляетъ корреспондентъ, дѣлается въ Китаѣ вездѣ и ежедневно, но только въ размѣрѣ не столь значительномъ. Деревни ведутъ войну съ другими деревнями; одно племя борется съ другимъ племенемъ. Вы увидите, что вся эта исторія кончится ничѣмъ. Англійскіе журналы не имѣютъ почти никакого понятія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ; мы, мѣстные жители, знаемъ это лучше всего.»

Остѣ-Индія. Двое англійскихъ офицеровъ измѣннически умерщвлены жителями сѣверо-западныхъ горъ. Скоро должна начаться борьба: газарейскій ханъ Ингандадъ призываетъ на помощь дикія индусскія племена, собирая ихъ въ Умбѣ. Передъ Рангуномъ стоитъ сильная англійская эскадра; надвѣются, что споръ будетъ рѣшенъ путемъ мира.—Корпусъ британскихъ войскъ идетъ противъ Мирь-Али Кирпурскаго. Говорятъ о новой экспедиціи противъ Афганистана. Достъ-Мухаммедъ выздоровѣлъ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

ПРИСУТСТВІЕ ІОДА ВЪ ВОЗДУХѢ, ВОДѢ, ДОЖДѢ И СНѢГѢ. Летучесть іода, распространеннаго на земной поверхности, навела г. Шатеня (Chatin) на мысль, что это начало должно необходимо содержаться и въ воздухѣ. Чтобы убѣдиться въ томъ, г. Шатень прибѣгнулъ къ простому Либихову прибору, состоящему изъ большаго аспиратора и системы промывательныхъ сосудовъ, составленныхъ изъ ряда соединенныхъ между собою трубочекъ съ шариками. Опытъ показалъ, что въ 4000 литрахъ

парижскаго воздуха содержится $\frac{1}{300}$ миллиграмма іода; а какъ взрослый человѣкъ потребляетъ обыкновенно суточнымъ дыханіемъ до 8000 литровъ воздуха, то этимъ путемъ приходитъ въ прикосновеніе съ его легкими $\frac{1}{230}$ миллиграмма іода.

Количество іода въ воздухѣ много зависитъ отъ температуры, влажности, времени дня, господствующихъ вѣтровъ, дождей, грозъ, положенія страны и большаго или меньшаго содержанія этого начала въ почвѣ и водахъ. Такого рода результаты можно вывести изъ массы изысканій г. Шатеня.

Іодъ находится и въ дождевой водѣ, въ количествахъ отъ $\frac{1}{50}$ до $\frac{1}{2}$ миллиграмма на 10 литровъ. Такая разность содержанія, на основаніи многочисленныхъ разложеній, происходитъ преимущественно отъ мѣстности, на которой выпадаетъ дождь.

И въ снѣгѣ Шатень открылъ присутствіе іода, хотя слѣлалъ только одинъ опытъ по этому предмету (10 марта 1851 г.). Оказалось, что въ снѣгѣ содержалось іода $\frac{1}{10}$ менѣе того количества, которое открыто въ дождевой водѣ, выпавшей тотчасъ послѣ снѣга. Совершенно противный результатъ получилъ онъ при изслѣдованіи града, выпавшаго въ Версали утромъ 2 мая. Наконецъ, даже роса показываетъ слѣды содержанія іода.

Нѣтъ сомнѣнія, что іодъ попалъ въ атмосферу изъ почвы, ея водъ и растений. Это весьма вѣроятно, если принять въ соображеніе большую летучесть этого тѣла, исчезаніе іода изъ водъ, его содержащихъ, чрезъ испареніе, и освобожденіе іода при гніеніи изобилующихъ имъ растений. (Ж. М. Н. П.).

НЕОБЪЯСНИМОЕ ДРОЖАНІЕ ЗВѢЗДЪ. При восхожденіи Принца Адалберта Прусскаго на Tenerifskій пикъ (въ 1842 г.), Августѣйшій путешественникъ былъ свидѣтелемъ одного необыкновеннаго явленія. Въ утреннія сумерки, одна изъ неподвижныхъ звѣздъ начала быстро двигаться взадъ и впередъ, горизонтально надъ розовою полосою, окаймлявшею востокъ. То-же явленіе представлялось и въ зрительную трубу; только звѣзда казалась тогда состоящею изъ двухъ, какъ-бы соединенныхъ между собою связанныхъ узловъ хвостами. Подобное колебаніе, хотя и гораздо слабѣйшее, оказалось и въ другихъ звѣздахъ, но было замѣтно только помощію зрительной трубы, а не простымъ глазомъ. Принцъ и всѣ его спутники одинаково хорошо могли наблюдать это явленіе. За невозможностью придумать раціональную причину такого явленія, они сочли его слѣд-

ствіемъ прилива къ глазамъ крови, разгоряченной утомительнымъ восхожденіемъ на гору.

Принцъ не упомянулъ, какая именно звѣзда представила такое необыкновенное явленіе. Но о подобномъ фактѣ находилось уже прежде того свидѣтельство Александра фонъ-Гумбольдта въ «Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent» (т. I стр. 125). Г. Гумбольдтъ видѣлъ его также на склонѣ Tenerifского пика, 22 іюня 1799 года, и также предъ восходомъ солнца.

Недавно маститый ученый вновь обратилъ вниманіе на такой загадочный феноменъ, по поводу наблюденія, сдѣланнаго въ Триестѣ, 20 января 1851 года, профессоромъ Флешемъ, начальникомъ тамошней метеорологической станціи.

Въ упомянутое число, вечеромъ между 7 и 8 часами, до восхода луны, гг. Кенне и Тугутъ (Kenne и Thugut) примѣтили, что ярчайшая изъ звѣздъ цѣлаго неба, — блистательный Сиріусъ, находившійся въ то время надъ линією горизонта, представлялъ нѣчто въ родѣ чрезвычайно страннаго дрожательнаго движенія. Звѣзда то поднималась, то опускалась; потомъ качалась вправо и влево, непрерывно измѣняя направленіе своего движенія, которое иногда представлялось даже кругообразнымъ. Такія странныя движенія звѣзды продолжались въ теченіе получаса, и во все это время направленіе и величина сихъ движеній казались одинаковыми для всѣхъ наблюдателей. Стоя, въ приличномъ положеніи, за непрозрачнымъ предметомъ, можно было легко наблюдать, какъ Сиріусъ попеременно то исчезалъ, то опять являлся. Эти движенія были такъ явственны, что нѣкоторые наблюдатели, незнакомые съ астрономією, полагали, что движется вовсе не звѣзда, а спущенный въ воздухъ, въ извѣстномъ разстояніи, змѣй съ фонаремъ, и что свѣтъ послѣдняго принимали за звѣзду: такъ великъ былъ обманъ зрѣнія. Звѣзда дѣлалась попеременно ярче и тусклѣе и даже совершенно исчезала, несмотря на совершенную ясность неба.

Эти необъясненныя понынѣ явленія, вѣроятно, зависятъ отъ особенныхъ обстоятельствъ преломленія лучей въ нижнихъ слояхъ воздуха. Какъ бы то ни было, подобнаго рода явленія необыкновенно рѣдки и понынѣ были замѣчены только три раза, въ теченіе полулѣтца. (Ж. М. Н. П.).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ. А. Н. Демидовъ сообщилъ Французской Академіи Наукъ, что онъ вскорѣ отправится въ Сибирь на три года (1852, 1853, 1854), и повезетъ съ собою 25 или 26

человѣкъ ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Онъ просилъ Академію составить, при посредствѣ непремѣннаго своего секретаря, г. Араго, комиссію, которая назначила бы, какіе опыты, изысканія и наблюденія нужно будетъ сдѣлать для пользы наукъ. Академія назначила комиссію изъ Гг. Пуліе, Жюссье, Бабинне и Мильнъ-Эдвардса.

УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АФРИКУ. Изъ Англіи отправилась ученая экспедиція въ Среднюю Африку, для изслѣдованія Борну до Индѣйскаго-океана. Одною изъ послѣднихъ мѣръ управленія лорда Пальмерстона было назначеніе 800 ф. стерл. мужественнымъ путешественникамъ, предпринимающимъ этотъ вояжъ.

ПОДВОДНАЯ ДОРОГА. Г. Пайернъ, изобрѣтатель чудснаго водозлазнаго колокола, представилъ парижской Академіи Наукъ проектъ подводной дороги, между Дувромъ и Калѣ. Разсмотрѣніе этого проекта возложено на особую комиссію.

НОВЫЕ АКАДЕМИКИ. Французская Академія собиралась балотировать двухъ новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ — Дюпати и графа де-Сенъ-При. Вотъ результатъ балотировки: на мѣсто Дюпати избранъ Альфредъ Мюссе, получившій 15 голосовъ; прочіе совмѣстники его получили: Филаретъ Шаль 5 голосовъ; Понсаръ, 1; Легувѣ, 4; Валори и Ладьеръ по 2 голоса. — На мѣсто графа де-Сенъ-При избранъ ораторъ Беррье, въ пользу котораго поданъ 21 голосъ. Совмѣстниками его были Понсаръ, получившій 5 и Филаретъ Шаль — 2 голоса. Полуполитическое избраніе г. Беррье имѣетъ нѣкоторую значительность.

ГОЛЛАНДСКІЙ СЛОВАРЬ. Комиссія, наряженная въ прошломъ году лингвистическимъ конгрессомъ для составленія голландскаго словаря, разослала циркуляръ ко всѣмъ литераторамъ Бельгіи и Голландіи, приглашая ихъ содѣйствовать ей въ предпринятыхъ трудахъ.

ПРЕМІЯ ЗА ПОЭМУ. Г. Бонафонъ, членъ ліонской Академіи Наукъ, Литературы и Художествъ, назначилъ золотую медаль, въ тысячу франковъ, за лучшую французскую поэму въ честь Жозефа-Маріи Жакара, ліонскаго уроженца, который наиболѣе содѣйствовалъ усовершенствованію самой важной промышленности Ліона. Жакаръ родился въ этомъ городѣ 7-го іюля 1752 года, и въ честь его уже воздвигнута здѣсь бронзовая статуя.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ПАРОХОДСТВО.

АВСТРІЯ. Приняты уже всѣ надлежащія мѣры для доведенія сѣверной желѣзной дороги, въ будущемъ году, до Лемберга. Это будетъ первый шагъ къ продолженію австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ границамъ Молдавіи и Южной Россіи.

ВЕСТЬ-ИНДІЯ. Вестъ-индская компанія, съ основанія своего въ 1841 году, лишилась восьми большихъ пароходовъ: *Медина* разбился 12 мая 1841 г., на коралловомъ рифѣ, близъ о. Турнъ; *Изида (Isis)* 8-го октября 1842 г. погибъ на Бермудскихъ-островахъ; *Сольвей* 8-го апрѣля 1843 г. въ Коруннѣ; *Твидъ* 12 февраля 1847 г. въ Мехиканскомъ-заливѣ, на камняхъ Алькренъ; *Фортъ*, тамъ же, 15 января 1849; *Актеонъ* близъ Картагены въ 1844 г., и наконецъ *Демерара* и *Амазонка*. На послѣднемъ погибло сто двадцать человѣкъ, то-есть сколько на Твидѣ и Фортѣ вмѣстѣ.

— Какой-то Англичанинъ разсчиталъ, что сумма, употребленная донинѣ въ цѣломъ мірѣ на построеніе желѣзныхъ дорогъ, простирается до колоссальной цифры 447,786,000 ф. стерл.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛЮДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ. Президентъ Французской Республики извѣстенъ въ литературѣ многими сочиненіями политическаго и ученаго содержанія. Вотъ главнѣйшія между ними, на которыя указываютъ официальные журналы:

«*Réveries politiques*» (Политическія мечтанія). Книга эта издана въ 1832 г.

«*Considérations politiques et militaires sur la Suisse*» (Политическія и военныя соображенія о Швейцаріи). За это сочиненіе, напечатанное въ 1833, швейцарское правительство дало, въ благодарность, Людовику-Наполеону право гражданина.

«*Manuel d'artillerie*» (Руководство къ артиллеріи), 1835. Въ

этой книгѣ изложены всѣ отрасли науки артиллеріи. Въ 1834 г. Людовикъ-Наполеонъ былъ произведенъ изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны тургауской артиллеріи.

«*Idées Napoléoniennes*» (Наполеоновскія идеи), 1839.

«*Fragments historiques*» (Историческіе отрывки), 1841. Предметомъ этихъ «Отрывковъ» служило сравненіе Французскаго переворота 1830 съ англійскимъ переворотомъ 1688 г.

«*Analyse de la question des sucres*» (Анализъ вопроса о сахарѣ), 1842. Книга эта, заслужившая одобреніе комиссіи, наряженной по случаю этого вопроса, была разослана ко всѣмъ перамъ и депутатамъ.

«*Extinction du paupérisme*» (Искорененіе нищенства).

«*Le passé et l'avenir de l'artillerie*» (Прошедшее и будущность артиллеріи). Три части. Сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ 1848 г. Въ первой части говорится о вліяніи артиллеріи на военныя дѣйствія со времени изобрѣтенія пороха; вторая — техническаго содержанія; въ третьей — развиты мысли автора о будущности артиллеріи. Г. Вильмень, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, предоставилъ автору пользоваться всѣми необходимыми рукописями и книгами, находившимися въ королевской библіотекѣ, и посылалъ ихъ въ Гамъ.

Кромѣ-того, много статей Людовика-Наполеона разсѣяно по разнымъ журналамъ, и особенно въ издававшемся тогда журналѣ *Progrès du Pas-de-Calais*. Статьи эти состоятъ изъ писемъ о политикѣ, исторіи и проч., и переводовъ съ нѣмецкаго, особенно изъ Шиллера, бывшаго любимымъ писателемъ Людовика-Наполеона.

ТЬЕРЬ И ИСПАНСКІЙ КРИТИКЪ. Извѣстно, что Тьерова *Исторія Консульства и Имперіи* содержитъ въ себѣ много невѣрныхъ показаній и несправедливыхъ обвиненій, касающихся государственныхъ учрежденій, правительственныхъ мѣръ и дѣйствій и т. п. тѣхъ государствъ, съ которыми Франція въ эту эпоху вела войны. Такого рода показанія и обвиненія возбудили сильную полемику, и въ опроверженіе ихъ писано было очень много, особенно въ Англии, Германіи и Испаніи, какъ въ газетахъ и журналахъ, такъ и въ отдѣльно-изданныхъ статьяхъ. Между прочимъ, въ Испаніи, нѣкто Мануиль Марліани, въ опроверженіе несправедливыхъ обвиненій, возведенныхъ Тьеромъ на испанскій флотъ, издалъ цѣлый рядъ статей. Статьи эти обратили на себя вниманіе испанскаго морскаго министра, который, изъявивъ г. Марліани особенное свое удовольствіе и

благодарность, просилъ согласія его на перепечатаніе этихъ статей отдѣльною книжкою на французскомъ и испанскомъ языкахъ, для распространенія въ Испаніи и въ иностранныхъ государствахъ. Г. Марліани не только согласился на это, но и изъявилъ желаніе, чтобы деньги, собранныя за продажу этой книжки, были употреблены въ пользу испанскихъ матросовъ, сражавшихся въ трафалгарской битвѣ и находящихся еще въ живыхъ, или въ пособіе раненымъ, равно вдовамъ и сиротамъ убитыхъ въ ней. Съ своей стороны, морской министръ поручилъ бригадиру флота, Франциску де-Ойосу, вмѣстѣ съ г. Марліани, пополнить эту книжку различными новыми свѣдѣніями. Нѣсколько времени спустя, г. Марліани издалъ новое обширное сочиненіе, напечатанное на счетъ испанскаго морскаго министерства, подъ заглавіемъ: *Сраженіе при Трафалгарѣ* (El combate de Trafalgar). Это сочиненіе написано также въ защиту и оправданіе испанскаго флота противъ оскорбительныхъ для испанской народной чести обвиненій Тьера. Оно заключаетъ въ себѣ изложеніе всѣхъ событій, случившихся въ испанскомъ флотѣ съ 1795 по 1805 годъ, съ подробнымъ описаніемъ происшедшаго, какъ извѣстно, въ семь послѣднемъ году, знаменитаго сраженія при Трафалгарѣ. Въ этомъ описаніи всѣ маневры союзныхъ эскадръ изложены подробно, и о геройской защитѣ испанскихъ судовъ сообщены самыя точныя свѣдѣнія. Описаніе это содержитъ въ себѣ также всѣ оригинальные документы, равно достовѣрныя и занимательныя данныя, касательно замѣчательнѣйшихъ подвиговъ испанскаго флота въ продолженіе этого, столь несчастнаго для Испаніи, періода времени. Означенное здѣсь сочиненіе будетъ для Испаніи достойнымъ памятникомъ въ честь ея доблестныхъ героевъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ПИМЪ отдалъ отчетъ лондонскому Географическому Обществу о путешествіи своемъ въ С. Петербургъ, для предпріятія сухопутной арктической экспедиціи, съ цѣлью отыскать Франклина. Исчисливъ препятствія къ осуществленію сего проекта, г. Пимъ одобрилъ отправленіе г. Дональда Бетсона къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири, и намѣреніе командующаго королевскимъ бригадомъ «Пloverъ» осмотрѣть островъ Геральдъ. Президентъ Общества изъявилъ потомъ благодарность лейтенанту Пиму за намѣреніе его участвовать въ арктической экспедиціи, вновь снаряжаемой подъ начальствомъ с. Эдуарда Бейчера и капитана Келлета. Возвративъ леди Франклинъ 300

фунт. стер., выданные ею на экспедицію г. Пима, и л. Дж. Росселю деньги, назначенныя отъ казны, Общество объявило г. Пиму свою благодарность. Г. Петерманъ читалъ потомъ записку, въ которой доказывалъ, что с. Дж. Франклинъ и экипажъ его могли все это время питаться животными, изобилующими въ сихъ странахъ, и что, слѣдственно, можно имѣть надежду на отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что самыя корабли могли служить имъ превосходнымъ жилищемъ въ сравненіи съ жалкими юртами туземныхъ жителей. Бывшій естествоиспытателемъ на кораблѣ Геральдъ, г. Тиманъ, замѣтилъ, что въ тѣхъ странахъ есть и растительныя произведенія, служащія въ пищу человѣку. Въ концѣ засѣданія, г. Муррей выразилъ надежду, что посредствомъ добровольныхъ подписокъ соберутъ достаточную сумму на покрытіе издержекъ экспедиціи капитана Бетсона.

С. ДЖ. ФРАНКЛИНЪ. Есть еще тѣнь надежды на отысканіе с. Дж. Франклина. Капитанъ Пенни писалъ, что капитанъ Мартейнъ, командовавшій въ 1845 г. китоловнымъ судномъ «Энтерпрейсъ», видѣлъ Франклина въ Мельвилевомъ-заливѣ, и слышалъ отъ него самого, что онъ имѣетъ припасовъ на пять лѣтъ, и можетъ довольствоваться ими семь лѣтъ; что экипажъ его занимается соленіемъ морскихъ птицъ, на ловлю которыхъ ежедневно отправляется двѣнадцать человѣкъ. Такая предусмотрительность, въ самомъ началѣ экспедиціи, подастъ величайшую надежду. Капитанъ Мартейнъ, человѣкъ правдивый и зажиточный, не сообщалъ этого извѣстія прежде, потому-что оно не имѣло тогда нынѣшней важности.

ПАМЯТНИКЪ МЕТАСТАЗІЮ. Е. В. Императоръ Австрійскій приказалъ воздвигнуть въ честь Метастазія (род. въ 1698, ум. въ 1782), памятникъ въ Вѣнѣ, гдѣ этотъ славный драматическій поэтъ провелъ большую часть своей жизни и написалъ почти всѣ свои произведенія. Извѣстно, что Метастазій состоялъ при австрійскомъ дворѣ въ званіи императорскаго поэта (poeta aulico). Памятникъ будетъ сдѣланъ изъ мрамора; исполненіе его поручено молодому скульптору Луччіарди, который находится теперь въ Римѣ.

СТАТУЯ АКТРИСЫ РАШЕЛИ. Въ прошедшемъ году, Е. В. Король Прусскій поручилъ берлинскому скульптору Ассингеру слѣлать мраморную статую Рашели, въ одеждѣ Андромахи. Теперь эта статуя превосходной трагической актрисы поставлена въ королевской библіотекѣ, въ Берлинѣ.

ДОКТОРЪ ОВЕНЪ. Королева Викторія пожаловала знаменитому врачу Овену, въ пожизненное мѣстопробываніе, одинъ изъ домовъ Кю-Грива, принадлежавшихъ покойному Королю Ганноверскому. вмѣстѣ съ этою милостью, Овенъ получилъ чрезвычайно лестное письмо отъ Принца Альберта. Овенъ, какъ извѣстно, въ недавнее время возведенъ, на мѣсто Ерстедта, въ кавалеры прусскаго ордена за Гражданскія Заслуги, который имѣютъ въ Англіи только пять человѣкъ, именно: натуралистъ Броунъ, с. Давидъ Брюстеръ, с. Джонъ Гершель, Фаредей и профессоръ Овенъ.

АВТОРЪ «ЛѢСНАГО БРОДЯГИ» г. де-Белльмаръ погибъ; въ томъ уже нѣтъ теперь никакого сомнѣнія. Судебное слѣдствіе о причинахъ гибели парохода «Амазонка» кончено. Не узнали ничего опредѣлительнаго. Всѣ показанія согласны въ томъ, что судно было въ наилучшемъ положеніи, и экипажъ представлялъ всѣ ручательства безопасности. Но прекрасное произведеніе Габріеля Ферри, которое доставило читателямъ «Сына Отечества» столько прекрасныхъ минутъ, принесло свои плоды. Поэтическое описаніе роскошной Соноры внушило нѣкоторымъ капиталистамъ мысль, составить общество для отправленія выходцовъ въ Мексиканскую провинцію Сонора, которая граничитъ съ Калифорніею. Эта область содержитъ въ себѣ много золотыхъ приисковъ, въ которыхъ добываніе золота гораздо легче, нежели въ Калифорніи.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ БОРДО случилось 26-го января. Люди, лежавшіе въ постели, почувствовали качательное движеніе. Нѣкоторые изъ нихъ думали, что подъ кровать забрались воры. Одна старуха отправилась по утру къ домохозяину, и сообщила ему, что домъ его шатается. Дилижансъ, ѣхавшій изъ Тулузы, зашатался такъ сильно, что лошади испугались и опрокинули карету. Въ Бельвилѣ и Шартронѣ кровати и другая мебель сдвинуты были на средину комнатъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ думали, что взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ въ Сент-Медарѣ. Животныя, и въ особенности собаки, обнаружили величайшее безпокойство. Было нѣсколько подземныхъ ударовъ различной силы.

ВЕСНА ЗИМОЮ. Въ Мандалѣ (въ Норвегіи, Христиансаванской провинціи) въ первую половину января было отъ 8-ми до 10-ти градусовъ тепла. Деревья распускались, трава сильно зеленѣла, и поля покрылись цвѣтами, какъ въ лучшіе весенніе дни. Подобнаго примѣра не бывало въ тамошнихъ странахъ. Невѣже-

ствующій народъ приписывалъ эту необыкновенную теплоту бывшему прошлаго года солнечному затмѣнію, которое, по его мнѣнію, подвинуло Норвегію къ югу.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ ПАРИЖА съ тринадцатаго столѣтія по 1851 представляло слѣдующія цифры:

Въ тринадцатомъ вѣкѣ въ Парижѣ было	120,000 душъ.
Въ 1474	150,000
При Генрихѣ II-мъ	210,000
Въ 1590	200,000
При Людовикѣ XIV	492,000
Съ 1707 по 1719	509,640
— 1752 по 1762	576,630
Въ 1776, по Бюффону	658,000
— 1778, по Мирабо	670,000
— 1784, по Неккеру	660,000
— 1793, по народной переписи	610,620
— 1798 — — —	640,504
— 1802 — — —	672,000
— 1806 — — —	547,756
— 1808 — — —	580,609
— 1809 — — —	714,596
— 1817 — — —	713,966
— 1828 — — —	787,817
— 1831 — — —	774,338
— 1836 — — —	919,126
— 1841 — — —	912,033
— 1846 — — —	1,053,897
— 1851 — — —	1,021,530,

не считая гарнизона, который, въ прошедшемъ году, состоялъ изъ 31,732 человѣкъ. И на все это народонаселеніе, во Франціи считается теперь 15,850 нотаріусовъ, 91 оцѣнщикъ, 749 мѣняль, 4,931 повѣренный, около 100,000 адвокатовъ!!

Можно поздравить Францію.

ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. Здѣсь считается 708 католическихъ церквей и часовень, именно 610 въ Англіи и Княжествѣ Валлійскомъ и 138 въ Шотландіи. При этихъ церквахъ состоитъ 1032 священника, включая въ это число и епископовъ. Въ различныхъ епископствахъ Англіи и Княжества Валлійскаго находятся 17 мужскихъ монастырей и 62 женскіе. Въ Шотландіи нѣтъ монастырей.

ЗОЛОТО ВЪ АВСТРІИ. Въ 1851 г., въ Австрійской Имперіи добы-

то золота на 7,500 маркъ, представляющихъ цѣнность въ 603,000 червонцовъ. Болѣе половины всей этой суммы золота добыто промывкою золотоносныхъ песковъ Трансильваніи; остальное извлечено изъ рудниковъ Венгріи, Австріи и Моравіи. Въ рудникахъ послѣдней, находящихся близъ Вейскірха, найденъ самородокъ цѣною въ 128 червонцовъ.

ВАЖНАЯ ТЕЛЕГРАФИЧЕСКАЯ ДЕПЕША. Изъ Бостона сообщена въ Нью-Йоркъ *телеграфическая депеша* (!) отъ 5-го февраля, что Женни Линдъ вышла за-мужъ за гамбургскаго фортепіаниста Отто Гольдсмитта.

Какое важное событіе!

НЕКРОЛОГЪ.

Скончались:

ВО ФРАНЦІИ.—Бывшій морской министръ Людовика XVIII и перъ Франціи, маркизь Жокуръ, на 94-мъ году.

ВЪ АНГЛІИ.—10-го февраля, 85-ти лѣтъ отъ рожденія, лордъ Дайнорбинъ, перъ Англіи, личный другъ и душеприкащикъ покойнаго герцога Суссекскаго, бывшій до 1831 года членомъ Нижней Палаты. Его сынъ и наслѣдникъ, Вилліамъ Левисъ, не можетъ, по разстройству умственныхъ способностей, занять мѣста въ Верхней Палатѣ.

Одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ офицеровъ британской арміи, генералъ с. Левисъ Грантъ, кавалеръ ордена Бани и шефъ 96-го полка. Онъ умеръ отъ апоплексическаго удара, въ omnibusъ, на пути въ свою квартиру.

ВЪ ГЕРМАНИИ.—Въ Вѣнѣ, извѣстный славянскій поэтъ и археологъ, Іоаннъ Колларъ.

Въ Прагѣ, старшій изъ фортепіанистовъ и, вѣроятно, изъ всѣхъ музыкантовъ, Курлендеръ. Онъ роился, за сто лѣтъ предъ симъ, въ Кенигсбергѣ, и почти непрерывно жилъ въ Берлинѣ.

Въ Гейдельбергѣ, 74-хъ лѣтъ отъ рожденія, вдова извѣстнаго писателя Коцебу, умерщвленнаго, въ 1819 году, въ Мангеймѣ, фанатикомъ Зандомъ.

ДЕНЩИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. КУКОЛЬНИКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ, Генераль.
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, Генераль.
БОДЕВИНЪ, полковникъ отъ драгунъ.
САНСЕ, капитанъ отъ инфантеріи.
ЛЕОНТІЙ СИЛЫЧЪ ТУЗЛОВЪ, бояринъ не у дѣль.
МАРѢА ВЛАСЬЕВНА, его жена.
ТИМОФЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ, ихъ сынъ.
ЕРМОЛАЙ АНТОНЪИЧЪ ГРЕГОРІУСЪ, аптекаръ.
ПЛАНИДА ЛЬВОВНА, вторая его жена.
АГАТА, } дочери аптекаря отъ перваго брака.
ДОРОТЕЯ, }
КАРРЕ, } полковые хирурги.
ФАНЪ-ГОВЕ, }
ТРОФИМЪ СТЕПАНЫЧЪ } Денщики.
АБРАМЪ, Арапъ }
ФЕДЬКА, слуга Тузловыхъ. }
САВИШНА, няня } у нихъ же.
ЖУНЪ, дуракъ }
БУНАШНА, карлица }
ЛУНИЧЪ, купецъ.
БУРДЮЛУ, портной.
ЕЛИСЕИЧЪ, купецъ.
НУЗЬМИНИШНА, его жена.
НУЛИНОЧКА, ихъ дочь.
СОЛДАТЪ, изъ дворянъ.
ФЕРДИНАНДЪ, аптекарскій лаборантъ.

Музыканты, дуры, карлы, гости на ассамблеѣ, народъ.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1722 ГОДУ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорція перваго акта.

ДОРОТЕЯ, выходитъ изъ спальни, одѣтая по-бальному.

Что, хороша я? Очень авантажна?
Плакида Львовна блѣдность Доротей
Румянами хотѣла затереть!

(Отирая румяны.)

Прочь, маска ненавистная! Слезами
Умоюсь я! Плясать я буду, буду....
Неистово.... подь тактъ больнаго сердца!
Я непритворно буду весела,
Когда надъ жѣнихомъ смѣяться стану;
Измучу я его насмѣшкой лютой,
Двумысленною рѣчью растерзаю....
Отъ ревности твой скудный мозгъ вскипитъ!...
За жизнь свою не скажешь мнѣ: спасибо!
О, научите, какъ мнѣ не любить?
Какъ душу выпрямить; больное сердце
Въ безстрастныя оковы заковать?....
Я—кукла, банка изъ его аптеки!

Куда поставитъ, тамъ мнѣ и стоять!
 На ярлыкѣ напишетъ: «крѣпкій ядъ»
 И я всю жизнь—носи его отраву!
 О, мать моя, гдѣ ты теперь? Зачѣмъ
 Ты не взяла съ собой и Доротеи?!
 О, я съ крестомъ твоимъ не расстаюся!
 Взгляну я на твое благословенье,
 И станетъ легче!... Помню, помню, помню!
 «Молись, терпи и слушайся отца!»
 Умру, родная, но завѣтъ исполню!

(Звонокъ въ аптеку.)

Звонятъ! Ужъ не за нами-ль? (Входитъ Саксе.)
 Боже мой!

Что вамъ угодно? Батюшки нѣтъ дома;
 Плакида Львовна и Агата—въ спальнѣ
 Кончаютъ туалетъ....

САКСЕ.

Къ вамъ, Доротея,
 Я къ вамъ однимъ пришелъ, и очень радъ,
 Что намъ теперь никто непомѣшаетъ.
 Нешуточное дѣло; жизнь иль смерть
 Отъ этого свиданія зависить.
 Вы вздрогнули? Я нехочу пугать,
 Чувствительность испытывать угрозой.
 Нѣтъ, Богомъ вамъ клянусь, я васъ люблю,
 И никому не уступлю на свѣтѣ!

ДОРОТЕЯ.

(О! Еслибъ эту мысль онъ могъ исполнить!....)

САКСЕ.

Но если эти слухи справедливы,
 И вы на бракъ вашъ съ Гове согласились....
 Тогда....

ДЕНЩИКЪ.

ДОРОТЕЯ.

Тогда?

САКСЕ.

Такъ это не обманъ?
 Не злыя сиротки вѣстовщицы московскихъ?...

ДОРОТЕЯ, дрожащимъ голосомъ.

Во вторникъ насъ засватали, сегодня
 Четвергъ.... сговоръ.... а въ воскресенье свадьба....
 Я упаду.... Полъ подъ ногами ходить. (Опираясь на Саксе.)
 Не плачьте, Людвигъ! Такъ угодно Богу!
 Мнѣ жаль васъ! Но въ себѣ я не хозяйка....
 Не я себя на свѣтъ произвела....
 Вотъ это сердце только и мое;
 А я сама, какъ мой парикъ, какъ платье,
 Отцевскія.... Теперь я все сказала!

САКСЕ.

Все!... Именно! Все!... Молніей сожженъ
 Воздушный замокъ Саксе!... Все!... Свершилось!...
 Пустой мертвецъ, одинъ, какъ вѣтръ въ пустынѣ,
 Ступай на всѣ четыре страны свѣта!
 Тебя кругомъ ограбили! Ты нищій;
 Но для тебя и милостыни нѣтъ....

ДОРОТЕЯ.

Молю васъ....

САКСЕ.

Все! Ни слова не скажу!
 Уста мои горятъ, не для упрека.
 Я знаю васъ, я слишкомъ знаю васъ!
 И если я въ душѣ моей ропщу,
 Такъ я ропщу на ваши совершенства.
 Способны-ль люди оцѣнить вашъ подвигъ?

Объ этомъ вы и думать не хотѣли;
Вы справились съ своимъ великимъ сердцемъ....

ДОРОТЕЯ.

И съ тѣнью матери моей....

САКСЕ.

Аминь!

(Протягивая руку.)

Простите, Доротея Ермолавна!...

ДОРОТЕЯ.

Простите, капитанъ!... *(Также протягиваетъ руку. Плакида Львовна съ Агатой входятъ подъ шелковыми мантильями.)*

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, *набрасывая такую же мантилью на Доротею.*

Ну, Доротея!

Пора, пора! Три раза присылали!...

А, капитанъ! Навѣрно вы ошиблись;
У Книксенъ мы справляемъ ассамблею;
У насъ тѣсненько. Ермолай Антонычъ
Объ этомъ васъ забылъ предупредить.
Надѣюсь видѣть васъ на ассамблеѣ.

(Идетъ съ Агатой въ аптеку.)

ДОРОТЕЯ, *подбывая къ Саксе.*

О, ради Бога, нѣтъ! Не приходите!
Изъ состраданья къ бѣдной....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, *изъ аптеки.*

Доротея!

ДОРОТЕЯ, *громко.*

Иду, иду! *(Саксе тихо)* Молю: не приходите!
(Убѣгаетъ въ аптеку.)

САКСЕ, *одинъ.*

Нѣтъ! Не могу! Чтобъ примириться съ смертью,
Чтобы душа моя не пошатнулась,
Я долженъ видѣть гибель Доротеи,
Живой—торжественное погребенье....
Тогда покину свѣтъ безъ сожалѣнья!

Пространная зала въ домѣ портнихи Л. Книксенъ. Въ задней декорациі главные двери; четыре боковыя двери; правыя, ближайшія къ зрителю, на галерею. На стѣнахъ кое-гдѣ жестяные подсвѣчники; въ сторонѣ мѣсто для музыкантовъ; стулья уставлены кругомъ, такъ-что около мѣста для танцевъ можно ходить. Справа и слѣва, отъ входа въ танцевальный кругъ, по четыре кресла. Аптекарь на небольшой лѣсенкѣ, ставитъ въ подсвѣчникъ послѣднюю свѣчку. Лаборантъ Фердинандъ подметаетъ полъ по срединѣ круга.—Часы.

АПТЕКАРЬ *сходитъ съ лѣсенки.*

Ну, слава Богу, что никто невидѣлъ!
Собственноручно насадилъ всѣ свѣчи;
Одна сломалась, подвязалъ бумажкой,
И незамѣтно. А официанты —
Грабители. Незнаю, какъ умѣютъ
Въ одинъ подсвѣчникъ три свѣчи поставить?!

(Смотритъ на часы.)

Что это, право, за Плакида Львовна!
Четвертый часъ, пора ужъ одѣваться;
Въ четыре гости станутъ приходиться...—

А дѣльце обработалъ я проворно:
Засвѣталъ, сговорилъ и обвѣнчаю

Въ одну недѣлю. Офицеры съ носомъ.
 Дай Богъ скорѣй дождаться воскресенья....
 Теперь пора готовить лимонаду
 И кальте-шале.... А, Плакида Львовна!
 Пожалуйте въ уборную, сюда!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, съ *Агатой и Доротеей*.

(*Осматривая залъ.*)

Темненько будетъ, Ермолай Антонычъ!...

АПТЕКАРЬ.

Двѣнадцать фунтовъ, пять на фунтъ, довольно,
 Чтобъ лица и костюмы разсмотрѣть.
 Вамъ захотѣлось этой ассамблеи,
 А я сговоръ инкогнито-бы сдѣлалъ;
 И было-бъ дешево и безопасно.

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

И такъ боюсь, что многіе не будутъ:
 Грязь страшная и дождикъ ливня льетъ.

АПТЕКАРЬ.

Обидно! Люминація пропала....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Ну что-жь? Сегодня справимъ ассамблею,
 А завтра люминацію сожжемъ.

АПТЕКАРЬ.

Одинъ сговоръ торжествовать два дня!
 А что аптека скажетъ? Наши дамы
 Всю жизнь готовы въ праздникъ обращать.
 Былъ на Москвѣ Царь Алексѣй Михайлычъ;
 Онъ очень остроумно говорилъ,
 Что: «дѣлу время, а потѣхъ—часъ»!
 И веселиться должно человѣку,

Смотря по рангу и по состоянью:
 Мужикъ—сивуху пьеть, мѣщане—пиво,
 Приказный—медъ, а дворянинъ—наливку,
 Мальвазію—бояринъ, а князья—
 Венгерское, рейнвенъ и гермитажъ....
 А вы, Плакида Львовна—одѣвайтесь!

(*Плакида Львовна съ дочерьми уходитъ нальво въ уборную.*)

Гей, Фердинандъ, какъ будешь подавать
 Бакалею, орѣхи и цукаты,
 Не стой ты долго предъ олною персоной,
 Чтобъ меньше брали. Лимонады можно
 Давать имъ въ волю: тамъ лимонъ для вкуса,
 А кремортартаръ насъ не раззорить.

АГАТА, въ *дверяхъ уборной*.

Мама забыла бусы на комодѣ.

АПТЕКАРЬ.

Сейчасъ! (*Фердинанду.*) Для экономіи попозже
 Ты свѣчи зажигай. И не бѣда,
 Когда немножко посидятъ въ потемкахъ;
 За то имъ послѣ будетъ веселѣ....
 Все, кажется! Теперь за кальте-шале!

ДОРОТЕЯ, *входитъ*.

Мама забыла....

АПТЕКАРЬ.

Что опять забыла?

ДОРОТЕЯ.

Китайскій вѣеръ....

АПТЕКАРЬ.

Господи помилуй!

О чемъ же думала Плакида Львовна?

Домой вѣдь будетъ добрая верста;
А дѣлать нечего, бѣжать придется....
Ты, Фердинандъ, ужь дѣлай калыте-шале!
Но сахару клади какъ можно меньше;
Небудетъ сладко, каждый самъ попросить.

(Взает шляпу и уходитъ.)

Китайскій вѣерь! Бусы! На, женись!
Иной разъ, право, радъ бы разжениться. ..

ДОРОТЕЯ, одна.

Зачѣмъ же ты меня насильно тащишь
Въ тотъ омутъ, гдѣ ты самъ, какъ рыба, бьешься?
Зачѣмъ я не твоя Плакида Львовна?
Мнѣ быlobъ легче.... Бѣдный, бѣдный Саксе!...

(Бросается въ кресла.)

ДЕНЩИКЪ, входитъ.

Исправно слово я сдержалъ. Я первый!
Зачѣмъ я въ молодости не влюбился?
Привыкъ бы я, освоился съ любовью;
А то теперь не знаю, что съ ней дѣлать,
Перо чиню—она за ножикъ держитъ;
Читаю книгу—буквы закрываетъ;
Я чищу пуговку—и въ мѣдной бляшкѣ,
Какъ въ зеркалѣ, сидитъ моя колдунья!
О Доротея, Доротея!...

ДОРОТЕЯ.

Боже!

То дивный и загадочный Трофимъ,
Что за-глаза клялся моимъ быть другомъ....

ДЕНЩИКЪ.

Рцы слово твердо.... Азбука честна;
Но мертвецу—легко давать совѣты....

Вотъ я пришелъ! Зачѣмъ пришелъ? Поздравить,
Порадоваться счастью Доротеи?...
Неправда, другъ Трофимъ! Не притворяйся!
Лжетъ твой языкъ на раненное сердце.
Какъ на подмостки ни мостись, а все
Быть человѣку—только человѣкомъ.

ДОРОТЕЯ.

О правда, правда! Мнѣ не перенести
Моей торжественной, публичной пытки!...

ДЕНЩИКЪ.

Да изъ чего страдать мнѣ добровольно?
Быль, слово данное сдержалъ, и—полно!
Уйду я лучше... *(Увидѣвъ Доротею)* Боже, Доротея!

ДОРОТЕЯ, встаетъ.

Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

(Что за чудеса!)

Откуда имя бѣднаго Трофима
Она могла узнать? Мнѣ такъ неловко,
Такъ совѣстно.... Я долженъ быть смѣшонъ....)
Простите, Доротея Ермолавна!
Немного рано я сюда пришелъ....
Но.... *(Что за диво! Не могу солгать
И не умѣю.)* Ермолай Антонычъ
Пріятною обрадовалъ насъ вѣстью....
Да, въ тотъ моментъ, та вѣсть была пріятна.
Я не солгалъ. Я искренно былъ радъ,
Что вы нашли достойнаго по сердцу,
А не попались въ лапы сластолюбцу.

ДОРОТЕЯ.

Я васъ не понимаю....

ДЕНЩИКЪ.

(И я тоже!...
Скорѣ кончить, а не то заврюсь.)
Дай Богъ вамъ, Доротея Ермолавна,
Въ супружествѣ и долгихъ дней и счастья!

ДОРОТЕЯ.

Не мнѣ, не мнѣ! *(Оттираетъ слезу.)*

ДЕНЩИКЪ.

Что это значитъ? Слезы?...

ДОРОТЕЯ.

Невольная! *(Съ улыбкой.)* Я васъ благодарю
За доброе въ моей судьбѣ участие;
Но вамъ желаю—истиннаго счастья,
По выбору сердечному подруги....

ДЕНЩИКЪ.

Я васъ не понимаю. Сердце сжалось....
Неужто умный Ермолай Антонычъ
Могъ сдѣлать непростительную глупость?

ДОРОТЕЯ.

Необвиняйте никого! Богъ знаетъ,
Кому, что и за что Онъ посылаетъ.
Будь и со мной Его святая воля!
Простите!.. Мнѣ пора ...

ДЕНЩИКЪ.

Нѣтъ, Доротея!

Я не имѣю права... такъ... но если
Чистѣйшее желанье вамъ добра
Чего-нибудь да стоить, умоляю,
Откройте: вы нелюбите Фанъ-Гове?

ДЕНЩИКЪ.

ДОРОТЕЯ.

Онъ добрый, честный, умный человекъ;
Онъ любить Доротею.... Уживемся!

ДЕНЩИКЪ.

И только?

ДОРОТЕЯ, *помолчавъ.*

Нѣтъ! Простите! Я боюсь,
Что я вамъ много лишняго сказала;
Но я надѣюсь, что Трофимъ Степанычъ
Долгъ дочери уважить.... До свиданья!... *(Убѣгаетъ.)*

ДЕНЩИКЪ.

Долгъ дочери?—Загадка разрѣшилась!
Я могъ тебя спасти изъ рукъ Тузлова,
Но какъ тебя изъ этой бездны вырвать?

АПТЕКАРЬ, *бѣгомъ.*

(Вотъ вамъ китайскій вѣеръ, вотъ вамъ бусы!
Повѣсьтесь вы на нихъ, Плакида Львовна!...)
Плакида Львовна, вѣеръ вашъ и бусы...

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, *протянувъ въ двери руку.*

Благодарю васъ, Ермолай Антонычъ!

АПТЕКАРЬ.

О, не за что.... *(Увидѣвъ денщика)* А! Вы, Трофимъ Степанычъ,
И въ правду первый! Я за то сказалъ бы
Вамъ комплиментъ, но очень твердо помню
Законъ объ ассамблеяхъ. Разъ одинъ....
Я расскажу вамъ анекдотъ....

ДЕНЩИКЪ, *взявъ его за руку, тихо:*

А я

Вамъ расскажу исторію живую,
Сегодняшній и очень важный случай:

Мнѣ, кажется, съ замужствомъ Доротеи
Вы поспѣшили.

АПТЕКАРЬ.

Это кто сказалъ?

ДЕНЩИКЪ.

Я говорю.

АПТЕКАРЬ.

Ей девятнадцать годъ....

ДЕНЩИКЪ.

Не то, почтенный Ермолай Антонычъ!

(Карре и Фанъ-Гове входятъ.)

АПТЕКАРЬ, тихо.

А, женихи? Смотрите извольте сами? *(Громко.)*

Позвольте вамъ презентовать: Карре;

Женихъ Агаты; Гове—Доротеи....

Займитесь конверсаціей, а я

Сейчасъ вернусь! *(Уходитъ на галлерею.)*

КАРРЕ, оглядываясь:

На славу будетъ праздникъ!

Я одного боюсь....

ГОВЕ.

И я....

КАРРЕ.

Чего же?

ГОВЕ.

Того-же, то и ты....

КАРРЕ.

О, мой Пиладъ!

Ты пьешь вино, такъ для тебя не страшно;

А я боюсь безъ шутокъ. Я разсѣянъ;
Могу кого—нибудь обезпокоить
Учтивостью излишней—и попался
Подъ штрафъ Великаго Орла. Ты, Гове,
Напоминай мнѣ!

ГОВЕ.

Очень хорошо.

КАРРЕ.

Ну, вотъ и позабылъ! Побудь ты съ гостемъ ...

ГОВЕ.

А ты куда, Карре?...

КАРРЕ.

Взгляну на плошки.

Того гляди въ сараѣ отсырѣютъ;

А тутъ мои и деньги и забота *(Уходитъ.)*

ДЕНЩИКЪ, приближался къ Гове, про себя:

Мнѣ совѣстно! Я знаю, неприлично
Сопернику соперника страшать;
Но, можетъ—быть, и онъ ея не любитъ;
Состряпалъ дѣло Ермолай Антонычъ,
Чтобъ дочерей своихъ скорѣй устроить;
Ихъ и себя уволить отъ искательствъ....

ГОВЕ, поглядывая косо на денщика:

Какой неразговорчивый солдатъ!

ДЕНЩИКЪ, взглянувъ на Гове.

Понятно, что не могъ такой теленокъ
Понравиться прелестной Доротеѣ.

ГОВЕ.

Какая рожа! Точно тотъ разбойникъ,
Что я въ харчевняхъ видѣлъ на картинахъ.

ДЕНЩИКЪ, *взявъ его за руку.*

Послушайте!

ГОВЕ, *оторвавъ руку.*

Я слушаю-сь! Извольте!

ДЕНЩИКЪ.

Мнѣ надо съ вами говорить серьезно.
Оставимъ шутки!

ГОВЕ.

(Это что такое?

Не хочеть-ли онъ вызвать на дуэль?
Теперь же поединки въ самой модѣ.)

ДЕНЩИКЪ.

Скажите мнѣ, вы любите невѣсту?

ГОВЕ.

(Ему какое дѣло?) Да-сь! Люблю-сь!

ДЕНЩИКЪ.

Не правда! Васъ увѣрили другіе;
Признайтесь, васъ уговорили....

ГОВЕ.

Да-сь!

Мой другъ Карре и Ермолай Антонычъ
Совѣтовали мнѣ на ней жениться,
А самъ-бы я никакъ несмѣлъ; какъ можно!

ДЕНЩИКЪ.

И вы на то охотно согласились?

ГОВЕ.

Охотно!...

ДЕНЩИКЪ.

ДЕНЩИКЪ.

Не спросясь у Доротеи:
Питаеть ли она и къ вамъ взаимность?

ГОВЕ.

Питаеть!

ДЕНЩИКЪ.

Точно?

ГОВЕ.

Ермолай Антонычъ

Самъ мнѣ сказалъ.

ДЕНЩИКЪ.

Сказала ли невѣста?

ГОВЕ.

Мнѣ стыдно было спрашивать объ этомъ....
Матерья деликатная такая....

ДЕНЩИКЪ.

Да вы съ ней говорили?...

ГОВЕ.

Разъ всего....

(У, Господи! Я весь вспотѣлъ, какъ мышъ!
Какъ трудно онъ меня экзаменуеть!)

ДЕНЩИКЪ.

Ну, что-жь вы говорили?

ГОВЕ.

Ничего-сь

Такого.... О хозяйствѣ, о квартирѣ....

ДЕНЩИКЪ.

Ну, что-же Доротея?

К. II. — Отд. III.

ГОВЕ.

Ничего-съ!

Молчали, или тихо отвѣчали:

«Да, нѣтъ»... А больше, право, ничего-съ....

ДЕНЩИКЪ, схвативъ его за руку.

Такъ я тебѣ скажу, несчастный Гове!

Тутъ нѣтъ грѣха; я правдой напугаю;

Авось—спасти удастся Доротею....

ГЕНЕРАЛЪ входитъ.

Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ, оглянувшись и невытуккая изъ рукъ Гове.

Александръ Ивановичъ,

Что скажешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Государь, на Слободѣ,

Смотрѣлъ запасъ къ персидскому походу;

Да, вспомня, что ты здѣсь, сказать изволилъ:

«Трофима кликни на одну минуту.

«Успѣеть наплясаться; вечеръ дѣлогъ;

«А мнѣ теперь зѣло онъ нуженъ»!... (Уходитъ.)

ДЕНЩИКЪ, взглянувъ на дверь, куда ушла Доротея и оттолкнувъ Гове, поспѣшно уходитъ.

Маршъ!

ГОВЕ, одинъ.

Мнѣ что-то дурно.... Карлъ смѣяться будетъ;

А я бы отъ женитьбы отступился....

До свадьбы штурмъ какой! А послѣ свадьбы,

Минеры эти поведутъ подкопы,

Какъ бастіонъ взорвутъ меня на воздухъ.

Я слышу, какъ куражъ уходитъ въ пятки.

Нѣтъ силъ рѣшиться, а... уйти—бы лучше ...

КАРРЕ, входитъ.

Ну, слава Богу! Дождикъ пересталъ;

Погода разгуляется подь вечеръ.

АПТЕКАРЬ входитъ съ музыкантами и устанавливаетъ ихъ на мѣсто.

Ну, вотъ и музыканты! Становитесь

Сюда! Вотъ такъ! А гдѣ-жъ Трофимъ Степанычъ?

ГОВЕ.

Тутъ приходилъ какой-то генераль....

АПТЕКАРЬ.

Какой такой? Зачѣмъ мнѣ неказали?

ГОВЕ.

Онъ приходилъ сюда отъ Государя.

АПТЕКАРЬ.

Ну, такъ и есть! Онъ важная персона!

Трофимъ, Его Величества денщикъ,

Его Петровскаго Величества

Денщикъ!! Онъ скоро будетъ генераломъ....

Вотъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ,

Былъ денщикомъ, теперь ужъ генераль.

Трофимъ Степанычъ слишкомъ двадцать лѣтъ

Всегда при Государѣ неотлучно....

Онъ вдругъ взбѣжитъ по табели о рангахъ!

(Понизивъ голосъ, про себя:)

Воинскій.... такъ.... но еслибъ зналъ я прежде....

Но еслибъ недалъ Ермолай Антонычъ

(Взглянувъ на Гове.)

И промаха и своего пароля....

(Часы бьютъ.)

Четыре бьютъ.... (Взглянувъ въ окно.) Ого! Валять ужъ гости...

Всѣмъ нравится чужое угощенье;

Признаться, я и самъ его люблю.

(Женихамъ.)

Я долженъ вамъ напомнить, господа,

Что въ ассамблеяхъ есть законъ особый:

Словесныхъ комплиментовъ никакихъ!

Такъ головой привѣтствуйте—и баста.

Не то, подѣ штрафъ Великаго Орла

Вы попадетесь. Это неприятно

И для хозяина, да и для гостя;

Въ Великаго Орла идетъ двѣ квартиры;

Онѣ формой—кубокъ, а нутромъ кувшинъ.

А согласитесь, вышить двѣ бутылки

За разъ, какого ни—на—есть вина,

И раззорительно, и нездорово!

Да, господа, вы—женихи; извольте

Запрятаться покуда хоть сюда;

(Пропуская ихъ на галлерю.)

Васъ надо показать официально,

Съ невѣстами совмѣстно. Какъ три раза

Захлопаю, такъ вы и выходите!

(Заперевъ двери и проходя мимо музакантовъ)

Свистать извольте триумфальный маршъ!

(Музыка играетъ маршъ; аптекарь встрѣчаетъ гостей; сухо съ ними раскланивается; нѣкоторымъ пожимаетъ руки; гости дѣлаютъ тоже между собою. Залъ наполняется гостями. На третьемъ стулѣ, по лѣвую руку отъ зрителя, садится дама парядно одѣтая по-нѣмецки.)

ТУЗЛОВЪ ведетъ подѣ руку МАРѢ ВЛАСЬЕВНУ, одѣтую въ парикъ и фижмы, прилѣтно короткя.)

ТУЗЛОВЪ, матери.

Ну, публика! Какіе-то уроды!

Все рожи запрещенныя такія!

Ни одного дворянскаго лица....

МАРѢ ВЛАСЬЕВНА, сыну.

Туда-ли мы, Тимошинька, попали?

Вѣдь это, право, пахнетъ кабакомъ...

И—графа тутъ ни одного невидно....

Напрасно только мучали меня

Оедоть съ Дуняшей. Я едва дышу;

Такъ на—смерть мнѣ животъ перетянули....

ТУЗЛОВЪ.

Вотъ, кажется, порядочная дама,

Съ которой конверсировать нестыдно;

Вы садьте возлѣ.

МАРѢ ВЛАСЬЕВНА.

Кто она такая?

ТУЗЛОВЪ.

Гвардейская, должно быть; а не то,

Придворная.

МАРѢ ВЛАСЬЕВНА, плтясь.

У, Господи, какъ страшно!

ТУЗЛОВЪ.

Courage! Смѣлѣй! Все страшно съ непривычки.

Глядите, какъ я заведу дискурсъ,

Какъ будто мы ужъ двадцать лѣтъ знакомы.

(Гости садятся: на первомъ стуль Тузловъ, на второмъ Марѳа Власъевна, на третьемъ уже сидитъ дама, на четвертомъ купчиха Кузьминишна: дочь ея, за неимѣніемъ стула, торчитъ возлѣ нея. По правую руку отъ зрителя, четыре почетные стула закрыты простыней; прочіе гости размѣщаются въ кругу и около. Тузловъ, взявъ свой стулъ, садится за спиною матери и дамы.)

ТУЗЛОВЪ, дамы.

Madame, vous êtes parée, comme une princesse!

(Дама отъ него отворачивается.)

МАРѢ ВЛАСЪЕВНА, сыну.

Тимошинька, не стыдно ли ругаться?
Ты, почитай, ее со всѣмъ не знаешь....
Вишь, отъ тебя она воротитъ рыло.

ТУЗЛОВЪ.

Жеманится! А не дурна собой....

МАРѢ ВЛАСЪЕВНА.

Фуи, что ты? Сухопарая такая!

ТУЗЛОВЪ, дамы съ другой стороны.

Vous permettrez!... *(Дама отворачивается.)*

Незнаетъ по-французски!

Жаль! Все очарованіе пропало!

(Опять дамы.)

Я смѣю васъ просить на аллемань?

(Дама встаетъ и уходитъ въ кругъ.)

Да это просто дурища, колода!

КУЗЬМИНИШНА, проворно пересѣвъ на третій стулъ, на четвертый усаживаетъ дочку.

Кулиночка, садись! *(Марѳа Вл.)* Прощенья просимъ!...

МАРѢ ВЛАСЪЕВНА, громко.

Ну, вотъ-те и съ толкучаго сосѣдка!

ТУЗЛОВЪ.

Ну, ассамблея! Глухая Москва,
И перенять толково неумѣетъ!

ЕЛИСЪИЧЪ, за кресломъ жены.

Кузьминишна! Что вечеринка? Важно?

КУЗЬМИНИШНА.

Да что за важно?! Ничего съѣстнаго
Не подаютъ.

ЕЛИСЪИЧЪ.

Тебѣ бы только чрево
Бдою тѣшить. Горло пересохло;
Не дурно-бы хотъ пивомъ промочить;
Да, видно, Нѣмцы вечеромъ не пьютъ;
И мы потерпимъ.

КУЗЬМИНИШНА.

Скучно, Елисиичъ!

Хотъ-бы орѣшковъ дали для забавы....

ЕЛИСЪИЧЪ.

Знать нѣтъ у нихъ такого поведенья.

КУЗЬМИНИШНА.

Да намъ-то изъ-за нихъ не голодать-стать!

АПТЕКАРЬ, ставъ посреди круга, и сдѣлавъ поклоны на каждую сторону.

Почтенный публикумъ! Позвольте мнѣ
Презентовать невѣстъ и жениховъ!

(Хлопаетъ три раза. Изъ уборной выходятъ: Плакида Львовна, Агата и Доротея; съ галлерей: Карре, который за собою тащитъ блѣднаго Гове.... Фердинандъ снимаетъ со стульевъ простыню.)

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, про себя.

Насилу вырвались изъ подъ арешта!...

ГОВЕ, отираясь.

Рѣшительно, все смотрять на меня!
Точь-въ-точь на ярмаркѣ морская кошка!

АПТЕКАРЬ беретъ за руки и соединяетъ Карре съ Агатой.

Вотъ regimentъ-хирургъ Карль Эрнестъ Карре,
Женихъ Агаты! (Тѣмъ же порядкомъ соединяетъ Гове съ Доротеей) Regimentъ-хирургъ
Фанъ-Гове, нареченный Доротеи....

ГОВЕ.

(Съѣдятъ глазами....)

ДОРОТЕЯ, поправляя локоны.

Мать моя, любуйся

На мертвую покорность Доротеи!

АПТЕКАРЬ.

Садитесь на почетныя мѣста!

(Женихи и невѣсты садятся. Апте-

каръ беретъ за руку Плакиду Львовну и подводитъ къ боярыню.)

Моя супружница, Плакида Львовна....

(Женъ.)

А это Марѳа Власьевна Тузлова.... (Боярыня привстаетъ.)

ТУЗЛОВЪ подаетъ ей свой стулъ, надувшись; аптекаръ обходитъ гостей.

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, Тузлову.

Merci. (Боярыню) Мадамъ!

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА.

Что-жь ты молчишь, Тимоша?
Ругается!... Что, развѣ ты не слышишь?

ТУЗЛОВЪ, лоркируя Плакиду Львовну изъ близи, небрежно.

Мaman!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, показывая ей на стулъ, какъ будто приглася садиться.

Madame!...

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА, вспыхнувъ.

Сама ты размадамъ!...

ТУЗЛОВЪ, заботливо.

Мaman!...

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА, въ-сердцахъ.

Боярыню мадамой кликать!

Нѣтъ, я сейчасъ отселева отъѣду....

ТУЗЛОВЪ, тихо матери:

Да что вы это? Вы меня страмите!

Мадамъ и Королевамъ говорится....

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА, сыну.

Неужто?

ТУЗЛОВЪ.

Право.

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ—те разъ! провралась!

ТУЗЛОВЪ, тихо матери.

Вы отвѣчайте ей: мадамъ!

МАРФА ВЛАСЬЕВНА, присѣдал.

Мадамъ,

Что вамъ угодно?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, смущенная и тоже присѣдал.

Ничего-съ.... я.... такъ....

Хотѣла васъ салютовать по модѣ....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Присядемъ, матушка мадамъ, присядемъ!

(Садятся и тихо разговариваютъ.)

АПТЕКАРЬ, возвратясь на аванъ-сцену, про себя.

Я самъ себѣ немножко удивляюсь;
 Какъ у меня идетъ все, какъ по маслу!
 Какъ будто я на ассамблеяхъ выросъ.
 Теперь пора сортировать гостей....

(Громко указывая на разные двери.)

Имѣющій желаніе курить,
 Сюда извольте! Тутъ табакъ и трубки,
 Тамъ шашки, карты и другія игры,
 А здѣсь для прохладительныхъ напитковъ.

ЕЛИСВИЧЪ.

Вотъ и для насъ мѣстечко отыскалось....

АПТЕКАРЬ.

Имѣйте милость, гдѣ кому угодно,

Безъ всякой церемоніи, какъ дома!..
 Играйте менуэтъ! *(Входитъ Саксе.)* Ай, что я вижу?
 Тотъ капитанъ, съ разорваннымъ коленкомъ!
 Я не звалъ ни его, ни Бодевина.
 Насильно влезъ!... Надѣлаетъ скандала!

(Музыка играетъ менуэтъ; женихи съ нѣвѣстами входятъ въ кругъ; пары строятся. Саксе медленно приближается къ Доротей.)

САКСЕ, про себя.

Я здѣсь.... но въ ужасѣ благоговѣйномъ!
 Пришелъ просить: на смерть благослови!
 Будь счастлива, но въ счастья семейномъ
 Ты помяни и о моей любви!..
 На грѣшную преступную могилу
 Ты не придешь. Такъ дай мнѣ унести
 На память вѣчную—твой образъ милый,
 Прощальный взоръ, послѣднее прости!...

(Танцующей Доротей, на ухо.)

Я здѣсь, но на одно мгновенье....

ДОРОТЕЯ, вскрикнувъ.

Саксе!...

(Выбѣгаетъ въ ужасъ на аванъ-сцену. Музыка и пляска останавливаются.)

ТУЗЛОВЪ, бросаясь къ Доротей.

Кто это испугалъ васъ такъ ужасно?

АПТЕКАРЬ, схвативъ за руку Саксе.

А, капитанъ! Законъ объ ассамблеяхъ
 Недозволяетъ дѣвушкамъ пугать.
 Вы провинились....

ТУЗЛОВЪ.

И повинны штрафу
Великаго Орла....

АПТЕКАРЬ, обрадовавшись.

Такъ, такъ и есть!

(Я дамъ ему мадеры съ алькермесомъ;
Еще чего-нибудь туда подсыплю:
Проспитъ себѣ покойно до утра.)
Гей, Фердинандъ, Великаго Орла!

САКСЕ.

Простите! Я нечаянно....

ТУЗЛОВЪ.

Нельзя!

АПТЕКАРЬ.

Нельзя!

ТУЗЛОВЪ.

Законъ!

АПТЕКАРЬ.

Законъ объ ассамблеяхъ!

Не то, хозяинъ будетъ оштрафованъ.
Позвольте, я сейчасъ.... (Уходитъ поспѣшно.)

САКСЕ.

О, Доротея!

Когда бы не вина, а чару яда
Вашъ батюшка поднесъ мнѣ по ошибкѣ—
Я радостно бы выпилъ смерть мою....

ДОРОТЕЯ.

А я такъ убѣдительно просила!

САКСЕ.

Не упрекайте! Я не самъ пришелъ.
Кто звалъ меня, незнаю, только звалъ....
Какъ околдованный, я шелъ на голосъ....

АПТЕКАРЬ обѣими руками тащитъ огромную чару.

Извольте кушать, капитанъ! Готово!

САКСЕ, взявъ чару.

За здравье Доротеи Ермолавны
И нареченнаго ей жениха! (Пьетъ и останавливается.)

ГОСТИ.

Вивать!

ТУЗЛОВЪ, Саксе.

Душкомъ!

АПТЕКАРЬ, ему же.

Душкомъ, безъ остановки!...

САКСЕ.

За здравье Агаты Ермолавны
И нарѣченнаго ей жениха! (Пьетъ до конца.)

ГОСТИ.

Вивать!

САКСЕ, переворачивает чару.

А ваше, Ермолай Антонычъ,
Мнѣ не чѣмъ выпить.

ГОСТИ.

Браво!

АПТЕКАРЬ.

И не нужно,

И некогда! Играйте менуеть! (Музыка начинается.)
Мы такъ до десяти часовъ не кончимъ,
А отъ указа я неотступлю.

ГОВЕ, подходя.

Позвольте вашу руку, Доротея!

(Танецъ начинается. Аптекарь уходитъ на галерею. Тузловъ становитъ

ся за стуломъ матери. Саксе на аван-сценъ, въ сторонъ.)

ТУЗЛОВЪ, лоркируя танцующихъ.

Charmant! C'est délicieux! А что, маманъ?

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Что говорить тутъ; кланяются важно;
Посмотримъ, какъ выплясывать пойдутъ....

КУЗЬМИНИШНА.

Э! Матушка! Да это плясъ заморскій!
Вотъ тутъ и все! Ни млечикомъ не вздернетъ,
Ногой не топнетъ! Плаваютъ, что гуси
На лужицѣ. Ну, точно мертвецы
Толкутся на кладбищѣ!...

ТУЗЛОВЪ.

Admirable!

Чертовски хороша моя канашка!
И—coute qui coute—а я ее добуду....

САКСЕ.

Нѣтъ, Доротея, ты его не любишь!
Неможешь ты его любить! Не ревность,
О, нѣтъ, во мнѣ кипитъ другая злоба....
Я растерзалъ бы этого хирурга....
Кому я долженъ уступить невѣсту?!
Я весь горю! И совѣстно и стыдно!

(Фердинандъ выходитъ съ галлерей съ подносомъ; за нимъ Аптекарь.)

АПТЕКАРЬ.

Ну, Фердинандъ, на ципочкахъ ступай,
А трактamentъ держи въ рукахъ покрѣпче!

(Фердинандъ подноситъ трактamentъ дамамъ; Плакида Львовна предлагаетъ Марфѣ Власьевнѣ.)

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Мадамъ, что вамъ угодно?

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Нѣтъ, спасибо!

Я отъ сластей все зубы потеряла.

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Хоть эту золоченую коврижку....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ужъ развѣ карлицѣ моей, Букашкѣ,
Свезти гостинца.... (Фердинандъ подаетъ Кузьминишнѣ.)

КУЗЬМИНИШНА, ухватясь за подносъ.

Погоди, голубчикъ!

Довольно ждали; надо запастись;
Не досидишься до второй подачи.

На, Елисѣичъ, спрячь въ карманъ! (Фердинанду) Постой,
Куда спѣшишь? Кулиночка, платокъ!

(Накладываетъ въ платокъ сладостей.)

Ну, вотъ теперь, отваливай! Довольно!

(Менуетъ кончается. Фердинандъ входитъ въ кругъ. Гости окружаютъ его.)

АПТЕКАРЬ, посмотрѣвъ на часы.

Играйте аллеманъ! (Музыка играетъ.)

КАРРЕ, Гове.

На аллеманъ

Мы, Гове, помѣняемся мѣстами:

Я съ Доротеей, ты съ моей Агатой....

(Танецъ начинается.)

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, *Тузову.*

Что-жь это вы не пляшете сегодня?

ТУЗЛОВЪ.

Какъ нѣтъ? Давно пляшу по вашей дудкѣ.
По вашей милости, я въ дуракахъ;
Но я вамъ не прощу моей обиды;
Найду управу....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Тимоей Леонтьичъ,
Могла-ль я ожидать, что мой старикъ
Такъ круто дѣло повернетъ?...

ТУЗЛОВЪ.

Сочтемся!
Помиримся! Позвольте вашу ручку....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Нельзя! Увидитъ Ермолай Антонычъ;
Онъ глазъ съ меня сегодня не спускаетъ;
Ужь не подмѣтилъ-ли чего такого?

ТУЗЛОВЪ.

Я лучше отойду отъ васъ подальше,
А вы старайтесь матушку занять....

(Переходитъ на ту сторону, гдѣ Саксе.)

Что, капитанъ? А Гове молодецъ?
Какъ цапля, въ аллеманъ выступаетъ.
Любовь слѣпа, на опытѣ я вижу....
Не правда-ли?

САКСЕ, *отвѣщаясь.*

Незнаю, не видалъ!

ТУЗЛОВЪ.

Товарища сыскалъ себѣ Карре!
Теперь уже съ обѣими танцуетъ!

ДЕНЩИКЪ.

САКСЕ, *потиралъ лобъ.*

Не выдержу! Зажму я дерзкій ротъ!

ТУЗЛОВЪ.

Амурится! Постой! Пусть выйдетъ замужъ,
И мужа и любовника отвадимъ!

САКСЕ, *про себя.*

О Боже! Кровь кипить и крови просить....
Я пламенемъ дышу, какъ Саламандра....
О Доротей! Не смотри сюда!
Не умолай! Терпѣніе сгорѣло....

БОДЕВИНЪ, *остановясь въ главныхъ дверяхъ.*

Да это не простая ассамблея!
Баль съ танцами и съ музыкой! Каковъ?
Нѣтъ, это негодится, Ермолашка!

АПТЕКАРЬ, *въ ужасъ.*

Полковникъ Бодевинъ! Ну, будетъ каша!

БОДЕВИНЪ, *пробираясь на аван-сцену*

Неожидаль такого я афронта!

АПТЕКАРЬ.

Какъ онъ рычитъ! Какъ будто на трюмнетъ!

БОДЕВИНЪ.

Въ аптеку у него беру я водку;
На лошадей лекарства забираю;
Визитомъ удостоилъ я чухонца;
А онъ затѣялъ ассамблею, съ пляской,
И съ музыкой и съ бальнымъ трапезомъ,
А насъ не приглашаетъ!...

АПТЕКАРЬ.

Господинъ

Полковникъ!

К. II. — Отд. III.

БОДЕВИНЪ.

Погоди! Я научу,
 Какъ надо мной смѣяться. У тебя
 Сговоръ сегодня? Мы, и безъ инвита,
 Потѣшимся! Балъ будетъ съ фейерверкомъ.
 Пусть трусы стонуть по угламъ и плачутъ;
 А мы всегда все приступомъ беремъ....

САКСЕ, *про себя.*

Я, что-ли, трусь? Безъ боя, Доротею
 Я уступилъ ничтожному Фанъ-Гове!

БОДЕВИНЪ.

Что-жъ ты мнѣ, Ермолашка, жениховъ
 Непрезентуешь?...

АПТЕКАРЬ.

Но они танцуютъ
 Съ невѣстами....

БОДЕВИНЪ, *взглянувъ на танцующихъ.*

Какъ? Эти коновалы?

(Хохочетъ.)

И пляшутъ, точно лошади въ манежѣ!

АПТЕКАРЬ.

Имѣйте милость, господинъ полковникъ!

БОДЕВИНЪ.

Не подходи, а то щелчка получишь!

АПТЕКАРЬ.

Вы возвышаете ужасно голосъ!

БОДЕВИНЪ.

Смотри, чтобъ невозвысилъ я руки!..

АПТЕКАРЬ.

Приходится полицію позвать.

(Скороговоркой.)

Гей, Фердинандъ, къ объѣзжому ступай!
 Возми съ собой бутылокъ шесть наливонъ,
 И сахару головку небольшую,
 Да кланяйся объѣзжому: пусть дастъ,
 На всякій случай, отъ солдатъ команду,...
 Но поскорѣй! Полковникъ очень золъ,
 И можетъ намъ надѣлать амбарассовъ!

БОДЕВИНЪ.

Умора! У смазливой Доротеи
 Женихъ еще похожъ на человѣка....
 А у моей Агаты.... Чортъ возми!
 Да это просто пугало въ горохѣ!...
 Я больше танцовать имъ не позволю!
 Morbleu!... Агату я ангажирую
 На цѣлый вечеръ.

ТУЗЛОВЪ.

Доротею мнѣ,
 Пожалуйста, полковникъ, уступите!

САКСЕ.

А я на что? Я хладнокровный зритель,
 Бездушная, презрительная пѣшка!!
 Я самъ теперь готовъ на все рѣшиться!

ТУЗЛОВЪ, *Саксе.*

Куда вамъ! Васъ Орель подшибъ крыломъ;
 Сидите, и вздыхайте пастушкомъ!
 А я за васъ ей буду строить куры.

САКСЕ, *Тузлову.*

Я не забуду этихъ дерзкихъ словъ!

На смерть! До завтра! А теперь пустите!

(Отталкивает Тузлова. Полковникъ и капитанъ выходятъ на средину круга.)

КАРРЕ.

Посторонитесь! Мѣсто, мѣсто дамамъ!

ГОВЕ, *въ парь съ Агатой.*

Прошу васъ, господа, посторонитесь!

БОДЕВИНЪ, *оттолкнувъ Гове.*

Ступай, братъ! Не тебѣ плясать съ Агатой!

САКСЕ, *отталкивая Карре.*

И не тебѣ съ прелестной Доротеей!...

(Музыка останавливается; танцующіе и нетанцующіе толмятся и путаются.)

ДОРОТЕЯ.

О, ради Бога, капитанъ, что съ вами?

КАРРЕ, *Гове.*

Не уступать ни шага! Наша честь оскорблена!

ГОВЕ.

Да, господинъ полковникъ!

БОДЕВИНЪ.

И онъ туда-же, съ честью, коноваль!

КАРРЕ, *стараясь оторвать Саксе отъ Доротеи.*

Позвольте, капитанъ!

САКСЕ, *внѣ себя.*

Прочь!

ГОВЕ.

Мы не дѣти,
Мы съ вами можемъ послѣ расчитаться!

БОДЕВИНЪ, *вынувъ саблю.*

Ахъ ты, цырюльникъ! Нашъ расчетъ коротокъ!
Обрѣю я тебѣ и носъ и уши!

(Бросается на Гове; тотъ лавируетъ между гостями и стульями; гости разступаются и убѣгаютъ.)

АПТЕКАРЬ, *убѣгал.*

Въ полицію! Полковникъ вынулъ саблю!

ГОВЕ, *уходя на галлерю.*

На помощь, господа! Вступитесь!

БОДЕВИНЪ, *размахивая саблей и уходя за Гове.*

Прочь!

Ты не уйдешь! *(Уходитъ за Гове.)*

КАРРЕ, *въ борьбѣ съ Саксе.*

Опомнись, бѣдный Саксе!

САКСЕ, *вынимая шпагу.*

Молчать! Дерись! Смерть или Доротея!

КАРРЕ.

Я безъ оружья!

САКСЕ, *нападая.*

Трусъ! Дерись на-смерть!

КАРРЕ, *ретируясь.*

Я трусъ? О, дайте шпагу!

(Лавируетъ также, какъ и Гове.)

САКСЕ, *преслѣдуя его.*

Крови! Крови!

КАРРЕ, *въ дверяхъ на галлерей.*

О, нѣтъ ли у кого несчастной шпаги?

(Уходитъ; за нимъ Саксе.)

АГАТА, *бѣжитъ за ними.*

Карре, спасайся!

ДОРОТЕЯ, *также уходитъ за ними.*

Саксе, заклинаю!

(Гости и музыканты разбѣгаются.)

МАРҀА ВЛАСЬЕВНА.

Тимошинька! Неужь—то и въ Парижѣ
Такія страсти на балахъ бываютъ?

ТУЗЛОВЪ, *потиралъ руки.*

Маманъ, молчите! Все идетъ прекрасно,
Отлично, превосходно, какъ по маслу....
Куда дѣвался Ермолай Антонычъ?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Въ полицію пошелъ.

ТУЗЛОВЪ.

И то недурно;
Разсодятъ всѣхъ, а намъ просторнѣй будетъ.

МАРҀА ВЛАСЬЕВНА.

И такъ просторно! Гости разбѣжались,
И намъ пора. Я чуть дышу отъ страха
И твоего хваленнаго корсета!

ТУЗЛОВЪ.

Сейчасъ, маманъ! Минуточку одну,
И мы конецъ комедіи увидимъ.

АПТЕКАРЬ, *въбѣгалъ и оглядывался.*

Нѣтъ никого? А гдѣ—жь бунтовщики?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Всѣ бросились на эту галлерей....
Какой тамъ шумъ!

АПТЕКАРЬ.

Уймуть! Сейчасъ уймуть!

Я выбѣжалъ и передъ самымъ домомъ
Гляжу: самъ Царь, съ какимъ-то генераломъ,
На одноколкѣ ѣдутъ тихимъ шагомъ,
А возлѣ пѣшій нашъ Трофимъ Степанычъ
Идетъ и съ Государемъ говорить.
Вдругъ всѣ остановились. Государь
Меня спросилъ: «Что тамъ у васъ за шумъ?» —
Я рассказалъ. Царь очень разсердился,
И къ намъ Трофимъ Степаныча послалъ.

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Да гдѣ-же твой Трофимъ Степанычъ?

АПТЕКАРЬ.

Онъ
За войскомъ въ кордегардію пошелъ.
Тутъ три шага; пожалуйтъ сейчасъ.

(Доротея съ галлерей тащитъ Саксе, Агата его непускаетъ.)

АГАТА.

Чудовище! Я непушу тебя!

ДОРОТЕЯ.

Спасайтесь, капитанъ! Еще есть время!
Неумолимы строгіе законы....

АГАТА.

И неуйдетъ отъ нихъ убійца низкій!

(Увидѣвъ отца, тащитъ къ нему Саксе.)

Держите изверга! Мой бѣдный Карлъ
Смертельно раненъ. Я къ нему на помощь!

(Убѣгаетъ на галлерю.)

ДОРОТЕЯ, Саксе.

Несчастный! Если любишь Доротею,
Последнюю ея исполни волю:
Бѣги, пока еще пути свободны!

САКСЕ.

Нѣтъ, безъ тебя, и жизнь мнѣ ненужна!
Тобой я жилъ и—за тебя погибну!

АПТЕКАРЬ.

Вотъ, какъ у нихъ!

ДОРОТЕЯ.

Спасайся, милый Людвигъ!

Бѣги!

АПТЕКАРЬ.

Трофимъ Степанычъ!

ДОРОТЕЯ.

Все погибло!

*(Денщикъ съ командой входитъ и
дѣлаетъ распоряженія въ глубинѣ
сцены.)*

БОДЕВИНЪ, *входитъ съ галлерей, опускаетъ въ
ножны саблю. Не видя денщика:*

Трусилка, а хитерь! Залезъ за бочку,
И думалъ, что оттуда не достану;
Давай ругаться. Той же самой бочкой
Я придавилъ, какъ таракана, къ стѣнкѣ,
И прикололъ. Чай, спать теперь за бочкой,
И не проснется.

ДЕНЩИКЪ.

ДЕНЩИКЪ.

Господинъ полковникъ!

БОДЕВИНЪ.

А, здравствуйте!

ДЕНЩИКЪ.

Полковникъ, вашу саблю!

БОДЕВИНЪ.

Какъ? Это что? Кто смѣетъ?

ДЕНЩИКЪ.

По Указу

Его Величества, вы подъ арештомъ.

БОДЕВИНЪ.

Я повинуюсь волѣ Государя.

(Отдаетъ денщику саблю.)

ДЕНЩИКЪ.

Капитанъ!

ДОРОТЕЯ, *выбѣгалъ впередъ.*

Мой другъ, Трофимъ Степанычъ!

Вы мнѣ клялися неизмѣнной дружбой!

Вы помните, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

Помню!

ДОРОТЕЯ.

Такъ на колѣняхъ другъ вашъ умоляетъ:

Помилуйте и пощадите Саксе!

ДЕНЩИКЪ.

(Такъ вотъ избранникъ сердца Доротеи!)

АПТЕКАРЬ, *женль, показывая на Доротею.*

Плакида Львовна!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Ермолай Антоныч!

АПТЕКАРЬ.

Не стыдно вамъ? Такъ вы за ней смотрѣли!

Я говорилъ: шкандалъ публичный будетъ....

САКСЕ, *поднимая Доротею.*

Ни милости нестою, ни пощады!

Проснулся я! О, страшно пробужденье!

Я волю Государя моего

Нарушилъ низкимъ и постыднымъ дѣломъ;

Я нравы оскорбилъ поступкомъ наглымъ;

Я могъ любить безумно Доротею,

Но страсть безумная не оправданье....

Извольте шпагу—и пойдѣмъ въ темницу.

(Отдаетъ шпагу.)

АПТЕКАРЬ.

Логически! Амежду-тѣмъ досадно!

Я бѣдствію причина. Онъ попался

Немножко отъ Великаго Орла!

ДОРОТЕЯ.

Трофимъ Степанычъ! Чтѣ-же вы молчите?

ДЕНЩИКЪ.

На службѣ, Доротея Ермолавна,

И о себѣ самомъ не смѣю думать.

САКСЕ, *почтительно.*

Простите, Доротея Ермолавна!

ДОРОТЕЯ.

Прости, мой другъ!

(Бросается въ его объятія.)

АПТЕКАРЬ, *женль тихо.*

Ай, ай, Плакида Львовна!

Вы видите, другъ друга обнимаютъ!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Прощаются!

ДОРОТЕЯ.

О, съ этимъ поцѣлуемъ

Возми и душу бѣдной Доротеи!

Неси ее съ собой, въ твою темницу!

Съ тобой моя горячая молитва!

Прости!

АПТЕКАРЬ, *женль тихо.*

Цѣлуются, Плакида Львовна!!

ДОРОТЕЯ.

Прости! *(Бросаясь отцу на руки)* Теперь опять я ваша жертва!

(По знаку денщика, солдаты окружаютъ арестованныхъ и тихо ведутъ.)

ТУЗЛОВЪ.

Bravissimo! Опаснѣйшихъ убрали....

Теперь, маманъ, пожалуй, можно ѣхать.

ДЕНЩИКЪ, *оглянувшись, возвращается.*

И ты тутъ! Ну, спасибо, что напомнилъ!

Чуть не забылъ другаго приказанья.

Ступай за мной!

ТУЗЛОВЪ, *отороплевъ.*

Куда?

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Да онъ не дрался!

Онъ пальцемъ даже никого не тронулъ....

ДЕНЩИКЪ.

Онъ дезертиръ и подлежить суду.
Возмите дезертира! *(Тузлова берутъ и отводятъ.)*

ТУЗЛОВЪ.

C'en est fait!

(Денщикъ, съ арестованными и съ командой, уходитъ.)

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА, въ отчаяніи, уходя за ними.

Сидорка! Ѳедька! Савишна! Ѳедотъ!
Леонгій Силычъ! Карауль! Разбой!

АПТЕКАРЬ.

Плакида Львовна, вотъ вамъ ассамблея!
Навербовали много жениховъ?
Убили двухъ, а трехъ на съѣзжу взяли!...
Пропала репутація! Въ курантахъ
Про насъ печатнымъ образомъ напишутъ....
Вотъ вамъ, Плакида Львовна, ассамблея!

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Театръ представляетъ переднюю въ новомъ Преображенскомъ-дворцѣ. Отъ перваго угла выступъ съ окномъ; у этого окна письменный столъ, на которомъ множество бумагъ и свертковъ, съ бумагами. Платяной шкафъ, вѣшалка; простые стулья, обитые кожей, съ мѣдными пуговками, съ высокими спинками. По передней разбросано нѣсколько сундуковъ и чемодановъ. На одной скамьѣ спитъ Трофимъ, на другой Абрамъ.

ДЕНЩИКЪ, просыпаясь.

Пора вставать. Свѣтаетъ. Государь
Будить Себя пораньше приказалъ.
Три пробило. Вставай, Абрамъ, пора!
Подит-ка, ставни отвори, да мыться
Неси Его Величеству скорѣе....

(Уходитъ во внутренніе покои.)

АБРАМЪ, поднимаясь.

Сегодня, раньше солнца!...

(Уходитъ дверьми въ садъ, которыя и остаются во все продолженіе акта открытыми; чрезъ нѣсколько мгновеній возвратясь, беретъ умывальный приборъ.)

ДЕНЩИКЪ, выходя изъ внутреннихъ покоевъ.

Никого

Не принимать! *(Абрамъ уходитъ во внутренніе покои.)*

Сегодня Государь
Коллегіи для иностранных дѣлъ
Инструкцію писать благоизволить;
Да приказалъ текущія дѣла
Очистить... Вонъ ихъ сколько набралось!

АБРАМЪ, возвращаясь.

Трофимъ, къ Его Величеству пожалуй!

(Трофимъ уходитъ.)

АБРАМЪ садясь къ столу.

А я займусь черченіемъ канала!
Мы тихій Донъ на бурной Волгѣ женимъ;
Отъ брака этого приплодъ богатый
Пойдетъ. Царьградъ почешется въ затылкѣ....

(Чертитъ.)

ДЕНЩИКЪ, выходя съ бумагой.

Рѣшенъ и день персидскому походу
И утвержденъ всему церемоньяль:
Молебствіе отслужать послѣ-завтра,
Пятнадцатаго мая! Изъ собора
Все сядутъ на суда, и по Москвѣ
Военная флотилія пойдетъ,
При пушечной пальбѣ и трубныхъ звукахъ.

(Садясь за свой столъ.)

Скорѣй за дѣло, времени немного...
Теперь корреспонденцію отправимъ...

(Перебирая письма.)

Когда Его Величество извоилъ
Вчера такую пропастъ написать?
Весь день былъ, кажется, дѣлами занятъ!
Ну, благо, что успѣлъ ихъ запечатать,
И записать! Кудрявцеву въ Казань;

Волынскому Артемѣ въ Астрахань;
Въ Санктпетербургъ: Воейкову,—Дивьеру....

АБРАМЪ.

Что Царь Воейкову писать изволить?

ДЕНЩИКЪ.

Не первый день съ тобой мы вмѣстѣ служимъ,
Не спрашивай! Не мы, не къ намъ писали.
Чужой секретъ священниче, чѣмъ свой.
Змаевичу и Вильстеру въ Кронштатъ;
Еврейнову съ Лужинымъ въ Камчатку;
Владыкѣ Питириму въ Нижній; въ Кіевъ
Румянцеву; Потемкину въ Царицынъ;
Въ Митаву, Кайзерлингу; въ Копенгагенъ
Бестужеву; въ Варшаву князь-Григорью;
Поручику Лопухину въ Воронежъ;
Абрамову Федоту, въ Испагань;
Ученику механики Слопцову
И астроному Геррисену въ Лондонъ;
Въ Пермь Генингу. Всего семнадцать писемъ.
Вези ты ихъ къ Шафирову, Абрамъ!
Пускай по адрессамъ отправить съ почтой,
А, ежели куда нельзя, съ нарочнымъ.

(Абрамъ съ письмами уходитъ.)

ДЕНЩИКЪ, одинъ, открывъ окно.

Восходитъ солнце. Брюсовъ—календарь
Показываетъ вѣрно. Чудеса!
Наука солнцу дѣлаетъ маршрутъ
И солнце измѣнить его не смѣетъ!

(Садится за столъ.)

Теперь скорѣе перебрать дѣлишки.
«О должности Сената»!—Къ подписанью....
«Коллегія малороссійскихъ дѣлъ....»

Готово! «О цѣхахъ-» Готово! «О храненьи
Лѣсовъ». Кудрявцева спросить въ Казани.

Такъ значитъ, это дѣло взять въ вояжъ.

«Статуты Академіи Наукъ...»

Два года съ нами ѣздить, и теперь

Навѣрно съ нами въ Персію поѣдутъ.

Великое, Божественное дѣло!

Надъ нашимъ темнымъ государствомъ—Петръ

Искусственное солнце зажигаетъ!

«Желѣзные и мѣдные заводы...»

Ну, Генинга послалъ Богъ Государю;

Какъ-будто онъ подземный нѣкій геній,

Нутро земли подробно разсмотрѣлъ....

Къ докладу... «О раздачѣ частнымъ людямъ

Овецъ заводскихъ...» Тоже къ подписанью.

«Судебный приговоръ о Бодевинѣ,

Полковникѣ и капитанѣ Саксе...»

(Въ волненіи встаетъ.)

Я немолился, кажется, сегодня?

Душа моя слаба.... Боюсь читать,

Боюсь, чтобъ грѣшная моя душенка

Несчастью непорядовалась Сакса.

Вина его случайна; но законъ

Не знаетъ милосердія. За тѣмъ

И Государь поставленъ надъ закономъ.

Зачѣмъ я думаю о Доротеѣ?....

Все кончилось давно. Законъ, положимъ,

Всѣхъ жениховъ ея казнить нещадно,

Да что мнѣ въ сердцѣ, любящемъ другаго?

Садись, Трофимъ, какъ истуканъ, садись!

Читай безстрастно приговоръ Кригерехта!

(Ермолай Антоновичъ показывается
въ цвѣтникахъ, за окномъ, и кла-
нется.)

Сѣкира справедливости верховной

Тебя не пощадила, Бодевинъ,

И сниметъ голову твою на плахѣ....

(Читаетъ.)

«...А какъ хирургъ Карре отъ ранъ не умеръ,

«То капитану Саксе объявить

«Прощеніе на плахѣ...» Онъ прощенъ!

Не можетъ-быть! Ужъ такъ ли я прочелъ?

(Опять читаетъ.)

«...А какъ хирургъ Карре отъ ранъ не умеръ,

«То капитану Саксе объявить

«Прощеніе на плахѣ и — сослать

«Въ Сибирь...» Вотъ это такъ! Въ Сибирь!

АПТЕКАРЬ, въ самомъ окнѣ.

Въ Сибирь!

ДЕНЩИКЪ.

Кто тутъ!

АПТЕКАРЬ, черезъ окно.

Трофимъ Степанычъ, это я!

Я, Ермолай Антонычъ! Не узнали?

ДЕНЩИКЪ, оглядываясь.

Узналъ, и вотъ ищу кого-нибудь,

Чтобы тебя въ полицію спровадить...

АПТЕКАРЬ.

За что, Трофимъ Степановичъ?

К. П. — Отд. III.

ДЕНЩИКЪ.

За то,

Что ты дерзнулъ въ дворцовыхъ цвѣтникахъ
Шататься и подслушивать.

АПТЕКАРЬ.

Ей Богу

Я не подслушивалъ; а приговоръ
Я прежде васъ читалъ, Трофимъ Степанычъ!
Не важность! Вѣдь и мы не безъ знакомыхъ;
Доброжелательныхъ и доброхотныхъ
Мы на Москвѣ протекторовъ имѣемъ.

ДЕНЩИКЪ.

Зачѣмъ же ты пожаловалъ сюда?

АПТЕКАРЬ.

Я вояжирую по цвѣтникамъ
Съ другою цѣлью. Васъ нигдѣ не видно,
А у меня есть небольшое дѣло....

ДЕНЩИКЪ.

Зачѣмъ же прямо не войти ко мнѣ?

АПТЕКАРЬ.

Я знаю, что нигдѣ нѣтъ часовыхъ;
Что двери настежь отперты весь день;
Но если, не скажу, самъ Императоръ,
А тѣнь Его Величества мелькнетъ....
Прощай, любезный Ермолай Антонычъ!..

ДЕНЩИКЪ.

Заплутовался....

АПТЕКАРЬ.

Фуй, Трофимъ Степанычъ!

Какъ это вамъ не стыдно говорить?
Я вамъ, Трофимъ Степановичъ, признаюсь:

Слаба моя мѣщанская натура,
Чтобъ чувствовать вполнѣ благоговѣнье
Къ особѣ Величайшаго Монарха,
Какого небыло на этомъ свѣтѣ!
Всеми, Трофимъ Степановичъ, есть доза!
На свѣчку—и комаръ нежмурясь смотритъ;
На солнце человѣкъ глядитъ—и слѣпнетъ....
Повѣрьте, весь Имперіумъ Россійскій
Такимъ же страхомъ Божиимъ проникнутъ!

ДЕНЩИКЪ.

Ты правъ! Чего? Мы кажется привыкли;
А между-тѣмъ, чуть позоветъ меня,
Душа священнымъ трепетомъ займется.
Ну, въ чемъ-же дѣло, Ермолай Антонычъ?

АПТЕКАРЬ.

Не знаю, какъ вамъ изъяснить докладно....
Сентенцію конечно апробуютъ,
И голову отрубятъ Бодевину,
А Саксе—соболей пошлютъ ловить.
Все это справедливо и прекрасно.
Но что-же будетъ съ нашей Доротеей?

ДЕНЩИКЪ.

Что будетъ? Выйдетъ за-мужъ за другаго.

АПТЕКАРЬ.

А за кого, позвольте васъ спросить?
Не знаете вы, видно, Доротеи....

ДЕНЩИКЪ.

Простите, виноватъ, я позабылъ,
Что въ этихъ душахъ, чистыхъ и высокихъ,
Любовь живетъ не на бивакахъ. Вѣчный
Души жилецъ, какъ-будто маіоратомъ,

Владѣть сердцемъ дѣвы; это сердце
Не перейдетъ къ помѣщику другому....

АПТЕКАРЬ.

Не то, совсѣмъ не то, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

А, понимаю! Мало, слишкомъ мало
Для Доротеи ординарпой страсти....
Позора Саксе ей не перенести;
Не пережить ей тяжкой съ нимъ разлуки!...
Преступникъ! Я завидую тебѣ!...

АПТЕКАРЬ.

Опять не то!

ДЕНЩИКЪ.

Не угадалъ! Неужто?...

О, ужасомъ повѣяло отъ мысли....
А это станется отъ Доротеи.
Она пойдетъ за нимъ, за ссыльнымъ другомъ;
Въ трудахъ пути развеселить, утѣшить,
И цѣпь его съ улыбкой понесетъ!..

АПТЕКАРЬ.

Нѣтъ! Этого, надѣюсь, не случится!
Не такъ эдуковалъ я Доротею....
Все время, какъ преступниковъ судили,
Я съ ней имѣлъ нарочно разсужденье.
Весьма благоразумная дѣвчонка....
Я говорю ей:—Слушай, Доротея!
Повѣсятъ Саксе, что ты будешь дѣлать?—
—«Я буду за него молиться Богу!»—
—А за-мужъ выйдешь?—«Если вамъ угодно...»
—Ну, мнѣ угодно; за кого-жъ ты выйдешь?—
—«Папа, вы позволяете мнѣ выборъ?»
Опасно было, впрочемъ я рискнулъ,

Позволилъ.—«Если такъ»... и заикнулась....
Немного покраснѣлась и сказала:
—«Воинскій... Можетъ-быть противно будетъ...»
Я сдѣлалъ очень кислую гримасу;
Но слово далъ и отвѣчалъ: «Что дѣлать?»
Тутъ Доротея стала веселѣе,
Поцѣловала руку и сказала:
—«Папа! Я кажется въ себѣ ошиблась;
«Мой суженый не Саксе, а другой;
«Одинъ онъ счастье мое устроить,
«Я одного его такъ уважаю,
«Какъ васъ, папа.»—Ну, это слишкомъ много....
Но кжо-же онъ?...» Она опять загнулась....
И покраснѣвъ, въ полголоса сказала....
Какъ думаете вы, Трофимъ Степанычъ,
Кого она осмѣлилась назвать?

ДЕНЩИКЪ.

Незнаю, право....

АПТЕКАРЬ.

Васъ, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ *въ волненіи.*

Меня?

АПТЕКАРЬ, *присѣвъ за окномъ.*

Ай, генераль идетъ какой-то!

Я спрячусь за кустами...

ДЕНЩИКЪ.

Нѣтъ, нельзя!

Ступайте съ Богомъ, Ермолай Антонычъ!

Я самъ зайду, когда смѣнюсь съ дежурства.

Прошу отдать поклонъ моей Доротеѣ....

(Аптекарь уходитъ.)

Забавно! Я какъ-будто ожидалъ

Отрадной вѣсти; все мнѣ говорило:

Пройдетъ ребяческое увлеченье,
 Любовь мою опѣнить Доротея.
 Высокая душа, ты поняла
 Безумную любовь Трофима!...

*(Павелъ Ивановичъ входитъ.
 Денщикъ почтительно кланяясь.)*

Павелъ

Ивановичъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ, *подавая ему руку.*

Трофимъ

Стенанычъ, здравствуй!

Товарищъ, перестань чиниться!

ДЕНЩИКЪ.

Ваше

Превосходительство!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Мы денщиками

Служили дружно, а теперь быть ссорѣ!

Любезный другъ, ты будто-бы встревоженъ?

ДЕНЩИКЪ.

Маленько!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что случилось?

ДЕНЩИКЪ.

Странный случай,

А ежедневный! Я хочу жениться.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ты истину сказалъ: престранный случай!

Затѣялъ ты женой обзавестись,

А я пришелъ челомъ бить Государю,

Чтобъ развели меня съ моею вѣдьмой....

Адъ, а не жизнь. Дня яснаго незнаю;

Жить дома немогу. Сидить, какъ туча;

Градъ брани сыплется съ утра до ночи;

Не рѣдко и удары громовые

Не только падаютъ на домочадцевъ,

Но попадаютъ, къ общему соблазну,

На спину генерала-прокурора.

Супружество не испытанье, пытка....

Жену, какъ неудобный домъ, не бросишь;

А вздумаешь перемѣнить квартиру,

Такъ выѣзжай ужъ прямо на кладбище.

Я не хочу страшать тебя, товарищъ!

И мой примѣръ еще не аксіома:

Одинъ блаженствуетъ, другой страдаетъ;

Такъ нужно для всемірнаго баланса.

Ты женишься не по любви, конечно?

ДЕНЩИКЪ.

Какъ, генераль?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Трудненько въ наши лѣта

Влюбиться страстно съ юношескимъ жаромъ.

Ты женишься, конечно, по расчету?...

ДЕНЩИКЪ.

Охъ, генераль, ты ужъ забылъ Трофима!

Ты осудилъ меня со всеми вмѣстѣ—

И правъ! Нашъ вѣкъ похожъ теперь на рынокъ,

Гдѣ торгъ идетъ подлогомъ и обманомъ;

Кругомъ все интересъ да эгоизмъ.

Ты вѣрно самъ, да и не разъ, замѣтилъ,

Что въ безкорыстіе и безпристрастѣ

Никто малѣйшей вѣры не имѣетъ.

И видятъ подвигъ честности высокой,

А головой сомнительно качаютъ.

За чѣмъ-же и любви искать въ женитьбахъ?...

Теперь не женятся, теперь торгуютъ

Супружествомъ. Невѣстамъ аукціонъ;

Которая богаче, та и лучше....
 Теперь жена, не жизни цѣль, а средство....
 Что жизнь теперь сама?—Толкучій рынокъ,
 Гдѣ руки всѣхъ въ чужихъ карманахъ шарятъ.

—
 Богъ съ вами, съ вашимъ вѣкомъ, съ вашей жизнью!
 Блаженъ, кто можетъ разумѣть возможность:
 Пустынникомъ жить посреди людей....

—
 Прости мнѣ, Павелъ! Я погорячился!
 Но ты меня сомнѣніемъ обидѣлъ....
 Женюсь я по расчету, если хочешь;
 Но по расчету чудныхъ свойствъ и качествъ
 Моей невѣсты несравненной.... Служба!
 Подумаю и станетъ страшно.... Служба!...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Чудакъ! Тебя и старость не измѣнить!
 Ну, стоитъ ли тебѣ объ этомъ думать?
 Ударь Его Величеству челомъ
 И скоро генераломъ-адъютантомъ
 Мы всѣ Трофимъ Степаныча поздравимъ....
 Антонъ Дивьеръ, Румянцевъ, я, Древникъ,
 Мы всѣ съ тобой служили денщиками,
 И всѣ давно ужъ вышли въ генералы;
 Одинъ Трофимъ....

ДЕНЩИКЪ.

Остался денщикомъ,
 Съ двадцатилѣтнимъ старшинствомъ;—но чинъ мой
 На чинъ фельдмаршала не промѣняю!

Въ баталіяхъ морскихъ и сухопутныхъ
 Трофимъ неотставалъ отъ Государя!
 Съ Нимъ — мы неслись передъ Полтавскимъ фронтомъ;
 Съ Нимъ—штурмъ вели плотины Фридрихштатской;
 На шведскихъ палубахъ, въ рукѣ съ гранатой,
 Вслѣдъ за Петромъ—денщикъ Трофимъ являлся....
 И въ черный день для нашихъ войскъ, подъ Прутомъ,
 Когда министры съ Туркой хлопотали,
 А мы собирались въ *десператный* путь:
 Итти сквозь тучи Турокъ на-проломъ,—
 Трофимъ острилъ палашъ для Государя...
 Въ двадцатилѣтнихъ подвигахъ воинскихъ,
 Не рѣдко ночь насъ въ полѣ заставляла;
 Трудями утомленному Петру
 Спина моя служила изголовьемъ,
 А я не спалъ! Глаза, какъ часовые,
 Ходили по окрестности пустынной,
 И жукъ въ травѣ не смѣлъ пошевелинуться!...

—
 Не знали мы, чтò значитъ жить на мѣстѣ.
 Хозяинъ—у Себя былъ только гостемъ.
 Москва-ли, Петербургъ, всѣ города,
 Село, деревня, одинокій хуторъ,
 Вездѣ Онъ былъ Заботливый Хозяинъ!
 Дворецъ Петра—безмѣрная Россія;
 Европа — палисадникъ съ цвѣтниками,
 Гдѣ, какъ пчела, Петръ собираетъ соты.

—
 Въ вояжахъ, на ночлегахъ и привалахъ,
 Писались, подъ диктовку Государя,
 Инструкціи, Указы, Регламенты....

Я видѣлъ, какъ Великій Анатомъ
 Разсѣкъ Россіи одряхлѣвшей тѣло,
 Перемѣнилъ ей внутренность гнилую,
 Сложилъ ся очищенные члены,
 Искусно всю перевязалъ порядкомъ,
 За плеча поднялъ, на ноги поставилъ,
 И—Степь Московская, Китай Европы,
 За дивныя заслуги Государя,
 Въ Имперію возведена соборне!

Свидѣтель изумительныхъ трудовъ,
 Я видѣлъ, какъ въ безмѣрномъ государствѣ,
 По жиламъ ходитъ кровь; какъ врачеванья
 Тѣ слѣдствія приносятъ неизмѣнно,
 Которыя задумалъ Врачъ Безсмертный.
 О! Въ эти двадцать незабвенныхъ лѣтъ,
 Собственноручныхъ писемъ Государя
 Я тысячь семьдесятъ, по малой мѣрѣ,
 Прочелъ, и запечаталъ и отправилъ.
 Исторія Великаго Петра,
 Подробная, правдивая, живая,
 Какъ въ зеркало алмазной чистоты,
 Впила въ мою ликующую память...

Охъ, и у насъ дни черные бывали,
 Несчастія, смертельныя утраты;
 И Государь въ Рабочей запирался,
 И никого къ Себѣ не допускалъ:
 Ни Государыни Императрицы,

Ни Ихъ Высочествъ... У дубовой двери
 Стоялъ Трофимъ, хранилъ печаль Цареву,
 И вздохъ, и стонъ, и вопль души Великой
 Сбиралъ своей растерзанной душенкой,—
 И за Петра—всѣмъ существомъ молился!

Какой же чинъ на мой я промѣняю?

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Все такъ, дружище! Служба въ деньщикахъ
 И мнѣ не рѣдко сномъ пріятнымъ снится....
 Но кончить жизнь отъ гвардіи сержантомъ?...

ДЕНЩИКЪ.

Червь честолюбія вамъ сердце гложетъ!
 Самостоятельность васъ соблазняетъ!
 А что вы въ сущности?—Петровы мысли,
 Одѣтыя въ различные мундиры.
 На шахматной доскѣ Петра, вы—пѣшки,
 И движетесь, по волѣ государя,
 Къ великой цѣли: благу государства!
 У каждаго изъ васъ своя есть клѣтка;
 А у меня *всѣ* клѣтки на глазахъ....

Вашъ каждый шагъ сосчитанъ и заплаченъ:
 Чины, титулы, ордена, помѣстья...
 Исторія про васъ напишетъ книги;
 Потомство васъ признательно вспоминетъ....
 Вы мзду пріяли за заслуги ваши;

Награждены.... Я нехочу награды;
 Я нехочу известности почетной
 Исторія Трофима не отыщеть....
 Я соглашусь быть лучше наукомъ,
 Чтобы висѣть на потолокъ, но видѣть,
 Какъ Зодчій мой Свою державу стрóить;
 Какъ не по днямъ, а по часамъ растеть
 Его перерожденная Россія,
 И страхомъ озабоченной Европы
 Ростъ Русскаго величья измѣряеть.

О, сладко, весело, отратно, любо
 Смотрѣть вблизи, смотрѣть со всѣхъ сторонъ,
 Какъ, дивными дѣлами *человѣка*,
 Исторія поставлена въ тушкѣ!
 И, побѣжденная, благоговѣнно
 Титуль Великаго, даетъ *живому*....
 Ей—Богу, сказки!

Въ золотѣ купайтесь !

Возьмите почести, всѣ блага міра,
 Въ истопники разжалуйте Трофима;
 Но отъ Петра меня неотлучайте!
 О, дайте умереть въ моей передней!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Зачѣмъ-же ты, Трофимъ, жениться хочешь?

ДЕНЩИКЪ.

Я *человѣкъ*. О томъ-то я и плачу,
 Что Богъ меня взыскалъ несчастной страстью!
 Я платье чищу какъ-то неохотно;
 Гляжу въ бумагу, и не понимаю,
 Что тамъ написано. Какъ будто дѣхи

Валандаются по моей передней;
 Смѣются, шепчутся и упрекають:
 Какъ смѣль, Трофимъ, ты женщиной увлечься!
 А я—люблю ее все пуще, пуще....

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Охъ, нѣтъ любезный! *Добрая жена*
 И въ службѣ не помѣха, а подспорье.
 Устанешь, отдохнешь въ семьѣ привѣтной;
 Мозгъ утомишь—въ бесѣдѣ съ милымъ другомъ,
 Домашнимъ дѣломъ, шуткой освѣжишься....
 Новорожденный, ты пойдешь на службу!...
 Свѣжь, бодръ, за четверыхъ трудиться станешь....

ДЕНЩИКЪ.

Не такъ давно ты иначе судилъ?...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Мнѣ дома плохо. Оттого, быть-можетъ,
 Я понимаю рай семейной жизни.

ДЕНЩИКЪ.

Ты льешь елей въ пылающую рану.
 Я точно также разсуждалъ, а все
 Боюсь: любовь моя ужъ не измѣна-ль?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Брось не достойные тебѣ скрупѹлы!
 Женись, Трофимъ! И служба и жена
 Въ накладѣ не останутся! Женись!
 Но объ одномъ совѣтую подумать:
 Чѣмъ будешь жить съ женою и дѣтьми?
 Приданое большое за невѣстой?

ДЕНЩИКЪ.

Приданое есть собственность жены.

По-моему, жениться на приданомъ,
Все то-же, что продать себя на рынокъ,
Какъ птицу пѣвчую иль обезьяну.
Тогда ужъ жизнь, не жизнь, а богадѣльня.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Но ты безъ состоянія....

ДЕНЩИКЪ.

А служба?

О, въ двадцать лѣтъ я собралъ капиталъ.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Но гдѣ-жъ твой капиталъ?

ДЕНЩИКЪ.

У Государя!

Онъ вѣрнаго Трофима не забудеть.
Пожалуетъ на свадьбу сто рублей,
Да жалованье противъ офицера—
И съ насъ довольно....

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Но мы заговорились ... Пять часовъ;
Пора въ Сенатъ. Въ шесть будутъ Сенаторы
Въ присутствіе, а я еще не видѣлъ
Его Величества....

ДЕНЩИКЪ.

Не принимаетъ.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ, тревожно.

Не боленъ ли?...

ДЕНЩИКЪ.

Нѣтъ; въ вожденномъ здравьи;

Но занятъ резидентскими дѣлами
Передъ походомъ въ Персію.... Ты знаешь,

Что нашимъ господамъ нельзя позволить
И шагъ сдѣлать безъ маршрута: тотчасъ
Напугаютъ. Царь азбуку имъ пишетъ.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Такъ если спрашивать меня изволить,
Пришли въ Сенатъ. Теперь тамъ пропастъ дѣла;
Придется провозиться до вечерень....
Прощай, мой другъ, Трофимъ!...

ДЕНЩИКЪ.

Прощайте, Павелъ

Ивановичъ!

*(Проводитъ Павла Ивановича, возвра-
щается.)*

Спасибо, что ушелъ!

Мнѣ сладостно теперь быть одному,
Какъ будто жилъ я круглымъ сиротой—
И вдругъ явилась у меня семья:
Отецъ и мать, жена и дѣти, дворъ,
Хоромы, огородъ, поля и челядь....
Теперь я гражданинъ, я человекъ!
Въ безцвѣтномъ днѣ моей служебной жизни
Теперь явились краски и оттѣнки....

Въ семь или восемь Государь уѣдетъ;

Я побѣгу къ себѣ на антресоли,
И на порогѣ встрѣчу Дорогею
Съ улыбкой, какъ зарю на майскомъ небѣ.

(Взглянувъ на окно.)

А солнце, какъ нарочно, такъ лѣниво
Восходитъ.... Господи, спаси, помилуй!!..

(Протирая глаза.)

Пригрезилось?... Нѣтъ! Стройный станъ, походка...
 Какъ тѣнь плыветъ въ раздумьѣ по дорожкѣ....
 Вотъ повернется.... Боже! Доротея!..

(Бросается къ дверямъ и останавливается.)

Неужели ко мнѣ?... Я растерялся....
 На-встрѣчу къ ней не смѣю выдти.... Страхъ
 И радость сердце жмутъ....

ДОРОТЕЯ, *остановясь на порогѣ, осматривается.*

Нѣтъ никого?..

Я къ вамъ, Трофимъ Степановичъ! Простите!

ДЕНЩИКЪ.

Что слышу?... Доротея Ермолавна,
 Войдите!..

ДОРОТЕЯ, *входитъ.*

Я дрожу.

ДЕНЩИКЪ.

Не беспокойтесь!

Моя передняя храмъ безопасный,
 Теперь мой храмъ, какъ будто передъ свадьбой
 Цвѣтами убранъ, весь въ огняхъ сіяетъ.
 Въ него вступила дивная невѣста....
 О, какъ я счастливъ! голова кружится....

ДОРОТЕЯ.

А я какъ рада! Сердце не солгало.
 Не знаю, что шепнуло мнѣ: сегодня
 При Государѣ нашъ Трофимъ Степановичъ!

ДЕНЩИКЪ.

Вашъ! О, вы не ошиблись, Доротея!
 До гробовой доски—я вашъ! За гробомъ,

И тамъ,—я вашъ! Я клясться неумѣю;
 Честное слово—вотъ моя присяга;
 На этомъ словѣ можно Кремль построить.
 Все, все для васъ я сдѣлаю! Велите!

ДОРОТЕЯ.

О вѣрю! Добрый нашъ Трофимъ Степановичъ
 Несчастной не отвергнетъ Доротеи....
 Но Государь....

ДЕНЩИКЪ.

Не бойтесь! Государю

Мы въ ноги бросимся, челомъ ударимъ,
 Отецъ Отечества благословить
 Дѣтей Своихъ. Кто знаетъ, можетъ—быть,
 Онъ не откажется отца роднаго
 Намъ заступить.... Но Императоръ занять
 Дѣлами. Надо обождать маленько....

Пока Онъ выйдетъ, дайте мнѣ услышать:
 Какими непонятными судьбами
 Я вижу васъ....

ДОРОТЕЯ.

Мнѣ совѣстно, мнѣ стыдно....

Незнаю, какъ вамъ рассказать? Не знаю
 Какъ вы, Трофимъ Степановичъ, какъ другіе
 Поступокъ мой осудятъ.... Будь, что будетъ,
 Но я рѣшилась.... Я непонимала
 Людей, себя, любви моей безумной....
 Опомилась—и все перемѣнилось!
 Прямая страсть не пылъ дѣвочки глухой,

К. II. — Огд. III.

Изъ слезъ и вздоховъ вышитый узоръ,
 Для книжекъ—годный, бесполезный въ жизни!...
 Любовь прямая,—таже добродѣтель,
 Какъ доблесть ратная, какъ сила вѣры,
 Безъ подвиговъ,—пустое хвастовство.
 Любви высокой—нечего стыдиться!...

Я помолилась Богу и рѣшилась!
 Теперь ни что меня неостановить;
 Судьбѣ моей иду на-встрѣчу твердо;
 Предъ Императоромъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ,
 Въ любви моей торжественно сознаюсь....

ДЕНЩИКЪ.

О, Доротея, обними меня!
 И твой Трофимъ любви своей безумной
 Непонималъ. Въ жару горячки страстной,
 Онъ съ призраками ложными боролся....

Что смотришь изумленными очами?
 Повѣрь, когда мнѣ Ермолай Антонычъ
 О счастья неожиданомъ объявилъ,
 Я неумѣлъ, немогъ ему повѣрить....
 Еще сомнѣнья потрясали душу,
 Но ты явилась, ты мнѣ объяснила
 Значеніе любви, мое блаженство....
 Я понялъ рѣчи твоего отца....

ДОРОТЕЯ.

Какія?

ДЕНЩИКЪ, схвативъ ее за руку.

Повтори ихъ, Доротея!
 Дай руку мнѣ! Ты слышишь, какъ тамъ бьется
 Тобой одной пылающее сердце.

(Она хочетъ вырвать руку и отворачивается.)

О, не стыдись! Я непушу тебя!
 Въ объятіяхъ счастливаго Трофима,
 Ты скажешь слово моего спасенья:
 «Люблю», союза душъ глаголь вѣнчальной....

(Страстно обнимаетъ ее.)

ДОРОТЕЯ, вырываясь изъ объятій.

Умилосердитесь, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

Не вырывайся! Ты сама сказала:
 «Любви высокой нечего стыдиться!»
 Брось дѣтскій стыдъ и жаркимъ поцѣлуемъ
 Ты докажи, какъ пламенно ты любишь....

ДОРОТЕЯ.

Не вась, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ, выпускаетъ Доротею изъ рукъ
 въ ужасѣ.

Не меня!...

(Молчаніе.)

ДОРОТЕЯ, приходя въ себя.

О, какъ я непростительно ошиблась!
 Повѣрила я дружбѣ—и попалась!

Нѣтъ, онъ проститъ меня, когда узнаетъ....
 И онъ ошибся.... Можетъ—быть, обмануть....
 Отецъ мой намѣкалъ мнѣ.... Такъ и есть!...
 Онъ вѣрно былъ ужъ здѣсь и обольстилъ
 Надежды благороднаго Трофима....
 Невольно я обидѣла его;
 Убила. Нѣтъ! Онъ мнѣ проститъ, проститъ!

Трофимъ Степанычъ.... Онъ молчитъ, какъ мертвый!
 Простите! Васъ безбожно обманули....

ДЕНЩИКЪ.

Да, обманули....

ДОРОТЕЯ.

Такъ же, какъ и вы....

ДЕНЩИКЪ.

Я? Сказки!

ДОРОТЕЯ.

Дружбѣ вашей довѣряя,
 Я на отчаянный рѣшилась подвигъ!
 Я полюбила Саксе не изъ шутки,
 Не изъ забавы дѣвичьей....

ДЕНЩИКЪ.

Незнаю!

ДОРОТЕЯ.

Два года мы любовь таили нашу,
 Два года мы видались съ нимъ въ окошко,
 И каждый день! Безъ словъ, мы объяснились;
 Безъ словъ, мы поклялись любить другъ друга;

Но развѣ клятва тайная не клятва?
 Вы помните, въ ужасный день сговора,
 Несчастье тайну вывело наружу....
 Онъ самъ не зналъ. ..

ДЕНЩИКЪ.

Да мнѣ какое дѣло?

ДОРОТЕЯ.

На васъ моя послѣдняя надежда

ДЕНЩИКЪ, про себя.

(Плохая!..)

ДОРОТЕЯ.

Саксе мой вполне невиненъ;
 Большой Орелъ лишилъ его разсудка;
 Насильно пить заставили его.
 Онъ не убилъ Карре, а только ранилъ;
 И то совсѣмъ безъ умысла, случайно....
 И судъ несмѣлъ признать его убійцей,
 Но и несмѣлъ помиловать вполне.
 Карре здоровъ, Карре ему прощаетъ....
 За что же площадная казнь, Сибирь?!

ДЕНЩИКЪ.

И это дѣло не мое; не знаю!

ДОРОТЕЯ.

Не знаешь? Ну, такъ знай, что Императоръ
 Законъ не писанный, законъ Господній,
 Ущедрится Господнимъ милосердьемъ,

(Вынимаетъ бумагу.)

Когда прочтеть прошенье Доротеи...

ДЕНЩИКЪ, про себя.

О, Боже мой, какъ чудно хороша!

Во весь соблазнъ свой облачился дьяволъ.
И страждущимъ очамъ моимъ предсталъ!
Нѣтъ, ты моя, во что бы то ни стало!

ДОРОТЕЯ.

Вотъ я за чѣмъ пришла, Трофимъ Степанычъ!
Я думала: ты облегчишь мнѣ доступъ
Къ Его Величеству; укажешь время
И мѣсто, гдѣ увидѣть Государя...

ДЕНЩИКЪ.

И не ошиблись! Я почту за гоноръ
Его Величеству прошенье ваше
Подать собственноручно, персонально.
Пожалуйте бумагу роковую!
Его Величество теперь Одинъ.
Сейчасъ, быть-можетъ, прочитаетъ просьбу
И резолюцію Свою положить.

ДОРОТЕЯ, отдавая просьбу.

О, поддержи меня, Трофимъ Степанычъ!
Ты въ этомъ дѣлѣ былъ и самъ свидѣтель;
Ты можешь пояснить и подкрѣпить
Мои слова....

ДЕНЩИКЪ, выхватывая просьбу.

Я радъ стараться!

(Уходитъ во внутренніе покои.)

ДОРОТЕЯ, опускаясь на колѣни.

Боже

Всевидащій! Словъ несыщу молиться!
Но на-сердцѣ кровавыми чертами
Написано моленье Доротеи....
Возри, умилосердись и помилуй!

(Падаетъ ницѣ.)

АБРАМЪ *входитъ.*

Проклятая курьерская тележка!...
Да и дорога отъ Москвы подь стать....
Бока болятъ, какъ будто былъ подь палкой....

(Увидавъ Доротею.)

А это кто? Просительница, что ли?
Сударыня, позвольте вамъ помочь....

(Доротея, съ помощію Абрама, поднимается.)

**ДЕНЩИКЪ, выходя изъ внутреннѣхъ по-
коевъ.**

Абрамка! Одѣваться Государю!

(Абрамъ беретъ приготовленное платье и уноситъ.)

ДОРОТЕЯ

Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

Тише, Доротея!

Богъ милостивъ! Я подалъ вашу просьбу.
Его Величество прочтетъ все вмѣстѣ
Съ судебнымъ приговоромъ.—До свиданья!

ДОРОТЕЯ.

О, добрый другъ! Цѣлую ваши руки,
Колѣни обнимаю, помогите!

ДЕНЩИКЪ.

Оставьте, Доротея Ермолавна!

ДОРОТЕЯ.

Вы сердитесь, Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

Нѣтъ!

ДОРОТЕЯ.

И не за что! Конечно, послѣ Саксе,
Нѣтъ человѣка.... Больше, чѣмъ отца,
Я уважаю васъ, Трофимъ Степанычъ!
Я удивляюсь вамъ, благоговѣю....
Но—двухъ любить—пока я не умѣю,
Лукавить—тоже. Я сказала правду!
Незнаю, что вамъ говорилъ отецъ мой....
Я, можетъ-быть, невольно оскорбила
Святое чувство.... Я горжусь тѣмъ чувствомъ:
Оно мое.... Оно меня поддержитъ....
Великодушіе вѣнецъ мужчины....

ДЕНЩИКЪ.

Пора вамъ, Доротея Ермолавна,
Итти домой.... Застанутъ васъ въ передней;
Въ дурную сторону перетолкуютъ;
Предайтесь милосердію Государя....

ДОРОТЕЯ.

Простите! Я иду....

ДЕНЩИКЪ.

Простите, съ Богомъ!

ДОРОТЕЯ.

Вы навѣстите насъ, Трофимъ Степанычъ?!

ДЕНЩИКЪ.

Придетъ пора.... зайду.....

ДОРОТЕЯ

Такъ до свиданья!

ДЕНЩИКЪ, *проводивъ Доротею глазами,
передается смѣху.*

О, какъ хитро аптекарское племя!
Какъ сатана, и ластится и вьется;

Сквозь слезъ блеститъ лукавая улыбка
И глазки мечутъ пламенные взоры!

Искусно сочинили заговоръ:

Какъ простяка Трофима одурачить!

Какъ въ баснѣ обезьяна, ты хотѣла

Моими лапами таскать каштаны!...

Удастся, хорошо, а не удастся —

Держать меня въ резервѣ, кандидатомъ....

Лукавая! Искусно въ челобитной

Исторію ты прописала Саксе,

И если бы прочли твое прошенье,

Кругомъ бы оправдали капитана.

Нѣтъ, завтра!... Саксе твой на плахѣ ляжетъ;

Въ Сибирь пойдетъ,—а кандидатъ запасный,

Трофимъ, не дастъ глазамъ твоимъ обсохнуть;

Къ вѣнцу тебя, какъ плѣнницу, потащитъ!

.
Я буду мстить, я буду мстить жестоко.

И я не промахъ! Ловко вырвалъ просьбу;

(Вынимаетъ бумагу.)

Вотъ, вотъ оно коварное писанье!
 Не допустилъ я хитрой Доротеи
 Къ Его Величеству! Не отдалъ просьбы!
 Я обманулъ тебя....

(Смѣшавшись.)

Но, Боже мой,
 Не обманулъ ли я и Государя?!..

(Въ ужасѣ отирался.)

Холодный потъ.... Что это такъ темно?...
 Докликаться я немогу разсудка....
 Любовь и месть, какъ зайцы, разбѣжались....
 Сплю, что ли я?

Увы! Нѣтъ, то не сонъ.

Нѣтъ никого, а я, какъ ракъ, краснѣю,
 И волосъ по лбу ходить ходуномъ,
 И слиткомъ олова упало сердце....

Гдѣ тотъ Трофимъ, что въ шутку не божился;
 Честное слово чтить своей присягой;
 На этомъ словѣ Кремль сулилъ пострѣить?!.

Желчь лжи въ устахъ... Уподленное сердце
 Въ пустой груди щелохнуться несмѣть...

Гдѣ двадцать лѣтъ моей отродной службы?
 Въ одно мгновеніе, какъ прахъ, сгорѣли....
 Ихъ оставы торчатъ на пепелищѣ.

Я захотѣлъ насильно быть любимымъ!
 Я собственнаго чувства неуважилъ
 Въ скудельномъ сердцѣ дѣвушки невинной....
 Я мстить хотѣлъ!... За что я мстить хотѣлъ?...
 Смѣшно и стыдно!...

О, зачѣмъ такъ чудно

Такъ соблазнительно она прекрасна,
 Очаровательная Доротея?
 Отдать ее?.. Разстаться съ цѣлью жизни?..
 На вѣки овдовѣть?..

(Съ насмѣшкой.)

Вотъ тутъ и жертва!

Вотъ тутъ надъ страстью торжество разсудка...
 Все это слышалъ я, читалъ и въ книгахъ,
 Но не могу рѣшиться, хотъ зарѣжьте!
 Ужъ развѣ вылечать меня лекарствомъ,
 А Блументрость ножемъ мнѣ сердце выйметъ...
 Ужъ развѣ мнѣ самъ Государь прикажетъ....

Что? Государь? Глаза Его на мнѣ!
 Вонзились въ душу огненные взоры. ..
 Читаетъ душу.... я пропалъ.... Читаетъ!...

«А гдѣ Трофимъ доврѣе мое?»

Ухъ, лихорадка!

«Слухъ Мой для несчастныхъ»

«Всегда отверзтъ. Ты заслонилъ Мой слухъ!»

«Ты двадцать лѣтъ, бездѣльникъ, притворялся...»

«Ты двадцать лѣтъ обманывалъ Меня!»

Я помѣшаюсь! Пытка не допросъ!

«Ты спряталъ челобитную какъ воръ!»

«Трофимъ! Поди сюда! Поддай бумагу!...»

(Бѣжитъ къ дверямъ.)

Вотъ, вотъ она, Великій Государь!

(Абрамъ отворяетъ дверь и останавливается почтительно.)

Его Величество сейчасъ выходитъ....

ДЕНЩИКЪ, у самыхъ дверей, упавъ на колѣни, подавая просьбу на-встрѣчу Государю и опустивъ голову:

Помилуй недостойнаго Трофима!

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Декорация перваго акта.

АПТЕКАРЬ, ЖЕНА ЕГО и ДОЧЕРИ.

АПТЕКАРЬ съ шейнымъ платкомъ въ рукахъ.

Плакида Львовна! Вы плохая прачка!

Не мыломъ вымыли, а гуммигутомъ....

Пожалуйте, другой подайте галстухъ!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Тотъ весь въ дырахъ!

АПТЕКАРЬ.

Такъ можно бы заштопать;

А въ этомъ, право, совѣстно явиться

Предъ публикумъ порядочный.... Булавку!—

(Надѣвая галстухъ.)

Агата! Дай парикъ съ большимъ тупеемъ!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, подавая булавку.

Куда вы это, Ермолай Антонычъ,

Парадно такъ собираетесь?...

АПТЕКАРЬ.

Куда?

Вы очень знать хотите?...

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Все равно.

АПТЕКАРЬ.

А если все равно, так потрудитесь.
Пожалуйте мнѣ бархатный камзолъ
И съ лацканами черную венгерку....
Чтожь, Доротея, ты не помогаешь?...

ДОРОТЕЯ.

А я все жду, что батюшка прикажетъ?...

АПТЕКАРЬ.

А ты подай мнѣ шляпу, парасоль,
Сморкательный платокъ и табакерку.

(Одъваясь.)

Что, не бываль еще Трофимъ Степанычъ?

ДОРОТЕЯ.

Нѣтъ, не бываль! Я жду его сама...

АПТЕКАРЬ.

Ты развѣ invitaцію послала?

ДОРОТЕЯ.

И безъ меня, услужливые люди
Уже нашлись....

АПТЕКАРЬ.

Извольте помолчать!

ДОРОТЕЯ.

Извольте, я молчу.

АПТЕКАРЬ.

Ты, Доротея,

Еще глупа. И дѣло доказало,
Что въ женихахъ ты ничего не смыслишь....
Влюбилась въ дуэлиста, въ мародера!
Вчера Трофимъ Степаныча хвалила,

А ужь сегодня ты опять бунтуешь?...
Ну что-жь, Трофимъ Степанычъ не хорошъ?
Изволь мнѣ отвѣчать!...

ДОРОТЕЯ.

Хорошъ....

АПТЕКАРЬ.

Ну, то-то!

Какіе-жь ты нашла въ немъ недостатки?

Извольте отвѣчать мнѣ!...

ДОРОТЕЯ.

Ни какихъ.

АПТЕКАРЬ.

Ну, то-то же!... Зачѣмъ ты въ черномъ платьѣ?

ДОРОТЕЯ.

Цвѣтъ горести—мой Саксе осужденъ....

АПТЕКАРЬ.

Твой Саксе?... Это по какому праву?

ДОРОТЕЯ.

По праву сердца. Исполняя волю
Родителя, я замужъ шла за Гове;
Прикажете, пойду за Фердинанда; —
Но ужь любить я никого не буду....

АПТЕКАРЬ.

Ну, это мы увидимся! А трауръ
Мнѣ непріятенъ.

ДОРОТЕЯ.

Я переодѣнусь!

На голову я приколю цвѣты....
А дѣвухекъ въ цвѣтахъ вѣдь и хоронятъ....

АПТЕКАРЬ, *ильжнфе.*

Ты, кажется, ужъ хочешь умирать,

ДОРОТЕЯ.

Мнѣ, право, все равно. И лучше смерть,
Чѣмъ мучиться съ немилымъ человѣкомъ.

АПТЕКАРЬ *ильжно.*

Фи, Доротея, какъ тебѣ не стыдно!
Я вашу матушку любилъ ужасно;
Какъ умерла, я цѣлый день проплакалъ,
Грустилъ съ полгода.... Но благоразумье
Свое взяло.... И вотъ съ Плакидой Львовной
Лѣтъ десять мы въ супружескомъ альянсѣ,
И, кажется, живемъ себѣ согласно....
И ты, мой другъ любезный, Доротея,
Не унывай!

ДОРОТЕЯ.

Нѣтъ, я не унываю:
Есть Богъ, есть справедливый Государь!
Помилуетъ невиннаго и Саксе....

АПТЕКАРЬ.

Ну, это.... отложите попеченье....
Спасибо, что напомнили. Пора!

(Взглянувъ на часы.)

Шесть, меньше пять минутъ.... Я опоздаю!

(Отводитъ Плакиду Львовну въ сторону, тихо.)

Плакида Львовна! Я въ послѣдній разъ
Напоминаю вамъ о дисциплинѣ!
Все это ваши балы, ассамблеи,
Визиты, моды, свѣтскіе дискурсы....
Прошу васъ никакихъ такихъ зигзаговъ!...
Пожалуйте, ученій шамбелланскихъ

Вы въ голову дѣвчойкамъ небивайте;
Не то, толочь ребарбарумъ заставлю!

(Громко.)

Прощайте, милый другъ, Плакида Львовна!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Дай Богъ успѣха, Ермолай Антонычъ!

АПТЕКАРЬ.

Прощайте, дѣти! Будьте веселѣ!
Все кончится сегодня.... До свиданья!...

(Уходитъ.)

ДОРОТЕЯ.

Все кончится сегодня! Онъ спѣшитъ,
Бойтся опоздать; куда такъ рано?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Чуть свѣтъ сегодня аудиторекій писарь
Въ аптеку приходилъ и съ нимъ шептался.
«Сегодня?»—«Да, сегодня, въ шесть часовъ...»
Вотъ только, что мнѣ удалось подслушать.

(Часы играютъ.)

ДОРОТЕЯ.

Шесть бьетъ! Пойдемъ за нимъ! Мы опоздаемъ!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Куда?

ДОРОТЕЯ.

На площадь! Мы найдемъ! Незнаю,
Куда....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

О, Доротея, успокойся!

Нашъ Ермолай Антонычъ очень часто
Уходитъ въ шесть часовъ, и даже раньше,
Изъ любопытства или по дѣламъ....
Сего дня же молебствіе въ Кремль....
Полки въ походъ персидскій выступаютъ.

ДОРОТЕЯ.

Изъ любопытства! Очень любопытно
Взглянуть, какъ двухъ враговъ его казнятъ....
Пускай глядитъ, но я должна, мнѣ надо...
Тамъ ровно никого при немъ небудетъ....
Кто отъ стыда его собой закроетъ?
Кто слово утѣшенія шепнетъ?
Заплакать и молиться—кто поможетъ?!..

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Ужь это черезъ—чуръ! Ты опозоришь
Семейство наше пассіей публичной!
Пусть дома! Плачь и въ обмороки падай!
Что можно здѣсь, того нельзя при всѣхъ.
Пожалуй, ты еще,—какъ Агрипина,
Невѣста Фильки, Кашинскаго вора, —
Махнешь за нимъ въ тележку и въ Сибирь!....

ДОРОТЕЯ.

Какъ это можно! Нѣтъ, Плакида Львовна!
Я до любви такой недоросла!
Завидую великой Агрипинѣ;
А подвигу дивлюсь и покланяюсь.
Я думаю, вся площадь хохотала
И сумасшедшей звала Агрипину?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Извѣстно, сумасшедшая!

ДОРОТЕЯ.

Напрасно!

Она не вора, жениха любила;
Она клялась судьбу съ нимъ раздѣлить,
И славно, героиней раздѣлила!
Богатство, радости семейной жизни
Дѣлить легко; но холодъ, голодь, жажду....
Поть отирать; тихонько кандалы
Приподнимать заботливой рукою;
Когда кругомъ стыдъ горькій, словно ливень,
Бьетъ даже и виновнаго страдальца,—
Есть хоть одно живое существо,
Кому въ глаза смотрѣть онъ смѣло можетъ,
И передъ кѣмъ трепещущая совѣсть
Хоть на минуту можетъ отдохнуть....
Зачѣмъ я немогу быть Агрипиной!

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

По глупости, пожалуй, ты готова....

ДОРОТЕЯ.

Куда мнѣ, бабочкѣ, взлѣтѣть орлицей!
Да и до этого еще далече....
Есть Богъ, есть справедливый Государь....

(*Оглядываясь, тихо.*)

Несчастіе какъ будто преступленье!
И отъ несчастнаго, какъ отъ чумы,
Друзья подальше; сторонячь родные....
Трофимъ Степанычъ не идетъ; Карре
Самъ вызвался подробно разузнать
И рассказать,—и вотъ пропала безъ вѣсти!...
Сестра молчитъ.... Плакида Львовна ходить,
Какъ няня за ребенкомъ.... Что-нибудь

Туть есть.... Боятся мнѣ сказать.... Узнаемъ?
Агата!

(Протягиваетъ ей руку, Агата бросается къ ней и заливается слезами.)

А тебѣ чего же плакать?
И мнѣ ужъ эти слезы надоѣли....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, лаская ее.

Вотъ умница! Съ твоею красотой,
Съ твоимъ умомъ найдешь ты жениха,
Не твоему чета! Сказать примѣрно,
Вотъ Тимоѣй Леонтьевичъ Тузловъ....
Амуровъ книжныхъ я непонимаю;
По-моѣму, такого жениха
Со свѣчкой не найдешь; дворець, не домъ....

АГАТА.

А вы, маманъ, видали?...

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА, грубо Агаты.

Не съ тобой
Я говорю (*Доротея*). Ты заживешь по-царски:
Сегодня въ бархатъ, въ атласъ завтра!
Въ брабантскихъ кружевахъ, въ брильянтахъ, камняхъ
И жемчугахъ не будетъ недостатка....

ДОРОТЕЯ.

Да самъ онъ, кажется, меня не любить....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

О, что ты! Безъ ума въ тебя влюбленъ.
Теперь бѣдняжку выгнали на службу;
Неможетъ самъ, такъ каждый Божій день
Все засылаетъ тайно конфидана....

ДОРОТЕЯ.

Зачѣмъ?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

За справкой о твоёмъ здоровьи....

ДОРОТЕЯ.

А я объ этомъ ничего не знала.

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Ну, извини! Я подойти боялась....
Ты въ пассии могла бы разсердиться;
Дуракъ бы мой услышалъ—и бѣда....

ДОРОТЕЯ.

Нѣтъ, тайны я скрывать давно умѣю,
А тутъ еще есть личный интересъ...
Такъ передайте-жъ мнѣ, Плакида Львовна,
Что конфиданъ вамъ сказывалъ?...

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Вотъ видишь,
Мой ангелъ.... Нѣтъ, ты очень непокойна!...

ДОРОТЕЯ.

О, нѣтъ, напротивъ! Правда, жребій Саксе
Меня тревожить. Если-жъ я узнаю,
Что я рѣшительно его лишилась,
Что онъ ужъ сосланъ....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Кажется, сегодня
Его сошлютъ.... Сосѣдка присылала
Просить платка въ займы.... Зачѣмъ? Хотятъ
На экзекуцію сходить.... Какую?...

(Барабанный бой; Доротея съ крикомъ бросается впередъ.)

ДОРОТЕЯ.

Бьютъ сборъ! Зовутъ! Народъ на казнь скликаютъ!
Да перестаньте! Слышу, слышу, слышу!

*(Бьжитъ и встрѣчается съ Карре;
схвативъ его за руки.)*

Ну, говори, не мучь меня!.. Сослали?...
Я не успѣю, что ли? Говори же!..

КАРРЕ.

Навѣрное незнаю. Говорятъ....

ДОРОТЕЯ.

Не лги, не надо! Я сама все знаю....

(Убьгаетъ въ спальню.)

АГАТА.

Сестра!...

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Петроць! Пусть выплачется въ спальнѣ;
Пусть даже захвораетъ, не бѣда;
Страсть дѣвичья, что́ оспа; поломаеть,
Пройдетъ; за то ужъ послѣ непрестанеть.... *(Карре).*
А что же тамъ такое говорить?

*(Доротея выходитъ въ мантиль и
прислушивается къ словамъ Карре.)*

КАРРЕ.

Что приговоръ судебный утвержденъ,
И будто бы сегодня поутру,
Въ Нѣмецкой-слободѣ, за южнымъ валомъ...

ДОРОТЕЯ.

Въ Нѣмецкой-слободѣ, за южнымъ валомъ?...
О, это не далече, я успѣю.... *(Хочетъ итти.)*

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Куда ты, Доротея?

АГАТА.

Доротея,

Одумайся!

*ДОРОТЕЯ возвращается, и взявъ за руку
Агату.*

Одумайся, Агата!

Припомни, какъ любовь тебя терзала
Надъ опаранымъ Карре! Припомни,
Какъ ты спастись не позволяла Саксе....
Ты помнишь? Такъ прости же Доротеѣ,
Когда я отдаюсь на волю сердца....
Онъ за меня несчастный пострадалъ....
Любовь ко мнѣ разсудокъ побѣдила;
Онъ честь принесъ на жертву Доротеѣ....
За что въ Сибирь идетъ онъ? За меня!
Онъ, можетъ-быть, преступникъ предъ закономъ;
Но предо мной, его вина—заслуга....
Законъ пускай казнить, но Доротея
Свой счетъ должна свести—и заплатить
Любовью за любовь, за жертву жертвой!
Прости, сестра и нареченный братецъ!
Дай Богъ вамъ счастья!

Плакида Львовна,

Какъ васъ благодарить за Агришину?

Вы дали крылья сердцу моему....

Я вспомню васъ на роковой тележкѣ;

Въ Сибири—я за васъ молиться буду!..

(Взявъ Плакиду Львовну и сестру за руки.)

Ну, смѣйтесь же надъ счастьемъ Доротеи!

Кричите: сумасшедшая!.. Прощайте!..

(Убьгаетъ.)

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

И въ правду сумасшедшая! За ней!
Не то, убьетъ насъ Ермолай Антонычъ....

(Всѣ поспышно уходятъ; декорация перемѣняется.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ улицу въ Пѣмецкой-свободѣ, которая упирается въ земляной валъ временнаго укрѣпленія съ воротами. У воротъ двое часовыхъ; Тузловъ и другой.

ТУЗЛОВЪ.

Да, это, чортъ возьми, не аркебузъ,
А пушка; я руки совсѣмъ не слышу;
А на плечѣ, я думаю, синякъ....

ЧАСОВОЙ.

Э, ничего, товарищъ! Оботрется
Плечо, присохнетъ, и къ ружью привыкнетъ.

ТУЗЛОВЪ.

Молчи, холопъ!

ЧАСОВОЙ.

Небудь я на часахъ,
На службѣ Царской, я тебя, пшеничникъ,
За валъ бы этотъ вышвырнулъ, какъ кошку!
Вотъ только дай, придетъ капраль со смѣной,
Такъ я тебя по-своему начну
Политикъ учить.... Болтай съ оглядкой!...
На службѣ и холопу не груби,
А ужъ дворянъ я научу какъ трогать....

ТУЗЛОВЪ.

Ты развѣ дворянинъ!

ЧАСОВОЙ.

Теперь солдатъ,

А вотъ придемъ въ казармы, разочтемся....

ТУЗЛОВЪ.

Ей-Богу я не зналъ, что дворянинъ....
Пожалуй не сердись! Съ досады молвилъ...
Дай руку....

ЧАСОВОЙ.

Тутъ не балъ, не ассамблея;
Тутъ руки для ружья, не для привѣтствій.
Держалъ бы ты ружье по артикулу!
Тутъ улица; въ окошко офицеры
Увидѣть могутъ; попадешь подъ штрафъ;
Не въ очередь заставятъ муштроваться....

ТУЗЛОВЪ.

Ахъ, Господи! И такъ довольно мучать....
Такъ мы съ тобой товарищи въ несчастьи?

ЧАСОВОЙ.

Въ какомъ несчастьи? Развѣ ты родня
Полковнику иль капитану?

ТУЗЛОВЪ.

НѢТЬ!

Я очень радъ, что этихъ забіякъ
Сегодня порѣшатъ....

ЧАСОВОЙ.

А мнѣ такъ жаль,
Не Бодевина, нѣтъ! Полковникъ много
Извелъ людей и такъ, и на дуэляхъ....

Охотникъ драться! Всѣ въ полку довольны.
 Но капитанъ.... Никто непонимаетъ,
 Какъ этотъ благородный человѣкъ,
 Отличный офицеръ, любезный, кроткій,
 Въ исторію заторную попалъ....

ТУЗЛОВЪ.

Ужъ вѣрно безъ причины незасудятъ....

ЧАСОВОЙ.

Конечно! Все сегодня объяснится,
 Когда прочтутъ сентенцію виновнымъ.

ТУЗЛОВЪ.

А развѣ приговоръ еще не гласенъ?

ЧАСОВОЙ.

У Государя. Все готово къ казни;
 Преступниковъ ужъ привезли сюда;
 И батальонъ съ развѣта подь ружьемъ....
 Ждутъ конфирмаціи.

ТУЗЛОВЪ.

Скажи, товарищъ,

За что, братъ, ты разжалованъ въ солдаты?

ЧАСОВОЙ, съ изумленіемъ.

Разжалованъ? Я не былъ офицеромъ....
 Мнѣ отъ роду невступно двадцать лѣтъ;
 Вотъ пятый мѣсяць я уже солдатомъ;
 Вчера на муштрахъ говорилъ полковникъ,
 Что по шестому мѣсяцу въ капралы
 Произведутъ. Я круглый сирота;
 Всѣмъ дядя заправляетъ; онъ хотѣлъ,
 Чтобъ я по канцеляріямъ служилъ.
 —«Отъ глухой пули, говоритъ, подальше....»

Я разсердился и ему отвѣтилъ:

«По волѣ Божіей летаетъ пуля;
 «Ну, а перомъ подъяческая воля,
 «Да хитрая просителева дѣньга,
 «Крючки выводятъ. Кровь, а не чернилы,
 «Хочу за Государя проливать!

«Последней капли я непожалбю!»

Тутъ дядюшкѣ я низко поклонился;
 Пошелъ, какъ подобаетъ дворянину,
 Въ Коллегію, въ солдаты записался,
 И вотъ служу, дай Богъ Царю здоровье!
 Произведутъ потомъ и въ офицеры;
 А тамъ и въ капитаны. Не убьютъ,
 Такъ мы и въ генералы заберемъ....

Тутъ ксгати подвернулась и война;
 Я подальъ ужъ и просьбу въ волонтиры....

ТУЗЛОВЪ.

По мнѣ перо и птыкъ для дворянина
 Не по натурѣ; надо ли сражаться,—
 Я за себя могу другихъ поставить;
 Писать—могу нанять Секретаря....

ЧАСОВОЙ.

Ну, этотъ гусь для службы негодится!

(Марѳа Власьева съ Савишной и
 Федькой входятъ; за ними толпа
 народа.)

МАРѢА ВЛАСЬЕВНА.

Ну, знатные московскіе порядки!
 По улицамъ драгуны и рогатки....
 Изъ колымаги высадили всѣхъ;
 Изволь пѣшкомъ!—Да вѣдь боярамъ грѣхъ
 Ходить пѣшкомъ!....—«Намъ до бояръ нѣтъ дѣла!—»
 Я и ругнуть порядкомъ неусиѣла.

Куда! Смотрю: парадный шестерикъ
 За полверсты драгуны отогнали;
 Ни мой, ни Савишны не помогаетъ крикъ;
 Напрасно мы имъ хоромъ прокличали
 Всю родословную Тузловыхъ; не беретъ!
 Какъ будто омутомъ насъ потащилъ народъ....
 Измяли фижмы, шлейфъ мнѣ оборвали....

Чай, головы безъ насъ ужъ снимали;
 Вся церемонія, чай, отошла....
 Гдѣ Савишна?...

САВИШНА, *осматривая часовыхъ, съ удивле-
 ніемъ тихо боярынь:*

Тимошу я нашла!
 Когда не онъ, такъ ужъ похожъ двѣ капли....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ей—Богу онъ! Боюсь не обознаться!
 Не ужъ-то онъ? Эй, Федька, подойди!
 Взгляни ты въ рыло этому солдату....

ФЕДЬКА, *почесываясь, тихо:*

Хорошъ сурпризъ! Напрасно мы скрывали,
 И хвастали, что, только для проформы,
 Живемъ въ казармахъ, впредь до производства....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ну, что-жъ ты не идешь?

ФЕДЬКА.

Я пораженъ
 Ужаснымъ сходствомъ этого солдата
 Съ Его Сіятельствомъ.

МАРФА ВЛАСЬЕВНА,

Ступай, болванъ,
 Да разузнай, какъ слѣдуетъ, докладно....

*(Федька подходит къ Тузлову; шеп-
 чутся.)*

Подумаю, такъ жалость и беретъ;
 Стоитъ бѣдняга подъ открытомъ небомъ;
 Ненастье, вѣтеръ, дождикъ.... Чай, не ѣлъ
 Еще сегодня.... Савишна, взяла ты
 Слоеныхъ пирожковъ?...

САВИШНА.

Есть, въ колымагѣ....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Проклятые драгуны!... Безъ съѣтнаго
 И безъ питейнаго мы все остались!

(Федька.)

Ну, что, ты разузналъ?

ФЕДЬКА, *возвращаясь, тихо:*

Нѣтъ, то не графъ!

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ну, слава тебѣ Господи! Спасибо!

АПТЕКАРЬ, *входитъ.*

Ну вотъ и валъ! Что это, не пускаютъ?
 Ворота заперты и часовые
 Стоять?... Позвольте, господинъ солдатъ!

ЧАСОВОЙ.

Невѣрно!...

АПТЕКАРЬ.

Я Ермолай Антонычъ

Грегориусъ....

ЧАСОВОЙ.

Съ чѣмъ васъ и поздравляемъ.

АПТЕКАРЬ.

На экзекуцію иду....

ЧАСОВОЙ.

Поздненько....

АПТЕКАРЬ.

Какъ? Все ужъ кончилось?...

ЧАСОВОЙ.

Не начиналось!

Да черезъ-чуръ прошло народу много;
Такъ оберъ-полиц-мистеръ приказалъ
Ворота запереть....

АПТЕКАРЬ, вынимая деньги.

Вотъ три алтына;

На водку пригодится....

ЧАСОВОЙ.

А тебѣ

На пиво. Спрячь! Да отойди подальше!
Не то, чтобы ружьемъ не оцарапать....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Такъ церемоніи мы не увидимъ?

АПТЕКАРЬ.

А, Марфа Власьевна, мое почтенье!...

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

И мой респектъ вамъ, Ермолай Антонычъ!
Вотъ вы съ моимъ Тимошинькой друзья;
Взгляните-ка на этого солдата....

ДЕНЩИКЪ.

АПТЕКАРЬ.

А, Тимошей Леонтьичъ на часахъ!
Какое счастье! Онъ меня пропуститъ....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Тимоша на часахъ!

(Бросается къ нему.)

ТУЗЛОВЪ.

Не подходите!

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Поди ко мнѣ, Тимошинька!

ТУЗЛОВЪ.

Нельзя!

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ты эту пушку Федькѣ передай!

Пускай стоитъ онъ на часахъ, покуда.

ТУЗЛОВЪ, съ важностью.

Нельзя! Не онъ, а я—почетный стражъ,
Для церемоніи сюда поставленъ!...

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ видишь что! А я непоняла.

Ну подойди-жь, Тимошинька, ко мнѣ!

ТУЗЛОВЪ.

Нельзя, мамань! На службѣ....

МАРФА ВЛАСЬЕВНА.

Ну, ужъ служба!

И къ матери родной не подходи....

САВИШНА.

Тимошинька!

ТУЗЛОВЪ.

Пошла ты, баба, прочь!

САВИШНА.

Какъ бѣднаго Тимоху развратили!
И няни-то своей признать не хочетъ.

АПТЕКАРЬ.

Что вижу? Доротея!...

ДОРОТЕЯ выбѣгаетъ и, оторопѣвъ, останавливается.

Мой отецъ!

АПТЕКАРЬ.

Какъ вы, сударыня, сюда попали?

ДОРОТЕЯ, про себя.

Что дѣлать? Притвориться или правду
Сказать ему?

АПТЕКАРЬ.

Извольте отвѣчать!...

ДОРОТЕЯ.

Не принуждайте, батюшка, къ отвѣту!
Я немогу вамъ истины сказать,
И некогда.... И такъ ужъ опоздала....

АПТЕКАРЬ, схвативъ ее за руку, тихо:

Куда?

ДОРОТЕЯ.

Къ нему!

АПТЕКАРЬ.

На плаху?...

ДОРОТЕЯ.

Нѣтъ, въ тележку!...

АПТЕКАРЬ.

Ну, а потомъ?...

ДЕНЩИКЪ.

ДОРОТЕЯ.

Ну, а потомъ.... въ Сибирь!...

АПТЕКАРЬ.

Которая въ Нѣмецкой-слободѣ,
У Ермолай Антоныча въ подвалѣ....

(Таща ее въ сторону.)

Теперь изволь отцу повиноваться!
Стой возлѣ смирно, и благопристойно!
Рукой ни шагу! На меня смотри!

ДОРОТЕЯ, вырывается.

Пустите!

АПТЕКАРЬ.

Цыцъ!

ДОРОТЕЯ.

Хоть дайте мнѣ проститься,
Взглянуть, благословить и умереть!

АПТЕКАРЬ.

Ты капитану ни отецъ, ни мать;
Благословятъ его и безъ тебя,
А умереть потомъ еще успѣешь....

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА выбѣгаетъ съ Агатой и Карре.

Ловите! Вотъ она! Уже поймали!
Не далеко-жъ уѣхала ты съ Саксе!

АПТЕКАРЬ.

Плакида Львовна, глотку на замокъ!
Предъ публикумъ шкандалъ не оглашайте!...

*(Денщикъ, со свиткомъ бумаги и
шпагой въ рукъ, проходитъ въ воро-
та.)*

ДОРОТЕЯ.

Трофимъ Степанычъ!

АПТЕКАРЬ.

Смирно!

ДОРОТЕЯ.

Помогите!

Ушелъ и этотъ!... Всѣ противъ меня!

Ножа, веревки, яду не дадите,

Я съ голода умру....

*(Раздается за воротами тихій ба-
рабанный бой.)*

Что это?

АПТЕКАРЬ.

Тише!

Сентенцію читаютъ! Не шумите,

Авось услышимъ.

(Всѣ слушаютъ. Молчаніе.)

МАРГА ВЛАСЬЕВНА, прислушиваясь.

Ничего неслышу!

ДОРОТЕЯ.

А я такъ слышу.... *(Вырывается.)* Вотъ теперь прощайте!

*(Бьжитъ къ воротамъ; они отво-
рются, оттуда выбьгаетъ Саксе.)*

Га! Здравствуй Саксе! Я совсѣмъ готова!

Эй! Гдѣ тележка! Ёдемъ поскорѣе!

САКСЕ.

О, дайте мнѣ опомниться! Я слѣпъ!

Отъ радости я никого не вижу....

Я не ослышался? Нѣтъ! Я прощенъ!

ДОРОТЕЯ.

Прощень!

*(Падаетъ безъ чувствъ на руки Пла-
киды Львовны и Агаты.)*

ВСѢ.

Прощень!

АПТЕКАРЬ.

Совсѣмъ? О, быть не можетъ!

САКСЕ, обнимал Аптекаря.

И вы здѣсь, добрый Ермолай Антонычъ?

АПТЕКАРЬ.

И я здѣсь.... Мы васъ очень поздравляемъ....

САКСЕ, обнимал Карре.

Ты живъ, Карре, здоровъ? Ты мнѣ простилъ?...

КАРРЕ.

Не стыдно-ль, капитанъ?

САКСЕ.

Но гдѣ же та, кому

Я честью, волей, жизнію обязанъ?

Гдѣ Доротея?

АПТЕКАРЬ, Плакидъ Львовнъ.

Что онъ тамъ болтаетъ?

ПЛАКИДА ЛЬВОВНА.

Отстаньте! Тутъ спрашивать не мѣсто....

САКСЕ, обратясь къ Доротей:

Спасительница, ангелъ мой хранитель!

ДОРОТЕЯ, *приходя въ себя, плачетъ и
смѣется.*

Не я.... не я.... Васъ спасъ.... Трофимъ Степанычъ!

АПТЕКАРЬ.

Трофимъ Степанычъ!... Всѣ съ ума сошли!

Я ничего со всѣмъ непонимаю!

ДОРОТЕЯ.

Что-жь мы не молимся! Въ избыткѣ счастья

Мы забываемъ Бога.... На колѣни!

(*Вся семья Ермолая Антоныча, кроме его самого, преклоняетъ колѣна.*)

АПТЕКАРЬ, *про себя.*

Держу парй на шесть бутылокъ пива,
Тутъ что-нибудь не такъ.... Онъ, можетъ-быть,
Помилованъ, но несовсѣмъ прощенъ;
Куда ни естъ въ солдаты, въ гарнизонъ,
Иль штрафъ другой.... Ну, вотъ Трофимъ Степанычъ!
Онъ объяснить....

(*Всѣ встаютъ.*)

ДЕНЩИКЪ, *входитъ.*

Полковникъ Бодевинъ

За буйство головою заплатилъ
И смертію за смерть онъ рассчитался.
Невинность капитана всѣмъ извѣстна.
Любовь, вино, дурной примѣръ и ревность
Разсудокъ на мгновенье помутили;
Но Провидѣнье, въ страшную минуту,
Направило безвредно руку Саксе,
И жизнь Карре чудесно сохранило; —
И—капитанъ прощенъ. Я, по Указу
Его Величества, имѣю счастье
Вамъ возвратить оружье и свободу.
Великій Государь нашъ Императоръ
Изволилъ приказать вручить вамъ шпагу
И передать отцовскій Свой совѣтъ:

*Оружіе употреблять извольте
Не противъ подданныхъ, а противу
Враговъ Его Величества.*

Всѣ.

Ура!

САКСЕ.

Клянусь же этой шпагой, освященной
Безсмертными словами Государя,
Я смою кровь невинную съ нея
Рѣкою вражьей крови,—или самъ
На полъ Русской чести честно лягу!...

АПТЕКАРЬ.

Изрядно сказано и по-шляхетски!

—

Пускай себѣ лежитъ на полъ чести,
А намъ пора домой.—Плакида Львовна,
Агата, Доротея, маршь домой!...

ДОРОТЕЯ, *подбѣгала къ Денщику.*

Трофимъ Степанычъ!

ДЕНЩИКЪ.

Господи помилуй!

ДОРОТЕЯ.

Вотъ этой просьбы.... высказать нѣтъ силы....

ДЕНЩИКЪ.

О! Я теперь читать умѣю въ сердцѣ!

(*Про себя.*)

Ну, другъ Трофимъ! Не урони себя!
Вообрази, что у тебя была
Прекрасная, любимая жена....
Казалось, безъ нея, ты жить не будешь....

Вдругъ.... Божій громъ.... Жена твоя скончалась....
Ты овдовѣлъ!

(Рыдая.)

Трофимъ! Ты овдовѣлъ!

(Всѣ окружаютъ его.)

АПТЕКАРЬ.

Что съ вами, господинъ Трофимъ Степанычъ?

ДЕНЩИКЪ.

Приходится разстаться,—жду сигнала....
Теперь молебствіе къ концу приходитъ;
Вотъ—колоколь торжественный раздастся;
На службу кликнетъ пушка вѣстовая;
Сегодня флотъ подыметъ московскій,
И на Востокъ пойдетъ войной Россія....
Такъ, какъ же я друзей моихъ оставлю?..

АПТЕКАРЬ.

Пойдемъ ко мнѣ! Закусимъ и простимся....

ДЕНЩИКЪ.

А Доротея?

АПТЕКАРЬ.

Я на все согласенъ!

Какъ вы прикажете, Трофимъ Степанычъ,
Я все беспрекословно анпробую....

ДЕНЩИКЪ.

Честное слово?

АПТЕКАРЬ.

Да, пароль д'онеръ!

ДЕНЩИКЪ

Она моя?

АПТЕКАРЬ.

Твоя, Трофмъ Степанычъ!

САКСЕ, *въ отчаяніи.*

Погибъ я!...

ДОРОТЕЯ *Саксе.*

Нѣтъ! Не знаешь ты Трофима!

ДЕНЩИКЪ *беретъ Доротею за руку и, весь дрожа, медленно ведетъ впередъ.*

Не дай Богъ и врагу то испытать,
Что на душѣ моей теперь творится....

(Постоянно больше и больше измѣняющимся голосомъ.)

Гдѣ капитанъ? Возьмите Доротею!

Я уступаю вамъ—мою невѣсту....

АПТЕКАРЬ, *про себя.*

Какъ?... Что?... Попался Ермолай Антонычъ!

И то сказать.... Исторія такъ гласна;
Москва, и безъ того, на трубахъ трубить;
Политика велитъ мнѣ согласиться....

ӨЕДЬКА, *тихо Тузлову.*

Мосье Леконтъ! Гелась!

ТУЗЛОВЪ.

Утѣшься, Өедька!

Да машушку веди отсель скорѣе!

А о потерѣ нечего тужить;

Была бы деньга, а товару много....

(Раздается пушечный выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ трезвонъ, весьма отдаленный.)

ДЕНЩИКЪ, *какъ-будто просыпался.*

Вставай, Трофимъ, вставай съ одра болѣзни!

Ужасная горячка миновалась.

Въ походъ! Въ походъ! Бездомный сирота,
Нѣтъ матери, нѣтъ у тебя сестры;
Кто дастъ тебѣ на путь благословенье?...

О, заступи сестру мнѣ, Доротея!

(Падаетъ предъ нею на колѣни.)

ДОРОТЕЯ, срывая съ шеи крестикъ.

Крестъ матери, единственный клейнодъ,
Моя единственная драгоценность....

*(Поцѣловавъ крестикъ, надѣваетъ его
на Денщика.)*

Напутствуй незабвеннаго Трофима!

КОНЕЦЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МИССЪ МЕРИ.

РОМАНЪ.

Соч. Еженія Сю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

II.

Г-жа Морвиль, возвратясь изъ замка Нуарфѣль, не нашла никакой перемѣны въ быту домашнихъ.

Такъ проходили дни и мѣсяцы...

Учительница жила постоянно возраставшею любовью къ ученицѣ и воспоминаніями о родныхъ и Генрихѣ Дугласѣ, жила въ этомъ маленькомъ мірѣ такъ счастливо, какъ могла быть счастлива вдали отъ милыхъ существъ, оставленныхъ въ Дублинѣ, и твердо переносила послѣдствія злыхъ выдумокъ Пиво-лѣ. Миссъ Мери была слишкомъ горда и великодушна, чтобы жаловаться на нихъ. Прелесть ея слишкомъ подѣйствовала на г-жу Морвиль, которая такимъ-образомъ мало-по-малу вылечи-

лась отъ материнской ревности. Притомъ же лестные отзывы сосѣдей объ успѣхахъ Альфонсины, и искусство и скромность, съ какими миссъ Мери всегда становилась на второй планъ, чтобы выставить достоинства своей ученицы, угодили гордости г-жи Морвиль, и она перестала смотрѣть на молодую Ирландку какъ на соперницу своей дочери.

Миссъ Мери отказывалась всякій разъ, какъ ее приглашали на прогулки по окрестностямъ или на деревенскіе праздники, и уходила въ свою комнату. Она умѣла избѣгать всѣхъ терній своего положенія, и нашла трудную средину между привлекательною кротостью и достоинствомъ, заставляющимъ себя уважать.

Въ началѣ іюня, г-жа Морвиль должна была ѣхать въ Парижъ и привести сына на каникулы. Наканунѣ, отъѣзда, пока Альфонсина помогала ей собирать вещи въ дорогу, г-жа Морвиль весело сказала:

— Способна ли ты не выдать тайну?

— О мамаша, неужели ты сомнѣваешься?

— Ты должна скрыть эту тайну даже отъ миссъ Мери.

— Вотъ это трудно; но отвѣчаю тебѣ, мамаша, что мы двѣ, она и я, не проговоримся.

— По-крайней-мѣрѣ, ни слова папенькѣ. Мы приготовимъ ему сюрпризъ.

— О, въ такомъ случаѣ, будь спокойна!

— Въ прошлую зиму, ты знаешь, насъ приглашали родные и знакомые: мнѣ хочется дать балъ въ тотъ самый день, какъ я ворочусь изъ Парижа съ Жераромъ.... Я уже уговорилась съ Пиволе и садовникомъ... Чудо, что у насъ будетъ! Папенька не долженъ ничего знать объ этомъ... до пріѣзда гостей.

— Ахъ, какъ это прекрасно!

— Мы введемъ Жерара въ его комнату во-время бала, и только тогда онъ увидитъ твой портретъ, который написала миссъ Мери...

— Да это прелесть!

— Но я хочу, чтобъ ты также играла хорошенькую роль на праздникѣ.... Я хочу, чтобъ тобою восхищались, милая Альфонсина.

— Восхищались? Не думай объ этомъ, мамаша.

— Напротивъ, я очень думаю, и горжусь заранѣе впечатлѣніемъ, которое ты произведешь... Послушай: на большомъ вечерѣ у мадамъ Нуарфѣль, дочь ея, Флавія, которая играетъ на фортепіано совсѣмъ не такъ хорошо какъ ты, потому-что ее учила не миссъ Мери,—Флавія играла на фортепіано піесу, имѣвшую огромный успѣхъ... Если бы ты видѣла, какъ радовалась мадамъ Нуарфѣль, когда ее поздравляли съ талантомъ дочери, какъ она была счастлива! Я тоже хочу насладиться такимъ торжествомъ.... При помощи миссъ Мери, ты сдѣлала необыкновенные успѣхи въ музыкѣ, ты маленькая виртуозка....

— Но, мамаша, вѣдь я никогда не играла на фортепіано при чужихъ.

— Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! Эффектъ будетъ неожиданный. Тебѣ станутъ аплодировать!... Боюсь только, чтобъ я не заплакала, какъ безумная.

— Милая мамаша, какъ ты меня любишь!

— Я тебя люблю: это очень просто. Каждая мать любитъ своихъ дѣтей, но не всѣ матери имѣютъ право гордиться своими дочерьми.

— Я боюсь, очень боюсь, мамаша, чтобъ твои ожиданія не обманулись.

— Почему?

— Ты хочешь, чтобъ я играла въ публикѣ?

— Я только объ этомъ и мечтаю.

— Къ-несчастью, я играю піесы, которыя не произведутъ ни малѣйшаго эффекта: не многимъ нравятся сонаты Моцарта и Бетховена.

— Я неочень много понимаю въ музыкѣ, но я увѣрена, что миссъ Мери учила тебя не однимъ скучнымъ этюдамъ.

— Она учитъ меня, мамаша, и не думаетъ заставить меня блистать передъ публикой.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и учиться?

— Чтобы знать.

— Знать! Это прекрасно, однакожъ надо, чтобы всѣ знали, что ты знаешь.

— Боже мой! да я желаю только, чтобы ты и папаша были довольны; больше ничего не надо, ни мнѣ, ни миссъ Мери.

- Очень можетъ быть; но я взыскательнѣе.
- Однакожь, мамаша...
- Альфонсина, я хочу... прошу тебя!
- Въ такомъ случаѣ, я попрошу миссъ Мери, чтобъ она выбрала мнѣ піесу.
- Кажется, ты можешь попросить совѣта у меня.
- О музыкѣ?
- Разумѣется, о музыкѣ. Развѣ я не могу имѣть свой вкусъ, какъ другіе?
- Конечно.
- Я говорила тебѣ о Флавіи. Она играла новую, очень эффектную піесу Тальберга.
- Тальберга! сказала Альфонсина, съ ужасомъ сжавъ руки: Тальберга? Да ты не знаешь, мамаша, что онъ пишетъ претрудныя піесы, которыя требуютъ огромнаго искусства! Мои руки слишкомъ малы для его піесъ: въ этомъ я невиновата. Миссъ Мери, ты знаешь, не любитъ льстить; еще недавно она сказала, что со-временемъ я сдѣлаюсь хорошей музыкантшей, но никогда не буду артисткой.
- Я не спрашиваю о томъ, что думаетъ миссъ Мери,
- Извини, мамаша; я не хотѣла сердить тебя.
- Давно бы такъ! Не понимаю только, отчего ты упрямышься... Флавія, которой учительница далеко отстала отъ миссъ Мери, произвела большой эффектъ піесой Тальберга. Ты можешь, если захочешь, имѣть такой же успѣхъ, и все-таки противорѣчишь мнѣ... Это невыносимо! Я думаю, что миссъ Мери прежде всего должна была научить тебя повиноваться матери.
- При этомъ упрекѣ, Альфонсина не могла удержаться отъ слезъ. Г-жа Морвиль, сожалѣя о своихъ жесткихъ словахъ, обняла дочь и посадила къ себѣ на колѣни, какъ ребенка. Дѣвушка забыла минутную печаль и отвѣчала на ласки матери. Когда облако прошло, Альфонсина, улыбаясь сквозь слезы, еще катившіяся изъ глазъ, сказала матери:
- Какъ только, мамаша, ты пріѣдешь въ Парижъ, пришли мнѣ твою любимую піесу, и я выучу ее къ торжественному дню.
- Г-жа Морвиль уѣхала, и черезъ нѣсколько дней прислала ноты. Это были варіаціи Тальберга на *Moïse* Россини. Мери была

огорчена такимъ выборомъ, пересматривая наводненіе нотъ, требующихъ удивительнаго механизма; но когда Альфонсина пересказала ей свой разговоръ съ матерью, учительница не возражала болѣе и велѣла ученицѣ разучивать *Moïse*.

Поѣздка г-жи Морвиль продолжалась нѣсколько дней, и она вскорѣ воротилась съ Жераромъ.

III.

Жераръ пріѣхалъ изъ Парижа съ матерью утромъ, въ шесть часовъ, и тотчасъ же пошелъ въ комнату къ отцу, гдѣ тогда была и Альфонсина. Послѣ объятій и поцѣлуевъ, дѣвушка начала съ любопытствомъ разсматривать брата, котораго не видѣла уже съ годъ.

— Да взгляни, папаша, какъ выросъ Жераръ! говорила она выпрямившись и прижимаясь лѣвымъ плечомъ къ правому плечу молодаго человѣка.—А, братишка, ты отпускаешь усы? Какіе хорошенькіе, тоненькіе! Подойди-ка къ свѣту, поближе къ окну. Мамаша, ты и не замѣтила, что у него теперь глаза темно-голубые? Это прелестно—темно-голубые глаза и черные волосы.

Жераръ охотно давалъ себя осматривать сестрѣ. Это былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, стройный, съ матовымъ лицомъ, на которомъ, при малѣйшемъ душевномъ ощущеніи, вспыхивалъ живой румянецъ.

Г-жа Морвиль и сынъ ея пошли отдохнуть, до завтрака. Только въ эту пору Жераръ долженъ былъ увидѣть миссъ Мери, которой имени не произнесъ онъ ни разу послѣ своего пріѣзда; но за-то Альфонсина часто повторяла ему съ торжествующимъ видомъ:

— погоди, вотъ ты узнаешь мою миссъ Мери! Увидишь, увидишь.

Вѣроятно для того, чтобы лучше видѣть, Жераръ переодѣлся, и когда вошелъ въ залу, не смѣя искать глазами, тутъ ли миссъ Мери, Альфонсина сказала ему со-смѣхомъ:

— Какой ты красавецъ, Жераръ! Совершенно молодой человекъ. Какой галстухъ! Бѣлый жилетъ съ перламутровыми пуговицами, лакированные сапоги. Вотъ какъ! лакированные сапоги... Денди! Къ тебѣ этотъ нарядъ идетъ гораздо лучше, нежели круглая шляпа, толстые башмаки съ пряжками и голубые бумажные чулки.

При этихъ воспоминаніяхъ, Жераръ покраснѣлъ еще болѣе, потому-что въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ миссъ Мери. Онъ почтительно поклонился.

— Г. Жераръ, сказала учительница: сестрица ваша мнѣ такъ часто говорила о васъ, что мы—уже старые знакомые.

За завтракомъ, Жераръ украдкой поглядывалъ на миссъ Мери. Когда встали изъ-за стола, г-жа Морвиль однимъ словомъ оледенила веселость своей дочери.

— Альфонсина, сказала г-жа Морвиль: а что же *Moïse*?

— Ахъ, мамаша, вздохнувъ отвѣчала дѣвушка: я разучиваю эту піесу каждый день, и еще сегодня буду играть съ миссъ Мери. Она скажетъ тебѣ, что я стараюсь, сколько могу.

— Я отдаю полную справедливость старанію Альфонсины, сказала учительница: но только эта піеса....

— Знаю, съ живостью перебила г-жа Морвиль: эта піеса, должна произвести большой эффектъ; я непременно хочу, чтобы дочь моя играла ее—и будетъ играть.

Послѣ завтрака, Альфонсина взяла брата за руку и отвела въ сторону.

— Ну что?

— Что? отвѣчалъ Жераръ простодушно: о чемъ ты спрашиваешь, Альфонсина?

— А миссъ Мери?

— Миссъ Мери...

— Да, какъ она тебѣ кажется?

— Очень недурна....

Г. Морвиль, возвратясь съ прогулки, только за обѣдомъ узналъ, что вечеромъ будетъ въ замкѣ праздникъ, и похвалилъ

жену за счастливую мысль, хотя въ душѣ предпочиталъ уединеніе свѣтскому шуму.

Жераръ тихонько пробрался въ комнату г-жи Морвиль, унесъ палочку помады, которою хотѣлось ему подчеркнуть усы, потомъ воротился въ свою комнату, измялъ пять или шесть галстуховъ, завязывая узелъ, и разорвалъ двѣ пары палевыхъ перчатокъ, вспоминая страшное предсказаніе перчаточника: «Не берите такихъ тѣсныхъ, непременно лопнутъ». Наконецъ, исходивъ комнату вдоль и поперекъ, чтобы разносить новые башмаки, бросилъ послѣдній взглядъ въ зеркало, и сошелъ въ гостиную, боясь, чтобы ему не пришлось остаться глазъ на глазъ съ миссъ Мери. Молодой человекъ вздохнулъ свободнѣе, когда увидѣлъ въ гостиной г. и г-жу Морвиль.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась туда и Альфонсина, въ красивомъ туалетѣ, который мать привезла ей изъ Парижа.

На миссъ Мери было надѣто простенькое бѣлое кисейное платье, съ короткими рукавами, до половины закрывавшее плечи; ни ленты, ни цвѣтка не было въ ея волосахъ, падавшихъ вокругъ лица длинными шелковистыми кольцами. Однакожъ, г-жа Морвиль ревниво удивилась красотѣ молодой Ирландки и, окинувъ ее взоромъ съ ногъ до головы, не могла не сказать съ какою-то желчью, намекая на покрой платья, которое не скрывало ни прелестныхъ рукъ, ни прелестныхъ плечъ дѣвушки:

— Я думаю, миссъ Лаусонъ, что приличнѣе было бы надѣть платье съ высокимъ лифомъ и длинными рукавами.

— Конечно, кротко отвѣчала дѣвушка: но у меня нѣтъ другаго бальнаго платья.

Г-жа Морвиль не знала что сказать на этотъ отвѣтъ, напомиравшій бѣдность миссъ Мери, и въ душѣ проклинала балъ, на которомъ молодая учительница могла произвести тѣмъ большее впечатлѣніе, что до-сихъ-поръ она всегда старалась держаться въ сторонѣ.

Бѣдная Альфонсина, осужденная играть тему изъ *Moïse*, подошла къ фортепіано и положила ноты; она не слышала замѣчанія матери о туалетѣ миссъ Мери, и сказала почти умоляющимъ голосомъ:

— Мамаша, такъ это рѣшено; я играю *Moïse*?

Она не могла скрыть глубокий вздохъ, и съ отчаяніемъ взглянула на учительницу, какъ будто говоря:

— Вступитесь за меня въ послѣдній разъ, избавьте меня отъ піесы Тальберга!

Учительница поняла опасенія своей ученицы, и сказала въ-полголоса г-жѣ Морвиль:

— Долгъ учительницы и любовь моя къ Альфонсинѣ позволяютъ мнѣ говорить откровенно.

— Что-же вы хотите сказать?

— Я опасаюсь, что Альфонсина не сыграетъ *Моисе* въ совершенствѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сухо замѣтила г-жа Морвиль: это значитъ, что не заставляли ее разучить піесу, какъ слѣдуетъ.

— Успѣхъ Альфонсины, еслибъ только можно было на него надѣяться, доставилъ бы мнѣ большое счастье, и я всѣми силами старалась содѣйствовать ему, отвѣчала учительница, удивленная рѣзкими словами г-жи Морвиль, которая до-тѣхъ-поръ была къ ней очень благосклонна. — Повѣрьте, что въ этомъ случаѣ, нельзя упрекнуть Альфонсину.

— И такъ, я должна думать, что, вѣрно, есть какое-нибудь упущеніе съ вашей стороны.... Вамъ не нравилось, что я выбрала піесу.

— Позвольте....

— Я никогда не позволю, чтобы вооружали противъ меня дочь.

— Помилуйте, но....

— И такъ какъ вы говорили о своихъ обязанностяхъ, то знайте, что первая обязанность учительницы — угождать лицамъ, которыя почтили ее своимъ довѣріемъ.

И г-жа Морвиль пошла на-встрѣчу гостямъ, которыхъ уже встрѣтили ея мужъ и Жераръ. Миссъ Мери была скорѣе изумлена, нежели оскорблена жесткими словами г-жи Морвиль. Къ счастью, эти слова не дошли до ушей Альфонсины.

Комнаты замка наполнялись гостями. Всѣ эти сосѣди, жившіе въ шести или семи миляхъ въ окрестности, были знакомы между собою, принимали одни другихъ, или въ Парижѣ или въ деревнѣ, и оттого общество въ замкѣ походило на семейство. Этимъ и можно извинить настойчивость, съ какою г-жа Мор-

виль хотѣла выставить на показъ музыкальныя способности своей дочери.

Жерару на каждомъ шагу встрѣчались молодые люди, которые, замѣтивъ пушокъ на его подбородкѣ, допускали его въ свою бесѣду, и не скрывали отъ него своихъ замѣчаній о дамахъ и дѣвицахъ, пріѣхавшихъ на вечеръ. Въ ту минуту, какъ Жераръ входилъ въ залу съ своими новыми друзьями, его остановилъ у дверей г. Бланкуръ, молодой франтъ, который слылъ за свѣтскаго человѣка не въ одномъ Турѣ. Ловкій, развязный, онъ пользовался репутаціей счастливца въ любовныхъ похожденияхъ, и Жераръ былъ очень доволенъ, когда Бланкуръ дружески взялъ его подъ руку.

— Скажите, любезный Жераръ, спросилъ онъ: кто эта молодая особа.... вотъ эта? На ней бѣлое кисейное платье и накладка изъ волосъ. Не видите?... Теперь говорить съ нею ваша сестрица.

Жераръ, привставъ на цыпочки, посмотрѣлъ по направленію, которое указалъ ему Бланкуръ, и потомъ, опустившись на каблуки, отвѣчалъ съ небрежностью:

— Эта дѣвица?... Это учительница моей сестры.

Жераръ хотѣлъ-было уйти, но Бланкуръ еще разъ остановилъ его.

— Какое прелестное лицо, какъ стройна! Какой розовый и чистый цвѣтъ лица! Вѣрно, Англичанка? Настоящая гравюра изъ кипсека.... Нѣтъ, никогда въ жизни я не видѣлъ ничего благороднѣе и очаровательнѣе!

Потомъ, пристально посмотрѣвъ на Жерара, который покраснѣлъ, самъ не зная отчего, Бланкуръ сказалъ ему въ-полголоса:

— А! такъ вотъ у кого вы берете уроки!

И Бланкуръ, оставивъ Жерара въ величайшемъ смущеніи, подошелъ къ хорошенькой дамѣ, которая только-что вошла въ залу.

Въ большой залѣ раздались два-три аккорда фортепіано: наступилъ часъ испытаній Альфонсины. Инструментъ окружили маменьки и дѣвицы; потомъ, подружки Альфонсины открыто сговорились дѣйствовать въ ея пользу, и говорили ей:

— Смѣлѣе! Не бойся! Все пойдетъ хорошо!

Возлѣ артистки стояла миссъ Мери; она не могла въ эту ужасную и торжественную минуту разлучиться съ своею ученицей, и раздѣляла съ нею безпокойство. Наконецъ, все утихло; г-жа Морвиль подала знакъ. Альфонсина съ отчаяніемъ взглянула на учительницу, которая пожала ей руку,—и началось исполненіе *Moïse*.

Нельзя не пожалѣть бѣдныхъ дѣтей, которымъ даютъ играть на фортепіано такую пальцеломную музыку, какъ *Moïse* Тальберга. Это не музыка, а урокъ гимнастики, и читатель не удивится, если мы скажемъ ему, что черты Альфонсины приняли страдальческое выраженіе, и что слушатели не могли различить мелодію сквозь путаницу украшеній.

Жераръ, нѣжно любившій сестру, мучился, можетъ-быть, еще болѣе Альфонсины; осуждалъ выборъ піесы, и сказалъ съ досадою:

— Всѣ учительницы на одинъ покрой; чтобы выставить свой талантъ, онѣ выбираютъ для ученицъ піесы, которыя имъ не по силамъ — и моя бѣдная сестра слѣлалась жертвою такого тщеславія.

Г-жа Морвиль была огорчена вдвойнѣ, и какъ хозяйка дома, и какъ мать; ревнивая досада ея на миссъ Мери возрастала вмѣстѣ съ неуспѣхомъ Альфонсины и шопотомъ, который возбуждала рѣдкая красота учительницы.

Однакожъ, когда мѣки Альфонсины кончились, раздалось нѣсколько рукоплесканій, но—уввы!—ее ободряли только сострадательныя подруги.

— Вы апплодируете тому, что наконецъ я освободилась, не правда ли? спросила Альфонсина, вставъ изъ-за фортепіано. Вы правы. Слава Богу, конецъ!

Дѣвушка не чувствовала отъ своей неудачи печали, которая мучитъ обманутое тщеславіе или разбитую самоувѣренность: она должна была повиноваться, употребила всѣ усилія, чтобы угодить—и не имѣла успѣха. Вотъ и все. Притомъ же, миссъ Мери утѣшила ее нѣсколькими словами, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться:

— Бѣдняжка! вы сыграли даже лучше, нежели я смѣла надѣяться!

Кромѣ группы молодыхъ страдалицъ, всѣ прочіе были холодны, и Жераръ, разстроенный, вышелъ изъ залы.

Г-жа Морвиль была въ затруднительномъ положеніи и отъ неуспѣха дочери, оскорбительнаго для материнской гордости, и отъ мысли, что гости, можетъ-быть, станутъ судить о миссъ Мери по ученицѣ, и знаменитая миссъ Лаусонъ, жемчужина домашнихъ учительницъ, безцѣнное сокровище, о которомъ столько наговорено сосѣдямъ, будетъ оцѣнена по успѣхамъ Альфонсины. Г-жа Морвиль подошла къ миссъ Мери, и сказала ей въ-полголоса.

— Надѣюсь, что вы сядете за фортепіано, и докажете, что я не ошиблась въ выборѣ учительницы для моей дочери; я не хочу, чтобы судили объ учительницѣ по ученицѣ.

— Избавьте меня, если можно, отъ этой обязанности, отвѣчала миссъ Мери умоляющимъ голосомъ.

— Мадмуазель Лаусонъ, сказала г-жа Морвиль громко и повелительнымъ тономъ: сядьте за фортепіано; мы слушаемъ васъ.

— Да, да, мы слушаемъ! закричали въ одинъ голосъ молодыя ученицы, въ надеждѣ, что она избавитъ ихъ отъ игры.

Альфонсина наклонилась къ учительницѣ, которая еще колебалась, играть или нѣтъ, и шепнула:

— Умоляю васъ, миссъ Мери, заставьте забыть мою игру!

Молодая Ирландка повиновалась, твердо рѣшившись избѣгать всякаго, сколько-нибудь замѣтнаго соперничества съ ученицей, и вмѣсто того, чтобы играть піесу, наполненную эффектами, выбрала простое адажіо Гайдна.

Г. Морвиль, нисколько не виноватый въ выборѣ *Moïse* и не присутствовавшій при исполненіи этой піесы, въ это время вошелъ въ залу, и изъ приличія, никто не говорилъ ему о неуспѣхѣ дочери. Поэтому г. Морвиль могъ вполне предаться удовольствію, которое почувствовалъ онъ при первыхъ аккордахъ адажіо. Вскорѣ, всѣ слушатели раздѣлили съ нимъ это удовольствіе. Любители остановились въ дверяхъ, вытянувъ шею; даже Жераръ, бывшій въ сосѣдней комнатѣ, покорился впечатлѣнію, произведенному на всѣхъ, и при безмолвіи, которое вдругъ возстановилось, жадно слушалъ жемчужныя ноты.

Прелесть этой музыки, исполненной смысла, понятной для каждаго, проникла въ сердце каждаго; плохіе знатоки музыки, которые до-сихъ-поръ были тактъ совершенно некстати, теперь изумлялись своему ритмическому инстинкту, и мѣрно покачи-

вали головою. Всѣ удивились, найдя столько удовольствія въ такой простой вещи, и удивились еще болѣе, когда композиторъ остановился ровно тамъ, гдѣ кончалась его мысль, и не прибавилъ къ ней ни одной лишней ноты. Однакожъ слушатели еще не аплодировали, потому-что многіе ни за что не рѣшались высказать свое одобреніе, пока не узнаютъ имени артиста. Впрочемъ, одобрителный шопотъ со всѣхъ сторонъ не позволялъ сомнѣваться объ успѣхѣ миссъ Мери.

Альфонсина, едва удерживая свою радость, обернулась къ подругамъ, и свѣтлое лицо ея какъ-будто говорило:

— Это еще не все; сейчасъ услышите!

Въ этотъ день г-жа Морвиль переходила отъ сожалѣнія къ сожалѣнію. Миссъ Мери торжествовала не только красотой: рѣдкій талантъ ея возбудилъ общій восторгъ—и этотъ восторгъ вызвала сама г-жа Морвиль, съ безразсудною гордостью приказавъ ей играть на фортепiano. Двойной успѣхъ жестоко поразилъ гордость матери Альфонсины, но ей должно было, молча, перенести досаду. Могла ли г-жа Морвиль упрекнуть *свою* учительницу въ томъ, что она исполнила ея приказаніе?

Благосклонность слушателей не пробудила честолюбія въ миссъ Мери, и она сыграла три вальса Бетховена, каждый не болѣе четырехъ строчекъ.

— Прелестно! вскричалъ Жераръ, по окончаніи перваго вальса, и подойдя къ двери, сказалъ г. Морвилю:

— Кто это, папенька, играетъ на фортепiano?

— Миссъ Мери, отвѣчалъ г. Морвиль, почти не оборачиваясь, потому-что миссъ Мери начала играть второй вальсъ.

Всѣ были очарованы непреодолимою прелестью звуковъ, и когда, взявъ послѣдній аккордъ, миссъ Мери встала изъ-за фортепiano, раздался залпъ аплодисментовъ, и многіе пошли поздравлять учительницу. Миссъ Мери смѣшалась; она была почти огорчена похвалами, понимая, что онѣ возбуждаютъ досаду въ г-жѣ Морвиль, на лицѣ которой выражалось видимое неудовольствіе, когда знакомыя говорили ей, одна перебивая другую:

— Правда ваша, мадамъ Морвиль: ваша учительница—жемчужина!

— Сокровище!

— Какъ вы счастливы, что можете располагать такою виртуозкой!

— А сколько она получаетъ жалованья?

Миссъ Мери хотѣла-было воспользоваться маленькимъ шумомъ и уйти изъ залы; но Альфонсина, радуясь успѣху учительницы болѣе, нежели радовалась бы своему собственному, подбѣжала къ миссъ Мери, поцѣловала, граціозно обняла руками ея талию и уронила голову къ ней на плечо: добрая дѣвушка совершенно забыла свою неудачу, и думала только о торжествѣ миссъ Мери. Между лицами, поздравлявшими учительницу, Бланкуръ особенно отличался разнообразіемъ и нѣжностью комплиментовъ.

Жераръ, покраснѣвъ, приблизился къ миссъ Мери, заранѣе придумывая, что бы ей сказать, какъ вдругъ замѣтилъ Бланкура, который разговаривалъ съ нею. Сердце Жерара сжалось; онъ мысленно назвалъ развязнаго франта фатомъ, и остановился печально, спрашивая у себя, сказать ли робкое привѣтствіе послѣ похвалъ, вѣроятно остроумныхъ, Бланкура, или показаться въ глазахъ миссъ Мери неучемъ, храня принужденное молчаніе. Жераръ не зналъ, что дѣлать; къ-счастью, въ это время подошелъ къ нему слуга и сказалъ, что Альфонсина проситъ его принести вещь, которую она забыла на каминѣ, передъ часами.

Жераръ обрадовался случаю, и тотчасъ же ушелъ.

Изъ слушателей миссъ Мери, никто не былъ въ такомъ восхищеніи какъ г. Морвиль, потому-что онъ ни разу не слышалъ образцовыхъ произведеній, которыя она играла. Альфонсина замѣтила отца, стоявшаго поодоль, и протянула къ нему руку. Онъ подошелъ къ дочери, отдалъ съ своей стороны дань таланту учительницы, и уже хотѣлъ уйти, но Альфонсина остановила его, и сказала:

— Папаша, останься, ради Бога, на минутку.

Г. Морвиль ждалъ недолго.

— Папенька! вскричалъ Жераръ, держа въ рукѣ маленькую рамку и пробиваясь сквозь толпу: сестрица! какой прелестный сюрпризъ!

— Что такое? спросилъ г. Морвиль.

— Будто ты не знаешь? сказалъ Жераръ, подавая отцу картину.

— Портретъ Альфонсины! вскричалъ г. Морвиль.

— Да, ея портретъ, и какъ прекрасно сдѣланъ! Альфонсина, живая Альфонсина!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ г. Морвиль, разсматривая портретъ, и потомъ прибавилъ:

— Я знаю только одного художника, который такъ удивительно пишетъ портреты.

— Кто же это? спросилъ Жераръ, пока портретъ переходилъ изъ рукъ въ руки по группѣ, которая составилаь вокругъ учительницы. — Ради Бога, папенька, скажи, кто написалъ этотъ портретъ?

Альфонсина взяла учительницу за руку, сдѣлала Жерару маленькій реверансъ, и сказала, улыбнувшись:

— Вотъ кто!

— Миссъ Мери! вскричалъ Жераръ.

— Да, милостивый государь, отвѣчала Альфонсина.

И потомъ шепнула ему, но такъ, что молодая Ирландка могла слышать:

— Надѣюсь, что теперь вы не будете спрашивать у меня: «А развѣ умѣетъ рисовать твоя миссъ Мери?»

Учительница улыбулась. Жераръ смѣшался, проговорилъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе, поблагодарилъ миссъ Мери и нетерпѣливо взялъ портретъ изъ рукъ Бланкура, который обернулся къ нему спиною, и сказалъ учительницѣ:

— Если, мадмуазель, вы играете, какъ Малибранъ, то, по крайней-мѣрѣ, не рисуйте какъ мадамъ Мирбель!... Клянусь, вы завладѣли всѣми совершенствами, и затмѣваете женщинъ, у которыхъ только одно достоинство—изумительная красота.

— Экой счастливецъ, этотъ Бланкуръ! подумалъ Жераръ, слушая пошлости неотразимаго франта: сейчасъ найдется, что сказать! А я-то какъ глупъ въ глазахъ миссъ Мери: не могъ придумать ничего въ похвалу ея таланту, даже не сдумалъ поблагодарить за портретъ....

За концертомъ слѣдовалъ балъ. Г-жа Морвиль выписала оркестръ изъ Тура; множество танцоровъ спѣшили ангажировать миссъ Мери, и чрезвычайно удивились, не видя ея въ залахъ.

— Мадамъ Морвиль, сказала учительница, отведя ее въ даль-

ній будуаръ: позвольте мнѣ удалиться. Я устала, не такъ здорова, а балъ продолжится до утра.

— Такъ вы не хотите остаться на балу? поспѣшно отвѣчала г-жа Морвиль, не стараясь скрыть пріятное удивленіе.

И прибавила ласковымъ голосомъ, который рѣзко противорѣчилъ прежнимъ жесткимъ словамъ:

— Какъ вамъ угодно, миссъ Мери. Но если вы спрашиваете моего согласія, то позвольте мнѣ дать его съ условіемъ.

— Съ какимъ же? скажите....

— Съ условіемъ, что вы забудете и простите мнѣ минутную вспѣльчивость, которой я не могла преодолѣть, и которая, безъ сомнѣнія, васъ огорчила. Неуспѣхъ Альфонсины, можетъ-быть, извинитъ меня въ вашихъ глазахъ.

— Помилуйте....

— Я причиною этого неуспѣха, любезная миссъ Мери, и сознаюсь въ своей винѣ. Я поступила, какъ совершенная невѣжда, когда выбрала эту несчастную піесу и упрямо требовала, чтобы ее сыграла моя дочь. Предсказанія ваши сбылись. Несмотря на всѣ ваши старанія, на всѣ уроки, Альфонсина доказала, что *Moïse* свѣше ея силъ. У меня не достало даже здраваго смысла сознаться въ своемъ странномъ выборѣ; я забылась до того, что наговорила вамъ грубостей. Простите мнѣ, миссъ Мери.....

— Ради Бога, не извиняйтесь. Я помню, какъ вы страдали отъ того, что Альфонсина, при всемъ желаніи угодить вамъ, не могла оправдать ваши ожиданія.

— Миссъ Мери! миссъ Мери! сказала Альфонсина, весело вбѣгая въ комнату: что это вы прячетесь? Васъ всѣ ищутъ; васъ хотятъ ангажировать, Богъ знаетъ, на сколько кадрилией.... и на первый вальсъ. Если балъ продолжится двое сутокъ, вы и то не успѣете исполнить желанія всѣхъ танцоровъ.

— Я большая эгоистка, моя милая, улыбаясь отвѣчала миссъ Мери: вы будете жертвою этой страсти къ танцамъ; я не охотница до баловъ, и маменька ваша позволяетъ мнѣ удалиться.

— Какъ, миссъ Мери! Вы не танцуете даже двухъ кадрилией?

— Ни одного.

— Ни одного? Нѣтъ, милая миссъ Мери, вы навѣрно не от-

кажется отъ одного: Жераръ не смѣетъ ангажировать васъ; онъ признался, что боится васъ, и поручилъ мнѣ просить васъ.

— Хорошо, я согласна танцевать съ Жераромъ сколько угодно кадрилией.

— О, благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, милая миссъ Мери! закричала дѣвушка, между-тѣмъ какъ г-жа Морвиль съ какимъ-то безпокойствомъ смотрѣла на учительницу.—Сейчасъ побѣгу сказать брату.... Какъ онъ обрадуется, бѣдняжка Жераръ!

— Одно слово, Альфонсина, сказала учительница, удержавъ ее за руку: обѣщаю кадрили, но только мы будемъ танцевать завтра, когда хотите. Прощайте, моя милая; веселитесь побольше.

И миссъ Мери скрылась, несмотря на убѣдительныя просьбы ученицы.

Молодая Ирландка угадала досаду г-жи Морвиль, которая боялась, чтобы на балу учительница еще разъ не затмила ея дочери. Оттого, когда миссъ Мери изъявила желаніе удалиться, г-жа Морвиль, женщина отъ природы добрая, чистосердечно извинилась въ своей минутной горячности.

Балъ продолжался до утра. Альфонсина веселилась, какъ дитя. Жераръ не танцевалъ и прогуливался, ночью, въ паркѣ. При восходѣ солнца, когда послѣдніе экипажи разѣхались, Жераръ вздохнулъ свободнѣе.

— Слава Богу, разѣхались! Только бы убрался подальше этотъ противный Бланкуръ! Самъ не знаю, почему я сталъ ненавидѣть этого человѣка.

III.

Балъ, данный въ замкѣ Морвиль, имѣлъ, по разнымъ личнымъ причинамъ, непріятныя послѣдствія для нѣкоторыхъ его обитателей, такъ-что они съ радостью опять вступили въ колею тихой семейной жизни.

Разъ утромъ, черезъ нѣсколько дней послѣ бала, г. Морвиль, находясь въ комнатѣ съ женою, сыномъ, дочерью и миссъ Мери, сказалъ г-жѣ Морвиль:

— Я взялъ Жерара домой на два года, для того, чтобы, до поступленія въ юридическій факультетъ, онъ докончилъ свое воспитаніе; одному ему работа наскучитъ; поэтому мы будемъ заниматься вмѣстѣ; то, что я успѣлъ забыть, я вспомню вмѣстѣ съ нимъ; успѣхи его будутъ для меня вдвое драгоцѣннѣе, какъ плодъ моихъ трудовъ. Жераръ совершенно согласенъ съ моими намѣреніями, и занятія будутъ для насъ гораздо пріятнѣе.

Г-жа Морвиль и Альфонсина обрадовались этому плану, надѣясь долѣе не разлучаться—одна съ сыномъ, другая съ братомъ. Г. Морвиль продолжалъ:

— Но я одинъ не въ состояніи исполнить эту обязанность. Конечно я могу руководить Жерара въ чтеніи классиковъ, могу даже вспомнить математику, которую проходилъ въ сенсирской школѣ, но я никогда не учился черчению. Жераръ тоже не имѣетъ большой склонности къ нему, и признался, что ему болѣе нравится живопись. Поэтому, миссъ Мери, сказалъ г. Морвиль, обращаясь прямо къ учительницѣ: намъ необходима ваша помощь. Позвольте Жерару присутствовать при урокахъ, которые вы будете давать его сестрѣ, и пользоваться вашими совѣтами.

Миссъ Мери изъявила согласіе наклоненіемъ головы. Альфонсина была въ восхищеніи, что нашла въ братѣ соперника и товарища по занятіямъ, и сказала:

— Тутъ недостаетъ еще одного условія.

— Какого?

— Чтобы Жераръ присутствовалъ также при урокахъ пѣнія, и своимъ баритономъ помогалъ намъ въ дуэтахъ и тріо.

Напрасно и говорить, что миссъ Мери съ обычною обязательностью уступила желанію Альфонсины.

Планъ ученія исполнялся съ строжайшею точностью; семейство жило въ совершенномъ согласіи; г-жа Морвиль, кажется, навсегда отказалась отъ припадковъ ревности, и даже просила учительницу давать совѣты Жерару, который иногда былъ ску-

чень, впадалъ въ задумчивость, обнаруживалъ какой-то неровный характеръ.

Жераръ былъ очень послушенъ въ сношеніяхъ съ миссъ Мери, и дѣлалъ быстрые успѣхи въ музыкѣ и рисованьѣ; вообще, искусства нравились ему болѣе, нежели классическія и литературныя занятія съ отцомъ.

Между счастливыми переменами въ характерѣ Жерара, родители не могли не замѣтить, что изъ вспыльчиваго и шалуна онъ сдѣлался тихимъ и мечтательнымъ.

Это мечтательное настроеніе духа дошло до того, что онъ началъ писать стихи, и повѣрялъ свои опыты миссъ Мери. Онъ выбралъ *Виргиліевскую* форму, разговорную элегію, но не такую пастушескую, какъ классическіе образцы. Миссъ Мери не желала быть судьей, и совѣтовала автору показывать свои первые опыты отцу. Жераръ не противорѣчилъ учительницѣ, но только пересталъ писать элегіи. Однакожъ поэтъ попробовалъ рифмы надъ романсомъ и положилъ его на музыку. Миссъ Мери спѣла, по просьбѣ сочинителя, мелодію, не произнося словъ, и старательно исправила ошибки противъ гармоніи. Еще съ мѣншею удачею написалъ Жераръ первую картину *съ натуры*. Разъ учительница замѣтила, что за урокомъ рисованья онъ частенько поднималъ на нее глаза, и что карандашъ его бѣгалъ по лоскутку бумаги, положенному на верхній край картона. Мери, отдавая Жерару поправленный рисунокъ, нечаянно уронила картонъ; вмѣстѣ съ картономъ полетѣли на полъ и всѣ лежавшія въ немъ бумаги. Альфонсина поспѣшила поднять ихъ прежде, нежели Жераръ успѣлъ встать съ мѣста, схватила одинъ лоскутокъ и весело закричала:

— Миссъ Мери, вашъ портретъ!

— Отдай, Альфонсина! сказалъ Жераръ, покраснѣвъ до ушей: отдай мнѣ эту бумажку. Ахъ, какая ты несносная!

Но портретъ ужѣ лежалъ передъ глазами учительницы.

— Видно, что художникъ не хотѣлъ польстить, сказала Альфонсина, наклонившись черезъ плечо учительницы, въ то время какъ Жераръ, растерявшись, воротился на мѣсто.

— Портретъ хорошъ въ цѣломъ, отвѣчала миссъ Мери: но деталями неочень тверды.

Учительница взяла карандашъ. При первой чертѣ, Альфонсина вскрикнула; миссъ Мери обернулась.

— Развѣ, милая Альфонсина, сказала она: вы не позволяете мнѣ сдѣлать въ эскизѣ мосьё Жерара исправленія, на которыя я имѣю право вдвойнѣ—какъ модель и, главное, какъ учительница рисованья?

Головной уборъ портрета и самый портретъ быстро измѣнились подъ легкимъ карандашомъ миссъ Мери. Альфонсина приложила руку къ губамъ, чтобы удержаться отъ смѣха; братъ ея не смѣлъ поднять глазъ.

Превращеніе кончилось.

— Удивительное сходство! вскричала Альфонсина.—Какъ двѣ капли воды!

И схвативъ бумажку, показала брату, крича ему подъ ухо:

— Пиволѣ! Настоящая Пиволѣ! Живая Пиволѣ! Посмотри, какъ величественно она выдумываетъ какую-то нелѣпость.

Жераръ отвернулся отъ портрета; дѣвушка схватила лоскутокъ и побѣжала изъ комнаты.

Послѣ урока, миссъ Мери уложила картоны, отнесла ихъ въ кабинетъ, и воротилась. Бѣдный Жераръ не трогался съ мѣста; крупныя слезы текли по его щекамъ; онъ былъ въ такомъ отчаяніи, чувствовалъ себя такъ униженнымъ, что миссъ Мери стало досадно на невинную шутку, и она сказала брату своей ученицы, дружески протянувъ ему руку:

— Помиримтесь, мосьё Жераръ. Чтобы загладить свою шутку, я завтра же начну снимать портретъ съ вашей маменьки, и подарю его вамъ въ *pendant* къ портрету Альфонсины. Можеть-быть, за это вы простите мнѣ портретъ Пиволѣ.

— Ахъ, миссъ Мери, сказалъ Жераръ, взявъ руку учительницы: ахъ, миссъ Мери, какія вы добрыя!... еслибъ вы знали.... я нарисовалъ вашъ портретъ.... неволью....

— Какъ, мосьё Жераръ, смѣясь сказала дѣвушка: вы снимали съ меня портретъ неволью?.... Это, признаюсь, нѣсколько извиняетъ васъ.

И миссъ Мери ушла изъ залы, оставивъ въ ней одного Жерара.

Альфонсина унесла эскизъ, обратившійся въ Пиволѣ, чтобы показать его ключницѣ.

— Вотъ тебѣ! Смотри и восхищайся, сказала она кормилицѣ: довольна ли?

— Это вы рисовали, мамзель Альфонсина? спросила Пиволё, съ удовольствіемъ разсматривая свое изображеніе.—Трудно судить о себѣ; но кажется, что портретъ очень похожъ.

— У меня еще нѣтъ такого таланта.

— Такъ это рисовалъ мосеё Жераръ?

— Онъ сдѣлалъ эскизъ, а сходство и жизнь придала этому портрету опытная рука миссъ Мери.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Такъ она удостоила снять и мой портретъ! отвѣчала Пиволё съ притворнымъ добродушіемъ.... Экая добренькая! Но доброе дѣло не остается безъ награды.... Подождите: поживемъ—увидимъ.

— Чтò это значитъ? У тебя эти два слова вѣчно вертятся на губахъ.

— Больше я ничего не могу сказать. Помните, какъ отдѣлалъ меня вашъ папенька, когда я сказала что лекаръ не вылечитъ старухи Шено?

— Пиволё, я рѣшительно не узнаю тебя; съ нѣкотораго времени ты сдѣлалась такая скрытная, все молчишь.

— Погодите, барышня; поживемъ—увидимъ. Я сберегу портретъ, который сняла съ меня миссъ Мери; это заставитъ меня помнить объ ней. Я приколю его четырьмя булавками въ своей комнатѣ.

— Какъ! отвѣчала Альфонсина, помирая со смѣху: ты хочешь приколоть мою миссъ Мери четырьмя булавками?

— Совершенно такъ, барышня; тутъ мало четырехъ булавокъ: надо сто, тысячу, да вбить ихъ покрѣпче, по головку!

— Вотъ такъ! теперь ты настоящая Пиволё.

— Поживемъ—увидимъ, пробормотала ключница, покачивая головою.

Въ это время пришла миссъ Мери, позвать Альфонсину, и прервала разговоръ ея съ Пиволё. Когда онѣ удалились, ключница начала ворчать сквозь зубы:

— Да, да, прекрасная Англичанка! я колю булавками не одинъ портретъ, а тебя самоё! Ты слишкомъ горда, не подаешь виду, что булавки мои колятъ тебя, ты не жалуешься — а это мнѣ

съ руки. Прежде всего, я заставила тебя самоё прислуживать себѣ, постаралась, чтобы услуги Терезы сдѣлались тебѣ не-сносными.... Булавка! Ты любишь пить утромъ чай: я забываю положить сахару въ твою сахарницу.... Булавка! Жаку велѣно чистить твои полусапожки; я надрѣзаю ихъ кремнемъ у подошвы, ты не хочешь носить чиненые сапоги и покупаешь новые. Я разоряю тебя на обувь, прекрасная Англичанка!... Въ прошлый мѣсяць, ты сносила три пары полусапожекъ.... Булавка, опять булавка! Я уговорилась съ Марианной, чтобъ она сушила твоё бѣлье на шиповникѣ. Отъ этого, оно сквозитъ какъ рѣшето, и на прошлой недѣлѣ ты должна была купить полотно на дюжину рубашекъ. По скупости, ты сама ихъ скроила и шила ночью. Я узнала это по огаркамъ, и два дня сряду велѣла Жаку не ставить свѣчь въ твои подсвѣчники.... Хороши булавочки! За обѣдомъ, тебѣ подають самый послѣдній кусокъ, и всякій разъ забываютъ подать тебѣ любимое блюдо.... Ты ни разу не попробовала пломъ-пудинга, отвратительнаго англійскаго рагу, которое господа мои велютъ готовить изъ угожденія тебѣ; а если барыня или баринъ замѣтятъ, что тебѣ не подано и спросятъ: «Какъ, миссъ Мери, вы не кушаете пудинга?», ты не хочешь подать виду, что тебя обнесли, и отвѣчаешь съ гордостью: «Покорно благодарю, я сыта». А на самомъ дѣлѣ, у тебя текутъ слюнки, смотря какъ ѣдятъ другіе.... Вотъ каковы мои булавочки! Но это еще не все.... Поживемъ—увидимъ.

Пиволё нисколько не преувеличивала, перечисляя свои подвиги.

Послѣ пріѣзда въ замокъ Морвиль, миссъ Мери была жертвою тысячи мелочныхъ непріятностей, но переносила ихъ молча, изъ уваженія къ себѣ и изъ состраданія къ прислугѣ, которую выгнали бы изъ дому при первомъ словѣ. Миссъ Мери огорчало только то, что она должна была, для замѣна испорченныхъ вещей, входить въ расходы и безпрестанно тратить жалованье, которое она откладывала для своего семейства. Впрочемъ, она не писала ни слова объ этихъ низкихъ козняхъ ни роднымъ, ни Дугласу, боясь опечалить ихъ. Часто, по ночамъ, она глотала горькія слезы, но въ присутствіи г. и г-жи Морвиль или ихъ дочери всегда казалась спокойною и довольною.

Опасенія Генриха Дугласа сбылось отчасти. Онъ зналъ напередъ, какія тяжелыя испытанія ожидали молодую учительницу.

IV.

Въ началѣ сентября, мѣсяца черезъ три послѣ бала, даннаго въ замкѣ Морвиль, у г-жи Нуарфѣль было назначено большое открытіе охоты, за которою слѣдовалъ балъ. Г-жа Морвиль была приглашена со всѣмъ семействомъ и съ миссъ Мери, *перломъ* домашнихъ учительницъ. Но миссъ Мери не приняла приглашенія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы не возбудить зависти въ г-жѣ Морвиль, оскорбленной успѣхомъ учительницы послѣ концерта, въ которомъ она играла поневолѣ, и во-вторыхъ потому, что ея здоровье было разстроено. Какъ ни пренебрегала дѣвушка мелкими неприятностями, булабочками, по выраженію Пиволѣ, однакожъ эти булавки нанесли ей тяжелую рану. Къ этому присоединилась тоска по родинѣ. Миссъ Мери казалось, что атмосфера вокругъ нея сгущается болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ; она понимала, что положеніе ея дѣлалось двусмысленнымъ, и еслибъ миссъ Мери не видѣла необходимости держаться своего мѣста, для пособія семейству, она оставила бы замокъ Морвиль. Всѣ эти обстоятельства разстроили здоровье миссъ Мери, но она мужественно скрывала причину своихъ страданій, и отказалась отъ приглашенія г-жи Нуарфѣль, сказавшись больною.

Г. Морвиль также отказался, ссылаясь на то, что ему необходимо спокойствіе и что онъ уже давно не охотится. Жераръ, какъ Нимвродъ еще неопытный, сказалъ, что ему гораздо пріятнѣе ходить на охоту въ имѣніи Морвиль, съ своими лѣсничими, и возвращаться домой съ дичью, нежели теряться въ толпѣ искусныхъ стрѣлковъ, возбуждать ихъ насмѣшки и лишать себя удовольствія. По-крайней-мѣрѣ этимъ отговорился Жераръ, чтобы не ѣхать къ г-жѣ Нуарфѣль.

Условились, что г-жа Морвиль поѣдетъ одна, съ дочерью. При этомъ случаѣ, Альфонсина дѣлала первый выходъ въ свѣтъ; она спрашивала совѣтовъ у матери и миссъ Мери, и, за двѣ недѣли впередъ мечтала объ ожидавшихъ ее удовольствіяхъ.

Одно обстоятельство огорчало Альфонсину: миссъ Мери была нездорова; ея блѣдность и слабость безпокоили семейство Морвиль; но учительница увѣряла, что эта легкая болѣзнь скоро пройдетъ, и что семь дней отдыха, во-время отсутствія Альфонсины, непременно поправятъ ея здоровье.

Альфонсина нѣжно поцѣловала учительницу и уѣхала съ матерью. Съ этой минуты, миссъ Мери не выходила изъ своей комнаты. Каждое утро, и по нѣскольку разъ въ день, г. Морвиль посылалъ узнавать объ ея здоровьѣ, и хотя она сначала отказывалась лечиться, однакожъ потомъ согласилась.

— Миссъ Мери, сказалъ докторъ Морвилю: больна неопасно, однакожъ у ней сильная лихорадка. Лихорадка эта возбуждаетъ безпокойство, особенно какъ симптомъ, потому-что ею начинаются многія болѣзни. Если же лихорадка пройдетъ, то болѣзнь не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

Жераръ, получая извѣстіе о здоровьѣ миссъ Мери только отъ отца, выходилъ изъ дому утромъ, будто затѣмъ, чтобы охотиться, и возвращался вечеромъ съ пустою сумою. Отецъ и сынъ обѣдали вдвоемъ, оба скучные, задумчивые, не разговаривая, и только извѣстія доктора о положеніи больной нарушали это молчаніе. Послѣ обѣда, Жераръ жаловался на усталость, а г. Морвиль уходилъ въ свою комнату.

Дни проходили за днями. Здоровье миссъ Мери начинало возбуждать безпокойство въ докторѣ; онъ говорилъ, что болѣзнь можетъ перейти въ тифозную горячку. Дѣвушка написала въ постели записку г. Морвилю, умоляя его не извѣщать жену и дочь о ея положеніи и не отравлять удовольствіемъ Альфонсины. Г. Морвиль исполнилъ желаніе миссъ Мери. Отъ времени до времени, Альфонсина писала къ брату, съ наивнымъ восторгомъ рассказывала ему объ увеселеніяхъ, и набрасывала ему портреты многихъ гостей, пріѣхавшихъ въ замокъ Нуарфѣль. Вотъ что писала она въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ:

«Между гостями мадамъ Нуарфёль, маменькѣ особенно понравилась одна особа, уже знакомая тебѣ по репутации. Особа эта—*господинъ*. Онъ учился вмѣстѣ съ тобою; только онъ былъ въ старшемъ классѣ, а ты въ младшемъ. Не жди, чтобы я сказала, какъ его зовутъ: я играю въ мистификаціи даже съ незнакомцемъ, котораго, впрочемъ, ты скоро узнаешь, потому что маменька пригласила его прѣхать къ намъ погостить, чтобы вы возобновили знакомство. Намъ сказывали, что *незнакомецъ* уже съ годъ былъ погруженъ въ мрачное уныніе; я замѣтила въ немъ только задумчивость, которая рѣзко отдѣляется отъ шумной веселости другихъ гостей. Мнѣ нравится такая задумчивость! *Господинъ* этотъ предупредителенъ и любезенъ какъ нельзя болѣе, и я очень довольна, что маменька пригласила его погостить у насъ. Папаша узнаетъ объ этомъ приглашеніи изъ другаго письма, въ одно время съ тобою; но, умоляю тебя, не спрашивай папеньку объ имени, которое я отъ тебя скрываю. Папенькѣ *приказано* не говорить тебѣ ничего, и скрыть отъ тебя еще два очень важные секрета.

«Прощай; мнѣ хочется помучить твое любопытство. Еще два слова: въ письмѣ къ миссъ Мери, я забыла сказать, что мнѣ поручено наговорить ей тысячу комплиментовъ. Горжусь ими и посылаю ихъ, вмѣстѣ съ своею мыслью, доброй и прекрасной подругѣ, которая сдѣлала для меня занятія пріятными и доставила мнѣ годы счастья. Словомъ, скажи миссъ Мери, что я люблю ее, какъ всегда, отъ глубины сердца».

Съ тою же почтой, г. Морвиль получилъ слѣдующее письмо отъ жены:

«Надѣюсь мой другъ, что все исполнится, какъ мы желали. Я уже говорила тебѣ, въ послѣднемъ письмѣ, что мы поступили прекрасно, и если ничего не сбудется, то, по крайней мѣрѣ, мы не оскорбили самолюбія твоего стараго друга и его сына, отъ котораго я въ восхищеніи. Теодоръ Фавроль былъ со мною очень откровененъ, и мы поговорили *обстоятельно*. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ:

«—Не скрываю, мадамъ Морвиль: цѣлый годъ я былъ одержимъ глубокою страстью, страстью столько же безумною, какъ несчастною и бесполезною, потому что особа, которая вселила въ меня эту страсть, не знала о ней. Въ то время, батюш-

ка не разъ говорилъ мнѣ о женитьбѣ, но я постоянно отказывался, во-первыхъ, потому что я былъ влюбленъ, а во-вторыхъ, мнѣ казалось, что честный человѣкъ не долженъ жениться, если у него сердце несвободно. Время и размышленіе показали мнѣ, что такая любовь—безумна; мало-по-малу она угасла, и отъ нея осталась только чрезвычайная усталость холостой жизни и пламенное желаніе насладиться тихими радостями семейства. Батюшка мой, замѣтивъ во мнѣ такое расположеніе, снова заговорилъ о своемъ намѣреніи женить меня на мадмуазель Морвиль. Я съ радостью ухватился за эту надежду, еслибы только могъ понравиться вашей дочери, въ достоинствахъ которой я нисколько не сомнѣвался. Дѣйствительность превзошла мои надежды, и я сочту счастливѣйшимъ тотъ день, когда буду имѣть честь вступить въ ваше семейство. Батюшка мой, согласно съ вами и г. Морвилемъ, полагаю, что прежде нежели мадмуазель Альфонсина узнаетъ наше намѣреніе, надо чтобы она увидѣла и узнала меня, не какъ искателя ея руки, но какъ человѣка посторонняго. Я понялъ такую утонченную осторожность и душевно благодаренъ вамъ, Меня пригласили къ нашей общей знакомой, г-жѣ Нуарфёль, собственно для этой встрѣчи. Дай Богъ, чтобы она была мнѣ благопріятна!

«Я отвѣчала Фавролю, что онъ понравился Альфонсинѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, дѣвушка, до-сихъ-поръ недумавшая о платьѣ и прическѣ, теперь занимается туалетомъ; хочетъ знать, что думаетъ или говоритъ о ней Фавроль, и въ залѣ ищетъ его глазами. Словомъ, другъ мой, они—пара. Еще сегодня утромъ, Фавроль умолялъ меня сообщить наши виды Альфонсинѣ; увѣрялъ, что испытаніе было и такъ продолжительно, и что, какъ открытый искатель руки Альфонсины, онъ легче можетъ сблизиться съ нею, говорить ей прямо. Все это было высказано въ такихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, такимъ убѣдительнымъ голосомъ, что, несмотря на обѣщаніе не давать слова безъ твоего согласія, я чуть не сказала Фавролю: *да*.

«Итакъ я жду съ слѣдующею почтой твоего позволенія, чтобы сказать это *да*, жду тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что какая-то мадамъ Демазюръ, у которой есть взрослая дочка, закидываетъ сѣти на Фавроля, преслѣдуетъ его на всякомъ

шагу, и такъ какъ дочь ея хорошенькая и вовсе неробка, то, я думаю, лучше высказать наши намѣренія открыто: это, по-крайней-мѣрѣ, будетъ уздечкой для мадамъ Демазюръ.

«Вотъ еще другое доказательство, что Фавроль нравится Альфонсинѣ. Ты знаешь, что она ни о комъ не скажетъ дурнаго, и однакожь она говоритъ съ желчью о мадамъ Демазюръ и особенно объ ея дочери, которая очень любезничаетъ съ Фавролемъ, до того, что сегодня утромъ я застала Альфонсину въ слезахъ. Я спросила у ней, о чемъ она плачетъ; бѣдняжка отвѣчала, что у ней болитъ голова. Но это выдумка; я вспомнила, что вчера, когда хотѣли танцовать подь фортепiano, дерзкая мамзель Демазюръ подошла къ Фавролю, который разговаривалъ съ нами, и сказала:

«—Вы забыли, мосьё Фавроль, обѣщаніе танцовать со мною первый кадрилъ?»

Бѣдный Фавроль вынужденъ былъ сдаться на такую безстыдную атаку, но шепнулъ мнѣ:

«—Повѣрьте, что еслибъ мнѣ хотѣлось танцовать, я ангажировалъ бы маммуазель Альфонсину.

Бѣдняжка была весь вечеръ скучна до крайности. (Между нами сказать, она, кажется, будетъ очень ревнива). Повторяю, сегодня утромъ она плакала.

«Видишь, мой другъ, намъ надо рѣшиться поскорѣе. Нуарфѣли умоляютъ меня погостить у нихъ еще нѣсколько дней. Съ своей стороны, я не вижу тутъ ничего неприличнаго, и мнѣ хотѣлось бы пробыть здѣсь подольше, чтобы мадамъ Демазюръ искусала себѣ ногти отъ зависти. И ей не стыдно посылать дочь ангажировать молодого человѣка, который вовсе и не думалъ танцовать съ нею! Если же Фавроль будетъ объявленъ женихомъ, то всѣ возможные Демазюръ взбѣсятся отъ зависти. Такъ имъ и слѣдуетъ, а я позабавлюсь ихъ бѣшенствомъ!

«Прощай, мой другъ; поцѣлуй Жерара, и отвѣчай съ слѣдующей почтой.

«Л. де-М».

«Я забыла спросить, поправляется-ли миссъ Мери, и сообщить тебѣ странную выдумку Альфонсины. Ты знаешь, что Фавроль былъ покровителемъ миссъ Мери во-время путешествія изъ

Калѣ въ Парижъ, и она часто отзывалась о немъ съ уваженіемъ и благодарностью въ присутствіи Альфонсины. Знаешь, что вздумала наша милая дочка? Скрыть отъ Фавроля, что миссъ Мери у насъ учительницей, чтобы позабавиться ихъ неожиданной встрѣчей. Это—ребячество, на которое я нисколько не возражала, и даже дала за тебя слово Альфонсинѣ, что ты за-одно съ нами... Ахъ, я забыла еще тайну! Я пригласила Фавроля провести у насъ нѣсколько дней. Альфонсина желаетъ, чтобы ты не говорилъ объ этомъ приглашеніи Жерару, и готовить ему сюрпризъ. Пожалуйста, скрой и эту тайну, и, главное, отвѣчай поскорѣе. Демазюры нестерпимы своими претензіями».

Г. Морвиль согласился на просьбу жены; она осталась у Нуарфѣлей, и Фавроль былъ объявленъ женихомъ Альфонсины.

Миссъ Мери поправилась послѣ трудной болѣзни, когда г-жа Морвиль воротилась съ дочерью и Фавролемъ отъ Нуарфѣлей.

Два сюрприза совершились разомъ.

Жераръ очень обрадовался, узнавъ въ женихѣ сестры школьнаго товарища, Фавроля, а этотъ остолбенѣлъ отъ удивленія, когда узналъ въ учительницѣ своей невѣсты ту самую дѣвицу, въ которую онъ такъ долго былъ влюбленъ безъ памяти.

V.

Широкая рѣчка, служившая сѣверною границей замка Морвиль, глубоко заслонялась берегами и омывала подошву довольно высокаго утеса, похожаго на натуральную стѣну, на вершинѣ которой былъ построенъ павильонъ, изъ нѣсколькихъ комнатъ. Семейство Морвиль иногда переселялось сюда на лѣтнее время, чтобы наслаждаться обширною и красивой панорамой.

Въ первыхъ числахъ февраля, видъ изъ павильона былъ унымый и однообразный: голыя деревья сливались черными купами на горизонтѣ, затянутомъ зимнимъ туманомъ; въ эту пору года павильонъ протапливали, и въ немъ частенько бывали посѣтители; но они отправлялись сюда не обществомъ, какъ люди, для которыхъ удовольствіе имѣетъ двойную цѣну, когда его раздѣляешь съ другими, но отдѣльно, и почти избѣгали другъ друга, приходя въ это убѣжище, въ которое вели двѣ лѣстницы, одна внутренняя, другая наружная; послѣдняя соединялась съ бельведеромъ.

Теодоръ Фавроль уже съ четверть часа сидѣлъ въ библиотекѣ, расположенной въ первомъ этажѣ. Послѣ долгой нерѣшимости, онъ написалъ записку, всталъ и отдалъ ее слугѣ, который ждалъ въ прихожей.

— Отнеси это письмо, сказалъ Фавроль, указывая на адресъ: я жду здѣсь отвѣта.

Лакей ушелъ. Фавроль повернулся, чтобы идти въ библиотечку, и встрѣтилъ брата Альфонсины.

На блѣдномъ и похудавшемъ лицѣ Жерара были видны слѣды неподдѣльной печали: это былъ уже молодой человѣкъ, начинавшій жизнь страданьями.

— Теодоръ, я ждалъ тебя, сказалъ онъ Фавролю.

— Ты ждалъ меня? Значитъ, сію минуту я слышалъ твои шаги на лѣстницѣ, которая ведетъ въ бельведеръ?

— Нѣтъ.

— Однакожъ я готовъ держать пари, что ты скрывалъ свое *восхождение* и шелъ на носкахъ охотничьихъ сапоговъ.

Жераръ протянулъ ногу, обутую въ простой сапогъ, и сказалъ:

— Вѣрно, кто-нибудь изъ прислуги шелъ въ бельведеръ.

— Все-равно, отвѣчалъ Фавроль: но если ты ждалъ меня съ четверть часа, отчего же ты не вошелъ сюда?

— Я слышалъ, что ты велѣлъ лакею ждать письма; я хотѣлъ говорить съ тобою наединѣ.

— Чортъ возьми! сказалъ Фавроль съ принужденною улыбкой: значитъ, дѣло важное?

— Очень важное.

И молодые люди вошли въ библиотечку, о трехъ окнахъ, обращенныхъ на поле. Въ углу висѣла длинная койка, на которой пріятно засыпаешь, покачиваясь, въ жаркіе лѣтніе дни; широкія и глубокія кресла, разставленные тамъ и сямъ, манили къ чтенію или размышленіямъ. Въ этой комнатѣ, семейство Морвиль часто собиралось, въ счастливые дни, читать вмѣстѣ любимую книгу, или предаваться, послѣ прогулки, наслажденіямъ бесѣды.

Фавроль сѣлъ, у стола, на которомъ лежала раскрытая книга; Жераръ помѣстился неподалеку отъ жениха своей сестры, облокотился на столъ, положилъ голову на ладонь и молчалъ.

— Жераръ, я слушаю, сказалъ Фавроль.

— Въ концѣ осени, ты встрѣтилъ мою матушку и сестру у Нуарфелей. Давнишнее желаніе моего отца и твоего осуществилось отчасти; ты просилъ руки моей сестры — и получилъ согласіе. Вскорѣ прошелъ слухъ, что Теодоръ Фавроль женится на дѣвицѣ Морвиль.... Все это, повторяю, случилось въ концѣ осени.

— Къ чему эти воспоминанія?

— Выслушай. Матушка моя пригласила тебя, какъ жениха моей сестры, погостить у насъ въ замкѣ. Во-время оно, ты встрѣтился въ дорогѣ съ учительницей Альфонсины. Сестра, по шалости, хотѣла позабавиться удивленіемъ, которое произведетъ на тебя неожиданная встрѣча съ этой особой. Все наше семейство участвовало въ этомъ заговорѣ, и разъ утромъ, Альфонсина, смѣясь отъ души, представила васъ другъ другу за завтракомъ. Лицо твое измѣнилось, когда ты увидѣлъ учительницу....

— Значитъ, ты очень внимательно наблюдалъ меня? съ желчью перебилъ Фавроль.

Жераръ смѣшался отъ этого вопроса, однакожъ отвѣчалъ не поднимая глазъ:

— Сестра такъ часто говорила, что эта неожиданная встрѣча удивитъ тебя, что каждому любопытно было видѣть, какой эффектъ произведетъ двойное удивленіе.

— Въ такомъ случаѣ, ты не могъ не замѣтить, съ какимъ ледянымъ равнодушіемъ встрѣтила меня миссъ Мери?

— Я говорю не о миссъ Мери, возразилъ Жераръ, затрепетавъ при этомъ имени: я говорю о тебѣ, Теодоръ, и я видѣлъ какъ ты смѣшался въ присутствіи учительницы моей сестры.

— Жераръ! Это похоже на допросъ, допросъ тѣмъ болѣе странный, что я уже кончалъ курсъ, когда ты только-что начиналъ учиться латинскимъ склоненіямъ....

— Въ другое время, такія слова раздражили бы меня, задумчиво отвѣчалъ Жераръ: но теперь, признаюсь, сердце мое исполнено новыхъ, высокихъ чувствованій, которыя погасили во мнѣ ребяческое самолюбіе.... да, теперь меня не оскорбитъ твоя презрительная улыбка.

— Хорошо! сказалъ Фавроль, удивленный голосомъ Жерара: поговоримъ серьезно.

— Я такъ и началъ съ первыхъ словъ. До твоего приѣзда къ намъ, въ семействѣ нашемъ царствовали миръ и счастье, а теперь... какая пере мѣна! Батюшка мой ходитъ мрачный, убитый; Альфонсина не въ состояніи разсѣять его; онъ избѣгаетъ даже моего присутствія, и когда мы остаемся вдвоемъ, его упорное молчаніе обдаетъ меня холодомъ; матушку гложетъ тайная печаль; сестру невозможно узнать: съ каждымъ днемъ, она дѣлается блѣднѣе, слабѣе, молчаливѣе. Напрасно докторъ увѣряетъ, что въ болѣзненномъ состояніи Альфонсины нѣтъ ничего опаснаго: это состояніе беспокоитъ, ужасаетъ меня....

Фавроль прервалъ рѣчь и пошелъ отворить наружную дверь павильона, потому-что на лѣстницѣ слышались шаги. Дѣйствительно, въ комнату вошелъ слуга, тотъ самый, котораго онъ послалъ съ письмомъ. Фавроль вышелъ съ нимъ изъ библіотеки и заперъ за собою дверь.

— Ну, что моя записка? шепнулъ онъ, смотря на дверь: что моя записка?

— Я отдалъ ее, сударь.

— Какой отвѣтъ?

— Миссъ Мери будетъ здѣсь въ двѣнадцать часовъ.

— Здѣсь? въ павильонѣ?

— Точно такъ, сударь; она сказала: въ павильонѣ Утеса.

— Хорошо, ступай, и никому ни слова.

Фавроль воротился въ библіотеку.

Слуга выходя изъ павильона, сказалъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ удивится-то мадамъ Пиволё, когда я расскажу ей дѣло!

Фавроль засталъ Жерара въ прежнемъ положеніи; только лицо молодаго человѣка сдѣлалось еще печальнѣе, нежели при началѣ разговора.

— Теодоръ, сказалъ ему Жераръ, не поднимая глазъ: если я спрошу у тебя, какое письмо ты такъ усердно скрываешь отъ меня, если спрошу во имя нашего общаго счастья—ты будешь отвѣчать?

— Нѣтъ! сухо возразилъ Фавроль.

Оба замолчали. Черезъ минуту, Жераръ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Сейчасъ я говорилъ тебѣ о несчастіи, которое тяготѣетъ надъ нашимъ семействомъ; говорилъ о печали, которая убиваетъ мою сестру.

— Откровенно говоря, Жераръ, отвѣчалъ Фавроль послѣ минутнаго размышленія: ты неудачно выбралъ день для своихъ увѣщаній, не хочу сказать—упрековъ: въ нихъ нѣтъ смысла.

— Я не выбиралъ этого дня, важно сказалъ Жераръ: нѣтъ, я не выбиралъ; я ждалъ, пока несчастіе моихъ родныхъ, вмѣстѣ съ моими собственными страданіями, переполнитъ мѣру, и тогда я сказалъ себѣ: «Пора!» Я просилъ тебя поговорить со мною и говорю тебѣ: ты причиною страданія тѣхъ, которые такъ дороги моему сердцу.

— Я?

— Ты?

— Тебѣ сказали это или отецъ, или мать....

— Ничего не сказали; я люблю ихъ и угадываю ихъ мысли.

— Ты ошибаешься.

— Не ошибаюсь. Отецъ мой, связанный тѣсною дружбой, съ твоимъ семействомъ, не смѣетъ, какъ и матушка, торопить тебя, назначить день такъ давно условленнаго союза. Еще менѣе рѣшатся они сказать: «все разрушено!» потому-что бѣдная сестра моя любитъ тебя.... любитъ тебя, къ-несчастью, страстно. Теперь отвѣчай: благородно ли откладывать твою

женитьбу на неопредѣленный срокъ? Если ты рѣшился не жениться на Альфонсинѣ, то въ-правѣ ли ты оставаться здѣсь долѣе?

— Прекрати эти вопросы! вскричалъ Фавроль: не принуждай меня отвѣчать.

— Я не хочу ссориться, это только удалило бы меня отъ цѣли. Еще разъ, *да* или *нѣтъ*? Думаешь ты отказаться отъ брака, который наши родители считаютъ дѣломъ уже оконченнымъ?

— Я не перемѣнилъ своего желанія....

— Жениться на моей сестрѣ?

— Да.

— Когда же?

— Впослѣдствіи.

— Назначь время.

— Развѣ можно назначить день свадьбы, когда сестра твоя больна?

— Радость оживить ее.

— Дитя!

— Это не отвѣтъ; твоя нерѣшимость убиваетъ сестру; дай рѣшительный отвѣтъ, заставь Альфонсину вѣрить въ твои обѣщанія, и она поправится, будетъ счастлива.

— Хорошо; я уговорюсь съ твоимъ батюшкой, и мы назначимъ день.

— Хорошо; пойдемъ къ батюшкѣ.

— Только не сегодня.

— Почему?

— Потому-что не хочу.

— Отступаешь!

— Положимъ, отступаю! вскричалъ Фавроль, выведенный изъ терпѣнія настойчивостью Жерара.—Я былъ слишкомъ добръ, что слушалъ тебя! Ты думаешь меня дурачить? Развѣ я не вижу твоей настоящей мысли? Развѣ ты сталъ бы такъ жарко вступаться за сестру, еслибъ я сказалъ тебѣ: «не смотри на меня, какъ на соперника; я не думаю мѣшать твоей любви»? А, теперь ты молчишь, краснѣешь!

— Мнѣ не зачѣмъ молчать и краснѣть: будущность моя свободна.

— А развѣ я до такой степени связалъ свою независимость, что не могу воротить ее?

— Наконецъ ты сознаешься, что готовъ отказаться отъ моей сестры?

— А ты сознаешься, что вступился такъ изъ зависти?

— Это черезъ-чуръ! вскричалъ Жераръ, покачнувшись на стулѣ.

Потомъ, ставъ прямо предъ Фавролемъ, который тоже всталъ, сказалъ ему:

— Долой маску! Теодоръ, ты любишь миссъ Мери!

— Да!

— Я также люблю ее!

— Тѣмъ хуже для тебя.

Дверь бібліотеки вдругъ отворилась, и вошла миссъ Мери.

VI.

Молодые люди ошолбенѣли, увидѣвъ миссъ Мери; но она подошла къ нимъ очень спокойно, отворила окно и сказала:

— Извините, господа: мадмуазель Альфонсина желала провести здѣсь нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться прекраснымъ днемъ.

Фавроль и Жераръ обмѣнялись выразительнымъ взглядомъ, боясь, не услышала ли учительница ихъ разговора, когда входила въ бібліотеку; но въ словахъ и голосѣ дѣвушки не было замѣтно ни малѣйшаго безпокойства.

— Моссь Фавроль, сказала она самымъ естественнымъ тономъ: сдѣлайте одолженіе, помогите мнѣ придвинуть диванъ къ окну; мадмуазель Морвиль хочетъ отдохнуть въ этомъ павильонѣ.

Пока Фавроль помогала миссъ Мери, она продолжала, обратясь къ Жерару:

— Сестрица ваша прогуливается по парку въ коляскѣ: бѣдняжка очень слаба, очень устала; постарайтесь ее разсѣять.

Жераръ, смотря на Фавроля, который молча укладывалъ на диванѣ подушки, не рѣшался оставить его даже на минуту наединѣ съ миссъ Мери. Учительница, замѣтивъ замѣшательство Жерара, сказала ему нѣжнымъ голосомъ:

— Такъ вамъ неудобно побыть съ Альфонсиной?

Жераръ побѣжалъ, но не заперъ дверей.

Едва только онъ скрылся изъ комнаты, Фавроль быстро приблизился къ миссъ Мери, и сказалъ ей шопотомъ, съ таинственнымъ видомъ:

— Я получилъ вашъ отвѣтъ, мадмуазель. И такъ, вы придете?

— Я даю только такія обѣщанія, которыя хочу сдержать, простодушно отвѣчала учительница.

— Вы придете въ полдень?

— Въ двѣнадцать часовъ, громко сказала миссъ Мери, и устремила на Фавроля твердый и свѣтлый взглядъ, заставившій его опустить глаза: а пока потрудитесь оставить меня здѣсь одну; скоро будетъ сюда мадмуазель Морвиль.

Фавроль, удивленный холоднымъ приѣмомъ миссъ Мери, который, по его мнѣнію, не соответствовалъ условленному свиданію, поклонился, повторивъ въ-полголоса:

— Въ двѣнадцать часовъ!

Въ эту минуту, вошла Пиволё, и сначала не замѣтивъ ни Фавроля, ни миссъ Мери, стоявшихъ у окна, быстро пошла къ дверямъ лѣстницы бельведера. Когда Фавроль выходилъ изъ комнаты, ключница обернулась и остановилась, какъ-будто удивленная, что застала постороннихъ въ библиотекѣ. Молодой человѣкъ уже спустился съ лѣстницы, но служанка все еще стояла на порогѣ, осматривая учительницу съ злобнымъ любопытствомъ.

— Мадмуазель Морвиль еще прогуливается? спросила миссъ Мери.

— Альфонсина? отвѣчала Пиволё отрывисто: Альфонсина плачетъ!

— Плачетъ! повторила миссъ Мери. — Что съ нею случилось?

— Случилось то... что она недолго будетъ плакать по вашей милости. Понимаете?

— Что это значитъ, мадамъ Пиволё?

— А вотъ мы потолкуемъ! вскричала ключница, не отвѣчая учительницѣ, и подошла къ ней такъ грозно, что миссъ Мери невольно отступила. Служанка воспользовалась этимъ, и сдѣлала еще шагъ впередъ.

Миссъ Мери, сожалея, что уступила невольному страху, увидѣла на столѣ корзинку, которую она принесла, чтобы заняться вышиваньемъ, пока Альфонсина будетъ отдыхать на диванѣ; сѣла къ столу, взяла свертокъ кисеи, вышитой до половины, и, вдѣвая нитку, сказала ключницѣ, изумленной такимъ хладнокровіемъ:

— Въ чемъ дѣло, мадамъ Пиволё?

Кормилица Альфонсины, видя, что учительница, однимъ простымъ движеніемъ, обратила великую сцену въ обыкновенный разговоръ, совершенно сбилась съ толку; но спертый гнѣвъ разразился взрывомъ.

— Такъ вы думаете сказала она: что можно, ни съ того ни съ сего, пріѣхать изъ-за границы, съ какого-нибудь острова... не забудьте, возлюбленная, что вы островитянка, вбейте себѣ хорошенько въ голову!.. вы думаете, что можно вѣхаться въ домъ, въ которомъ и не слышали объ васъ; сидѣть возлѣ господъ, за столомъ, въ гостиной, вездѣ! Вы думаете, что можете отнять у меня ребенка, котораго я вскормила своимъ молокомъ, да, я! и что люди, которые служатъ двадцать лѣтъ, перенесутъ это равнодушно! Нѣтъ, прекрасная островитянка....

— Потрудитесь, мадамъ Пиволё, немного отодвинуться, сказала миссъ Мери съ невозмутимымъ спокойствіемъ: вы стоите у окна и загораживаете свѣтъ.

— Если я загораживаю свѣтъ, вскричала ключница, однакожъ повинуюсь, по привычкѣ, миссъ Мери и становясь къ сторонѣ: если я загораживаю свѣтъ, то есть островитянки, которыя загораживаютъ свое поведеніе, прикидываются невинностью, а сами заводятъ возлюбленныхъ въ Индію! Э, ге! Правда, оно и

удобнѣе, и не стѣсняетъ тѣхъ, которымъ вздумается занять мѣсто этихъ возлюбленныхъ... уѣхавшихъ въ Индію!

Миссъ Мери не отвѣчала на эту грубость, но сердце ея сжалось, когда она услышала, что такъ позорять чистое, благородное чувство, единственное ея утѣшеніе во дни испытаній. Слезы покатались у ней изъ глазъ, и она хотѣла-было уступить Пиволѣ и пойти къ Альфонсинѣ; но остановленная собственнымъ достоинствомъ, учительница осталась въ павильонѣ, и продолжала вышивать, хотя иголка дрожала въ ея рукѣ.

Ключница, раздраженная презрительнымъ спокойствіемъ миссъ Мери, которую она надѣялась оскорбить, продолжала еще съ большою желчью:

— Но такъ-какъ индѣйскій возлюбленный далеко, то островитянки ищутъ возлюбленныхъ поближе, подъ рукою...

Миссъ Мери пошатнулась, но едва встала она со стула, ноги ея подкосились, и безумная женщина, радуясь успѣху пустой клеветы, сказала съ злою улыбкой:

— Ну, что съ вами дѣлается, прекрасная островитянка? Кажется, вамъ дурно?

— Посмотрите, пожалуйста, не уронила ли я катушку бумаги, отвѣчала дѣвушка кроткимъ голосомъ, превозмогая душевное волненіе.

Пиволѣ, повинувшись по привычкѣ, наклонилась искать катушку подъ столомъ, но тотчасъ же встала.

— Да что я за дура! вскричала она: развѣ я ваша служанка? Нѣтъ, нѣтъ, а вотъ ты будешь моей служанкой, потому что я знаю всѣ твои секреты.... Хороши секреты! Начнемъ считать, островитянка: во-первыхъ, возлюбленный изъ Индіи, во-вторыхъ, г. Морвиль; въ-третьихъ, бѣдняжка Жераръ, въ-четвертыхъ... да, у тебя есть и четвертый!... его зовутъ Фавроль, котораго ты отнимаешь у моей бѣдняжки, Альфонсины.... Нѣтъ, Пиволѣ не вытерпитъ!...

— И ты осмѣлилась сказать это, презрѣнная! закричалъ голосъ, дрожавшій отъ гнѣва.

Ключница обернулась и увидѣла Жерара, который, входя, услышалъ послѣднія грубости Пиволѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ разразиться выговорами, но учительница укротила гнѣвъ Жерара благороднымъ движеніемъ руки, и потомъ сказала ему:

— Вы оставили сестрицу, Жераръ?

— Да, миссъ Мери; кажется, прогулка утомила ее; притомъ Альфонсина такъ молчалива и печальна, что я не хотѣлъ оставаться съ нею одинъ; въ настоящую минуту, я не чувствую въ себѣ способности развлекать. Я пришелъ просить васъ пойти со мною къ сестрѣ.

Миссъ Мери обрадовалась этому приглашенію. Такимъ-образомъ, она спасла свое достоинство, не подавая виду, что бѣжитъ отъ нелѣпыхъ обвиненій, и, взявъ Жерара подъ руку, скорыми шагами вышла изъ павильона.

— Ступай, ступай себѣ прекрасная островитянка, сказала кормилица, провожая миссъ Мери глазами: долго будетъ идти кровь отъ булавочекъ, которыя воткнула я тебѣ прямо въ сердце! А, ты хочешь отнять у меня Альфонсину! Подожди еще не кончено: это только начало.

И подойдя къ дверямъ павильона, она прибавила:

— Дурень Шенѣ, вѣрно, пришелъ сюда. Хорошо, что островитянка и Жераръ убрались во-время.

Пиволѣ осторожно отперла дверь и кликнула:

— Шенѣ! любезный Шенѣ!

При этомъ имени раздался на лѣстницѣ стукъ деревянныхъ сапоговъ, и показался старикъ, одѣтый пастухомъ, съ длиною палкою. На лицѣ его отражалось совершенное отсутствіе смысла. Старикъ вытаращилъ глаза на Пиволѣ съ видомъ глубочайшаго уваженія.

— Теперь настало время, почтеннѣйшій Шенѣ, торжественно сказала ключница: не должно отступать.

— Не должно, мадамъ Пиволѣ.

— Я велѣла тебѣ придти сюда, чтобы хорошенько уговориться.... Время дорого; я не знала, что придутъ въ павильонъ. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что поднялся на бельведеръ, когда услышалъ что идутъ.

— Точно такъ, мадамъ Пиволѣ, я побѣжалъ наверхъ, когда увидѣлъ, что идутъ сюда.

Мадамъ Пиволѣ услышала стукъ экипажа, и живо сказала пастуху, указывая на дверь, въ которую онъ вошелъ:

— Скорѣе, Шено, скорѣе бѣги съ этой маленькой лѣстницы. Я пришла къ тебѣ Робена.

— Слушаю!

Черезъ нѣсколько секундъ въ библіотеку вошла Альфонсина.

VII.

Альфонсина вошла въ библіотеку, поддерживаемая съ одной стороны учительницей, съ другой Жераромъ. Бѣдную дѣвушку невозможно было узнать: черные глаза ея, сверкавшіе лихорадочнымъ блескомъ, казались еще больше на блѣдномъ матовомъ лицѣ, исхудавшемъ отъ болѣзни. Альфонсина сѣла къ окну на диванъ, потомъ протянулась на немъ, положила голову на подушки, и закрыла глаза, даже не взглянувъ на пейзажъ, который разстилался по ту сторону рѣки.

— Хорошо ли вамъ такъ, Альфонсина? прибавила миссъ Мери.

— Не надо ли тебѣ чего-нибудь, сестрица? спросилъ Жераръ.

Альфонсина молчала.

— Если хочешь, мы воротимся въ паркъ? продолжалъ братъ.

— Нѣтъ, я лучше останусь здѣсь, наконецъ произнесла Альфонсина слабымъ голосомъ.

— Не отослать ли, сестрица, коляску? Она воротится за тобою черезъ два часа.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, обернувшись лицомъ къ спинкѣ дивана.

И потомъ сказала въ какой-то нетерпѣливой лихорадочной нерѣшимости:

— Отошли экипажъ, я пойду пѣшкомъ.

Жераръ пошелъ къ дверямъ, но сестра воротила его:

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть лучше останется коляска... я слишкомъ слаба, не могу ходить.

Три свидѣтеля этихъ болѣзненныхъ капризовъ не говорили ни слова. Спустя секунду, Альфонсина сказала:

— Я хочу остаться одна.

Жераръ печально удалился; Пиволé пошла вслѣдъ за нимъ, нѣжно взглянувъ на Альфонсину и бросивъ на миссъ Мери взглядъ торжествующей злобы. Учительница осталась одна съ больною. Альфонсина какъ-будто успокоилась; вѣки ея смежились, дыханье сдѣлалось правильнѣе; она, казалось, уступала сну, навѣянному прогулкой. Миссъ Мери стояла, опершись рукою на диванъ, и наклонилась, чтобы поцѣловать Альфонсину; но дѣвушка быстро отвернулась и сказала отрывисто:

— Я не сплю!

Потомъ, она снова закрыла глаза.

— Вы не спите, Альфонсина? спросила удивленная миссъ Мери: вы чувствовали, что я хотѣла васъ поцѣловать и отвернулись.

— Да, сухо отвѣчала дѣвушка, не раскрывая глазъ и не перемѣняя положенія: да я захотѣла отвернуться отъ васъ.

— За что же вы отвергаете мои ласки?

— Я не люблю васъ.

— Что вы говорите? вскричала миссъ Мери, не вѣря своимъ ушамъ: вы не любите меня?

— Нѣтъ.

— За что же? съ какого времени? Еще сегодня утромъ вы такъ искренно благодарили меня за мои попеченія.

— Утромъ я не знала того, что знаю теперь.

— Что же вы узнали, дитя мое?

— Не называйте меня такъ... мнѣ дурно отъ этихъ словъ.

— Альфонсина! Ради Бога скажите, что за причина такой перемѣны?

— И вы еще спрашиваете?

— Спрашиваю, скрестя руки! Ради Бога, не отвѣчайте мнѣ съ закрытыми глазами; можно подумать, что вамъ страшно меня видѣть.

— Потому-то я и закрываю глаза, что боюсь видѣть васъ.

— Бойтесь, Альфонсина? Подумайте, что вы говорите, отвѣчала миссъ Мери съ изумленіемъ.

И потомъ прибавила почти шопотомъ:

— Бѣдняжка! лихорадка помутила въ ней разсудокъ.

— О, я въ полномъ разсудкѣ, сказала Альфонсина, слыша слова учительницы: да, къ-несчастію, я въ полномъ разсудкѣ.

— Въ такомъ случаѣ, Альфонсина, ради самаго Неба говорите прямо! Вы терзаете меня! Что съ вами?

— Что?... Я ревную!

И сказавъ это слово, вырвавшееся изъ груди какъ раздирающій вздохъ, дѣвушка быстро приподнялась на диванѣ, и устремила глаза на учительницу.

Миссъ Мери, испуганная этимъ неожиданнымъ движеніемъ, отступила назадъ и вскрикнула горестно:

— Вы, Альфонсина, ревнуете ко мнѣ!

— Да, ревную! Фавроль любитъ васъ. Сегодня утромъ, онъ писалъ вамъ и вы назначили свиданіе... здѣсь. Мнѣ сказала Пиволé. Она видѣла, какъ слуга принесъ вамъ письмо отъ Фавроля. Докажите, что это ложь.

— Я никогда не лгу, Альфонсина, кротко отвѣчала миссъ Мери: Фавроль писалъ мнѣ сегодня утромъ и я назначила ему свиданіе въ этомъ павильонѣ.

— Вотъ видите! проговорила дѣвушка, заливаясь слезами: онъ любитъ васъ и вы его любите!

— Бѣдное дитя! Теперь я понимаю все, сказала про себя миссъ Мери.— Господи, прости мнѣ, что свои горести помѣшали мнѣ узнать причину страданій этого любимаго и невиннаго существа.

И, ставъ на колѣни передъ Альфонсиной, которая все еще не отнимала рукъ отъ лица, смоченнаго слезами, сказала:

— Дитя мое, выслушайте меня!

— Нѣтъ, оставьте меня; я сказала, что боюсь васъ... Я не хочу видѣть васъ, проговорила Альфонсина, будучи не въ силахъ удержать рыданій.— И вы такъ обманули меня... надѣлали столько зла мнѣ, которая васъ такъ любила!.. Ахъ, зачѣмъ вы пріѣхали во Францію?... Не даромъ маменька не хотѣла, чтобъ вы пріѣхали къ намъ!.. Проклинаю тотъ день, когда вы вступили въ нашъ домъ.

— Не говорите этого Альфонсина; вы лишите меня мужества, которое мнѣ теперь необходимо, потому-что долгъ, кото-

рый слѣдуетъ мнѣ исполнить, труднѣе нежели я думала. Горесть, которую вы до-сихъ-поръ таили въ себѣ, наконецъ обнаружилась; въ первомъ порывѣ, она была несправедлива и ужасна. Ахъ, бѣдное дитя, вы очень огорчили меня!

И слезы вырвались изъ глазъ миссъ Мери.

— А я-то, развѣ я не мучусь? отвѣчала Альфонсина, заливаясь слезами.

— Да, вы страдаете болѣзью, странною въ ваши лѣта, и оттого вы такъ несправедливо обвинили меня. Но, моя милая, вы вскорѣ узнаете несправедливость своихъ подозрѣній, и уничтожить ихъ—будетъ моимъ послѣднимъ долгомъ....

Неожиданный приходъ Жерара прервалъ слова миссъ Мери.

Онъ вошелъ медленно и въ нерѣшимости остановился на порогѣ; потомъ превозмогъ себя, и приблизился къ двумъ дѣвушкамъ.

Учительница, пораженная выраженіемъ лица молодаго человека, спрашивала его взоромъ. Съ минуту Жераръ молчалъ; щеки его, поблѣднѣвшія отъ печали, вдругъ вспыхнули, и онъ сказалъ сестрѣ взволнованнымъ голосомъ, не смѣя поднять глаза на учительницу:

— Альфонсина, ты хотѣла остаться одна съ миссъ Мери; я не рѣшался придти къ тебѣ; но сознаюсь, я теряю мужество, на мнѣ тяготѣетъ тайна—источникъ несчастія моей жизни. Я могъ бы открыть эту тайну миссъ Мери, когда мы бывали вдвоемъ, но я разсудилъ, что лучше высказать ее прямо.... при тебѣ.... Можетъ-быть, миссъ Мери оцѣнитъ ее; притомъ она любитъ тебя, и надѣюсь, по этой любви, выслушаетъ, не сердясь, меня, твоего брата.

Когда Жераръ заговорилъ о любви миссъ Мери, Альфонсина задрожала, горько улыбнулась, и повернулась на другую сторону, чтобы скрыть свои слезы; между-тѣмъ какъ учительница смотрѣла съ возрастающимъ удивленіемъ на молодаго человека.

— Объяснитесь, Жераръ, сказала она: какую хотите вы повѣрить мнѣ тайну?

Братъ Альфонсины снова покраснѣлъ; въ лицѣ его выразилась глубокая тоска; онъ хотѣлъ говорить, но волненіе чувствъ заглушало слова; глаза его наполнились слезами; онъ упалъ на

колѣни у дивана, на которомъ отдыхала Альфонсина, поцѣловалъ ее, прижался лицомъ къ ея груди, и проговорилъ голосомъ, прерываемымъ слезами:

— Сестра, добрая моя сестра.... умоляю тебя.... скажи миссъ Мери.... что я ее люблю!

— Ты! вскричала дѣвушка съ горестнымъ изумленіемъ.

И обвинивъ брата руками, она произнесла сквозь рыданья:

— Бѣдный братъ!... Мы оба несчастны!...

Братъ и сестра, упавъ лицомъ одинъ на грудь другаго, судорожно обнялись и молча заплакали; Жераръ былъ въ испугѣ, какъ-будто онъ совершилъ преступленіе; Альфонсина видѣла въ любви брата источникъ новыхъ несчастій.

Миссъ Мери, глубоко растроганная нѣжностью и благородствомъ Жерара, полагавшаго свою робкую и чистую любовь подъ защиту невинности Альфонсины, съ участіемъ смотрѣла на брата и сестру, думая только о томъ, какъ бы вымечить одного—отъ безумной любви, другую—отъ безумной ревности.

Жераръ, чувствуя, что по щекамъ его текутъ жгучія слезы Альфонсины, поднялъ голову и сказалъ:

— Ты плачешь? Тебѣ жаль меня?

— Да, бѣдный братъ! отвѣчала дѣвушка: да, потому-что ты не знаешь той, которую любишь.... Она здѣсь на горе всѣмъ намъ!

— Всѣмъ! повторилъ Жераръ, схвативъ сестру за руку: Альфонсина, что ты говоришь? Она, миссъ Мери, гений доброты?

— Миссъ Мери, рыдая отвѣчала дѣвушка: да, миссъ Мери.... гений доброты! Ты не знаешь, что....

Учительница слегка приложила руку къ губамъ Альфонсины, и сказала почти умоляющимъ голосомъ:

— Умоляю васъ, дитя мое, ни слова болѣе; послѣ вы расскажетесь въ своихъ подозрѣніяхъ. Ради Бога, выслушайте меня, и вы также, Жераръ. Мы все трое находимся въ какомъ-то двусмысленномъ положеніи; взглянемъ прямо на истину, и тогда мы снова будемъ уважать другъ друга, и будемъ снова чувствовать взаимную привязанность, которой ничто не нарушитъ, если мы объяснимся откровенно....

Миссъ Мери взяла за руки Жерара и сестру его, не смотря на ея сопротивленіе, и продолжала:

— И такъ, поговоримъ откровенно. Я—почти старая дѣвушка, прибавила она, грустно улыбувшись: вы, Жераръ, уже молодой человѣкъ, и Альфонсина вскорѣ сдѣлается женщиной, потому-что она выйдетъ за-мужъ.

При этомъ намекѣ на разрушенныя надежды, сестра Жерара, не поднимая глазъ на миссъ Мери, содрогнулась.

— Объяснимся безъ оговорокъ, продолжала учительница: выскажемъ даже то, что могло бы огорчить насъ; по-крайней-мѣрѣ, мы узнаемъ, чего держаться. Хотите, Альфонсина?

— Зачѣмъ? отвѣчала дѣвушка.

— Я, съ своей стороны, обещаю не произносить ни слова, которое обнаружило бы или скрыло мою мысль, сказалъ Жераръ, утирая слезы, и съ боязнью ждалъ вопроса миссъ Мери.

— Скажите, Жераръ, спросила учительница: старалась ли я привлечь васъ къ себѣ, когда вы пріѣхали сюда изъ Парижа?

— Я не говорилъ этого, миссъ Мери, отвѣчалъ удивленный Жераръ.

— Я не обвиняю васъ, я только спрашиваю: увлекала я васъ?

— Никогда!

— Старалась ли я пріобрѣсти ваше расположеніе, лаская ваше самолюбіе?

— Напротивъ, миссъ Мери, я видѣлъ, что, согласно съ желаніемъ батюшки, вы всегда дѣлали мнѣ выговоръ, когда я поступалъ дурно, и хвалили меня за хорошее. Иногда, вы были даже очень строги ко мнѣ.

— Еще вопросъ. Послѣ расположенія своего къ вамъ, развѣ я перемѣнила вдругъ свое обращеніе, и возбудила въ васъ печаль или досаду?

— Конечно, нѣтъ, миссъ Мери; часто, я отдалялся отъ васъ, потому-что вы были окружены лицами, которыхъ присутствіе огорчало меня. Но когда я возвращался къ вамъ, вы встрѣчали меня всегда одинаково; вы, кажется, и не подозрѣвали причинъ, которыя удаляли меня отъ васъ или приближали къ вамъ. Признаюсь, эта самая ровность и возбуждала во мнѣ живѣйшую печаль.

— И такъ, Жераръ, вы не обвиняете меня въ кокетствѣ? Вы сознаетесь, что я не старалась возбуждать въ васъ любовь, въ которой вы признались вашей сестрѣ? Не правда ли, вы согласитесь, что я невиновата въ любви, которая заставила васъ страдать?

— Увы, миссъ Мери! Вы невиноваты въ томъ, что я васъ люблю.

— Любезная Альфонсина, продолжала миссъ Мери, обратясь къ дѣвушкѣ, которая неподвижно присутствовала при этомъ допросѣ, еще не догадываясь, до чего хотѣла учительница довести Жерара: какъ вы думаете, по правдѣ ли отвѣчалъ вашъ братъ? Раздѣляете ли вы его мысли обо мнѣ?

— Кажется... да, нерѣшительно отвѣчала Альфонсина.

— Теперь, мосьё Жераръ, поговоримъ со всею откровенностью, сказала миссъ Мери.— Не будемъ закрывать глазъ передъ истиной, какъ бы ни была она тяжела.... Вы любите меня!... На что же вы надѣялись?

— Вы слышали, миссъ Мери, сію минуту, какъ я умолялъ сестру сказать вамъ, что люблю васъ.... Можете ли вы подозревать во мнѣ дурныя мысли?

— Я вѣрю вамъ. Жераръ. Въ такомъ случаѣ, на что же вы надѣялись?

— На что? повторилъ Жераръ, ошолбенѣвъ отъ этого вопроса.

И обратясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Ты слышала, Альфонсина? миссъ Мери спрашиваетъ, на что я надѣялся?

Жераръ замолчалъ, и потомъ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я надѣялся, миссъ Мери, жениться на васъ, провести жизнь съ вами и сестрою....

— Желаніе это дѣлаетъ мнѣ честь, мосьё Жераръ, потому что оно родилось изъ чистаго и благороднаго чувства. Но подумали ли вы, что мнѣ уже двадцать шесть лѣтъ, да, ровно двадцать шесть!... Я почти старая дѣвушка, прибавила миссъ Мери съ прелестною улыбкой.— И притомъ, вспомните, Жераръ, что будучи приглашена сюда въ домъ, чтобы подѣлиться своими знаніями съ вашею сестрицей, я обманула бы довѣріе

вашихъ родителей, еслибъ согласилась на ваше предложеніе. Я покинула свою родину, оставила всѣхъ, кого люблю, чтобы помогать имъ своимъ трудомъ, и ворочусь домой съ состояніемъ, которымъ я обязана единственно безумной страсти!... Подумайте, Жераръ....

— Значитъ, вы не любите меня, миссъ Мери, вы никогда не полюбите меня! вскричалъ Жераръ. Что же сдѣлается со мною?

— Я хочу, чтобы вы сдѣлались.... или, вѣрнѣе, остались моимъ другомъ, и надѣюсь, что вы помянете меня добрымъ словомъ, потому что я оставляю здѣшній домъ. Я ѣду....

— Вы.... миссъ Мери.... вы ѣдете! вскричали разомъ Жераръ и Альфонсина, одинъ съ отчаяніемъ, другая съ удивленіемъ и невольною радостью, потому что она видѣла въ отъѣздѣ миссъ Мери отъѣздъ своей соперницы.

— Бѣдное дитя! сказала учительница, взявъ ее за руку: какъ жестоко вы страдали! Одна вѣсть о моемъ отъѣздѣ уже успокоиваетъ васъ....

Затѣмъ, обратясь къ Жерару, миссъ Мери сказала съ невыразимою прелестью:

— Вы любите меня, мой другъ? Не правда ли? Спросите же у своего добраго и нѣжнаго сердца, и скажите, станете ли вы сожалѣть о томъ, что я найду счастье въ кругу своего семейства?

Слова «мой другъ» нѣсколько утѣшили Жерара; но Альфонсина еще не вѣрила учительницѣ, и устремивъ на нее пронизательные глаза, машинально повторила:

— Такъ вы въ-самомъ-дѣлѣ уѣзжаете?

— Должность моя оканчивается очень естественно вашимъ замужествомъ, отвѣчала миссъ Мери.

Жераръ сомнительно покачалъ головою.

— Но вы знаете, что этотъ бракъ невозможенъ, прошептала Альфонсина.

— Я думаю совершенно иначе, дитя мое; но что бы ни случилось, я ѣду непремѣнно.

Эти слова разсѣяли послѣднее сомнѣніе Альфонсины; потомъ, подъ вліяніемъ новой, страшной мысли, она оттолкнула руку учительницы и закричала, заливаясь слезами:

— Если вы уйдете, Фавроль тоже поедет за вами; это вамъ хорошо извѣстно.... И мой братъ, бѣдняжка братъ мой, умретъ съ тоски!

— Нѣтъ, Фавроль не поедетъ за мною, отвѣчала учительница нѣжнымъ и трогательнымъ голосомъ: нѣтъ, братъ вашъ не умретъ съ тоски. Мнѣ извѣстно его благородное сердце и здравый умъ, и я увѣрена, что онъ откажется отъ невозможнаго; да, потому-что кромѣ причинъ, о которыхъ я сейчасъ сказала вашему брату, у меня есть еще одна, самая рѣшительная.

— Что это значитъ? вскричали въ одинъ голосъ Жераръ и Альфонсина: объяснитесь, миссъ Мери.

— Разница въ дѣлахъ и важность моихъ обязанностей, любезная Альфонсина, до-сихъ-поръ заставляли меня говорить съ осторожностью, хотя многое мнѣ пріятно было бы повѣрить вашему сердцу. Теперь, мое дитя, вы возмужали отъ горестей; власть моя надъ вами кончается; вы перестаете быть моею ученицей.... Хотите ли вы быть моею подругой?

— Я! вскричала Альфонсина, еще недовѣрчиво, но уже начинающая уступать прелести любимаго голоса.—Хочу ли я быть вашею подругой?

— Да, любезныя дѣти, продолжала миссъ Мери, смотря то на Жерара, то на Альфонсину: теперь я могу повѣрить вамъ тайну, о которой до-сихъ-поръ должна была молчать.

— Какая же это тайна? спросила Альфонсина, и глаза ея сверкнули нетерпѣньемъ.

Миссъ Мери наклонилась къ брату и сестрѣ, опустила глаза, покраснѣла и сказала почти шопотомъ:

— И я то же.... люблю.

Жераръ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть душевное волненіе, потому-что однимъ этимъ словомъ миссъ Мери разрушила всѣ его надежды; но Альфонсина задрожала и вскрикнула, сжавъ руки миссъ Мери:

— Вы любите Фавроля?

— Нѣтъ! отвѣчала учительница, смотря въ глаза Альфонсинѣ: нѣтъ, я люблю не Фавроля!

Сомнѣнія Альфонсины разсѣялись; она обняла миссъ Мери и осыпала ея слезами и поцѣлуями.

Жераръ, приподнявъ голову и стараясь подавить глубокую горестъ, сказалъ робко, глухимъ голосомъ:

— Миссъ Мери, умоляю васъ.... только одно слово!.. Вы любите....

Слезы прервали его слова.

— А давно.... вы любите?

— До отъѣзда изъ Ирландіи, отвѣчала миссъ Мери: я была обручена съ тѣмъ, кого люблю; родители мои благословили насъ обоихъ.

— Бѣдный братъ! сказала Альфонсина, обнимая Жерара: не унывай; миссъ Мери любила прежде, нежели узнала тебя.

— Правда твоя, сестра: у меня достанетъ твердости, отвѣчалъ молодой человѣкъ, обративъ къ ней лицо, смоченное слезами.

— Повѣрьте, миссъ Мери, продолжалъ онъ: я буду достоинъ вашей дружбы, достоинъ вашего довѣрія.

— Надѣюсь, мой другъ, сказала миссъ Мери, сжавъ руку Жерара.—Высказать ли вамъ мои надежды?... Путешествіе очень полезно въ ваши лѣта. Быть-можетъ, современемъ вы пріѣдете въ Ирландію, и тогда... вы узнаете человѣка, котораго прошу васъ любить, какъ брата; повѣрьте мнѣ, онъ заслуживаетъ этой любви.

— О, миссъ Мери, я всегда буду уважать человѣка, избраннаго вашимъ сердцемъ, отвѣчалъ Жераръ почтительно приложивъ къ губамъ руку учительницы.

— Миссъ Мери, кто-то идетъ сюда, съ живостью сказала Альфонсина.

— Это, вѣрно, Фавроль. Вы знаете, что я назначила ему здѣсь свиданіе.

При этомъ имени, пробудившемъ ревность Альфонсины и Жерара, оба они вздрогнули; молодой человѣкъ утеръ слезы, чтобы ихъ не замѣтилъ соперникъ. Учительница, угадывая замѣшательство, сказала Альфонсинѣ:

— Уйдите, мой другъ, съ братомъ по лѣстницѣ бельведера; надѣюсь, что разговоръ мой съ Фавролемъ послужитъ вамъ въ пользу.... Вотъ онъ... Уйдите, уйдите поскорѣй.

— Увы, добрая миссъ Мери, отвѣчала, дѣвушка, опираясь

на руку брата: признаюсь, я счастлива и утѣшена только въ половину.

— Будьте тверды, моя милая, сердце мое говоритъ, что сегодня вы будете счастливы и утѣшены вполне.

Въ то время, какъ братъ и сестра поднимались по лѣстницѣ бельведера, Фавроль показался въ дверяхъ библіотеки.

VIII.

Фавроль вошелъ смѣло, рѣшительно, и сказалъ миссъ Мери:

— Благодарю васъ, мадмуазель, что вы удѣлили мнѣ нѣсколько минутъ разговора.

— Кажется, очень важнаго.

— Вы догадываетесь объ его содержаніи?

— Можетъ-быть.

— Въ такомъ случаѣ, приступаю, безъ предисловіи, прямо къ дѣлу.... Я люблю васъ: это нелѣпо, безумно—не спорю; но я полюбилъ васъ назадъ тому два года; я насилу вылезъ изъ этой любви, потому-что считалъ васъ потерянною для меня; я увидѣлъ васъ снова—и полюбилъ еще съ большею страстью, еще безумнѣе, нежели въ первый разъ. Говорите, что угодно, думайте, что хотите, я люблю васъ! Въ этотъ разъ, вы должны выслушать меня: я люблю васъ, у меня есть причины любить васъ, и я хочу любить васъ всегда.

— Мосьё Фавроль, отвѣчала миссъ Мери съ благородною и трогательною простотою: назадъ тому около двухъ лѣтъ,—какъ сами вы сію минуту напомнили,—я обратилась къ вашему покровительству, опасаясь нашихъ товарищей по дилижансу, людей, повидимому, не такъ хорошо воспитанныхъ, и вы оказали мнѣ защиту, о которой я всегда вспоминаю съ благодарностью; я думаю, что вы не забыли о ней, какъ бы ни было странно ваше признаніе....

— Мнѣ кажется, миссъ Мери, въ этомъ признаніи нѣтъ ни-

чего обиднаго для васъ; можетъ ли женщина, какъ бы высоко ни была она поставлена въ свѣтѣ, обижаться за то, что ее любятъ, что говорятъ ей о любви?

— Настойчивое признаніе дѣлается оскорбительнымъ, если женщина вынуждена сказать мужчине: «какъ ни лестна ваша любовь, милостивый государь, но я не могу отвѣчать на нее».

— Это относится ко мнѣ?

— Да.

— Слѣдовательно, вы не любите меня?

— Нѣтъ, и умоляю васъ переменить разговоръ.

— Конечно, миссъ Мери, вы болѣе чувствовали бы состраданія къ влюбленному, который томится и плачетъ; я прошелъ эти ступеньки: я тоже томился и плакалъ, когда разстался съ вами въ Парижѣ; я былъ въ отчаяніи, потому-что нѣтъ ничего печальнѣе невозможности; но теперь, я вижу васъ, говорю съ вами.... Скажу прямо: вмѣсто того, чтобы тратить силу на бесплодное отчаяніе, мнѣ гораздо лучше употребить эту силу на уничтоженіе разлучающихъ насъ препятствій.... Поступить иначе, значило бы, по моему мнѣнію, быть слабымъ или безумнымъ; но я ни слабъ, ни безумецъ, хотя и влюбленъ въ васъ до безумія; я хочу, чтобы вы любили меня, и вы будете меня любить.

— Очень сожалѣю, мосьё Фавроль, что разговоръ, на который я смотрю очень серьезно, обращается въ шутку, потому-что я скоро уѣзжаю отсюда.

— А, такъ вы принимаете этотъ разговоръ за шутку!

— Иначе я не могу назвать эту комедію восторженной любви.

— Мнѣ нравится это опредѣленіе: комедія! Но знаете миссъ Мери: эта комедія слишкомъ близко подходитъ къ истинѣ, потому-что комедія часто кончается похищеніемъ.

— Похищеніемъ! повторила миссъ Мери. Подумайте въ чьемъ домѣ вы говорите это?

— Оттого-то я и спѣшу выйти изъ этого дома. Я знаю наизусть, миссъ Мери, всѣ ваши возраженія. Все что бы ни сказали вы про мадмуазель Морвиль, я уже говорилъ себѣ тысячу разъ, и громко, и про себя, и днемъ и ночью; она очень нравилась мнѣ—и понятно: въ ней отражался вашъ отблескъ.

Клянусь честью, еслибъ я не увидѣлъ васъ опять, я бы съ удовольствіемъ женился на ней и, надѣюсь, она была бы очень счастлива со мною, потому-что я все-таки порядочный человекъ; но, какъ порядочный человекъ, признаюсь откровенно, не хочу жениться не любя на мадмуазель Морвиль. Родные не захотятъ сдѣлать ее несчастною... И притомъ, развѣ еще возможенъ этотъ бракъ послѣ такого рѣшительнаго поступка?

— О какомъ это поступкѣ вы говорите?

— О томъ, что я намѣренъ увезти васъ.

— Вы еще не выкинули этой мысли изъ головы?

— Я уже составилъ планъ; все готово. Впрочемъ вы сказали одно слово, которое нѣсколько поколебало мои планы.

— Я обратилась къ вашей чести... это поколебало васъ? сказала миссъ Мери, испуганная рѣшительнымъ тономъ Фавроля.

— Нѣтъ, вы сказали, что скоро уѣзжаете отсюда.

— Очень скоро.

— И потому я долженъ измѣнить свой планъ.

Фавроль побѣжалъ къ дверямъ лѣстницы бельведера, заперъ ихъ, и спряталъ ключъ въ карманъ.

— Но объясните, что вы дѣлаете? вскричала учительница.

— Очень просто, мадмуазель: вы не выйдете отсюда до вечера.... Къ семи часамъ будутъ готовы лошади; я явлюсь за вами, и мы оставимъ замокъ.

Фавроль рассказалъ свой планъ съ такою увѣренностью, что миссъ Мери сперва презрительно улыбнулась, но потомъ начала трепетать. Въ этомъ пустомъ павильонѣ, ей нельзя было надѣяться ни на какую помощь....

Все измѣнило ей. Еще поутру, въ надеждѣ скорѣ воротиться къ роднымъ, и въ увѣренности встрѣтить Генриха Дугласа, который долженъ былъ пріѣхать въ Дублинъ, миссъ Мери радовалась, что она примиритъ всѣ страсти, такъ неожиданно пробужденныя, успокоитъ заблудшіе умы, и оставитъ въ замкѣ Морвиль пріятное воспоминаніе. Но миссъ Мери слишкомъ много рассчитывала на свою твердость, на свое хладнокровіе, на прямоту своихъ намѣреній....

Миссъ Мери употребила послѣднее усиліе.

— Не можетъ быть, чтобъ вы настаивали на такомъ низ-

комъ намѣреніи! вскричала она, простирая къ Фавролю умоляющія руки.

— Извините, миссъ Мери, отвѣчалъ Фавроль: начинаетъ смеркаться, время дорого. Я долженъ оставить васъ здѣсь одну.

Фавроль явился однимъ прыжкомъ у порога библіотеки, но едва отворилъ дверь, какъ очутился лицомъ къ лицу съ здоровымъ мужчиною, въ сюртукѣ песочнаго цвѣта, и сапогахъ со шнорами и отворотами, забрызганныхъ грязью. Фавроль отступилъ въ изумленіи, и въ то же мгновеніе услышалъ голосъ Мери:

— Вилльямъ! добрый Вилльямъ! Само Небо посылаетъ васъ!

Фавроль узналъ кучера, который, за два года передъ тѣмъ, такъ убѣдительно просилъ его защитить молодую путешественницу, уѣзжавшую изъ Калѣ. Миссъ Мери, взволнованная появленіемъ Вилльяма, который, вѣроятно, привезъ ей извѣстія изъ Ирландіи, была не въ силахъ даже подойти къ вѣрному слугѣ, и оперлась на спинку кресель. Фавроль скрылъ свое бѣшенство, почтительно поклонился, и сказалъ:

— Это требуетъ новыхъ перемѣнъ въ планѣ, и я усердно займусь дѣломъ. Счастіе такъ близко улыбается мнѣ, что нельзя отчаяваться.

Фавроль снова поклонился, и вышелъ.

IX.

Миссъ Мери наконецъ преодолѣла душевное волненіе, произведенное неожиданнымъ пріѣздомъ Вилльяма, и сказала честному слугѣ, смотрѣвшему на нее съ восхищеніемъ:

— Вы пріѣхали изъ Дублина, добрый Вилльямъ? Ну, что подѣлываютъ мой батюшка, маменька, сестры?

— Всѣ, слава Богу, здоровы, всѣ здоровы, отвѣчалъ Вилльямъ, отирая слезы ладонью.

— А вы недавно видѣли ихъ, Вилльямъ? Вы привезли мнѣ свѣжія извѣстія?

— Точно такъ, миссъ Мери; я видѣлся съ вашими родными всякій день. По милости мистера Лаусона, которому угодно было поручиться за меня, я купилъ въ долгъ карету и пустился въ извозъ. Дѣлишки, благодаря Бога, идутъ помаленьку. Я стою въ предмѣстьи, близехонько отъ квартиры вашего батюшки, и такъ-какъ мнѣ всякій день случается объѣздить почти весь городъ, то я и захожу къ мистриссъ Лаусонъ, узнать, нѣтъ ли какихъ порученій, и избавляю вашихъ сестрицъ отъ хольбы.

— Добрый Вилльямъ! Бѣдныя сестры! Что, они мало зарабатываютъ?

— О, теперь онѣ сдѣлались искусными мастерицами; рисуютъ на вѣрахъ маленькія гирлянды, деревца, ручейки. Купцы, которымъ иногда я отвожу работу, не могутъ нахвалиться; я просилъ ихъ платить подороже за работу, и два раза мнѣ удавалось получать прибавку.

Вилльямъ выразилъ свое удовольствіе громкимъ смѣхомъ, и потомъ продолжалъ:

— О, теперь въ вашемъ домѣ дѣла поправляются; не то, что было передъ вашимъ отъѣздомъ, миссъ Мери. На деньги, которыя вы посылаете роднымъ, завели мебель.... Впрочемъ, нечего вамъ и говорить, что мистриссъ Лаусонъ умѣетъ вести хозяйство, и вы обрадуетесь, когда мы привеземъ васъ подъ родительскую кровлю.

Это мы поразило миссъ Мери. Слуга не имѣлъ привычки говорить о себѣ въ первомъ лицѣ множественнаго числа. Сердце дѣвушки затрепетало надеждой, и она устремила безпкойный взоръ на Вилльяма, который, не зная сокровенныхъ мыслей учительницы, продолжалъ:

— Я не даромъ говорю мы. Вотъ въ чемъ дѣло, миссъ Мери. Разъ вечеромъ, пораньше воротившись съ извозу, я пошелъ къ мистриссъ Лаусонъ, отдать отчетъ о покупкахъ. Мистеръ Лаусонъ читалъ газету; сестрицы ваши рисовали; матушка чинила бѣлье, а маленькая Арабелла уже давно улеглась. Вдругъ, кто-то стучится въ дверь съ улицы. Посѣщеніе это удивило всѣхъ, потому-что ваши родные никого не принимаютъ.

Старшая сестрица ваша взяла свѣчку и побѣжала отворить дверь.

«— Дай-то Богъ, чтобы это была не печальная вѣсть! сказала батюшкѣ мистриссъ Лаусонъ.

А батюшка отвѣчалъ:

«— Не бойся, моя милая: Господь уже смилостивился надъ нами.

Однакожь, я таки боялся, потому-что сестрица ваша, отворивъ дверь, быстро побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, не говоря ни слова, и на поворотѣ лѣстницы стукнуло объ стѣну желѣзо. Наконецъ, сестрица показалась въ дверяхъ, остановилась, не могла выговорить ни слова — такъ сильно она была взволнована!—и за нею вошелъ высокій молодой мужчина въ артиллерійскомъ мундирѣ....

— Генрихъ! вскричала миссъ Мери, на которую вѣсть эта произвела глубокое впечатлѣніе, несмотря на ораторскія предосторожности Вилльяма.

И послѣ минутнаго молчанія, дѣвушка сказала, нѣсколько успокоившись:

— А, такъ Генрихъ Дугласъ воротился! Ну что, Вилльямъ, его приняли такъ же ласково, какъ прежде?

— О, непременно! Сестрицы ваши вскрикнули отъ радости и побѣжали къ нему на-встрѣчу; матушка хотѣла-было встать, и опустилась въ кресло, отъ сильнаго волненія; мистеръ Лаусонъ тоже былъ взволнованъ, и протянулъ руку Генриху, который крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ и сказалъ вашему батюшкѣ: «Извините, дядюшка, что я пришелъ къ вамъ такъ поздно; я сошелъ съ корабля только сегодня, и прежде всего поѣхалъ къ батюшкѣ, за городъ; потомъ, я пріѣхалъ сюда, исполнить долгъ, не менѣе священный моему сердцу.» Вотъ его собственныя слова, миссъ Мери, прибавилъ Вилльямъ: я слушалъ въ оба и не проронилъ ни слова.

— Продолжайте, добрый Вилльямъ, отвѣчала дѣвушка, слушая съ невыразимымъ счастіемъ простодушный рассказъ и стараясь присутствовать, мыслію, при этой трогательной сценѣ: продолжайте, не забудьте ни одной подробности. О, еслибъ вы знали, съ какимъ блаженствомъ я слушаю васъ!

— Ничего не забуду, миссъ Мери! Я вижу и слышу, какъ-будто все это происходитъ передъ моими глазами.

« — Надѣюсь, любезный Генрихъ, продолжалъ мистеръ Лаусонъ: что зять мой въ добромъ здоровьѣ?»

« — Я пробылъ у батюшки не болѣе часу, отвѣчалъ мистеръ Генрихъ: онъ сказалъ мнѣ: «поѣзжай повидаться съ моею сестрой и ея мужемъ. Если они узнаютъ, что ты въ Дублинѣ и не поспѣшилъ побывать у нихъ, то усомнятся въ нашемъ поведеніи, а это сомнѣніе было бы стыдомъ для насъ.»

Батюшка вашъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на мистеръ Генриха, какъ будто дожидаясь, миссъ Мери, чтобы онъ объяснилъ эти слова; но вашъ двоюродный братецъ не заставилъ долго ждать, и сказалъ, обратясь къ вашимъ родителямъ:

« — Съ дозволенія моего батюшки, сэра Джона Дугласа, я пришелъ просить, мистеръ и мистриссъ Лаусонъ, руки вашей любезной дочери, миссъ Мери, и позволенія ѣхать за нею во Францію.

Учительница не могла удержаться отъ слезъ, и сдѣлала Вильяму знакъ, чтобы онъ продолжалъ рассказъ:

— Тогда, миссъ Мери, батюшка вашъ отвѣчалъ:

« — Любезный Генрихъ, отдаю вамъ руку нашей благочестивой дочери, и въ душѣ благословляю васъ обоихъ.» Матушка ваша не отвѣчала, миссъ Мери: она подозвала мистеръ Генриха и поцѣловала его въ лобъ. Потомъ дошла очередь до вашихъ сестрицъ, онѣ тоже расцѣловали его, а я радовался при мысли, что вы вскорѣ воротитесь домой.... Но я не зналъ еще, какая радость готовилась мнѣ на этотъ вечеръ. Когда всѣ успокоились, мистеръ Генрихъ сказалъ вашему батюшкѣ: «Если позволите, дядюшка, я завтра же ѣду во Францію, въ замокъ Морвиль.» — Позволяю съ удовольствіемъ, любезный Генрихъ, отвѣчалъ вашъ батюшка: и дамъ вамъ письмо, въ которомъ буду благодарить г. и г-жу Морвиль за любовь ихъ къ нашему милому ребенку.

— Какъ! Онъ ѣдетъ сюда? вскричала миссъ Мери, отнявъ отъ глазъ своихъ платокъ, чтобы скорѣе прочесть отвѣтъ въ глазахъ Вильяма.

— Позвольте еще минутку, миссъ Мери! Вамъ угодно узнать всѣ подробности, такъ потрудитесь же выслушать. Получивъ позволеніе ѣхать за вами, мистеръ Генрихъ сказалъ: «Вы согласитесь, дядюшка, что мнѣ неловко явиться въ-расплахъ къ

миссъ Мери, которая не ждетъ меня, и къ г. и г-жѣ Морвиль, которые не знаютъ меня. Поэтому, пусть лучше кто-нибудь приготовить миссъ Мери къ моему скорому приѣзду, и мнѣ могъ бы пособить въ этомъ случаѣ Вильямъ». Нечего и говорить, миссъ Мери, что я обрадовался приглашенію. На другой же день, я поручилъ свою карету товарищу, и поѣхалъ съ мистеръ Генрихомъ, въ полной увѣренности, что, какъ курьеръ, я увижу васъ нѣсколькими часами ранѣе.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ вы оставили его? Сейчасъ приѣдетъ онъ? спросила миссъ Мери съ безпокойствомъ при мысли о затруднительномъ и тягостномъ положеніи, въ которое она была поставлена между Морвилемъ и Фавролемъ.

— Я расстался съ г. Дугласомъ въ Турѣ: онъ отправится оттуда въ три часа, а такъ-какъ почтовые лошади здѣсь плохи, то, вѣроятно, прибудетъ въ замокъ вечеромъ.

— Это будетъ поздно, сказала про себя миссъ Мери, и потомъ продолжала.— Вильямъ, какъ бы ни показалось вамъ страннымъ мое намѣреніе, однакожь должно, чтобы Генрихъ не приѣзжалъ сюда; мы сами поѣдемъ къ нему на-встрѣчу.

— Прикажите, что угодно, миссъ Мери, и я буду повиноваться, зажмурия глаза.

— Г. Генрихъ Дугласъ не давалъ вамъ никакихъ порученій?

— Извините, миссъ; отъ радости я совсѣмъ сбился съ толку. Вотъ, во-первыхъ, письмо къ вамъ, а вотъ письмо вашего батюшки къ г. и г-жѣ Морвиль.

— Видѣли васъ въ замкѣ? спросила миссъ Мери, распечатывая записку, въ которой Генрихъ Дугласъ увѣдомлялъ ее, что, получивъ чинъ, онъ нашелъ возможность ускорить свое возвращеніе въ Европу, и приѣхать ранѣе срока, назначеннаго въ послѣднихъ письмахъ. Записка эта предупредила его приѣздъ нѣсколькими часами.

Увидѣвъ, что миссъ Мери принимается въ третій разъ перечитывать письмо Генриха Дугласа, Вильямъ отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Приѣхавъ въ замокъ, сказалъ онъ: я обратился съ вопросомъ къ слугѣ. Онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и началъ говорить съ толстою женщиной, которая стояла на

дворъ. Она тоже осмотрѣла меня, показала въ эту сторону, и слуга повелъ меня въ павильонъ.

— Вы пріѣхали верхомъ?

— Верхомъ, миссъ Мери, настоящимъ курьеромъ. Г. Дугласъ пріѣдетъ сюда въ каретѣ, которую нанялъ въ Калѣ.

— Замѣтили вы, не было ли какого экипажа на послѣдней станціи, въ Сентъ-Илерѣ?

— Была дорожная коляска.

Разговоръ Вилльяма съ миссъ Мери былъ прерванъ приходомъ г. Морвиля. Онъ былъ печаленъ, озабоченъ, кажется, удивился присутствію Вилльяма и сказалъ учительницѣ:

— Альфонсина воротилась съ братомъ.... Скоро смеркнется.... Я зналъ, что вы въ павильонѣ; отсутствіе ваше начало меня беспокоить.

— Благодарю васъ за участіе, отвѣчала миссъ Мери.—Мосьё Морвиль, у меня есть до васъ просьба.

— Къ вашимъ услугамъ.

Миссъ Мери показала на бумагу и перья, лежавшія на столѣ, и сказала:

— Не угодно ли вамъ приказать своему кучеру дать въ распоряженіе нашему старому слугѣ—она указала на Вилльяма—экипажъ и лошадь?

Г. Морвиль, изумленный просьбою миссъ Мери, хотѣлъ что-то спросить у нея, но подумавъ, что учительница, можетъ-быть, не желаетъ объясняться при постороннемъ, сѣлъ къ столу, не говоря ни слова, написалъ, и отдалъ бумагу миссъ Мери. Дѣвушка подошла къ Вилльяму, стоявшему у дверей, отдала записку, и сказала по-англійски:

— Идите, Вилльямъ, сію-минуту въ замокъ; отдайте это приказаніе кучеру, и какъ только экипажъ будетъ заложенъ, подѣзжайте къ концу аллеи, сюда, направо отъ павильона. Если прислуга станетъ спрашивать васъ, отвѣчайте, что вы исполняете приказаніе г. Морвиля. Подождите, Вилльямъ! прибавила учительница, написавъ на лоскуткѣ нѣсколько строчекъ: вы позовете горничную мадмуазель Альфонсины, и попросите ее отнести въ карету всѣ вещи, которыя записаны на этой бумагѣ.

Вилльямъ пошелъ исполнить приказанія миссъ Мери.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ павильона, ему встрѣтилась Пиволѣ. Крайне удивленная пріѣздомъ Вилльяма въ замокъ и тѣмъ, что учительница такъ долго остается въ павильонѣ, ключница пошла разузнать дѣло; но замѣтивъ, что туда идетъ г. Морвиль, она спряталась въ кусты, дала ему пройти впередъ, и потомъ пошла по его слѣдамъ.

— Тутъ нечего и сомнѣваться, говорила она про себя: свиданіе! Я сейчасъ же увѣдомила бы мадамъ Морвиль, еслибъ не хотѣла напередъ узнать, все ли еще разговариваетъ съ островитянкой этотъ мужчина въ бѣломъ сюртукѣ и сапогахъ съ отворотами.

Пиволѣ вскорѣ узнала, что ей было нужно. Увидѣвъ Вилльяма, выходящаго изъ павильона, она подошла къ нему, и съ совершенною готовностью предложила свои услуги, которыя старый слуга принялъ тѣмъ охотнѣе, что затруднялся исполнить приказанія миссъ Мери.

— Чудесно! думала Пиволѣ: прежде всего увѣдомимъ барыню, что супругъ ея сидитъ вдвоемъ съ островитянкой, а потомъ отправимъ поскорѣе Робена къ старику Шенѣ. Нѣтъ, въ этотъ разъ ты не увернешься отъ меня, прекрасная Англичанка!

.....

Ночь подвигалась.

Г. Морвиль и миссъ Мери были вдвоемъ въ павильонѣ Утеса.

Едва только Вилльямъ ушелъ, г. Морвиль сказалъ учительницѣ:

— Миссъ Мери, самое простое приличіе запрещало мнѣ спросить у васъ при постороннемъ, зачѣмъ вы приказали заложить экипажъ. Могу ли я теперь предложить вамъ этотъ вопросъ?

— Я исполнила бы ваше желаніе, еслибъ даже вы не сдѣлали мнѣ вопроса... Я поѣду въ этомъ экипажѣ въ Туръ, а оттуда отправлюсь въ Англию.

Г. Морвиль не вѣрилъ своимъ ушамъ, и вскричалъ:

— Какъ, миссъ Мери! Вы сказали....

— Я сказала, что ѣду въ Англию, куда зовутъ меня родители....

— Уѣзжаете!... Такъ неожиданно!

— Не смотрите на этот неожиданный отъездъ, какъ на неуваженіе къ вамъ. Нѣтъ, я уже рѣшилась ѣхать прежде, нежели Вильямъ увѣдомилъ меня о намѣреніяхъ моихъ родителей, и повѣрьте, что только важныя, очень важныя причины заставили меня на это рѣшиться.

— Вы ѣдете! повторилъ г. Морвиль.

— Еслибы даже не призывали меня родители, продолжала миссъ Мери: все-таки я должна ѣхать... Оставляя вашъ домъ, я убѣгаю горестныхъ послѣдствій. Вы — человекъ опытный мосье Морвиль; неужели не могли вы предвидѣть, что сынъ вашъ невольно увлечется чувствомъ? Благоразумно ли было безпрестанно сближать его со мною во-время занятій Альфонсины? Нѣтъ, нѣтъ; изъ одного вниманія къ моему положенію, вы должны были бы удерживать своего сына отъ опасности, о которой я не говорила вамъ единственно изъ уваженія къ себѣ.

— Что вы говорите? вскричалъ г. Морвиль: Жераръ любить васъ?

— И кого обвинять въ этомъ, васъ или меня?

Г. Морвиль закрылъ лицо руками и прошепталъ:

— Это слишкомъ! Это слишкомъ!

— Миссъ Мери продолжала:

— А дочь ваша развѣ менѣе заслуживаетъ сожалѣнія? Развѣ томительная болѣзнь бѣднаго ребенка не возбудила въ васъ подозрѣнія? Неужели не угадали вы настоящей причины этой болѣзни?

Г. Морвиль посмотрѣлъ на миссъ Мери съ удивленіемъ и и безпокойствомъ, и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, что докторъ приписываетъ болѣзнь Альфонсины нервнымъ припадкамъ.

— Ваша родительская любовь могла бы угадать ошибку доктора.

— Что это значитъ?

— И вы ничего не подозрѣвали, когда г. Фавроль безпрестанно откладывалъ свою женитьбу на вашей дочери?

— Отсрочка эта очень легко объясняется положеніемъ здоровья Альфонсины.

— Но истинная причина страданій вашей дочери—ревность.

— Ревность? Альфонсина ревнуетъ?

— Да, она ревнуетъ меня, но благодаря Бога, я успѣла ее разувѣрить.

— Альфонсина ревнуетъ васъ, миссъ Мери?... Къ кому же?

— Къ Фавролю.

— Онъ любитъ васъ?

— Ему кажется, что любить, но ничуть не бывало. Этотъ минутный капризъ вкуса, раздраженный моимъ равнодушіемъ, вскорѣ погаснетъ; Фавроль скоро покорится истинному влеченію своего сердца, и бракъ заставитъ Альфонсину забыть печали. Теперь, подумайте, какая отвѣтственность тяготѣла бы на васъ, еслибы вы разрушили счастье своихъ дѣтей!

Слова учительницы спасительно подѣйствовали на Морвиля. Онъ приподнял голову, и подавая руку миссъ Мери, сказалъ твердымъ и трогательнымъ голосомъ:

— Миссъ Мери, не отталкивайте моей руки! Это рука человека, который при вашемъ голосѣ пробуждается отъ тягостнаго сна. Вы открыли мнѣ глаза... Урокъ ужасный, но онъ не будетъ безплоднымъ. Клянусь вамъ, прибавилъ г. Морвиль, сжимая руку учительницы: клянусь вамъ, миссъ Мери!

— И я вѣрю вамъ, отвѣчала учительница: да, я вѣрю въ эту священную клятву!

— Гнусная клятва! гнусная, какъ уста, которыя произнесли ее! раздался гнѣвный голосъ г-жи Морвиль, которая, узнавъ отъ Пиволэ, что миссъ Мери назначала ей мужу свиданіе въ павильонѣ, вошла въ бібліотеку въ то самое мгновеніе, какъ Морвиль взялъ учительницу за руку, и миссъ Мери говорила ему взволнованнымъ голосомъ:

«— Я вѣрю въ эту священную клятву.»

Г-жа Морвиль объяснила эти слова по-свѣдому: ошибка извинительная, если принять въ соображеніе болтовню Пиволэ и то, что г. Морвиль разговаривалъ съ миссъ Мери въ уединенномъ павильонѣ, и притомъ вечеромъ.

X.

Хотя въ павильонѣ уже было темно, однакожъ г. Морвиль замѣтилъ блѣдность жены и горестное выраженіе ея лица.

Миссъ Мери, болѣе удивленная, нежели обиженная оскорбительными словами г-жи Морвиль, не потеряла спокойнаго достоинства.

— А, такъ-то вы обманывали меня! запальчиво кричала мать Альфонсины, смотря то на мужа, то на учительницу: назначате по вечерамъ свиданіе въ павильонѣ!

— Луиза! вскричалъ г. Морвиль: умоляю тебя, образумься. Ты вѣришь доносу низкой женщины....

— Я вѣрю собственнымъ глазамъ!

— Я очень хорошо знаю, мадамъ Морвиль, сказалъ мужъ: какую можно извлечь пользу изъ вашего слѣпаго гнѣва, но я не стерплю, чтобъ вы при мнѣ клеветали на миссъ Лаусонъ.

— Если вы уважаете меня, милостивый государь, съ живостью возразила миссъ Мери: то заклинаю васъ, не вступаться за меня; я не хочу быть причиною ссоры между вами и вашей супругой.—Мадамъ Морвиль, продолжала миссъ Мери, обращаясь къ ней: бываютъ подозрѣнія, до того жалкія, безумныя, что они не въ состояніи оскорбить честнаго человѣка; въ настоящую минуту вы не владѣете собою, и я не стану отвѣчать на слова, въ которыхъ вы скоро раскаетесь сами. Проживъ здѣсь два года, я изучила васъ, мадамъ Морвиль, и если иногда безропотно терпѣла вашу вспыльчивость, то терпѣла потому, что часто видѣла ваше доброе сердце.

— Довольно, мадмузель, довольно! Не думайте убаюкать меня лицемѣріемъ и низкою лестью.

— Я только желаю, чтобъ вы сознались въ своемъ заблужденіи. Говорите, я слушаю, и обѣщаю не прерывать васъ.

Это обѣщаніе и хладнокровіе миссъ Мери сначала озадачили г-жу Морвиль. Какъ всегда бываетъ съ людьми вспыльчиваго характера, она почерпала новую пищу своему гнѣву въ упорствѣ и возраженіяхъ, но часто также смирялась передъ мол-

чаніемъ и спокойствіемъ. Однакожъ ревность снова подстрекнула г-жу Морвиль.

— Извольте, мадмузель, я доставлю вамъ удовольствіе, вскричала она: выскажу все, что лежитъ у меня на сердцѣ. Всѣ вы, мои милыя, на одинъ покрой.... Кому неприятно жить въ довольствѣ? Но къ-несчастью, мадмузель, случается, что жена, которая уже не можетъ бороться съ прелестью, увлекательностью и талантами наемной учительницы, наконецъ теряетъ терпѣнье, и употребляетъ весьма простое средство: въ одно прекрасное утро, или въ прекрасный вечеръ, она говоритъ учительницѣ:

«— Мадмуазель Лаусонъ, я здѣсь хозяйка!

И въ припадкѣ гнѣва, г-жа Морвиль указала на дверь.

«— Мадмузель Лаусонъ, я здѣсь хозяйка и не угодно ли вамъ....»

— Остановитесь, мадамъ Морвиль! вскричала дѣвушка такъ гордо, что г-жа Морвиль не договорила начатой фразы: ни слова болѣе, для вашей и для моей пользы! Есть оскорбленія, недоступныя для меня.

— Для моей пользы? повторила г-жа Морвиль: что это значитъ? Угроза?

— Просьба, мадамъ Морвиль; я хочу, чтобъ, разставаясь со мной, вы сохранили ко мнѣ уваженіе. Вотъ почему я прошу васъ не увлекаться порывомъ, о которомъ вы будете сожалѣть; вотъ почему прошу васъ выслушать меня. Вотъ мой отвѣтъ на ваши подозрѣнія: черезъ четверть часа подадутъ къ павильону карету, въ которой г. Морвиль позволилъ мнѣ доѣхать до Тура; оттуда я отправляюсь въ Англію....

— Вы ѣдете! съ изумленіемъ вскричала г-жа Морвиль. — Нѣтъ, нѣтъ, это ложь или новыя сѣти!...

— Луиза, сказалъ г. Морвиль: съ часъ тому, я велѣлъ, по просьбѣ миссъ Мери, заложить карету; сію минуту она будетъ у воротъ парка.

Г-жа Морвиль совершенно растерялась при извѣстіи объ отъѣздѣ миссъ Мери.

— Теперь сознаюсь, мадамъ Морвиль, сказала учительница: мое присутствіе въ вашемъ домѣ было причиною несчастій, о которыхъ я глубоко сожалѣю, потому-что нисколько невиновата въ нихъ.

— Виноваты или нѣтъ, вскричала г-жа Морвиль: но только вы внесли къ намъ въ домъ несчастіе, какъ назадъ тому два года, еще до вашего пріѣзда сюда, я говорила г. Морвилю, который заранѣе принималъ вашу сторону.

— Г. Морвиль поступалъ по врожденному чувству справедливости. Скажите, развѣ справедливо было бы обвинять меня въ несчастіяхъ, которыхъ я была невольною причиною?

— Такъ кто-же виновать?

— Я не вызывала этого вопроса, и мой долгъ—отвѣчать на него со всею откровенностью. Прежде всего, мадамъ Морвиль, позвольте мнѣ не вѣрять, чтобы человекъ вносилъ съ собою въ домъ несчастіе.

— Но, къ-сожалѣнію, доказательства у насъ на-лицо!

— Точно такъ, они есть; но я думаю, что присутствіе мое въ другомъ семействѣ не произвело бы этихъ несчастій. Позвольте мнѣ досказать, прибавила миссъ Мери, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе г-жи Морвиль.—Еслибы я была въ другомъ семействѣ, гдѣ строже соблюдаются обязанности, гдѣ различіе характеровъ, вмѣсто того, чтобы развиваться съ каждымъ днемъ, сглаживается, побѣждается строгостью мыслей и примѣровъ, то, надѣюсь, въ такомъ семействѣ не случилось бы несчастій, которыя ставятъ мнѣ въ упрекъ....

— А! такъ вы упрекаете меня и мужа въ неисполненіи долга?

— Я удаляюсь бесплодныхъ упрековъ; мнѣ только хотѣлось убѣдить васъ что съ вашимъ добрымъ сердцемъ и здравымъ смысломъ, вы не можете вѣрять въ такой фатализмъ моего присутствія у васъ.

— Я знаю только одно, возразила г-жа Морвиль: до вашего пріѣзда, мы были счастливы и спокойны, а теперь вы уѣзжаете, оставляя насъ въ горести.

— О, мадамъ Морвиль, для меня будетъ самымъ несчастнымъ днемъ въ жизни тотъ, когда я уѣду изъ вашего дома съ убѣжденіемъ, что вы станете проклинать мое имя!

— Слова, миссъ Мери, слова! Если вы точно уѣзжаете и приготовились къ отъѣзду заранѣе, то я вѣрю, что васъ оклеветали; однакожъ, все-таки дядя лишилъ моихъ дѣтей наслѣдства, дочь моя хвораетъ, сына невозможно узнать.

— Еще одно слово, мадамъ. Вы пригласили меня докончить

воспитаніе вашей дочери. Скажите, по совѣсти ли я исполнила свою обязанность?

— О, я говорю прямо и хорошее и дурное. Да, вы докончили воспитаніе Альфонсины сверхъ нашихъ надеждъ; но не въ этомъ дѣло.

— Однакожъ, я пріѣхала къ вамъ только затѣмъ, чтобы докончить воспитаніе вашей дочери, и если я исполнила свой долгъ, то меня не въ чемъ упрекнуть. Но этого мало; нѣтъ, я не хочу оставить здѣсь несчастія, печали; я не забуду, какъ обласкали меня въ вашемъ домѣ.

— Но еще разъ, мадмуазель, это слова, но и самыя пріятныя слова не возвратятъ моимъ дѣтямъ наслѣдства, отъ котораго отказалъ имъ дядя!

— Г. Ла-Ботардьеръ возьметъ назадъ свой приговоръ; я почти смѣю обѣщать вамъ это.

— Вы?

— Да.

Г-жа Морвиль злобно улыбнулась, пожала плечами, и потомъ сказала:

— И, вѣроятно, возвратите здоровье моей дочери?

— Надѣюсь, потому-что она уже начала поправляться. Вотъ почему я сейчасъ умоляла васъ воздержаться отъ обидныхъ для меня словъ; я говорила вамъ, что не хочу вынести изъ вашего дома ничего, кромѣ уваженія и привязанности; я говорила правду, и я увѣрена, что вы будете уважать и любить меня съ той минуты, какъ миръ и счастье снова поселятся въ вашемъ семействѣ.

— О, непременно! отвѣчала г-жа Морвиль съ выраженіемъ желчи и недовѣрчивости: но до-тѣхъ-поръ вы не запретите мнѣ проклинать случай, который привелъ васъ сюда.

Неожиданное появленіе Пиволё, за которою въ нѣсколькихъ шагахъ шелъ Вилльямъ, прервало разговоръ.

— Все готово, мадмуазель, сказала ключница: карета стоитъ на концѣ аллеи; я уложила всѣ вещи, которыя передала мнѣ Тереза — чемоданъ, шляпку, шаль, салонъ, потому-что теперь холодно, очень холодно; надо, мадмуазель, потеплѣе закутаться.

— Вы хотите ѣхать, миссъ Мери, сказалъ г. Морвиль: ва-

ше желаніе священо для насъ; но позвольте, по-крайней-мѣрѣ, надѣяться, что мы увидимся когда-нибудь

— Не знаю, однакожь надѣюсь, до отъѣзда изъ Франціи, исполнить обѣщаніе, которое сію-минуту я имѣла честь дать г-жѣ Морвиль.

Сказавъ это, учительница поклонилась хозяйкѣ дома. Г-жа Морвиль, уступая врожденной добротѣ, готова была просить миссъ Мери отложить поѣздку, но гордость и досада удержали ее. Мать Альфонсины отвѣтила сухо, едва кивнувъ головою, на поклонъ учительницы, и миссъ Мери вышла, спокойно, благородно; за ней слѣдовали ключница и Вильямъ.

Пока миссъ Мери шла по аллеѣ, ведущей къ воротамъ парка, у которыхъ уже стояла карета съ двумя фонарями, Пиволѣ говорила про себя съ торжествующимъ видомъ:

— Наконецъ, прекрасная Англичанка, тебя выпроводили; но ты еще не знаешь, что ждетъ тебя у пруда. Шенѣ съ компаніей уже приготовлены; фонари предупреждать ихъ о приближеніи кареты, а твой землякъ, англійскій островитянинъ, не справится съ шестерыми.

Садясь въ карету, миссъ Мери сказала кучеру:

— Жозефъ, далеко ли отсюда до городка Сентъ-Илеръ?

— Два часа ѣзды.

— А отъ Сент-Илера до замка Ла-Ботардьеръ?

— Съ милю.

— Могу ли я, завтра утромъ, найти въ сент-илерской гостинницѣ карету, чтобы ѣхать въ Ла-Ботардьеръ?

— Найдете.

— Въ такомъ случаѣ, Жозефъ, вези меня не въ Туръ, а въ Сент-Илеръ.

— Слушаю, отвѣчалъ кучеръ, возлѣ котораго усѣлся Вильямъ.

— Какъ! Она ѣдетъ по сент-илерской дорогѣ! въ отчаяніи вскричала Пиволѣ: значитъ, они не поѣдутъ по дорогѣ, на которой Шенѣ ждетъ прекрасную Англичанку! О, злодѣйка, я расквитаюсь съ тобою!

XL.

Замокъ Ла-Ботардьеръ, съ почернѣвшими стѣнами, сѣрыми шторами, рвами наполненными стоячею водою, безмолвнымъ дворомъ и ржавою желѣзною рѣшеткой, которая почти никогда не отворялась, былъ съ виду также негостепріименъ, какъ и его владѣтель.

На другой день утромъ послѣ отъѣзда миссъ Мери изъ замка Морвиль, Ла-Ботардьеръ читалъ у камина газету. Ширмы, развернутыя полукружіемъ посреди просторной залы, съ печальными и голыми стѣнами, защищали сварливаго старика отъ сквознаго вѣтра, который врывался въ щели четырехъ оконъ съ мелкими стеклами, украшенныхъ желтыми бумажными занавѣсками. Ла-Ботардьеръ, въ замшевомъ жилетѣ и такихъ же панталонахъ, съ небрежно повязаннымъ на головѣ фуляромъ, изъ-подъ котораго падали клочья сѣрыхъ волосъ, грѣлся у камина, тѣмъ охотиѣе, что ноги его защищались отъ сильнаго огня картонными ширмами, похожими на переднюю часть ботфортъ. Погрузившись такимъ образомъ въ широкое кресло и положивъ ноги на скамейку, Ла-Ботардьеръ вкушалъ угрюмыя прелести одиночества.

— Конечно, разсуждалъ онъ самъ съ собою: конечно, нельзя сказать, что я очень веселюсь. Дни мои тянутся, вечерамъ нѣтъ конца; но за то какъ пріятно подумать, что ты одинъ; что тебя никто не сердить; что тебѣ не надоѣдаютъ посѣтители, словомъ, что ты живешь какъ хочешь, приходишь и уходишь когда тебѣ вздумается, не стѣсняя себя ни для кого! Правда, когда пріѣзжалъ ко мнѣ племянникъ съ семействомъ, или когда я самъ ѣздилъ въ замокъ Морвиль, жилось иначе, бывали и пріятные дни.... Я говорилъ на-распашку, рѣзалъ правду каждому, никто не осмѣливался мнѣ возражать: выгода, какую находишь только у родныхъ, умѣющихъ почитать сѣдины. А попробуй-ка другимъ сказать въ глаза правду: о, какъ взбѣется! Между-тѣмъ въ замкѣ Морвиль я могъ ворчать, браниться безпрекословно. Да что я за дуракъ, что жалѣю объ этихъ лю-

дахъ: это неблагодарные, корыстолюбцы!... Съ какимъ наслажденіемъ я говорю самъ себѣ: «Они злятся, сходятъ съ ума, что я лишилъ ихъ наслѣдства! Не проходитъ дня безъ того, чтобы они не сожалѣли о моемъ имѣніи.» И притомъ, когда я бывалъ у нихъ, они то же ѣздили ко мнѣ, и всегда нечаянно, какъ они говорили, для сюрприза, а для меня нѣтъ ничего нестерпимѣе неожиданныхъ гостей. Но, благодаря Бога, теперь я избавился отъ этой скуки, отравлявшей мою жизнь,

Въ отвѣтъ на это презрѣніе къ свѣту, раздакъ пронзительный свистокъ привратника: такъ, по старинному обычаю, извѣщали въ замкѣ Ла-Ботардьеръ о рѣдкихъ гостяхъ.

При этомъ звукѣ, Ла-Ботардьеръ покачнулся въ креслахъ, нахмурилъ брови и грозно закричалъ:

— Кто осмѣливается беспокоить меня, когда я никого не жду?

Амбруазъ, старый слуга, такой же сварливый какъ господинъ, и глухой до крайности, вошелъ въ залу, шаркая ногами, и, вытянувъ шею черезъ ширмы, сказалъ господину;

— Гости, сударь.

— Я никого не принимаю, проворчалъ Ла-Ботардьеръ, усаживаясь въ креслѣ.

— Дѣвица, сударь, продолжалъ Амбруазъ, не разслышавъ ни слова изъ отвѣта господина: дѣвица, Англичанка.

— Англичанка!

— Изъ замка Морвиль.

— Англичанка.... изъ замка Морвиль! повторилъ Ла-Ботардьеръ.— Не можетъ быть.... какая дерзость!..

— И эту дѣвицу Англичанку зовутъ миссъ Мери.

— Негодная искательница приключеній! вскричалъ Ла-Ботардьеръ, вставая съ кресла: какъ! она осмѣлилась преслѣдовать меня даже здѣсь!

— Точно такъ, сударь, я попрошу ее войти сюда, отвѣчалъ Амбруазъ, полагая, что понялъ желаніе господина.

Слуга пошелъ къ дверямъ.

— Амбруазъ! закричалъ старикъ: проклятый глухарь! Слушай же, я не хочу, чтобы....

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ слуга, отворяя дверь.

Амбруазъ отперъ дверь и сказалъ грубымъ голосомъ:

— Пожалуйте, пожалуйста, сударыня.

Слуга отодвинулъ полоску ширмъ, и Ла-Ботардьеръ очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Мери, которая, войдя въ полукружіе, сказала старику:

— Смѣю надѣяться, милостивый государь, что вы извините мое посѣщеніе, узнавъ какая причина привела меня сюда.

— Сударыня, нѣтъ никакой причины посѣщенія, которое я долженъ назвать страннымъ, необычайнымъ, дерзкимъ, вызывающимъ....

— Именно такъ, прервала миссъ Мери съ кроткою и милою улыбкой: вызывающимъ ваше сердце на великодушіе, и я увѣрена, что вы отвѣтите на мой вызовъ.

— Ошибаетесь, сударыня, сухо возразилъ старикъ: я вовсе невеликодушень.... И гдѣ видѣли вы доказательства моего великодушія?

— Это все-равно, еслибъ мнѣ сказали, что васъ нѣтъ на свѣтѣ, потому-что вы живете въ уединеніи и не видите съ тѣми, которые васъ любятъ. Я хочу вѣрить, я вѣрю въ доброту вашего сердца. Развѣ это преступленіе?

Миссъ Мери сдѣлала удареніе на этомъ словѣ. Она была такъ прекрасна, такъ обворожительна, что Ла-Ботардьеръ не могъ не замѣтить, въ присутствіи этого юнаго и прелестнаго существа, *свѣта*, озарившаго его мрачное и скучное одиночество. Однакожъ, еще неполнѣ покорившись этой мысли, онъ отвѣчалъ съ недовольнымъ видомъ:

— Я не охотникъ, сударыня, до разговоровъ. Вы пріѣхали ко мнѣ, что вамъ угодно?

— О, Боже мой! я желаю самой простой вещи: я желаю, чтобы вы снова полюбили своихъ родныхъ.

— Право! вскричалъ Ла-Ботардьеръ, не вѣря своимъ ушамъ. И потомъ продолжалъ съ возрастающимъ гнѣвомъ:

— Давно бы такъ! Это, по-крайней-мѣрѣ, чисто, на-отрѣзъ; другіе пошли бы къ этой нелѣпости ораторскими закоулками; но вы....

— О, я адвокатъ-новичекъ, улыбувшись отвѣчала миссъ Мери: я иду прямо къ дѣлу, рассчитывая на правоту дѣла и на правосудіе судьи, и зная, что твердые умы не любятъ пустыхъ словъ.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Значить, сударыня, вы прямо просите меня помириться съ племянникомъ и его семействомъ?

— Да.

— И разумѣется—вы къ тому ведете—сдѣлать племянника своимъ наслѣдникомъ?

— Очень естественно!

— Естественно! А, такъ вы думаете, сударыня, что это естественно?

Старикъ залился сардоническимъ смѣхомъ, и сказалъ:

— Славно! Я тоже люблю иногда странности, а, право, очень странно, когда такое гнусное дѣло защищаетъ адвокатъ....

— Котораго не любишь? Не такъ ли? прервала миссъ Мери съ нѣжною улыбкою.—Но справедливость требуетъ, чтобы адвоката, по-крайней-мѣрѣ, выслушали.

— О, говорите, говорите. Вы не ошиблись: я изъ числа тѣхъ твердыхъ умовъ, на которые не дѣйствуютъ пустыми словами.

Но несмотря на такой торжественный аргументъ, старику было пріятно слышать свѣжіи и нѣжный голосъ дѣвушки послѣ грубаго голоса Амбруаза и другихъ слугъ.

— Я слушаю васъ, сударыня, сказалъ Ла-Ботардьеръ.—Любопытно узнать, съ чего вы начнете. Вѣроятно, вы прежде всего захотите расположить меня въ свою пользу, и станете говорить объ отвратительной поѣздкѣ изъ Калѣ?

— Если я буду говорить о ней, то собственно за тѣмъ, чтобы выразить свое сожалѣніе, именно пожалѣть, для чего не пришло мнѣ въ голову просить вашего покровительства на время этой поѣздки.

— Удивительная пришла бы вамъ мысль!

— Еслибъ я, беззащитная иностранка, обратилась къ вамъ, вы отказали бы мнѣ?

— Ужъ этого я, право, не знаю.

— Вы не говорите *ишь*, и вы правы, потому-что, при всей вспыльчивости, иногда несправедливой, у васъ доброе сердце.

— Та-та-та, вы хотите польстить мнѣ.

— Потому-что говорю о вашемъ добромъ сердцѣ?

— Конечно.

— Развѣ не любили вы, развѣ не любили вы нѣжно свою сестру?

— А, ее.... да, отвѣчалъ старикъ съ невольною нѣжностью.—О, любилъ, очень любилъ!

— Вѣрю; это видно по вашему волненью.

— Ошибаетесь, сударыня, поспѣшно отвѣчалъ Ла-Ботардьеръ, боясь, чтобы миссъ Мери не взяла верхъ надъ нимъ: я вовсе невзволнованъ.

— К чему отпираться?

— Я предвижу ваши слова; вы скажете, что если я любилъ сестру, то долженъ любить племянника, его жену и ихъ дѣтей: это другое дѣло! Это неблагоприятные, корыстолюбцы, которые мечтаютъ только о наслѣдствѣ!

— Вы произнесли слова злыя, несправедливыя, безразсудныя!

— Сударыня! вскричалъ Ла-Ботардьеръ: въ первый разъ мнѣ осмѣливаются сказать въ лицо....

— Правду, не такъ ли? Это моя привычка, я не могу перемѣнить ее. Но прошу васъ отвѣтить на мой вопросъ: что было причиною вашего разрыва съ Морвилями? Мой пріѣздъ.

— Конечно.

— Еслибы они согласились не брать меня въ учительницы, вы не разошлись бы съ г. и г-жою Морвиль?

— Нѣтъ.

— Словомъ, вы не пріѣзжали въ замокъ потому только, что я была тамъ?

— Да, сударыня, да!

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, теперь ничто не мѣшаетъ вамъ видѣться съ родными: я оставила замокъ Морвиль—и навсегда.

— Какъ! вы больше не учите моего племянника?

— Нѣтъ. Но позвольте еще одно слово. Вы упрекаете г. Морвиля въ корысти, которая, говорите вы, заставляетъ его желать вашего наслѣдства? Еслибъ было такъ, еслибъ г. Морвиль и его супруга были такихъ продажныхъ чувствъ, то неужели поколебались бы они пожертвовать мною, когда вы

сказали имъ: «Я лишу васъ наслѣдства, если вы оставите у себя дѣвицу Лаусонъ?»

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Это доказываетъ только, что имъ лучше хотѣлось забрать дурь въ голову, нежели получить наслѣдство!

— Мы скоро сойдемся въ мысляхъ: вашъ племянникъ и жена его—люди не алчные, не корыстолюбивые, но упрямые; словомъ, они не хотѣли изгнать бѣдную иностранку, не давъ ей оправдаться, иностранку, которая взялась учить ихъ дитя, чтобы доставить кусокъ хлѣба своему отцу, матери и тремъ сестрамъ, оставленнымъ въ бѣдственномъ положеніи. Скажите же, скажите, милостивый государь, прибавила миссъ Мери взволнованнымъ голосомъ, отъ котораго невольно забилося сердце Ла-Ботардьера: неужели г. и г-жа Морвиль заслужили ваше негодованіе за то, что были справедливы ко мнѣ?

— Если это такъ, то признаюсь....

Старикъ опомнился, и продолжая бороться съ обаятельнымъ вліяніемъ миссъ Мери, сказалъ:

— Но отчего же ни племянникъ, ни жена его не писали мнѣ о томъ, что вы говорите?

— Они послали къ вамъ своихъ дѣтей,—вы не хотѣли принять ихъ. Послѣ такого отказа, что же оставалось дѣлать г. Морвилю и его супругѣ? Вы подозрѣвали ихъ въ алчности, собственное достоинство не позволяло имъ искать другихъ средствъ къ сближенію съ вами: вы могли бы подозрѣвать въ немъ какую-нибудь низкую мысль.

— Не отпираюсь, но....

— Еще одно слово. Вы согласны, что родственники ваши, не исполняя вашего желанія, дѣйствовали по благородному чувству. Къ-несчастію, мое присутствіе, было вамъ ненавистно.

— Ненавистно! Ненавистно! О, сударыня, это уже слишкомъ.

— Противно, если угодно?

— Противно! Нисколько....

— Ну, такъ не правилось?

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, вовсе нѣтъ.

— Я оставила замокъ Морвиль. Зачѣмъ вамъ долѣе бороться

съ благороднымъ чувствомъ, которое влечетъ васъ къ семейству, привыкшему любить и уважать васъ?

— Какъ! Вы думаете, я такъ слабъ, что соглашусь принять этихъ неблагодарныхъ?

— Я увѣрена, что не проходитъ дня безъ того, чтобы вы не сказали себѣ: «Хорошо было то время, когда я ѣздилъ въ замокъ Морвиль! Правда, иногда я ворчалъ, бранился, но это не мѣшало мнѣ быть порядочнымъ человекомъ, не удаляло отъ меня никого; меня встрѣчали всегда ласково и съ уваженіемъ». Такъ и слѣдовало: вы были для г. Морвиля братомъ любимой матери....

— Позвольте, сударыня....

— Нѣтъ, нѣтъ! вы не можете предпочитать тягостное одиночество наслажденіямъ семейной жизни! О, не запирайтесь: вы сожалѣете о прежнихъ отношеніяхъ къ семейству г. Морвиля! Наконецъ, будьте чистосердечны. Какую жизнь ведете вы здѣсь? Жизнь холодную, безцвѣтную, однообразную; ничто не привлекаетъ вашей души, ничто не восхищаетъ вашего ума; вы не довольны ни собой, ни другими, и лучшіе дни ваши тѣ, когда ничто не развлекаетъ вашей пасмурной скуки. Предоставьте одинокую скуку тѣмъ, которыхъ печальная судьба лишила радостей семейства; наслаждайтесь же ими, и не гнѣвите Бога.

Старикъ слушалъ миссъ Мери съ возрастающимъ волненіемъ; прелесть, прямодушіе, разсудительность, трогательная красота дѣвушки произвели на него глубокое и неожиданное впечатлѣніе.

— Мадмуазель, вскричалъ онъ послѣ минутнаго размышленія: угодно ли вамъ отвѣчать откровенно на мои вопросы?

— Я и не умѣю отвѣчать иначе.

— Я вовсе не дуракъ, я знаю своего племянника, и что бы ни чувствовалъ я противъ него, сознаюсь, что онъ человекъ очень благоразумный. Я смотрѣлъ на васъ съ предубѣжденіемъ; если племянникъ мой держалъ васъ два года учительницей, значитъ—предубѣжденія мои ложны; сверхъ-того, я узналъ отъ постороннихъ, что вы образовали мою племянницу въ совершенствѣ.

— Надѣюсь, что вскорѣ вы сами оцѣните Альфонсину.

— Не въ томъ дѣло. Для чего оставили вы замокъ? Миссъ

Мери, вы чистосердечны, и я умоляю васъ говорить безъ обиняковъ.

— Я оставила замокъ Морвиль по двумъ причинамъ: во-первыхъ, воспитаніе Альфонсины почти окончено; во-вторыхъ....

— Вы не рѣшаетесь сказать... Во-вторыхъ, племянникъ мой обходился съ вами не такъ, какъ вы заслуживали!

— Позвольте....

— Онъ сдѣлалъ васъ несчастною; этого я не ожидалъ.

— Выслушайте меня.

— Извольте вы сами выслушать меня! закричалъ старикъ.— А! они сдѣлали васъ несчастною? Это неудивительно, но будьте спокойны; если хотите, я отмщу за васъ и за себя.

— Я не понимаю васъ.

— Миссъ Мери, вы честная и благородная особа....

— Смѣю сказать это утвердительно.

— У васъ нѣтъ состоянія?

— Нѣтъ.

— Вы любите свое семейство?

— Всѣми силами души!

— Вы были бы въ восхищеніи, еслибъ могли составить счастье батюшкѣ, матушкѣ и сестрамъ?

— Это—мое пламенное желаніе.

— Итакъ, миссъ Мери, у васъ есть средство составить счастье вашего семейства, ваше собственное, и сверхъ-того отместить моему негодному племяннику, потерявшему должное уваженіе....

— Право, милостивый государь, я....

— Миссъ Мери, вскричалъ Ла-Ботардьеръ, въ смущеніи взглянувъ на свой замшевый костюмъ: я не могу объясниться въ такомъ облаченіи; дайте мнѣ время выбраться, благопристойно одѣться, и тогда....

Старикъ отворилъ дверь и закричалъ:

— Амбруазъ! Амбруазъ! Жди меня въ спальнѣ.

Потомъ, обратясь къ учительницѣ, Ла-Ботардьеръ прибавилъ:

— Извините, миссъ Мери, что оставляю васъ одну; черезъ полчаса я ворочусь, и тогда, прибавилъ старикъ съ торжествующимъ лицомъ: и тогда я объяснюсь категорически.

Старикъ сдѣлалъ удареніе на этомъ нарѣчій, по его мнѣ-

нію, исполненномъ глубокаго значенія, и вышелъ изъ залы, крича во все горло:

— Амбруазъ! Амбруазъ! Не слышать, проклятый глухарь!

Эта неожиданная выходка изумила миссъ Мери.

— Я ровно ничего не понимаю изъ его словъ, говорила себѣ дѣвушка.—Куда онъ пошелъ? Зачѣмъ оставилъ меня одну? Какъ жаль, что я не успѣла предупредить его, что сюда пріѣдетъ Генрихъ! Я опасаюсь новой глупости Фавроля, но, кажется, я поступила не совсѣмъ безразсудно, назначивъ своему истинному защитнику свиданіе у г. Ла-Ботардьера.

Въ эту самую минуту миссъ Мери услышала на дворѣ лошадиный топотъ.

— Это онъ! это Генрихъ! вскричала дѣвушка: онъ обогналъ карету, чтобы поскорѣе увидѣть меня.

Сердце ея забилось; она была такъ взволнована, что не могла тронуться съ мѣста, хотя въ сосѣдней комнатѣ слышала шаги Генриха Дугласа.

Но вмѣсто жениха, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ три года ждала миссъ Мери, въ залу вошелъ Фавроль, блѣдный, забрызганный грязью.

ХІІ.

Миссъ Мери, такъ жестоко обманутая въ ожиданіяхъ и испуганная нечаяннымъ появленіемъ Фавроля, поблѣднѣла какъ смерть, и не могла не вскрикнуть.

— Наконецъ, мадмуазель, я догналъ васъ, проведя цѣлую ночь въ поискахъ, сказалъ Фавроль.—Откровенно говоря, я очень радъ, что нашелъ сегодня утромъ потерянное вчера вечеромъ. По успокойтесь: несмотря на раздражительность, которой причину вы знаете, я не выйду изъ границъ уваженія. Однакожъ, сколько я буду почтителенъ къ вамъ, столько же твердъ въ своемъ намѣреніи, и ни что не заставитъ меня теперь отказать отъ своихъ плановъ.

Миссъ Мери, уничтоженная этими словами, опустилась на стулъ, оробѣла и проговорила сквозь слезы:

— О, еслибъ вы знали, какъ я страдаю, вы пожалѣли бы меня!

— Не знаю, миссъ Мери, какая щекотливость не позволяла вамъ вчера выслушать меня въ домѣ, далеко отсюда; но здѣсь вы свободны; я пришелъ узнать свою участь, и не оставлю васъ, пока вы не рѣшитесь окончательно, послѣ зрѣлаго размышленія....

Миссъ Мери задрожала; она услышала на дворѣ стукъ почтовой кареты. Въ этотъ разъ уже нечего было сомнѣваться: это былъ Генрихъ Дугласъ. Голова дѣвушки закружилась при мысли объ угрожавшихъ ей несчастіяхъ, и когда она опомнилась, въ дверяхъ залы стояла мужественная и спокойная фигура Генриха Дугласа, котораго ввелъ не Амбруазъ, но другой слуга, чрезвычайно удивленный такимъ необыкновеннымъ стеченіемъ гостей въ замкъ Ла-Ботардьеръ.

Увидѣвъ жениха, миссъ Мери испустила глухой крикъ, и влажные глаза ея въ испугѣ и нѣжно остановились на серьезномъ и прекрасномъ лицѣ двоюроднаго брата, котораго она такъ долго не видала. Капитанъ Генрихъ Дугласъ прошелъ все разстояніе, отдѣлявшее его отъ дѣвушки, — потому-что она не могла сдѣлать ни шагу, — и подалъ ей руки. Миссъ Мери опустила на нихъ свои руки, не говоря ни слова, и слезы показались по ея лицу.

Фавроль былъ пораженъ этою неожиданною сценой, и отошелъ въ-сторону. Генрихъ Дугласъ обернулся, замѣтилъ его, и, сожалѣя, что обнаружилъ свое волненіе при постороннемъ, отступилъ назадъ и поклонился Фавролю съ вѣжливостью, которая почти извиняла невольное несоблюденіе приличій; потомъ, указавъ на миссъ Мери, сказалъ Фавролю:

— Милостивый государь, я уже три года не видалъ своей любезной кузины, миссъ Лаусонъ. Надѣюсь, вы извините, прибавилъ онъ, поклонившись: что я прежде не замѣтилъ вашего присутствія.

Фавроль былъ почти увѣренъ, что стоитъ лицомъ къ лицу съ соперникомъ, однакожъ, уступая свѣтскимъ приличіямъ, отъ которыхъ нельзя отказаться безъ грубости, отвѣтилъ капитану

поклономъ и проговорилъ нѣсколько незначительныхъ словъ, которыхъ не договариваешь, если хочешь казаться порядочнымъ человекомъ, не зная, что сказать.

Миссъ Мери съ боязнью слѣдила за взглядами двухъ молодыхъ людей; потомъ рѣшительно подошла къ Фавролю и сказала, указывая глазами на Генриха:

— Имѣю честь представить вамъ моего двоюроднаго брата, капитана Дугласа. Мы были обручены въ дни болѣе счастливые; однакожъ онъ не переставалъ меня любить, даже въ то время, когда несчастія постигли мое семейство. Г. Дугласъ пріѣхалъ за мною во Францію, и мы отправимся въ Англию, просить моего батюшку благословить нашъ союзъ.

— Съ кѣмъ я имѣлъ честь кланяться? спросилъ глазами Дугласъ, обращаясь къ учительницѣ.

— Это г. Фавроль, отвѣчала миссъ Мери: женихъ дочери г. Морвиля, моей любезной и достойной ученицы.

— Мадмуазель, отвѣчалъ Фавроль, поблѣднѣвъ отъ злости: если вы такъ ясно опредѣлили свои отношенія къ нимъ, — Фавроль указалъ на Дугласа, — то я считаю долгомъ опредѣлить свое положеніе съ такою же ясностью.

Потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Генриху:

— Правда, нѣсколько времени считали меня за искателя руки дѣвицы Морвиль; но въ ея семействѣ я встрѣтилъ миссъ Мери, съ которою, назадъ тому два года, я имѣлъ честь путешествовать изъ Калѣ въ Парижъ, и....

— Какъ, милостивый государь! Такъ это вы, прервалъ Генрихъ Дугласъ съ выраженіемъ чистосердечной благодарности: такъ это вы берегли миссъ Лаусонъ съ братскою заботливостью, во-время долгаго путешествія? О, какъ я счастливъ, что могу выразить признательность семейства миссъ Мери за вашъ благородный поступокъ! Позвольте же, милостивый государь, пожать вамъ руку....

Сказавъ это, капитанъ Дугласъ подалъ руку Фавролю. Въ это время глухой и отдаленный шумъ, похожій на стукъ чело-вѣка, который ломится въ дверь, чтобы ее отворили, привлекъ вниманіе трехъ лицъ, и они невольно обернулись въ ту сторону, гдѣ былъ корридоръ. Но это обстоятельство не могло надолго разстроить чувства, которыми они были заняты. Миссъ

Мери замѣтила, что въ ту минуту, какъ ея женихъ такъ чистосердечно подалъ руку Фавролю, этотъ, вмѣсто отвѣта на дружеское привѣтствіе, презрительно окинулъ его взоромъ съ ногъ до головы. Впрочемъ, Дугласъ не замѣтилъ надменности своего соперника, потому-что и самъ былъ занятъ отдаленнымъ шумомъ. Миссъ Мери, поддерживаемая послѣднею надеждой, сказала жениху, когда Фавроль и Дугласъ вышли изъ минутной разсѣянности:

— Да, г. Фавроль берегъ меня какъ братъ, въ-продолженіе поѣздки изъ Калé въ Парижъ, и первымъ дѣломъ моимъ было написать матушкѣ о любезности г. Фавроля.

— Позвольте же, милостивый государь, пожать вамъ руку, прямодушно сказалъ капитанъ, снова подавая руку Фавролю: и выразить вамъ благодарность семейства миссъ Мери и мою.

— Прежде, нежели я подамъ вамъ руку, гордо отвѣчалъ Фавроль, отступивъ на шагъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на дружескія слова жениха Мери: я долженъ сообщить вамъ нѣкоторыя обстоятельства, послѣдствія встрѣчи моей съ мадмуазель Лаусонъ. Выслушавъ меня, вы согласитесь, что ваша благодарность была, по-крайней-мѣрѣ, преждевременною.

Миссъ Мери насилу держалась на ногахъ, видя возрастающую опасность. Дугласъ, удивленный до крайности отвѣтомъ Фавроля и еще не принимая отвѣта за обиду, спрашивалъ миссъ Мери глазами о причинѣ такой странной выходки Фавроля, и потомъ сказалъ ему съ достоинствомъ:

— Мнѣ очень тяжело было бы подумать, что я ошибся, отблагодаривъ васъ за благородный поступокъ съ мадмуазель Лаусонъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Фавроль: мадмуазель Лаусонъ сказала правду; да, я думалъ жениться на дочери г. Морвиля; но мадмуазель Лаусонъ не сказала вамъ, что послѣ нашей встрѣчи въ замкѣ Морвиль, пламенная и почтительная любовь моя къ ней, начавшаяся во-время поѣздки изъ Калé въ Парижъ, проснулась еще съ болѣею страстью. По этому, я рѣшился на все.... понимаете, милостивый государь?... я рѣшился на все, чтобы жениться на мадмуазель Лаусонъ.

Капитанъ Дугласъ внимательно выслушалъ своего соперника, и сказалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Я вижу въ вашихъ словахъ чувство, дѣлающее честь и вамъ и миссъ Мери. Вы любите ее? Это не удивительно: я знаю, чего она стóитъ. Вы желаете жениться на ней? Это удивляетъ меня тѣмъ менѣе, что у меня тоже самое желаніе. Остается только узнать, предпочитаетъ ли васъ моя кузина.

— Милостивый государь! вскричалъ Фавроль, еще болѣе взбѣшенный хладнокровіемъ своего соперника: я люблю миссъ Мери такъ же благородно, какъ вы, мое имя стóитъ вашего, я занимаю въ свѣтѣ такое же положеніе, какъ и вы, и я не вижу, почему вы заслуживаете предпочтенія.

— О, противъ этого я ни слова! возразилъ Дугласъ съ британскою флегмой.—Ваша любезность къ миссъ Лаусонъ во-время поѣздки доказываетъ, что вы образованный человѣкъ и можете только благородно любить особу, достойную такого уваженія, какъ миссъ Мери. Чтò касается вашего имени и положенія въ свѣтѣ, то я нисколько не сомнѣваюсь въ нихъ: иначе г. и г-жа Морвиль не согласилась бы отдать вамъ руку своей дочери. Наши права на любовь миссъ Мери совершенно равны; но, располагая выборомъ, она отдаетъ мнѣ преимущество. Въ этомъ предпочтеніи нѣтъ ничего оскорбительнаго для васъ, и я, право, не знаю, почему вы отказались пожать руку, которую, увѣряю васъ, я подалъ вамъ отъ души.

— Милостивый государь, вскричалъ Фавроль, выведенный изъ терпѣнья спокойнымъ благоразуміемъ Генриха Дугласа: во Франціи жмутъ руку сопернику, скрестивъ напередъ съ нимъ шпагу.

— О, чтò я вамъ сдѣлала? сказала миссъ Мери Фавролю, громко зарыдавъ.

Дугласъ постарался успокоить ее жестомъ и взоромъ, и съ холоднымъ достоинствомъ отвѣчалъ Фавролю:

— Во Франціи, какъ въ Англіи, милостивый государь, люди благовоспитанные, какъ мы, не произносятъ важныхъ словъ необдуманно, особенно когда эти слова могутъ огорчить особу, достойную глубокаго уваженія.

И взоръ Дугласа какъ-будто сказалъ Фавролю: «Если угодно,

я готовъ къ вашимъ услугамъ, но только не пугайте миссъ Мери».

Потомъ, убѣдившись, что соперникъ понялъ его, Дугласъ продолжалъ:

— Впрочемъ, милостивый государь, я увѣренъ, вы согласитесь со мною,—если, подобно мнѣ, желаете разсѣять безпокойство миссъ Лаусонъ, обманувшейся въ смыслѣ вашихъ словъ,—что положеніе насъ обоихъ не требуетъ такой рѣшительной развязки.

— Я говорю то же, потому-что, какъ вы, желаю разсѣять безпокойство миссъ Лаусонъ, отвѣчалъ Фавроль, сдѣлавъ удареніе на этой двусмысленной фразѣ, такъ, чтобы соперникъ ясно угадалъ его мысль.

Миссъ Мери, выведенная изъ ужаснаго сомнѣнія, отерла слезы, и, въ порывѣ радости, сказала Фавролю дрожащимъ голосомъ:

— Извините, что я на минуту усомнилась въ вашемъ сердцѣ.

Фавроль поклонился, едва скрывая гнѣвъ принужденною улыбкой, какъ вдругъ шумъ, который они уже слышали, раздался снова.

— Вѣрно, кто-нибудь запертъ въ сосѣднихъ комнатахъ, сказалъ Фавроль.

Онъ не успѣлъ выговорить и шумъ еще не затихъ, какъ Альфонсина и Жераръ вбѣжали въ комнату, и дѣвушка бросилась на руки учительницы.

— Вотъ она! вотъ она, любезная и добрая миссъ! По-крайней-мѣрѣ, мы можемъ съ нею проститься!

ХІІІ.

Фавроль, поставленный въ чрезвычайно непріятное положеніе между миссъ Мери и Дугласомъ, растерялся еще болѣе при появленіи мадмуазель Морвиль. Ему было такъ тяжело, нелов-

ко, что онъ невольно спрятался за ширмы, и такимъ-образомъ ускользнулъ на минуту отъ глазъ Альфонсины и Жерара.

Дѣвушка, не замѣтивъ Дугласа, бросилась обнимать учительницу.

— О, злая миссъ! говорила Альфонсина: уѣзжаете, даже не простившись! Отнимаете у насъ даже это утѣшеніе!...

— Только сегодня утромъ, прибавилъ Жераръ: я узналъ отъ нашего кучера, что вы провели ночь въ сент-илерской гостиницѣ. Я тотчасъ поѣхалъ туда съ Альфонсиной, и намъ сказали, что вы отправились въ Ла-Ботардьеръ...

— И мы поѣхали искать васъ, не боясь гнѣва дялюшки, продолжала Альфонсина.—Но гдѣ же этотъ ужасный и милый дялюшка? Я рѣшилась на все, чтобы...

Дѣвушка обернулась и увидѣла Дугласа. Молча, смотрѣла она на него нѣсколько секундъ, и потомъ, пристально взглянувъ на миссъ Мери, сказала ей съ улыбкой:

— Это онъ.... Кажется, я не ошиблась?

Альфонсина подошла къ жениху своей учительницы, и сказала ему съ развязностью, которою почти всегда отличается простота:

— Вы не знаете меня, милостивый государь, но я знаю васъ и люблю.... со вчерашняго утра, прибавила она взглянувъ на учительницу: да, вчера утромъ я узнала, что миссъ Мери будетъ обязана вамъ счастьемъ, котораго она заслуживаетъ.

Альфонсина граціозно подала руку Дугласу.

— И я зналъ васъ, мадмуазель, отвѣчалъ онъ съ спокойною нѣжностью: я зналъ, что вами гордилась моя кузина; все семейство ея знаетъ и любитъ васъ, и назадъ тому пять дней, престарѣлый батюшка миссъ Мери, ея матушка и сестры повторяли мнѣ, когда я уѣзжалъ во Францію: «Скажите любезной ученицѣ Мери, что мы обнимаемъ ее какъ дочь, какъ сестру, и никогда не забудемъ, какъ облегчила она своею прелестью и кротостью трудное положеніе чужестранки, удаленной отъ родины».

Генрихъ Дугласъ поклонился и почтительно поцѣловалъ руку дѣвушки. Альфонсина покраснѣла, двѣ слезы блеснули въ ея глазахъ, и она сказала миссъ Мери:

— Такъ вы говорили обо мнѣ въ своихъ письмахъ?

— Какъ же не подѣлиться своимъ счастьемъ съ тѣми, которыхъ любишь? нѣжно отвѣчала учительница Альфонсины.

Фавроль все еще стоялъ за ширмами, и ему очень польстила благодарность, которую такъ выразительно высказалъ Дугласъ его невѣстѣ.

Миссъ Мери взяла Жерара за руку и представила капитану:

— Г. Жераръ Морвиль, братъ моей любезной Альфонсины.

— Мы тоже старые знакомые, хотя ни разу не встрѣчались, отвѣчалъ Генрихъ: мадмуазель Лаусонъ часто высказывала мнѣ прекрасное мнѣніе о братѣ своей ученицы, и я сочту себя счастливымъ, мосьё Жераръ, если вы предложите мнѣ свою дружбу съ такимъ же удовольствіемъ, какъ я предлагаю вамъ свою.

Жераръ, растроганный признательностью миссъ Мери, которая, въ своихъ письмахъ, такъ много хвалила его, что даже человѣкъ такихъ лѣтъ, какъ Дугласъ, просилъ его дружбы, нашель въ этомъ нѣжномъ доказательствѣ уваженія сладостное утѣшеніе за печаль, возбужденную въ немъ безумною любовью къ миссъ Мери. Жераръ бросилъ на учительницу и на Альфонсину взглядъ, понятный для обѣихъ, и отвѣчалъ Дугласу:

— Милостивый государь, миссъ Мери часто говорила намъ, что благородные люди всегда вознаграждаютъ насъ своимъ уваженіемъ за добрыя чувства и за мужественное самоотверженіе въ трудныя минуты жизни.... Я не думалъ, что такъ скоро осуществляются прекрасныя слова миссъ Мери.

— Я тоже не думала, мосьё Генрихъ, и вы возвращаете счастье брату и сестрѣ, большое счастье, прибавила Альфонсина почти весело, что очень удивило миссъ Мери, думавшую въ эту минуту о любви дѣвушки къ Фавролю.

Удивленіе учительницы не скрылось отъ Альфонсины.

— Я знаю, миссъ Мери, чему вы удивляетесь, сказала она: но видите ли, со вчерашняго дня многое перемѣнилось!

— Что это значитъ, мой другъ?

— Вчера вечеромъ, думая, что я васъ больше не увижу, я много плакала, и наплакавшись, начала размышлять; я думала, что жизнь моя перемѣнится, потому-что до-сихъ-поръ, миссъ

Мери, вы были моимъ любимымъ руководителемъ... И знаете, въ чемъ провела я первую ночь послѣ нашей разлуки? Я отыскивала въ своемъ сердцѣ ваши уроки, ваши совѣты; вы давали мнѣ ихъ такъ нѣжно, что въ то время они казались мнѣ пріятною бесѣдой. Посудите же о моемъ счастьи, удивленіи, когда я почувствовала, что прекрасныя сѣмена, брошенныя вами за два года, развились во мнѣ, дали ростки и принесли плодъ. Тогда, можетъ-быть, въ первый разъ, любезная миссъ Мери, я поняла и благословила воспитаніе, которое вы мнѣ дали. И хотите ли, мосьё Генрихъ, видѣть самое свѣжее доказательство благотворнаго вліянія примѣра миссъ Мери?... Представьте: насталь ужасный день, въ который — да вы не повѣрите!—я начала ревновать ее, да, ревновать!...

При этихъ словахъ, учительница безпокойно взглянула на ширмы, за которыми спрятался Фавроль.

— Я сознаюсь въ этой ревности, мосьё Генрихъ, продолжала Альфонсина съ трогательною наивностью: чтобы наказать себя за увлеченіе дурнымъ чувствомъ и отдать должную дань честности миссъ Мери, и твердости, которую почерпнула я изъ ея уроковъ! О, безъ нихъ еще долго страдала бы я ужасной болѣзью, ревностью! Но миссъ Мери сказала мнѣ только одно слово—и я повѣрила. И какъ было не повѣрить? Это еще не все; вы узнаете, мосьё Генрихъ, какую извлекла я пользу изъ вліянія миссъ Мери....

— Кчему, дитя мое, вспоминать прошлое? сказала учительница съ возрастающимъ безпокойствомъ, вспомнивъ о Фавролѣ и видя, какой оборотъ принимаетъ разговоръ.

— Кчему, любезная миссъ Мери? возразила Альфонсина. — Чтобы высказать передъ тѣмъ, который любитъ васъ, все, чѣмъ я обязана вамъ, и заставить его дорожить вами еще болѣе. И такъ, мосьё Генрихъ, я сначала страдала, считала себя униженною, увидѣвъ, что мнѣ предпочли миссъ Мери; но вскорѣ, разсудокъ, сердце, мужество побѣдили это огорченіе, и я спросила у себя: какъ могла я даже удивиться, что отдають предпочтеніе миссъ Мери, которая стоитъ выше меня рѣшительно всѣмъ—умомъ, талантами, образованностью, красотою? Я поняла, что если выбирать одно изъ двухъ—свѣтъ или его отблескъ,—то г. Фавроль долженъ предпочесть миссъ Мери.

Дугласъ машинально искалъ своего соперника глазами; но Фавроль, увлеченный прелестью дѣвушки, которую онъ пренебрегъ на минуту, слушалъ ее съ возрастающимъ участіемъ.

Альфонсина не поняла движенія Дугласа.

— Я разсѣю ваше удивленіе двумя словами, сказала она съ наивностью: батюшка думалъ выдать меня за-мужъ за сына своего стараго друга. Я радовалась, какъ я радовалась этому браку! Но г. Фавроль, увидѣвъ возлѣ меня миссъ Мери, забылъ меня для нее! Это очень просто, и вы не удивитесь этому, месье Генрихъ.

— Милая Альфонсина, какое благородное у васъ сердце! сказала учительница, тронутая этими словами.

— Не вы ли, миссъ Мери, научили меня быть скромною? Не вы ли говорили мнѣ, что въ жизни часто приходится сносить горе терпѣливо? Чтѣ же тогда я сдѣлала? Узнавъ, что г. Фавроль совершенно невинно могъ полюбить васъ больше, нежели меня, я сочла долгомъ возвратитъ ему слово, которое онъ далъ моимъ родителямъ.

— Какъ! вскричалъ Жераръ: ты хочешь...

— Какъ! повторила Альфонсина, съ выраженіемъ дружескаго упрека: тебѣ удивительно, что я первая разрываю обязательство, заключенное въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ? Но чего ты хочешь, бѣдный братъ? Все перемѣнилось; планъ, нѣкогда обѣщавшій мнѣ счастье, стѣсняетъ г. Фавроля, ставитъ его въ непріятное положеніе...

— Фавроль самъ виноватъ, что измѣнилъ своему слову, горестно отвѣчалъ Жераръ.

— Бѣдный братъ! нѣжно сказала Альфонсина, намекая на его любовь къ миссъ Мери: я не могу не сожалѣть искренно о тѣхъ, которые любятъ или любили безнадежно.... Отъѣздъ миссъ Мери будетъ жестокимъ ударомъ для Фавроля; но по крайней-мѣрѣ, я постараюсь вывести его изъ щекотливаго отношенія къ нашимъ родителямъ. Дай Богъ ему найти подружку, которая любила бы его такъ, какъ я его люблю! Для чего не сознаться, что я люблю его? произнесла Альфонсина дрожащимъ голосомъ въ отвѣтъ на движеніе учительницы, которая думала о Фавролѣ, невидимомъ свидѣтелѣ этой сцены.

Фавроль, растроганный до слезъ этою простодушной, страж-

дущей любовью, начиналъ раскаяваться въ безразсудной прихоти, которой пожертвовалъ онъ, быть-можетъ, счастіемъ своей жизни, и слушая дѣвушку, находилъ въ ней всѣ рѣдкія качества ума и сердца, которыя почиталъ въ миссъ Мери.

Альфонсина продолжала, обратясь къ учительницѣ и Жерару:

— И отчего же не признаться, что я люблю Фавроля? Назадъ тому четыре мѣсяца, папенька, маменька и ты, Жераръ, развѣ не говорили мнѣ, чтобъ я его любила? Неужели онъ потерялъ всѣ качества, за которыя хвалили его? Неужели онъ менѣе заслуживаетъ уваженія и любви, потому только, что любить миссъ Мери? Нѣтъ, нѣтъ, такое предпочтеніе только невыпадаетъ его въ моихъ глазахъ, и если я желаю освободитъ Фавроля отъ даннаго обѣщанія....

— То онъ умоляетъ васъ позволить ему не отказываться отъ слова, даннаго вашему семейству! вскричалъ Фавроль, вышедъ изъ-за ширмъ и приблизившись къ Альфонсинѣ.

Дѣвушка вскрикнула, покраснѣла, и прижалась лицомъ къ груди миссъ Мери.

— Ты здѣсь? вскричалъ Жераръ: ты здѣсь, Теодоръ! Такъ ты былъ здѣсь!...

— Да... да... я слышалъ все, прибавилъ Фавроль, утирая слезы: да, я все слышалъ, братъ мой. Благородная и твердая дѣвушка! И я еще могъ отказываться отъ нея?... Жераръ, проститъ ли она меня? О, я посвящу всю свою жизнь на то, чтобы заставить ее позабыть горести, которыхъ я былъ причиною!

— Я попрошу за тебя, любезный Теодоръ—и надѣюсь, сказалъ Жераръ, подходя къ сестрѣ, которая обнявъ миссъ Мери, положила голову ей на плечо.

Тогда Фавроль пошелъ къ Дугласу, и сказалъ:

— Порядочные люди, милостивый государь, не стыдятся сознаваться въ своихъ ошибкахъ: я сознаюсь въ своихъ и прошу ихъ забыть.

— Онѣ уже забыты; я помню только услугу, которую вы оказали мадамъзель Лаусонъ, послѣ ея пріѣзда во Францію. По чувству благодарности, я подалъ вамъ руку; позвольте же пожать ее еще разъ.

Фавроль крѣпко пожалъ руку Дугласу.

Альфонсина, еще не смѣя поднять голову отъ плеча учительницы, прошептала ей, но такъ, что Фавроль могъ слышать:

— Любезная Мери, развѣ я похожа на васъ, что онъ можетъ меня любить? Скажите мнѣ—и я вамъ повѣрю.

Учительница хотѣла отвѣчать, но въ эту самую минуту вошли въ залу г. и г-жа Морвиль. Фавроль побѣжалъ къ нимъ и закричалъ:

— Умоляю васъ, во имя счастья моей жизни,—я не смѣю теперь сказать, счастья вашей дочери,—забудьте минутное заблужденіе, и согласитесь на мой бракъ съ Альфонсинной!

Крикъ Ла-Ботардьера прервалъ этотъ трогательный разговоръ.

XIV.

Г. и г-жа Морвиль, ихъ дѣти, миссъ Мери, Дугласъ и Фавриль съ беспокойствомъ ожидали появленія Ла-Ботардьера, который, кажется, былъ очень взбѣшенъ, если судить по слѣдующему разговору его съ старымъ слугою въ сосѣдней комнатѣ:

— Проклятый Амбруазъ! кричалъ Ла-Ботардьеръ: глухарь! Цѣлый часъ оставляетъ меня въ заперти!

— Развѣ я виноватъ, сударь, отвѣчалъ Амбруазъ: что въѣтромъ захлопнуло дверь въ прихожей, и вы не могли выйти?

— Я стучался, чуть не сломалъ кулаки, проклятый глухарь!

— Быть не можетъ, сударь, чтобъ вы такъ крѣпко стучали; я ровно ничего не слышалъ, то-есть мнѣ показалось, будто хлопаетъ штора. Еслибъ вы стучали покрѣпче, я непременно бы отперъ.

— Еще онъ же выговариваетъ мнѣ! Отвѣчай: Англичанка еще въ залѣ?

— Чего изволите?

— Я спрашиваю: въ залѣ миссъ Мери? заревѣлъ Ла-Ботардьеръ.—Ну, слышалъ въ этотъ разъ?

— Вы кричите такъ, что можно слышать за милю.... Въ залѣ, сударь, и другіе тоже въ залѣ.

— И другіе? повторилъ Ла-Ботардьеръ.—Какіе тамъ другіе?

— Чего изволите, сударь?

Но старикъ, не отвѣчая Амбруазу, быстрыми шагами вошелъ въ залу, въ которой думалъ поговорить наединѣ съ миссъ Мери, потому-что, воспользовавшись разговоромъ Амбруаза съ господиномъ, она попросила прочихъ стать за ширмы.

— Что бредитъ этотъ Амбруазъ о другихъ? ворчалъ сквозь зубы Ла-Ботардьеръ.

Но вскорѣ на губахъ его навернулась улыбка, и онъ сказалъ, какъ можно нѣжниѣ:

— Любезная миссъ Мери, теперь я могу объяснить.... Я не оставилъ бы васъ такъ долго одну, еслибы проклятый глухарь, Амбруазъ, не держалъ меня цѣлый часъ взаперти....

Учительница замѣтила, что Ла-Ботардьеръ скинулъ утренній костюмъ, и предсталъ въ черномъ фракѣ, ослѣпительно бѣлымъ галстухѣ и такомъ же ослѣпительно бѣлымъ жилетѣ. Миссъ Мери догадалась о цѣли такой перемѣны, и торжествовала, что исполнить обѣщаніе, данное родителямъ Альфонсины. Надежда на успѣхъ удвоила смѣлость миссъ Мери, и она сказала старику, который, съ улыбкою на губахъ, собирался объяснить причину превращенія замшеваго камзола въ черный фракъ:

— Я думаю, милостивый государь, для васъ все-равно продолжать нашъ разговоръ въ другой комнатѣ?

— Конечно, сударыня, но....

— Въ такомъ случаѣ, пойдете со мною, отвѣчала миссъ Мери, и пошла въ сосѣднюю комнату, боясь, чтобы разговоръ ея съ Ла-Ботардьеромъ, при скрытыхъ свидѣтеляхъ, не оскорбилъ его самолюбія.

— Любезная миссъ Мери, сказалъ Ла-Ботардьеръ, оставшись съ нею вдвоемъ въ другой комнатѣ: учтивый мужчина долженъ повиноваться, не только волѣ, даже капризамъ прекраснаго пола. Вамъ угодно было продолжать начатый разговоръ не въ залѣ, а здѣсь.... Повинуюсь! Впрочемъ, вотъ въ двухъ

словахъ то, что хотѣлъ я вамъ сказать: мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и у меня столько же тысячъ франковъ годового дохода... Одиночество будетъ для меня теперь вдвое нестерпимѣе, если вы не станете раздѣлять его со мною.... Я приму ваше семейство съ должною честью, если ему угодно будетъ поселиться у насъ.... Словомъ, милая миссъ Мери, хотите ли вы сдѣлаться баронессой де-Ла-Ботардьеръ?

— Прежде нежели я отвѣчу на это предложеніе, дѣлающее мнѣ большую честь....

— Нѣтъ, сударыня, вы дѣлаете мнѣ честь....

— Мнѣ хотѣлось бы узнать, такъ ли точно тяготитъ васъ это одиночество, какъ вы говорите.

— Любезная миссъ Мери, клянусь вамъ, я умру со скуки.... Съ первыхъ словъ нашего разговора, вы прочли въ моемъ сердцѣ печальную истину, въ которой не позволяло мнѣ сознаться ложное самолюбіе.

— Ради Бога, обдумайте свои слова; говорите чистосердечно.

— Жизнь невыносима для меня; это вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Жозефомъ! Еслибъ вы знали, что за скука зависѣть отъ такихъ болвановъ, какъ глухарь Амбруазъ, который сію минуту заперъ меня, не думая, что я захохочу отъ злости!

— Это простой случай, и я еще не увѣрена, что вы вѣрно обдумали свое намѣреніе.

— Милая миссъ Мери, клянусь вамъ....

— Позвольте; вы сказали, что желаете пригласить мое семейство и что вы найдете съ нимъ счастье?

— Это моя мечта, мое единственное желаніе!

— Однакожъ, у васъ есть родные, и вы два года не видѣлись съ ними?... Какъ же вы хотите, чтобъ я повѣрила...?

— Любезная миссъ Мери, прервалъ Ла-Ботардьеръ: я докажу однимъ словомъ, что сердце мое не зачерствѣло....

— Докажите!

— Вы знаете, что у меня есть справедливыя причины не ладить съ родными?

— Я вовсе не допускаю справедливости этихъ причинъ.

— Все-равно! Несмотря на эти причины, справедливыя

или нѣтъ, я тысячу разъ готовъ былъ простить моему племяннику, да! и сказать ему: «будемъ друзьями по-прежнему», но меня удерживалъ ложный стыдъ.

— Вѣрю вамъ, вѣрю за вашу искренній голосъ. И такъ, вамъ только хотѣлось бы жить посреди родныхъ, которые васъ душевно любятъ?

— Да, съ молодою и прекрасною особой, какъ вы, миссъ Мери, у которой столько прелести, ума и талантовъ.

— Допустивъ, что портретъ несовсѣмъ невѣренъ, я думаю, что желаніе ваше очень можетъ осуществиться.

— О, любезная миссъ!

— Однакожъ, еще одно слово; вы знаете мою откровенность.

— Знаю, удивляюсь ей, восхищаюсь, любезная миссъ!

— Вы сказали мнѣ свои лѣта?

— Шестьдесятъ.

— Мнѣ двадцать четвертый годъ.

— Большая разница!

— Очень большая; и я безстыдно обманула бы васъ, да и вы сами не повѣрили бы мнѣ, еслибъ я сказала, что женщина моихъ лѣтъ можетъ любить....

— Старика! Неужели, миссъ Мери, я такъ глупъ, что искалъ бы такъ много? Нѣтъ, нѣтъ, я любилъ бы васъ какъ отца, и попросилъ бы только, чтобъ вы были привязаны ко мнѣ, какъ дочь.

— Чудесно, мосьё Ла-Ботардьеръ! Сколько я могла понять ваши слова, у васъ одно желаніе—наслаждаться семейными радостями возлѣ молодой, хорошенькой особы, умной и воспитанной, которая заботилась бы о васъ, какъ дочь объ отцѣ?

— Да, да, любезная миссъ Мери! Вотъ мое единственное желаніе, вотъ моя единственная мечта! съ восхищеніемъ вскричалъ Ла-Ботардьеръ, готовясь броситься на колѣни передъ учительницей.

Но миссъ Мери во-время предупредила драматическое колѣнопреклоненіе, взяла Ла-Ботардьера за руку и повела въ залу. Старикъ машинально пошелъ за нею, ожидая развязки.

— Никто не узнаетъ, сказала миссъ Мери: зато я никогда не забуду вашего благороднаго предложенія. Къ-сожалѣнію, я не

могу принять его: я уже три года обручена съ человѣкомъ, котораго нѣжно люблю. Вы увидите у себя родныхъ, которые почтутъ за счастье угождать вамъ, и дѣвицу милую, умную, образованную, которая будетъ любить васъ, какъ отца.

Съ этими словами, отъ которыхъ остолбенѣлъ Ла-Ботардьеръ, миссъ Мери подвела его къ дверямъ залы и сказала:

— Альфонсина! Жераръ! Обнимите вашего любезнаго дядюшку!

И братъ съ сестрою кинулись на шею старику. Вслѣдъ за ними вышли г. и г-жа Морвиль.

Неожиданное свиданіе съ родными окончательно поразило Ла-Ботардьера. Онъ былъ глубоко разстроганъ отказомъ миссъ Мери, и еще не опомнившись отъ печали, уже десять разъ успѣлъ обнять Альфонсину, ея брата и Морвиля.

Неугомонный и сварливый старикъ былъ тѣмъ болѣе разстроганъ ласками, что отказъ миссъ Мери расположилъ его къ нѣжности. Ла-Ботардьеръ былъ опечаленъ, и въ эту тяжелую минуту любовь родныхъ явилась ему утѣшеніемъ. Глаза старика наполнились слезами, и сжимая въ своихъ объятіяхъ Альфонсину и Жерара, онъ сказалъ учительницѣ съ грустнымъ упрекомъ:

— Ахъ, миссъ Мери.... миссъ Мери!

— Развѣ я не сдержала своего обѣщанія? отвѣчала она, мило улыбнувшись. — Вы въ кругу родныхъ, которые любятъ васъ; прижимаете къ сердцу дѣвушку, которая любитъ васъ, какъ отца....

— Полно, сказалъ старикъ, подавая руку племяннику: все забыто. Я вы будете меня любить, несмотря на мое ворчанье?

— Будемъ, любезный дядюшка, отвѣчала г-жа Морвиль: только браните насъ побольше.

— Въ такомъ случаѣ, будьте спокойны: я сохраню вашу привязанность, отвѣчалъ старикъ.

Потомъ, увидѣвъ Фавроля, котораго хотѣлъ-было представить ему г. Морвиль, старикъ закричалъ:

— Кошемаръ, преслѣдовавшій меня изъ Кале!

— Теодоръ Фавроль, женихъ моей дочери, дядюшка, сказалъ г. Морвиль.

— Теперь, милостивый государь, я членъ вашего семейства, отвѣчалъ будущій супругъ Альфонсины, поклонившись Ла-Ботардьеру: я также имѣю право на вашу брань; я желаю только одного — загладить несчастное путешествіе изъ Кале, въ продолженіе котораго я невольно имѣлъ несчастіе не понравиться вамъ.

— Ладно, ладно, господинъ зубоскалъ! отвѣчалъ старикъ: я прощаю вамъ, но съ условіемъ, чтобы на свадьбѣ моей племянницы подавали цыплятъ à ла-Ботардьеръ, какъ говорили ваши товарищи, такіе же зубоскалы! А, помните, миссъ Мери, этихъ дерзкихъ негодяевъ? прибавилъ старикъ, обернувшись въ ту сторону, гдѣ стояла учительница.

Миссъ Мери подвела къ нему Дугласа.

— Еще одинъ! вскричалъ Ла-Ботардьеръ. — Да что это! У меня всѣ назначили свиданіе?

— Да, мосьё Ла-Ботардьеръ, и цѣль этого свиданія общее счастье, отвѣчала миссъ Мери. — Позвольте представить вамъ г. Генриха Дугласа, моего жениха, который по приказанію моего батюшки, пріѣхалъ за мною во Францію.

Дугласъ поклонился старику, лицо котораго снова сдѣлалось печальнымъ, и онъ сказалъ, вздохнувъ, жениху миссъ Мери:

— Вы счастливы, милостивый государь, вы женитесь на достойной особѣ!

Альфонсина взяла старика за руки, и сказала:

— Добрый дядюшка! мы часто будемъ говорить о миссъ Мери.

— Надѣюсь, отвѣчалъ старикъ, обнимая племянницу: потому-что миссъ Мери была отчасти нашею общею учительницей

— Правда, правда любезный дядюшка! сказала г-жа Морвиль взволнованнымъ голосомъ, обративъ на миссъ Мери взглядъ, выразившій извиненіе и благодарность. — Воспоминаніе о миссъ Мери будетъ драгоцѣнно для всѣхъ насъ!

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого трогательнаго разставанья, г. и г-жа Морвиль, ихъ дѣти, Фавроль и Ла-Ботардьеръ собрались на крыльцѣ замка, и печальнымъ взоромъ слѣдили за почтовою каретой, на козлахъ которой сидѣлъ Вилльямъ. На поворотѣ аллеи, которая тянулась противъ главныхъ

воротъ, миссъ Мери выглянула въ окно кареты, и въ послѣдній разъ махнула платкомъ, въ знакъ прощанія.

Нежданные гости Ла-Ботардьера воротились въ замокъ.

Черезъ мѣсяцъ, въ Дублинѣ, въ ту минуту какъ по совершеніи вѣнчанья, родные и друзья Генриха Дугласа и миссъ Мери Лаусонъ, тѣснились, чтобы подписать свидѣтельство о бракосочетаніи явились двѣ дамы.

Пожилая дама написала на свидѣтельствѣ:

Луиза Морвиль.

Молодая.

Альфонсина Фавроль.

Капитанъ Дугласъ показалъ эти два имени своей молодой женѣ, заглушенной поздравленіями. Миссъ Мери испустила радостный крикъ, обняла свою прелестную ученицу, и увидѣла возлѣ нея г-жу Морвиль.

— Развѣ вы не ждали насъ? шепнула ей Альфонсина: развѣ я не люблю васъ больше, нежели всѣ, которые васъ любятъ? Вы научили меня быть счастливою, и подражать вамъ—для меня первое наслажденіе.

К О Н Е Ц Ъ .

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПЕРСІЯ.

ШИРАЦЪ И ПЕРСИДСКІЙ ЗАЛИВЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ французскаго путешественника.)

І.

Наше пребываніе въ Испагани приходило къ концу, и тѣмъ болѣе мы спѣшили осмотрѣть, какъ внутренность, такъ и окрестности этого города. Одинъ изъ послѣднихъ дней, проведенныхъ нами въ древней столицѣ Ирана, былъ посвященъ на обзорѣніе Джульфаха, армянскаго предмѣстія, въ которое мы отправились въ полномъ составѣ французскаго посольства. Любопытныя воспоминанія привлекали наше вниманіе на Джульфахъ. Образованіе этого предмѣстіе относится ко временамъ Шаха Аббаса великаго. Государь этотъ, желая лишить Турокъ нѣкоторыхъ точекъ опоры, находимыхъ ими на его границахъ, вознамѣрился выселить всѣхъ жителей изъ сосѣдней съ Персіею армянской земли. Городъ, расположенный на берегахъ Аракса и называемый Джульфахъ, былъ принесенъ въ жертву этой системѣ

защиты. Войска Шаха разрушили его, и перевели народонаселение подъ стѣны Испагани, на берега Зендеруда. Такъ, у воротъ персидской столицы былъ основанъ новый Джульфахъ, христіанскій городъ, благосостояніе котораго быстро увеличилось, а народонаселеніе вскорѣ возрасло отъ шести до двѣнадцати тысячъ жителей, раздѣленныхъ на семь приходоу, или *махал-леховъ*, управляемыхъ двумя епископами, при посредствѣ многочисленнаго духовенства.

Однако это благосостояніе недолго продолжалось, и при преемникахъ Шаха Аббаса, христіане Джульфаха претерпѣвали гоненія, непопрепятствованная имъ великодушно стать около Шаха Гуссейна, осажденнаго въ своей столицѣ Афганями; но робость его сдѣлала этотъ героизмъ бесполезнымъ, и Афгане, побѣдители, почти безъ боя, Персовъ, обратили на христіанъ всю тяжесть своего гнѣва. Несмотря на столь тяжкія испытанія, этотъ городъ поднялся еще, и въ началѣ послѣдняго столѣтія въ немъ считали до шестидесяти тысячъ душъ. Въ царствованіе Шаха Надира, новыя преслѣдованія опустошили это народонаселеніе, и принудили большую часть Армянъ переселиться въ Грузію и Индію. Къ счастью эти преслѣдованія были послѣдними, и съ началомъ XIX столѣтія открылась для Армянъ болѣе спокойная эра, которая до настоящаго времени не представила ни одного важнаго потрясенія.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ исторія Джульфаха. Что же касается до памятниковъ, заключенныхъ въ армянскомъ предмѣстіи Испагани, то число ихъ незначительно. Здѣсь находится нѣсколько церквей, изъ коихъ одна заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ всѣхъ священныхъ зданій Джульфаха, это, безспорно, самое обширное и самое прекрасное. Предъ входомъ въ церковь разстилается большой дворъ, около котораго выстроены дома, занимаемые высшимъ туземнымъ армянскимъ духовенствомъ. Она имѣетъ куполь, какъ мечети, но непокрытый эмалью; фасадъ ея, простой и изящный, представляетъ два ряда трехэтажныхъ аркадъ съ тимпанами и архитравами, украшенными рисунками изъ мозаики. Близъ церкви возвышается колокольня, весьма изящной постройки, съ двумя колоколами, въ которые ударяютъ молотомъ, а не приводятъ въ движеніе, что было бы не безъ опасности въ странѣ, гдѣ прочность построекъ состав-

ляетъ послѣднюю заботу архитектора. Внутренность этой церкви напоминаетъ итальянскія и греческія часовни. Въ ней царствуетъ таинственный полумракъ; стѣны покрыты образами*. Прочія церкви Джульфаха малы и очень бѣдны. Церковные служители, называемые *дердерами*, принуждены для своего пропитанія заниматься какимъ-нибудь ремесломъ. Выше *дердеровъ*, которымъ дозволено вступать въ бракъ, стоятъ *вартабеды*, высшіе священники изъ среды которыхъ избираютъ епископовъ, и они ведутъ жизнь безбрачную.

Было время, когда многочисленные миссіонеры—кармелиты, капуцины, потомъ іезуиты—старались, не безъ успѣха, возвратить въ лоно римской Церкви эту паству, пріятшую въ свои руководители патріарха Эчміадзина. Еще и нынѣ, французскіе священники, являются время-отъ-времени посреди Джульфаха, и обращаются не только къ христіанамъ, но даже и къ мусульманамъ, которыхъ они стараются обратить къ римско-католической Церкви. Усилія ихъ встрѣчаютъ препятствіе въ пропагандѣ реформатскихъ пасторовъ, ищущихъ склонить христіанъ къ протестантизму, и католическіе проповѣдники имѣютъ мало успѣха между персидскими Армянами.

Позади Джульфаха, между стѣнъ этого предмѣстія и высокою горою Ку-Софою, открывается обширная равнина, покрытая развалинами, свидѣтельствующими, что нѣкогда жилища Армянъ простирались гораздо далѣе настоящихъ границъ. На этой равнинѣ замѣчательны остатки большаго укрѣпленнаго дворца, построеннаго Шахомъ Гуссейномъ: еще и нынѣ стоятъ высокія арки, уцѣлѣвшія отъ стѣнъ, и владѣютъ надъ кучами безобразныхъ обломковъ, служащихъ убѣжищемъ шакаламъ. На хребтѣ Ку-Софы возвышается также маленькій памятникъ, происхожденіе котораго, вѣроятно, относится къ эпохѣ, когда гербидская колонія была основана въ Джульфахѣ: это родъ жертвенника, называемаго Атехъ-Гахъ (жертвенника огня). Нѣсколько башенъ, чрезвычайно большихъ и прекрасно выстроенныхъ, съ перваго взгляда представляющихъ остатки пространной систе-

* Рассказываютъ, что церковь Джульфаха обязана своими образами одному богатому купцу, по имени Авадику. Купецъ этотъ путешествовалъ по Италіи, и сильно былъ пораженъ великими произведеніями итальянской школы. Возвратившись въ Джульфахъ, онъ привезъ съ собой много иконъ.

мы укрѣпленій, видѣлись тамъ и сямъ въ окружности Ку-Софы: это были голубятни, гдѣ дикіе голуби выютъ свои гнѣзда въ маленькихъ для сего устроенныхъ клѣткахъ.

Въ окрестностяхъ Джульфаха находится также армянское кладбище, на которомъ мѣста для Европейцевъ раздѣлены по націямъ. Гробницы не представляютъ ничего замѣчательнаго: людей богатыхъ сдѣланы изъ каменной или мраморной плиты, на которой украшенія или вырѣзанныя буквы обозначаютъ имя и прозвище покойника. Мусульманское кладбище, расположенное за христіанскимъ, гораздо обширнѣе, и имѣетъ памятники величиною съ настоящіе дома. Оно служитъ мѣстомъ прогулки и почти увеселенія для мусульманъ, отправляющихся сюда преимущественно по пятницамъ. Между памятниками мусульманъ, многіе имѣютъ на себѣ изображеніе льва или тигра: этими символами храбрости обозначаютъ гробницы воиновъ.

Однако время уходило, и мы вскорѣ должны были оставить Испагань. Мы отправились съ посланникомъ къ Шаху, чтобы проститься съ нимъ и его визиремъ. Мегеметъ-Шахъ принялъ насъ милостиво, и простился съ нами весьма любезно. У визиря мы не пашли столь же благосклоннаго приѣма.

По выполненіи возложенной на посольство обязанности, составлявшія его лица, на возвратномъ пути во Францію, разсѣялись по разнымъ дорогамъ. Одни отправились на сѣверъ, желая вернуться въ Европу чрезъ Россію; другіе поѣхали къ Персидскому-заливу, въ намѣреніи побывать въ Багдадѣ и Сиріи. Посланникъ съ нѣкоторыми лицами изъ своей свиты отправился въ турецкій Арабистанъ. Что же касается до меня, то оставшись одинъ съ моимъ товарищемъ по наукѣ, я началъ снова изысканія, совершенно спеціальныя, привлкшія меня въ Персію. Первоначальное обозрѣніе привело насъ на западъ Ирана, къ средоточію памятниковъ древней Экбатаны, а оттуда на турецкую границу, куда насъ призывали большія скульптурныя работы Бизсотуна и Керманшаха. Мы посвятили потомъ два мѣсяца на изслѣдованіе развалинъ Персеполя. Такъ покончивъ съ древностями Ирана, мы снова могли заняться современною Персіею, и отправились по дорогѣ, ведущей въ знаменитый городъ Ширазъ, откуда мы должны были направить путь нашъ на Буширъ и Персидскій заливъ.

Съ перваго взгляда, Ширазъ, когда подѣзжаешь къ нему съ сѣвера, представляется очаровательнымъ. Узкій проходъ между боками горы, называемой *Тенъ-Али-Акбарамъ*, или проходъ Али-великаго, приводитъ путешественника въ обширную долину, покрытую богатою растительностію. Вскорѣ, при поворотѣ за одну скалу, онъ видитъ минареты и куполы Шираца, обрисовывающіеся на фонѣ синеватыхъ горъ. Тропинка, по которой онъ слѣдуетъ, и которая спускается внизъ, превращается по выходѣ изъ цѣпи горъ въ широкую и прекрасную дорогу, обрамленную домами и садами. Мы ѣхали по этой веселой аллеѣ, и уже намъ оставалось лишь нѣсколько шаговъ до городскихъ воротъ, какъ вдругъ остановили насъ *стюффекдини*, или таможенные надсмотрщики. Мы въѣхали въ Ширазъ.

Ворота, чрезъ которыя мы въѣхали, открывались на галерею очень пространнаго и прекрасно выстроеннаго базара, самаго лучшаго, можетъ-быть, изъ видѣнныхъ нами въ Персіи. Базаръ ширазскій выстроенъ по приказанію Керима-Хана, принца *зендскаго*, достигшаго верховной власти въ половинѣ XVIII столѣтія, по смерти Надира Шаха. Оставивъ базаръ, мы проѣхали нѣсколько торговыхъ, но болѣею частію необширныхъ улицъ, и послѣ тысячи изворотовъ, прибыли въ христіанскій кварталъ, гдѣ мы надѣялись найти себѣ пристанище въ какомъ-либо армянскомъ домѣ.

Мы должны были провести нѣсколько дней въ Ширазѣ, чтобы составить караванъ и заняться приготовленіями къ нашему путешествію по берегу Персидскаго-залива. Избравъ себѣ жилище и расположившись въ немъ, нашею первою заботою было сдѣлать визитъ *бегіеру-бею* Шираца, бывшему *шахомъ-заде-хомъ* (братомъ шаха), и называвшемуся Ферргадомъ - Мирзою. Принцъ этотъ, двадцати лѣтъ отъ роду, имѣлъ познаніе во французскомъ языкѣ и европейской географіи. Ферргаде-Мирза очень походилъ на своего брата, Мегемета Шаха, по своей добротѣ, чрезвычайной ласковости, и особенно по вниманію, оказываемому имъ Европейцамъ. Во-время нашего пребыванія въ Ширазѣ, принцъ еще не поселился во дворецѣ Аркъ, обычной резиденціи *бегіеровъ-беевъ*. Остановленный обычаемъ первой важности у городскихъ воротъ, онъ ожидалъ съ покорностію, чисто восточною, чтобы его астрологъ

пазначилъ ему часть, благопріятный для его вступленія. Мы нашли его на дачѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шираца, въ который онъ не могъ войти до появленія въ зенитѣ счастливаго созвѣздія. Роль персидскихъ астрологовъ очень похожа на роль доктора Санчо-Пансо. Эти гадатели часто злоупотребляютъ своею властію. Въ каждомъ большомъ домѣ въ Персіи есть свой астрологъ, какъ есть докторъ, поэтъ и шутъ: тѣ и другіе — льстецы, невѣжды, живущіе на счетъ довѣрчивости своихъ господъ, подобные тунейнымъ растеніямъ, которыя скорѣе погубятъ дерево, гдѣ пустили корень, чѣмъ отдѣлятся отъ него.

Вилла, занимаемая Ферргадомъ-Мирзою, называлась Баньо. Это красивый маленькій дворецъ, расположенный посреди большого сада, усаженнаго анельсиновыми, миртовыми и гренатовыми деревьями. Изъ пріемной залы, или *дивана-и-канеха*, открывается великолѣпный видъ; различныя части его, отдѣляющіяся на лазуревомъ фонѣ прелестныхъ горъ на югѣ, составляютъ городъ, долины и пригорки. Предъ окнами большой восьмиугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора содержитъ прозрачную воду, чистое и гладкое зеркало, въ которомъ отражается богатая растительность сосѣднихъ рощъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ виллу Баньо, и проводилъ въ ней много часовъ въ дружеской бесѣдѣ съ шахомъ-задехомъ, любезность котораго нисколько не уменьшалась. Ферргадъ-Мирза много меня спрашивалъ объ Европѣ. Наши разговоры съ шахомъ-задехомъ касались также Персіи и большого города, котораго онъ былъ былъ правителемъ. Ширацъ, столица Фара, былъ всегда однимъ изъ важнѣйшихъ и болѣе другихъ процвѣтавшихъ городовъ Персіи; онъ также одинъ изъ самыхъ промышленныхъ, и между его произведеніями, пользуется славою различное оружіе. При Керимъ-Ханѣ, онъ сдѣлался столицею государетва. Въ другія, болѣе близкія времена онъ былъ средоточіемъ для политическихъ совѣщаній. Въ настоящее время, тихій и трудолюбивый, онъ повинуется *бегліеръ-бей* Шаха.

Жители Шираца считаются самыми любезными и образованными изъ Персовъ, говорящими чище всѣхъ на персидскомъ языкѣ; я прибавлю, что они также самые тщеславные. Ихъ городъ имѣетъ неоспоримое право занимать значительное мѣсто въ ряду прочихъ городовъ Ирана, потому-что въ немъ роди-

лись два самые знаменитые поэта Азип, Гафизъ и Саади. Вино его одно изъ лучшихъ въ мірѣ, его климатъ превосходитъ, а остроуміе жителей, вошедшее въ пословицу, дѣйствительно замѣчательно; тѣмъ не менѣе было бы несправедливо признать за народонаселеніемъ Шираца превосходство, на которое онъ изъявляетъ свои права предъ всѣми другими. Промышленность, такъ сильно процвѣтавшая въ Ширацѣ, нынѣ въ упадкѣ. Городскія стѣны, частію разрушенныя Агасъ-Могаметомъ-Ханомъ, не возстановлены. Ширазцы хорошо чувствуютъ, что ихъ городъ палъ, а потому говорятъ себѣ въ утѣшеніе съ напыщенностію, характеризующею ихъ языкъ: «Когда Ширацъ былъ Ширацъ, Каиръ былъ его предметіемъ.»

Народонаселеніе Шираца простирается нынѣ до десяти тысячъ душъ, раздѣленныхъ на двѣнадцать *махаллеровъ* или кварталовъ, которымъ соотвѣтствуютъ шесть воротъ. Почти посреди города находится аркъ или дворецъ, обнесенный зубчатою стѣною; онъ выстроенъ въ прошедшемъ столѣтіи Керимъ-Ханомъ. Его ограда весьма обширна, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько корпусовъ, изъ коихъ одни служатъ жилищемъ его правителя, а другіе заняты его служителями или стражею. Посреди находится обширный садъ съ бассейнами, на который выходитъ *диванъ-и-ханехъ*; здѣсь *бегліеръ-бей* даетъ свои аудіенціи. На мраморныхъ стѣнахъ этой залы можно видѣть портреты славныхъ героевъ Персіи, скульптурныя или нарисованныя изображенія Афраціаба, Рустама, Исфундара, и другихъ славныхъ воиновъ, услаждавшихъ взоры Керимъ-Хана. Рядомъ съ этими огромными фигурами, этими *пехлаванами*, вооруженными съ головы до ногъ, открываются потаенныя двери гарема, гдѣ преемники славнаго *бекиля* забываютъ славу въ удовольствіяхъ и праздности.

Если исключить часть базара, построенную Керимъ-Ханомъ и сохраняющую его имя, зданія Шираца не представляютъ ничего достойнаго вниманія. Равно и мечети не имѣютъ ничего замѣчательнаго: онѣ не въ состояніи вынести и малѣйшаго сравненія съ испаганскими. Самая знаменитая называется *Шахъ-Черахъ* (*царскій фонарь* или, если угодно, *царь свѣта*). Она считается однимъ изъ самыхъ старинныхъ святилищъ Персіи, но большой мракъ царствуетъ надъ его происхожденіемъ.

емъ. Это зданіе служитъ убѣжищемъ *сеидамъ*, или потомкамъ пророка, неимѣющимъ средствъ къ существованію, и приходящимъ сюда жить отъ милостынъ и доходовъ мечети. Доходы эти, довольно значительные, получаются съ земли одного селенія близъ Фирузабада, называемаго *Меиманомъ*, или *хозлиномъ*, безъ сомнѣнія, отъ этого назначенія его произведеній.

Въ Ширацѣ родились Гафизъ и Саади. Благодаря переводамъ, сдѣланнымъ съ ихъ стихотвореній, слава ихъ нечужда Европы. Могила Саади находится при подошвѣ горъ, владычествующихъ надъ городомъ; дорога къ ней печальна и бесплодна. Близъ маленькой деревни, носящей имя философа, стоитъ уединенная вилла, окруженная безмолвіемъ, и дверь ея закрыта. Постучитесь; сторожъ отворитъ вамъ, и проведя васъ по саду, гдѣ терновникъ замѣнилъ цвѣты, укажетъ вамъ, сказавъ: «шейхъ Саади!...» открытую аркаду, подъ которою видна мраморная гробница, неимѣющая другаго украшенія, кромѣ нѣсколькихъ самыхъ знаменитыхъ строфъ поэта. Этотъ простой памятникъ берегается однимъ уваженіемъ почитателей Саади, покрывшихъ, вѣроятно изъ любви къ памяти его, стѣны надписями изъ его стиховъ *каламомъ* (перомъ) или концемъ кинжала. Если слава поэта *Гюлистана* продолжается, нельзя сказать то же о мраморной его гробницѣ. Подверженный всѣмъ невгодамъ погоды и всякому небреженію, этотъ надгробный памятникъ, уже искаженный, вскорѣ будетъ одною развалиною. Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ могилѣ Саади, кажется, стало упадать съ недавняго времени такъ, что опасаться ея разрушенія; ибо прежніе путешественники должны были, чтобы ее видѣть, снимать чорнаго дерева съ позолотою ящикъ, ее совершенно покрывавшій. Близъ памятника, посвященнаго Саади, находится источникъ прозрачной воды; ему жители Шираца приписываютъ большую цѣлебную силу. Кто ее отвѣдаетъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, никогда не будетъ боленъ; что однако не препятствуетъ возобновленію эпидеміи, истребляющей ежегодно значительное число жителей провинціи Шираца. Эта чудесная вода содержится въ колодцѣ; въ него опускаются по лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Въ глубинѣ сдѣланъ сводъ изъ кирпичей, укрѣпленный на восьмиугольной стѣнѣ, окружающей источ-

никъ. Въ немъ водятся рыбы, которыя, говоритъ народъ, назначены для шейха.

Соперникъ строгаго Саади, Гафизъ эпикуреецъ, похороненъ въ саду, усаженномъ великолѣпными кипарисами, большими соснами и апельсиповыми деревьями. Надгробный его камень состоитъ изъ длинной плиты восточнаго алебастра, изящно украшенной арабесками и прекрасными буквами, изображающими нѣсколько стиховъ любезнаго поэта, оды котораго прельщаютъ до сего времени Персовъ. Мѣсто погребенія Гафиза не имѣетъ того печальнаго вида кладбища и совершеннаго уединенія, какъ то, гдѣ покоятся останки Саади. Садъ, названіе котораго—Гафизіу—напоминаетъ имя въ немъ похороненнаго поэта, былъ, говорятъ, любимымъ его мѣстомъ прогулки. Меня увѣрили, что могила Гафиза находится подъ кипарисомъ, посаженнымъ его собственными руками. Посреди сада, гдѣ схоронены также другіе не столь знаменитые люди, возвышается кіоскъ, или *диванехъ*; въ немъ живетъ мулла, поставленный для храненія стихотвореній Гафиза, написанныхъ его рукою. Гафизіу есть мѣсто собранія большого числа гуляющихъ, приходящихъ сюда читать вслухъ своего любезнаго поэта, и курить *кальянъ* посреди цвѣтовъ и лимонныхъ деревъ. Могила Саади не привлекаетъ къ себѣ столько любителей словесности, для выраженія ихъ къ нему уваженія. Характеръ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, кажется, такимъ-образомъ носится, подобно тѣни, около ихъ гробницъ. Саади, строгій философъ, часто циникъ, имѣлъ маленькій кружокъ преданныхъ ему послѣдователей, непугавшихся его правоученій, и находившихъ удовольствіе въ его важныхъ разговорахъ. Гафизъ, настоящій уроженецъ Шираца, преданный удовольствіямъ, воспѣвалъ, въ увлекательныхъ стихахъ, мірскія наслажденія. Этотъ чувственный и мистическій писатель имѣлъ все условія, чтобы нравиться Персамъ, и долженъ былъ привлечь къ себѣ толпу молодыхъ адептовъ, отступавшихъ предъ суровою философіею его соперника.

Кериму-Хану, обязаны оба эти поэта достойнымъ ихъ погребеніемъ. Керимъ-Ханъ не только хотѣлъ, чтобы ихъ гробницы были искусно вычеканены и украшены нѣсколькими изъ ихъ самыхъ знаменитыхъ строфъ, вырѣзанными на але-

бастрѣ саркофаговъ, но онъ воздвигнулъ еще *диванъ-и-канехи*, въ оградѣ которыхъ поставлены эти надгробные памятники. Еще болѣе, онъ приписалъ къ каждой гробницѣ известное пространство земли, и доходы съ нихъ назначилъ на содержаніе обоихъ здаій.

Между прочими рѣдкостями въ окрестностяхъ Шираца, можно справедливо помѣстить башню, называемую башнею *Мамасенисовъ* или *Мевтамета*. *Мевтаметъ* Манучеръ-Ханъ, правитель Испагани во-время пребыванія нашего въ Персіи, былъ назначенъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начальникомъ военной экспедиціи, отправлявшейся въ горы, служившія обычнымъ убѣжищемъ племени Мамасенисовъ, убійства и хищничества которыхъ наконецъ возбудили правосудіе и строгость правительства. Захвативъ въ плѣнъ нѣсколько изъ этихъ бандитовъ, Манучеръ-Ханъ, съ цѣлю устрашить ихъ сотоварищей и отнять у нихъ желаніе возобновить ихъ преступленія, придумалъ выстроить въ долинѣ Шираца, близъ однихъ его воротъ башню, въ стѣнахъ которой было сдѣлано столько нишъ, сколько у него было плѣнниковъ. Въ этихъ нишахъ онъ велѣлъ ихъ живыхъ заложить кирпичами. Противу каждой головы оставили родъ окошечка, чтобы можно было видѣть ихъ лица выражавшія страданія отъ боли и голоду. Я нашелъ еще остатки нѣсколькихъ череповъ и лохмотья одежды. Путешественникъ, не привыкшій къ этого рода зрѣлищамъ, содрогается, обходя этотъ памятникъ примѣрнаго правосудія Мевтамета.

II.

Оставивъ Ширацъ, мы направили путь нашъ къ Персидскому заливу и Бендеръ-Буширу. Этотъ послѣдній періодъ нашего путешествія начался труднымъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, шествіемъ по тяжелымъ дорогамъ, чрезъ высокія горы, пока наконецъ мы не увидали болѣе ровной мѣстности. Мы готовились выйти изъ дикимъ и почти непроходимыхъ ущелій, которыя намъ надлежало перейти, и для насъ оставалась одна этапъа до спуска въ пространную и покатуую долину, омываемую съ

юга моремъ. Когда мы выѣзжали изъ каравансарая, гдѣ провели ночь, вмѣстѣ съ большимъ караваномъ чорныхъ невольниковъ, шедшимъ съ однимъ купцомъ изъ Бушира, приключеніе, случившееся съ нами, познакомило насъ со степенью фанатическихъ предразсудковъ туземныхъ жителей. Я рассчитывался съ поставщикомъ каравансарая. Между доставленными намъ припасами было немного финиковъ, принесенныхъ имъ самимъ въ большой мѣдной чашкѣ. Мы отвѣдали нѣсколько изъ этихъ финиковъ, и не найдя ихъ по нашему вкусу, возвратили ихъ почти въ цѣлости. Выдавая деньги, я хотѣлъ вычестъ за оставленные финики; но поставщикъ замѣтилъ мнѣ, что онъ ихъ не можетъ взять обратно, *такъ-какъ мы до нихъ прикасались*. Чрезвычайно удивленный, я попросилъ объяснить причину его отказа. Онъ, не заикаясь, повторилъ мнѣ, *что мусульманинъ и можетъ ѣсть того, что христіанинъ бралъ въ свои руки*. Это было ясно. Разговоръ нашъ собралъ около насъ всѣхъ, бывшихъ въ каравансарай. Поставщикъ былъ очень грязенъ; я снялъ свою перчатку, и показавъ всѣмъ мою руку, сказалъ: «Ты уверяешь, что я замаралъ твои финики, прикоснувшись къ нимъ; скажи, у кого изъ насъ обоихъ чище руки». Одни изъ присутствовавшихъ усмѣхнулись, другіе нахмурили брови. «Такъ-какъ ты нехочешь взять обратно твои финики,—прибавилъ я,—подъ предлогомъ, будто я ихъ трогалъ, то я тебѣ заплачу за нихъ; но поелику и мои деньги также были въ моихъ рукахъ, то, я полагаю, ты долженъ желать, чтобы и онѣ были очищены прежде, чѣмъ тебѣ взять ихъ; на, подбирай же ихъ тамъ...» Съ этимъ словомъ я бросилъ должную ему сумму. Всѣ лица нахмурились. Урокъ казался слишкомъ жестокъ этимъ мусульманамъ, но я мало заботился о томъ, что они о немъ думали. Мы уѣхали, оставивъ торговца финиками чрезвычайно озадаченнымъ происшествіемъ.

Мы постепенно чувствовали, какъ почва понижалась передъ нами, и въ предшествовавшіе дни намъ приходилось чаще спускаться, чѣмъ подниматься: по мнѣнію нашему, мы должны были находиться гораздо ниже долины Шираца. Мы однако не освободились совершенно отъ горъ, и выѣхавъ изъ Канары-Тахты, снова очутились въ нихъ; но дорога была менѣе бесплодна, и почва не такъ камениста. Выйдя изъ нихъ, мы уви-

дали себя на берегу большой рѣки, чрезъ которую намъ надлежало переправиться. Мы осторожно спустили въ нее своихъ лошадей, и ощупью наконецъ нашли мель, гдѣ вода доходила до половины брюха лошадей. Узкое ущелье съ другой стороны рѣки указывало намъ дорогу. Наши *червадары* предупредили насъ, что этотъ переѣздъ пользовался дурною славою, и что надо было остерегаться. Мы должны были ѣхать одинъ за другимъ, промежъ двухъ высокихъ скалистыхъ стѣнъ, раздѣляемыхъ тростникомъ, и могущихъ служить превосходною засадою для разбойниковъ. Бдучи, мы осматривали каждый камешекъ, каждый кустъ, каждый земляной обвалъ; но мы не подверглись опасности. Мы счастливо переправились, и какъ ни благопріятно было мѣсто для неожиданнаго нападенія, мы поплатились одною осторожностію. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ далѣе, мы прибыли къ вершинѣ послѣдней цѣпи, которую оставалось намъ пройти; она была также самая малая и менѣе трудная. Съ этого мѣста предъ нами раскрылся широкій и отдаленный горизонтъ песчаной равнины Бендеръ-Бушира. Въ первый разъ, послѣ нашего выѣзда изъ Требизонда, мы видѣли страну, не ограниченную ни горами, ни скалами. Сквозь носившіеся пары, терявшіеся изъ виду, мы угадывали Персидское-море. До границы его волнъ, которыя, казалось намъ, что мы слышимъ, ни одно возвышеніе не перерѣзывало прямой линіи мѣстности, пересѣкаемой только очертаніями нѣсколькихъ деревень и немногими зеленѣющими группами финиковыхъ деревъ. Итакъ страна, въ которую мы вступали, быстро подвигаясь по покатой отлогости послѣднихъ горъ, представляла совершенно новый видъ. Мы весело спускались, привлекаемые надеждою на новизну, и скоро прибыли къ деревнѣ Даллаки, расположенной у потока солоноватой воды.

Мы узнали здѣсь, что все народонаселеніе равнины было въ волненіи: начиналась борьба между возмущившимся ханомъ и управлявшимъ этимъ округомъ отъ имени Шаха. Села раздѣлились: большая часть изъ нихъ приняла сторону Персидскаго Шаха, другія подали помощь мятежникамъ.

Оставивъ Даллаки рано утромъ, мы рассчитывали остановиться въ деревнѣ Буразджунѣ, отстоящей на пять-часовомъ пути отъ Даллаки, а на слѣдующій день пройти болѣе, чтобы дос-

тигнуть Бушира. Когда мы приблизились къ Буразджуну, немедленно небольшой вооруженный отрядъ приблизился къ намъ со всѣми предосторожностями, употребляемыми на войнѣ. Мы растолковали, что мы *Френги*, путешествующіе и ищущіе гостепріимства. Убѣдившись, что мы не были ни непріатели, ни посланные ими лазутчики, они отвели насъ къ *ганиму*, или деревенскому старшинѣ. Намъ отвелъ квартиру, но квартиру, которую нельзя было принять. Мы не видѣли возможности оставаться здѣсь спокойно. Солнце стояло еще высоко, и мы рѣшились искать далѣе счастія. Мы вскорѣ увидѣли селеніе Гамади, гдѣ мы должны были искать ночлега. Арабское населеніе Гамади казалось гораздо спокойнѣе.

Вся эта сторона, въ направленіи къ Бассорѣ, населена болѣею частію арабскимъ племенемъ, перемѣшаннымъ съ Персами. Арабы сохраняютъ въ Персіи свои обычаи, свои номадные нравы; они говорятъ на *фарсійскомъ* нарѣчій такъ же хорошо, какъ на своемъ, и частію *сунниты*, частію *шэиты*. У нихъ есть деревни, хотя они и не осѣдлы. Когда настаетъ жаркая пора, они оставляютъ палящіе пески *Гермшира** и удаляются въ горы, гдѣ нѣсколько пальмовыхъ вѣтвей и листьевъ, переплетенныхъ между-собою, составляютъ ихъ хижины. Наше пребываніе въ Гамади не было довольно продолжительнымъ, чтобы мы могли опредѣлить съ точностію характеръ этого племени, чужеземнаго Персіи. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, оставленное на мнѣ этими Арабами, было такого рода, что я могъ замѣтить въ нихъ природу, совершенно отличную отъ Персовъ. Они мнѣ показались гораздо великодушнѣе своихъ сосѣдей, и изъ ихъ разговоровъ видно было, что они не были ни на чьей сторонѣ, и оставались нейтральными между обѣими партіями. Слабое движеніе, замѣченное между ними, не имѣло другой причины, кромѣ безпокойства, въ которомъ они находились, на счетъ своихъ стадъ и другаго имущества. Этотъ персидскій берегъ долгое время оставался, подъ именемъ Дашистана или Арабистана, въ состояніи полной независимости отъ Шаха. Еще нынѣ, правитель Бендеръ-Бушира Арабъ, и большая

* Буквально — страна жара.

часть селеній той же націи исключительно повинуется своимъ шейхамъ, а эти послѣдніе считаютъ себя скорѣе вассалами Шаха Персіи, чѣмъ его подданными. Впрочемъ это арабское населеніе значительно уменьшилось.

Мы оставили Гамади при началѣ дня. Семь фарсаковъ отдѣляли насъ еще отъ Бушира, а намъ хотѣлось туда пріѣхать рано. Мы подвигались по низменной, песчаной долинь, покрытой солончаками и болотистой. Особенно съ правой стороны, на западъ, огромныя болота простирались до моря; они образовывали своими испареніями странный миражъ, надъ которымъ намъ представлялось множество мачтъ и кораблей. Почва, хотя болѣе твердая съ лѣвой стороны, была тамъ и сямъ залита водою. Мы шли съ осторожностью по узкой дорогѣ, гдѣ, хотя песокъ былъ тверже и суше, тѣмъ не менѣе было въ промежуткахъ чувствительно, что вода просачивалась на малой глубинѣ. Оттого иногда случалось, что ноги нашихъ лошадей увязали до половины. Вся эта низменная страна, залитая морскою водою, пробивающеюся черезъ пески, была покрыта безчисленными стаями морскихъ птицъ и куропатокъ пустыни, называемыхъ *фагуи*. Они иногда соединяются тысячами, подинаятся очень высоко, и когда видишь ихъ издали, то принимаешь за тучу. Далеко недоѣзжая Бушира, миражъ заставлялъ насъ предполагать близость города. Этотъ оптический обманъ чрезвычайно увеличивалъ все предметы, приближая ихъ удивительнымъ образомъ. Маленькія барки, находившіяся въ портѣ, принимали объемы большихъ кораблей, и бѣдные кирпичныя стѣны города казались близъ насъ; но эти призрачные образы все убѣгали предъ нами, и надлежало преслѣдовать ихъ нѣсколько часовъ, прежде нежели они исчезли, и дѣйствительность возвратила всему истинные размѣры.

Прошло семь часовъ, какъ мы выѣхали изъ Гамади. Бендеръ Буширъ рисовался довольно отчетливо въ нашихъ глазахъ, чтобы мы могли видѣть, сколь бѣденъ былъ этотъ городъ. Подъѣхавъ къ стѣнамъ, мы нашли ворота затворенными; намъ надлежало вступить въ переговоры, чтобы войти въ городъ. Насъ впустили. Мы вошли промежъ двухъ рядовъ пушекъ, въ единственныйя ворота, со стороны земли. Они были тогда охраняемы многочисленнымъ постомъ *түфрекджисовъ*, и выходили

на маленькую площадь, на которой возвышалось нѣсколько пальмовыхъ хижинъ. Мы вступили, пройдя ее, въ узкія улицы, до того пустынныя, что можно было принять ихъ оставленными жителями. Эти послѣдніе заставили рогатками свои дома и лавки, какъ-будто опасались нападенія. Мы попросили отвести насъ къ правителю, шейху Назру, которому мы были рекомендованы. Онъ уѣхалъ въ Ширацъ, и мы должны были обратиться къ его *бекилю*, шейху Абдуллаху, назначившему намъ помѣщеніе въ большомъ домѣ, нѣкогда очень красивомъ, но тогда до того разрушенномъ, что мы не могли имѣть въ немъ приличнаго пріюта. Намъ не было возможно помѣститься въ этомъ развалившемся жилищѣ, гдѣ не оставалось ни окна, ни двери. Мы спорили съ *феррахомъ-баіемъ бекиля*, когда пришелъ человекъ, имѣвшій видъ частию *Френга*, частию Перса: онъ намъ очень вѣжливо поклонился, и рекомендовавъ себя европейскимъ агентомъ, предложилъ остановиться въ его домѣ. Предложеніе было сдѣлано такъ учтиво, что нельзя было отказать, и мы охотно за нимъ послѣдовали. Дорогою, онъ намъ рассказалъ, кто онъ былъ: онъ назывался Агою-Юссефомъ-Малколмомъ; это послѣднее имя, по всей вѣроятности, было вымышленное, и хозяинъ нашъ носилъ его въ-родѣ кокарды; онъ былъ Армянинъ по отцу, Французъ по матери, и Англичанинъ по разчету. Индѣйская компанія содержала его какъ агента не оффиціального, однако признаннаго таковымъ правителемъ, и имѣвшаго назначеніемъ защиту британскихъ подданныхъ въ этомъ портѣ. Полу-политическій характеръ, который онъ имѣлъ, давалъ ему право на все привилегіи, присвоенныя *баліоцями* англійскаго государства. Въ-слѣдствіе этого, съ обязанностями консульскаго агента, онъ соединялъ занятія по значительной торговлѣ. Онъ былъ однимъ изъ богатыхъ негочантовъ на этомъ берегу; его сношенія простирались отъ Басоры до Бомбея и до Маската. Онъ говорилъ по-персидски, по-англійски, по-арабски, и отъ природы по-армянски. Его одежда представляла такую же пестроту: Ага-Юссефъ былъ Персіанинъ по своей шапкѣ, или *куль*, изъ шкуры чорнаго ягпенка, Англичанинъ по своей курткѣ изъ бѣлой перкалевой матеріи, какую носятъ въ Индіи, Арабъ по бабушамъ; его же отцовская національность выказывалась во множествѣ мелкихъ по-

дробностей его страннаго одѣвнiя. Въ такомъ костюмѣ, подкрѣпляемый языкомъ полиглота, Ага-Юссефъ-Малколмъ могъ явиться предъ представителями четырехъ странъ въ качествѣ полуоотечественника. Мы одни, Французы, не находили въ немъ ничего, что напомнило бы наше отечество.

Ага-Юссефъ, я буду его такъ называть для сокращенiя, привелъ насъ въ маленькiй домъ, ему принадлежавшiй. Онъ насъ помѣстилъ въ немъ, велѣлъ принести все, что могло быть намъ полезно, и просилъ насъ считать себя, какъ у себя. Онъ исполнялъ гостепрiимство съ щедростiю и довольствомъ, насъ удивлявшими. Мы радовались, что встрѣтили его, и не остались въ домѣ, предложенномъ намъ шейхомъ Абдулахомъ. Подъ конецъ дня, Ага-Юссефъ собралъ для насъ въ городѣ и факторiяхъ гавани всѣхъ, какихъ могъ найти изъ своихъ знакомыхъ Армянъ, и привелъ къ намъ. Каждый изъ нихъ сказалъ намъ привѣтствие на счетъ прибытiя нашего въ Буширъ, не забывъ, въ свою очередь, предложить намъ свои услуги.

Мы рассчитывали пробить только два дня въ этомъ мѣстѣ; мы употребили ихъ на посѣщенiе Бушира. Настоящее имя этого города есть Бендеръ-Абу-Шегеръ, буквально *портъ и городъ дьда*. Назвали его такъ Арабы; они и основали его. Всѣ города, расположенные по этому берегу и имѣющiе пристань для кораблей, арабскаго происхожденiя. Персы всегда имѣли отвращенiе къ морю и мореплаванiю. Удалившись во внутрь страны и приближаясь неохотно къ пескамъ, омываемымъ волнами, они оставили сначала Арабамъ, потомъ Европейцамъ, заботу извлечь пользу изъ рѣдкихъ пристаней, представляемыхъ ихъ берегами для навигацiи и морской торговли. Такимъ-образомъ во все продолженiе персидской исторiи, никогда не видишь, чтобы эта страна, я не говорю, отличалась, какъ морская держава, но распускала паруса на моряхъ, омывающихъ ее берега съ юга и сѣвера. Однако, въ послѣднее столѣтiе, Надиръ-Шахъ возымѣлъ мысль основать флотъ для защиты береговъ Персiи; но мѣстность этой страны воспрепятствовала этому нововведенiю: она лишена годнаго для постройки кораблей лѣса, исключая лѣсовъ Мазендерана, Надиръ-Шахъ повелѣлъ од-

ному европейскому инженеру, находившемуся при немъ, немедленно построить корабль большаго размѣра. Въ-слѣдствiе этого Шахъ отдалъ приказанiе вырубить въ лѣсахъ, окружающихъ Каспiйское-море, необходимыя деревья. За неимѣнiемъ телегъ, деревья эти переносили на спинахъ людей, посредствомъ подставъ размѣщенныхъ на разстоянiи болѣе, чѣмъ въ двѣсти миль, которое имъ надлежало пройти, чтобы достигнуть назначенiя. Несмотря на такiя усилiя, корабль не былъ оконченъ, и въ-продолженiе многихъ лѣтъ оставался на подмосткахъ.

Впрочемъ Буширъ весьма дурной портъ. Берегъ очень низокъ; пески, образующiе его, вдаются далеко въ море, и удерживаютъ корабли въ отдаленiи отъ земли. Отъ этого происходитъ то, что они должны оставаться въ открытомъ морѣ безъ защиты, и при малѣйшемъ порывѣ вѣтра принуждены бѣгаютъ сниматься съ якоря. Одни арабскiя барки, называемыя *бигало*, или *баттиль*, могутъ подходить къ набережной. Впрочемъ посредствомъ этихъ легкихъ и малаго груза лодокъ почти исключительно производится торговля Бушира съ Бассорою, Бомбеемъ или Маскатомъ. Эти барки имѣютъ палубу, и на кормѣ комнату для патрона, и одинъ только парусъ, очень большой, прикрѣпленный къ безмѣрно-длинной мачтѣ. Онъ тяжелъ на ходу, но довольно безопасенъ, по чрезвычайному благоразумiю здѣшнихъ мореходцевъ. Послѣднiя никогда не отдаляются отъ берега, и предвидя бурную погоду, или не выходятъ въ море, или избѣгаютъ ее, скрываясь въ какой-нибудь бухтѣ. Вместимость этихъ лодокъ измѣняется отъ 100 до 30 тоннъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ англiйскiй флагъ. Изъ занимающихся каботажемъ въ этомъ маленькомъ морѣ, восемь или десять принадлежатъ негоциантамъ этого города. Съ этими слабыми морскими силами, они производятъ торговлю въ заливѣ и даже въ Индiйскомъ-морѣ. Они также перевозятъ пассажировъ, именно въ Бассору, гдѣ ежегодно собирается значительное число персидскихъ и индiйскихъ пилигримовъ, отправляющихся отсюда въ Мекку. Всѣ эти прiѣзжающiе и уѣзжающiе *гаджи* придаютъ нѣкоторое движенiе Буширу. На этомъ берегу есть другiе маленькiе порты; но единственно за-

служивающій это имя есть портъ Бендеръ-Рикъ, къ сѣверу отъ предъидущаго.

Въ Буширѣ купеческіе обороты чрезвычайно ограничены. Вывозъ заключается, главнымъ образомъ, въ произведеніяхъ, общеупотребительныхъ на востокъ, какъ-то табакъ для кальяна, называемомъ *томбеки*, въ изобиліи доставляемомъ Ширацомъ, коврахъ, шелковыхъ или шерстяныхъ матеріяхъ Кермана и Іезда, бумажныхъ издѣліяхъ, приготовленныхъ въ Испагани и Каханѣ. Если присоединить къ этому нѣсколько сотъ лошадей, посылаемыхъ въ Индію, разнаго рода оружіе, значительное количество вина ширазскаго, одинаково отправляемаго въ Бомбей, вмѣстѣ съ шолкомъ и нѣкоторыми лекарственными снадобьями, то будемъ имѣть перечень главныхъ элементовъ торговли, немного оживляющей портъ Бендеръ-Буширъ. Всего этого недостаточно, чтобы привлечь европейскіе корабли. Что же касается торговли невольниками, составляющей одну изъ главныхъ отраслей торговли на этомъ берегу, ее могутъ производить одни жители Востока. Нѣкогда ловля жемчуга была также одною изъ важныхъ отраслей торговли на этихъ водахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и выгоднымъ средствомъ къ существованію для береговыхъ жителей; но прежнія мели обильныя раковинами, стали бесплодны, и теперь надлежитъ искать новыхъ, не столь богатыхъ или расположенныхъ въ глубинахъ, представляющихъ большія затрудненія для водолазовъ. А потому ловля жемчуга значительно ослабла.

Климатъ Бушира, какъ и страны Гермширъ, считается очень нездоровымъ, особенно лѣтомъ. Въ это время года часто дуетъ на этомъ берегу, какъ и въ обширныхъ равнинахъ Евфрата и Тигра, вѣтеръ, который говорятъ, смертеленъ. Атмосферическіе токи имѣютъ здѣсь чрезвычайную силу; они жгучи и часто причиняютъ смерть. Нерѣдко случалось, что ненашедшіе въ этихъ пустыняхъ убѣжища отъ вѣтра погибали, задушенные имъ. Это смертоносное дѣйствіе, кажется, происходитъ отъ мѣфитическихъ миазмовъ, уносимыхъ теченіемъ воздуха съ мѣстъ, зараженныхъ ядовитыми веществами. Приписываютъ это злое свойство смолянымъ ключамъ, находящимся въ Аравіи и Мессопотаміи. Понятно, что изъ колодезвъ, гдѣ это вещество находится въ состояніи плавленія, почти кипѣнія, подъ жгучими

солнечными лучами этой страны, поднимаются испаренія, которыя въ состояніи удушить человѣка.

Самъ городъ представляетъ очень мало важности, и имѣетъ одинаковый видъ со всеми городами Персіи. Онъ стоитъ на небольшой возвышенности, образующей родъ полуострова. Планъ его есть площадь треугольника, два бока котораго обращены къ омывающему его морю, а третій, со стороны материка, обозначенъ стѣною, бывшею нѣкогда укрѣпленною. Однообразность линій, обыкновенно составляющихъ силуэтъ городовъ Персіи, здѣсь прерывается пальмами, развѣвающими свои листья надъ террасами. Буширъ имѣетъ еще одну особенность: это значительное число продушинъ, возвышающихся надъ домами и служащихъ проводниками во внутрь воздуха; ихъ называютъ *баджирами*. Эти продушины похожи на трубы, но онѣ выше и шире; въ верхней ихъ части находится большое отверстіе, чрезъ которое происходитъ обращеніе воздуха. Эти вентиляторы употребляются и въ другихъ городахъ Персіи, но особенно встрѣчаются они на югѣ, по причинѣ жаровъ. Внутренность Бушира, во-время нашего тамъ пребыванія, представляла печальное зрѣлище. Мы нашли въ немъ кварталы совершенно оставленные, съ заколоченными или полуразвалившимися домами. Этотъ городъ былъ недавно опустошенъ холерою и язвою. Три четверти населенія погибли въ этихъ послѣдовательныхъ эпидеміяхъ, и небольшое движеніе, замѣтное на базарахъ и въ портѣ, происходило отъ путешественниковъ и торговыхъ каравановъ.

Набережная есть самая оживленная часть города; тутъ находятся факторіи, то-есть большіе дома, въ которыхъ помѣщаются магазины и конторы главныхъ негодіантовъ, занимающихся въ одно время вывозомъ товаровъ, привозомъ ихъ и комиссіонерствомъ. Въ этихъ складочныхъ мѣстахъ можно имѣть товары всякаго рода и всѣхъ странъ: рядомъ съ шелковыми и бумажными тканями, винами, лекарственными снадобьями, розовою водою, драгоценными камнями и даже золотою монетою, привозимыми со всѣхъ частей Персіи, видишь здѣсь кисею, слоновую кость, пряности, чай, стекло, кофе, фарфоръ, сукна, зеркала, сахаръ, капаты и невольниковъ, доставляемыхъ изъ Бомбея, Малабара, Моската или Бассоры. Передъ факторіями, сидя при-

вольно на солнцѣ, курятъ арабскіе мореходцы и смотрятъ, наслаждаясь своею лѣною, какъ качаются ихъ *басолы* на морѣ. Толпа носильщиковъ, также по большей части Арабы, снуютъ туда и сюда, толкая прохожихъ, и переносятъ тюки, которые нагружаютъ, или только-что снесли съ кораблей. Тутъ только видна жизнь Бушира. Базары его ничтожны: маленькіе, темные, безъ товаровъ, они заняты одними галантерейными торговцами, жидами или бѣдными армянскими ремесленниками. Однако, во-время нашего пребыванія, они были необыкновенно оживлены.

Англичане занимаютъ въ Персидскомъ-заливѣ мѣсто, принадлежавшее поочередно Голландіи и Даніи и привлекавшее ненадолго вниманіе Франціи: это островъ Каракъ, о которомъ мы уже говорили. Война, возгорѣвшаяся въ Индіи въ концѣ XVIII столѣтія, заставила Французовъ уступить его изъ виду, и онъ достался въ руки Англичанъ. Въ 1808 г., генералъ Гарданнъ объявилъ права Франціи на этотъ островъ, и Фетъ-Али-Шахъ призналъ законность ихъ; но уступленіе острова Франціи осталось чисто номинальнымъ, и Англіи не стоило большаго труда упрочить за собою владѣніе Карака, въ награду услугъ, обѣщанныхъ ею Персіи, чрезъ сера Джона Малколма. Въ настоящее время, торговля Англичанъ на персидскихъ водахъ незначительна; однакожъ они убѣдили арматеровъ и арабскихъ негодіацтовъ принять британскій флагъ, развѣвающійся на скромныхъ *багалорахъ*, бѣдныхъ *баттилахъ*, управляемыхъ арабскими матросами.

III.

Буширомъ кончились наши изслѣдованія въ Персіи; отсюда, мы должны были держать путь къ Багдаду и въ Курдистанъ.

Персія имѣетъ триста миль въ протяженіи отъ сѣвера къ югу, и триста пятьдесятъ съ востока на западъ. Территорію ея можно раздѣлить на три пояса, почти параллельные, представляющіе климатическіе оттѣнки, ни въ одномъ мѣстѣ Земнаго

Шара такъ рѣзко между собою неотличающіеся въ однѣхъ и тѣхъ же границахъ. Въ сѣверномъ поясѣ холодъ бываетъ чрезвычайный: онъ спускается до 20 и 25 градусовъ ниже нуля, и продолжается пять и шесть мѣсяцевъ. Однако, въ этомъ же самомъ поясѣ, по чисто мѣстному исключенію, зависящему отъ топографіи, климатъ двухъ провинцій, граничащихъ съ Каспійскимъ-моремъ совершенно различенъ: онъ благопріятенъ даже для растеній, отчасти похожихъ на растенія южной Персіи. Центральный поясъ простирается съ востока на западъ, въ умеренномъ климатѣ; морозы здѣсь непродолжительны и несильны. Югъ образуетъ третій поясъ, называемый страной жара (Гермширъ), и дѣйствительно, термометръ здѣсь, не достигая почти никогда нуля зимою, поднимается до 46 градусовъ лѣтомъ.

Иранъ раздѣляется на двѣ части, почти равныя, одну населенную, другую пустынную; половина ея поверхности представляетъ одни лишь огромныя пустыни, лишенныя воды, растительности, гдѣ почва, покрытая соляною корою, не въ состояніи доставить никакихъ средствъ для населеній, ея избѣгающихъ: таковы на востокѣ пустыни Хорассана, Іезда, Кермана, между тѣмъ какъ западная часть гориста, обильна водами и, вслѣдствіе, этого населена. Если трудно опредѣлить число жителей въ персидскомъ городѣ, то тѣмъ труднѣе дать точную цифру населенія самой страны. Ее доводили, по-крайней-мѣрѣ, до семи милліоновъ; мы полагаемъ, что эта цифра очень слаба. Другіе путешественники думали, что она простиралась до девяти милліоновъ или даже до тринадцати милліоновъ душъ; намъ кажется, что эта послѣдняя цифра приближается болѣе другихъ къ истинѣ.

Рядомъ съ осѣдлымъ населеніемъ горожанъ и *райевъ* или поселянъ, въ Персіи живетъ довольно многочисленное населеніе номадовъ, *илиатовъ*. Послѣдніе живутъ постоянно въ палаткахъ, отчего имя ихъ *кара-чадеръ* или черныя палатки, по причинѣ ихъ цвѣта. Всѣ номады магометане, шиты или сунниты; осѣдлые же Персіане—мусульмане шиты, христіане католики или отложившіеся отъ папы, евреи и гебры или послѣдователи магіи; послѣднихъ обозначаютъ именемъ Парсовъ. Отсюда видно, что персидское государство, въ настоящемъ его составѣ, представляетъ соединеніе элементовъ, чрезвычайно разнообразныхъ.

Къ стполамъ древняго происхожденія Мидянъ и Пароянъ на сѣверѣ и Персовъ на югѣ привилось значительное число постороннихъ населеній. Эти послѣднія смѣшались съ туземнымъ племенемъ; но во многихъ мѣстахъ сліяніе несовершенно, и каждая чужестранная отрасль сохранила свои нравы, свой образъ жизни, свою религію и даже свой языкъ. Въ сѣверномъ поясѣ, народонаселеніе состоитъ болѣею частію изъ Турокъ, пришедшихъ вельдъ за татарскимъ вторженіемъ и оставшихся въ этой странѣ. Многія изъ племенъ турецкаго происхожденія имѣютъ постоянныя жилища, на-примѣръ въ Азербайджанѣ или Мазендеранѣ. Въ среднемъ поясѣ жители персидскаго происхожденія смѣшиваются съ Курдами, Зендами древняго южнаго поколѣнія, или Бактіаріями, почти все помадами. Навѣрное не знаютъ откуда пришли эти послѣдніе; они считаются чужестранными Персіи и Турками по происхожденію; сами они увѣряютъ, что родина ихъ на востокѣ. Еслибы не было опасно доискиваться ихъ народности изъ имени, которое они носятъ, то можно было бы предполагать, что они дѣйствительно пришли изъ Туркоманіи, прежней Бактріаны, ибо сближеніе легко между этимъ именемъ и ими сохраненнымъ. На югѣ, персидское населеніе всего болѣе смѣшано и въ тоже время всего менѣе осѣдло; рядомъ съ Зендами, первобытными владѣльцами земли, живутъ, подъ именами Луровъ, Фаиліевъ, Мамасеніевъ, Арабовъ и даже Белучіевъ, многочисленныя семейства, совершенно отличныя другъ отъ друга, съ различными правами и религіями. Персидскій языкъ или *фарси* есть общій для всѣхъ этихъ населеній, но тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ сохранило свой собственный, и если на сѣверѣ слышишь турецкій языкъ на базарахъ, *джагатайскій* подъ чорными палатками, то, спускаясь къ югу, можно постепенно отличить идиомы курдскій, зендскій и арабскій.

Это поразительное разнообразіе въ климатѣ и населеніи Персіи существуетъ равно и въ ея произведеніяхъ: въ ней, рядомъ съ плодами сѣверныхъ странъ, собираютъ плоды полуденныхъ. Между-тѣмъ, какъ на сѣверѣ находишь дубъ, пальму, сосну, яблонь, вишневыя деревья, подвигаясь къ югу, встрѣчаешь тутовья шелковичныя деревья, кипарисы, финиковыя деревья, апельсинныя, лимонныя, покрывающія своею тѣнью плантаціи

хлопчатой бумаги и индиго. Персія, въ гористыхъ мѣстахъ, изобилуетъ металлами и всякаго рода минералами. Персіяне имѣютъ желѣзо, мѣдь, олово, серебро и золото; также сурьму сѣру, селитру, гранитъ, мраморъ, алебастръ, аспидный камень, и довольно богатыя бюризовыя рудники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ смолу и нефть. Къ-несчастію, они дурно знаютъ свои богатства и не умѣютъ ими пользоваться.

Государство Иранъ, называемое также восточными жителями Аджемъ, раздѣляется на десять большихъ провинцій: Азербайджанъ, Гиланъ, Мазендеранъ, Курдистанъ, Иракаджеми, Хорассанъ, Хузистанъ или Арабиستانъ, Фарсъ или Фарсистанъ, Керманъ и Лористанъ. Главные города, соотвѣтствующіе этимъ провинціямъ, суть: Тебризъ, Рехтъ, Сари, Керманшахъ, Испаганъ, Мешедъ, Шуштеръ, Ширазъ, Керманъ и Ларъ.

Номадныя племена Персіи живутъ подъ покровительствомъ и непосредственною властію своихъ собственныхъ начальниковъ; они ведутъ жизнь совершенно пастушескую; осѣдлыя же племена, состоя подъ управленіемъ *кетходаговъ*, *такимовъ*, или *беліеровъ-беевъ*, получающихъ инвеституру отъ Шаха, раздѣляются на три большіе класса или отдѣльныя касты. Въ первомъ ряду стоятъ *ханы*, составляющіе аристократію или дворянство; во второмъ *мирзы*, то-есть сыновья достаточныхъ родителей, ученые и посвятившіе себя благородному занятію; за ними слѣдуютъ *райи*, составляющіе рабочій классъ ремесленниковъ или земледѣльцевъ. Персы не всегда остаются въ томъ классѣ, въ которомъ родились. Они могутъ, чрезъ свои достоинства или покровительство, выйти изъ него и стать ступеню или даже двумя выше на общественной лѣстницѣ. Умный, хорошо воспитанный райя можетъ пріобрѣсть званіе *мирзы*, и, какъ Шахъ жалуетъ въ *ханы* фирманами, то часто случается, что онъ дастъ это званіе чловѣку средняго состоянія за оказанныя имъ услуги или даже за условленную плату. Титулъ *хана* есть военный, въ томъ смыслѣ, что всѣ начальники войска должны имѣть его; званіе же *мирзы*, напротивъ, есть чисто гражданское. Нѣкогда оно обозначало дворянство и принадлежало исключительно членамъ стариннаго и высокаго происхожденія фамилій. Это видно изъ самой этимологіи слова *мирзы*; оно состоитъ изъ двухъ: *эмиръ* благородный и *забехъ*, сынъ. Разсматриваемое съ этой

точки зрѣнія и приобрѣтаемое рожденіемъ, оно никогда не теряется; самый титулъ *хана* не можетъ его уничтожить, и многие изъ Персовъ, имѣющихъ этотъ послѣдній, тѣмъ не менѣе сохраняютъ первый. Въ обширномъ смыслѣ, названіе *мирзы* приписывается всѣмъ тѣмъ, которыхъ воспитаніе и средства къ существованію поставляютъ выше ремесленниковъ.

Персы одарены совершенно особенною гибкостью характера. Замѣчательно, съ какою удивительною легкостью, бѣдный мирза, на-примѣръ, умѣетъ перенять приемы знатнаго вельможи, съ какою естественностію онъ усваиваетъ себѣ прекрасное обращеніе аристократіи и перемѣняетъ одежду изъ грубой бумажной матеріи на кашемировыя и шелковыя платья, такъ что не остается въ немъ ничего грубаго или противорѣчащаго новому его званію. Персіане остроумны, любезны, вѣжливы, благосклонны, гостепріимны, храбры, проворны; ихъ блестящее воображеніе любитъ поэзію, живопись, всякаго рода искусства, и пристращается къ славѣ; но лукавство и жестокость составляютъ другія черты персидскаго характера. Можно еще сказать, съ Ксенофонтъ, что Персы прекрасно пздятъ верхомъ и отличаются стрѣльбой изъ лука.

Въ государственной жизни вторымъ лицомъ послѣ Шаха, государя неограниченнаго, есть визирь или первый министръ, которому вручена обширная власть. Есть около него, въ его диванѣ, два или три другія лица, повидимому въ званіи министровъ, на нихъ должно смотрѣть какъ на помощниковъ визиря. Такимъ-образомъ, при дворѣ Тегерана Гаджи-Мирза-Агаси былъ первымъ министромъ, и его власть простиралась на всѣ отрасли государственнаго хозяйства, на всѣ дѣла, какого бы рода они ни были. Онъ управлялъ всѣмъ, что касалось арміи, религіи, налоговъ, торговли, дипломатическихъ сношеній. Подъ его начальствомъ состояли ханы или мирзы, завѣдывавшіе каждымъ частностями своего спеціальнаго управленія.

Мы уже говорили о *бегліеръ-бейяхъ* или правителяхъ областей. Бегліеръ-бей имѣетъ неограниченную власть надъ своими подчиненными и ведетъ по своей волѣ дѣла своего управленія. Онъ отвѣчаетъ передъ Шахомъ, или передъ его визиремъ, лишь въ извѣстной суммѣ налоговъ, въ коей онъ обязанъ отчетомъ, за общественную безопасность, и во всемъ томъ, что касается

общихъ выгодъ монархіи. Въ остальномъ же онъ имѣетъ полномочіе.

Управленія *бегліеръ-беевъ* весьма важны, потому-что персидское государство, какъ извѣстно, раздѣлено лишь на десять провинцій. По обширности каждой изъ нихъ, въ правители назначаются знатныя лица, иногда даже принцы царской крови; въ настоящее время, большая часть бегліеръ-беевъ изъ хановъ, или военныхъ начальниковъ. Каждая провинція раздѣлена на извѣстное число округовъ, обыкновенно состоящихъ подъ однимъ управленіемъ. Однако іерархія эта не имѣетъ ничего правильнаго и постояннаго, и часто случается, что дробятъ одну провинцію, и подчиняютъ различныя части начальникамъ, прямо зависящимъ отъ Шаха. Всѣ эти правители, какъ бы ни было велико ихъ управленіе, имѣютъ названіе *бегліеръ-беевъ*. Въ ихъ зависимости состоитъ одинъ или нѣсколько городовъ, изъ коихъ каждый управляется *какимомъ*, и смотря по своей важности, бываетъ раздѣленъ на кварталы, состоящіе подъ начальствомъ чиновниковъ, называемыхъ *кетходагами*. Обязанности послѣднихъ почти соотвѣтствуютъ обязанностямъ французскихъ меровъ. Управленіе городомъ пополняется присоединеніемъ къ *какиму* и *кетходагу калантара*, назначеннаго для сбора податей. Распредѣленіе ихъ между плательщиками дѣлается кетходагомъ, которому помогаетъ *калантаръ*. Оба эти чиновники избираются населеніемъ, и служатъ посредниками между имъ и правителемъ. Хотя должность калантара избирательна, однако выбранный долженъ быть утвержденъ высшимъ начальникомъ. Должность эта въ Персіи покупается, и оттого отдѣляется источникомъ всякаго рода злоупотребленій. *Калантары* ежегодно платятъ въ царскую казну опредѣленную сумму; все, что они получаютъ сверхъ того, идетъ въ ихъ пользу.

Выборные для сбора податей передаютъ все количество ихъ *беглеримъ-беймъ*, которые, въ свою очередь, пересылаютъ въ шахскую казну денежную повинность, должную ежегодно ихъ провинціею или округомъ. Излишекъ между собранной суммой и заплаченной Шаху, или употребленной на общественныя нужды, остается въ рукахъ правителей, которые должны

этими деньгами удовлетворять все́мъ расходамъ по ихъ управленію.

Такимъ-образомъ, есть въ Персіи два различные капитала, два рода казны: Шаха и провинцій. Доходы Шаха простираются до 219,000,000 франковъ. За основаніе взиманія податей принимается количество имѣнія каждаго гражданина; городъ или селеніе должно платить ежегодно опредѣленную сумму; *кетходагъ*, вмѣстѣ съ *калантаромъ*, распредѣляютъ ее между жителями, пропорціонально ихъ доходамъ.

Подати взимаются съ нихъ частію деньгами, частію натурою, если они владѣютъ землями; въ послѣднемъ случаѣ, государство получаетъ пятую часть произведеній земли, по количеству урожая.

Подати простираются на дома, лошадей, рабочій скотъ, стада и деревья; каждый родъ собственности долженъ государству опредѣленную сумму: такъ лошадь, баранъ или верблюдъ платятъ 1 *сабкранъ*, или 1 фр. 25 сент. въ годъ; каждое дерево должно 1 *шай*, около 6 сентимовъ. Подать, назначаемая и уплачиваемая такимъ-образомъ, называется *меліетъ* или *караджъ*; она опредѣлена, неизмѣна и правильно удовлетворяется.

Сводъ, управляющій мусульманами, есть Коранъ. Вмѣстѣ съ этою книгою, называемою *письменнымъ закономъ*, есть у каждаго народа то, что называютъ обычнымъ закономъ, *урфъ*. Спорныя дѣла тѣмъ не менѣе подлежатъ извѣстнымъ формальностямъ. Обращенныя къ Шаху или *бегіеръ-бегю*, онѣ подлежатъ разбирательству *диванъ-и-канеха*, или судилища. Это судилище разсматриваетъ спорные акты, наводитъ справки и даетъ рѣшеніе; но до совершенія приговора, оно ожидаетъ утвержденія высшей власти, принимающей или отвергающей мнѣніе судей. Въ дѣлахъ, касающихся государственныхъ интересовъ, Шахъ самъ изъявляетъ свою волю; въ дѣлахъ же менѣе важности, судилища составляютъ муллы и лица, удостоенныя, по своему знанію или положенію, засѣдать въ *диванъ*. *Шейхъ-ех-исламъ*, глава религіи, есть въ каждомъ городѣ первый судія; судъ его составляетъ окончательный приговоръ. Обыкновенные же проступки разбираются мѣстною

полиціей, поставленною подъ непосредственное наблюденіе *бегіеръ-бегвъ*.

Независимо отъ этихъ судилищъ, въ каждомъ городѣ есть постоянное, производящее короткій судъ: рѣшеніе *дароаха*. Этотъ судья въ тоже время есть начальникъ полиціи и главный смотритель надъ базарами, находящимися подъ его особеннымъ надзоромъ. Передъ нимъ разбираются незначительныя тяжбы, споры, ссоры. *Дароахъ* имѣетъ свою особенную стражу, своихъ гайдуковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Я былъ свидѣтелемъ строгости, съ какою одинъ начальникъ полиціи наказывалъ извѣстные проступки. Съ давняго времени жители Тегерана жаловались на недобросовѣтность булочниковъ и мясниковъ. Многіе изъ нихъ были наказаны палочными ударами, заплатили значительный штрафъ, а жалобы все продолжались; онѣ дошли до подножія трона, и Шахъ подвергъ отвѣтственности *дароаха* за плутни, жертвою которыхъ были столичные жители. Начальникъ полиціи былъ принужденъ увеличить бдительность. Онъ самъ повѣрилъ, что было основательнаго въ молвѣ общественной, и обѣщавъ показать примѣръ строгости. Однажды онъ неожиданно явился у двухъ продавцевъ, пользовавшихся самою дурною славою: это были булочникъ и мясникъ, торговавшіе на базарѣ; онъ нашелъ у нихъ неисправности: народъ толпился предъ ихъ лавками, и требовалъ строгаго наказанія за воровство, жертвою котораго онъ былъ слишкомъ долгое время. Мясникъ, менѣе виновный, чѣмъ булочникъ, былъ пригвожденъ за ухо предъ своимъ прилавкомъ; что же до булочника, закоренѣлаго вора, то *дароахъ* счелъ нужнымъ показать на немъ примѣръ, обѣщанной строгости и несчастный былъ брошенъ живой въ свою печь.

Начало уголовного судопроизводства въ Персіи есть возмездіе, равное винѣ, во все́мъ случаяхъ, гдѣ оно примѣняемо. Персидское правосудіе употребляетъ, кромѣ денежной пени, одни тѣлесныя наказанія; тюремное заключеніе здѣсь почти никогда не опредѣляется. Въ случаѣ убійства, виновнаго предають на произволъ семейству убитаго; оно можетъ лишить его жизни, наложить на него какую угодно пеню или простить: убійца находится въ полной отъ него зависимости.

Постоянное и регулярное войско въ Персіи состоитъ изъ инфантеріи и артиллеріи. Кавалерія есть иррегулярная, и нѣтъ постоянной, кромѣ той, которую содержитъ Шахъ около своей особы. Она составлена изъ четырехъ или пяти тысячъ *гуламовъ*, образующихъ его свиту въ мирное время, и избранный, спеціальнѣйшій корпусъ кавалеріи на войнѣ. Каждый высшій саванникъ или каждый ханъ, равно имѣетъ нѣсколько всадниковъ для личной своей службы. Если возгорается война, то Шахъ, до выступленія въ походъ, дѣлаетъ воззваніе ко всеѣмъ провинціямъ своей имперіи, и со всеѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ въ его лагерь всадники, вооруженные по обычаю ихъ страны. Курды и Арабы имѣютъ длинныя пики и щиты; Персы длинныя ружья, Хорассане и Туркоманы луки. Толпа этихъ волонтеровъ, въ разныхъ костюмахъ и различно вооруженныхъ, составляетъ кавалерію; это отрядъ неспособный вынести натиска регулярной кавалеріи. Каждый въ этой милиціи сражается отдѣльно, въ позиціи для него выгодной. У нихъ все еще тактика Пароянъ, — сражаться, удаляясь въ бѣгство, то есть сдѣлать выстрѣлъ изъ ружья, или пустить стрѣлу и обратить тылъ. Надо сказать однако, что эти иррегулярные отряды имѣютъ свои выгоды: они составляютъ почти три четверти военныхъ силъ Персіи; они обыкновенно имѣютъ хорошихъ лошадей, и каждый въ отдѣльности отличный всадникъ и не лишенъ личной храбрости. Къ-несчастью, эти качества остаются бесполезными, за недостаткомъ дисциплины, взаимной увѣренности и поддержки, составляющихъ силу регулярнаго войска. Эти вспомогательные отряды не получаютъ жалованья, а вознаграждаютъ себя добычею, отнятою у неприятеля.

Независимо отъ этой иррегулярной кавалеріи, носящей названіе *атли*, различныя провинціи Персіи доставляютъ еще, во время войны, нѣсколько тысячъ *тюффекджіевъ*, или *егерей*, образующихъ инфантерію. Во-время посольства генерала Гардана, французскіе офицеры, отличившіеся на поляхъ битвы въ Европѣ, ввели первые элементы дисциплины въ персидскую армію, которую старались поставить на европейскую ногу. Офицеры, принявшіе на себя это предпріятіе, встрѣтили большія затрудненія въ народныхъ и религіозныхъ предразсудкахъ. Однако

сами сыновья Шаха, подавая примѣръ и занимаясь экзерсисами, побудили наконецъ менѣе упорныхъ подчиниться дисциплинѣ.

Реформа началась съ одежды. Длинныя восточныя платья были уничтожены и замѣнены маленькою курточкою безъ фалды. Въмѣсто широкихъ шалваровъ, даны панталоны, завязывающіеся у лодыжки. Принятая обувь состояла изъ штиблетъ зашнурованныхъ до половины ноги и весьма удобныхъ на ходьбѣ. Къ этому присоединили кожаную перевязь, поддерживающую патронташъ и полусаблю.

Принявшіе на себя устроить Персидскую армію не могли оставить безъ вниманія артиллерію, столь необходимую и столь важную въ битвѣ; они и употребили на нее все свои старанія. Изъ офицеровъ занявшихся этимъ предпріятіемъ, отличился г. Фавіеръ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, основавшій въ Испагани арсеналъ, изъ котораго въ короткое время вывезъ нѣсколько полевыхъ орудій. Этотъ офицеръ образовалъ также корпусъ артиллеристовъ, и тѣмъ положилъ начало персидской артиллеріи.

Кромѣ баталіоновъ, называемыхъ гвардейскими, есть другіе, называемые провинціальными, соответствующіе линейнымъ французскимъ войскамъ. Они содержатъ гарнизонъ въ главныхъ городахъ государства, и отличаются отъ гвардіи цвѣтомъ куртки, синей или желтой. Ихъ перевязи изъ черной кожи. Панталоны бѣлыя для всей инфантеріи, марширующей подъ звуки барабановъ и флейтъ. Одни гвардейскіе баталіоны имѣютъ духовую музыку, исполняющую марши, написанные на національныя напѣвы Нѣмцами или Итальянцами. Костюмъ офицеровъ очень простъ; они носятъ куртку цвѣта своего баталіона или тюнику, застегнутую на груди, большіе сапоги и кривую саблю. Одни полковники имѣютъ эполеты.

Что касается артиллеріи, составляющей легкое войско, то мнѣ удалось быть свидѣтелемъ ея ловкости. Ея пушки шестаго и восьмаго калибра; канонеры верхомъ на лошадяхъ; у нихъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ сабли на манеръ англійской. Ихъ мундиръ болѣе подходитъ къ европейскому покрою, чѣмъ мундиръ пѣхоты: у нихъ синяго сукна куртка съ красными лацканами, на груди лялунка, панталоны бѣлаго или синяго миткаля; большіе сапоги съ кисточкою, на головѣ огромная шапка изъ кожи

чорнаго или сѣраго барана съ длинною шерстью, издали похожая на колпакъ. Офицеры отличаются отъ солдатъ тѣмъ, что ихъ куртки украшены на груди тремя рядами пуговицъ, съ золотою бахрамою, и воротникъ и лацкана обшиты такимъ же галуномъ. У нихъ есть эполеты, но ими не обозначаются, какъ у насъ, разряды чиновъ.

Кромѣ этихъ основныхъ, недостатковъ, есть другой, еще не-менѣе важный: это недостатокъ телегъ или фургоновъ для зарядовъ, перевозимыхъ на спинѣ верблюдовъ. Эти животные представляютъ двойную невыгоду, загромождая войско и неимѣя точности въ движеніяхъ, требуемой военными эволюціями.

Не вся персидская артиллерія устроена по-европейски. Въ войскѣ Шаха есть корпусъ артиллеристовъ съ совершенно восточною физіономіею. Онъ имѣетъ маленькія мѣдныя пушки, вмѣщающія одинъ съ половиною или два фунта пуль. Каждую пушку несетъ верблюдъ. Она укрѣплена на винтъ, около котораго можетъ обращаться свободно во всѣ стороны. Вмѣстѣ съ пушкою верблюдъ несетъ также зарядъ для двадцати выстрѣловъ. Одинъ канонеръ сидитъ на животномъ. Когда собираются сдѣлать выстрѣлъ, верблюдъ становится на колѣна; когда хотятъ идти впередъ или назадъ, онъ переноситъ быстрыми шагами въ желаемое направленіе своего всадника. Въ настоящее время, этотъ корпусъ артиллеристовъ значительно уменьшенъ, и исключая салютванія около палатки Шаха, во-время его путешествія, ему во все не представляется случая выказать свою дѣятельность.

Система наборовъ, основанная на жребіи, неизвѣстна въ Персіи. Въ рекрутчину обращаются къ доброй волѣ гражданъ, или чаще къ произволу *бегліеръ-беевъ*. Когда Шахъ имѣетъ нужду въ солдатахъ, онъ разсылаетъ въ провинціи своего государства фирманы, указывающіе требуемое число людей. Состав берутъ отъ одного до шести, смотря по надобности. Изъ одного и того же семейства обязанъ бываетъ идти въ солдаты только одинъ сынъ. Персидскій солдатъ вступаетъ въ службу на всю жизнь, если только Шахъ не заблагоразсудитъ дать ему отставку. Каждый человѣкъ долженъ получать ежегодно двѣнадцать томановъ, около ста-пятидесяти франковъ. Сверхъ того, ему дается квартира, и отчасти пища, то-есть что каждый

корпусъ получаетъ немного зерноваго хлѣба. Въ походахъ войска, даже регулярныя, живутъ всегда на счетъ жителей.

Награды заключаются въ орденахъ. Для высшихъ степеней, эти ордена представляютъ портретъ Шаха на эмали, украшенный болѣе или менѣе дорогими брилліантами. Для низшихъ, большіе кресты въ видѣ солнца, лучи котораго изъ драгоценныхъ камней, а центръ представляетъ символъ персидской монархіи: льва, и надъ нимъ блестящій дискъ солнца. Носятъ эти ордена на груди. Перебирая степени отъ командорскихъ до малыхъ крестовъ, всегда украшенныхъ драгоценными камнями, доходивъ до медалей изъ золота и серебра для лицъ, отличившихся храбростію. Я видѣлъ персидскихъ солдатъ, у которыхъ было нѣсколько подобныхъ медалей, и мнѣ сказали, что каждая изъ нихъ служила вознагражденіемъ за отрубленную голову на полѣ битвы.

Учрежденіе правильной іерархіи въ персидской арміи относится ко временамъ Надира-Шаха, бывшаго первымъ организаторомъ военныхъ силъ своего отечества. Онъ положилъ начало соединенію извѣстнаго числа солдатъ подъ властію одного начальника, повелѣнія котораго передавались черезъ подчиненныхъ ему офицеровъ. Высшая степень въ персидской арміи есть *эмиръ-низамъ*. Въ цѣлой арміи одинъ только *эмиръ-низамъ*. Онъ постоянно живетъ въ Азербайджанѣ, надъ всѣми военными силами котораго онъ повелѣваетъ непосредственно. Этотъ постъ ему назначенъ на случай событій, могущихъ произойти на всего болѣе угрожаемыхъ границахъ государства. Въ слѣдъ за *эмиръ-низамомъ* идутъ четыре *сердаря*, повелѣвающіе каждый десяти тысячами человѣкъ. Ихъ можно сравнить съ генералами. Есть четыре большіе военные округа, управляемые *сердарями*: въ Тегерани, для Ирана; въ Мешедѣ, для Хорасана; въ Ширазѣ для Фарса и всего юга, и въ Керманшахѣ, для запада. Послѣ *сердарей* слѣдуютъ полковники, называемые *сертипами* или *серингами*. Они командуютъ нѣсколькими баталіонами, состоящими подъ начальствомъ *яверовъ*, имѣющихъ подъ своею властію тысячу человѣкъ. Въ каждомъ баталіонѣ низшія степени заняты *султанами*, или капитанами, *наиб-султанами* или *безадехами* (лейтенантами), *юзбацїями* и *дах-*

бачіями (лейтенантами второй степени). *Бей-дактаръ* есть знаменосецъ. Персидское знамя краснаго цвѣта; на полѣ представленъ символъ государства; древо кончается рукою, рукою Али, зятя пророка. Каждый корпусъ имѣетъ болѣе одного *векиля*, или эконома, снабжающаго его продовольствіемъ.

Такова общественная жизнь Персовъ. Что касается ихъ частной жизни, то она вѣя еще проникнута, надо сознаться, чувственнымъ характеромъ древней образованности этой страны. неподвижность, на которую Персія обречена послѣ столькихъ столѣтій славы, обратила мысль мою къ прекраснымъ развалинамъ, видѣннымъ мною въ этой странѣ, къ столькимъ памятникамъ, свидѣтельствующимъ, со времени государей Ахеменидовъ до династіи Каджаровъ, о величій персидской монархіи. Я видѣлъ, въ воображеніи, это государство при его вступленіи на сцену міра, такъ, какъ оно образовалось отъ соприкосновенія съ народами, имъ побѣжденными, заимствовавъ у нихъ свои искусства, исчерпавъ вкусъ къ прекрасному поочередно въ Атикѣ и на берегахъ Нила; я видѣлъ его пережившимъ побѣды Александра, и вручившимъ свою побѣжденную народность защитѣ Арзакидовъ. За ними слѣдовала династія припцевъ, произшедшихъ отъ Сассана, царствование которыхъ ознаменовалось битвами, воспѣтыми Фирдуси въ *Книгѣ Царей* *. Одинъ изъ этихъ государей, Шапуръ, старался возродить искусства на землѣ Ирана, куда онъ призывалъ греческихъ артистовъ; но усилія его надѣлили Персію лишь нѣсколькими памятниками. Династія Сассанидовъ уступила мѣсто государямъ монгольскимъ. Послѣдователи Магомета разбили алтари, воздвигнутые огню, и поносили Зороастра, ради имени Омара. Такъ кончилась эта вторая генерация монарховъ, царствовавшихъ въ Персіи, въ-продолженіе болѣе четырехъ столѣтій. Эра возмущеній и междоусобныхъ войнъ настала для персидскаго государства. Иго монгольскихъ государей тяготѣло надъ нею, до того дня, въ который Шахъ Исмаилъ возбудилъ ее, при крикахъ Али, противъ ея притѣснителей.

* Фирдуси употребилъ болѣе тридцати лѣтъ на сочиненіе этой поэмы, содержащей болѣе десяти тысячъ стиховъ.

Персы, ставшіе шиптами, то-есть отступниками, пашли въ ереси новую жизнь, выразившуюся съ блескомъ въ государяхъ Сафи. Однако во второй разъ, въ царствованіе послѣдняго изъ государей Сафи, они увидѣли чужестранцевъ, вторгнувшихся въ ихъ предѣлы. Афгане овладѣли Персіею; но Надиръ-Шахъ вскорѣ спасъ древнее государство; правилъ со славою своимъ отечествомъ. Наконецъ Каджары возсѣли, въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, на тронъ Ирана. Правленіе ихъ ознаменовано многими благодѣтельными учрежденіями; ими возведена Персія на ту степень благоустроенности, въ которой находится въ настоящее время. Лѣтописи отечества краснорѣчиво напоминаютъ Персамъ, что они прославились въ искусствахъ и на войнѣ, Это вѣчно будутъ свидѣтельствовать колонны дворца государей Персеполя, гигантскіе барельфы, которыми Сассаниды украсили скалы Фарса, и большія мечети государей Сафи, столь великолѣпныя и изящныя подъ своими лазуревыми куполами.

МОРСКІЯ СИЛЫ ШВЕЦИИ ВЪ 1850 ГОДУ.

(Изъ путевыхъ записокъ по Швеции и Норвегii.)

На одномъ изъ угрюмыхъ береговъ Балтійскаго-моря стоитъ небольшой, но красивый городокъ Карлскрона (Carlskrona). Въѣхавъ въ городокъ этотъ, вы на каждомъ шагу встрѣчаете запачканныхъ въ дегтю, въ смолѣ, съ топорами и пилами въ рукахъ матросовъ. Въ адмиралтействѣ, въ гавани и на берегу вы слышите неумолкаемый крикъ рабочихъ. Здѣсь сотни рукъ поднимаютъ огромные лѣса; тамъ стучатъ топоры, визжитъ пила, а подалѣ нѣсколько человѣкъ тянутъ канаты, или въ котлахъ несутъ смолу и деготь. Вездѣ шумъ, стукъ, крикъ, движеніе; кажется, здѣсь не знаютъ усталости; здѣсь всегдашняя, безпрерывная работа. Карлскрона—мастерская, рабочая шведскаго флота. Отсюда выходятъ прекрасные, стройные и крѣпкіе корабли и фрегаты, красующіеся на водахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и часто встрѣчающіеся на Зундѣ и Каттегатѣ.

Войдемъ въ эти чудные, гранитные доки, гдѣ стоятъ корабли и фрегаты. Здѣсь весь шведскій флотъ. Полюбуйтесь на постройку, крѣпость и чистоту отдѣлки шведскихъ кораблей. Ихъ строили Шведы, безъ пособія иностранцевъ, и постройкою флота своего они могутъ гордиться. Флотъ шведскій, хотя небольшой, но изящный и образцовый.

Въ адмиралтействѣ, подъ навѣсами, лежитъ уже нѣсколько лѣтъ, въ огромномъ количествѣ, дубовый лѣсъ. Онъ здѣсь,

какъ говорятъ Шведы, въ сушильнѣ, и смѣло можно сказать, что лѣсъ этотъ простоявъ семь-восемь лѣтъ въ сухомъ мѣстѣ и на сквозномъ вѣтрѣ, дѣлается сухъ и твердъ, какъ гранитъ. Изъ этого лѣса Шведы строятъ корабли и фрегаты. Каждый корабль и фрегатъ строится не менѣе пяти или шести лѣтъ, подъ плотною крышею, и вы можете вообразить, что такія суда, построенныя изъ сухаго дуба, крѣпки и не скоро приходятъ въ гнилость. Искусные шведскіе инженеры, занимающіеся постройкою кораблей и фрегатъ, гордятся своею работою, и должно отдать справедливость ихъ трудолюбію, терпѣнію и дѣятельности; они, при строгой экономіи, изыскиваютъ всѣ способы и средства довести работу свою до возможнаго совершенства *. Когда корабль совершенно готовъ, онъ свидѣтельствуется опытными морскими офицерами, и по составленіи акта, за подписью этихъ офицеровъ, о прочной постройкѣ его, наружныя стѣны корабля заливаются составомъ изъ жидкой смолы и извести. Составъ этотъ, дѣлаясь время-отъ-времени тверже, доставляетъ кораблю крѣпость, защищая стѣны его отъ гнилости.

Но вотъ корабль спущенъ на воду; онъ оснащенъ, укомплектованъ людьми, получилъ начальника, и гордо выступилъ въ Балтійское-море. Два года или болѣе онъ гуляетъ на водахъ, и потомъ подводную часть его обшиваютъ мѣдью. Обшивка эта производится не тотчасъ по спускѣ корабля на воду, потому что въ первое время его службы корпусъ его садится. Какая строгая во всемъ предусмотрительность.

Еще замѣтите, что зимою та часть корабля и фрегата, которая обращена къ югу, то-есть на солнечную сторону, выкрашена желтою краскою, а взойдя на корабль, вы увидите, что весь балластъ снесенъ на средину корабля, и сняты съ него бизань-мачта и бугшпритъ. Вы спрашиваете, для чего это? А вотъ для чего: желтою краскою выкрашиваютъ корабль для того, чтобы солнечные лучи не сообщали дереву теплоты, и не драго его, а снесеніе балласта и снятіе бизань-мачты и бугшприта облегчаетъ оконечности корабля и тѣмъ берегаетъ его отъ преждевременной порчи.

* По штату 1836 года опредѣлено имѣть морскихъ инженеровъ, для строенія судовъ 18 и для гидравлическихъ работъ 14.

Въ адмиралтействѣ я познакомился съ однимъ пожилымъ и опытнымъ морскимъ офицеромъ, капитаномъ Сусманомъ. Онъ мнѣ рассказывалъ, что шведскіе корабли и фрегаты служатъ болѣе 60 лѣтъ. 35 лѣтъ они употребляются на службу безъ *тимберовки*, или главной починки всего корпуса корабля, а затѣмъ остальные 20 и 25 лѣтъ служатъ безъ всякой починки, до негодности ихъ къ употребленію. Капитанъ Сусманъ показалъ мнѣ два остова огромныхъ кораблей, построенныхъ въ 1769 году. Одинъ изъ нихъ назывался *Густавъ-Ваза*, а другой *Карлъ XII*; они служили около семидесяти лѣтъ, бывъ только дважды *тимберованы*, несмотря на то, что сдѣлали нѣсколько большихъ вояжей. Корабль *Густавъ-Ваза* три раза ходилъ въ Остъ-Индію, а корабль *Карлъ XII*-й, кромѣ частыхъ путешествій по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, одинъ разъ былъ въ Остъ-Индіи и два раза ходилъ къ Шѣдцбергену. Въ 1843 году, въ адмиралтействѣ былъ оконченъ постройкою прекрасный 74-пушечный корабль, *Ибрагимъ-Паша*, заказанный бывшимъ вице-королемъ египетскимъ Мегметомъ-Али. Это не первый корабль, построенный Шведами для египетскаго правительства. Въ 1833, 1834 и 1835 годахъ было построено нѣсколько кораблей для вице-короля египетскаго.

Капитанъ Сусманъ рассказалъ мнѣ анекдотъ. Въ 1841 году инженеръ, строившій корабль для Мегмета-Али, два дня не былъ въ адмиралтействѣ. Жена его мучилась родами и онъ былъ при ней безотлучно. Наконецъ, послѣ двухъ-дневныхъ мученій, жена разрѣшилась отъ бремени. Богъ далъ ему сына. Поцѣловавъ жену и благословивъ новорожденнаго малютку, онъ, вечеромъ поздно, побѣжалъ въ адмиралтейство. Рабочихъ не было уже никого. При строившемся кораблѣ были только дежурные унтеръ-офицеръ и два матроса. Осматривая корабль, онъ остановился на работахъ, произведенныхъ младшимъ инженеромъ во время двухъ-дневной его отлучки изъ адмиралтейства. Такъ какъ было очень темно, то онъ приказалъ подать фонарь. Съ фонаремъ въ рукѣ онъ взобрался на корабль, и разсматривая верхніе дубы, вложенные въ корабль, вскрикнулъ отъ негодованія и, всплеснувъ руками, остановился, какъ вкопанный, съ фонаремъ въ рукахъ, на самыхъ верхнихъ лѣсахъ строящагося корабля. Долго стоялъ онъ въ этомъ положеніи, не замѣчая,

что внизу корабля стоялъ незнакомый мужчина, окутанный въ форменную шинель и въ фуражкѣ. Незнакомецъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на инженера, и наконецъ спросилъ его:

— Что вы тутъ дѣлаете, сударь, въ такое позднее время?

Инженеръ быстро обратился къ незнакомцу, и отвѣчалъ:

— Я здѣсь начальникъ и имѣю право во всякое время быть въ адмиралтействѣ.

— Я самъ морякъ и инженеръ, отвѣчалъ незнакомецъ: и очень хорошо знаю, что въ ночное время инженеру не зачѣмъ здѣсь быть.

— А, вы инженеръ, такъ взойдите, сударь, ко мнѣ и посмотрите, что здѣсь надѣлано. Я не былъ два дня въ адмиралтействѣ, мой помощникъ не обратилъ вниманія: вотъ ровно десять дубовъ вставлены въ корабль; они не были еще въ сушильнѣ; они непрочны, невысушены; имъ должно пролежать въ сушильнѣ пять или шесть лѣтъ, тогда они будутъ годны. Я строю корабль, выбираю матеріалъ прочный, пролежавшій нѣсколько лѣтъ подъ навѣсами, а эти десять дубовъ испортили все дѣло. Они прежде времени сгниютъ, корабль не будетъ проченъ, и мое доброе имя, имя, заслуженное 25-тилѣтнею службою, пропадетъ ни за что. Нѣтъ, долой эти дубы; поставлю другіе изъ шести-лѣтнихъ, а эти въ сушильню. Жаль, два дня пропало даромъ; но я впрочемъ потерянное время — рабочіе лишній часъ будутъ работать въ день.

— Сколько мнѣ извѣстно, сударь, сказалъ незнакомецъ: корабль этотъ строится не для правительства, а по заказу, для вице-короля египетскаго, а потому, я полагаю, можно допустить замѣченную вами ошибку въ постройкѣ корабля.

— Вы, сударь, смѣтаетесь, вскричалъ инженеръ. — Тѣмъ хуже: для чужаго правительства должно дѣлать такъ же, какъ и для своего; честь строителя, честь моей родины, Швеціи, для меня дорога. Нѣтъ, ни за что въ мірѣ не очерню своего имени, и не допущу хулу на мою родину!

Инженеръ сбѣжалъ внизъ, и подошелъ къ незнакомцу. Свѣтъ отъ фонаря далъ ему возможность увидѣть лицо незнакомца.... Предъ нимъ стоялъ Король Карлъ XIV Юаннъ. Инженеръ снялъ съ почтеніемъ фуражку.

— Благодарю, полковникъ, сказалъ Король Карлъ XIV: за

образъ вашихъ мыслей. Вы честный и благородный человекъ. Я васъ не забуду; но скажите, что за причина, что вы не могли два дня быть въ адмиралтействѣ?

— Ваше Величество! отвѣчалъ, смущенный, инженеръ: жена моя была нездорова. Она мучилась два дня родами; я не могъ отлучиться отъ нея.

— Прекрасный и добрый мужъ, сказалъ Короля: я вдвойнѣ доволенъ вами. Что-жъ Богъ послалъ вамъ?

— Сына, Ваше Величество!

— Полковникъ! Я воспріемникъ вашему сыну. Прощайте!

Король ушелъ, а на другой день крестилъ сына у полковника Б. Кромѣ подарка роженицѣ и новорожденному малюткѣ, великодушный Карлъ XIV пожаловалъ полковника Б. кавалеромъ ордена Сѣверной-Звѣзды.

Въ настоящее время, Швеція имѣетъ слѣдующія морскія силы:

I. СОБСТВЕННО МОРСКОЙ ФЛОТЪ.

14 кораблей, изъ нихъ: 84 пушечныхъ 5

74 — — — 9.

11 фрегатовъ, изъ нихъ: 60 — — — 3.

48 — — — 5.

40 — — — 2.

36 — — — 1.

6 корветовъ, изъ нихъ: 20 — — — 4.

16 — — — 2.

9 бриговъ, отъ 12 до 18 пушекъ.

Итого, 40.

Кромѣ морскаго флота, Шведы имѣютъ еще гребной флотъ, называемый у нихъ армейскимъ и гарнизоннымъ флотомъ. Онъ заведенъ въ 1760 году фельдмаршаломъ графомъ Эренсвердомъ. Эренсвердъ, строя Свеаборгъ, раза два-три въ годъ ѣздилъ въ Мальме (Malmö), небольшой приморскій городокъ Швеціи, гдѣ жилъ знаменитый кораблестроитель Чапманъ. Здѣсь, по плану Эренсварда, Чапманъ построилъ канонерскую лодку и іолу, два превосходныя судна, способныя ходить близъ береговъ и по самымъ мелкимъ мѣстамъ. Суда эти, неся на себѣ тяжелую артиллерію, весьма легки и поворотливы, и съ успѣхомъ замѣнили галеры, суда тяжелыя и неспособныя къ перевозкѣ орудій.

Капитанъ Сусманъ показалъ мнѣ въ адмиралтействѣ канонерскую лодку новѣйшей конструкціи, и объяснилъ, что нынѣшняя канонерская лодка имѣетъ у себя палубу, тогда-какъ въ прежней ея не имѣлось. На палубѣ матросы имѣютъ постели, которыхъ на прежнихъ судахъ гребнаго флота не было, по недостатку мѣста. Суда эти, отправляясь въ походъ, могутъ взять съ собою съѣстныхъ припасовъ недѣли на три и болѣе, смотря по величинѣ судна. Въ-особенности понравилась мнѣ на канонерской лодкѣ небольшая красивая желѣзная печь, называемая Шведами камбузъ. Печь эта подвижная и такъ легка, что два человекъ переносятъ ее, по желанію вашему, съ лодки на берегъ, если въ томъ встрѣтится надобность. Въ печи этой варится для матросовъ похлебка, а въ ненастную, дождливую погоду она берегаетъ людей отъ холода и сырости. Палубы канонерскихъ лодокъ устроены превосходно: при сильномъ волненіи, пушки весьма удобно спускаются въ низъ лодки, на дно; окошки, или люки затворяются плотно ставнями, и лодка плыветъ смѣло по бурнымъ волнамъ. Честь и слава изобрѣтенію Эренсверда и Чапмана!

Когда построена была первая канонерская лодка, Чапманъ и Эренсвердъ, при многочисленномъ стеченіи зрителей, поплыли на ней вдоль береговъ Балтійскаго-моря; лодка плыла величественно, и Шведы, провожая ее, кричали: ура! виватъ! Все

шло хорошо; но къ вечеру собралась буря, лодку отнесло отъ береговъ, и многіе, какъ говоритъ преданіе, видѣли ее со всѣми людьми поглощенную волнами. Всѣ оплакивали смерть Эренсверда и Чапмана, молясь объ успокоеніи душъ ихъ; но къ утру, къ великому удивленію народа, лодка невредимо приплыла къ берегу, и Эренсвердъ и Чапманъ вышли изъ нея бодрые и веселые.

II. ФЛОТИЛІЯ, ИЛИ ГРЕБНОЙ ФЛОТЪ.

Шведскій гребной флотъ, въ 1850 году, состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ:

31 шкуна, каждая о 8-ми большихъ орудіяхъ.

11 бомбардирскихъ судовъ.

4 королевскія яхты.

16 пароходовъ, отъ 150 до 6 силъ.

274 канонерскія лодки и іоль.

Итого, 336 судовъ.

Пароходство получило свое начало въ Швеціи, въ 1821 году, въ царствованіе Короля Карла XIV Юанна. Кромѣ пароходовъ, принадлежавшихъ правительству, въ Швеціи и Норвегіи имѣется еще частныхъ пароходовъ числомъ около 26. Пароходы, какъ военные, такъ и частные, ходятъ изъ Стокгольма и Готтенбурга во всѣ порты Балтійскаго моря, и въ датскія владѣнія.

Плыли ли вы когда-нибудь изъ Стокгольма въ Готтенбургъ, по знаменитому Готтскому-каналу? Каналъ этотъ, высѣченный въ гранитъ, имѣетъ на себѣ восемь плузовъ. Онъ начатъ въ

1793 году, и проведенъ сначала для обхода пороговъ *Троль-Гетта*, потомъ соединенъ съ озерами Венеръ, Гильмаръ и Меларъ. Открытъ онъ 15—27 сентября, 1832 года. Готтскій-каналъ сработанъ солдатами, и несмотря на то, онъ стоитъ Швеціи 20 милліоновъ франковъ; 15 милліоновъ этой суммы пожертвовано правительствомъ, а 5 милліоновъ собрано частными людьми, по подпискѣ. Шведская флотилія господствуетъ на этомъ каналѣ; она смѣло ходитъ изъ Стокгольма въ Готтенбургъ, и изъ Готтенбурга въ Стокгольмъ, не боясь ни бурь, ни непріятельскаго флота. Бури въ каналѣ не опасны, а непріятельскій флотъ не рѣшится войти въ каналъ.

Покойный Король Карлъ XIV Юаннъ строго наблюдалъ за работами Готтскаго-канала. Искусные инженеры и пять тысячъ солдатъ работали неутомимо, и наконецъ, послѣ тяжкихъ, сорока-лѣтнихъ трудовъ, съ 1793 по 1832 годъ, каналъ этотъ былъ открытъ. Готтскій-каналъ, перерѣзывая большую часть Швеціи и соединяя по торговлѣ два важнѣйшіе города государства, Стокгольмъ и Готтенбургъ, доставилъ Швеціи немаловажный доходъ. Всѣ суда, плывущія по каналу, обложены денежнымъ сборомъ. Сборъ этотъ простирается ежегодно болѣе милліона рейхсталеровъ,

Открытіе Готтскаго-канала непріятно Даніи. Большая часть судовъ, проходившихъ прежде изъ Каттегата, чрезъ Зундъ, въ шведскія или русскія гавани Балтійскаго-моря, совершенно оставили проливъ этотъ, и направляютъ путь свой по Готтскому-каналу, какъ по дорогѣ ближайшей и безопаснѣйшей. Такъ равно и суда, плывущія изъ заливовъ Ботническаго, Финскаго и Рижскаго, по тѣмъ же причинамъ, избираютъ себѣ сей новый путь. Доходы Швеціи увеличились, а Даніи уменьшились. Зундъ много потерялъ съ открытіемъ Готтскаго-канала.

III. МОРСКІЕ ЧИНЫ.

Капитанъ Сусманъ доставилъ мнѣ подробное и вѣрное свѣдѣніе о морскихъ чинахъ въ настоящее время въ Швеціи.

Изъ свѣдѣнїя сего видно, что въ 1850 году морскихъ чиновъ состояло:

Адмираловъ	8.
Вице-адмираловъ	7.
Капитановъ кораблей въ командорскомъ чинѣ	26.
Капитановъ фрегатовъ	16.
Лейтенантовъ 1 и 2-го классовъ	193.
Старшихъ унтеръ-офицеровъ	351.
Младшихъ унтеръ-офицеровъ	595.
Юнговъ, обучающихся въ школь	400.
Мастеровыхъ	814.
Матросовъ на службѣ	14,546.
Матросовъ резервныхъ	9,540.

ЧИНЫ МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Офицеровъ не выше капитанскаго чина	38.
Унтеръ-офицеровъ	50.
Канонеровъ	1,600

Итого, всѣхъ чиновъ 28,184.

Матросы набираются въ приморскихъ городахъ Швеціи и Норвегіи. Каждый матросъ идетъ въ морскую службу съ охотою, и, прослуживъ во флотѣ честно и съ усердіемъ опредѣленный срокъ, награждается отъ правительства пенсіею, обеспечивающею его и семейство его совершенно отъ всякихъ недостатковъ и нуждъ. Резервные матросы содержатся подпскою въ округахъ, и поступая на дѣйствительную службу, получаютъ отъ казны жалованье и все содержаніе, не лиша-

ясь того, что получали въ округѣ, которое и выдается ихъ семейству.

Содержаніе флота въ годъ обходится Швеціи, примѣрно, до трехъ съ половиною милліоновъ рейхсталеровъ, считая каждый рейхсталеръ около 45 к. серебромъ.

А. ГРЕНЪ

КАКЪ ДОБЫВАТЬ ТОРФЪ, И КАКЪ УСТРОИТЬ ПЕЧЬ

ДЛЯ ТОПКИ СЫРЫМЪ ТОРФОМЪ,

по способу почетнаго гражданина Зубчанинова.

Почетный Гражданинъ Зубчаниновъ, примѣнивъ устройство обыкновенныхъ печей къ топкѣ сырымъ торфомъ, сообщилъ Императорскому Вольному Экономическому Обществу о своемъ изобрѣтеніи, съ тѣмъ, чтобы открытый имъ способъ употребленія этого топлива сдѣлать, для общей пользы, повсемѣстно извѣстнымъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество, по многократнымъ опытамъ убѣдившись въ удобствахъ и выгодахъ топки сырымъ торфомъ, для которой требуется лишь нѣкоторое измѣненіе устройства обыкновенныхъ печей, доступное всѣмъ состояніямъ, и находя, что употребленіе торфа въ сыромъ видѣ можетъ значительно уменьшить истребленіе лѣсовъ на дрова, — положило: для распространенія извѣстности о столь полезномъ изобрѣтеніи и для содѣйствія къ введенію этого по-

* Предметъ этой статьи чрезвычайно важенъ; примѣненіе къ дѣлу изложенныхъ въ ней наставленій можетъ имѣть самыя благотѣльные послѣдствія, а потому, съ разрѣшенія Господина Вице-Президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Его Сіятельства Князя В. В. Долгорукова, мы сочли нужнымъ напечатать ее и въ нашемъ журналѣ.

Изд.

ваго топлива въ крестьянскомъ быту, издать краткое наставленіе о добываніи и употребленіи торфа для топки, и описаніе крестьянской торфяной печи, устроенной въ домѣ Общества.

Желающіе имѣть модели сей печи и дальнѣйшія указанія относительно топки сырымъ торфомъ благоволятъ обращаться письменно въ Императорское Вольное Экономическое Общество. Дѣльные отзывы и замѣчанія по сему предмету, а также опыты и предположенія къ примѣненію устройства печей на топку сырымъ торфомъ въ домахъ, фабрикахъ и мастерскихъ, — Общество приметъ съ благодарностью, и не оставитъ довести до общаго свѣдѣнія.

НАСТАВЛЕНІЕ

для крестьянъ, о томъ, какъ добывать торфъ, и какъ устроить печь для топки сырымъ торфомъ, по способу почетнаго гражданина Зубчанинова.

(Съ рисункомъ печи).

Торфъ, находимый во многихъ болотахъ, есть ни что иное, какъ остатокъ мховъ, вересковъ и другихъ растеній, отъ времени обратившихся въ вещество, годное для топлива. Подъ дерновинной, или живыми корнями растеній лежитъ бурый торфъ, который состоитъ изъ множества кореньевъ или мху, начинающихъ гнить. Глубже — торфъ темнѣе, въ самомъ низу — почти черный, плотный, съ малымъ количествомъ корешковъ. Въ верхнихъ слояхъ торфъ рыхлѣе и содержитъ въ себѣ меньше горючаго матеріала, почему и даетъ жару менѣе, нежели плотный торфъ нижняго слоя. Чѣмъ плотнѣе торфъ, тѣмъ менѣе золы остается послѣ сгорѣнія его, и наоборотъ, чѣмъ онъ рыхлѣе, тѣмъ больше золы получается. Итакъ, по количеству золы, оставляемой торфомъ, можно узнавать его качество.

Для добыванія торфа, надобно осушить болото канавами, направляя ихъ по наклонности, дабы вода не застаивалась, а сте-

кала свободно; притомъ не должно осушать все болото, а достаточно осушить столько мѣста, сколько предполагается въ будущемъ году разработать. Послѣ провода канавъ, нужно обождать, чтобы торфяной пластъ осѣлъ и сдѣлался плотнѣе. Поэтому всего удобнѣе канавы рыть осенью, а разработку торфа начать весной, или, въ случаѣ нужды, провести канавы рано весной, и приступить къ работѣ мѣсяца черезъ два. Снявъ дерновину, или моховой слой, вырѣзывать торфъ правильно, въ видѣ кирпичей, складывая на сухомъ мѣстѣ въ четверугольныя кучи, заложивъ основаніе въ два аршина и съуживая всѣ стороны къ-верху до одного кирпича. При большой разработкѣ, эти кучи можно дѣлать, при той же ширинѣ и высотѣ, длинными, на подобіе вала, но съ тѣмъ, чтобы бока вывершивать правильно, какъ крышу избы.

При постановкѣ кирпичей въ груды, нужно оставлять между ними промежутки, чтобы вѣтеръ, проходя свободно, просушивалъ торфъ, а самую вершину, для предохраненія отъ дождя, можно прикрыть связанными снопами соломы. Когда торфъ въ кучахъ простоятъ лѣто, а по нуждѣ хотя одинъ мѣсяць, при хорошей погодѣ, тогда онъ готовъ для топки.

Примѣчаніе. Торфяныя болота, и въ-особенности осушенные въ нихъ мѣста, нужно беречь отъ огня, потому-что если въ сухое лѣто, по неосторожности, торфяное болото загорится, то весьма трудно остановить пожаръ, и оно можетъ горѣть нѣсколько мѣсяцевъ, даже зимою подъ снѣгомъ. Замѣтивъ, что гдѣ-либо въ болотѣ тлѣетъ торфъ, должно тотчасъ окопать это мѣсто глубокими, до материка, канавами, и пока огонь не усилился, разрыть обгорѣлое мѣсто и залить его водою.

ТОПЛЕНІЕ СЫРЫМЪ ТОРФОМЪ.

Употребляемый для топки торфъ не долженъ быть очень мокръ, либо очень сухъ; испытать же степень сырости торфа весьма удобно: отвѣсивъ его два фунта, высушить до суха, и когда въ сухомъ состояніи онъ будетъ вѣсить только одинъ фунтъ, то значитъ, что воды въ немъ было одинъ фунтъ.

Опытъ доказалъ, что если торфъ по вѣсу имѣетъ въ себѣ около половины воды, то для топлива лучше, нежели совершенно сухой. Съ такимъ содержаніемъ воды, торфъ можетъ быть употребляемъ даже мерзлый. Если же содержится въ немъ воды болѣе, чѣмъ на половину его вѣса, то онъ скоро охлаждаетъ печку, и даетъ много сырости въ печкѣ и трубѣ. Хорошаго качества торфъ, какъ изъ опытовъ оказалось, горитъ, содержа въ 100 фунтахъ своего вѣса до 80 фунтовъ воды; но такой мокрый торфъ требуетъ много растопки, даетъ много сырости и мало жару, и употреблять его не только нѣтъ никакой пользы, но вредно для печки, и при томъ убыточно трудиться надъ перевозкою торфяной грязи, вмѣсто топлива. Поэтому слѣдуетъ заготавливать торфъ для топки заблаговременно, дабы онъ успѣлъ нѣсколько просохнуть.

Въ устроенной для торфа печкѣ горитъ онъ весьма долго, жару даетъ достаточно для печенія хлѣбовъ и для варки всякаго кушанья. Чтобы приготовить печку, т.-е. разогрѣть ее торфомъ, нужно около 4 часовъ, а когда она нагрѣется, то долго удерживаетъ въ себѣ жаръ. Подкладывая въ нее торфа по-немногу, можно поддерживать жаръ всегда ровный, такъ, чтобы готовить въ ней хлѣбъ и кушанье во всякое время.

Торфяная топка отличается отъ дровяной тѣмъ, что торфъ, хотя требуетъ болѣе времени, чтобы разгорѣться, но зато долго сохраняетъ жаръ въ печкѣ, а при топкѣ дровами печка, напротивъ, скоро нагрѣвается и скоро остываетъ. Кромѣ того, чтобы топить дровами, нужно открыть заслонку и дать тягу воздуха, а при торфяной топкѣ непременно должно закрывать заслонку, и недопускать тяги воздуха, оставляя трубу открытою.

ТОРФЯНАЯ ПЕЧКА.

Для топки сырымъ торфомъ, печка строится слѣдующимъ порядкомъ: въ самомъ низу, наравнѣ съ поломъ, выкладываетъ

ся углубленіе, родъ ящика, куда падаетъ зола, почему и называется оно зольникомъ. Сверху зольника кладется желѣзная рѣшетка, а вмѣсто нея можно перекрыть кирпичемъ, въ видѣ рѣшетки; надъ зольникомъ выводится сводомъ топка; надъ ней выстилается пекарный подъ, тоже со сводомъ, для приготовления хлѣбовъ и кушанья. Такимъ-образомъ впереди печки находятся три устья: нижнее, отъ зольника, и второе, отъ топки, могутъ быть закрываемы подовымъ кирпичемъ, приладивъ его къ устью, а верхнее устье закрывается обыкновенной заслонкой. Когда торфъ горитъ, зола падаетъ въ нижнее помѣщеніе, а дымъ съ жаромъ обхватываетъ кругомъ пекарную печь, и нагрѣваетъ подъ, стѣнки и сводъ, и наконецъ выходитъ въ трубу. Надъ печкою устроена задвижка для открыванія и закрыванія трубы, но такъ, чтобы ею никогда нельзя было запереть трубу плотно, а чтобы всегда оставалось открытаго мѣста на полвершка; въ противномъ случаѣ пойдетъ изъ печки чадъ и угаръ.

Положенный въ топку торфъ растапливаютъ лучиной или берестой, а въ случаѣ нужды мшистымъ торфомъ съ соломой. Замѣтивъ, что верхніе куски (которые должны быть выбраны посуше) загорѣлись немного, закрываютъ устье топки и задвигаютъ задвижку до половины. Торфъ разгорается и нагрѣваетъ печку очень медленно, и когда сгоритъ до половины или болѣе, его вымѣшиваютъ; провалившуюся сквозь рѣшетку золу, если накопилось ее довольно, выгребаютъ, и наложивъ еще торфа, зольникъ и топку закрываютъ плотно.

Очень легко принаровиться, сколько и когда нужно подкладывать торфа, а также когда выгребать золу.

* При выгребѣ горячей золы должно обращаться съ нею осторожно, чтобы не произвести пожара, потому-что въ ней всегда могутъ оставаться кусочки тлѣющаго торфа. Для того всего лучше вырыть въ безопасномъ мѣстѣ яму, куда и складывать золу такъ, чтобы ее не раздувало вѣтромъ. Сбирать торфяную золу полезно по той причинѣ, что она служитъ отличнымъ удобрениемъ полей и сухихъ возвышенныхъ покосовъ.

Въ-особенности надлежитъ помнить, что при выгребѣ золы и подкладываніи торфа должно отодвигать всю въ трубѣ задвижку; иначе nebude тяги, и дымъ станетъ наполнять избу. Если подкладывать въ топку торфъ раза два или три въ сутки, то жаръ всегда будетъ постоянный, и никогда не потребуются новой подтопки.

Для сбереженія издержекъ на постройку печки, нижнюю ея часть можно сдѣлать изъ булыжнаго камня или плиты съ глиной, или сбить изъ мокрой глины съ пескомъ, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ близко огонь, непременно должно выложить кирпичемъ.

Выгодъ отъ торфяной печки очень много, а именно:

1) Торфъ замѣняетъ дрова, и тамъ, гдѣ мало лѣсу, можно будетъ сберечь его на постройки и подѣлки.

2) Торфъ добывать нетрудно, и перевозить зимой удобно.

3) Въ избѣ зимою будетъ очень тепло, ибо торфяная печка долго удерживаетъ въ себѣ жаръ.

4) Во всякое время дня или ночи, смотря по надобности, въ торфяной печкѣ можно печь хлѣбы, готовить кушанье, грѣть воду, дѣлать квасъ и проч., а притомъ печка всегда чиста, не имѣетъ золы и угольевъ, и хлѣбы выпекаются въ ней опрятно.

5) Топка торфомъ совершенно безопасна отъ пожара, потому-что дымъ выходитъ не очень горячъ и безъ искръ, кромѣ того случая, когда открыта топка и отодвинута задвижка; но это всегда продолжается очень не надолго,

и 6) Замѣня дровъ сырымъ торфомъ, въ устроенныхъ для

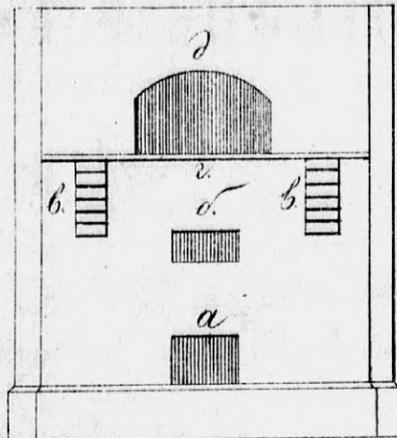
него печахъ, представляетъ то удобство, что для заготовки сего топлива нѣтъ надобности формовать или прессовать торфъ, и просушивать его нагрѣваніемъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, какъ это дѣлается повсюду, гдѣ введена топка сухимъ торфомъ.

Въ топкахъ, въ которыхъ торфъ сжигаютъ, онъ долженъ лежать на решетчатомъ основании, которое должно быть сделано изъ чугуна или железа, и должно быть таково, чтобы между решетками оставалось пространство, чрезъ которое могъ бы проходить воздухъ, необходимый для сжиганія топлива. Решетка должна быть такъ расположена, чтобы торфъ не проваливался въ нее, и чтобы онъ лежалъ на ней равномерно. Для того, чтобы торфъ не проваливался, решетку делаютъ изъ чугуна или железа, и делаютъ ее такою, чтобы между решетками оставалось пространство, чрезъ которое могъ бы проходить воздухъ, необходимый для сжиганія топлива. Решетка должна быть такъ расположена, чтобы торфъ не проваливался въ нее, и чтобы онъ лежалъ на ней равномерно. Для того, чтобы торфъ не проваливался, решетку делаютъ изъ чугуна или железа, и делаютъ ее такою, чтобы между решетками оставалось пространство, чрезъ которое могъ бы проходить воздухъ, необходимый для сжиганія топлива.

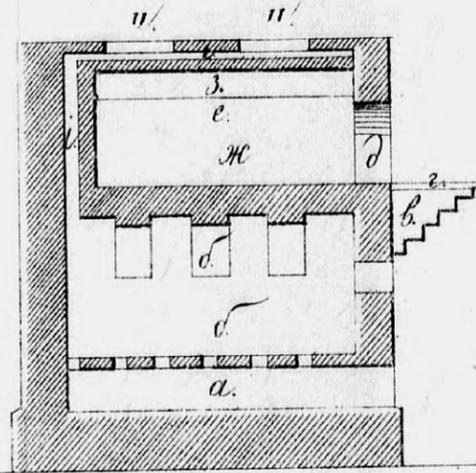

Рисунок семейной хлебобукакарной печи для топленія сырымъ торфомъ по способу Почетнаго Гражданина Зубанинова.

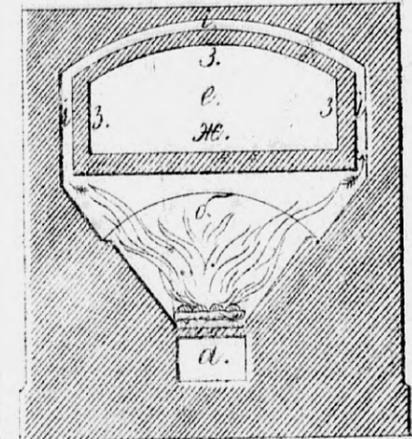
Наружная сторона.

Продольный разръзъ.

Поперечный разръзъ.

а. Дверца въ зольникъ.

б. Дверца въ топку.

в. Кирпичные выступы.

г. Шестокъ изъ деревянной доски.

д. Устье печарной камеры.

а. Зольникъ.

б. Топка со сводами ж. Подъ для хлѣбовъ.

в. Кирпичные выступы. з. Сводъ надъ камерою.

г. Шестокъ досчатый и Меловыя пазухи.

д. Устье.

е. Печарная камера.

ж. Подъ для хлѣбовъ.

з. Сводъ надъ камерою.

и. Выходъ тепла.

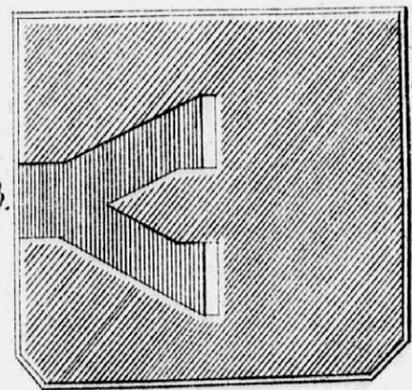
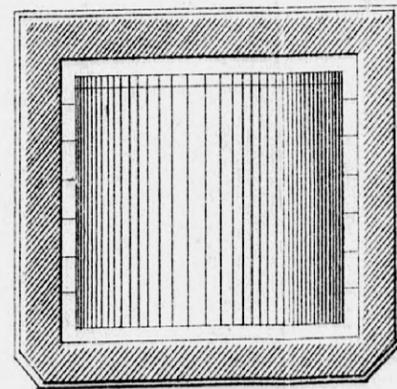
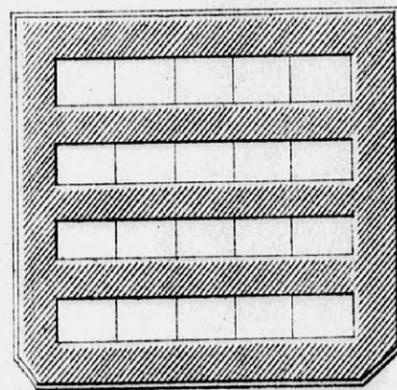
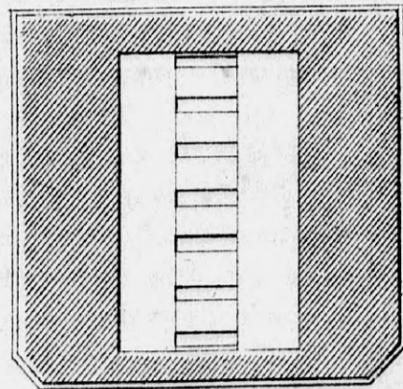
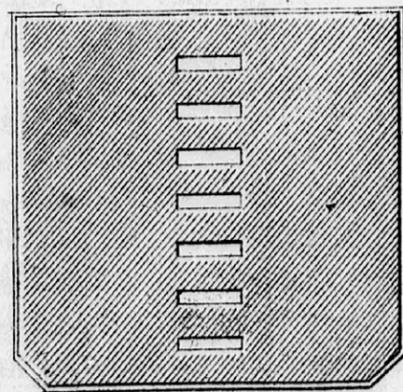
а. Зольникъ б. топка.

в. Печарная камера.

ж. Подъ для хлѣбовъ.

з. Сводъ и стенки камеры.

и. Меловыя пазухи.

Внутренность печи, гдѣ кирпичная решетка надъ зольникомъ. Внутренность печи, гдѣ топка на решеткѣ зольника. Внутренность печи, гдѣ сводъ надъ топкой. Внутренность печи, гдѣ сводъ надъ печарною камерою. Планъ печи съ верху. Въ Рубѣ въ глиняную трубу.

Эта устроена Мастеромъ Н. Шенниковымъ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

13. ОПИСАНІЕ НОВАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРЦА въ Кремлѣ Московскомъ. Составлено *А. Вельтманомъ*. Москва.

Г. Вельтманъ говоритъ въ введеніи:

Приступая къ подробнѣйшему описанію новаго Императорскаго дворца, котораго краткій очеркъ помѣщенъ былъ мною, еще во-время сооруженія, въ «Достопамятностяхъ Московскаго Кремля», изданныхъ въ 1843 г. по Высочайшему соизволенію, я считалъ необходимымъ передать исторіи все, чѣмъ она будетъ дорожить со временемъ, зная, что сооруженіемъ этого великолѣпнаго и перваго памятника возстановленія стариннаго русскаго зодчества на незыблемыхъ сводахъ отъ основанія до вершины, руководила собственная мысль Государя Императора.

Чтобъ сохранить во всѣхъ подробностяхъ достовѣрность описанія, я рѣшился обратиться къ снисходительности г. Оберъ-Гофмейстера, барона Боде, личному вѣдѣнію котораго было довѣрено исполненіе Высочайшей воли, и просилъ сообщить мнѣ все замѣчательное, касающееся до сооруженія дворца, отъ перваго начертанія Высочайшей воли до окончательнаго ея исполненія. Его Высокопревосходительство не отказалъ мнѣ въ этомъ, и лично изложилъ подробности въ слѣдующемъ письмѣ, которое я, съ дозволенія его, прилагаю, какъ лучшій приступъ къ описанію:

«Объяснивъ мнѣ въ письмѣ своемъ, отъ 15 числа сего сентября

мѣсяца, намѣреніе ваше составить новое, исправленное и болѣе подробное описаніе новаго кремлевскаго дворца, вы просите меня, милостивый государь, дать вамъ по части исторической обстоятельныя свѣдѣнія, касательно повода, причинъ и хода дѣла, по которому рѣшено было строить дворецъ; а равно и все замѣчательное, относящееся до сооружеія этого образцоваго, по искусству и вкусу, зданія. Съ большимъ удовольствіемъ я сообщу вамъ все то, что не столь твердая уже моя память мнѣ представить; а чтобы облегчить и себя, и по возможности удовлетворить желанію вашему, я вамъ изложу по порядку, просто и постепенно, какъ все дѣйствительно происходило.

«Осенью 1837 года Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Москву. Его Величество, находя существовавшій большой дворецъ тѣснымъ и некрасивымъ, изволилъ осмотрѣть оный, начиная съ Боярской-площадки, на которой предположено было первоначально пристроить новую большую залу. Сообразивъ неудобство, какъ этого предположенія, такъ и другаго — расширить и увеличить бывшую тронную залу — Его Величество, дойдя до конца парадныхъ покоевъ, и именно до бывшаго кабинета въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Сеодоровны, остановился, рассмотрѣлъ планъ, и тутъ же назначилъ продолжить дворецъ пристройкой новой большой залы (нынѣшняя Андреевская тронная). Это и было началомъ и первой начертанной линіей проекта нынѣ сооруженнаго дворца. Между тѣмъ дошли до Государя Императора свѣдѣнія о непрочности и даже большой опасности стараго дворца.

«Этотъ дворецъ послѣ пожара 1812 года, когда сгорѣли всѣ московскіе дворцы, былъ возобновленъ и надстроенъ, можно-сказать, въ торопяхъ, для пріѣзда блаженной памяти Императора Александра Павловича, въ 1817 году. Тонкія стѣны верхнихъ этажей были внутри обшиты толстыми досками; балки и потолки во всѣхъ мѣстахъ были деревянные; на нихъ лежало безчисленное множество борововъ, идущихъ отъ огромнаго количества печей дворца и кухонь. — словомъ, при подробномъ осмотрѣ стѣнъ и крыши, оказалась явная невозможность отвѣчать за безопасность дворца отъ пожара. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятво, болѣе другаго, побудило Его Величество къ постройкѣ новаго дворца, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже надежнаго и соотвѣтственнаго первопрестольной столицѣ.

«На другой же день, на представленныхъ планахъ дворца, Государь Императоръ указалъ, какія перемѣны Его Величество предполагаетъ сдѣлать въ ономъ, и какіе предметы соорудить вновь; причемъ повелѣлъ составить планъ со словъ и начертаній Его Величества.

«Мысли Государя Императора я приказалъ при себѣ изложить въ чертежъ молодому архитекторскому помощнику Герасимову, котораго особенныя способности замѣчены были мною при возобновленіи тюремнаго зданія. Этотъ чертежъ я представилъ г. Министру Императорскаго Двора, Его Свѣтлости Князю Петру Михайловичу Волконскому, на Высочайшее благоусмотрѣніе. Послѣдовавшія поправки и новыя соображенія Его Величества передавались мнѣ для составленія новыхъ рисунковъ. Нѣсколько разъ Его Величество посвящалъ время на разсмотрѣніе плана предполагаемаго новаго дворца, и у меня хранятся еще нѣсколько рисунковъ, переправленныхъ собственною рукою Государя Императора, какъ драгоценныя памятники предначертаній Державнаго Зодчаго. Его Величество, остановясь на послѣднемъ Своемъ предположеніи, изволилъ повелѣть составить по оному уже полный проектъ. Такимъ-образомъ всѣ основныя предначертанія дворца, составляя собственную мысль Государя Императора, исполнились безъ участія художниковъ архитектуры, которые, безъ всякаго сомнѣнія и не рѣшились бы предположить возможность создать цѣлый рядъ подобныхъ колоссальныхъ размѣровъ залъ, возведенныхъ во имя Равноапостольнаго Великаго-Князя Владиміра, Св. побѣдоносца Георгія, Св. Александра Невскаго, Св. Андрея первозваннаго и Св. Великомученицы Екатерины. Чертежи, составленные по Державному руководству, представлялись г. Министру Императорскаго Двора. Его Свѣтлость сообщалъ мнѣ собственныя свои дополненныя замѣчанія, и согласно онымъ дѣлались поправки.

«Основной проектъ послѣлъ уже послѣ отъѣзда Высочайшаго Двора изъ Москвы. Составленіе смѣты для сооружеія дворца я поручилъ архитекторамъ Московской Дворцовой Конторы. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1838 года, я отправился въ С.-Петербургъ, для представленія проекта на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе. Государь Императоръ, рассмотрѣвъ его, остался общимъ составомъ плановъ доволенъ, какъ выполняющимъ мысли и намѣренія Его Величества, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ предметовъ, какъ-то: рисунка куполовъ и проч. Но случившійся пожаръ Зимняго Дворца особенно обратилъ вниманіе Его Величества на предосторожности при новой постройкѣ; и потому, для отвращенія подобнаго несчастія отъ зданія новаго дворца, повелѣлъ вездѣ устроить прочныя своды, желѣзныя стропилы, коридоры и стѣны выстлать каменными плитами, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить пневматическое отопленіе, по системѣ генерала Амосова, — словомъ, принять всѣ мѣры къ безопасному и прочному существованію новаго зданія. Это было причиною совершеннаго измѣненія первоначальной смѣты и самаго производства работъ, тѣмъ болѣе, что впоследствии оказался и фун-

даментъ стараго дворца несоотвѣтственнымъ размѣрамъ и громадѣ новаго предполагаемаго зданія; но всѣ планы основнаго проекта, не бывъ еще въ рукахъ настоящаго архитектора, получили собственноручное утвержденіе Государя Императора, и исполненіе, подъ непосредственнымъ начальствомъ г. Министра Двора, Высочайше возложено на мое распоряженіе.

«Видя предъ собою предметъ столь важный, требующій архитектора знающаго и опытнаго, и слышавъ объ архитекторѣ Тонѣ, который начиналъ уже въ то время пріобрѣтать славу свѣдущаго и прочно строящаго художника,—я просилъ г. Министра Двора исходатайствовать у Государя Императора о назначеніи его главнымъ архитекторомъ по строенію московскаго дворца. Его Величество сначала согласился назначить г. Тона только консультантомъ, но впоследствии, представленіемъ Князя П. М. Волконскаго, архитекторъ Тонъ былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ главнымъ архитекторомъ при постройкѣ новаго въ Москвѣ дворца, съ возложеніемъ особенной отвѣтственности за прочность фундамента, сводовъ и устройства безопаснаго отопленія. Штатъ и уставъ по дворцу были Высочайше утверждены; назначеніе же и помѣщеніе къ должностямъ другихъ архитекторовъ, ихъ помощниковъ и прочихъ чиновниковъ было предоставлено выбору моему.

«Впоследствии, по мѣрѣ производства работъ, всѣ предположенія для наружныхъ и внутреннихъ устройствъ и украшеній дворца также представлялись мною г. Министру Двора. Государь Императоръ лично входилъ почти во всѣ подробности, и отъ начала строенія до совершеннаго окончанія зданія, почти все приводилось въ дѣйствіе по Высочайшимъ Его Величества разрѣшеніямъ.

«Вотъ, милостивый государь, весь ходъ дѣла и поводъ къ основанію новаго дворца. При семъ препровождаю къ вамъ, для соображенія при описаніи, нѣкоторые изъ упомянутыхъ мною подлинныхъ чертежей основнаго проекта, какъ отмѣненныхъ послучаю новыхъ условій постройки, такъ и утвержденныхъ собственною рукою Государя Императора.

«Должно упомянуть, что многіе предметы требовали соображеній и исправленій, относящихся до подробности правилъ художественнаго исполненія, которыя и производились г. Тономъ, не отступая однакоже отъ Высочайшаго соображенія первоначальнаго общаго проекта. Внутреннія архитектурныя украшенія также по большей части составлены г. архитекторомъ Тономъ; но какъ занятія удерживали его большую часть года въ С.-Петербургѣ, то исполненіе работъ поручено искуснымъ и свѣдущимъ художникамъ: профессору архитектуры Рихтеру, архитекторамъ: Чичагову, Герасимову и при

нихъ многимъ другимъ, отличнымъ молодымъ художникамъ: лѣпныя украшенія, внутреннее убранство покоевъ, рисунки обмѣлировки, дверей и проч., исполнены преимущественно извѣстнымъ по отличному вкусу въ этомъ отношеніи архитекторомъ Чичаговымъ.

«По мѣрѣ оставленія описанія вашего, я съ удовольствіемъ буду объяснять вамъ предметы, касающіеся до подробностей сооруженія и убранства дворца, а равно все достойное замѣчанія въ отношеніи археологическомъ; на-примѣръ, что при рытіи фундаментовъ оказалось до трехъ слоевъ древней обгорѣлой деревянной мостовой, которые доказываютъ постепенный, такъ-сказать, наростъ кремлевской высоты отъ бывшихъ частыхъ пожаровъ. При возведеніи фундаментовъ подъ апартаменты Ихъ Высочествъ, открыто основаніе прежней деревянной кремлевской стѣны, показывающее, что Кремль, до постройки каменной стѣны Димитріемъ Донскимъ, былъ гораздо менѣе въ объемѣ. Нынѣ еще хранятся нѣсколько дубовыхъ деревьевъ, лежавшихъ одно на другомъ стѣною, до 22 аршинъ въ землѣ. Кромѣ того открыты ниже горизонта земли фундаменты съ цоколями нѣсколькихъ древнихъ зданій, свинцовыя трубы, служившія проводниками воды, которая отъ Водовзводной башни поднималась нѣкогда, для снабженія дворцовъ, и вѣроятно, также для орошенія верхняго сада. Изъ замѣчательныхъ вещей найдены: мѣдная кружка, заключавшая въ себѣ разныя грамоты, относящіяся къ XIV и XV столѣтіямъ, и наконецъ относящіяся къ языческимъ временамъ серебряныя обручи, поручни, серьги и проч., и проч.»

Г. Вельтманъ прекрасно исполнилъ предпринятый имъ трудъ, дополнивъ его хромофотографическими рисунками. Отчетливость и тщательная отдѣлка послѣднихъ замѣчательны, но, къ-сожалѣнію, вредятъ общему эффекту. Намъ кажется, что художники могли бы пожертвовать нѣкоторыми частностями, особенно тѣми, которыя повторяются въ симметрическомъ порядкѣ; такъ, на-примѣръ, вырисовавъ тщательно украшенія и детали колонны на первомъ планѣ, можно бы, сообразуясь съ правилами воздушной перспективы, пожертвовать послѣдующими; тогда общее значительно бы выиграло. Такъ точно и равное обозначеніе золотыхъ украшеній, какъ въ тѣни, такъ и въ свѣтѣ, придаетъ картинѣ какую-то пестроту и рѣзкость: таковъ рисунокъ *Андреевской залы*. Впрочемъ, можетъ-быть, художники имѣли въ виду не картинность, а точное воспроизведеніе предмета; въ такомъ случаѣ мы должны радоваться, что у насъ выходятъ подобныя изданія, и съ удовольствіемъ рекомендуемъ

нашимъ читателямъ это изданіе, тѣмъ болѣе, что цѣна ему назначена весьма умѣренная.

14. **КРАТНІЯ ПОУЧЕНІЯ** магистра богословскихъ наукъ, *Иеромонаха Стефана Матѣева*. Москва.

15. **ПЕРВАЯ СЕДМИЦА СВ. ВЕЛИКАГО ПОСТА**, или краткія поученія на каждый день первой седмицы Великаго-Поста. *Евламій, Епископа Вологодскаго и Устюгскаго*. Москва.

Миновало шумное время веселія и плотскихъ радостей; наступило то время, когда каждый христіанинъ долженъ углубиться въ самага себя, и пекать въ самомъ себѣ высшихъ, духовныхъ радостей. Къ этому времени у насъ ежегодно выходятъ достойныя произведенія, заключающія въ себѣ благочестивыя наставленія и поученія.

16. **ОБЩАЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ И ПОЛИЦЕЙСКАЯ ХИМІЯ**, съ присокупленіемъ общей токсикологіи, или науки о ядахъ и противоядныхъ средствахъ, изданная *Александромъ Нелюбинымъ*, докторомъ медицины и хирургіи, академикомъ, заслуженнымъ профессоромъ, членомъ многихъ ученыхъ обществъ, и пр., и пр. С.-П.б. 1851, въ 8 д. л. Часть первая и первый выпускъ второй части, съ многими политипажными рисунками и таблицами.

Судебная медицина, токсикологія и полицейская химія составляютъ весьма важныя отрасли врачебной науки. Но еще не далѣе, какъ за полвѣка, русская литература не имѣла ни одного оригинальнаго сочиненія по этимъ предметамъ. Все наше богатство заключалось въ переводахъ «Токсикологіи Франка» и «Судебно-Медицинской и Полицейской Химіи Ремера». Конечно, въ свое время, эти сочиненія считались весьма удовлетворительными, и дѣйствительно были хороши по тогдашнему состоянію наукъ. Но такъ какъ химія и вообще естественныя науки развились необыкновенно быстро въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и накопилось множество новыхъ фактовъ и возрѣній, то скоро почувствовали недостаточность сочиненій Франка и Ремера. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе баронета Я. В. Виліе, главнаго начальника нашихъ военныхъ врачей, составляющихъ большинство въ нашемъ врачебномъ сословіи. Попечительный главный медицинскій инспекторъ по арміи поручилъ доктору А. П. Нелюбину, славившемуся уже въ то время своими познаніями въ химіи и токсиколо-

гіи, составить «Правила для руководства судебного врача при изслѣдованіи отравленій, съ присокупленіемъ синоптическихъ судебно-медицинскихъ таблицъ о ядахъ.»

Эти правила, превосходно начертанныя еще молодымъ въ то время, но уже знаменитымъ профессоромъ, были не только напечатаны, для руководства военнымъ врачамъ, въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ (1824 года), но въ-послѣдствіи вошли въ составъ «Постановленія о производствѣ судебно-медицинскаго изслѣдованія», начертаннаго Медицинскимъ Совѣтомъ, и удостоившагося Высочайшаго утвержденія 19 декабря 1828.

Это постановленіе вошло въ XIII томъ Свода Законовъ, и служить повинѣ законнымъ руководствомъ.

Трудомъ г. Нелюбина открылась новая дѣятельность въ нашей судебно-медицинской литературѣ, и вскорѣ появилось, переведенное съ нѣмецкаго, руководство Генке, а въ-слѣдъ за нимъ «Краткая судебная медицина академика Громова». Затѣмъ вновь наступила слишкомъ десятилѣтняя пережка, пока явился переводъ Геппертова сочиненія «О средствахъ къ пособію отравленнымъ разными ядовитыми составами», сдѣланный профессоромъ Нараповичемъ.

Можно, для полноты нашей литературы, упомянуть еще о «Полицейской судебной химіи», изданной Медицинскимъ Совѣтомъ Царства Польскаго.

Большая часть (если не все) изъ вышеупомянутыхъ сочиненій, при всемъ ихъ достоинствѣ, въ настоящее время нѣсколько устарѣли, и потому весьма было желательно видѣть на отечественномъ языкѣ книгу, въ которой бы наши врачи могли найти все новѣйшія открытія въ области токсикологіи и судебно-медицинской химіи, сдѣланныя за-границею. Эта обязанность прямо выпадала на долю его превосходительства Александра Петровича Нелюбина, который въ нашемъ отечествѣ занимаетъ по упомянутымъ предметамъ то же исключительное, почетное мѣсто, какое занимаютъ Орфила во Франціи и Христисонъ въ Англіи.

Г. Нелюбинъ предпринялъ написать полное руководство къ изученію судебной и полицейской химіи и токсикологіи, которое бы содержало въ себѣ все необходимыя подробности, какъ для опытнаго, такъ и для начинающаго врача, замѣнило бы для

нихъ многочисленныя, дорогія и не всякому доступныя иностранныя сочиненія. Въ книгѣ г. Нелюбина, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ критиковъ, скорѣе замѣтна роскошь подробностей, чѣмъ неполнота изложенія. Впрочемъ въ такомъ важномъ предметѣ, какова токсикологическая химія, самыя ничтожныя, съ перваго взгляда, подробности могутъ, при случаѣ, имѣть весьма важное значеніе. Мы вполне согласны съ этимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ другомъ журналѣ.

Что касается до распредѣленія предметовъ, то г. Нелюбинъ начинаетъ краткимъ обзоромъ исторіи судебной медицины вообще, и судебно-медицинской и полицейской химіи въ особенности, причемъ исчисляетъ главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Затѣмъ слѣдуетъ собственно-химическая часть, гдѣ предварительно излагаются общія основанія химіи, какъ-то, различныя состоянія природныхъ тѣлъ, расположеніе и группировка ихъ частицъ, химическое сродство, химическія теоріи, пропорціи, формулы и термины, или названія. Потомъ авторъ обращается къ противодѣйствующимъ веществамъ, или реагенціямъ, употребляемымъ для открытія присутствія ядовъ, и описываетъ подробно орудія и снаряды, употребляемые при химическихъ разложеніяхъ. Этимъ оканчивается общая собственно-химическая часть труда.

Второй отдѣлъ перваго тома заключаетъ въ себѣ «Общую токсикологію». Здѣсь прежде всего представлены всѣ существующія у насъ узаконенія о продажѣ ядовитыхъ веществъ; затѣмъ мы находимъ описаніе свойствъ и классификаціи ядовъ, и дѣйствіе ихъ на животную экономію. Здѣсь подробно излагается ученіе о припадкахъ и признакахъ отравленія, и въ слѣдъ за тѣмъ описываются различныя болѣзни, представляющія сходство съ отравленіемъ. Эта часть труда особенно важна для молодыхъ и еще недовольно опытныхъ врачей, которые могутъ иногда принять отравленіе за другую болѣзнь, и обратно.

Весьма хорошо изложена статья о противоядіяхъ вообще, и о подавіи помощи отравленнымъ. То же должно сказать и о статьѣ «О химическомъ изслѣдованіи и открытіи ядовъ». Засимъ слѣдуетъ послѣдняя глава перваго тома, заключающая въ себѣ описаніе производства судебно-медицинскихъ изслѣдова-

ній въ уголовныхъ случаяхъ. Для ясности, авторъ дополнилъ эту главу примѣромъ подобнаго рода изслѣдованій, почерпнутыхъ изъ одного превосходнаго иностраннаго источника.*

Для поясненія дѣйствій реагенцій на яды, приложены къ этому тому двѣ синоптическія раскрашенныя таблицы. Тутъ нагляднымъ образомъ можно изучить цвѣта разныхъ осадковъ, образующихся при изслѣдованіи реагенціями тѣлъ, содержащихъ въ себѣ ядовитыя вещества. Нельзя не согласиться, что подобнаго рода таблицы, если онѣ вѣрно раскрашены,** служатъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ пособіемъ для молодыхъ врачей, и особенно для тѣхъ, которые еще немного занимались химическими анализами.

Статья, въ которой описаны орудія и снаряды, употребляемые при анализахъ, также иллюстрирована многочисленными хорошо исполненными политипажами.

Отъ перваго тома переходимъ къ первому выпуску втораго, заключающему въ себѣ около 30 печатныхъ листовъ. Этотъ выпускъ исключительно посвященъ описанію ѣдкихъ или раздражающихъ ядовъ, и несмотря на свой объемъ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія только о трехъ родахъ металлическихъ ядовъ, именно—о мышьячныхъ, ртутныхъ и свинцовыхъ: такова подробность, съ которою обрабатываетъ господинъ Нелюбинъ избранный имъ предметъ. Одному мышьяку досталось на долю 17 печатныхъ листовъ. Мы за это не только не укоряемъ ученаго автора, но еще весьма ему благодарны, потому-что онъ даритъ нашу литературу трудомъ до такой степени отчетливымъ и полнымъ, что при его помощи можно обходиться безъ сочиненій иностранныхъ токсикологовъ. Можно смѣло сказать, что статья о мышьякѣ обработана почтеннымъ академикомъ съ такою подробностію, какой не находимъ въ лучшихъ токсикологическихъ трактатахъ, изданныхъ за-границею, и даже и самого Орфилы. Мы нарочно сравнили сочиненіе нашего токсиколога съ сочиненіемъ токсиколога французскаго, и вполне

* Изъ Horner's Archiv für 1823.

** Должно отдать справедливость почтенному издателю, что во всѣхъ экземплярахъ его книги, попадавшихъ намъ подъ руку, раскраска была сдѣлана очень вѣрно.

убѣдились въ истинѣ выраженнаго сейчасъ заключенія. Давно извѣстно, что цифры имѣютъ своего рода убѣдительное краснорѣчіе, противъ котораго не могутъ спорить никакія хитросплетенныя разглагольствованія. Поэтому представимъ здѣсь сравненіе обширности описанія мышьяковыхъ, ртутныхъ и свинцовыхъ ядовъ, какъ мы находимъ его у господина Нелюбина и Орфилы:

	у г. Нелюбина.	у г. Орфилы.
Мышьяковые яды занимаютъ	268 страницъ	184 страницы.
Ртутные яды	— 88 —	103 —
Свинцовые яды	— 70 —	46 —

Должно заключать, что и остальные яды будутъ разсмотрѣны съ такою же подробностію. По этому можно судить о полнотѣ описаній нашего академика. Эта полнота особенно замѣчается въ описаніи мышьяка и его составовъ. И на это есть весьма важная причина. Самъ авторъ говоритъ, что статистическія свѣдѣнія по всѣмъ европейскимъ государствамъ показываютъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ ядовъ ни одно не употребляется для отравы столь часто, какъ бѣлый мышьякъ. И должно прибавить, что это справедливо не только въ отношеніи къ отравленіямъ рукою злодѣевъ, посягающихъ на жизнь ближняго изъ корыстныхъ видовъ, но также въ отношеніи къ самоубійцамъ и случаямъ нечаянной отравы отъ неосторожности. Объясненіе такого факта найти не трудно. Мышьякъ, при смертельности своего дѣйствія даже въ весьма малыхъ количествахъ, употребляется въ огромныхъ количествахъ на фабрикахъ, заводахъ и даже въ домашнемъ быту, преимущественно многими ремесленниками: Христисонъ свидѣтельствуетъ, что въ одной Англій, въ-теченіе двухъ лѣтъ, * случилось 186 отравленій мышьякомъ; а во Франціи этимъ же ядомъ совершено 149 отравъ. У насъ въ Россіи, благодаря Бога, при попечительности правительства, отравы мышьякомъ несравненно рѣже, и едва достигаетъ пятой части того, что находимъ во Франціи и въ Англій, хотя Россія считаетъ вдвое болѣе жителей, чѣмъ Франція, и почти втрое противу Англій. Притомъ г. Нелюбинъ утверждаетъ, что изъ десяти слу-

* Въ 1837 и 1838 годахъ.

чаевъ отравленія мышьякомъ въ Россіи, навѣрное девять произошли отъ неосторожности или несчастнаго случая, и одинъ только съ злостнымъ намѣреніемъ.

Насъ спросятъ, можетъ-быть: неужели до-сихъ-поръ не найдено средствъ предотвращать неумышленныя отравленія мышьякомъ? Въ устраненіе этого зла, кромѣ строгихъ полицейскихъ мѣръ и бдительнаго надзора за продажей мышьяка, врачи давно помышляли о томъ: нельзя ли къ бѣлому мышьяку примѣшивать какое-нибудь вещество, которое бы ему сообщало черный, бурый, зеленый, желтый или какой другой цвѣтъ или служило бы ему противуядіемъ? На этомъ поприщѣ химическихъ изысканій болѣе прочихъ трудился, докторъ Каттель. Въ-продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, * онъ произвелъ по этому предмету безчисленное множество опытовъ, которые свидѣтельствуютъ о безпримѣрномъ трудолюбіи и терпѣніи автора, но не принесли никакой существенной пользы, ибо мышьякъ, употребляясь промышленностію въ огромномъ количествѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть взятъ въ видѣ тѣхъ соединений, которыя предлагаетъ докторъ Каттель.

Упомянувъ объ опытахъ Каттеля, нашъ авторъ предлагаетъ историческія свѣдѣнія о мышьякѣ, и затѣмъ описываетъ самородный мышьякъ и его соединенія, находящіяся въ природѣ, чистый металлическій мышьякъ, его окисъ, мышьяковистую и мышьяковую кислоту и ихъ соли, мышьяководородный газъ и сѣрнистыя соединенія мышьяка.

Описавъ пути, чрезъ которые мышьякъ можетъ быть внесенъ въ тѣло при случайномъ и злостномъ отравленіяхъ, авторъ подробно описываетъ дѣйствіе этого яда на организмъ, и производимые имъ припадки, и потомъ переходитъ къ наставленіямъ о подачѣ помощи отравленнымъ. Онъ исчисляетъ всѣ противуядія мышьяка, дѣланные надъ ними опыты и наблюденія, и наконецъ самое приготовленіе противуядныхъ средствъ по методамъ различныхъ химиковъ; причемъ, весьма естественно, обращено особое вниманіе на водную окисъ желѣза, какъ на лучшее и едва ли не единственно-вѣрное средство противъ мышьяка. **

* По 1851 годъ.

** Не должно забыть, что одинъ изъ лучшихъ способовъ приготовленія этого противуядія предложенъ самимъ г. Нелюбинымъ.

Весьма удовлетворительно описаны признаки, замѣчаемые послѣ смерти и при вскрытіи труповъ отравленныхъ мышьякомъ, и въ подробности указаны все способы къ открытію этого яда, особенно въ животныхъ тканяхъ и органическихъ веществахъ, землѣ, растеніяхъ и веществахъ, употребляемыхъ въ пищу; причемъ описаны и самые приборы, для того употребляемые. * Для ясности, вездѣ, гдѣ нужно, къ тексту присоединены поли-типажные рисунки, сдѣланные весьма отчетливо.

Послѣ обширной статьи о мышьяковыхъ ядахъ, авторъ переходитъ къ ядамъ ртутнымъ или меркуріальнымъ. Эти яды, дѣйствительно, играютъ важнѣйшую роль, послѣ первыхъ, и нѣкоторые изъ составовъ ртути, какъ на-примѣръ, сулема, въ убійственности дѣйствія не уступятъ самому бѣлому мышьяку.

Описавъ свойства и добываніе ртути и ея составовъ, авторъ излагаетъ динамическое дѣйствіе этихъ ядовъ и припадки, ими производимые, а потомъ признаки отравленія и измѣненіе животныхъ тканей отъ дѣйствія ртутныхъ ядовъ. Въ этой же статьѣ изложены правила для поданія помощи отравленнымъ меркуріальными составами, и особливо сулемою, предохранительныя мѣры противъ ртутныхъ болѣзней, и наконецъ самое описаніе этихъ болѣзней и способа ихъ леченія. Химическое изслѣдованіе ртутныхъ ядовъ изложено также удовлетворительно, но менѣе подробно, чѣмъ изслѣдованіе составовъ мышьяка.

Третій родъ ядовъ, описанныхъ г. Нелюбинымъ въ первомъ выпускѣ втораго тома его «Токсикологической Химіи», составленъ изъ препаратовъ свинца. Свинцовые составы хотя и рѣдко служатъ орудіемъ для злодѣевъ, но они все-таки важны для судебного врача и полицейскаго химика, потому-что случайныя отравленія этими составами встрѣчаются довольно часто. Ремесленники и фабриканты, занимающіеся свинцовыми издѣліями, приготовленіемъ красокъ (особливо свинцовыхъ бѣлизъ), и вообще работающіе надъ свинцомъ, бываютъ подвержены опаснымъ болѣзнямъ, влѣдствіе неумышленнаго медленнаго отравленія этимъ ядомъ. Г. Нелюбинъ говоритъ даже, что отравленія такого рода замѣчались, по свидѣтельству многихъ носителей,

* Ученый авторъ разбираемой нами книги самъ много способствовалъ усовершенствованію этихъ приборовъ.

отъ свинцовыхъ водопроводовъ и резервуаровъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ.

Въ статьѣ о свинцовыхъ ядахъ, авторъ слѣдовалъ прежнему порядку, то-есть описалъ сперва физическія и химическія свойства свинца и его препаратовъ, перешелъ къ болѣзнямъ, происходящимъ отъ свинцовыхъ испареній, и признакамъ отравленія свинцовымъ ядомъ, и затѣмъ описалъ какъ противуядныя средства, такъ равно леченіе свинцовыхъ болѣзней и предосторожности, противъ нихъ необходимыя. Статья оканчивается описаніемъ признаковъ, замѣчаемыхъ въ трупахъ людей, отравленныхъ свинцомъ и наставленіями къ химическому открытію свинцовыхъ ядовъ въ животныхъ веществахъ.

Описанія г. Нелюбина отличаются точностію, простотою, удобопонятностію, но притомъ полнотою и ученою отчетливостію. Вездѣ приводится множество весьма примѣчательныхъ и поучительныхъ примѣровъ отравленій и изслѣдованій, которые могутъ быть прочтены съ величайшимъ любопытствомъ не одними врачами, но и всякимъ любознательнымъ человѣкомъ. Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ извлечены изъ 50-ти-лѣтней практики самого автора. Другіе извлечены изъ лучшихъ иностранныхъ руководствъ и русскихъ и заграничныхъ периодическихъ изданій. Этому отнюдь не должно ставить автору въ укоръ. Факты и данныя науки не выдумываются: они собираются сотнями и тысячами людей, въ-теченіе вѣковъ и не составляютъ исключительной принадлежности тѣхъ, которые ихъ открыли, но самымъ актомъ ихъ обнародованія дѣлаются достояніемъ науки и общею собственностію всехъ ею занимающихся. Смѣшно и нелѣпо было бы упрекать г. Нелюбина, или другаго автора ученаго руководства, что онъ заимствовалъ и даже переводилъ многое изъ другихъ книгъ: иначе и быть не могло, если книга имѣетъ претензію хотя бы на относительную полноту. Дѣло въ томъ, какъ пользовался авторъ находящимися у него подъ рукою источниками? Критическій взглядъ и выборъ, система и способъ изложенія—вотъ принадлежности автора руководства къ какой-либо наукѣ. А все эти качества мы встрѣчаемъ у г. Нелюбина въ почти безукоризненномъ совершенствѣ. Книга нашего академика смѣло можетъ стать на ряду съ луч-

шими иностранными сочинениями по той же части и принесла бы честь любой изъ европейскихъ литературъ.

Мы забыли еще сказать, что послѣднія шесть страницъ 1-го выпуска 2-го тома посвящены началу статьи о мѣдныхъ ядахъ, которая будетъ изложена въ слѣдующемъ выпускѣ. Всего же будетъ 4 тома, изъ которыхъ въ каждомъ отъ двухъ до трехъ выпусковъ.

Нельзя не порадоваться и примѣрному безкорыстію ученаго автора, назначившаго за свое прекрасно изданное и украшенное рисунками и таблицей сочиненіе самую дешевую цѣну: два толстыхъ тома стоятъ только 3 р. сер!... Это бы должно послужить урокомъ для многихъ читателей и издателей, продающихъ за ту же самую цѣну тоненькія брошюры. Хвала и честь русскому знаменитому ученому!

17. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ. Составилъ академикъ Э. Ленцъ. С.-П. б. 1851. 272 стран. съ атласомъ изъ 6 таблицъ въ 8 д. л.

При недостаткѣ сочмненій по физической географіи, которымъ отличается наша литература, книга почтеннаго академика составляетъ весьма пріятное явленіе. Конечно, руководство г. Ленца очень коротенькое, сжатое, но все-таки лучше имѣть что-нибудь, чѣмъ ничего, тѣмъ болѣе, что книга нашего физика отличается весьма хорошимъ распредѣленіемъ предметовъ, и трудно найти въ ней какіе-либо значительные промахи. Конечно, нельзя вѣрить безусловно всему тому, что говоритъ г. Ленцъ: человеку сродно заблуждаться, и въ солнцѣ есть пятна. Книга все-таки останется прекрасною, несмотря на нѣкоторые недостатки и на совершенный пропускъ статьи о земномъ магнетизмѣ, одной изъ важнѣйшихъ въ физической географіи.

Такъ какъ изложеніе нѣсколько сжато и сухо, то, безспорно, распредѣленіе предметовъ составляетъ лучшую часть книги г. Ленца. Считаемо долгомъ познакомить читателя съ этимъ распредѣленіемъ.

Въ коротенькомъ введеніи, авторъ знакомитъ насъ съ своимъ взглядомъ на науку, подраздѣляя свой курсъ на пять главъ. Въ первой главѣ разсматривается твердая поверхность земли, сперва въ горизонтальномъ отношеніи, потомъ въ вертикальномъ. Поэтому сначала разсматриваются материкъ и разнovid-

ные острова; затѣмъ объясняется неправильное расположеніе высокихъ и низкихъ мѣстъ, равнины, горные кражи въ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и наконецъ центры тяжести материковъ.

Отъ виѣшней поверхности Земнаго-Шара авторъ переходитъ внутрь его коры и (во второй главѣ) говоритъ о переверотѣ, измѣнившемъ земную поверхность, каменныхъ породахъ (вулканическихъ и нептуническихъ), о метаморфическихъ сланцахъ, о почвахъ—силурійской, девонской, каменно-угольной, вторичной, третичной и наносной, о пещерахъ и древности горныхъ кражей. Въ этой главѣ авторъ предлагаетъ очерки главнѣйшихъ геологическихъ фактовъ: предметъ чрезвычайно интересный, еслибы онъ былъ разсмотрѣнъ подробнѣе и отчетливѣе. Впрочемъ мы чрезвычайно благодарны г. Ленцу и за то, что онъ потрудился написать эту главу въ томъ видѣ, какъ она напечатана.

Послѣ геологій является гидрологія и рассуждаетъ объ уровнѣ, глубинѣ, солености, температурѣ и другихъ свойствахъ океанической воды. Статья о приливахъ и отливахъ удовлетворительна менѣе прочихъ. Затѣмъ дано краткое понятіе о ключахъ, источникахъ, минеральныхъ водахъ, рѣкахъ, озерахъ и болотахъ. Все это, какъ вы видите, предметы весьма интересные.

Четвертая глава трактуетъ объ измѣненіяхъ, происходящихъ на земной поверхности, и преимущественно о вулканахъ, ихъ дѣятельности и связи ихъ съ землетрясеніями и другими родственными явленіями. Глава заключается разсмотрѣніемъ дѣйствія инфузорій на человекъ.

Послѣдняя глава посвящена метеорологіи. Здѣсь объяснены явленія происходящія въ земной атмосферѣ, составъ ея и высота. Особенное вниманіе обращено на явленія теплорода на земной поверхности, этого могучаго дѣятеля, обуславливающаго главнѣйшія явленія органической жизни. Вы найдете у г. Ленца понятія о среднихъ температурахъ сутокъ и года, объ измѣненіяхъ температуръ, о линіяхъ вѣчныхъ снѣговъ, о горныхъ ледникахъ, о собственной температурѣ Земнаго-Шара, о изотермическихъ и изохимическихъ линіяхъ (то-есть линіяхъ одинаковыхъ годичныхъ и зимнихъ среднихъ температуръ). Затѣмъ объясняются различные виды вѣтровъ, водяные метеоры, облака,

туманы, дожди, снѣгъ, роса и иней. Показавъ отношенія воздушнаго давленія къ состоянію погоды, авторъ говоритъ объ электрическихъ метеорахъ (грозѣ и градѣ) и метеорахъ оптическихъ, каковы — цвѣтъ неба, воздушное лучепреломленіе радуги, ложныя солнца, полярныя сіянія, и т. п. Глава оканчивается статьею о падающихъ звѣздахъ, аэролитахъ и такъ-называемыхъ проблематическихъ явленіяхъ. Эта послѣдняя статья не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки. Никто не сомнѣвается теперь въ космическомъ происхожденіи падающихъ звѣздъ и аэролитовъ; а къ числу проблематическихъ сомнительныхъ явленій авторъ причислилъ такія, въ существованіи которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Какъ, на-примѣръ, причислить къ недоказаннымъ явленіямъ сухіе туманы, видѣнные, вѣроятно, многими изъ нашихъ читателей? Но эти небольшіе недосмотры нисколько не портятъ прекраснаго труда г. Ленца.

Физическая Географія, о которой мы теперь говоримъ, оканчивается статьею, въ которой трактуется о расположеніи организмовъ на земной поверхности.

Авторъ, очевидно, при составленіи своей книги, имѣлъ единственною цѣлю — быть полезнымъ молодому поколѣнію, воспитывающемуся въ нашихъ прекрасныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ благодѣтельнымъ надзоромъ попечительнаго правительства. Онъ не имѣлъ вовсе цѣлю написать книгу для чтенія взрослой публики, и потому замѣченные нами недостатки дѣлаются ничтожными, и книга вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Таблички сдѣланы недурно. Вообще, книга издана хорошо, хотя ее приличнѣе назвать брошюрой, потому-что въ ней содержится всего 17 печатныхъ листовъ.

Цѣна этой брошюры таже самая, какъ и первымъ двумъ томамъ Химіи академика Нелюбина, именно 3 р. с.

Отъ души желаемъ успѣха добросовѣтному труду почтеннаго автора. Но еслибы онъ принялъ на себя трудъ написать хорошій, полный, общепонятный курсъ физической географіи, то успѣхъ былъ бы еще вѣрнѣе.

18. УКАЗАТЕЛЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПО ФИЗИЧЕСКИМЪ И ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ, составленный для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія М. Хотинскимъ. С.-Пб. 1851.

Читатели нашего журнала знакомы съ г. Хотинскимъ по до-

вольно подробнымъ разборамъ двухъ его астрономическихъ сочиненій, напечатаннымъ въ январской, февральской и июньской книжкахъ «Сына Отечества». Нынѣ г. Хотинскій вновь является съ обычнымъ своимъ трудомъ, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно появляющимся въ концѣ года. Известно всякому занимающемуся физическими науками, что этотъ ученый занимается еоставленіемъ, для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, ежемѣсячнаго Указателя открытій, опытовъ и наблюденій въ области естествовѣдѣнія, указывая на статьи, напечатанныя въ лучшихъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Здѣсь вы найдете болѣе 1300 указаній на статьи по астрономіи, математикѣ, механикѣ, физикѣ, физической географіи, метеорологіи, химіи, металлургіи, технологіи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, палеонтологіи и геологіи. Кромѣ того, въ этомъ Указателѣ помѣщено около 70 статей, заключающихъ въ себѣ описанія какихъ-либо интереснѣйшихъ изслѣдованій или открытій. Особенно полно въ этомъ отношеніи отдѣлъ астрономической. Ясно, что астрономія — любимая наука г. Хотинскаго. Онъ не пропустилъ ни одной планеты, ни одной кометы, бывшихъ предметами ученыхъ изслѣдованій. Тутъ есть указанія почти на все, что появляется въ астрономической литературѣ. Отдѣлы по другимъ наукамъ не такъ полны; впрочемъ, и они отличаются строгою сортировкой статей и точностію указаній на источники.

Книга г. Хотинскаго составляется изъ отдѣльныхъ оттисковъ ежемѣсячныхъ статей Указателя. Она печатается въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, которые быстро расходятся по рукамъ. Мы слышали, что прежнихъ годовъ Указателей болѣе нѣтъ въ продажѣ; поэтому совѣтуемъ поторопиться тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые желали бы пріобрѣсти Указатель на 1851 годъ. Онъ продается по 1 р. 20 к. у всѣхъ книгопродавцевъ.

18. ОБЩЕПОНЯТНАЯ ФИЗИКА, составленная Н. Писаревскимъ. Съ 863 полнотипажамъ. С.-Петербургъ. 1852. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса.

Встрѣчая съ душевнымъ привѣтомъ всякое сочиненіе, являющееся на поприщѣ отечественной литературы подъ громкимъ

именемъ популярнаго, общепонятнаго, мы обыкновенно задаемъ себѣ предварительно вопросъ: для какого именно разряда лицъ предназначилъ авторъ свое сочиненіе? Такой вопросъ съ перваго взгляда можетъ показаться нѣкоторымъ несовсѣмъ уместнымъ; онъ покажется таковымъ тѣмъ именно, которые привыкли искать въ популярныхъ сочиненіяхъ такой простоты и наглядности въ изложеніи, чтобы чтеніе ихъ не могло быть затруднительнымъ даже для людей, стоящихъ на низшей степени умственного развитія. Для избѣжанія этого мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи популярности въ сочиненіи; считаемъ необходимымъ потому именно, что это дастъ намъ возможность выставить означенное сочиненіе г. Писаревскаго въ болѣе правильномъ видѣ.

Назвать всѣ изданія, поставляющія себѣ цѣлью изложить съ возможной ясностью и простотой основанія какой-нибудь науки, изданіями популярными, было бы слишкомъ обще. Простота, ясность, наглядность изложенія — понятія относительныя; что вполне ясно одному, нѣсколько знакомому съ основаніями науки, то можетъ показаться труднымъ и сбивчивымъ для другаго, неимѣющаго объ ней никакого понятія; третьему наконецъ это же сочиненіе будетъ совершенно недоступнымъ. Все зависитъ здѣсь, конечно, отъ степени умственного развитія читателей. Изложить науку такъ, чтобы она была вполне понятна каждому—и совершенно незнакомому съ ея основаніями и уже подготовленному къ ея изученію — и чтобы она въ то же время могла въ равной степени заинтересовать собой и того и другаго, намъ кажется не только весьма труднымъ, но просто невозможнымъ. Можетъ ли быть одно и то же изложеніе науки одинаково интереснымъ и удовлетворительнымъ для зрѣлаго мужчины и для ребенка? Удовлетворитъ ли одна и та же система въ равной степени и человѣка уже нѣсколько подготовленнаго къ ея изученію и совершеннаго профана? Разумѣется, нѣтъ: для каждаго изъ нихъ необходима своя система, свой методъ изложенія, свой языкъ сообразный съ степенью развитія. Поэтому при всякомъ популярномъ изданіи весьма важно знать, какой именно классъ читателей имѣлъ авторъ въ виду при составленіи своего сочиненія, и только съ этой точки зрѣнія можно безошибочно судить о до стоинствѣ его книги.

Физика г. Писаревскаго предназначается для людей не имѣющихъ большихъ познаній въ математикѣ. Авторъ ея имѣлъ въ виду «развить науку такъ, чтобы начинающій при помощи нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній, приобретаемыхъ въ самомъ началѣ образованія, могъ составить себѣ надлежащее понятіе, какъ о современномъ состояніи физики, такъ и объ основныхъ на ней практическихъ примѣненіяхъ» (Пред. стр. 1.). Эти слова автора объясняютъ значеніе, какое далъ онъ популярности книги; онъ предназначилъ свое сочиненіе для людей, для которыхъ необходимость имѣть понятіе о наукахъ естественныхъ часто весьма ощутительна—для людей, нѣсколько подготовленныхъ къ изученію ихъ, но не занимавшихся ими исключительно. Прежде тѣмъ указать до какой степени авторъ достигъ своей цѣли, мы считаемъ нужнымъ дать читателю понятіе о самой системѣ сочиненія.

Въ введеніи г. Писаревскій старается ознакомить читателя съ терминологіей физики и сопряженныхъ къ ней наукъ. При этомъ для незнакомыхъ съ иностранными языками, авторъ считалъ нужнымъ перевести нѣкоторые термины на отечественный языкъ; этимъ переводомъ онъ весьма хорошо объяснилъ значеніе многихъ изъ нихъ, такъ-что всякому становится видной возможность замѣнить нѣкоторые изъ иностранныхъ терминовъ чисто русскими; такъ фотометры называетъ онъ свѣтомѣрами, термометры и колориметры—тепломѣрами; впрочемъ мимоходомъ замѣтимъ, что не лишнимъ было бы и на русскомъ языкѣ отгнать какъ-нибудь разность этихъ двухъ послѣднихъ словъ,—гидростатику—водостояніемъ и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ въ аналогическомъ порядкѣ объясненіе ряда наукъ явленій, наукъ предметовъ. Къ первымъ онъ причисляетъ физику, химию и физиологію, къ послѣднимъ—минералогію, ботанику и зоологію. Указавъ такимъ-образомъ мѣсто, занимаемое физикой въ ряду естественныхъ наукъ, онъ обозначаетъ связь ея съ химіи. Физика принадлежитъ къ наукамъ естественнымъ, и въ то же время къ наукамъ математическимъ. Трудно при изученіи ея обойтись безъ формулъ; поверхностны были бы результаты изслѣдованій, не оправданные путемъ математическаго анализа. Не всегда возможно производить опыты—они часто служатъ только подтвержденіемъ давно уже извѣстнаго по вычислені-

ямъ. Какимъ же образомъ передать эти познанія человѣку, мало знакомому съ математикой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найдемъ мы въ самомъ методѣ, которымъ руководился г. Писаревскій при своемъ изложеніи. Для упрощенія объясненій, онъ старается приводить доказательства, которыми наглядно могутъ быть уяснены явленія; за невозможностью обойтись безъ формулъ, указываетъ лишь результатъ выведеннаго путемъ математическаго изслѣдованія. Такой методъ не уничтожилъ полноты сочиненія; напротивъ, оно отъ этого получило совершенно новый интересъ не для однихъ специалистовъ въ этой наукѣ, но и для публики, для которой авторъ исключительно предназначилъ свое сочиненіе. Принятая авторомъ система весьма удачна; она даетъ читателю возможность обозрѣвать прочитанное имъ однимъ взглядомъ, отчего оно естественно удерживается въ его памяти, какъ одно стройное цѣлое. Онъ раздѣляетъ всѣ статьи физики на три группы, изъ коихъ каждая соединяетъ особые роды явленій, которые въ свою очередь подраздѣляются на виды. Это приучаетъ читающаго находить связь между явленіями, и самому группировать ихъ. Руководясь своей системой—доставить книгѣ общепонятность, авторъ заботливо старается указывать при всякомъ удобномъ случаѣ на явленія, заимствованныя изъ обыденной жизни, постоянно встрѣчающіяся намъ, но которыя тѣмъ не менѣе весьма часто проходятъ незамѣченными по самой ихъ обыкновенности. Мороженникъ, нянька съ ребенкомъ на рукахъ (стр. 33), плугъ (стр. 61)—все, ежедневно попадаетъ читателю въ глаза и онъ невольно приучается къ наблюдательности, къ стремленію рационально объяснить себѣ явленія, постоянно совершающіяся передъ его глазами. При этомъ мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ упустилъ изъ виду случай развить въ читателяхъ этотъ навыкъ, не воспользовавшись методомъ книги Гётца (*Die Elemente der Physik*), бывшей, какъ видно изъ предисловія, у него подъ руками. Въ означенномъ сочиненіи Гётца, послѣ каждой статьи предлагается для разрѣшенія читателей по нѣсколькимъ вопросамъ относящихся къ явленіямъ, которыя встрѣчаются въ ежедневномъ быту, и объясненіе которыхъ зависитъ отъ хорошаго усвоенія сказаннаго впереди, такъ-что изучающій, прочитавъ самую статью, на мѣстѣ же побуждает-

ся примѣнять прочитанное къ дѣлу и управлять своими знаніями съ толкомъ.

Изъ этого указанія системы, метода автора видно, что онъ заботился о приданіи своему сочиненію характера, согласнаго съ общаніемъ, выраженнымъ въ заглавіи. Книга его можетъ быть понятна и весьма полезна каждому изъ тѣхъ читателей, для которыхъ онъ предназначилъ ее. Конечно, съ ихъ стороны требуется чтеніе серьезное и внимательное, и авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому случаю, что для пріобрѣтенія познанія «мы должны работать умомъ и цѣлый рядъ познаній, составляющихъ науку (,) не можетъ быть пересаженъ ни въ чью голову, если только она сама не будетъ принимать участія при этой передачѣ (Пред. стр. II). Общепонятности способствуетъ и слогъ довольно легкій, аккуратный, и что главное, точный, за исключеніемъ, правда, нѣсколькихъ мѣстъ, гдѣ неясность, можетъ-быть, произошла отъ желанія высказаться слишкомъ ясно. На стр. 32 мы встрѣчаемъ: «Если подсовывать клинъ подъ какую-нибудь тяжесть, то она можетъ быть поднята только на высоту верхушки клина». Но вѣдь клинъ представляетъ собою наклонную плоскость, которая не можетъ совѣмъ поднять на воздухъ тяжести, а можетъ только приподнять ее, притомъ неровно—одинъ конецъ выше, а другой ниже, и первый конецъ только на высоту клина или до верхушки его, а не на высоту верхушки клина. Также на 33 стр. находимъ: «Вырѣжемъ изъ бумаги прямоугольный треугольникъ представляющій собою наклонную плоскость, основаніе которой равно объему (*обхвату*) цилиндра». Авторъ вѣрно хотѣлъ выразить то, что надо развернуть въ прямую линію кругъ, лежащій въ основаніи цилиндра, и эту прямую линію взять за основаніе прямоугольнаго треугольника, представляющаго собою наклонную плоскость, но слово *объемъ цилиндра* можетъ ввести въ заблужденіе: можно понять слово *объемъ* за вмѣстимость цилиндра, и тогда трудно представить себѣ такого рода прямоугольный треугольникъ. Слово *обхватъ* поставленное подлѣ въ скобкахъ, также недостаточно объясняетъ дѣло.

Перейдемъ теперь къ обзору книги въ отношеніи научномъ. Замѣтимъ, что въ Физикѣ г. Писаревскаго видно знакомство автора съ новѣйшими усовершенствованіями и иностранной ли-

тературой науки, такъ-что она (Физика) можетъ быть поставлена наравнѣ съ лучшимъ покуда сочиненіемъ въ этомъ родѣ Бирнбаума, *Populäre Naturlehre*. Въ разсматриваемой книгѣ изложено все, что относится къ подробному физическому курсу— а такая полнота есть одно изъ главныхъ достоинствъ всякаго сочиненія. Къ этому мы не лишнимъ полагаемъ присовокупить, что особенно полными и тщательно обработанными кажутся намъ статьи объ явленіяхъ интерференціи и дифракціи свѣта. Здѣсь все нѣсколько сбивчивые факты сопоставлены въ логическомъ порядкѣ, такъ-что читатель получаетъ полное и отчетливое понятіе объ разсматриваемыхъ явленіяхъ. При этомъ строгая соразмѣрность въ частяхъ еще болѣе придаетъ сочиненію увлекательности. Статьи изъ механики объяснены весьма кратко, на столько, сколько знаніе ихъ можетъ быть необходимымъ при изученіи физики.

Авторъ, собираясь издать въ непродолжительномъ времени учебники по прочимъ отраслямъ естественныхъ наукъ, считалъ лишнимъ знакомить читателей съ приложеніемъ физическихъ теорій въ этихъ наукахъ. Такъ все сказанное въ его курсѣ о дагерротипѣ и фотографіи даетъ объ этихъ важныхъ примѣненіяхъ физики понятіе весьма слабое и поверхностное. Онъ обѣщаетъ объяснить это въ химіи; но мы не понимаемъ, отчего же долженъ онъ исключить изъ физики то, что относится непосредственно къ ней: химія должна лишь вполне уяснить вопросъ, который физика передала съ возможною отчетливостію. То же должно сказать и объ объясненіи аэростатовъ, которые, при новѣйшихъ усовершенствованіяхъ, такъ сильно интересуютъ всѣхъ: въ предлагаемой Общепонятной Физикѣ должны бы быть объяснены главнѣйшимъ образомъ ихъ приложенія къ жизни. Равнымъ образомъ вопросъ, отчего двумя глазами видимъ мы только одинъ предметъ отнесенъ въ физиологіи; но отчего же не объяснить его вкратцѣ и въ физикѣ? Опытъ доказывалъ же досихъ-поръ, что это возможно, а между-тѣмъ при подобныхъ пропускахъ можетъ же случиться, что человекъ, который не будетъ имѣть возможности заняться физиологіей, на всегда остается въ блаженномъ невѣдѣніи этого вопроса, относящагося къ физикѣ. Далѣе; автору извѣстно конечно, какъ трудно начинающему изучать физику представить себѣ образованіе зву-

ка и свѣта, одного отъ сотрясенія воздуха, другаго отъ сотрясенія тончайшихъ частицъ ээира. Поэтому сопоставленіе въ строгой связи этихъ двухъ явленій можетъ много помочь изучающему. Физики весьма хорошо подмѣтили это сходство и точный выводъ его, разсмотрѣніе аналогіи между этими двумя явленіями заставляетъ насъ ближе знакомиться съ подробностями ихъ и объяснять себѣ одно другимъ. Наконецъ, еслибы г. Писаревскій сообщившій намъ все или, по-крайней-мѣрѣ, большую часть замѣчательныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ явленіяхъ гальванизма и электричества, вывелъ ближайшую связь, чтобъ не сказать тождество этихъ двухъ силъ изъ представленныхъ фактовъ, показалъ, что производимые посредствомъ гальванизма опыты, какъ-то: сожиганіе проволоки, разложеніе воды, индукцію, физиологическія дѣйствія и т. п. все можно повѣрить посредствомъ электричества, то конечно читатель научился бы изъ его книги глубже вникать въ сущность науки, и и отыскивать связь во встрѣчающихся ему явленіяхъ. Результаты недавнихъ опытовъ Мелони надъ теплопрозрачностью тѣлъ, опущены; упомянуть только приборъ, при помощи коего сдѣланы эти открытія. Затѣмъ нельзя не пожалѣть, что въ этой Физикѣ нѣтъ полного объясненія нѣкоторыхъ феноменовъ природы, наиболѣе извѣстныхъ каждому: радуги, ложныхъ солнцевъ, круговъ около солнца, сѣвернаго сіянія, голубаго цвѣта неба, и т. п. Нельзя не сознаться, что объ этихъ явленіяхъ должно растолковать въ физическомъ курсѣ.

Впрочемъ указанные нами промахи вполне выкупаются многочисленными достоинствами этого истиннѣ полезнаго труда. Еслибъ на долю рецензента доставались почаще подобныя книги, то вѣрно, ни одинъ рецензентъ не ропталъ бы на свои занятія.

19. ФИЗИКА ДЛЯ ПОПУЛЯРНАГО ЧТЕНІЯ, написанная В. Астраковымъ. Томъ первый. С.-Пб. 1851, въ 18 д. л.

Судя по содержанію перваго тома «Физики» г. Астракова, должно полагать, что она будетъ заключаться не менѣе какъ въ четырехъ или пяти томахъ, если только авторъ доведетъ ее до конца. Книга назначается для популярнаго чтенія, а написана отнюдь не популярнымъ образомъ: языкъ въ

ней тяжелой, такъ-называемый — книжный, и самое распределение предметовъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Возможно ли въ популярномъ руководствѣ начинать говорить съ читателемъ о самыхъ отвлеченныхъ туманностяхъ науки, не познакомивъ его предварительно съ самыми простыми фактами? А именно такъ поступаетъ авторъ лежащей предъ-нами книги. Всякій занимающійся физикою знаетъ, что въ недавнее время англійскій физикъ, Грове, предложилъ гипотетическую и еще отнюдь недоказанную теорію о тождествѣ невѣсомыхъ дѣтелей, — электричества, магнетизма свѣта и теплоты — съ тяжестью, химизмомъ и движеніемъ. Эта теорія, крайній выводъ философіи науки, можетъ быть умѣстною только въ самомъ концѣ полного спеціального курса, и, кажется, скорѣе принадлежитъ будущему десятилѣтію, чѣмъ настоящему состоянію физики. Но г. Астраковъ помѣстилъ ее въ самомъ началѣ своей книги, издавнй для популярнаго чтенія, тогда какъ и спеціальнй ученый можетъ иногда стать въ тупикъ при ея чтеніи.

Мы бы совѣтовали г. Астракову взять примѣръ съ г. Писаревскаго, *Общепопятная Физика* котораго дѣйствительно составляетъ прекрасное руководство для всѣхъ желающихъ познакомиться съ наукою. Г. Астраковъ, можетъ-быть, не приметъ нашего совѣта «*Vatum irritabile genus*». Впрочемъ мы слышали отъ книгопродавцевъ, что публика очень хорошо оцѣнила относительныя достоинства физики обоихъ авторовъ; а въ дѣлѣ такого рода на приговоръ публики нѣтъ апелляціи. Каждому воздается по его достоинству.

20. ХРОНОЛОГИЧЕСНЙ СВОДЪ достопримѣчательныхъ на Земномъ-Шарѣ событій, отъ Рождества Христова до нашихъ временъ, составленнй *А. Бѣльченковымъ*. Одесса.

Огромный и весьма полезный трудъ, за который нельзя не благодарить трудолюбиваго и умнаго составителя. Онъ обѣщаетъ издать вторую часть, въ составъ которой войдутъ тѣ событія, которыя извѣстны только по годамъ, безъ означенія мѣсяцовъ и чиселъ. Нельзя, однакожъ, не пожалѣть, что г. Бѣльченковъ раздѣлилъ такимъ-образомъ свой трудъ, и тѣмъ самымъ лишилъ его ясности и опредѣленности. Еще изумило насъ, что для повѣрки своего труда, онъ пользовался сочи-

ніемъ 1793 года, «*L'art de vérifier les dates des faits historiques*» и т. д., между-тѣмъ, какъ есть новѣйшія, болѣе полныя сочиненія, каковы: *L'art de vérifier les dates, ou la suite chronologique des événements remarquables depuis la création du monde jusqu'en 1828* или Бринкмейера «*Handbuch der praktischen Chronologie, besonders das Mittelalters*», 1843 года.

Какъ бы то ни было, но мы желаемъ полного успѣха дѣльному труду г. Бѣльченкова.

21. ОПИСАНІЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ СУШИЛЬНИ. изобрѣтенной стат. сов. *Шванебахомъ*, для сушки хлѣба въ снопахъ и зернѣ, крупѣ, муки, солода, льна, пеньки, фруктовъ и другихъ припасовъ. С.-П.-б. 1851. Съ 30 фигурами чертежей на V таблицахъ.

Еще понинѣ въ сѣверной и средней полосахъ Россіи, зерновой хлѣбъ подвергается искусственной сушкѣ въ снопахъ, какъ для чистаго вымолота, такъ и для сбереженія его отъ порчи на долгое время. Должно, однакожъ, признаться, что эта сушка совершается медленно, требуетъ большаго количества горячаго матеріала на топливо, и все-таки не представляетъ возможности просушивать зерновой овинный хлѣбъ, случайно подмокшій или приходящій въ порчу отъ лежанія въ сыромъ мѣстѣ. Къ-тому же, при плохомъ устройствѣ нашихъ овинновъ, перѣдко бываютъ они исходными пунктами разорительныхъ пожаровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сушка зерноваго хлѣба производится въ печахъ; но и она идетъ также медленно, переводитъ много топлива, а все-таки хлѣбъ отъ нея часто пересыхаетъ и дѣлается негоднымъ къ посѣву.

Что касается до южныхъ нашихъ губерній, то хотя хлѣбъ при жатвѣ достаточно высушивается въ снопахъ на полѣ, и для чистаго вымолота не требуетъ искусственной сушки, но храненіе его въ снопахъ скирдами, или сыромолотнымъ зерномъ въ магазинахъ и ямахъ, часто вовлекаетъ помѣщика и крестьянина въ значительныя убытки.

Постигая всю важность этого предмета въ-отношеніи къ сельскому хозяйству, народному продовольствію и торговлѣ, наше попечительное правительство давно уже обратило на него свое вниманіе. Но такъ какъ почти всѣ изъ предложенныхъ средствъ мало соотвѣтствовали цѣли, то Государю Императору, въ 1844 году, благоугодно было изъявить желаніе, чтобы Вольное Эко-

номическое Общество предложило задачу объ изысканіи и описаніи удобнаго и дешеваго средства для сушки и храненія, какъ зерноваго хлѣба, такъ и муки. Общество, съ благоговѣніемъ принявъ изъявленіе такого Высочайшаго желанія, немедленно распорядилось его осуществленіемъ, и сроки для представленія отвѣтовъ были назначены въ 1846 и 1848 годахъ. Но такъ какъ ни одинъ изъ представленныхъ отвѣтовъ не рѣшалъ удовлетворительнымъ образомъ вопроса, то срокъ конкурса продолженъ былъ Экономическимъ Обществомъ по 1-е января 1851 года.

Упомянутая задача родила въ г. Шванебахъ желаніе придумать способъ сушенія хлѣба и припасовъ, при помощи котораго эта операція вполне достигала бы своей цѣли, безъ всѣхъ вышеупомянутыхъ неудобствъ и опасностей, и могла бы войти въ употребленіе, не только между владѣльцами значительныхъ запасовъ, но даже между небогатыми помѣщиками и самими крестьянами, во всѣхъ губерніяхъ Россіи. Изобрѣтатель поставилъ себѣ за неизмѣнное правило, чтобы простота механизма его сушильни была доступна всякому, и чтобы ее можно было устроить при помощи тѣхъ матеріаловъ, которые находятся подъ руками въ сельскомъ быту.

Въ 1848 году, г. Шванебахъ устроилъ, близъ города Житомира, образцовую сушильню, и тогда же, въ присутствіи почетнѣйшихъ лицъ Волинской губерніи, произвелъ надъ нею опыты. Изъ официальнаго свидѣтельства, выданнаго изобрѣтателю, видно слѣдующее:

1) Въ сушильнѣ г. Шванебаха можно сушить всякаго рода хлѣбъ въ снопахъ и зернѣ, крупу, муку, солодъ, просо, ленъ, пеньку, фрукты, грибы, дерево и множество другихъ припасовъ, и вещей.

2) Сушильня отнюдь не подвергается опасности отъ огня.

3) Въ ней можно одновременно сушить, отнюдь не смѣшивая, различные припасы, принадлежащіе нѣсколькимъ владѣльцамъ.

4) По чрезвычайной простотѣ своей, сушильня можетъ быть устроена безъ всякаго пособія со стороны искусныхъ мастеровъ или машинистовъ. Въ ней нѣтъ ни машинъ, ни желѣзныхъ оковокъ, и все можетъ быть легко исполнено обыкновеннымъ столяромъ при помощи сельскаго печника.

5) За исключеніемъ печи, всѣ части, составляющія внутреннее

устройство сушильни, весьма легко можно разобрать, сложить и перевести на другое мѣсто; такъ-что нѣсколько сосѣдей, имѣя каждый строеніе по условленному размѣру, могутъ довольствоваться однимъ общимъ внутреннимъ устройствомъ. Каждый по высушкѣ своихъ запасовъ, можетъ пересылать это устройство сосѣду, а строеніе, въ которомъ помѣщалась сушильня, можетъ быть обращено временно подъ складъ припасовъ или подъ жилье.

6) Все количество хлѣба высушивается по способу г. Шванебаха совершенно равномернымъ образомъ, и остается постоянно и вполне годнымъ къ поѣвѣ.

7) Отъ воли владѣльца зависитъ впускать въ сушильню много или мало дыму, или сушить вовсе безъ сего послѣдняго; также самая степень теплоты уменьшается и увеличивается по произволу.

8) Величина и размѣры внутреннихъ частей сушильни зависятъ отъ воли владѣльца.

9) Въ образцовой трех-этажной сушильнѣ, длиною 13½ аршина, а шириною 12½ аршинъ, можно четырьмя работниками высушивать въ сутки 108 четвертей хлѣба; для чего, при непрерывной топкѣ достаточно 10 пудовъ соломы или 1⅓ кубическихъ аршинъ дровъ.

10) Владѣльцу, имѣющему собственный свой лѣсъ, своего домашняго столяра и печника, внутреннее устройство сушильни сейчасъ сказанныхъ размѣровъ можетъ обойтись въ 50 рублей серебромъ.

Вслѣдствіе такого свидѣтельства и по исполненіи другихъ установленныхъ закономъ формальностей, г. Шванебахъ получилъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ десятилѣтнюю привилегію на устройство своей сушильни.

Теперь г. Шванебахъ предлагаетъ всякому, кто пожелаетъ, предоставить право устроить и пользоваться изобрѣтенною имъ сушильнею, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Каждому владѣльцу частнаго населеннаго имѣнія, за плату въ пользу изобрѣтателя по 8 коп. сер. съ того числа душъ, которое числится за нимъ по уѣзду. Обществу или лицу, желающему пріобрѣсти право во всѣхъ частныхъ населенныхъ имѣніяхъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ, по 4 коп. сер., а въ цѣ-

лой губернии по 3 коп. сер. со всех ревизских душ помещичьих крестьянъ, въ той губернии числящихся. Купцамъ, заводчикамъ и промышленникамъ, желающимъ устроить сушильню въ городахъ и мѣстечкахъ, при фабрикахъ или складочныхъ мѣстахъ, предлагается приобрести право по обоюдному соглашению съ изобрѣтателемъ.

2) Желающіе приобрести право для собственнаго населеннаго имѣнія благоволятъ, вмѣстѣ съ опредѣленною платою, сообщить г. управляющему Волынской Палатою Государственныхъ Имуществъ, статскому совѣтнику Антону Антоновичу Шванебаху, въ городъ Житомиръ, свидѣтельство губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства въ томъ, что за ними въ томъ уѣздѣ числится столько-то душъ крестьянъ, и что право приобретаетъ для такого-то или такихъ-то имѣній населенныхъ. Желающіе получить право для всехъ частныхъ населенныхъ имѣній уѣзда или губернии благоволятъ сообщить свидѣтельство уѣздныхъ или губернскаго предводителей дворянства въ томъ, что по уѣзду или губернии числится столько-то душъ помещичьихъ крестьянъ.

3) Лицо или общество, получившее право на привилегію, можетъ въ границахъ имѣній, уѣзда или губернии, означенныхъ въ свидѣтельствѣ, строить сушильни безъ ограниченія числа ихъ.

4) Изобрѣтатель обязывается, по полученіи причитающихся ему денегъ и свидѣтельства о числѣ душъ, немедленно выслать надлежащее свидѣтельство на право устройства и пользованія, привилегированною сушильнею, а также сообщать поясненія требуемыя изобрѣтателемъ, и по возможности снабжать даже моделями главныхъ частей сушильни.

Къ сему г. Шванебахъ присовокупляетъ, что на основаніи законовъ, получившему привилегію изобрѣтателю предоставляется преслѣдовать судомъ всякую поддѣлку привилегіи, и искать удовлетворенія въ понесеніи отъ того убытка; а поддѣлкою признается также всякая перемѣна и даже улучшеніе существенной части, которая входитъ въ составъ привилегированнаго изобрѣтенія.

Изданная г. Шванебахомъ брошюра, по поводу которой мы распространились о его изобрѣтеніи, заключаетъ въ себѣ подробное описаніе трех-этажной сушильни во всехъ ея частяхъ,

и устройство для нея приличнаго зданія. Послѣ наставленій о устройствѣ всехъ подвижныхъ и неподвижныхъ частей своего изобрѣтенія, авторъ описываетъ дѣйствіе сушильни, и отдѣльно способы сушки зерноваго хлѣба и солода на поляхъ, сушки муки и крупы, фруктовъ, грибовъ и картофеля, сушки на жердяхъ хлѣба въ снопахъ, льна и конопли, и наконецъ досокъ, и разныхъ деревянныхъ издѣлій. Затѣмъ представляется вкратцѣ описаніе двухъ и одно-этажной сушильни.

Текстъ поясненъ пятью огромными таблицами, заключающими въ себѣ 30 чертежей, что необходимо для тѣхъ, которые бы хотѣли устроить сами у себя ново-изобрѣтенную сушильню.

Сообщая нашимъ читателямъ все эти свѣдѣнія, мы надѣемся, что изобрѣтеніе г. Шванебаха принесетъ немалую пользу отечественному сельскому хозяйству. Умѣренная плата, назначенная г. Шванебахомъ за пользованіе его привилегіею, свидѣтельствуется при этомъ о его безкорыстіи и желаніи быть по возможности полезнымъ своимъ соотечественникамъ. Съ своей стороны, желаемъ почтенному изобрѣтателю всевозможнаго успѣха, неразрывно связаннаго съ выгодами тѣхъ изъ сельскихъ хозяевъ, которые захотятъ воспользоваться новоизобрѣтенною сушильнею.

22. **КАРТОФЕЛЬ**, въ земледѣльческомъ, хозяйственномъ и мануфактурномъ отношеніи. Искусство разводить картофель во всякое время года, въ большомъ и маломъ видѣ, съ меньшими издержками и значительною выгодною, предохранять отъ болѣзней и порчи, сберегать въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, обращать въ пользу попортившейся, выгодно употреблять для откармливанья скота, и проч. *также*: готовить хлѣбъ, сыръ, масло, дрожжи, крупу, саго, ваксу, свѣчи, мыло, кофе, шоколадъ и крахмалъ, камель, по новѣйшимъ способамъ и открытіямъ, сдѣланнымъ въ Германіи, Франціи и Англии, и примѣненнымъ къ Россіи. Сочиненіе, извлеченное изъ лучшихъ современныхъ источниковъ и собственныхъ многолѣтнихъ опытовъ. Съ рисунками выгоднѣйшихъ новоизобрѣтенныхъ машинъ и снарядовъ. Въ двухъ частяхъ. Москва.

Уфъ! Вотъ заглавіе, такъ заглавіе! Что за чудное созданіе картофель! Чего нельзя сдѣлать изъ него? И шоколадъ, и свѣчи, и кофе, и ваксу, и мыло, и саго, и наконецъ цѣлый *бутербротъ*: хлѣбъ, сыръ и масло! Оно немножко монотонно, но зато выгодно. Какъ не вскрикнуть съ *знаменитымъ* по-этомъ-дилетантомъ-агрономомъ:

Картошка! харизь благословенный!

Разсказавъ исторію картофеля, авторъ говоритъ, что польза, приносимая картофелемъ, такъ очевидна, что не-зачѣмъ и говорить о ней. Напрасно. Намъ кажется, что не вдаваясь въ разныя мелочи, которыя можно почти назвать хозяйственными фокусами, авторъ могъ бы, на-примѣръ, вывести параллель прибыли отъ десятины земли, занятой подъ картофель, и отъ десятины, занятой подъ другое растеніе.

Такъ, на-примѣръ, въ губерніяхъ средней полосы Россіи, 2 р. 25 к. за казенную четверть ячменя считается весьма хорошею цѣною; положивъ въ четверти вѣсу $7\frac{1}{2}$ пудовъ (что можетъ вѣсить только чистый и хорошій ячмень), цѣна пуда будетъ 30 к. Цѣна эта уже высока, потому-что самая рожь бываетъ очень часто въ 30 к., и даже дешевле. Въ отношеніи же къ урожаю, весьма хорошій уже тотъ, когда ячмень дастъ въ общей сложности, самъ-восемь зеренъ; на десятинѣ нельзя высѣять его болѣе $1\frac{1}{2}$ четвертей, слѣдовательно, вся прибыль отъ занятой ячменемъ десятины выйдетъ въ 12, казенной мѣры, четвертей, или на деньги 27 р. с.

При той же добротѣ земли, горохъ, котораго на десятину ляжетъ только одна четверть, полагая урожай его въ 7 зеренъ, а цѣну полевому гороху по 4 р. за четверть казенной мѣры, дастъ 7 четвертей, т. е. 28 р. с.

Полагая урожай ржи, по общей сложности на хорошихъ мѣстахъ, въ 8 зеренъ, а высѣву 1 четверть на десятину, цѣною по 35 к. за пудъ, или за четверть казенной мѣры по 3 р. 15 к., всей прибыли отъ десятины получится 25 р. 20 к.

Овса ложится на десятину не болѣе 2 четвертей; считая урожай его въ 7 зеренъ, а цѣну полагая по 1 р. 50 к. за казенную четверть, барыша будетъ отъ десятины всего 21 р. с.

Самая пшеница, полагая урожай ея въ 10 зеренъ, а цѣну въ 4 р. с. за четверть казенной мѣры, дастъ только 40 р. отъ десятины.

О прочихъ хлѣбахъ, которые и не такъ урожайны, и гораздо дешевле, и которыхъ не должно даже и сѣять на жирной почвѣ,—нечего и говорить.

Картофель же можетъ произростать какъ на самой тучной,

такъ и на посредственно удобренной землѣ. При довольно рѣдкомъ сѣвѣ, какой обыкновенно употребляютъ, т.-е. черезъ соху, картофеля средней величины ложится на десятину не менѣе 10 четвертей казенной мѣры. Урожай его, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, на сильно-унавоженной землѣ или на хорошемъ лядѣ, можетъ иногда доходить до 20, а очень часто до 15, или до 12 зеренъ; но, по сравненію съ прочими посѣвами, положимъ его только въ 7 зеренъ. Цѣна картофелю весною 1 р. 50 к., нерѣдко 2 р. и даже болѣе. Возьмемъ только въ соображеніе, что изъ четверти картофеля выкуривается 2 ведра водки, между-тѣмъ, какъ для этого количества нужно 2 пуда и 25 ф. ржи; полагая рожь въ 35 к. за пудъ, цѣнность четверти картофеля выйдетъ въ 92 к.; помноживъ на 70 честв. урожая отъ десятины, получимъ прибыли 64 р. 40 к. Стало-быть, цѣнность урожая отъ десятины земли, занятой картофелемъ, будетъ превышать барышъ отъ такой же десятины, на которой были засѣяны:

Горохъ	—	36	рублями	и	40	копѣйками.
Ячмень	—	37	»		40	»
Пшеница	—	24	»		40	»
Рожь	—	39	»		20	»
Овесъ	—	43	»		40	»

и обратно, при томъ же количествѣ урожая, какое мы полагали для этихъ хлѣбовъ, потребуется отъ картофеля вмѣсто прибыли въ 7 зеренъ:

Противъ пшеницы только въ — $4\frac{1}{2}$ зерна.

» гороху — — — — 3 »

Ячменя еще нѣсколько менѣе.

» ржи — — — — $2\frac{3}{4}$ »

» овса — — — — $2\frac{3}{10}$ »

Съ намѣреніемъ указывая только на одну сторону пользы картофеля, мы спрашиваемъ автора подлежащей книги: не полезнѣе ли подобныя убѣдительныя доказательства тѣхъ фокусовъ, посредствомъ которыхъ можно получать зимою картофель на открытомъ воздухѣ?...

23. **ЗАКОНЫ О СОХРАНЕНИИ** и продолженіи человѣческой жизни, предложенные знаменитымъ англійскимъ врачомъ *Самуиломъ Ламертомъ*. Авторъ предостережен. (?) (которыя въ Англии были раскуплены въ количествѣ 37,000 экзем.), съ присовокупленіемъ анатоміи человѣка съ рисунками. Въ двухъ частяхъ. Москва.

Несмотря на безграмотное заглавіе, въ которомъ, впрочемъ, виноватъ не авторъ, книга эта заключаетъ въ себѣ много дѣльныхъ наставленій. Напрасно авторъ не избралъ своей книгѣ эпиграфомъ короткія и ясныя правила одного извѣстнаго англійскаго медика:

Голова должна быть холодна, ноги теплы, животъ не обремененъ; съ этимъ можно обойтись безъ лекарствъ, и даже— безъ наставленій г. Ламерта, съ присовокупленіемъ анатоміи *человѣка съ рисунками.*

24. **ЖЕЗЛЪ ПРАВОТЫ.** Сочиненіе и труды *Анаевова*. Въ пользу любящихъ словесность. С. Петербургъ.

Послѣ Фауста, *вольнопреданнаго* г. Овчинниковымъ, *сочиненіе и труды* г. Анаевова занимаютъ, безспорно, первое мѣсто. Выписываемъ мѣста, которыя намъ особенно понравились:

ЧЕЛОВѢКЪ!

• Драгоценныя и нужныя для тебя способности на украшеніе природы и самого себя, *требуютъ ошутительнаго твоего занятія* и, при быстромъ теченіи твоей юности, *долженствуетъ собрать тебѣ плоды отъ зеленой роши.*»

Вы, можетъ-быть, желаете знать, отчего у насъ въ такой модѣ итальянская опера? Г. Анаевскій объяснитъ вамъ это:

«Музыка уничтожаетъ язвы. Вообразите! Если кого изъ *человѣковъ* ужалитъ тарантулъ, то степень опухоли и безумство въ больномъ увеличиваются и одинъ сонъ для него есть утѣшеніе и доводитъ его въ такое состояніе, что онъ долженъ отъ чрезвычайной опухоли умереть. Но если *чувствительная музыка* подѣйствуетъ на его воображеніе—растрогаетъ его чувство такъ, что онъ проснется, *услышавъ веселости ея*, начинаетъ въ безумствѣ плясать до усталости, — *всю опухоль тѣмъ самымъ съ себя вытрехнеть.* И, если чрезъ нѣсколько часовъ повторится еще музыка, начиная оную *Andante piano*, потомъ *Allegro fort*, то уязвленный совершенно можетъ освободиться отъ болѣзни и придти въ прежній разсудокъ. Вотъ какаа польза отъ музыки.—Ее каждому полезно знать. Она *полнокровныхъ въ кадрыляхъ и пльнѣмъ трасируетъ* (?) потому, что чрезъ *напряженіе силъ и органа, производится въ нихъ лектризація* (!) и имѣ послѣ того бываетъ легче.»

Одна эта похвала музыкѣ можетъ *трасировать* и производить *лектризацію.*

Отъ музыки прямой переходъ къ *пнтькѣ.* Вотъ что говоритъ г. Анаевскій:

• Не всякому дано отъ природы быть поэтомъ. *Правила* (?) *поэзіи доставляютъ удовольствіе.* Поэзія *произошла отъ звука, музъ и пльнѣ.* Желающіе выразить по чувствамъ свои мысли, должны знать *Граматику, Реторику, Поэзію* и заниматься чтеніемъ лучшихъ писателей.»

Далѣе онъ прибавляетъ:

• Поэты должны, (?) *сочиненіемъ своимъ обращать на себя вниманіе, приводить каждаго въ восторгъ; чрезъ что и будутъ ихъ уважать, а безъ того лучше не писать.* (Что правда, то правда!)

На основаніи этой аксіомы, г. Анаевскій представляетъ образчики своихъ стихотвореній:

Пишите вы стихами
И острыми словами,
Съ пріятнымъ выраженіемъ,
Доставьте смѣхъ твореньемъ.

Смѣемся отъ души!

Мухи скакали.
Мухи плясали.
Всѣ полетѣли.
И ужъ заплѣли.
Мухи рѣзвились
И веселились:
Пищу сыскали.
Въ деготь попали,
Ночи связали
И всѣ пропали.

Наивность, глубина мысли и изящное изложение. Но — чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ:

Мы родные братья,
Любимъ перны платья.
Нѣженъ такъ ровно и стихъ,
Если самъ онъ не спѣсивъ,
И имѣвши свой разрядъ,
Къ роду своему для музъ,
Сдѣлавъ изъ себя союзъ.

Смѣшно было бы разсыпаться въ похвалахъ этимъ *трехъ-стопнымъ хорическимъ* стихамъ. Это не стихи, а — музыка; это — *Allegro fort.*

Отъ поэзіи почтенный авторъ переходитъ къ прозѣ, къ дѣйствительности. Судя по словамъ самаго г. Анаевского, онъ когда-то написалъ *Юродиваго мальчика* и *Мандрагору*. Мы не читали этихъ сочиненій, но г. Анаевскій говоритъ, что нашли люди, которые дерзнули найдти мнимые недостатки въ этихъ трудахъ. Мѣткая, рѣшительная антикритика служитъ возраженіемъ и доказываетъ, что недостатки были не въ трудахъ г. Анаевского, а въ самой критикѣ. Вотъ одинъ образецъ:

Вы сказали, что Мандрагора напечатана въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли; *напротивъ* (?) она отпечатана въ типографіи Департамента Военныхъ Поселеній....

Послѣ такого *напротивъ*, критикъ остается молчать и покаяться въ незнаніи — грамматики. Критика была недовольна слогомъ г. Анаевского. На это онъ отвѣчаетъ такъ же рѣшительно:

«Въ Юродивомъ мальчикѣ и Мандрагорѣ слогъ *кажется* пріятенъ и во всей красотѣ изображенъ живо и совсѣмъ не грубо».

И чтобы нанести критикѣ послѣдній ударъ, г. Анаевскій сочинилъ слѣдующую *Хорическую басню* подъ № 1.

ОРЕЛЬ И КРОТЪ.

Кротъ хотѣлъ съ Орломъ сравняться,
Сталъ предъ нимъ ужъ похваляться:
Говорилъ: я ровну честь съ тобой имѣю;

Но летать лишь не умѣю;
Да что въ твоемъ полетѣ?
Если не умѣешь жить на свѣтѣ.
Я — то въ кроткой хижинѣ сажу.
На свой трудъ гляжу.

А ты съ гордостью садишься на Ливанъ!
Тутъ Орель вскричалъ: молчи слѣпой болванъ.

Сгинь съ глазъ! въ нору, въ нору,
А то безъ разбору,
Въ когти попадѣшься:
Тутъ и задохнешся.

Такъ не рѣдко, кто богатство собираетъ,
Честь къ себѣ лишь простираетъ;

Сравнивается съ тѣмъ, кто свѣтъ облетаетъ,
На верху Ливана въ красотѣ онъ сталъ.
Какъ Орель летитъ все выше....
Кротъ! ты долженъ говорить потише*.

Переходя опять отъ пріятнаго къ полезному, авторъ говоритъ:

«Поэзія для себя требуетъ: 1) Природныя дарованія. 2) Науку ея знанія. 3) Упражненіе. 4) Знаніе другихъ наукъ. 5) Подражаніе авторовъ.»

Коротко и ясно.

Послѣ многихъ весьма забавныхъ и занимательныхъ басенъ, авторъ представляетъ образчикъ *Повѣсти*:

Амуръ прекрасное дитя,
Вѣнкомъ кидается шутя,
И дѣвушка бьется,
Отъ нихъ бѣжить, стыдится,
И съ пташками лишь онъ играетъ.
Златыми крыльями ихъ обнимаетъ.

* Съ подлиннымъ вѣрно. Свидѣтельство корректора

Такъ Лиза говорила, —
Но вдругъ стрѣла её пронзила,
И Лиза стала безъ ума.

Отколь ей грусть: не можетъ знать сама.

Недурно и начало *Идилліи*:

Поднимитесь пташки на высоки горы? (?)
Съедините толпы свои хоры? (??)
Пойте окруженный холмъ водами —
И ярлицей сильный вихрь съ волнами? (??)

???

Эпиграмма.

Кто друга *бахусомъ* ругаетъ,
Тотъ самъ въ себѣ не примѣчаетъ,
Что искренній *вспѣхъ* дѣлаетъ его *пѣвецъ*;
Самъ носить виноградный на главѣ *вѣнецъ*.

Основываясь на опредѣленіи автора, мы бы желали знать, что выражается этой эпиграммой: *добродѣтель, счастливый успѣхъ* или *разумное содѣйствіе*?

Анаграмма.

Овцы ожидаютъ — стража къ смѣнѣ,
И собака, гдѣ лежитъ на снѣгѣ,
Тамъ все сѣно лишь гниѣтъ;
Но собака мнѣтъ его — овцамъ нисколько не даетъ.

Очень мило, только гдѣ же тутъ *анаграмма*?

Нельзя же предположить, что г. Анаевскій не знаетъ, что анаграммой называютъ перестановку буквъ одного или несколькихъ словъ? Напримѣръ: *мода* и *дома*. Какъ мы ни старались, но въ анаграммѣ г. Анаевского не нашли только одного — анаграммы.

Пропуская милые сонеты, съ острыми, важными и благородными мыслями, неподражаемые рондо, мадригалы, въ родѣ конфектныхъ билетиковъ:

Мы съ тобой не въ равной долѣ.
Я тебя люблю, — ты ненавидишь болѣ...

останавливаемся на мгновеніе на загадочномъ названіи *Эблеммы*, изображающей *человѣка* по платью и описывающей его *желаніе*, и переходимъ къ *загадкамъ*. Одна изъ нихъ дѣйствительно *загадочная загадка*:

Кто худо жнѣтъ,
Тотъ самъ себя ужъ бѣтъ.

Г. Анаевскій увѣрляетъ, что пародныя пѣсни сочиняются *весело и откровенно* и что *арія* тоже пѣснь, но воспѣвающая только дѣла великихъ людей. По мнѣнію *Жезла*, *господинъ Ломоносовъ* сочинялъ гимны и канты, а *господинъ Сумароковъ* написалъ нѣсколько гимновъ, но безъ нотъ, и потому они остались въ неизвѣстности. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Анаевскій прилагаетъ рецептъ для возбужденія *вдохновенія*:

«Когда мысли приходятъ при сочиненіи въ *иступленіе*, то нужно прибѣгать къ музыкальному инструменту и играть съ *энтузіазмомъ* такъ, чтобъ растрогать чувство и воображеніе; чрезъ что и можетъ *возродиться вдохновеніе*.»

Мы увѣрены, что *Жезлъ* написанъ подъ «энтузіазмическіе звуки гитары, *дорическіе* звуки которой производятъ *гордость*, а *сантиментальныя* тоны придаютъ *человѣку умовоображеніе*.»

За пѣтлическими опытами слѣдуютъ глубокомысленныя умовоображенія, въ которыхъ разсказывается, между прочимъ о *наукахъ*, которые *сходятъ съ ума*; о томъ, что *человѣкъ имѣетъ даръ*, рукою *выражать гармонию*, потому-что онъ *имѣетъ на рукѣ пять пальцевъ* и потому-что рукою *даются кадансы*, ударяются въ *тимпаны* и *дѣлаются размѣры нотъ*; о томъ, что *столичный городъ Азіи* — *Граникъ* и о многихъ *другихъ филосовахъ*. Книга заключается *острою мыслию* и *событіемъ въ Лондонѣ*.

И все это заключается въ маленькой книжечкѣ, въ 16-ую долю листа, и на 146-ти страницахъ! И эта *библиографическая рѣдкость* стоитъ бездѣлицу: *три рубля сер.*! Въ заключеніе нашего разбора мы приведемъ объявленіе самаго автора о выходѣ его сочиненія:

«НОВАЯ КНИГА: *ЖЕЗЛЪ*, содержитъ острия мысли, изложеніе, что есть *жезлъ*? *Любознательныя событія*, занимательныя

стихотворенія, правила поэзіи; избранныя мѣста знаменитыхъ авторовъ и увеселительныя басни. — На сихъ дняхъ она вышла изъ печати. Желающіе имѣть ее благоволили-бы благовременно пріобрѣтать ее въ книжныхъ магазинахъ на Невскомъ просп., Бабунова и въ Пассажѣ № 23, въ библіотекѣ Лейброка, Печаткина, или въ Садовой, № 3 и 4, Лисенкова, и въ книжной лавкѣ, № 8, Сазонова, со внесеніемъ по три руб. сер. потому, что ее печаталось только одинъ заводъ; но подписалось уже болѣе 200 чел.; а опоздавшіе подобно прежнимъ востребованіямъ сочиненія моего, подъ заглавіемъ Юродиваго мальчика, *воспѣваго въ льсахъ Трегуляя*, могутъ остаться безъ удовлетворенія, и я по необходимости, за остатки того творенія вмѣсто предъявленной цѣны по 2 р., долженъ былъ брать уже по 7 р. с. и тѣмъ лишилъ ближнихъ пріятелей подарковъ, а опоздавшія требованія, при всемъ моемъ желаніи, за выходомъ всѣхъ экземпляровъ не могъ удовлетворить. Авторъ Жезла, Надворный Совѣтникъ Аонасіи Анаевскій.»

Нужно ли послѣ этого распространяться еще о неоспоримыхъ достоинствахъ *сочиненія и трудовъ* г. Анаевского?

25. **СВЯТОЧНЫЕ РАЗСНАЗЫ.** Соч. *Чарльза Диккенса*. Четыре части. Москва.

26. **ВОЛШЕБНИЦА ПРИБРЕЖЬЯ.** Романъ *Поля Февала*. Въ четырехъ частяхъ. Москва.

27. **МЕРТВАЯ ГОЛОВА.** Романъ *Александри Дюма*. Переводъ съ французскаго. Три части. Москва.

Три переводные романа московскаго издѣлія, для которыхъ найдутся и читатели и покупатели. Первые два изданы опрятно и переведены несовсѣмъ дурно; въ послѣднемъ и бумага, и шрифтъ и переводъ находятся въ трогательномъ согласіи.

СМѢСЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ ПСКОВЪ И НИКАНДРОВУ-ПУСТЫНЬ.

ВЪ 1849 ГОДУ.

Отъѣздъ изъ Дерпта. Рѣка Великая. Снѣжная гора. Пріѣздъ въ Псковъ. Кончина архіепископа Наананіа. Рѣчь Софронія; обрядъ погребенія архіепископа. Воспоминаніе о Симонѣ Тодорскомъ. Село Любовець. Игуменъ Платонъ и профессоръ Карусъ. Важность Дерпта въ медицинскомъ отношеніи. Никандрова-пустынь. Архимандритъ Веніаминъ. Преподобный Никандръ; его жизнь, судьба его обители. Возвращеніе въ Дерптъ и славянскія бесѣды.

Мы выѣхали изъ деревни Юрьева Ливонскаго, нынѣшняго Дерпта 30 іюля въ 6 часовъ утра. День полуясный обѣщаль однакоже хорошую погоду. На пароходѣ было довольно пассажировъ, пріѣзжихъ гостей изъ Пскова къ намъ въ Дерптъ—русскихъ дворянскихъ семействъ—для совѣта съ врачами или изъ удовольствія. И въ-самомъ-дѣлѣ пріятно въ 12 часовъ проѣхать нѣсколько десятковъ верстъ, любуясь разнообразіемъ окрестныхъ видовъ. На правомъ и лѣвомъ берегу Эмбаха, мызы ливляндскихъ помѣщиковъ; между ними, въ 17 верстахъ отъ Дерпта, мыза О. В. Булгарина на самомъ берегу: домъ выходитъ къ рѣкѣ въ садъ, и съ балкона можно видѣть проходящія суда. Наконецъ, вотъ расширяются границы воды круто вправо и влѣво, и вдругъ предстаетъ глазамъ обширный горь-

зонтъ озера, окаймленнаго съ правой стороны зеленѣющими берегами. Мы держали путь вправо, ближе къ берегу, по направлению къ Пскову, перерѣзывая только конецъ Чудскаго-озера къ протоку или сѣуженію его, соединяющему съ нимъ озеро Псковское. И вотъ стали замѣтны берега справа и слѣва; мы уже проѣхали версть 60 отъ Дерита. Слева Гдовской уѣздъ, справа Псковской; вдаль зеленѣется островъ Жемагга—виталице рыбаковъ, а рыбаки здѣсь все прибрежные жители озера. Ёдемъ далѣе: направо, островъ Таланскъ (Долобскъ), за нимъ на берегу Спасо-Елизарьевъ Великопустыньскій монастырь. Верстахъ въ 15 отъ острова, устье рѣки Великой; высокой правый берегъ осѣняетъ ее, тогда какъ лѣвый разстилается низменно у самой воды; мѣстами, уже оба они возвышаются слоями плитняка и песку, покрытаго роскошною зеленою травой и рошъ. Какъ живописно на самомъ берегу стоитъ церковь древней русской архитектуры, а за нею господскій домъ и усадьба. Это—имѣніе помѣщика Назимова. Еще нѣсколько верстъ все тѣже высокіе берега, и на правомъ изъ нихъ красуется имѣніе г. Пальчикова; къ этому помѣстью рѣка Великая притекаетъ заливомъ. Величественно разливаясь тутъ почти на полверсты въ ширину, она дѣлаетъ понятнымъ свое названіе: дѣйствительно, великая рѣка по своему полноводному, широкому, во многихъ мѣстахъ, теченію и по высокимъ берегамъ своимъ. Солнце заходило, играя въ спокойной водѣ пурпурными лучами, когда мы завидѣли на лѣвомъ берегу небольшой лѣсъ и, среди его, высокую колокольню: это Свѣтная-гора* и на ней монастырь, основанный еще въ XIII вѣкѣ, а можетъ-быть и раньше. Нынѣ мѣстопробываніе архіепископа.

Но тебя уже тамъ не было, кроткій архипастырь! Ты почивалъ непробуднымъ сномъ въ соборномъ храмѣ, гдѣ такъ часто, въ продолженіе 15 лѣтъ, изливались твои молитвы и благословенія на паству твою!

Я слышалъ уже, что архіепископъ Наѳанайль былъ болѣнъ и оправился; но зная преклонность его лѣтъ и частыя болѣзни въ послѣдніе два года, я съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на окно архіерейскаго дома; тайный голосъ говорилъ мнѣ, что его уже нѣтъ тамъ, въ этомъ величественномъ святомъ уединеніи, которое столько было имъ любимо. За Свѣтною-горою явственно показался Псковъ: направо, величавый Троицкій-соборъ обрисовывался на горѣ, господствующей надъ

* Такъ названная отъ лежащихъ въ рѣкѣ свѣтковъ, у подошвы ея.

всѣмъ городомъ, съ остатками древнихъ стѣнъ Кремля или дѣтинца, обходившихъ оную. Миновавъ сперва Иоанно-Предтеченскій женскій монастырь, мы подѣхали къ городскому мосту, возлѣ котораго и остановились. Направо, лежало предъ нами Завеличье, епредмѣстье города, а направо самый городъ, окруженный древнею стѣною, видѣнъ былъ изъ-за нее, начинаясь отъ соборной горы.

Извозчикъ, который повезъ меня въ гостиницу съ парохода, сказалъ мнѣ о смерти преосвященнаго. Онъ передалъ мнѣ вѣсть эту съ такимъ выраженіемъ голоса, какъ-будто уливлялся, что умеръ святитель, близкій алтарю Господа и молитвенно столь часто соединявшійся съ Источникомъ воскресенія и безмертія. Такое чувство народа оправдывала безупречная жизнь Наѳанайла. Кротость, незлобіе, смиреніе, нестяжательность, воздержаніе жили въ его душѣ и дѣлахъ. По смерти его, какъ я послѣ слышалъ, осталось только нѣсколько рублей сер., а изъ вещей только одна бібліотека имѣетъ цѣнность. Издержки погребенія, при такой евангельской бѣдности архіепископа, приняли на свой счетъ настоятели монастырей.

Всенощная уже кончилась; я поклонился гробу усопшаго, стоявшему среди собора на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ облачаются архіереи. Въ полномъ облаченіи, лицо закрыто воздухомъ, лежалъ святитель Наѳанайль во гробѣ; а духомъ, конечно уже соединялся съ Тѣмъ, къ Кому въ семь же храмъ возносилъ духъ молитвенно за себя и за паству свою.

Погребеніе преосвященнаго совершено на другой день, въ воскресенье, послѣ литургіи. Трогательнъ былъ печальный тонъ пѣнія на самой литургіи! По окончаніи ея, іеромонахъ Софроній, профессоръ псковской семинаріи, говорилъ рѣчь. Изложилъ кратко все пройденное усопшимъ служеніе Церкви и Отечеству, какъ наставника и образователя юношества, какъ архипастыря и какъ христіанина, онъ увѣщевалъ не скорбѣть (по слову апостольскому), объ умершемъ, ибо жизнь его представляетъ исполненіе добродѣтелей христіанскихъ сообразно его обязанностямъ, и служить ручательствомъ, что онъ упокоится въ селеніяхъ праведныхъ. Преимущественно восхвалены были по достоянію незлатолюбіе покойнаго архіепископа и милосердіе его къ бѣднымъ: каждый день въ домѣ его раздавалась милостыня нищимъ. Часто онъ отдавалъ неимущимъ даже изъ платья своего что-нибудь, никогда не отказывая и въ не большихъ сум-

махъ денегъ, если только имѣлъ самъ, ибо доходы его были не велики.

Погребеніе совершали четыре архимандрита, протоіереи и нѣсколько священниковъ. Торжественный обрядъ, одинаковый съ священническимъ, начался пѣніемъ 118 псалма и общихъ погребальныхъ стиховъ—«Благословенъ еси Господи» и «Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни». Послѣ пѣнія стиховъ умоляющихъ Господа, да ущедритъ, да устроитъ насъ благо-потребными сосудами, и призывающихъ Св. Духа, читались Апостолъ и Евангеліе, какіе обыкновенно читаются на погребеніи мірянъ, и потомъ молитва объ упокоеніи души усопшаго «да о нихъ же трудился въ мірѣ семъ, имени ради Твоего, приметъ богатное воздаяніе въ обителяхъ святыхъ Твоихъ,» и стихи, воспоминающіе непостоянство и скоротечность жизни нашей. И снова Апостолъ и Евангеліе, содержаніемъ своимъ утѣшающіе въ успеніи святителя, показывая, что смерть, вшедъ въ міръ первымъ человѣкомъ, побѣждена послѣднимъ Адамомъ І. Христомъ, чрезъ Его крестную смерть; и что слушающій словеса Іисуса Христа и вѣрующій въ посланнаго Его, имать животъ вѣчный и на судъ не придетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ. Затѣмъ послѣдовали еще три Апостола и три Евангелія, а между ними молитвы и стихи, исполняющіе душу сладкимъ умиленіемъ печали, безутѣшной для человѣческой природы, постепенно исчезающей въ горячей вѣрѣ и упованіи будущей жизни, такъ-что и печаль, кажется, только усиливаетъ чувство неземной радости, побѣждающее и послѣднюю препону—смерть.

По исполненіи Апостоловъ и Евангелій, молитвъ и стиховъ, читанныхъ и пѣтыхъ между ними, начали пѣть канонъ съ ирмосами великой-субботы «Волною морскою»; наконецъ еще были пѣты многіе стихи, исполненные скорби и утѣшеній,— скорби, да презрѣмъ суету житія земнаго, ясно видя, какъ не прочно все временное, какъ исчезаетъ, подобно сну, все, что въ жизни кажется славнымъ и великимъ,—утѣшеній, да взирая на воскресшаго Господа Его крестной смерти, не убоимся печалей креста, возложеннаго на насъ заповѣдію Христа Бога нашего, не убоимся и смерти, ожидая воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Тогда приступилъ ко гробу усопшаго архимандритъ Антоній, ректоръ псковской семинаріи, и изъ устъ его излилося слово отъ сердца—слово Христова мира.

Какъ бы отъ лица умершаго архіерея, почтенный ректоръ Антоній кротко и любвеобильно увѣщевалъ всѣхъ помнить заветы Христа Бога, и поминать въ молитвахъ смиреннаго

святителя, съ неизмѣнною любовію къ паствѣ своей уже представшаго къ престолу единого добраго Пастыря. Прочитавъ разрѣшительную молитву, и отдавъ послѣднее цѣлованіе, священники подняли гробъ святителя. Тогда началось пѣніе ирмосовъ великаго канона покаянія «Помощникъ и покровитель»; ими напоминалось о великомъ покаяніи, которымъ каждый изъ христіанъ долженъ готовиться къ вѣчному покою. Съ такимъ умпительнымъ пѣніемъ понесли священники гробъ архипастыря полнымъ ходомъ, вокругъ церкви. Три раза они останавливались для чтенія литіи надъ усопшимъ, потомъ внесли гробъ въ усыпальницу, находящуюся подъ соборною церковію, гдѣ погребаются всѣ архіереи.

Мы вступили въ темный подземный корридоръ, освѣщенный, между гrotами по сторонамъ, свѣтильниками. Въ концѣ отдѣленіе, куда входятъ чрезъ двери: тамъ есть одно окно; туда въ самый конецъ внесли гробъ и съ молитвою поставили на приготовленное мѣсто, сложенное изъ кирпича, имѣющее съ одной стороны кирпичную же стѣнку. Къ этой стѣнкѣ поставили гробъ, и, заключивъ погребальныя молитвы, вышли всѣ, духовенство и народъ, оставивъ каменщиковъ вывести сводъ поверхъ гроба, который и остался заключеннымъ въ маломъ кирпичномъ склепѣ. Онъ помѣстился четвертымъ на правой сторонѣ, въ ряду другихъ трехъ склеповъ, принадлежащихъ усопшимъ преосвященнымъ, которыхъ имена неизвѣстны, кромѣ одного, впереди стоящаго склепа преосвященнаго епископа Симона Тударскаго. Это былъ одинъ изъ отличныхъ филологовъ и ориенталистовъ въ прошедшемъ вѣкѣ, и потомъ удостоился чести быть наставникомъ Петра III. Склепъ епископа Симона, украшенный парчевымъ покровомъ, оглашается усердными молитвами, панихидами. * Тутъ, впереди склепа преосвященнаго Наѳанаила, возлѣ склепа архіепископа Симона, находится столъ, на которомъ предъ иконою возжигаются свѣчи во-время панихидъ. Подземные своды погребальной пещеры и столъ неволью пересселяютъ мысль въ первые вѣка христіанства, когда вѣрные укрывались молиться въ подземныя пещеры, и на гробахъ мучениковъ совершали таинственную трапезу.

* Архіепископъ Симонъ Тодорскій былъ основателемъ священной филологіи въ Россіи. По окончаніи наукъ въ Кіевѣ (въ 1727 г.), пишетъ авторъ «Исторіи Русской Церкви», Симонъ имѣлъ охоту и твердость провѣсти десять лѣтъ за-границею, и всего болѣе въ Галле. Онъ слушалъ тамъ съ большою ревностію экзегетику, догматику, особенно-же изучалъ языки греческій,

Исполненный умиления, я возвратился въ свою квартиру, молясь въ сердцѣ за усопшаго архинастыря, да упокоитъ его Господь въ нѣдрахъ Авраамовыхъ—по вѣрѣ его, и дастъ ему часть незлобивыхъ за благодѣтели души его.

Не стану описывать Псковъ, потому-что не имѣлъ времени осмотрѣть его подробно, спѣша въ Никандрову-пустынь, посѣтить знакомаго мнѣ игумена, и помолиться у мощей преподобнаго Никандра. Благовѣщенская Никандрова общежительная пустынь, находится въ Порховскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ Пскова, къ востоку. Я пріѣхалъ въ монастырское сельцо Любовецъ, въ 7 верстахъ отъ монастыря. Тутъ жилъ, по несовершенному еще исцѣленію отъ болѣзни своей, мой знакомый отецъ-игумень, въ домицѣ, который окруженъ садомъ. Не вдалекѣ небольшая деревянная церковь кладбищенская; въ ея оградѣ погребаютъ умершихъ изъ братіи монастырской. Игумень Платонъ, четыре года тому, былъ настоятелемъ этого монастыря; но тяжело заболѣлъ. Въ крайне болѣзненномъ состояніи, по совѣту знающихъ людей, отправился онъ въ Дерптъ. Здѣсь имъ занимался профессоръ Вальтеръ два мѣсяца; а потомъ профессоръ Карусъ почти четыре года. Постоянное, терпѣливое, леченіе почтеннаго профессора Каруса, и столь же постоянное терпѣніе и христіанское благодушіе больнаго, съ помощію Божіею достигли своей цѣли: тяжкая едва излечимая болѣзнь

еврейскій, халдейскій, сирскій и арабскій, столь нужные для уразумѣнія В. Завѣта. Отличный гамльскій профессоръ восточныхъ языковъ, Михаэлисъ, былъ руководителемъ Симона, и Михаэлисъ отозвался въ дипломѣ Симона съ самой отличной стороны объ его успѣхахъ въ восточныхъ языкахъ. Нѣмецкій языкъ былъ для Симона почти какъ родной, когда, въ 1738 году возвратился онъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ открылъ классъ филологіи еврейской, греческой и нѣмецкой, до него неизвѣстной въ Кіевѣ; а въ 1742 г. онъ вызванъ былъ въ наставники Петру III, по Православному ученію вѣры. Хотя такимъ образомъ поприще его, какъ наставника филологіи, продолжалось недолго, но онъ успѣлъ оставить достойныхъ учениковъ (изъ нихъ Варлаамъ Лящевскій и помощникъ его, Слонимскій были главными сотрудниками при послѣднемъ исправленіи славянской Библіи, въ 1751 г.), и не прекращалъ занятій своихъ по восточнымъ языкамъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ писалъ разныя изслѣдованія по восточной филологіи (изслѣдованія его, доселѣ неизданныя, остаются остаются рукописными въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ). Бывъ членомъ Синода и (1743 г.) архіепископомъ псковскимъ, онъ возбудилъ въ другихъ ревность къ св. филологіи, и эта ревность довольно жива была и послѣ его кончины, въ 1754 г., во Псковѣ. (Истор. Р. Ц. Еп. Р. Филарета V).

медленно, почти незамѣтно исчезала, и наконецъ прекратилась, оставивъ только слабость въ ногѣ, такъ-что безъ костылей выздоровѣвшій еще не можетъ ходить. Безъ сомнѣнія, въ-продолженіи года, нога укрѣпится совершенно. *

Такъ, Дерптъ составляетъ общую лечебницу сосѣднимъ губерніямъ, и всякаго званія люди принимаются здѣшними докторами съ христіанскою готовностію; нѣкоторые изъ духовнаго званія, по бѣдности своей, были вспомооществуемы тѣмъ-же докторомъ, у котораго лечился. Благодаря благотворной дѣятельности христіански образованныхъ врачей здѣшнихъ, въ Дерптѣ почти постоянно найдете лечащихся; чаще всего дворянскія семейства изъ сосѣднихъ губерній.

Уединенно провелъ я четыре дня въ Любовцѣ. Тутъ хозяйство пустыни: скотный дворъ, вокругъ поля, съ которыхъ убираютъ почти всегда безъ платы, изъ усердія, крестьяне сосѣднихъ деревень, собираясь разомъ человекъ по двѣсти. Безъ сомнѣнія, и монастырь, имѣя значительные лѣса, не оставляетъ ихъ безъ помощи, въ случаѣ нужды.

Подъ вечеръ, наканунѣ Преображенія, пріѣхалъ въ монастырское село отецъ-казначей, постоянно наблюдающій тутъ за всѣми работами. Въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ за мною. Я тотчасъ собрался; въ легкой одноколкѣ мы отправились въ недалній путь. Все семиверстное разстояніе надобно ѣхать лѣсомъ, принадлежащемъ монастырю. Этотъ лѣсъ весь выросъ на болотѣ; вправо и влѣво, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ, обработанныхъ для хлѣбопашества, уже недавно виднѣются топи и даже озерки меж-

* Игумень Платонъ, малороссіянинъ, изъ духовнаго званія. Десяти лѣтъ, онъ былъ приведенъ отцомъ своимъ, овдовѣвшимъ священникомъ, въ кievской Михайловской монастырь, откуда, по смерти отца, по собственному желанію, отправился, 16-ти лѣтъ отъ-роду, въ Никандрову-пустынь. Здѣсь вскорѣ онъ былъ постриженъ, и въ-продолженіе 20-ти лѣтъ достигъ игуменства и настоятельства въ своемъ монастырѣ, всегда бывъ на отличномъ счету у начальниковъ за трудолюбивую и благочестивую монастырскую жизнь свою. Покойный архіепископъ Наѳанайль бралъ его съ собою въ Петербургъ, когда былъ вызванъ на чреду въ Синодъ. Послѣ Платонъ былъ назначенъ игуменомъ и настоятелемъ Никандровой-пустыни. Постигнувшая его болѣзнь прервала его служеніе Церкви, но за то, можетъ-быть, способствовала къ укрѣпленію его духа, ибо пять страдальческихъ лѣтъ провелъ онъ въ чтеніи, размышленіи, богомоліи, удаленный отъ всѣхъ дѣлъ и суеты человеческой. Природный обширный умъ образовалъ онъ важнымъ и полезнымъ чтеніемъ, а характеръ—безропотнымъ терпѣніемъ испосланныхъ ему страданій.

ду ельникомъ. За двѣ версты отъ монастыря еще поселокъ монастырскій. Отсюда начинаются еще болѣе топкія мѣста, такъ что необходимо было намостить все это двухверстное пространство кругляками, чтобы сдѣлать возможнымъ проѣздъ. Вотъ покраснѣлись главы священныхъ церквей—и скоро показался и весь монастырь, со всѣхъ сторонъ въ лѣсу. Мы проѣхали мимо новой гостиницы, каменной, одноэтажной; обогнувъ уголъ ея налѣво, были на обширномъ преддворіи монастырскомъ, посреди котораго, подъ навѣсомъ, стоялъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Направо, въ нѣсколько рядовъ шли деревянные лавки, построенныя для здѣшней годовой ярмарки; прямо, врата подъ колокольню; чрезъ нее, входъ, по настланному полу, въ соборную церковь, которая возвышается среди двора монастырскаго, огражденнаго вокругъ каменными двухъ-этажными зданіями, а ихъ соединяетъ между собою бѣлая каменная ограда съ башнями. Въ этихъ зданіяхъ помѣщаются кельи для братіи и для почетныхъ гостей, а также въ восточной башнѣ и церковь во имя Св. Троицы.

Я воспользовался гостеприимствомъ отца-казначая, имѣющаго свои кельи въ настоятельскомъ домѣ, стоящемъ въ оградѣ, налѣво отъ въѣздныхъ воротъ. Немедленно пошелъ я въ соборную церковь, гдѣ уже началась всенощная. Входъ безъ крыльца: такъ мало возвышена она надъ землею. Чрезъ церковныя сѣни между ликами святыхъ, изображенными на стѣнахъ и дверяхъ, приходишь въ самую церковь, необширную, но украшенную великолѣпными образами. Съ благоговѣйнымъ чувствомъ вѣры облабызалъ я изображеніе преподобнаго Никандра на серебряной его ракѣ. Она стоитъ направо отъ входа, подъ аркою стѣны, раздѣляющей главный престолъ церкви отъ придѣла преподобнаго Никандра. Налѣво устроена, подъ такою же аркою въ стѣнѣ, другая рака: на ней лежитъ плащаница. За послѣднею стѣною, лѣвый придѣлъ во имя св. Апостоловъ Петра и Павла. Немного лѣвѣе отъ раки преподобнаго, стоитъ большаго размѣра храмовая икона Благовѣщенія Богородицы, великолѣпно и щедро украшенная разноцвѣтными драгоценными камнями. Большіе серебряные подсвѣчники стоятъ одинъ предъ иконою, другой предъ ракою. На правомъ клиросѣ нѣлъ главный, но немногочисленный хоръ пѣвчихъ, составленный, изъ послушниковъ и монаховъ, неуспѣшною заботою, въ непродолжительное еще время настоятельства, пынѣшнимъ начальникомъ монастыря, архимандритомъ Веніаминомъ. Онъ самъ необычно-

венный пѣвецъ, и глубокой знатокъ музыки, постигающей ее всею силою своей чувствительной и кроткой души. Народу было очень много въ церкви; важное великолѣпное служеніе, при хорошемъ пѣніи и въ канунъ такого великаго праздника, заставляютъ совершенно позабыть все земное, а помнить только, что сладко молиться живому Богу и среди незнакомыхъ, какъ-бы среди близкихъ родныхъ своихъ; ибо есть родство вѣры и молитвы, которымъ уничтожается всякое принужденіе между чужими. Послѣ всенощнаго бдѣнія, я видѣлся съ архимандритомъ, уже прежде мнѣ знакомымъ. Онъ былъ самымъ близкимъ человекомъ умершему преосвященному Наѳанаилу, и жилъ постоянно съ нимъ, завѣдывая его пѣвческимъ хоромъ. Въ усоншемъ архимандритъ Веніаминъ потерялъ друга и благодѣтеля, на старости лѣтъ, вдали отъ родины своей, Малороссіи, откуда преосвященный Наѳанаиль взялъ его съ собою въ протодіаконскомъ санѣ, когда переведенъ былъ изъ полтавской епархіи въ псковскую. Благодѣтельно было для епархіи такое уединеніе архипастыря и подчиненныхъ ему, совѣтника и друга его — обоихъ кроткихъ и смиренныхъ сердцемъ. Первый, казалось, заботился только о томъ, чтобы великодушною благодѣтельностью обратить, если можно, и злаго на путь добра, а второй, чтобы поддержать такое христіанское расположеніе души своимъ содѣйствіемъ.

Я расположился, обласканный архимандритомъ, на десять дней въ монастырѣ, съ намѣреніемъ говѣть до дня Успенія. Всѣ сіи десять дней поста посѣщала церковныя службы, я проводилъ остальное за тѣмъ время въ уединеніи и, иногда, въ бесѣдѣ съ кроткимъ и просвѣщеннымъ настоятелемъ; обѣдалъ за общою трапезою, которую архимандритъ постоянно раздѣляетъ съ братією. Во все время трапезы производилось чтеніе житія святыхъ. Душа, занятая еще недавно оконченною молитвою, (трапеза начиналась тотчасъ послѣ литургіи) была поддерживаема въ молитвенномъ расположеніи напоминаніемъ подвиговъ первыхъ исповѣдниковъ Христа, и, въ одно время съ удовлетвореніемъ тѣлеснаго голода, удовлетворялась духовная алчба слова Божія. Такимъ-то образомъ должно бы все освящаться въ жизни каждаго христіанина, ибо таковы уставы Православной Церкви. Видя святость цѣли и основанія монастырей, мы необходимо должны признать, что основатели ихъ были водимы Духомъ Святымъ, силою Коего и поддерживались въ сверхъ-естественныхъ подвигахъ отшельнической жизни. Водитель-

ство Святаго Духа привело и преподобнаго Никандра въ пустыню, нынѣшній благоустроенный монастырь его.

Преподобный родился 1507 г., Псковской губерніи въ селѣ Выделебкѣ, въ государствованіе Василя Іоанновича, при архіепископѣ Новгорода и Пскова, Серапіонѣ, и названъ Никономъ. Отецъ и мать Никандра были, вѣроятно, изъ простаго званія (въ жизни преподобнаго не говорится объ этомъ ничего). Старшій ихъ сынъ постригся въ монашество, когда Никонъ еще былъ малолѣтенъ. По смерти отца, семнадцатилѣтній Никонъ, сгарая желаніемъ пустынной жизни, открылъ своей матери намѣреніе свое быть инокомъ. Благочестивая мать согласилась, и она сама предупредила его, раздавъ все имущество нищимъ и постригшись въ монашество. Смиранный юноша, добровольный нищій, пошелъ во Псковъ; оттуда, посѣтивъ псковскіе и близъ лежащіе монастыри, поклонился мощамъ преподобныхъ Ефросинія и Саввы, которыхъ житіе наиболѣе воспламенило его къ монашеской жизни. Богъ послалъ юношѣ-подвижнику одного богатаго человѣка, который принялъ юношу къ себѣ, и отдалъ учиться. Узнавъ Божественное слово, сколько Богъ благоизволилъ ему почерпнуть изъ источника Своей премудрости, Никонъ съ умиленіемъ услышалъ въ церкви слово Евангелія: «Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы; возмите иго Мое на себе». Онъ услышалъ глаголь Спасителя, не только слухомъ тѣлеснымъ, но и духовнымъ, и созналъ въ душѣ своей, что созрѣло уже искреннее желаніе отречься отъ міра. Нѣкто Феодоръ указалъ Никону пустынное мѣсто въ области Великаго Новгорода, между Псковомъ и Порховомъ, наполненное лѣсами и окруженное мхами и болотами; помогъ тамъ выстроить избу, и святой юноша остался въ ней молиться. Черезъ нѣсколько времени пришелъ онъ во Псковъ, и по обычаю въ церковь Богоявленія (донынѣ существующую), да помолится о мудрости и твердости души въ подлежащемъ пустынномъ житіи. Здѣсь отъ алтаря вышелъ къ нему гласъ, утверждающій его въ подвигѣ и обѣщающій процвѣтеніе его пустыни въ обитель. Получивъ это желанное обѣтованіе отъ Самого Господа, юноша, объятый радостію, выбѣжалъ изъ церкви, и встрѣтился съ блаженнымъ Николаемъ-юродивымъ (тогда еще нескончавшимъ теченія своего; мощи его нынѣ покоятся въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ). Блаженный Николай, по внушенію Божію, открылъ Никону всю трудность предстоящаго отшельничества отъ духовъ злобы поднебесныхъ, и

отъ злыхъ человѣковъ. Такъ Богъ укрѣпилъ благочестиваго юношу, предваривъ его о тягости и страхованіяхъ пустыннаго житія, но въ то же время обѣтовая исполненіе святыхъ надеждъ сверхъестественнаго подвига.

Наконецъ, возвратясь въ свою пустыню, и пребывая въ ней съ Господомъ, онъ трудился въ молитвѣ и постѣ. Скоро молва человѣческая начала прославлять юнаго подвижника. Тогда, убѣгая молвы, съ горькими слезами ушелъ онъ во Псковъ и опять къ Филиппу, который съ сердечнымъ участіемъ принялъ юнаго пустытника. Никонъ возжелалъ постричься, и отведенъ былъ Филиппомъ въ Іоанно-Предтеченскій Крыпецкій монастырь, гдѣ уже прославлены были мощи основателя его, преподобнаго Саввы. Игуменъ сей обители, видя юность и крайнее изнеможеніе тѣлесное Никона, не хотѣлъ постригать юношу, да не возложится на него слишкомъ тяжкое бремя монашескаго послушанія и иноческихъ трудовъ. Но юноша уже возмужалъ духомъ: вслухъ призывая въ помощь себѣ преподобнаго Савву, настоятельно онъ убѣждалъ игумена исполнить его пламенное желаніе, былъ постриженъ и нареченъ Никандромъ.

Подвижнически проводилъ онъ тутъ жизнь свою, такъ-что игуменъ и братія прославляли Бога, давшаго такую благодать юношѣ. Въ сіе время, преподобный Никандръ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что заботившіеся о немъ Филиппъ и Феодоръ постриглись въ томъ-же монастырѣ. Но, опять избѣгая прославленія человѣческаго, смиренный подвижникъ возвратился въ свою пустыню, какъ въ обѣтованную ему Самимъ Господомъ землю, и жилъ въ ней уже неизменно 15 лѣтъ. Однажды, напали на мирное жилище отшельника разбойники, заграбили книги и иконы, избилъ самого Никандра и ушли. Но три дня блуждали они по лѣсу; двое ожесточенныхъ утопили въ рѣкѣ, а другіе двое, умилившись, раскаялись, и возвратились въ хижину Никандра, неся съ собою все заграбленное; онъ простилъ ихъ и убѣждалъ жить по-христіански. И въ третій разъ скрываясь отъ славы людской, когда слухъ о его дивной жизни привлекъ къ нему посѣтителей, ушелъ онъ изъ своей пустыни въ тотъ-же монастырь преподобнаго Саввы Крыпецкаго, гдѣ, какъ и прежде, въ изнурительныхъ подвигахъ проводилъ свое иноческое служеніе, въ должностяхъ сперва уставщика (эклезіарха), а потомъ казначея. (келаря) Вскорѣ удалился онъ изъ монастыря на близвѣтій островокъ, срубилъ тамъ хижину, пожилъ въ ней три съ половиною года, подвизаясь въ новыхъ благодат-

ныхъ трудахъ. Не суждено было однакоже быть оставленною прежней его пустыни, о которой онъ имѣлъ извѣщеніе отъ Господа: игумень съ братією снова вызвали. преподобнаго труженника въ знакомую ему пустынь между Псковомъ и Порховомъ. Пятнадцать лѣтъ, до конца жизни, провелъ онъ тамъ, прославившись въ окрестныхъ областяхъ прозорливостію, пророчествами и исцѣленіями. За восемь лѣтъ предъ кончиною, постриженъ въ схиму отъ игумена сосѣдняго монастыря Демьянскаго. Къ преподобному приходилъ изъ Порхова діаконъ Петръ; ему открылъ Никандръ время преставленія своего, въ тотъ день когда польской король, Стефанъ Баторій, осаждая Псковъ, безпрестанно будетъ кидать бомбы и ядра на городъ, и просилъ погребсти тѣло на томъ мѣстѣ, гдѣ пойдетъ; крестьянину же, прежде діакона посѣщавшему его, открылъ, что Господь прославитъ мѣсто сіе, что тутъ воздвигнется церковь Благовѣщенія и возникнетъ обитель монашествующихъ.

Волею Божіею преподобный Никандръ преставился въ день предсказанный имъ, 24 сентября 1582 г., 76-ти лѣтъ отъ рожденія. Въ то самое время, крестьянинъ Иванъ Долгій, изъ селенія Боровичи, случайно былъ въ сей лѣсной пустыни. Посѣтивъ святаго старца, онъ обрѣлъ его уже отшедшимъ къ Господу, и погребъ тѣло Никандра подъ дубомъ, гдѣ нынѣ церковь Благовѣщенія Богородицы. Съ плачемъ и жалостію услышали въ Порховѣ о смерти святаго отшельника, болѣзную, что вся страна наполнена непріятельскими войсками, и нѣтъ возможности пройти въ пустыню для совершенія должнаго погребенія надъ усопшимъ. Но діаконъ Петръ уговорилъ жителей идти, съ твердымъ упованіемъ на милосердаго Бога, Который по молитвамъ преподобнаго защититъ ихъ отъ враговъ. Убѣжденные Петромъ, игумены, священники, монахи и много народа благополучно пришли на мѣсто дивныхъ пустынныхъ подвиговъ преподобнаго, и съ благоговѣніемъ отпѣли надъ нимъ погребеніе.

Зерно *умершее въ землю*, по слову Спасителя (Іоан. XII, 24) приноситъ *многій плодъ*, т. е. человѣкъ ради вѣры въ Него умершій міру, распявшій тѣло свое со страстьми и похотьми, спасаетъ душу свою и приноситъ многій плодъ. Такъ блаженный Никандръ, искренно посвятившій жизнь свою Богу, примѣромъ и ученіемъ своимъ и чудесами утвердилъ вѣру въ Иисуса Христа, въ добрыхъ душахъ знавшихъ его—а знала его близкая и дальняя окрестность. Дѣйствуя такъ при жизни, праведный мужъ, не престалъ дѣйствовать такъ-же благотворно и по

временной смерти своей; но, какъ посѣянное зерно и умершее, принесъ *сторичный* плодъ: ангельская жизнь Никандра проявилась чудесами въ нетлѣнныхъ мощахъ его, и въ жизни послѣдователей его, которые, создавъ тутъ обитель, соединенными силами продолжали высокую святую жизнь угодника Божія. Сямъ образомъ даже на землѣ еще воскресаютъ, какъ бы предварительнымъ воскресеніемъ, умершіе, вѣрующіе въ Иисуса Христа, Который есть наше воскресеніе и жизнь (Іоан. XI, 15). И немного времени нужно было, да начнется земное воскресеніе вѣрнаго и благаго раба Господня. Уже чрезъ три года по кончинѣ его пришелъ въ пустыню одинъ мірянинъ и, поселившись въ кельи при гробѣ его, въ сосѣднемъ Демьянскомъ монастырѣ принялъ монашество съ именемъ Исаи. Къ нему собралась вскорѣ небольшая братія; по просьбѣ ея, онъ принялъ санъ священноиннока, отъ архіепископа новгородскаго Александра, къ епархіи котораго тогда принадлежалъ Порховъ съ уѣздомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ посвященный и во игумена устроивавшейся обители, Исаія получилъ благословеніе создать въ ней храмъ во имя Благовѣщенія Богородицы, надъ гробомъ преподобнаго Никандра. Такъ положено начало монастырю, и незамѣтно существовалъ онъ до половины XVII столѣтія, когда, по благословенію Никона, митрополита новгородскаго, вполнѣдствіи патріарха всероссійскаго, дворянинъ Іоаннъ Матвѣевичъ Муравьевъ, далъ обѣтъ и выстроилъ на свой счетъ церковь во имя преподобнаго Никандра, и кромѣ того другими устроены были еще церкви во имя Св. Троицы и преподобнаго Александра Свирскаго, о которомъ говоритъ вѣрное изустное и письменное преданіе, что являлся часто святому Никандру для молитвеннаго собесѣдованія.

Въ 1665 году, Поляки, сдѣлавъ набѣгъ въ Псковской и Новгородской областяхъ, не пощадилъ и обители; разграбили и разорили ее, многихъ монаховъ умертвили, а игумена отвели въ плѣнъ, гдѣ онъ пробылъ около года. За однимъ несчастіемъ послѣдовало другое: въ 1673 г. сгорѣли всѣ четыре церкви и всѣ монастырскія зданія. Для возобновленія разоренной и сгорѣвшей обители, игумень просилъ помощи у Царя Алексѣя Михайловича, который и пожаловалъ многія пустоши изъ оброка.* Благодетельные люди также способствовали возобновленію обители. Мало-по-малу построены каменные церкви, снабженныя иконами, книгами и всѣми потребностями; кромѣ-того особая колокольня и

* Т. е. съ тѣмъ, чтобы оброкъ съ нихъ платился монастырю.

деревянные кельи. Мощи преподобнаго Никандра закладены были тогда въ южную стѣну соборной церкви Благовѣщенія. Обитель возобновилась; неоставало только, чтобы Церковь признала мощи преподобнаго, православившіяся уже многими чудесами. По просьбѣ игумена съ братією, чрезъ повгородскаго митрополита Корпидіа, патріархъ Іоакимъ повелѣлъ тамбовскому епископу Леонтію освидѣтельствовать мощи, и произвести изслѣдованіе о чудесахъ, отъ нихъ бывшихъ. вмѣстѣ съ другими духовными особами, епископъ Леонтій, 29 іюня 1687 г. открылъ мощи; найдя ихъ нетлѣнными, омылъ теплою водою съ виномъ и елеемъ, переложилъ въ новую раку, и съ молитвами заложилъ опять на прежнемъ мѣстѣ, въ южной стѣнѣ соборной церкви. Потомъ описано было житіе и чудотворенія преподобнаго, о которыхъ произведено было изслѣдованіе; сочинена новому угоднику служба, и все вмѣстѣ препровождено на разсмотрѣніе патріарху Іоакиму. Въ домовою своей церкви Петра и Павла, со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ архіереями и архимандритами, патріархъ выслушалъ донесеніе, утвердилъ открытіе мощей и повелѣлъ праздновать память преподобнаго Никандра, обще съ храмовымъ празднествомъ, 25 марта, и день преставленія 24 сентября. Впослѣдствіи установилось еще празднество, 29 іюня, въ день открытія мощей преподобнаго отца.

Святая обитель устроилась окончательно. Усердіе къ ней возростало. Дни открытія мощей Никандра, 29 іюня, и его преставленія, 24 сентября, стали посѣщаться многочисленными богомольцами.

Такъ, въ-продолженіе слишкомъ ста лѣтъ святая обитель болѣе и болѣе пріобрѣтала средствъ для своего существованія, а съ вступленіемъ въ настоятельство игумена Геннадія, 1794 г., началось ея быстрое возвышеніе. Поступивъ въ монастырь изъ купцовъ, по постриженіи онъ сдѣланъ былъ казначеемъ, потомъ и настоятелемъ. Чрезъ свѣтлѣйшаго князя Лопухина, проживавшаго иногда въ своемъ псковскомъ помѣстьѣ, Геннадій, неуспѣшно заботившійся о своей обители, имѣлъ счастье быть представленнымъ Императору Павлу. Съ перваго свиданія, благочестивый Государь навсегда сохранилъ благоволеніе къ Геннадію и любовь къ Никандровой пустыни; царскія благодѣянія полились на нее. Примѣръ Государя дѣйствовалъ на вельможъ. Никандрова-пустынь быстро обогащалась и украшалась. Настоятель выстроилъ тогда обширное зданіе каменныхъ келій

для братіи и почетныхъ гостей. Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ пожертвовалъ 35 тысячъ, на которыя сдѣлана рака преподобному, устроена храмовая икона Благовѣщенія, подъ серебрянымъ окладомъ, и два большихъ серебряныхъ подсвѣчника. Икона чрезвычайно щедро украшена дорогими камнями и стразами. При Геннадіи же пожертвованы на многія иконы въ соборѣ серебряныя оклады, также много сосудовъ и другой утвари церковной. Въ 1800 г. онъ былъ произведенъ въ архимандриты, и испросилъ чрезъ Синодъ позволеніе умножить братію до 30-ти (до того же пустынь была заштатною съ 6 монашествующими). Государю Императору Павлу Петровичу благоугодно было пожертвовать въ монастырь полное архіерейское облаченіе изъ драгоцѣнной парчи съ крестами Мальтійскаго ордена.

Послѣ Геннадія не поступило почти никакихъ значительныхъ вкладовъ, ибо большая часть того, что видимъ драгоцѣннаго въ монастырѣ—оклады на образахъ, многое число церковныхъ сосудовъ и чрезвычайно богатая ризница—все это было собрано попеченіемъ архимандрита Геннадія. Памятникомъ великолѣпія, которымъ онъ хотѣлъ украсить монастырь, остался планъ соборной церкви, которая должна была стоять постройкою триста тысячъ рублей! Преемникъ Геннадія, архимандритъ Самуилъ, пристроилъ къ главной церкви Благовѣщенія: справа, придѣлъ во имя преподобнаго Никандра, а слѣва—первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ такомъ видѣ соборъ остается и донынѣ. Я имѣлъ время осмотрѣть монастырскія библіотеку и аптеку, основанныя также Геннадіемъ. Онѣ помѣщаются въ упраздненной церкви въ колокольнѣ, и не въ ученомъ порядкѣ. Книгъ и рукописей особенно замѣчательныхъ нѣтъ; но для духовнаго чтенія братіи выборъ и число книгъ достаточны. Тамъ видѣлъ я, между прочимъ, въ великолѣпномъ переплетѣ, уставъ Мальтійскаго ордена рыцарей Іоанна Иерусалимскаго.

Во-время пребыванія моего въ монастырѣ, пріѣзжали туда многіе помолиться и испросить молитвъ преподобнаго Никандра; нѣкоторыя дворянскія семейства, образованныя и пріѣхавшія изъ столицы въ свои псковскія помѣстья, приходили пѣшкомъ въ обитель. Одна помѣщица прибыла туда по обѣщанію за избавленіе молитвами преподобнаго отъ холеры, которою была больна въ Петербургѣ. Она, въ присутствіи многихъ у отца-архимандрита, объявила, какъ въ предсмертныхъ мукахъ болѣзни обратила върою всѣ мысли своего сердца къ ходатайству чу-

дотворца Никандра, пустыню котораго прежде уже часто посѣщала, и Господь послалъ ей избавленіе молитвами святаго мужа, и вскорѣ она выздоровѣла. Такъ между образованнымъ классомъ цвѣтутъ вѣра и любовь къ Богу и угоднику Его! Простой же народъ еще болѣе показываетъ усердія къ обителю.

Утѣшенный сочувствіемъ и соединеніемъ вѣры удалившихся изъ міра съ вѣрующими въ мірѣ, я оставилъ обитель, скорбя однакожь о разлукѣ, ибо въ нѣсколько дней моего пребыванія тамъ я полюбилъ это мѣсто добраго пристанища душамъ, въ которомъ питался пищею Божьяго слова, духовно укрѣпляясь молитвами святаго угодника. Радусіе отца-архимандрита и братіи пребудетъ незабвеннымъ въ душѣ моей! На возвратномъ пути изъ обители, простился я съ отцомъ-игуменомъ Платономъ, пожелавъ ему скорѣйшаго выздоровленія, и поблагодаривъ его за дружеское гостепрѣимство. 29 августа я пріѣхалъ въ Псковъ, а 31 на пароходѣ достигнулъ Дерпта, и на другой день посѣщилъ въ университетскую клинику, повидаться съ Николаемъ Васильевичемъ Савельевымъ-Ростиславичемъ, нашимъ извѣстнымъ славянистомъ-этнографомъ; ибо нашему же Дерпту—въ лицѣ профессора Эрдмана—должна достаться пріятная честь, милостію Всемогушаго возвратитъ нашего ученаго историка его отличнымъ трудамъ, хотя и въ самой болѣзни онъ не оставался въ бездѣйствіи. Любознательность нѣкоторыхъ русскихъ молодыхъ ученыхъ побудила его удовлетворить ихъ желанію, и сообщить, въ нѣсколькихъ бесѣдахъ, выводы изъ его розысканій о славянскомъ мірѣ. Историческія изслѣдованія о славянскихъ древностяхъ были высказаны слушателямъ, уже знакомымъ съ исторіею: да падутъ эти истины, какъ сѣмена, на добрую почву, и произрастятъ плодъ троякій: исторической истины, славянской народности и любви къ отечеству, всегда отличавшей Русскихъ и столько имъ свойственной.

Александръ Солнцевъ.

23 мая 1850 г.

Дерптъ.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАБЛЬ.

Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка.

... Я сошелъ на берегъ, на берегъ знойной Африки; мнѣ хотѣлось разсѣяться: на кораблѣ было какъ-то скучно; общество нашихъ офицеровъ разсѣхалось по окрестностямъ; иные въ дивную Констанцію, другіе на Львиный-хребетъ. Пріятная наружность Капштадта, по улицамъ котораго я бродилъ, находилась въ то время подъ вліяніемъ удушливо-жаркой атмосферы: было за тридцать градусовъ по реомюру. Я зашелъ въ кафе-ресторанъ, скромный, неизысканный по убранству, но чистый, опрятный, щеголявшій изящною простотою. Мнѣ дали лимонаду, мороженого и превосходную гаванну. Я кейфовалъ, безсознательно слѣдя за клубами полупрозрачнаго голубаго дыма, едва замѣтныя струи котораго, въ-слѣдствіе строгихъ атмосферическихъ законовъ, извиваясь въ неуловимыхъ и граціозныхъ узорахъ, занимали мое воображеніе, воображеніе усталое, измученное, или, вѣрнѣе, на этотъ разъ какъ-то лѣнивое: я ни о чемъ не думалъ, а смотрѣлъ только, и былъ совершенно доволенъ этимъ моральнымъ и физическимъ спокойствіемъ, которому многіе и многіе могли бы позавидовать, потому-что въ немъ проглядывала безпечность, хотя, правда, и минутная, но зато самая идеальная безпечность!...

Это ли обстоятельство, костюмъ ли, наружность ли моя изобличали во мнѣ русскаго—не знаю; но ко мнѣ подошелъ капитанъ, съ обычною нецеремонностью моряка, и подсѣвъ возлѣ меня на стулъ, спросилъ не съ русскаго ли я судна? Я отвѣчалъ утвердительно; мы разговорились. Его интересовало знать, съ какою цѣлю мы посѣтили Капштадтъ изъ дальнихъ, по его выраженію, водъ Финскаго-залива, омывающихъ берега окрестностей Петербурга, этой изящной столицы обширнаго русскаго царства.

Я удовлетворялъ его любопытству. Ему понравилась заботливость нашего правительства, нещадающаго расходовъ для бла-

госостоянія своихъ подданныхъ, распространенныхъ на огромномъ пространствѣ обитаемой нами планеты.

— Я самъ бывалъ въ Петербургѣ; чудная ваша столица Петербургъ!—говорилъ онъ съ выраженіемъ, въ которомъ высказывалось удовольствіе, одушевлявшее его при этихъ воспоминаніяхъ.—Но много утекло воды съ-тѣхъ-поръ: я былъ тогда молодъ, а теперь, какъ видите, сѣдъ. Впрочемъ онъ былъ еще очень бодръ, здоровъ и свѣжъ для человѣка его лѣтъ; ему было, на взглядъ, лѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ.

Этотъ незнакомецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ понравиться съ перваго взгляда. Откровенность его чистосердечной бесѣды, лѣта, испытавшія жизнь — все привлекало мое вниманіе къ его разговору, прямому и исполненному такта, и внушало какое-то необъяснимое уваженіе: моряку, молодому лѣтами и опытомъ, общество подобнаго человѣка не только пріятно и занимательно, но даже и поучительно. Въ морской службѣ встрѣтишь радости, удовольствія и ужасъ, опасности, горе и лишенія, и опытъ этотъ приобрѣтается десятками лѣтъ.

— Ну что, скажите, заговорилъ опять незнакомецъ, у васъ новаго въ Кронштадтѣ? Эта уютная точка небольшого островка была очень удачно избрана великимъ преобразователемъ Россіи Петромъ Великимъ: прекрасный рейдъ и спокойныя гавани. Хотѣлось бы мнѣ, побывать въ тѣхъ краяхъ еще разъ; но врядъ ли исполнится мое желаніе; я, можно сказать, совершенно погрязъ въ торговлѣ съ Восточной Индіей и Южною Америкою. А скоро ли вашъ капитанъ думаетъ оставить Капштадтъ?

— Быть-можетъ, на-дняхъ, отвѣчалъ я.

— И куда думаете зайти на пути?... Вѣроятно, въ Маниллу?

— Вы не ошиблись; но прежде, нужно вамъ сказать, намъ слѣдуетъ зайти въ Сингапуръ, обогнувъ сѣверную оконечность Суматры.

— Вотъ какъ! Да, мнѣ самому случалось плавать Малаккскимъ-проливомъ: оно, знаете ли, неприятно и даже, отчасти, опасно....

— Почему?... Не по разбоямъ ли перебилъ я было его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ довольно серьезно: не то, а по жестокимъ шкваламъ, которые называются въ тѣхъ краяхъ *суматрами*, и признаюсь, разрушительную силу которыхъ я не желалъ бы вамъ испытать. А что тамошніе разбой?... Прошло

время каримонскихъ пиратовъ! Нынѣшніе Малайцы поутихли, сдѣлались, такъ-сказать, ручными; но, конечно, пальца въ ротъ имъ не клади: откусятъ!...

— Не сомнѣваюсь! А странно, какъ поразмыслишь, что эти люди такъ медленно, и по-видимому, такъ неохотно подчиняются вліянію здоровой философіи разумныхъ существъ, т. е., чело-вѣчества: посмотрите, даже звѣри, конечно одной породы, не отнимаютъ другъ у друга жизни, этого драгоценнѣйшаго дара земнаго бытія. Бросьте имъ спорный предметъ — пищу: они раздерутся, погрызутся—но тѣмъ вѣдь и кончутъ. А случается, что человѣкъ, взлѣблѣанный на груди нѣжной и добродѣтельной матери, готовъ изъ-за золота посягнуть на жизнь своего собрата.

— Это вѣрно; однакожъ, я чуть-было не сдѣлался пиратомъ поневолѣ, сказалъ онъ мнѣ, тономъ, который могъ бы привести болѣе робкое и неопытное существо, чѣмъ вашъ покорнѣйшій повѣствователь, въ какое-то безмолвное оцѣпенѣніе.

— Не знаю, отвѣчалъ я нерѣшительно: даже сомнѣваюсь чтобы неволя, могла принудить къ такому гнусному промыслу.

— Не знаете и сомнѣваетесь, молодой человѣкъ, возразилъ онъ хладнокровно: а это именно потому, что вы молоды. Воу! обратился онъ къ одному изъ прислужниковъ кафе-ресторана — two glasses of brandy.

Я было принялся его благодарить, отговариваться, что не пью этой смѣси, которую дѣйствительно ненавиждѣлъ,—но куда! мой Captain, отъ котораго вѣяло отчасти алкогелемъ, и слышать ничего не хотѣлъ, замѣтивъ, что онъ покуда еще не встрѣчалъ моряка, который отказывался бы отъ такого *освежающаго* нектара—стакана brandy and cold water.

Принесли стаканы. Исполнивъ вѣжливость, т. е. пробормотавъ другъ-другу обычное «your very good health», мы отхлебнули по глотку принесеннаго зелья, и бесѣда наша пошла бодрѣе.

— Да, да, сударь, продолжалъ онъ, предлагая мнѣ чокнуться снова: это именно отъ молодости. Повѣрите ли вы, на-примѣръ, что капитанъ бостонскаго брига, имѣющій удовольствіе съ вами говорить, былъ однажды пиратомъ, но конечно, не по влеченію, а по неволѣ?

Вопросъ, согласитесь, былъ оригиналенъ и интересенъ; я не успѣлъ на него отвѣтить, но воображеніе и фізіономія мои, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлали

уже тысячу вопросовъ: какъ? что? гдѣ? когда? какимъ-образомъ? можетъ ли быть? вы шутите? и много тому подобныхъ.

— Вотъ видите ли, прибавилъ онъ съ довольною миною, замѣтивъ мое удивленіе и вопрошающій взглядъ: допейте этотъ стаканъ—и я объясню подробности обстоятельства или приключенія моихъ молодыхъ лѣтъ: какъ купецъ, думаю, я могу требовать отъ васъ этой дани? Согласны вы? прибавилъ мой весельчакъ, смѣясь отъ души.

Я, исполняя его желаніе, не спускалъ съ него глазъ, и разсматривалъ при этомъ на правой щекѣ его длинный и широкій рубецъ. Я обратился весь во вниманіе. Собесѣдникъ мой продолжалъ прилеживать и описывать интересный эпизодъ изъ своей молодости такимъ-образомъ:

— Я былъ, мальчишкой, лѣтъ восемнадцати, въ Вестъ-Индіи. Брекенскій баркъ, на которомъ я прибылъ туда изъ моего отечества, былъ мною оставленъ по маленькимъ капризамъ: мой хозяинъ былъ строптивого характера, и гордъ; но извѣстенъ какъ отличный и отважный морякъ. Онъ зналъ моего отца, любилъ покойнаго, и хотѣлъ вывести меня—какъ говорится—въ люди; поэтому въ обращеніи со мною онъ былъ постоянно строгъ, взыскателенъ, и не давалъ мнѣ, признаться, случая нѣжиться: я былъ и на марсѣ, крѣпилъ брамсели, и прислуживалъ у него въ каютѣ: чистилъ платье, сапоги и ходилъ за его бульдогомъ. Эта проклятая собака досаждала мнѣ, бывало, болѣе всего. Разъ я взялъ лопарь, и ловко «огрѣлъ» своего досаждателя. Остервенившееся животное бросилось мнѣ на грудь, какъ африканская гіена; но я былъ силенъ: взялъ его за шею, и такъ сильно оторвалъ и отбросилъ отъ себя къ рѣбрамъ, что несчастный бульдогъ переломилъ себѣ заднюю ногу о бугель запаснаго брамъ-рея. Хозяинъ взбѣсился, и ударилъ меня. Я былъ молодъ, не стерпѣлъ и отказался служить ему. Прошла недѣля; деньги были на исходѣ; нужно было думать о мѣстѣ. Я бродилъ изъ шинка въ шинокъ, пилъ—нужно сказать—иногда неумѣренно, и дошелъ вскорѣ до того, что сидѣлъ наконецъ въ шинкѣ на послѣднія деньги. А я вамъ скажу, ужасное положеніе видѣть свой кошелекъ пустѣющимъ, и не имѣть къ-тому же ни крова, ни хлѣба, ни даже какого-нибудь мѣста въ виду. Мнѣ было грустно; чувство сожалѣнія и раскаянія стало заглядывать въ мою грудь: къ-чему, думалъ я, эта неумѣстная амбиція?... Надо, иногда и стерпѣть, а ты обидѣлся. Глупо, право глупо, согласитесь, что глупо!

Ну-съ, такимъ-то вотъ образомъ я разсуждалъ за стаканомъ грога. Въ этомъ шинкѣ, нужно вамъ сказать, не задолго до моихъ логическихъ умозаключеній, вызванныхъ, разумѣется, и грогомъ, и моимъ дѣйствительно незавиднымъ положеніемъ, явился какой-то незнакомецъ, типъ Американца, или Уапкее, какъ ихъ обыкновенно называютъ; онъ сидѣлъ въ отдаленіи нашего шумнаго общества, и изъ-подлобья разсматривалъ каждаго по-одиночкѣ. Убитый духъ мой, а можетъ-быть и нейтральность, съ которою я сидѣлъ посреди этого буйнаго веселья, обратили, должно-быть, на меня особенное вниманіе Американца. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, спросилъ о двухъ-трехъ посѣтителяхъ, игравшихъ большую роль въ этомъ шинкѣ, предложилъ стаканъ грогу, и разговорился. Мой Уапкее былъ привѣтливъ, внимателенъ къ разговору и чрезвычайно какъ любопытенъ: расспрашивалъ меня о малѣйшихъ пустякахъ, которые, какъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось, его очень интересовали. Я не замедлилъ, разумѣется, рассказать о своемъ горестномъ положеніи, и едва только успѣлъ объяснить, что ищу случая попасть на судно, какъ незнакомецъ мой, видя во мнѣ сильнаго и здороваго парня, протянулъ руку и сдѣлалъ предложеніе идти съ нимъ на судно, на которомъ, какъ онъ себя выдавалъ, онъ былъ боцманомъ. Я, конечно, обрадовался этому предложенію, даже не сумѣлъ скрыть свое восхищеніе, когда онъ обѣщалъ мнѣ сорокъ піастровъ мѣсячнаго содержанія. Мой боцманъ хлопоталъ около меня, какъ заботливая нянька, смотря въ глаза своему любимому дитяти. Мы шутили, смѣялись и продолжали пить грогъ я старался выказать свое молодечество, и потому скоро развязалъ свой болтливый язычекъ, и попросилъ десять піастровъ въ счетъ жалованья; онъ далъ мнѣ двадцать. Весело, думалъ я, служить на такомъ суднѣ, и съ такимъ добрякомъ-боцманомъ, у котораго можно имѣть постоянный кредитъ; денегъ было у него много—все дублоны и заманчивыя гіены. Я былъ счастливейшимъ изъ смертныхъ: выпилъ порядочно и съ золотомъ въ карманахъ!... Остальнаго, пужно сознаться, я хорошенько не припомню: все ходило вокругъ меня, какъ тѣни фантазмагоріи; я обезумѣлъ отъ радости, но болѣе, разумѣется, отъ вина. Оно-то и толкнуло меня въ сѣти, въ которыхъ я бы погибъ навсегда еслибъ не счастливый случай! Вотъ до чего довели меня нѣсколько стакановъ грогу!... Слушайте. Я просыпаюсь подъ утро; озираюсь.... и не могу взять хорошенько въ толкъ, гдѣ

я? Наконецъ вижу койки и спящихъ людей; я догадался, что нахожусь въ палубѣ какого-то судна; но какого, какъ я сюда попалъ,—не помню. Сосѣдъ мой, замѣтивъ мое удивленіе, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, въ числѣ которыхъ изъяснилъ также и похвалу за мою способность напиваться до совершеннаго безчувствія. Слышу всплески у водорѣза; чувствую качку; на палубѣ бѣготня: люди бросаютъ реи и осаживаютъ шкоты. Что тамъ? думалъ я, и хотѣлъ-было подскочить къ люку.

— Не горячись, Уанкее—проговорилъ прежній голосъ: ты подъ вахтой и не имѣешь права выйти на палубу: нето, смотри, подавишься свинцовыми желудями!

Я оробѣлъ. Собравшись однако духомъ, я присталъ наконецъ къ своему сосѣду, чтобъ онъ мнѣ объяснилъ по-крайней-мѣрѣ, гдѣ я, и кому обязанъ за ночлегомъ.

— Э, братъ,—продолжалъ тотъ-же сосѣдъ: ты, какъ я посмотрю, еще зеленъ: видно изъ вербованныхъ?...

— Какъ изъ вербованныхъ?...

— Да такъ-же. Тебя вчера напоили честнымъ манеромъ, а а теперь и служи на невольничьемъ суднѣ.... Ты идешь въ Африку за Неграми. Если мы избѣгнемъ всякой непріятной встрѣчи съ крейсеромъ, то добудемъ золота, а на него и всѣ обольщенія нашей жизни. Что вытаращимъ глаза? Достань-ка мою трубку, да подай свертокъ табаку.... вонъ, около бимса, поближе къ полуборту....

— Но, заклинаю тебя всѣмъ для тебя священнымъ.... спаси, избавь меня отъ этого гнуснаго соучастія въ дѣлѣ, въ которомъ я не могу быть тебѣ полезенъ.... я не переживу такого пятна.

— Пожалуй: если хочешь, чтобъ я тебя припряталъ и спасъ, но, разумѣется, не отъ смерти, а отъ дальнѣйшей жизни,—изволь: сегодня же спущу на баластинѣ ко-дну!... Чудакъ, посмотри: мы въ морѣ, далеко уже отъ береговъ; куда же я тебя высажу?...

Я совершенно опѣшилъ. Сердце мое сжалось; я горько зарыдалъ.

— Вы знаете, что чувство состраданія пробуждается иногда и въ злодѣяхъ,.. Видя во мнѣ человека молодого, печально и вѣрнѣе сказать, силою взятаго на корабль онъ пожалѣлъ обо мнѣ, припомнивъ, что чувствительность, вырвавшаяся у меня въ эти минуты горькими, чистосердечными слезами, не могла со-

гласоваться въ моемъ характерѣ съ преступными намѣреніями, на исполненіе которыхъ окружавшее меня общество лѣзло на всѣхъ парусахъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе, и обѣщалъ содѣйствовать моему побѣгу, какъ только представится первая возможность къ тому, Ты, братъ, какъ вижу, не изъ числа храбрыхъ: не можешь съ улыбкою взглянуть въ глаза смерти. Я тебя спасу.

Я — волею, неволею — сблизился съ этимъ человекомъ. Дни шли за днями. Я грустилъ, но подъ-конецъ, какъ человекъ, разумѣется, свыкъся съ печальной мыслью, которая меня постоянно преслѣдовала. Такимъ-образомъ я осмотрѣлся. Судно было вооружено двѣнадцатью орудіями, и имѣло большой запасъ въ абордажномъ оружіи. Экипажъ судна былъ многочисленъ: его было, на худой конецъ, до полутора ста душъ, кромѣ хозяина и его шести помощниковъ. Хозяинъ былъ родомъ Негръ, молчаливъ, какъ истуканъ: я ни разу не слышалъ, чтобъ онъ когда-нибудь говорилъ, исключая, разумѣется, приказаній по управленію судномъ. Его худощавое, мѣднаго цвѣта лицо было оживлено электрическимъ взоромъ большихъ глазъ: въ нихъ было, должно-быть, много магнетизму, потому что однимъ взглядомъ онъ могъ приковать каждаго на мѣстѣ. Это былъ страшный человекъ: въ широкихъ панталонахъ, матерчатой курткѣ и соломенной шляпѣ съ необыкновенными полями. Два заряженныхъ пистолета и малайскій крѣсъ довершали костюмъ его. Жизнь на такомъ суднѣ, какъ какъ я посмотрѣлъ, совершенный адъ: тутъ всякій заботится только о себѣ, недовѣрчиво поглядывая на другаго, и въ такомъ кругу мнѣ пришлось провести болѣе трехъ мѣсяцевъ; можете себѣ представить мое положеніе!

Надо было взглянуть на смѣсь бродягъ, составлявшихъ экипажъ судна. Она была изумительна: тутъ были Французы, Италіянцы, Англичане, Сардинцы, Американцы, Негры и Индѣйцы. Дисциплина превосходила всякое вѣроятіе: чуть пикнешь, не повинешься—и пуля во лбу!... Вахтенный, его помощникъ и боцманъ были обыкновенно вооружены: носили заряженные пистолеты и кинжалы. Люди, т. е. матросы, не смѣли между-собою говорить: все дѣлалось молча. Старшій помощникъ хозяина, въ которомъ мнѣ нетрудно было узнать виновника моего несчастія, выдававшего себя въ шинкѣ, въ ко-

*) Кинжалъ.

торомъ мнѣ было суждено съ нимъ встрѣтиться, за боцмана, былъ родомъ Американецъ; высокій, худощавый, мускулистый и сильный мужчина. Остальные уступали ему не во многомъ: народъ былъ вообще крупный, что называется, отборный.

Что касается до нашего перехода изъ Вестъ-Индіи въ Африку, я не могу вамъ сказать ничего подробнаго; помню только, что мы пришли безъ особенныхъ приключеній къ африканскимъ берегамъ, около Бенгуэлы, зашли въ небольшую бухту, бросили въ ней якорь, и приступили къ покупкѣ Негровъ на разное тряпье, бусы, вино и подобную тому дрянь. Торгъ шелъ успѣшно: подводы Негровъ непрерывались въ течение шести дней, такъ-что къ концу этого срока у насъ было въ трюмахъ до двухъ сотъ человѣкъ невольниковъ. Разбойникъ—къ ужасу начальникъ корабля!—узналъ разными путями о другомъ невольничьемъ суднѣ, стоявшемъ въ то время въ другой бухтѣ, у насъ по соседству, на которомъ также происходила закупка Негровъ; ихъ было на немъ, какъ утверждали, около четырехъ сотъ человѣкъ. Нашъ пиратъ, сообразивъ свое превосходство въ силѣ, рѣшился ихъ отнять силою оружія, чтобъ пополнить такимъ-образомъ свой грузъ безъ дальнихъ хлопотъ.

Мы снялись съ якоря, и подъ вечеръ вошли въ бухту, въ которой стояло предназначенное уже на расхищеніе судно. Убравшись на палубѣ и закрѣпивъ паруса, нашъ пиратъ приказалъ спустить шлюпку, на которой онъ отправилъ своего главнаго помощника къ начальнику стоявшаго съ нами невольничьяго судна, съ хладнокровнымъ наказомъ, объяснить ему, что такъ-какъ грузъ его шкуны не полонъ, и онъ ненамѣренъ ожидать новыхъ подводъ Негровъ, что могло бы быть очень продолжительно, то не будетъ ли ему угодно, безъ дальнихъ околичностей, прислать ему двѣсти пятьдесятъ человѣкъ изъ закупленныхъ имъ Негровъ за *анкерокъ рому*, или же защищаться оружіемъ. Разумѣется, на это дерзкое требованіе отвѣчали тѣмъ-же нахальствомъ. Начался кровопролитный бой, кончившійся тѣмъ, что вмѣсто двухъ сотъ пятидесяти Негровъ къ намъ перевезли на шхуну триста человѣкъ. Этой добычи было довольно; пять сотъ человѣкъ Негровъ—это грузъ въ полтора тысячь піастровъ!...

На другой день послѣ битвы, въ которой, благодаря Бога, мнѣ не пришлось принять ни малѣйшаго участія, мы налили прѣсною водою, запаслись возможною провизіею и снялись къ якоря. Не прошло семи дней нашему плаванію отъ африкан-

скихъ береговъ, какъ на горизонтѣ показалось небольшое двухъ-мачтовое судно, подъ авглійскимъ флагомъ; это былъ крейсеръ. Мы продолжали идти своихъ путемъ, между-тѣмъ какъ крейсеръ сталъ гнать къ вѣтру. По мѣрѣ нашего приближенія другъ къ другу, мы рассмотрѣли, что это была небольшая военная шкуна; пиратъ былъ совершенно спокоенъ, увидѣвъ, что будетъ имѣть дѣло съ равносильнымъ неприятелемъ. Часа черезъ два у насъ заштилѣло, между-тѣмъ какъ крейсеръ могъ пользоваться полосой маловѣтрія и постепенно къ намъ приближаться. Къ вечеру, за часъ или за два до солнечнаго заката, мы сблизились другъ съ другомъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Крейсеръ сталъ требовать, чтобъ мы показали флагъ; пиратъ противился. Раздался выстрѣлъ.... Ядро пролетѣло подъ кормою, другое.... оборвало у насъ нѣсколько снастей, и Англичанинъ, убѣдившись въ явномъ сопротивленіи, сталъ готовиться къ бою. Извергъ приказалъ отвѣчать тѣмъ-же. Въ двѣ минуты двѣнадцать орудій были готовы къ услугамъ крейсера. Началась битва. Крейсеръ маневрировалъ проворно и храбро, а разбойникъ превосходилъ въ немъ всякое вѣроятіе и дрался отчаянно. Залпъ за залпомъ съ ропотомъ раздавался въ спокойной и густой атмосферѣ, а нависшія тучи, молчаливо созерцая борьбу двухъ противниковъ, казалось, грозили надъ ними разразиться со всеѣмъ ужасомъ. Оглушительный ревъ орудій съ силою потрясалъ воздухъ; стоны и вопли полуубитыхъ и раненыхъ раздирали мою душу болѣе отъ печали, что, въ пылу легкомысленнаго заблужденія, я обрекъ ее на соучастіе въ столь гнусномъ безчеловѣчномъ поступкѣ, чѣмъ отъ трусости или робости: повѣрьте, въ тѣ тягостныя и мучительныя минуты мнѣ было бы легче умереть, чѣмъ разносить по орудіямъ кѣкеры съ картузами, силою которыхъ мои сотоварищи, эта неистовая толпа, громили невиннаго заступника челоуѣчества—несчастнаго, полуизбитаго крейсера! Прошло съ четверть часа, какъ мы рассмотрѣли, въ дыму, довольно въ близкомъ разстояніи, своего справедливаго противника; разбойникъ приказалъ взять крючья и сцѣпиться на abordажъ. Высокій Американецъ, виновникъ моего несчастія, сталъ ободрять людей.

Наконецъ, мы свалились. Рѣзня пошла страшная, невозможная для передачи въ полномъ ея ужасѣ. Первымъ вошедшимъ на палубу крейсера былъ Американецъ; за ними слѣдовали изверги его товарищи, и въ десять минутъ, участь *военной* шкуны была рѣшена!...

Разбойникъ взялъ шкуну на буксиръ и пошелъ далѣе по назначенію. По прибытіи къ бразильскимъ берегамъ, первымъ дѣломъ разбойника было продать судно, «этотъ удачный призъ» какъ онъ выражался.

— Подожди, бѣднякъ—говорилъ мнѣ мой мошенникъ—доброжелатель, когда Негровъ свозили на берегъ: мы скоро тебя спроводимъ; не зѣвай только.

— И дѣйствительно, при окончательномъ свозѣ Негровъ-невольниковъ на берегъ, пользуясь довольно темною тропическою ночью, мой покровитель вызвалъ меня на верхъ, провелъ со мною съ полчаса на палубѣ, всунулъ мнѣ въ руку двѣ гинеи, далъ нѣсколько предостерегательныхъ наставленій и спустилъ меня на шкертѣ за бортъ; потомъ, опустивъ ко мнѣ довольно большоо ведро, проговорилъ что-то шопотомъ — и скрылся за сѣтками.

— Шедшимъ въ то время приливомъ, меня быстро понесло за корму проклятой шкуны, и когда я былъ уже довольно далеко отъ нея, просунулъ лѣвую руку въ шкертъ ведра, сталъ пригребать къ берегу, и вышелъ спустя полчаса на небольшой выдавшійся мысокъ, разставшись такимъ-образомъ навсегда съ бездѣльниками, среди которыхъ, какъ я уже вамъ говорилъ, я провелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Этими словами мой повѣствователь окончилъ свой рассказъ; не знаю и не утверждаю, до какой степени онъ справедливъ, но слышалъ его отъ человѣка, по-видимому, весьма положительнаго.

— Ну, видите, молодой человѣкъ, продолжалъ мой словоохотный captain: дочего иногда доводитъ несовиновеніе къ старшимъ, и какая-то глупая амбиція?

— Признаюсь, отвѣчалъ я ему: это былъ ужасный случай. А неизвѣстна вамъ, скажите, участь этихъ негодяевъ?

— Отчасти. Спустя лѣтъ пять, я былъ въ Рио-Жанейро и, лавируя съ судномъ по рейду, проходилъ подъ кормою англійскаго блокшифа, съ котораго, къ величайшему моему уввлеченію, кто-то сталъ меня привѣтствовать, громко и явственно называя по имени. Я сталъ всматриваться и, вообразите себѣ, узналъ въ немъ своего избавителя съ невольничьяго судна. Тихій вѣтерокъ едва подвигалъ наше судно мимо блокшифа, и мы могли помѣняться нѣсколькими словами.

— Душевно радъ, любезнѣйшій, говорилъ мнѣ этотъ несчастный человѣкъ въ полголоса: что ты не пропалъ при моемъ пасильномъ пособіи въ побѣгѣ. Не думалъ я тебя встрѣ-

тить за день до моей смерти: завтра я буду на висѣлицѣ; не поминай, братъ, лихомъ!...

— Сердце мое облилось кровью, когда до меня долетѣли эти слова, и признаюсь, я прослезился за этого преступнаго грѣшника, душа котораго окаменѣла до той степени! Вы были совершенно правы, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: замѣтивъ, что непонятно, какъ въ человѣкѣ могутъ развиваться столь преступныя покушенія противъ своего собрата.

Такимъ-образомъ мы пробесѣдовали еще съ полчаса; время подходило къ одиннадцати, а съ полуночи мнѣ слѣдовало на вахту, почему я невольно долженъ былъ прервать своего собесѣдника и, простившись, удалиться на вечернюю шлюпку.

На рейдѣ былъ мертвый штиль. Ясный сводъ неба украшался мириадами сверкающихъ звѣздъ; шлюпка быстро неслась къ судну, на которомъ я плавалъ въ безпечные годы своей скитальческой жизни. Угрюмыя и мрачныя мысли, которыми сердце мое было переполнено, мало-по-малу исчезли, и на сердцѣ осталось одно воспоминаніе о почтенномъ капитанѣ, разсѣявшемъ меня за сигарою такимъ занимательнымъ разсказомъ.

КАНИВАКСЪ—....Ъ

ПРИВѢТСТВІЯ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ И ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА.

Лафатеръ постановилъ правиломъ, что можно видѣть характеръ человѣка изъ его самыхъ обыкновенныхъ движеній, тона и обычной гибкости его голоса, его манеры нюхать табакъ или чинить перо, такъ же ясно, иногда и лучше, чѣмъ изъ его великихъ дѣлъ и обстоятельствъ, при которыхъ онъ находится подъ вліяніемъ сильныхъ страстей, сглаживающихъ тонкіе оттѣнки. Если согласиться съ тѣмъ, что эти частности, по-видимому незначительныя, дѣйствительно могутъ дать точное повятіе о характерѣ отдѣльныхъ лицъ, то онѣ должны также доставить самыя вѣрныя указанія о національномъ характерѣ, и слѣдуя этой аналогіи, можно сказать съ извѣстною степенью достовѣрности, что исторія народа заключается въ словарѣ его языка.

Возьмемъ, на-примѣръ, особенный отдѣлъ словъ и идиотизмовъ—отдѣлъ, впрочемъ, весьма обыкновенный и весьма ограниченный—заключающій виды самыхъ употребительныхъ привѣтствій, и мы, вѣрно, найдемъ въ нихъ тѣмъ характеристическихъ чертъ, какъ-бы святыхъ дагерротипомъ.

Замѣтите преобладающій тонъ въ этихъ привѣтствіяхъ на Востока: какъ они тамъ благоухаютъ первобытною простотою, и въ какой степени въ нихъ отражаются вмѣстѣ и внѣшняя природа и состояніе общества! Въ нихъ узнаешь даже политическую неподвижность этихъ странъ; ибо маленькія эти фразы повторяются, почти подъ тождественною формою, на огромномъ пространствѣ и съ незапамятнаго времени. Онѣ почти все имѣютъ въ основаніи религіозное чувство и выражаютъ въ видѣ молитвы желаніе, чтобы лицо, къ которому онѣ обращаются, наслаждалось спокойствіемъ, первымъ благомъ, главною изъ потребностей въ такихъ странахъ и при такихъ условіяхъ существованія. Спокойствіе, это неопѣненное благо для народа, въ одно время пастушескаго и воинственнаго, составляетъ сущность привѣтствій. Явно, что этотъ народъ, въ то время, какъ образовался его языкъ, долженъ былъ воевать съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ. Бедуины въ наше время представляютъ совершенно тотъ же характеръ, выражаемый такою же формою привѣтствій.

Исламъ, по всей вѣроятности, мало произвелъ перемѣнъ въ обычаяхъ племенъ, между которыми онъ водворился. А потому мы находимъ въ слѣдующихъ фразахъ тотъ же религіозный тонъ.

— Да пріятно будетъ ваше утро! говоритъ Арабъ.

— Ты будешь, можетъ-быть, счастливъ!

— Если Богу угодно, ты благополученъ.

— Если Богу угодно, *вся члена твоего семейства* наслаждаются добрымъ здравіемъ. Здѣсь, явственно обозначено затворничество женщинъ.

Съ меншею вѣрностью обрисовывается тщеславіе, важность и лаконизмъ Оттомана въ его привѣтствіяхъ, обыкновенно заключающихъ оговорку, такую какъ «если Богу угодно», или другую подобную, но всегда въ тоже время свидѣтельствующую твердое увѣреніе въ успѣхъ выражаемаго желанія. Турки весьма уважаютъ Провидѣніе, и общественныя отношенія могутъ быть лишь облагорожены сближеніемъ самыхъ важныхъ истинъ съ просторѣчіемъ обыденной жизни. Но ихъ выраженія представляются холодными и безцвѣтными, при сравненіи съ потоками

гиперболическихъ комплиментовъ, которыми забрасываетъ васъ словоохотливый и привѣтливый Персіанецъ. Вотъ единственный слѣдъ пѣжнаго и поэтическаго чувства, замѣченный нами въ довольно длинномъ спискѣ турецкихъ комплиментовъ:

— Твои посѣщенія также рѣдки, какъ прекрасные дни, — формула, явно относящаяся къ эпохѣ до пришествія Турокъ на прекрасные берега Ромеліи.

— Да не сойдетъ тѣнь твоя съ нашей головы!

— Да никогда не уменьшится тѣнь твоя!

Постоянные эти намеки на тѣнь не суть просто случайные: думаете ли вы, что сѣверный житель, дрожащій отъ холоду, среди своихъ тумановъ, могъ серьезно привѣтствовать своего сосѣда словами: «Да никогда не уменьшится тѣнь твоя!» Это живописное выраженіе характеризуетъ жгучія страны, гдѣ человѣкъ видитъ предъ собою, отъ колыбели до могилы, одинъ налящій жаръ и густыя тѣни, страны, гдѣ опахало и зонть представляютъ эмблемы и знаки высшаго сана. Замѣтите еще, мимоходомъ, обширное мѣсто, занимаемое въ мірѣ восточномъ идеею родителя, идеею, восходящею до самаго младенчества обществъ, и особенно могущественною у Евреевъ, Есть даже племена и цѣлые народы, заимствующіе отъ этой идеи родителя свои прозванія отдѣльных лицъ; между ними человѣкъ не принимаетъ названія сына такого-то, но отца такого-то.

У Египтянъ есть форма привѣтствія, превосходно характеризующая ихъ лихорадочный климатъ:

— Какъ вы потѣете?... Хорошо ли вы потѣете?... И, дѣйствительно, подъ этимъ раскаленнымъ небомъ, потъ, это жизнь.

Привѣтствіе у Китайцевъ деликатно гастрономическое:

— Съѣли ли вашъ рисъ?... Въ хорошемъ ли состояніи вашъ желудокъ?... Одни робкіе жители «Центральной Имперіи» могли выдумать подобную формулу.

Все эти выраженія должны были составлять частную собственность, прежде нежели попали въ общественное обладаніе; они должны были выражать дѣйствительность, прежде чѣмъ стали условными формулами; однимъ словомъ, они, во всякомъ случаѣ, были изобрѣтены гениальнымъ человѣкомъ, и они выражаютъ понятія и мнѣнія эпохи. Счастливо опредѣлили, что пословица «умъ человѣка, мудрость многихъ». Вся живость, вся сила, вся выразительность этого прелестнаго рода языка, прозваннаго *argot*, не имѣетъ другаго происхожденія.

Греческое привѣтствіе, кажется, мало потерпѣло перемѣнъ.

Χαίρε — «радуйся.» Да, каждая минута существованія Грека была исполнена радости, радости и граціи — *Χαίρες*. Мы не знаемъ, не знакомитъ ли насъ это одно слово *χαίρε* съ этимъ народомъ, лучше всѣхъ книгъ, написанныхъ съ этою цѣлю. Въ Гомерѣ мы не встрѣчаемъ большаго разнообразія привѣтствій: всѣ, кажется, знаютъ другъ-друга въ схваткѣ, потому-что его герои почти всегда начинаютъ, въ своихъ личныхъ встрѣчахъ, съ брани, одинако выражаемой языкомъ, никогда не теряющимъ, даже въ гнѣвномъ состояніи, своего величественнаго характера. Что касается до современныхъ Грековъ, то, не имѣя болѣе особенной національности, они ничего не сохранили истинно оригинальнаго въ своемъ языкѣ, переродившемся въ гебридское нарѣчіе, въ которомъ остается изъ слѣдовъ стариннаго идиома только то, что достаточно даетъ намъ чувствовать его униженіе. Очевидно, что ихъ *τιχάωες*, «что ты дѣлаешь?» не имѣло начала у этого народа, болѣе болтливаго, чѣмъ трудолюбиваго.

Привѣтствіе первобытныхъ Римлянъ, какъ ихъ общественный характеръ, ихъ нравы, учрежденія, основывалось на идеѣ тѣлесной силы, крѣпости, способности къ войнѣ: *Salve! vale!* «Здравствуй, бодрствуй!» Безъ сомнѣнія, эти привѣтствія представляютъ столь же поразительную картину, какъ *χαίρε* и *shalum*. Какое выраженіе важности, откровенности, воинственнаго мужества дышетъ въ древнемъ языкѣ Рима! Но замѣьте также, что по-мѣрѣ-того, какъ Римъ удаляется отъ этой *barbara simplicitas*, римскія привѣтствія становятся все болѣе и болѣе замысловатыми:

— *Quid agis, dulcissime rerum?*

— *Suavitur, ut nunc est, inquam, et cupio omnia quae vis* *.

Это *dulcissime rerum* самая пріятная изъ вещей, представляетъ поразительное доказательство перерожденія. Римлянинъ временъ Камилла, который употребилъ бы это выраженіе, былъ бы отведенъ къ цензору и наказанъ, какъ развратитель нравовъ. *Quid agis, how do you do*, «что ты дѣлаешь», гораздо древнѣе и носитъ настоящій отпечатокъ національнаго характера, откровенности и дѣятельности. «Пока хорошо», отвѣчаетъ бѣдный Гораций, «я желаю все то, что ты желаешь», *cupio omnia quae vis*: это послѣднее выраженіе недурно придумано, чтобы вѣжливо отдѣлаться отъ докучливаго; но оно, во всѣхъ отношеніяхъ, произведеніе развитаго образованія.

* Какъ находишься ты, самая пріятная изъ вещей? — Пока хорошо, говорю я, и желаю все то, что ты желаешь.

Въ языкахъ, производныхъ отъ латинскаго, находятся тѣ же оттѣнки. *Sanita e guadagno*, «здоровье и прибыль», говорили Генуезцы среднихъ вѣковъ, выраженіе, превосходно соединяющее два элемента ихъ характера. Но Итальянцы претерпѣли метаморфозу со времени купцевъ-принцевъ и Золотой-книги... пока они не станутъ вновь Латинцами, надо сказать о нихъ такъ, какъ они суть, замѣтивъ *crescete in santità*, «возрастайте въ святости», пабожнаго Неаполитанца, и «вашъ слуга» Піемонтинца. Впрочемъ такая же услужливость преобладаетъ въ болѣе части итальянскихъ формъ, посвященій въ книгахъ, подписяхъ, въ письмахъ, и пр. Въ *come sta?* видны два почти противоположныя направленія, составляющія основаніе итальянскаго характера, — чрезвычайная подвижность нервовъ, выраженія въ *come*, и безпечность, *farniente*, въ *sta*. Въ этомъ прекрасномъ климатѣ, быть, существовать, само по себѣ такое наслажденіе, что жизнь протекаетъ безпечно, безъ того, чтобы что-либо побуждало васъ показать болѣе дѣятельности, чѣмъ необходимо для пріобрѣтенія воды со льдомъ и макаронъ. Въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ, гдѣ трудъ есть условіе нашего существованія, подобное выраженіе, какъ «*come sta*» сами слогі котораго имѣютъ видъ нѣги, внушающій намъ по-видимому, образъ челоуѣка, привольно раскинушагося въ полуденный жаръ, подъ густою тѣнью кле-на, не имѣло бы смысла.

Испанецъ, вмѣсто неподвижности и лѣни итальянской, представляетъ намъ устарѣлый вкусъ къ напыщенной важности и закоренѣлое кастиланское тщеславіе.

Don Hermogenes. Buenas tardes, senores. (Добраго вечера, господи).

Don Pedro. A la orden de V. S. (Къ услугамъ вашей свѣтлости).

Don Antonio. Felicisimas (счастливыхъ дней), *amigo Don Hermogenes.*

Vaya con Dios, «ступайте съ Богомъ», *senor caballero*, означаетъ соединеніе уваженія къ себѣ и религіознаго чувства, и даетъ выгодное понятіе о направленіи личнаго характера, преобладавшаго нѣкогда при дворѣ королей католическихъ. «Да здравствуйте на долгія лѣта» *muchos anos*. Въ этомъ замѣтны явственные слѣды Мавра. Жизнь — жизнь чувственная, взятая въ овлеченномъ смыслѣ — не такъ привлекательна подъ сумрачнымъ небомъ, какъ въ Испаніи: по этому, желаніе долгой жизни никогда не составляетъ общеупотребительнаго при-

вѣтствія въ странахъ холодныхъ. Мы употребляемъ его только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то въ возгласахъ: Да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! Надо замѣтить еще въ испанскомъ языкѣ столь частое употребленіе сокращенія VS. Самое преувеличеніе этого сокращенія, — сокращенія, которое должно было быть постепенно и внушено желаніе сберечь время — означаетъ тщеславную вѣжливость «дона», который сто разъ въ день подвергнулся бы осужденію, еслибы забылъ какую-нибудь формулу вѣжливости; но если нашли необходимымъ это сокращеніе въ странѣ, гдѣ время имѣетъ такъ мало цѣны, судя по пышному и медленному илюму, сіестамъ, брянчанью на гитарѣ и безконечнымъ романсамъ, какъ часты были повторенія этихъ пошлыхъ вѣжливостей, сдѣлавшихъ наконецъ изъ *ruestra merced* «ваша милость», *usted* (въ разговорѣ) и *V S* (на письмѣ).

Comment vous portez vous? «Какъ вы поживаете?» Эта маленькая фраза заключаетъ эссенцію французскаго характера и всю исторію страны. Французъ принялъ выраженіе *какъ*, а не *что*: онъ преимущественно занятъ формами и кажушею стороною, а потому *какъ* есть рѣзкая черта фотографическаго оттиска, дѣлаемаго имъ пятьдесятъ разъ въ день. Потомъ, это «вы поживаете» — совершенно внѣшнее, поверхностное, несущественное! Не узнаете ли вы въ этомъ человѣка живаго, пылкаго, всегда готоваго заниматься любовными похождениями или запѣть «умереть за отечество!» Народъ тщеславный, на который малыя и великія дѣла производятъ впечатлѣнія одинаково сильныя и скоропроходящія, который постоянно смѣется надъ всѣмъ, исключая мелочей, и никогда такъ не бываетъ смѣшонъ, какъ когда онъ употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы быть серьезнымъ. Въ этомъ *Comment, vous portez vous?* тотчасъ узнаешь характеръ театральнаго. И какъ всякій языкъ есть образъ народа, — каждая фраза, испещренная множествомъ маленькихъ частицъ, подвижныхъ и подпрыгивающихъ, подобно французскому языку, — и однако составляя въ цѣлости неподражаемое орудіе, ни для поэзіи, ни для краснорѣчія, ни для философіи, ни для легкаго разговора, въ которомъ отличаются Французы.

Старинный французскій языкъ запечатлѣнъ общимъ характеромъ единства и сильнаго религіознаго чувства: *Adieu, vous die, messire Gauvain, mon chier et doulf ami!* «Прощайте, говорю вамъ; господинъ Говэнъ, мой дорогой и любезный другъ» читаемъ мы въ Мерлишѣ. Всѣ эти странныя привѣтствія, со-

крашенные, фамплярныя, какъ *comment ça va-t-il? comment vous portez vous?* и тому подобныя, не согласовались бы съ духомъ этого времени. Современные Гасконцы говорятъ на своемъ нарѣчій, похожемъ болѣе на латинскій языкъ, чѣмъ на французскій, употребляемый въ Парижѣ, *coumo vos?* и это простое выраженіе достаточно, чтобы дать почувствовать различіе, существующее между Парижаниномъ и безпечнымъ и чувственнымъ жителемъ Юга. Въ сущности обѣ фразы тождественны; но въ гасконской два слова, тогда какъ парижская содержитъ пять, изъ коихъ бѣльшая часть ничего незначащихъ маленькихъ частицъ, почти бесполезныхъ для разумнѣя предложенія: очевидно, что Гасконецъ любитъ покой и не даетъ себѣ труда говорить лишнія слова.

Обыкновенное привѣтствіе Нѣмцевъ, когда они встрѣчаютъ васъ, прогуливаясь вдоль *Kartoffel-gasse* или *Amalienstrasse*, есть *wie geht's?* «какъ оно идетъ?» — не какъ вы идете, но *оно* — все вообще, совершенно отвлеченное отъ васъ и отъ него, вполне независимое «оно», *es* — слово неопредѣленнаго значенія. Это — таинственное *оно* тотъ идеалъ безпредѣльности, который долженъ *идти*; но куда и какъ? одинъ Сфинксъ можетъ намъ сказать это. Замѣтите еще въ этомъ *wie geht's* сильный отпечатокъ добродушной простоты, въ полномъ согласіи съ нравами добрыхъ Нѣмцевъ во всѣхъ сословіяхъ. Тоже замѣчаніе можно примѣнить къ выраженію прощанія нашего добраго толстяка съ нечесанною головою, съ честнымъ и открытымъ лицомъ: *leben sie wohl!* говоритъ онъ, приподнимая плисовый картузь, — «живите хорошо!» потому что существованіе добрака почти животное, что касается до внѣшняго, — а между-тѣмъ Богъ знаетъ, какіе фантастическіе образы, какія смутныя видѣнія системъ носятъ въ такомъ количествѣ, какъ атомы, наполняющіе солнечный лучъ, въ спираляхъ, образуемыхъ дымомъ его трубки — жертвенника Весталокъ — этой длинной трубки, украшенной портретомъ Беатриціи Ченчи, великаго Фридриха, Дженни Линдъ, или кого бы то ни было!

Подлинное привѣтствіе Голланца есть: *Hoe vaart's-ge?* «Какъ вы путешествуете? какъ вы идете?» формула, вѣрно характеризующая торговый духъ народа, по преимуществу практическаго, занятаго дѣлами, поставляющаго чувство послѣ интереса. Это «какъ вы путешествуете?» не согласно ли съ нравами и исторіею старой Голландіи, пропитанной запахомъ привостей, доста-

вленныхъ съ отдаленныхъ острововъ Индѣйскаго-океана, съ этихъ полубаснословныхъ морей, гдѣ ихъ тяжелые корабли боролись съ муссонами? Подобное привѣтствіе не пришло бы никогда на умъ Нѣмцевъ, породы домосѣдовъ, флотъ которыхъ плаваетъ только въ предѣлахъ облаковъ и живописцы любятъ одною морскою силою Баклюизена.

Въ Швеціи, независимо отъ общеупотребительнаго выраженія *god dag*, «добраго дня», говорятъ *hur tar ni?*—слово въ слово, «какъ вы можете?» то-есть: сильны-ли вы? Говорятъ еще *gadsei lāv!* «Хвала Богу!» а вмѣсто прости, *far wål!* «будь здоровъ!»—тогда какъ Датчане употребляютъ выраженіе *lev-vel* «хорошо живите», обозначающее, по-видимому, болѣе степенныя привычки.

Англичанинъ, въ лицѣ котораго слилось столько различныхъ породъ, присутствовалъ на большомъ пиру языковъ, и унесъ отъ cadaго что-нибудь. Его эклектическое слово выиграло въ силѣ и плодovitости болѣе, чѣмъ потеряло кажущей оригинальности. Самыя причуды этого идиума, аномаліи его правописанія и произношенія служатъ доказательствомъ его совершенства. Дѣйствительно, неправильности грамматики и синтаксиса показываютъ степень богатства и красоты языка. Ихъ гораздо болѣе встрѣчаешь въ греческомъ языкѣ, нежели въ латинскомъ, во французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, нежели въ ирландскомъ или идиомѣ Огаити и Тонга-Габу. Что болѣе вѣрно чѣмъ *how do you do?* «какъ вы дѣлаете?» и *how are you?* «какъ вы находитесь?» Джона-Булля. *Дѣлать!* одно это слово заключаетъ всю эссенцію существованія производительнаго, національнаго и индивидуальнаго. *Дѣлать!* но это законъ, теорія и практика жизни, это самая жизнь; и это *дѣлать* такъ распространено между Англо-Саксами обонхъ полушарій, такъ извѣстно и принято, что они не спрашиваютъ у человѣка, какъ Нѣмцы «что ты дѣлаешь?» *was machst du?* но «какъ ты это дѣлаешь?» *Дѣлать* надо, это само по себѣ понятно; одинъ возможный вопросъ, это узнать, какъ ты дѣлаешь. Замѣтьте еще значеніе и объемъ другой фразы, *how are you?* «какъ вы находитесь.» Какъ это выраженіе общеупотребительно, повсемѣстно! Оно идетъ прямо къ цѣли, подобно стрѣлѣ; и, однако, оно поведетъ васъ далеко, если только вы дадите себѣ трудъ за нимъ послѣдовать. «Какъ вы есте?» Это, правду сказать, главный вопросъ, вопросъ по превосходству; это сокращеніе всѣхъ знаній человѣческихъ; ибо всѣ усилія разума, мысли, воображе-

нія, не имѣютъ другаго предмета, какъ только узнать это одно—какъ мы есмы!

Надо не имѣть доброй воли, чтобы не видѣть въ *hoo'sa'wīye?* «какъ все у васъ?» Шотландца, соединеніе радушнаго гостеприимства и національной осторожности. Легко узнаешь въ этомъ человѣка, который охотно пригласитъ васъ къ себѣ три раза на недѣлю обѣдать, но дважды удостовѣрится въ вашей подлинности, прежде чѣмъ выдастъ по ней деньги. Не менѣе явственъ характеръ въ «долгой жизни вашей чести!» «Да будетъ ложе ваше въ славѣ!» ирландскаго мужика; въ этомъ привѣтствіи отражается преувеличенный энтузіазмъ народа, одареннаго живымъ умомъ и чрезвычайно впечатлительностью, измѣненными вліяніемъ понятій, дѣйствующихъ болѣе на чувство и воображеніе, чѣмъ на разумъ.

Good bye, испорченное *God be with ye*, «да будетъ Богъ съ вами», удивительно какъ удалилось, въ своемъ дѣйствіи и настоящемъ примѣненіи, отъ первоначальнаго значенія. Выраженіе это испытало общую судьбу всего человѣческаго; ибо не должно упускать изъ виду, что всѣ привѣтствія первоначально были молитвами, слѣды чего они сохраняютъ еще въ своемъ образованіи; но, со-временемъ, молитва уступила мѣсто простому выраженію желанія, хотя даже и не измѣнилась старинная форма выраженія.

Старинное привѣтствіе, употребляемое во всей Англій, кажется, было *save you, sir!* «да сохранить васъ, господинъ!» Очевидно въ этомъ сокращеніе слова *God* (Богъ); въ началѣ привѣтствіе это было настоящею молитвою, постепенно превращавшеюся—и вѣроятно подъ вліяніемъ пуританъ, въ началѣ XVII столѣтія—въ простое выраженіе желанія. Но должно замѣтить, что англійское *how do you?* въ настоящее время повсемѣстное, восходитъ до Пантагенетовъ,—доказательство, какъ Англія рано достигла степени умственной силы, поставившей ее въ главѣ образованности.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Нынче въ большой модѣ въ журналахъ «Письма». Одинъ сообщаетъ ежемѣсячно своимъ читателямъ «Письма Новаго Поэта», другой—«Письма иногороднаго подписчика», третій—тѣже письма подъ названіемъ «Разныхъ разностей», четвертый—опять нѣчто въ родѣ Писемъ, подъ названіемъ «Петербургскаго Вѣстника».

Письма эти не требуютъ ни особеннаго таланта, ни особенныхъ усилій ума. Вслѣдствіе этого, явилось очень много охотниковъ съ предложеніями писемъ и для «Сына Отечества» *ничто въ родѣ Писемъ*.

Напрасный трудъ: «Сынъ Отечества» остается при «Мысли и Улыбкѣ».

Пріятели мои давно рѣшили, что я *оптимистъ* и—*optimе*. Лейбницъ, въ своей Теодицее старался доказать ту философскую и религіозную идею, что міръ, несмотря на *мнимыя* несовершенства въ частностяхъ, въ общемъ—совершененъ, и иначе быть не можетъ. Это мнѣніе и есть основа оптимизма, котораго уже во время оно придерживались стоики. На основаніи моего оптимизма, я всегда искалъ и буду во всемъ искать одно *хорошее*.... Если же иногда, по человѣческой слабости, и соскользнетъ съ пера моего шутка надъ смѣшнымъ или упрекъ дурному, то—вините въ томъ не меня, а моихъ пріятелей, которые видятъ во мнѣ безусловнаго оптимиста.

Иногда будемъ мы говорить и о тѣхъ *талантливыхъ* писателяхъ, которые весьма много теряютъ въ глазахъ людей благоразумныхъ, оттого, что благопріятели, для своихъ лич-

ныхъ выгодъ, возводятъ ихъ на пьедесталъ *гениевъ*, и, безпрестанно твердятъ о гениальной художественности ихъ произведеній.

Совѣтуемъ людямъ талантливымъ бояться этихъ похвалъ. Истинный талантъ самъ, безъ помощи барабанщиковъ и трубачей, прокладываетъ себѣ дорогу.

Не удивляйтесь моему длинному введенію.... Чтобы убѣдить васъ въ необходимости его, расскажу вамъ анекдотъ.

Во Франціи, есть такъ называемая *провинція*, гдѣ сплетни и пересуды достигаютъ иногда колоссальныхъ размѣровъ.

Лишь только явится въ провинціи пріѣзжій, за нимъ присматриваютъ, толкуютъ по-своему все поступки его, говорятъ объ немъ, предполагаютъ, догадываются, выдумываютъ, клеветуютъ.... Какого онъ званія? Имѣетъ ли состояніе? Чѣмъ занимается? Откуда? Куда? Зачѣмъ? Просто, нѣтъ терпѣнья!

Одинъ остроумный писатель, вслѣдствіе какихъ-то неприятностей или потерь, рѣшился удалиться на-время изъ столицы и поселиться гдѣ-то въ провинціи. Едва пріѣхалъ онъ туда, какъ пошли уже сплетни. Предположенія были тѣмъ нелѣпѣе, что писатель ни къ кому не являлся, ни съ кѣмъ не видѣлся. Наконецъ до него дошелъ слухъ о безконечныхъ толкахъ.

Какъ человекъ остроумный, онъ выдумалъ средство прекратить нелѣпыя сплетни, и въ одинъ прекрасный день все значительныя особы городка получили весьма учтивое приглашеніе пожаловать откушать хлѣба-соли къ Н. В.

Приглашенные удивились, но приняли приглашеніе и явились въ назначенный день. Обѣдъ былъ очень хорошъ, вина порядочная, подали шампанское; все гости были уже въ восторгѣ отъ хозяина, и осыпали его приглашеніями. Тогда Н. В. всталъ.

Господа, сказалъ онъ: мнѣ нужно сообщить вамъ нѣкоторыя весьма важныя подробности. Прошу благосклоннаго вниманія.

Наступило глубокое молчаніе.

— Я родился въ ***, продолжалъ хозяйствъ; зовутъ меня Н. В.

«Я служилъ въ ***; по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку.

«Въ настоящее время я занимаюсь литературой и пріѣхалъ сюда, чтобы кончить историческій романъ, въ четырехъ частяхъ.

«Сюжета романа я вамъ не рассказываю, потому-что со-временемъ вы прочтете его въ печати,

«Отецъ мой тоже находился въ гражданской службѣ; онъ умеръ тому четыре года. Матери я лишился будучи еще ребенкомъ. Сестра моя замужемъ за однимъ очень почтеннымъ помѣщикомъ. Есть у меня еще тетки и дядюшки; все люди порядочные, степенные и добрые.

«Мнѣ тридцать два года; я не женатъ. Впрочемъ предупреждаю васъ, что я женюсь только по любви, безъ всякихъ рекомендацій.

«Свахъ я боюсь, какъ огня.

«Я человекъ ни добрый, но и не злой; живу очень скромно; баловъ не люблю; въ карты всегда проигрываю, но въ большую игру и не играю.

«Я задолжалъ своему портному, и плачу ему по десяти рублей въ мѣсяць.

«Другихъ кредитовъ не имѣю.

«Брѣжусь я черезъ день.

«Я очень люблю хорошій лафитъ.

«Отъ кофе у меня бросается кровь въ голову.

«Страдаю я ревматизмомъ.

«Никакихъ другихъ особенностей я за собою не имѣю.

«Я рассказаль вамъ все это для того, чтобы вы не ломали себѣ по-пустому голову и не дѣлали нелѣпныхъ предположеній на мой счетъ. Затѣмъ, желаю вамъ всякаго благополучія.»

Говорятъ, что этотъ speech положилъ конецъ сплетнямъ.

* *

Объяснивъ вамъ такимъ-образомъ мое ветупленіе, я укажу вамъ нѣкоторыя литературныя новости. И въ этомъ отношеніи «Мысль и Улыбка» отличается отъ разныхъ Писемъ и Вѣстниковъ тѣмъ, что вовсе не говоритъ о «Сынѣ Отечества»,

предполагая въ читателяхъ столько вкуса и ума, что они сами съумѣютъ оцѣнить произведенія, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества».

Есть старинная пословица: «гречневая (или ржаная) каша сама себя хвалитъ.» Эту пословицу многіе употребляютъ въ видѣ урока хвастунамъ; но мнѣ кажется, что она имѣетъ другое, болѣе вѣрное значеніе; а именно: для любителя каши все похвалы ей излишни; подавайте ему только кашу, и она сама себя похвалитъ, то-есть она заслужитъ одобреніе своею доброкачествомъ.

* *

*

Отъ каши перейдемъ прямо къ «Проселочнымъ дорогамъ» — (безъ всякаго каламбура). Это новое произведеніе г. Григоровича напечатано въ «От. Зап.» Я прочиталъ до-сихъ-поръ только первую часть, и признаюсь, прочиталъ съ удовольствіемъ. Г. Григоровичъ обладаетъ неоспоримымъ талантомъ наблюдателя, и къ нему очень вѣрно можно примѣнить новозобрѣтенное (весьма неблагозвучное) названіе *жанриста*. Мелкіе рассказы г. Григоровича можно сравнить съ милыми картиночками французской школы тридцатыхъ годовъ, каковы на примѣръ: *Похороны нищаго*, знаменитая *Permission de dix heures*, и тому подобныя игрушки, въ которыхъ, кромѣ удачнаго исполненія, есть и мысль и чувство, но неприятно сжатая въ черезъ-чуръ узкой рамѣ. Болѣе серьезныя требованія почти убили во Франціи этотъ родъ (жанръ, genre) живописи. Художники поняли, что одного *намекъ идеи* недостаточно, и что только самое обширное, по возможности, развитіе ея можетъ придать произведенію вѣсъ и значеніе. Быть-можетъ, это самое убѣжденіе заставило и г. Григоровича написать романъ.

Достигъ ли онъ своей цѣли? Это нельзя еще опредѣлить по прочтеніи первой части, несмотря на то, что она довольно объемиста. Первая часть вся состоитъ изъ тѣхъ же маленькихъ *tableaux de genre* (характерныхъ картинокъ), связанныхъ между собою не какою-либо общою идеею, а единственно содѣйственными отношеніями дѣйствующихъ лицъ. Есть, правда, какіе-то смутныя намеки на проселочныя дороги, но авторъ бросаетъ ихъ

такъ, изрѣдка, какъ-бы только въ оправданіе заглавія сочиненія.

Обративъ вниманіе на форму романа, мы увидимъ, что г. Григоровичъ взялъ «Мертвыя души», прорисовалъ контуры ихъ сквозь стекло и затѣмъ принялся окончательно за отдѣлку собственными карандашами и красками. Между «Мертвыми душами» и «Проселочными дорогами» весьма много общаго: тотъ же рядъ картинъ разнороднаго быта помѣщиковъ, тѣ же характеры, тѣ же особенности и странности, съ тою разностію, что у Гоголя лица выступаютъ ярче, рѣзче, потому-что авторъ «Мертвыхъ душъ» смѣло вдался въ преувеличеніе, каррикатуру, а г. Григоровичъ еще робко выступаетъ; онъ какъ-бы ищетъ въ натурѣ типы, созданные Гоголемъ, находитъ нѣчто подобное и добросовѣстно рисуетъ съ натуры. Въ «Мертвыхъ душахъ» внутренняя грязь рѣзко обставлена внѣшнею грязью; лица Гоголя, почти все, внушаютъ отвращеніе, пугаютъ; читая «Проселочныя дороги», воображаешь, что встрѣчаешься съ тѣми же лицами, но уже шагнувшими впередъ, двинувшимися съ вѣкомъ.... У г. Григоровича проявляются уже и *свѣтскія манеры*, завезенныя изъ столицъ, и пристрастіе къ французскому языку, и безотчетная любовь къ чтенію. Даже гадкій типъ Петрушки Гоголя является у г. Григоровича въ видѣ камердинеровъ, задающихъ у себя вечеринки и бесѣдующихъ объ искусствѣ. Словомъ, между «Мертвыми душами» и «Проселочными дорогами» лежитъ цѣлое столѣтіе.

Романъ не конченъ, слѣдовательно о немъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго; нельзя же не замѣтить, что значительное число лицъ, выставленныхъ какъ-бы для полнѣйшаго сгруппированія картины, вовлекло автора въ нѣкоторое однообразіе.

* *

О романѣ «Богатый женихъ» г. Писемскаго нельзя до-сихъ-поръ ничего сказать: онъ тянется уже пятый мѣсяць, а между тѣмъ всего напечатано семь или восемь главъ, около 140 страницъ.

Не знаю, какъ вы, читатель, а я терпѣть не могу читать отрывки. На-примѣръ: въ одной и той же книгѣ журнала вамъ дадутъ: первую часть одного романа, маленькую повѣ-

стуску, двѣ главы другаго романа, одну пѣснь допотопнаго стихотворенія, да кромѣ того еще нѣсколько началъ безъ конца, да концовъ безъ начала! Сколько разъ случалось мнѣ самому обращать ваше вниманіе на *безконечныя* повѣсти или романы, а вы всегда отвѣчали, покачивая головою:

— А вотъ будетъ кончено, такъ за-разъ прочту!

Если вы говорите это о произведеніяхъ, которыхъ невозможно напечатать за-разъ и которыя печатаютъ ежемѣсячно въ благоразумномъ объемѣ, безъ примѣси другихъ однородныхъ статей, то какого же мнѣнія должны вы быть о тѣхъ издателяхъ, которые угощаютъ васъ на цѣлый мѣсяць однимъ листомъ одного тома, однимъ—другаго и т. д. ?

Прошу моихъ сосѣдей не принимать этого простаго замѣчанія за скрытое намѣреніе какого-либо *подрыва*. Вовсе нѣтъ: въ этомъ отношеніи я смотрю на журналъ какъ обыкновенный читатель, и убѣжденъ, что изъ ста читателей непременно 99 согласятся со мною.

* *

Г. Панаевъ напечаталъ въ «Совр.» первую часть своего романа «Львы въ провинціи». Остроумному автору многихъ ловко подмѣченныхъ картинъ петербургскихъ нравовъ не посчастливилось на этотъ разъ. Изъ первой части романа «Львы въ провинціи» ничего не явствуетъ: выведены какія-то приторныя, безхарактерныя лица, изъ которыхъ немножко выдается только лицо Захара Лаврентьича, страшнаго любителя уженья. Замѣчательно, что «Совр.» питаетъ особенное пристрастіе къ этимъ любителямъ, о которыхъ Бальзакъ отозвался довольно не лестно. Я готовъ назвать нѣсколько повѣстей, напечатанныхъ въ «Совр.», въ которыхъ являются любители уженья.

Три льва, пріѣзжающіе въ провинцію, лица весьма непріятныя, невнушающія къ себѣ никакого участія—по-крайней-мѣрѣ въ первой части. Авторъ питаетъ къ подобнымъ лицамъ особенное пристрастіе, потому-что на него *очень дѣйствуетъ наружность челоуька, его выпшняя оболочка.... Отъискивать внутреннія качества и достоинства людей подъ неловкою и неуклюжею выпшностію—и некогда, да и скучно....*

Вотъ далѣе собственныя слова автора:

«Если я вижу, на-примѣръ, господина съ свободными, смѣлыми движеніями, причесаннаго съ разборомъ назади, по-англійски, одѣтаго съ безукоризненнымъ вкусомъ, расхаживающаго по Невскому-проспекту какъ у себя дома и все съ извѣстными лицами, — я, вовсе еще не зная его внутреннихъ достоинствъ, уже чувствую къ нему сейчасъ невольное расположеніе: встрѣчая его, улыбаюсь ему привѣтливо, крѣпче жму ему руку, и хотя потомъ убѣждаюсь, что этотъ господинъ съ англійскою прическою и одѣтый съ безукоризненнымъ вкусомъ — пустѣйшій человекъ, но я все-таки по Невскому-проспекту прохаживаюсь съ нимъ рука объ руку, съ бѣльшею пріятностію, нежели рядомъ съ умнымъ и образованнымъ, но застѣнчивымъ и робкимъ человекѣмъ, на которомъ надѣтъ длинный сюртукъ....»

Станнымъ можетъ показаться это признаніе только тѣмъ, которые не увидятъ въ немъ тонкой ироніи. Правда, она такъ скрыта, что ее можно только угадать, и то на основаніи прежнихъ сатирическихъ статей г. Панаева. Говорю это въ предостереженіе тѣмъ читателямъ, которые могли бы вообразить, что все это сказано не въ-шутку.

Такъ точно авторъ «Львовъ» шутитъ, испещряя свое сочиненіе французскими словами и цитатами. Если авторъ пишетъ *impardonable* вмѣсто *impardonnable*, *petorisque* вмѣсто *pittoresque*, *destinduee* вмѣсто *destindue*, *можетъ сдѣлаться* *coup de soleil*, вмѣсто можно получить *coup de soleil* и т. п., то цѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ только шутитъ французскимъ языкомъ.

Благодаря этой шутливости, первую часть романа г. Панаева можно прочитать не безъ удовольствія, послѣ обѣда, отдыхая на мягкой эластической кушеткѣ и запивая душистую гаванскую сигару ароматнымъ мокка....

Принявъ за правило не хвалить того, что печатается въ Сынѣ Отечества изъ уваженія къ убѣжденіямъ добросовѣстныхъ читателей, я умалчиваю о *Деничикѣ*; скажу только, что драму Н. В. Кукольника даютъ двадцать—который-то разъ, и театр всегда поднесенекъ. Это ужъ не моя похвала, а—*vox populi*.

Въ массѣ разнородныхъ піесъ меня поразила маленькая, безпритязательная піеска, въ родѣ нынѣшнихъ *пословицъ*, подъ заглавіемъ: *И дружба, и любовь*. Это граціозное произведе-

ніе молодой писательницы г-жи Тальцевой (псевдонимъ). Было время, когда и я возставалъ противъ *писательницъ*. Я былъ тогда еще очень молодъ, и въ женщинѣ любилъ прежде всего—женщину. Я себѣ не могъ иначе вообразить женщину-писательницу, какъ почтенною барыней въ какомъ-нибудь юмористическомъ чепцѣ, въ классическихъ очкахъ, и даже съ философскою табакеркой.... По моимъ тогдашнимъ понятіямъ женщина-писательница не могла имѣть ни мужа, ни дѣтей, ни даже матери; мнѣ казалось, что она выросла себѣ такъ, въ одинъ прекрасный день, между чернильницей и песочницей, и прямо съ перомъ въ рукахъ....

Таковы были мои первыя понятія.

* *

Вдругъ одно обстоятельство вовсе сбilo меня съ толку. Это было въ Швейцаріи, въ Нѣшателѣ. Сажу я въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, въ которомъ не было ни той драгоценной мебели, ни тѣхъ великолѣпныхъ лампъ, ни того безконечнаго комфорта, о которомъ съ такою мелочною любовію рассказываютъ вамъ нѣкоторые писатели; но зато въ моемъ кабинетѣ были два окна, которыхъ я не промѣнялъ бы на все сокровища міра.

Представьте себѣ на первомъ планѣ четыре ряда мощныхъ, роскошныхъ деревь: липы и каштаны. За ними озеро, болѣе сорока верстъ въ длину и восьми верстъ въ ширину; озеро гладкое, зеркальное, свѣтло-изумруднаго цвѣта; на противоположномъ берегу, возвышенности, которая мы, жители равнинъ, смѣло называли бы горами; у подножія возвышенностей разбросаны города, деревни, какъ-бы выходящія изъ густой массы свѣжей зелени.... Колоритный очеркъ вершинъ возвышенностей рѣзко отдѣляется отъ темно-фіолетоваго фона другихъ, отдаленнѣйшихъ горъ, гордо поднимающихъ неприступныя, снѣжныя главы надъ облаками. Эти горы уже настоящія Альпы.... и изъ двухъ оконъ моего кабинета видна была вся цѣпь ихъ, отъ Юнфрау до Монблана....

И утромъ, когда бывало вы, мой милый денди, возвращаетесь домой, закутанные отъ сырости въ теплую шинель или пальто, усталые, измученные, полусонные, въ подобное утро я ча-

стенка уже былъ одѣтъ и, освѣженный крѣпкимъ, здоровымъ и непродолжительнымъ сномъ, взбирался на одну изъ возвышенностей и оттуда любовался дивной картиной.... Я видѣлъ, какъ золотился востокъ, какъ снѣжныя вершины покрывались розовымъ свѣтомъ.... Охваченный сначала утреннимъ холодомъ, я чувствовалъ, какъ мало-по-малу согрѣвали меня лучи солнца, достигавшіе наконецъ и до меня.... Боже мой, сколько душевнаго наслажденія, сколько истинныхъ радостей!

* *

Виновать; несмотря на всю любовь мою къ природѣ, я, кажется, увлекся модой, т.-е. то-же заговорилъ нѣкоторымъ образомъ о своей мебели, о своихъ *солнечныхъ* и *лучезарныхъ* лампахъ. Но что же дѣлать! Несказанно люблю мирную сельскую жизнь, гдѣ душѣ какъ-то привольнѣе, гдѣ на каждомъ шагу являются чудеса улучшеній, совершенствованій въ произведеніяхъ самой природы. Конечно, великія, глубокія мысли ведутъ и къ великимъ подвигамъ; это несомнѣнно; но такъ-какъ великія, глубокія мысли встрѣчаются весьма рѣдко, то я нахожу, что для нашего обихода *предметы* лучше *мыслей*. Тотъ, кто оплодотворяетъ клочокъ земли, кто улучшаетъ какое-нибудь растеніе, кто приспособляетъ къ новой почвѣ новое растеніе, гораздо выше и полезнѣе мудрствователей, придумывающихъ туманныя формулы для челоѣчества....

Въ лѣсу нѣтъ мѣстечка, которое не имѣло бы своего значенія; нѣтъ просѣки, нѣтъ чащи, которая бы не представляла нѣкотораго сходства съ лабиринтомъ челоѣческихъ мыслей. Если сомнѣніе вкралось въ вашъ умъ, если сердце ваше поетъ, ступайте—не на Невскій, нѣтъ! тамъ не ваше мѣсто,—ступайте въ лѣсъ, и посреди глухаго ропота его вы услышите величественный голосъ, утѣшительный или грозный.... но чаще утѣшительный. Вникните въ причину простаго, кроткаго, таинственнаго, такъ-сказать, ощущенія, овладѣвающаго вами, и вы, безъ сомнѣнія, найдете се въ простомъ и, вмѣстѣ, величественномъ зрѣлищѣ всѣхъ частей мірозданія, неизмѣнно повинующихся законамъ, предписаннымъ имъ съ самаго сотворенія міра....

Я никогда не забуду васъ, мои два окна, одинаково чистыя и свѣтлыя зимой и лѣтомъ и несокованныя холодною неподвижностью зимнихъ рамъ....

* *

Прошло еще нѣсколько времени и судьба свела меня съ нѣкоторыми женщинами-писательницами.... Все тогда исчезло!— Я встрѣтилъ умныхъ, добрыхъ женщинъ, вовсе неутомленныхъ усиліями ума, а въ полномъ цвѣтѣ женственной красоты—*mea culpa!*—прекрасныхъ женъ, рѣдкихъ, образцовыхъ матерей, — *mea culpa!*—*заботливыхъ* и *распорядительныхъ хозяйекъ*—*mea culpa!* *ressavi, ressavi, ressavi!*... Встрѣтилъ молодыхъ дѣвушекъ, прекрасныя и граціозныя существа, которыхъ сама природа надѣлила тонкимъ, эстетическимъ чувствомъ.... и женщины эти, и дѣвушки были—писательницы!

Виновать, и въ простотѣ душевной восклицаю: никогда больше не буду!

Пусть прекрасный полъ пишетъ, пускай печатаетъ, но одно условіе: во всѣхъ ея поступкахъ и дѣйствіяхъ женщина должна остаться—*женщиной*.

* *

Въ будущемъ мѣсяцѣ «Сынъ Отечества» познакомитъ читателей поближе со свѣжимъ и граціознымъ талантомъ г-жи Тальцевой.

Упомянувъ о миленькой піескѣ г-жи Тальцевой, нельзя не замѣтить что родъ такъ-называемыхъ *пословицъ*, *proverbes*, завладѣлъ петербургскою сценой. Любопытно то, что мода эта зародилась или, лучше сказать, возобновилась у насъ, въ Петербургѣ. Г-жа Алланъ, незабвенная артистка, столько лѣтъ очаровывавшая публику Михайловскаго-театра, первая обратила вниманіе на пословицы Альфреда Мюссэ и первая поставила одну изъ нихъ на сцену. *Жанръ* (удивительно пріятное слово!) этотъ понравился, принялся въ Парижѣ, а потомъ хлынулъ и на русскую сцену, вѣроятно, потому только, что

у насъ есть г-жа Самойлова 2-я. Чтобы удержать нѣсколько лавину *пословицъ*, грозящихъ погребсти все другія драматическія произведенія, напомнимъ читателямъ, что подобнымъ же нашествіемъ ознаменовалось начало 18-го столѣтія. Мода дошла до того, что даже *салонные* разговоры состояли изъ однѣхъ *пословицъ*. Это злоупотребленіе внушило графу Адриену де-Моплюку мысль написать *Комедію Пословицъ*. Эта комедія имѣла благодѣтельное дѣйствіе. Чтобы дать о ней понятіе, перевожу начало и конецъ:

Первая сцена:

ЛИДІАСЬ, *влюбленный.*

Повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить; они сѣяли, а мы пожнемъ; они упадутся, если не распадутся, потому-что ночь такъ темна, что хоть глазъ выколи, и мы застанемъ сороку въ гнѣздѣ.

АЛЕГРЬ, *его слуга.*

Такая, что зги не видать; пробираюсь ощупью; по домъ Флориды не за горами, и она, вѣрно, поджидаетъ насъ теперь, какъ кошка поджидаетъ мышку.

ЛИДІАСЬ.

Куй желѣзо, пока горячо; что съ возу упало, то и пропало; стучи громче и смѣльѣ; мать Флориды спитъ теперь какъ колода.

Последняя сцена пятаго дѣйствія:

АЛИЗОНЬ, *служанка.*

Прахъ тебя возми! У тебя зубы длиннѣе бороды; откуда тебя легкая несетъ? Губа у тебя не дура, да только и моя не изъ лыка шита.

ФИЛИПЕНЬ, *слуга, ея возлюбленный.*

Хороша ты, голубушка, при свѣчкахъ, а днемъ ужъ не то. Ну-ка, веселымъ пиркомъ, да и за свадѣлку. Спускайте занавѣсь, кончена комедія! Не понравилась она вамъ, такъ слѣайте подливку, или прикажите ее сварить или поджарить; еще не понравится, такъ—набоковую; другіе спасибо скажутъ. Прощайте, папенька и маменька, и вся честная компанія.

Многое въ этихъ двухъ отрывкахъ вовсе непереводимо, потому-что встрѣчаются пословицы и поговорки, какъ на-примѣръ: *у тебя зубы длиннѣе бороды*, которымъ нѣтъ соответствующихъ на русскомъ языкѣ.

* *
*

Говорятъ, что эта комедія приостановила на-время моду на драматическія пословицы, и слава Богу, потому-что всякое преувеличеніе не ведетъ къ добру. Стоитъ только захотѣть даровитымъ людямъ, и они найдутъ тысячу предметовъ необработанныхъ, нетронутыхъ.

Не находятъ достойныхъ предметовъ только тотъ, кто не хочетъ искать ихъ.

Это напоминаетъ мнѣ забавный анекдотъ про малороссійскаго мужика.

Продать этотъ мужичокъ на городскомъ рынкѣ возъ сѣна и закупилъ на вырученныя деньги горшковъ и другой домашней утвари.

Бдетъ онъ домой, улегшись, по обыкновенію, на возу и представивъ самимъ воламъ держаться дороги.

Столбовая дорога идетъ по широкой степи, которая, подобно морю, сливается на горизонтѣ съ небомъ.... Ни по ту, ни по другую сторону, ни малѣйшей неровности, ни даже дерева!... Широко, просторно, привольно! Только верстовыя столбы идутъ по прямой перспективѣ, все уменьшаясь, уменьшаясь, и, наконецъ, вовсе исчезаютъ въ синей дальности.

Идутъ себѣ волы мѣрнымъ шагомъ, встрѣчая по сторонамъ дороги сочныя травы; соблазняются они этимъ лакомствомъ и, пощипывая вкусную зелень, мало-по-малу уклоняются отъ

прямой липин, а мужичокъ спитъ себѣ, да спитъ... Вдругъ верстовой столбъ; возъ задѣлъ ва него, волю дернули покрѣпче, возъ на бокъ, ось пополамъ, горшки разбились въ дребезги....

Очнулся мужичокъ на землѣ, осмотрѣлся, увидѣлъ бѣду, ударилъ по столбу въ бѣшенствѣ и заревѣлъ во все горло:

— А, бисова тиенота! *Верстуву на самомъ шляху поставилы!*

Такъ и нѣкоторые писатели видятъ версту посреди необъятнаго поля жизни, которую мы вѣкъ будемъ изучать, и все не изучимъ вполнѣ!

* *

Не знаю, за что прогнѣвалась «Библиотека для Чтенія» на «Сынъ Отечества». Неужели только за объявленіе, скромное, и приличное? Въ объявленіи о продолженіи изданія «Сына Отечества» напечатана слово въ слово программа, безъ всякихъ *обещаній*; напротивъ: объявленіе говоритъ только о томъ, что было въ С. О., а не о томъ, что *будетъ*.

Это, какъ кажется, не понравилось Б. д. Ч.

Жаль, право, жаль.

* *

Въ январской книгѣ Б. д. Ч. помѣщены *письма иногороднаго подписчика о русской журналистикѣ*, со слѣдующею выноскою:

«**ПЕРВЫЯ 24** письма помѣщены въ журналѣ «Современникъ». Еслибы не было этой *эбурифантной* и *дезопилатной* (собственныя выраженія *иногороднаго подписчика*) выноски, то я въ 25-мъ письмѣ никакъ не узналъ бы автора 24-хъ пред-

шествующихъ! Съ другой стороны, въ «Современникѣ» въ письмахъ *Новаго Поэта*, я вижу того же *Иногороднаго Подписчика*, который называется уже *Новымъ Поэтомъ*. Право, удивительно.

* *

*

Письма же читаю охотно, потому-что я емотрю на нихъ, какъ на веселый разговоръ. *Новый Поэтъ* всегда расскажетъ вамъ что-нибудь и притомъ онъ самъ такъ наивно сознается въ своихъ недостаткахъ, что на него нельзя и сердиться.

Не таковъ *Иногородный Подписчикъ № 25*.

Онъ ведетъ рѣчь иначе; однакожъ изъ его письма, вы узнаете только то, что Сократъ узналъ послѣ долгихъ, глубокихъ размышленій...

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно изрѣченіе Сократа:

— Я знаю, что я ничего не знаю.

Когда-нибудь при случаѣ, въ лѣтнее время, когда все *перезажаютъ* на дачи, я сообщу и вамъ, мои читатели, *двадцать* *которое-нибудь* письмо *Иногороднаго Подписчика*. Онъ, вѣроятно, не откажетъ мнѣ.... Что ему стоить написать одно лишнее письмо—*иногородное*?

* *

*

Въ «Библиотекѣ для Чтенія» идетъ переводъ романа Евгенія Сю: *Миссъ Мері*, оконченный въ настоящей, февральской книгѣ «Сына Отечества».

Въ подлинникѣ романъ называется *Миссъ Мери*. Переводчику заблагоразсудилось назвать его въ «Б. д. Ч». *Гувернанткой*.

Надобно замѣтить, что *institutrice* вовсе не одно и то же, что *гувернантка*.

М О Д Ы.

(Изъ письма Марьи Ивановны.)

...Въ-продолженіе великаго-поста, мода, какъ извѣстно, отдыхаетъ въ Петербургѣ; нѣтъ ни баловъ, ни театровъ, въ нынѣшнемъ году даже не было концертовъ, на которыхъ стоило бы ей блеснуть своими выдумками. Мода отдыхаетъ, но отдыхаетъ какъ древній герой... какъ бишь его звали?... да тотъ, который проводилъ время въ «дѣятельномъ бездѣйствіи»: она путешествуетъ по магазинамъ Делиля, *Ville de Lyon*, окружила себя всѣми возможными Монитѣрами, Куррьерями, Сильфидами, и проч., думаетъ, изобрѣтаетъ, и передѣлываетъ парижскія фантазіи на Петербургскіе нравы, то-есть на нравъ Петербургскаго климата, капризный до крайности. Предсказываю тебѣ, милая кузина, что ты будешь въ восторгѣ отъ весеннихъ шляпокъ изъ розоваго граденапля, съ вышитыми по тюлю бортами: лучше этого нельзя было ничего придумать! Шляпки эти будутъ имѣть огромный успѣхъ. Это, покамѣсть, единственная новость.... и то будущая, секретъ модистокъ, который онѣ берегутъ до перваго весенняго дня.

Платья для выѣздовъ, вообще, очень просты; корсажъ, большею частію, высокій и закрытый.

Для утреннихъ визитовъ, вошли въ моду шерстяныя матеріи; на вечерахъ, преобладаетъ шелкъ во всѣхъ видахъ: гладкій атласъ, муарѣ, репсъ и полосатая шотландская тафта; бархатныя платья окончательно предоставлены очень пожилымъ... просто, бабушкамъ, которыя выѣзжаютъ въ свѣтъ, любоваться на побѣды своихъ внучекъ.... начитъ, милая кузина, бархатное платье для насъ обѣихъ—непростительный анахронизмъ.

На одномъ изъ послѣднихъ баловъ, я видѣла прелестное тюлевое платье съ множествомъ волановъ, обшитыхъ въ два или три ряда узенькою атласною лентой. Оно было надѣто сверхъ атласной юбки.

Все, что касается бѣлья, нынче дѣлается съ неслыханною роскошью: юбки украшаются шитьемъ до колѣнъ. Носовые

платки чрезвычайно-малы; кажется, ихъ берутъ только для того, чтобъ держать что-нибудь въ рукахъ: вотъ какъ, преувеличеніе или, пожалуй, преуменьшеніе часто удаляетъ вещи отъ настоящей цѣли!

Большіе воротнички рѣшительно вошли въ моду; ихъ называютъ рыцарскими, à la chevalière. Можешь видѣть ихъ на портретѣ Камоенса, на иллюстрированномъ Донъ-Кихотѣ, на любомъ рыцарѣ среднихъ вѣковъ.

P. S. Чуть не забыла важную новость. Дмитрій Львовичъ, который три года безнадежно ухаживалъ за Т — ской, женится на ней. Непостижимо! Она находитъ его ловкимъ, развязнымъ, и въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій Львовичъ вдругъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Говорятъ, будто это превращеніе произошло оттого, что онъ получилъ наслѣдство; но это выдумка. Я слышала стороною, что онъ обязанъ счастливою перемѣной портному Флорану, который снова явился на горизонтѣ моднаго свѣта, на углу Малой Морской и Невскаго-проспекта, и сшилъ очаровательный фракъ Дмитрію Львовичу.

Подумаешь, отъ какихъ причинъ бываютъ важныя послѣдствія!

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ *изумительно дешевыя* изданія лучшихъ французскихъ и англійскихъ писателей, украшенныя множествомъ иллюстрацій.

Въ книжномъ магазинѣ **ВАСИЛЬЯ ИСАКОВА**, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Католической Церкви.

CATALOGUE DES OUVRAGES ILLUSTRÉS

En vente à la Librairie française et russe de

BASILE ISSAKOFF,

à Saint-Petersbourg.

PERSPECTIVE DE NEWSKY, VIS-A-VIS L'ÉGLISE CATHOLIQUE.

OEUVRES ILLUSTRÉES DE BALZAC.

<i>Titres des ouvrages.</i>	Prix des ouvrages brochés.	
	r.	c.
Le Cousin Pons	—	30
Les secrets de la princesse de Cadignan.	}	25
Le colonel Chabert		
Une ténébreuse affaire		
Pierre Grassou	}	30
Sarrazine		
Esquisse d'homme d'affaires		
La Recherche de l'absolu	}	35
Un Episode sous la Terreur		
Le père Goriot	}	30
Z. Marcas		
César Birotteau	—	30
HISTOIRE DES TREIZE. Ferragus	}	1 35
" " " la duchesse de Langeais		
" " " la Fille aux yeux d'or		
La maison Nucingen.	}	20
Les Comédiens sans le savoir		
Etude de femme	—	20
Un Prince de la Bohême	—	20
Eugénie Grandet	}	25
Le Chef-d'œuvre inconnu		

Будетъ продолженіе.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

В. П. ПОЛЯКОВА,

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Сухопной-линіи,
подъ № 17.

ПРОДАЮТСЯ:

Цѣны на серебро.

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССИИ, со времени основанія Государства до кончины Императрицы Екатерины II. Соч. графа Дмитрія Толстаго. Книга эта, посвященная Государю Императору и удостоенная Императорскою Академіею Наукъ полной Демидовскою преміею, представляетъ картину развитія финансовой системы въ Россіи и заключаетъ въ себѣ систематическое изложеніе всѣхъ частей одной изъ самыхъ сложныхъ отраслей государственнаго управленія. С.Пб. 1848 г. Цѣна на веленовой бумагѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к

ИСТОРИЯ СУДЕБНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ РОССИИ, объясняющая начало, составъ, образъ дѣйствій и права всѣхъ судовъ, существовавшихъ со времени основанія Россійскаго Государства, съ полнымъ изложеніемъ производства дѣлъ во всѣхъ инстанціяхъ современныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ. Соч. Константина Троцины. С.Пб. 1851 г. Цѣна 2 р. и съ пересылкою.

БЕСѢДЫ о седми епископальныхъ таинствахъ православныя католическія Церкви. Евсевія, епископа самарскаго. Изданіе второе. С.Пб. 1850 г. Цѣна 1 р. 50 к. вѣс. за 3 фун.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СКОРБИ И БОЛѢЗНИ, Евсевія, епископа самарскаго. Изданіе второе С.Пб. 1849 г. Цѣна 80 к. съ перес. 1 р.

О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ. Четыре книги Фомы Кемпійскаго. Переводъ съ латинскаго графа М. М. Сперанскаго. С.Пб. 1848 г. Цѣна 1 р. 50 к

СТРАДУЮЩІЙ И УМИРАЮЩІЙ ИСКУПИТЕЛЬ. Благочестивыя размышленія и бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа на каждый день. 1848 г. Цѣна 1 р.

О ГСВѢНІИ по уставу православной Церкви. Соч. Дебольскаго. С.Пб. 1850 г. Цѣна 85 к. съ перес. 1 р.

ПЕРВАЯ СЕДЬМИЦА великаго-поста, или краткія поученія на каждый день первой седмицы великаго-поста. Евлампія, Епископа Вологодскаго и Устюгскаго. Москва. 1852 г. Цѣна 75 к.

РАДУЙСЯ БЛАГОДАТНАЯ, ГОСПОДЬ СЪ Тобою! Благочестивыя размышленія о рожденіи, земной жизни и взятіи на небо Пресвятой Дѣвы Маріи. Съ 20-ю молитвенными возношеніями къ Пресвятой Божіей Матери. Москва. 1848 г. Цѣна 1 р.

АПОСТОЛЫ. Выпускъ первый, содержащій въ себѣ очерки жизни и ученія святыхъ Апостоловъ Петра, Андрея и Іакова, брата Іоанна Богослова. Соч. Ф. Яковлева. Москва. 1849 г. Цѣна 1 р. 50 к.

ВСЕСМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО для учащихся французскому языку по методѣ Лакоте и объясненія къ этой методѣ. С.Пб. 1852 г. Цѣна 1 р. и съ пересылкою.

Г. закупающіе книжками и другими библиотечками могутъ высылать свои требованія съ частію причитающейся по списку суммы.

Г. иногородные, желающіе имѣть книги съ переплетъ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 к. сер., въ сафьяномъ французскомъ корешкѣ 40 к. Если книги вострѣются форматомъ въ 4-ю долю листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Г. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще, какъ прежде издаваемыми, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изысканіямъ словесности, каходящимся въ моемъ магазинѣ, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.